

К 300-летию города Клинцы

*Автор проекта и составитель сборника
Р. И. Перекрестов*

КЛИНЦОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

КНИГА 1

*Исследования
Документы
Воспоминания*

Издание второе,
исправленное и дополненное.

г. Клинцы, 2007

Клинцовский летописец: Сборник. – Кн. 1. Издание второе, исправленное и дополненное. – Клинцы: 2007 г. Издательство Клинцовской городской типографии. 501 с. с иллюстрациями.

Сборник “Клинцовский летописец” – первая книга в историко-документальной серии, посвященной прошлому города Клинцы Брянской области.

В книге представлены исследования краеведов, документы из архивов и частных коллекций, воспоминания.

Книга адресована тем, кто изучает историю города Клинцы, Стародубья, Брянской области и кто преподает краеведение.

Помощь в издании книги оказали:

Администрация города Клинцы.

Бондаренко Александр Андреевич.

Жмурин Василий Андреевич.

Литвяков Виктор Иванович.

Нижникова Евлалия Ивановна.

Перекрестова Анна Георгиевна.

Савченко Николай Дмитриевич.

Охраняется законом РФ
об авторском праве.

ИД № 00838 от 25.01.2000 г.

ISBN 978-5-88898-340-9

© Р.И. Перекрестов, 2007

© Издательство Клинцовской
городской типографии, 2007

К читателю

История города Клинцы берет начало в 1707 году. За три столетия в Клинцах переплелились судьбы людей разных культур, разных религиозных воззрений.

Первыми пришли в Малороссию и стали заселять слободу Клинцы крестьяне центральных уездов России и посадские люди из Костромы, Москвы, Орла. Это были старообрядцы, религиозная обособленность которых позволила сохранить в новом окружении самобытный уклад и культуру центральной России.

Активная торгово-предпринимательская деятельность старообрядцев способствовала быстрому экономическому росту слободы. В 1740–1750 годы в слободе работала школа для “детей обывателей”. В 1760-е годы десять семей обывателей “питание имели от иконописного мастерства”. Уже в 1782 году слобода Клинцы стала посадом. Клинцовские купцы, скопившие капитал на торговле конопляным маслом, мылом, польским сукном, в 1785–1786 годах открыли три типографии для переиздания старопечатных церковных книг.

Тесные экономические связи клинцовских купцов с Москвой, Санкт-Петербургом, Ригой, Варшавой, с городами Польши, Германии поддерживали и удовлетворяли культурные запросы населения посада на уровне столичных городов России, способствовали усвоению вкуса и моды немецкого и польского мещанства.

С созданием в Клинцах в 1830-х годах текстильной промышленности здесь стали селиться семьи специалистов-текстильщиков, выходцев из Польши, Германии, Австро-Венгрии. Уже во втором поколении представители римско-католического исповедания стали вступать в смешанные браки со старообрядцами, привнося в жизненный уклад жителей посада высокую культуру быта.

Существенное влияние на жизнь посада оказало переселение в Клинцы евреев во второй половине XIX столетия. К началу XX столетия евреи составляли пятую часть населения посада.

С середины XIX столетия посад Клинцы стал сначала источником работы, а затем и очагом культуры для местного малороссийского крестьянства.

Высокий уровень экономики, тесные экономические связи со всей Россией и с Европейским зарубежьем, взаимопроникновение культур создали особый тип клинчанина-провинциала: грамотного, предприимчивого, с высокими культурными запросами.

В 1903 году в посаде Клинцы с населением чуть более 12 тысяч человек сумма оборота фабрично-заводской промышленности превышала 6 000 000 рублей, торговых предприятий – 3 000 000 рублей, а

Клинцовский летописец

кредитных учреждений – 2 000 000 рублей (из доклада Головы города В.А. Федотова в 1907 году). В начале XX века в посаде было 7 крупных фабрик, 1 завод, до сотни мелких предприятий, три больницы, 7 церквей, 3 синагоги, 16 начальных и средних учебных заведений, в их числе две гимназии и среднетехническое училище. Посад был связан железной дорогой и телеграфом со всей Россией, в посаде работали электростанция, почта, телефон, театр, два кинематографа, две типографии, народная библиотека, печаталась местная «Клинцовская газета». Сотни семей имели собственные домашние библиотеки.

В 1925 году посад Клинцы стал городом. В течение XX столетия в городе Клинцы продолжала развиваться легкая промышленность: текстильная, кожевенная, обувная, трикотажная, швейная. Наряду с этим получили развитие машиностроение, радиотехническое производство, пищевая промышленность. Город Клинцы стал крупным промышленным и культурным районным центром Брянской области. Сотни клинчан стали учеными, организаторами производства, деятелями культуры. За три столетия жители Клинцов своим трудом и ратными подвигами много сделали для умножения славы Родины, оставив заметный след в истории России. Как всякий провинциальный город, Клинцы – город самобытный, разнообразный, противоречивый.

В сборнике представлены разные документальные источники: переписи населения слободы Клинцы, публикации прошлых столетий, которые не переиздавались, письма, воспоминания. Документы снабжены пояснениями. Значительное внимание при составлении сборника уделено научным исследованиям краеведов, подготовленным на основе подлинных документов.

В последующих книгах составитель сборника ставит целью опубликовать документы, хранящиеся в семейных архивах клинчан и в коллекциях краеведов – это родословные, семейные хроники, мемуары, биографии, купчие крепости, завещания, письма, метрические записи, дневники, свидетельства, грамоты, наградные листы, дипломы, фотографии, судебные дела, пригласительные билеты и другие документы.

Читатели, располагающие соответствующими историческими документами, могут сообщить об этом или выслать копии документов по адресу: г. Клинцы Брянской области, ул. Октябрьская, д. 45. Краеведческий музей. Директору.

Р. И. Перекрестов

1707–1907 г. г.

200-
летие

п. К л и н ц о в

Черниговской губернии
Суражского уезда.

М. В. Д.

КЛИНЦОВСКИЙ
ГОРОДСКОЙ
ГОЛОВА

*

Марта 14 дня 1907 г.

Доклад Городского Головы
В. А. Федотова,
заслушанный в заседании
Клинцовской Городской Думы
22 марта 1907 г.

В Клинцовскую
Городскую Думу

ДОКЛАД

Текущий 1907 год для посада Клинцов – год знаменательный, год исполнения 200-летия существования посада.

Из дел, сохранившихся в архиве Городского Управления, оказалось возможным извлечь сведения о том, что слобода Клинцы основана в 1707 году при небольшой реке Туросне, в 50-ти верстах от полкового города Стародуба. Первоначально осаживал слободу крестьянин Костромского уезда, Дворцовой Государевой Даниловской волости, приселка Николы Хабарова Василий Афанасьев Клинцов, от которого слобода и получила свое название¹.

За отсутствием в архиве документальных свидетельств и осадных документов, подобных тем, которые встречаются в других слободах и посадах, можно допускать, что Василий Клинцов с то-

¹По переписи описных Государевых Старообрядческих слобод, произведенной в 1729 году командированным нарочно для сего капитаном Брянчаниновым. (В. А. Ф.).

О происхождении названия слободы см. статью Р. И. Перекрестова «О происхождении топонима Клинцы» на стр. 15 (Р. И. П.).

варищами поселился здесь произвольно¹, имеются лишь указания, что поселок образован в дачах Бунчукового товарища Ивана Лаврентьевича Бороздны, причиною-же поселения здесь выходцев из России можно считать общее стремление Московских старообрядцев к эмиграции, начавшееся еще в XVII столетии, как следствие преследований Правительством старой веры и направлявшееся главным образом в Литву, Польшу и Малороссию, лесная глушь которых служила некоторой гарантией против всякого рода сысков и погони. Стародубье представляло для беглецов старообрядцев особенно важные удобства и в смысле отдаленности края от административных центров, и в смысле легкости пробраться сюда; кроме того, находясь близ рубежа, Стародубье представляло полную возможность, в случае надобности, бежать в Польшу, минуя заставы, а потом, возвратясь, записаться выходцами из заграницы.

Вначале Бороздна не обратил внимания на своего рода захват части его владений, что вполне и естественно, принимая во внимание громадную обширность их², но около 1715 года быстрое развитие слободы натолкнуло его на мысль о возвращении захваченной собственности, но было уже поздно, так как указами Императора Петра I в 1715 году все земли, занятые старообрядцами в Малороссии, были за ними укреплены и в том же году включены в оклад произведенной для этого переписью³.

По имеющимся сведениям, в 1729 году слобода Клинцы состояла всего из 17 дворов, но уже в то время при слободе Клинцах значился завод «Посадского человека, Ивана Григорьевича сына Соболящикова, а в оном заводе делают юфты и белая кожи, из которых пьют сапоги немецкие, русские и рукавицы».

Только с 1735 года, то есть со времени разгрома известного центра старообрядчества слободы Ветки и переселения жителей ее в Стародубския слободы, началось собственно развитие Клинцов⁴,

¹Мнение ошибочное и обусловлено отсутствием у докладчика соответствующих исторических документов. См. статью Р. И. Перекрестова «К вопросу о законном или самовольном поселении слободы Клинцы». Стр. 28 (Р. И. П.).

²То же. См. стр. 28 (Р. И. П.).

³Перепись произведена полковником Ергольским (В. А. Ф.).

⁴М. И. Лилеев показал в своем исследовании ошибочность такого мнения. «По вполне точным и официальным данным – по табели секунд-майора князя Мещерского, хранящейся в Харьковском историческом архиве, в 1735 году из Ветки выведено 13 942 человека обоого пола». За вычетом умерших и бежавших, все жители Ветки «были разосланы по внутренним областям России». При этом местные власти следили за тем, чтобы в старообрядческих слободах Стародубья не селились беглецы. См. Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII-XVIII века. Киев, 1893, с. 302-312 (Р. И. П.).

усилившееся затем с 1764 года после второй «Ветковской выгонки»¹.

По ведомости, представленной в 1767 году Клинцовским войском Сергеем Скорняковым в комиссию, учрежденную в Стародубском полку для сочинения «Генеральной описи», слобода Клинцы оказывается уже с наличным населением свыше 1 200 душ, кроме весьма значительного числа причисленных к слободе Клинцам бездомных обывателей, жительствующих в разных местах, и большого числа отлучившихся по паспортам на заработки, причем в ней насчитывается 87 жилых дворов, 142 бездворных жилых изб и находящихся впусе дворов и бездворных изб, оставленных жителями, переселившимися в степные места – 120. Кроме того, значится 3 часовни, и в одной версте от слободы – двор с мельницей и кожевенным заводом купца Осокина.

В 1782 году слобода Клинцы по распоряжению Правительства переименована в посад и тогда же последовало открытие посадской Ратуши.

До первой четверти XIX столетия жители занимались разного рода промыслами и развозной торговлей, распространенной ими даже за пределы Русской границы, около же 1814 года в Клинцы возвратился из Польши некто Лихоманов – Клинцовский же обыватель, торговавший до отечественной войны сукном в царстве Польском, и заводит здесь первую суконную фабрику.

¹ «Ветковской выгонкой» названы в исторических памятниках того времени административные распоряжения о возвращении вооруженною силою в пределы Империи старообрядцев, перешедших за Польский рубеж. Ветка в продолжение почти целого века была знаменитым центром старообрядчества. Под общим названием Ветки, в данном смысле, надо разуметь не только саму слободу Ветку (ныне в Гомельском уезде Могилевской губернии), но целую местность, заселенную старообрядческими слободами. Местность эта находилась в те времена за русскою границею, в польских владениях. Первыми старообрядцами на Ветке были беглецы во время правительницы Софьи. Блеск и процветание Ветки обратили на нее внимание русского Правительства и в 1733 году указом Императрицы Анны Иоанновны. Ветковцы приглашались возвратиться на места своих прежних поселений. Когда на это и на повторенное в следующем году приглашение ветковцы не откликнулись, то полковнику Сытину было приказано отправиться туда с войском и силою вывести беглецов. Это было исполнено, и Ветка была разорена, но через некоторое время возникла снова в прежнем виде. При Императрице Елисавете Петровне вышел манифест, приглашавший ветковцев возвратиться в Россию; то же приглашение было повторено при Петре Федоровиче и Екатерине II. Но безуспешно. В 1764 году генералу Маслову было приказано произвести погром Ветки, что он и исполнил так успешно, что после второй «выгонки» Ветка утратила всякое значение в истории старообрядчества и главную роль стало играть Стародубье (В. А. Ф.).

Клинцовский летописец

Прошло более 20 лет и никто из Клинчан примеру Лихоманова не последовал, предпочитая производству торговлю в России, царстве Польском и даже Китае провозными Прусскими и Польскими сукнами, и только польский мятеж и последовавшее затем сильное повышение пошлин на ввозимые сукна, побудили этих торговцев к открытию собственных фабрик в своем родном посаде.

Приблизительно в это же время купцом Широковым начато в Клинцах механическое производство чулков и фуфаек.¹

По сведениям, имеющимся за 1862 год, в Клинцах числится уже 1 088 дворов при 7 386 душ населения, в том числе:

Старообрядцев	—	5 301
Единоверцев	—	1 118
Православных	—	925
Католиков	—	6
Лютеран	—	36.

Кроме значительного числа окрестных крестьян, работавших на местных фабриках.

Фабрик же и заводов:

— 13 суконных с чис. раб. в 2990 душ при год. об. до 1336650 р.	
— 10 чулочных ----- 222 ----- 63500 р.	
— 5 кож и саф. ----- 55 ----- 38270 р.	
— 3 чуг.-лит. ----- 50 ----- 20000 р.	

Кроме того:

— до 100 мастерских, работавших чулки и фуфайки из материалов, даваемых фабрикантами и особыми промышленниками-скупщиками,

— 14 кирпичных и гончарных заводов,

— 1 свечной, всего с числом рабочих до 247 душ, при год. об. до 77 500 р.

ВСЕГО же с числом рабочих до 3 554 душ при годовом обороте до 1 535 920 р.

На фабриках этих работают уже 19 паровых двигателей, всего на 226 сил, из них 8 заграничных и 11 местной постройки, преимущественно завода механика-самоучки Варфоломеева. Крупнейшими суконными фабрикантами того времени были Степунин, Кубарев, Сапожков и Черкассков, а из чулочных — Барышников.

По тем же сведениям видно, что в Клинцах были особенно развиты следующие промыслы:

Сапожный, с годовым оборотом до 50 000 руб.	
Каретный,	10 000 ...
Кузнечный,	10 000 ...
Столярный,	6 000 ...
Иконописный,	4 500 ...

¹Ст. Гутмана. Черниговск. Губерн. вedom. 1852 г. № 17. (В. А. Ф.).

Земледельцев в Клинцах было очень мало, огородничество удовлетворяло только местную потребность, садоводством же, выражавшемся в снятии в аренду садов, преимущественно в уезде, занималось до 100 домохозяев.

Купеческих капиталов в 1862 году было объявлено: 2-й гильдии – 5 и 3-ей – 58.

Лавок числилось 75 с годичным оборотом, кроме оборотов ярмарочных, до 78 950 рублей.

В том же году в Клинцах имелось 3 учебных заведения:

- а) школа П.А. Пагельса, в которой обучалось до 60 детей,
- б) женская школа Севастицкой с преподаванием французского языка, рукоделий и танцев с 12-ю ученицами,
- в) школа под управлением единоверческого священника отца Мамонтова, в которой обучалось 19 учеников.

Почтовое отделение открыто в Клинцах с 1854 года, а телеграф проведен в 70-х годах. Вольная аптека открыта с 1860 года.

В 1887 году п. Клиницы соединен с центрами России железной дорогой.

В административном отношении посад Клиницы с введением в действие общих учреждений о губерниях, был подчинен земской полиции, а с 1847 года находился уже в заведывании особых полицейских чиновников.

Кроме того, до 1754 года Клиницы, как вообще слободы Стародубья, находились в главном заведывании Киевской Губернской канцелярии, а в каждой слободе мирскими приговорами избирались войты.

В обязанности войтов входило, между прочим ведение верных списков наличного слободского населения, которые в форме особых ведомостей или компутов¹, которые представлялись начальству.

Войты же собирали определяемый мирскими раскладками годичный оклад, наблюдали за правильностью отбытия слобожанами разных повинностей и за внутренним порядком в слободе.

В 1754 году слободы были поручены заведыванию особым управителей, первым из которых был некто Морозов².

¹Под именем «компутов» известна генеральная подворная опись Малороссии, составленная по распоряжению Румянцева в конце XVIII века. (В. А. Ф.) («Компуты» – это казачьи списки. См. Ал. Лазаревский «Описание Старой Малороссии». Т. I. Полк Стародубский. К. 1888. «Предисловие», с. XI (Р. И. П.).

²По представлению Киевской Губернской канцелярии Сенат, постановлением от 7-го марта 1754 года, определил: «Быть правителем Малороссийских слобод, под ведомством Киевской Губернской Канцелярии, Секретарю Василию Морозову, бывшему раньше при делах Малой России в комиссии экономии» (В. А. Ф.).

В 1782 году, как я указал выше, в Клинцах открыта посадская Ратуша¹, в которой и сосредоточилось управление посадом, причем предметы общественного хозяйства ведались соединенными собраниями купцов и мещан, а с 1873 года введено Городовое положение, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное 16-го июня 1870 года, и всеми делами общественного хозяйства ведала уже исключительно Дума и посадская Управа².

Учрежденное же одновременно мещанское управление составлял мещанский староста, обязанности которого ограничивались выдачею паспортов, созывом мещанских Собраний в таких случаях, как прием в общество мещан, желающих приписаться, или увольнение из общества и т.п.

С введением Городового Положения, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 11-го июня 1892 года, на Городское Управление возложено и исполнение установленных обязанностей по мещанскому Управлению³.

Не могу обойти молчанием и такого значительного факта, как существование в Клинцах, более ста лет назад, книгопечатания.

Первая типография была устроена здесь в 1786 году. Принадлежала она Железникову и Рукавишникову, но главный основатель книгопечатания в Клинцах был Федор Карташев с товарищами,

¹Была представлена бурмистром и двумя ратманами (Р. И. П.).

²Городовое положение 1870 г. как составная часть реформ 1860-70-х годов преследовала цель создать условия для подъема Городского хозяйства и привлечь к работе в органах Городского Самоуправления предпринимателей. Избирательное право было предоставлено лицам, достигшим возраста 25 лет и платившим в пользу города налоги и сборы. Городовое положение заменило сословные органы городского управления всесословными. Городская Дума выполняла функции распорядительного органа, Городская Управа — исполнительного. В городах Городской Голова возглавлял Думу и Управу, координируя их работу. В посадах — Посадский Голова (Р. И. П.).

³Закон о реформе Городского Самоуправления сузил круг городских избирателей в пользу наиболее состоятельной части населения. Налоговый ценз заменен имущественным. Существенно ограничены права и независимость органов городского самоуправления. Городской Голова по-прежнему совмещал руководство Думой и Управой. Для мелких городов и посадов введено, так называемое, «упрощенное управление».

«По предложению г. Министра Внутренних Дел от 5.06.1893 года № 5141, согласно Высочайше утвержденному 6 мая списку городских поселений Европейской России, в коих должно быть введено упрощенное Общественное Управление... в посаде Клинцах — по ст. 92 положения, то есть с заменю Городской Управы Городским Головою и помощником его и с возложением на городское управление исполнения установленных обязанностей по мещанскому управлению» (Р. И. П.).

зажиточными купцами того времени, братьями Филатом и Федором Аксеновыми и Афанасием Голубятниковым.

Типография, как видно из указа Новгородсверского наместнического правления Клинцовской Ратуше от 4 августа 1785 года, была заведена специально для перепечатки старых церковных книг. Книги, напечатанные в этой типографии, пускались в продажу сначала без всякого свидетельства, затем свидетельствовались «Членами Суражского Земского Суда». Затем в течение некоторого времени печатание книг было запрещено, и неоднократно проводились конфискации инструментов и литер, но печатание книг все же продолжалось, причем содержанием тайной типографии был сын Федора Карташева – Аким. В 1801 году 2-го июля ВЫСОЧАЙШИМ Указом было повелено типографии в Клинцовском посаде быть по прежнему, но с тем, чтобы печатание книг проводилось с ведома Святейшего Синода. В 1803 году по представлению Архиепископа Ярославского Павла типография снова запрещена, но продолжала существовать тайно, и только в 1819 году окончательно уничтожена, причем инструменты и литеры проданы в Москву.

В виду того, что главное население посада составляли старообрядцы, естественно, что и первые молитвенные дома и церкви были старообрядческие.

По летописи Ветковской церкви Беляева значится, что в слободе Клинцах была часовня «Ветковского согласия» со времени основания самой слободы. По источникам же, которые послужили для настоящего доклада, удалось узнать, что в начале XVIII столетия здесь существовали 3 молельни и несколько так называемых «Келий», представлявших собою в некотором роде монашеские общины, из которых даже нынешним старожилам особенно памятны общины княжны Гагариной и Пустынская.

Вслед за тем основаны два мужских монастыря «Св. Николая Чудотворца» при самом посаде и «Красноборский Иоанна Предтечи» или иначе называемый «Полоса» в 15 верстах от него¹.

В 1760 году в слободе Клинцах построен храм во Имя преподобного Сергия. Антиминс для храма этого был вывезен из Польши каким-то священником Иоанном, но в 1776 году храм этот сгорел.

¹В Николо-Пустынском монастыре было две церкви: Преображенская и Никольская. Первая была будто бы после первой Ветковской Выгонки перевезена из Гомеля и была первою старообрядческой церковью в Стародубье. Строителем Никольской церкви считают игумена Николу (в беличестве Никита Матвеев Поляков, донской казак), умершего в 1809 году 109 лет от роду. Преображенская церковь сгорела в 1853 году, а Никольская – в 1880 году, после того в трапезной устроена другая, тоже в честь Св. Николы (В. А. Ф.).

В 1780 году священником Даниилом освящена новая церковь во Имя Вознесения Господня, а в 1787 году Новозыбковским священником Даниилом при Вознесенской церкви освящена новая теплая церковь во Имя Архистратига Михаила. К этому времени относят и постройку церкви во Имя Св. Троицы.

В 1801 году Староста Вознесенской церкви Иван Козьмич Карташев воздвиг деревянную колокольню, высота которой, крепость и легкость и до настоящего времени останавливают на себе внимание.

В 1835¹ году начата была постройка первой и единственной до сего времени православной Петро-Павловской церкви, окончена она была в 1848 году, а освящена 3 февраля 1849 года.

Дело народного просвещения начало заметно развиваться только в конце XIX столетия. По сведениям за 1862 год, на которые я уже ссылался, в Клинцах числилось три школы с числом учащихся не превышавшим ста человек, кроме них существовали, без правительственного разрешения, школы у так называемых «мастериц», пользовавшиеся большой популярностью среди старообрядцев.

Из «мастериц» этих в то время особенно славились две келейницы-мастерицы, Ефросинья и Ираида, устроившие в Клинцах нечто вроде старообрядческого пансиона для обоого пола детей. У них учились дети не только местных слобожан, но и привозились даже из соседних губерний.

Затем постепенно открыты следующие учебные заведения:

В 1877 году – мужское Городское 2-х классное Училище, преобразованное с 1-го Января 1902 года в 3-х классное².

В 1895 году, 24-го Сентября, Ремесленное Училище³, преобразованное с 1-го Июля 1903 года в Среднее семиклассное Механико-Техническое с низшею при нем ремесленную школою. В 1896 году Городское Приходское 2-х классное женское училище, содержимое исключительно на средства посада.

В 1903 году Городское Приходское Мужское Училище, 2-х классное Церковно-Приходское Училище при Вознесенской церкви и женское учебное заведение 2-го разряда, преобразованное уже в 1-во разрядное с программой Министерских Гимназий.

В 1906 году, бесплатная Школа для бедных детей, содержимая на средства Клинцовского общества пособия бедным⁴.

¹По-видимому, в тексте ошибка, строить церковь начали в 1845 году (Р. И. П.).

²Училище помещалось сначала в уцелевшем здании сгоревшей фабрики Зубова (Р. И. П.).

³Построено на месте сгоревшей суконной фабрики Кubarева по улице Кумпановка (Пушкинская). Теперь это здание текстильного техникума (Р. И. П.).

⁴В настоящее время 4-я средняя школа в Городском парке (Р. И. П.).

Кроме того, имеются:

Три церковно-приходских школы при Петро-Павловской, Вознесенской и Троицкой церквях.

По сведениям за 1906 год во всех этих учебных заведениях числится 50 учителей и учительниц; а учащихся мальчиков 899 и девочек 303 – всего 1202.

В 1882 году в Клинцах открыт Городской Общественный Банк с основным капиталом в 10 000 рублей. На первое января сего года имелось уже:

Основного капитала – 79 485 руб. 36 коп.

Запасного капитала – 11 576 руб. 74 коп.

Оборот банка за 1906 год выразился в сумме – 1 150 791 руб. 92 коп.

Прибыли за тот же год получено – 10 578 руб. 95 коп.

Больниц в Клинцах две и обе содержатся на средства местных фабрикантов для нужд своих рабочих, кроме того, имеется земский амбулаторный пункт.

По сведениям, собранным в конце 1903 года, в Клинцах числится 1 940 усадебных мест и дворов, а жителей 12 398 душ, в том числе:

Старообрядцев	–	5 526	душ обоего пола
Православных	–	3 568
Единоверцев	–	878
Лютеран и католиков	–	74
Евреев	–	2 223

В настоящее время в Клинцах, не считая мелких мастерских, числится:

Суконных фабрик – 6

Пенько-прядильных ткацких – 2

Чулочных – 4

Маслобойных завода – 3

Чугуно-литейных механических – 2

Кромочное заведение – 1

Кожевенных – более 10

Общее число рабочих на фабриках, заводах и мастерских достигает 5 000 человек

Сумма оборота фабрично-заводской промышленности превышает 6 000 000 рублей, торговых предприятий – 3 000 000 рублей, а кредитных учреждений – 2 000 000 рублей.

Хотя в настоящее время, по сравнению с данными за 1862 год, фабрик по количеству и меньше, но обставлены они несравненно лучше и производительность их во много крат больше.

В заключение упомяну о бывших в Клинцах больших пожарах.

В 1777 году пожаром истреблено до 300 домов. В 1798 году

Клинцовский летописец

вновь истреблено пожаром 400 дворов. В 1872 году 28-го Апреля сгорели: фабрика Кубарева, дом, в котором помещалась Посадская Управа и Дума, Почтовое отделение, 30 торговых лавок и 363 дома разных обывателей.

Тесные рамки доклада удерживают меня от более широкого описания нашего посада, да и без того я вероятно утомил внимание Думы, но обойти молчанием переживаемый юбилей не мог и считал своим долгом напомнить о нем и предложить Думе обсудить вопрос об ознаменовании этого важного исторического для жизни посада события.

Доклад свой я позволяю себе закончить подлинными словами Секретаря Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета г. П.П. Маевского, составившаго описание нашего посада в 1863 году, из котораго извлечены многие данные для настоящаго доклада:

«Посаду Клинцам предстоит широкая будущность и важное значение в грядущей жизни России и ея мануфактурной промышленности, но развитие этого промышленнаго пункта тесно связано с общим Государственным Прогрессом. Чем скорее и правильнее мы будем идти по пути гражданских реформ, тем скорее и лучше разовьется гражданственность и в этом отдельном пункте. Чем больше железных дорог и телеграфов будет проведено в Империи, тем успешнее будет идти его коммерческое развитие, чем больше, наконец, прольется просвещения в массы нашего народа, если оно проникнет и в такие далекие и темные углы, каков этот посад, тем прочнее благосостояние его жителей, их семейный быт и счастье будут упрочены».

Слова эти были высказаны почти полвека назад и только теперь, благодаря Милостивому Манифесту 17 Октября 1905 года, мы находимся накануне исполнения этих пожеланий: введения широких гражданских реформ и распространения образования.

Городской Голова В. Федотов.

Подлинный текст «Доклада» взят из личного архива краеведа П.М. Храмченко и подготовлен к опубликованию Р.И. Перекрестовым.

О происхождении топонима «Клинцы»

Р. И. Перекрестов

Топоним «Клинцы» как название слободы впервые появляется в документах 1715 года, спустя 8 лет от начала заселения слободы¹.

В переписи обывателей государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года приводится имя первопоселенца, осаживавшего слободу: «Оную слободу сначала осаживал Костромского уезду Дворцовой Государевой Даниловской волости крестьянин приселка Николы Хабарова Василей Афонасьев сын Клинцов»².

На первый взгляд связь между названием слободы и фамилией человека, осаживавшего слободу, очевидна.

Если же рассматривать топоним «Клинцы», как производное от имени человека «Василий Клинцов», то невольно возникают лингвистические затруднения. Законы русского языка подсказывают, что поселение следовало бы называть слобода «Клинцова», или слобода «Клинцовая», подобно тому, как одна из улиц города некогда носила название «Клинцовая». То есть, топоним должен был бы отражать «единственное число», в то время как топоним «Клинцы» свидетельствует о множественном числе.

Происхождение названия слободы становится более понятным при сравнительном изучении переписей обывателей слободы Клинцы 1729 (капитана Брянчанинова) и 1736 годов (майора Павлова).

В переписи обывателей слободы Клинцы 1729 года приведены имена трех однофамильцев, владельцев собственных дворов:

– В записи, предваряющей перепись обывателей слободы Клинцы, помещен текст, приведенный выше. «Оную слободу сначала осаживал Костромского уезду Дворцовой Государевой Даниловской волости **крестьянин приселка Николы Хабарова Василей Афонасьев сын Клинцов**»³. Имена других однофамильцев приведены ниже в «скасках», взятых при опросе жителей дворов:

– «Во дворе (9,0) Василей Афонасьев сын **Клинец** 62 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости **крестьянин деревни Якуниной**, пришел в 707-м году»⁴.

– «Во дворе (10,0) Павел Афонасьев сын **Клинец** 55 лет, Кост-

¹См. «Дело о переписи и обложении податью раскольников Стародубского полка». ЦГИА Укр. Киев. Ф. 59, оп. 1, д. 14, лл. 1-18.

²РГАДА. Ф. 248, оп. 29, кн. 1797, лл. 105-116 об.

³Там же, л. 105.

⁴Там же, л. 107.

ромского уезду Дворцовой Государевой волости **крестьянин приселка Николы Хабарова**, пришел в 707-м году»¹.

Все трое пришли на поселение слободы в 1707 году, а в 1715 году были переписаны полковником Г. Ергольским, о чем сказано в переписи капитана Брянчанинова в 1729 году.

К моменту переписи Брянчанинова, то есть к 1729 году, в слободе Клинцы из трех первопоселенцев с фамилией Клинец остались только двое: Василий Афанасьев сын Клинец «из деревни Якуниной» и Павел Афанасьев сын Клинец «из приселка Николы Хабарова». Василий Афанасьев Клинцов «из приселка Николы Хабарова» в 1729 году слободе не проживал и никаких сведений о его судьбе в тексте «скаска» не дано: был ли он «в бегах», «отлучился», или «умер». Несмотря на различие написания фамилии, очевидно, что все трое – родственники. Все они из «Дворцовой Государевой Даниловской волости». При этом двое: Василий Афанасьев сын Клинцов и Павел Афанасьев сын Клинец из приселка Николы Хабарова, а второй Василий Афанасьев сын Клинец из деревни Якуниной, расположенной в 1 версте от деревни Хабарова и 2 верстах от погоста Хабарова Даниловской волости Костромского уезда.

Различие написания фамилий: «Клинцов», «Клинец» обусловлено неточностью в записях переписчика. Так, в тексте «скаска», где запись сделана со слов опрашиваемого жителя слободы, фамилия звучит: «Клинец». Там же, где переписчик дает «свое» пояснение к тексту, фамилия получает окончание «ов»: «Клинцов». Сравним записи. На листе 107, в «скаска», записанной со слов владельца двора, сказано: «Во дворе Василей Афонасьев сын **Клинец** 62 лет». А на листе 112, предваряя «скаска» обывателей, живущих во дворе Василия Клинца, переписчик делает уточняющую запись: «Во дворе у Василея **Клинцова**: сосед...». Так же поступил переписчик и с фамилией слободского войта (бурмистра) Павла Клинца. В «скаска», взятой со слов владельца двора – слободского войта, переписчик записал: «Павел Афонасьев сын **Клинец** 55 лет...»². В начале текста «скаска» в сноске на полях записал: «О сей слободе скаска за руками бурмистра Андрея Панова (и) той слободы бурмистра Павла **Клинцова** ...»³.

Переписчик, когда записывает фамилию в именительном падеже, пишет: «Клинец». При образовании формы родительного падежа следовало бы писать: «Клинца», но переписчик пишет: «Клинцова». При возвращении от формы родительного падежа: «Клинцова» к именительному падежу неизбежно появление записи «Клин-

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, кн. 1797, л. 107 об.

²Там же, л. 107 об.

³Там же, л. 105.

цов». При таком «вольном» использовании падежных окончаний переписчиком фамилия «Клинец» легко превращается в фамилию «Клинцов».

Поэтому более вероятно, что «Василий Клинец» «из приселка Николы Хабарова» также носил фамилию «Клинец», а не «Клинцов».

Следующая перепись жителей слободы Клиницы (майора Павлова), состоявшаяся в 1736 году, еще раз убеждает, что обыватели слободы с фамилией «Клинец», не называли себя «Клинцов».

В записи, предваряющей перепись, где помещались сведения, кем и когда была населена слобода, в отличие от переписи 1729 года уже не приводится имя Василия Клинцева из приселка Николы Хабарова, который «осаживал» слободу. Так же, как и в 1729 году, нет его среди обывателей слободы.

При описании дворов находим, что «Василей Афонасьев сын Клинец», который в 1729 году сказал, что он из деревни Якуниной, записан теперь «Василей Афонасьев сын Середя 70 лет». То, что это один и тот же человек, свидетельствует «соседское» окружение. Во дворе Василия Афанасьева сына Середы живут те же «соседи», какие жили 7 лет до того во дворе «Василей Афонасьева сына Клинец 62 лет». Он по-прежнему «холост» и прибавка в возрасте соответствует разнице в годах между двумя переписями¹.

Владелец другого двора, Павел Афанасьев сын Клинец, в 1736 году стал старше на 7 лет, овдовел, живет с детьми. Имена домочадцев в обеих переписях совпадают².

Но в переписи 1736 года появляется новое действующее лицо с фамилией Клинец. Сначала переписчик сообщает, что «Во дворе новоопределенного вышедшего из-за границы у Василия Афанасьева сына Клинца живет вдова Богорадова, сосед Еремей Грезин» и другие³.

Чуть ниже приводится описание семьи хозяина этого двора и говорится: «в той слободе Клиницы определен на житье ... вышедший из-за границы ... Василий Афонасьев сын Клинец, он же Павлов, 80 лет, Костромского уезду житель из села Мохова крестьянин помещика князя Дмитрия Петровича Володынского и оттоль вышел в Малороссию тому лет с 60» ... «жена Василиса Тимофеева дочь, ... сын Осип»⁴.

А через несколько листов в разделе, где приведены сведения о всех бежавших ранее из слободы жителях, переписчик записал:

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, е.х. 1838, л. 389.

²Там же, л. 392.

³Там же, л. 390 об.

⁴Там же, л. 396 об.

«Василей Афонасьев сын Павлов з женою Василисою, з детьми Иваном и Осипом... был в бегах, окладу на нем было 3 рубли. И оной Василей из бегов возвратился в 1734 году»¹.

Василий Афанасьев сын Клинец-Павлов родом из той же Даниловской волости Костромского уезда, откуда бежали его родственники Клинцы. Село Мохово отстоит от погоста Хабарова в 4 верстах, а от деревни Хабарова в 5,5 верстах.

В отличие от переписчика 1729 года, переписчик 1736 года ставит фамилию Клинец в родительном падеже – Клинца. Переписчик 1736 года нигде не использует фамилию «Клинцов» – «Клинцова», подтверждая наше предположение, что первопоселенцы слободы называли себя фамилией Клинец, а не Клинцов.

Таким образом, в списке однофамильцев появился третий Василий Клинец, полный тезка двум предыдущим Василиям.

Более правильным следует признать, что три Василия Афанасьева по фамилии Клинец – родные братья. На это может указывать то, что один из братьев в 1736 году стал называть себя «Середа». Так принято было называть среднего сына, носившего одно имя с братьями. В перепись 1729 года, в отсутствие в слободе старшего и младшего братьев, Василий Клинец не прибегал к этому «различительному» прозвищу. В 1736 году, когда в слободу вернулся старший брат-тезка, Василий вынужден был назваться «Середой». Подобным образом поступил старший тезка Василий Афанасьев сын Клинец, добавивший к своей фамилии различительное прозвище «Павлов».

Старший Василий Клинец-Павлов отсутствовал в слободе Клинцы несколько лет. Слободу он покинул между переписью 1718 и переписью 1729 годов. Возможно, вместе с ним ушел из слободы другой младший брат Василий Клинцов (Клинец), который был «из приселка Николы Хабарова» и известен как осадчий слободы. Все эти годы Василий Клинец-Павлов провел за границей в Польше. Это очевидно, поскольку в «скаске» 1736 года сказано, что Василий Клинец-Павлов со своим семейством определен в слободу Клинцы «указом из канцелярии министерского правления». Канцелярия, согласно Высочайшему указу, заселяла старообрядческие слободы Стародубья только выходцами из-за границы Польши.

В слободу Клинцы из-за польской границы не вернулся старший сын Василия Клинца-Павлова, Иван. Возможно, там же за границей остался Василий Афанасьев сын Клинцов (Клинец), который «из приселка Николы Хабарова».

По возвращении в слободу Клинцы в 1734 году Василий Афанасьев сын Клинец-Павлов не поставил новый двор, а занял свой

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, е.х. 1838, л. 405.

прежний двор с живущими во дворе «соседями». Если в переписи 1729 года двор отсутствующего Василия Клинца-Павлова возглавлял Константин Иванов сын Грезин 75 лет, то в 1736 году сын Константина Грезина – Еремей Константинов сын Грезин со своим семейством живет в одном дворе с Василием Клинец-Павловым и числится в его «соседях». Имена других «соседей» внутри этого двора прежние.

Сведения о первопоселенцах слободы
с фамилией Клинец:

— Василий Афанасьев сын Клинец-Павлов, 1656 г.р., из с. Мохова.

— Василий Афанасьев сын Клинец-Середа, 1667 г.р., из деревни Якуниной.

— Василий Афанасьев сын Клинцов (Клинец), г.р.(?) – из приселка Николы Хабарова – он «осаживал» с 1707 года слободу Клинцы.

— Павел Афанасьев сын Клинец 1674 г.р., из приселка Николы Хабарова. Войт слободы в 1729 году.

История семьи с фамилией Клинец заканчивается 1736 годом. Через 30 лет в перепись 1767 года потомки первых поселенцев слободы назвались фамилией Клинцов, изменив прежнее написание фамилии Клинец.

Подводя итог обзора переписей слободы Клинцы за 1729, 1736 и 1767 годы, можно отметить, что слободу Клинцы в 1707 году заселили несколько семей с фамилией Клинец (4 семьи). Осадчим и первым войтом слободы был Василий Афанасьев сын Клинец (Клинцов) «из приселка Николы Хабарова». В 1729 году войтом слободы был Павел Афанасьев сын Клинец (Середа) «из приселка Николы Хабарова». Таким образом, вся полнота местной слободской власти в течение почти 30 лет была сосредоточена в руках родственников-однофамильцев.

Братья Клинцы стали первопоселенцами слободы, братья Клинцы в течение нескольких лет были в своей слободе наиболее многочисленной группой родственников-однофамильцев, братья Клинцы определяли, кому и где отвести землю под усадьбу, под пахоту, сенокосы, братья Клинцы делали раскладку налогов. Братья Клинцы были первыми войтами (старостами) слободы. Естественно, слобода, где жили братья Клинцы, стала носить их имя.

Топоним «Клинцы» – памятник людям, носившим забытую с годами фамилию «Клинец».

ИСТОЧНИКИ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА СТАРООБРЯДЦАМИ СТАРОДУБЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Р. И. Перекрестов

Экономическое преуспевание старообрядцев Стародубья в XVIII–XIX вв. ставит вопрос об источниках накопления первичного капитала с первых лет поселения в Малороссии.

Румянцевская опись 1767 года показала, что среди обывателей старообрядческих слобод Стародубья с населением, приближающимся к 20 тысячам душ, проживало значительное количество семей, владеющих капиталом от 100 до 1 000 и более рублей и пользующихся ежегодно кредитом почти в таком же размере. В 1782 году в ходе административной реформы в Малороссии несколько старообрядческих слобод получили статус посада, тогда же обыватели этих слобод записались в мещанство и в купечество. В посаде Клинцы, например, в Клинцовское купечество записалось 83 семьи, при том, что еще 10 семей числилось в Московском, Тульском, Крыловском, Могилевском и Чугуевском купечествах. Следовательно, в 1782 году в посаде Клинцы из 641 семьи 93 семьи (14,5%) принадлежали к купеческому сословию¹.

Быстрый рост и экономический подъем старообрядческих поселений Стародубья в середине XVIII века связывается с переселением в 1740-1750-х годах из-за польского рубежа большого числа торгующих крестьян, а также высокой доходностью приграничной торговли.

Мы попытались провести оценку экономического состояния населения старообрядческих поселений в первой трети XVIII столетия по материалам переписи обывателей государевых описных раскольничьих слобод, проведенной в 1729 году.

На те несколько десятилетий, которые предшествовали переписи 1729 года и нашли в ней свое отражение, приходится время наиболее активного переселения старообрядцев из центра России в Малороссию. В эти десятилетия происходило включение переселенцев в экономическую жизнь Малороссии, приспособление к особенностям местного рынка, накопления капитала старообрядцами. И, наконец, это было время, когда основное население старообрядческих слобод было представлено в основном беглецами из центральных областей России, а число переселенцев из-за польской границы составляло меньшинство населения.

В 1715-1718 годах старообрядческое население Стародубья было

¹ЦГИА Укр. Киев. Ф. 206, оп. 3, д. 7393, лл. 1-112.

переписано полковником Григорием Ергольским и «обложено в оклад». Тогда же старообрядческое население вместе с освоенной ими землей изъято из владельческой собственности прежних владельцев и объединено в единую «государеву волость описных раскольничьих слобод». Перепись Ергольского в полном объеме не сохранилась. Ближайший по времени документ, включавший некоторые сведения о «промысловой» деятельности населения и состоянии налогообложения обывателей, дает перепись 1729 года, при составлении которой капитан Иван Брянчанинов брал за исходный документ перепись полковника Г. Ергольского.

Ергольским было выявлено в Стародубском и в Черниговском полках 526 дворов «раскольников», расселившихся в 16 слободах. «Оклад с земли», произведенный в 1718 г. с полного дворового числа, составил 1 519 рублей. При этом имелось в виду, что в каждом дворе проживает условно четыре мужских души, облагаемые налогом. К 1729 году из всех слобод убыло 73 двора, вновь явилось 90 дворов и 4 двора образовались по разделу из старых дворов. Таким образом, в 1729 году в государевой раскольничьей волости было 547 жилых дворов. В них проживало 831 семья. Несмотря на увеличение числа дворов и обывателей, государева описная волость до 1729 года продолжала платить оклад 1 519 рублей¹.

В деле «О переписи и обложении податью раскольников Стародубского полка», хранящемся в Киевском центральном государственном историческом архиве, имеются сведения, что в 1715 году в марте 21 дня в местечке Мглин на собрании войтов всех описных слобод, созванных для зачтения указа Великого Государя о положении жителей слобод в оклад, «оных слобод войты и крестьяне били челом, чтоб Великий Государь указал: с них... подворно оклад не писать, того ради, что те их слободы грунтою пропашною землею не равны, и были они не за одним владельцем, и поборы с них брать неравные, и о том окладе станут они стараться сами, чтоб той положенный оклад собирать им самим по усмотрению с кого что мочно будет взять, чтобы тот оклад был плачен по вся годы бездоимочно»².

Разрешение было получено, и слободские войты разверстали «оклад с земли» не по дворам, а по семьям и «по препорции пожитков их» с учетом числа мужских душ. Оклад по семьям был более справедлив, поскольку во многих дворах проживало до 8-10 семей родственников и соседей.

Перепись 1729 года, проведенная через 14 лет после «обложения в оклад», отразила состояние посемейного налогообложения обывателей, которое все эти годы находилось в ведении слободского правления: войтов и выборных. Как показала перепись, ставки «оклада» семьи колебались от 25 копеек до 6-7 рублей.

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 218 об.

²ЦГИА Укр. Киев. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 7.

Оценивая платежеспособность каждой семьи, войты должны были брать в качестве эталона определенную ставку налога, принятую в государстве. Такой ставкой был размер оклада одной мужской души в количестве 72,2 копеек, использованный в 1715-1718 годах при расчете оклада с 526 дворов обывателей. (1 519 рублей : 526 дворов = 2 рубля 88,8 копейки : 4 мужских души каждого двора = 72,2 копейки).

При таком подходе к оценке платежеспособности семей оказалось, что значительное число обывателей платит налог из расчета более 72,2 копеек на одну мужскую душу. Например, Шапошников, обыватель слободы Тимошкин Перевоз, при наличии в семье 7 мужских душ платит оклад в размере 5 рублей 50 копеек, что в пересчете на одну мужскую душу составит 78,5 копеек. Линева, житель той же слободы, имея в семье 2 мужских души, платит оклад в размере 2 рубля 75 копеек, что составляет 1 рубль 75 копеек на одну мужскую душу.

Следовательно, семья обывателя, налог с которой в пересчете на одну мужскую душу составлял 72 копейки и более, должна быть отнесена к обеспеченной и даже зажиточной. Семья, налог с которой в пересчете на одну мужскую душу был ниже 72 копеек, можно отнести к малообеспеченной. Семьи, освобожденные от уплаты налога «за скудостью», — бедные.

Взяв в расчет это условие и оценив каждую семью, мы выявили, что «обеспеченные» семьи составляли 45,1% от числа всех семей (375 из 831), малообеспеченные — 37,7% (314 из 831). Семей бедных и не выплачивающих налог «за скудостью» и по другим причинам — 15,8% (132 из 831). Следовательно, почти половина населения слобод имела хороший достаток. О зажиточности обывателей слобод было хорошо известно губернатору. В деле 1715 года сохранилось письмо Киевского губернатора с упреком Ергольскому и Безобразову в том, что не все дворы с первого раза переписаны и «переписка ваша зело плоха», поскольку «обложили раскольщиков» только на 1 014 рублей, а «известно, что они люди богатые»¹.

Из чего же складывался доход слобожан? Прежде всего, хозяин каждого двора имел надел пахотной земли «в три смены ржи» по-севом площадью до 3 десятин и более, огород и сенокосы. Земли в Стародубье были мало пригодны для эффективного хлебопашества, на них выгодней было выращивать лен и коноплю. Поэтому без дополнительного источника заработка жителям старообрядческих слобод было не прокормиться. Судя по переписи 1729 года, из 831 семьи государственной волости 288 семей (34,6%) дополнительно к земледелию занимались промыслами.

Представление о значении того или иного промысла в жизни обывателей старообрядческих слобод дает следующая таблица:

¹ЦГИА Укр. Киев. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 18.

Занятость населения старообрядческих слобод Малороссии
разными видами промыслов и торговли
по материалам переписи 1729 года

Торговля, промысел	Число семей, занятых промыслом и торговлей	Доля разных видов деятельности (в %) от числа 288 семей, заня- тых промыслами
<i>Торговали:</i>		
Железом	1	0,3%
Крашенной	1	0,3%
Известью	1	0,3%
Пенькой	1	0,3%
Мелочным товаром	1	0,3%
Холстами	1	0,3%
Косами	1	0,3%
Москательным товаром	2	0,6%
Рыбой	3	1,0%
Солью	7	2,4%
Рыбой и солью	2	0,6%
Дегтем	48	16,6%
Конопляным маслом	165	57,2%
<i>Промысел:</i>		
Иконопись	1	0,3%
Изготовление бочек	1	0,3%
Харчевный промысел	1	0,3%
Сыромятный	2	0,6%
Кушнерский	2	0,6%
Варили мыло	2	0,6%
Шили сапоги	2	0,6%
Держали мельницы	2	0,6%
Пекли пряники	2	0,6%
Шили рукавицы	4	1,3%
Кожевенное производство	4	1,3%
Резали ложки и деревян- ную посуду	6	2,0%
Кузнецкий	11	3,8%
Изготовление саней	14	4,8%
Всего семей	288	

Все виды промыслов, представленные в переписи, можно отнести к тем промыслам, что обеспечивают удовлетворение внутреннего спроса жителей слобод. Какой объем капитала обращался в каждой конкретной семье, в переписи не сказано. Доподлинно известно, что одна семья московского купца Соболящикова, проживавшего в Клинцах, занималась промышленным изготовлением кож и торговала ими в разных малороссийских городах.

Обращает внимание, что из 288 семей, занятых торговлей и промыслами, 165 семей (57,2%) «торгуют маслом конопляным». Несомненно, что предпочтение этого вида торгового промысла другим было обусловлено высокой доходностью от продажи масла. Конопляное масло вывозилось за границу. Высокий спрос на растительное масло на территории Польши и Пруссии обусловлен был не пищевыми запросами населения, а запросами ткацкой промышленности, переживавшей в это время бурное развитие в европейских государствах. Для обработки 1 пуда грязной шерсти требовалось от 5 до $8\frac{1}{2}$ фунтов жидкого мыла. Ткацкая промышленность для мытья шерсти поглощала тысячи пудов мыла, на изготовление которого шли жиры растительного и животного происхождения. Таким образом, в начале XVIII века конопляное масло было экспортным товаром, приносящим доход торгующим крестьянам Малороссии. С торговлей конопляным маслом было сопряжено массовое изготовление саней, телег и бочек, освоенное, главным образом, в слободе Ардонь. Масло, доставляемое на рынки Польши и Пруссии, сбывалось вместе с саями и бочкотарой. Более всего торговля конопляным маслом в 1729 году была развита в слободах: Еленке (28% от всех живущих в слободе семей), Лужки (27%), Климова (42,6%), Зыбка (34%), Свяцкая (48%), Тимошкин Перевоз (17,3%), Клинцы (14,8%), Шеломы (14%). В 1729 году 10 из 16 войтов «раскольничьих» слобод занимались торговлей конопляным маслом, 3 — торговали дегтем¹.

В 1729 году старообрядцы либо еще не осознали выгоду торговли мылом, либо не владели достаточным капиталом. При высокой стоимости исходных материалов и реактивов (животный жир, конопляное масло, зола или известь, растворимое стекло, канифоль, ультрамарин, сурик) мыловарение требует значительного оборотного капитала².

В 1729 году на всю государеву раскольничью волость Малороссии только две семьи в слободе Ардонь занимались мыловарением. К 1767 году ситуация изменилась. В слободе Клинцы из 32 «алей-

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797.

²Оценка недвижимых имуществ Черниговской губернии. Ч. 3. М.В. Ох-рименко. Оценка фабрик. Чернигов. 1886, с. 104, 177.

ных изб» 9 – «стояли впусе». Из 23 производителей конопляного масла только 3 семьи возили масло за границу. Остальные производители сбывали масло на месте. Потребителями конопляного масла стали владельцы мыловарен, некогда занимавшиеся продажей конопляного масла за границу. Теперь 7 семей мыловаров одной слободы Клинцы изготовляли в год 3 100 пудов мыла, сбывая его в Польшу и Пруссию¹.

Примечательно, что поселившись в Стародубье на рубеже XVII–XVIII веков, старообрядцы не вторгаются в сложившийся рынок торговли льняным и конопляным волокнами, находившийся в руках стародубских купцов и Стародубской полковой администрации. Чтобы конкурировать с местными купцами, требовались значительные капиталы, каковых не было у беглецов из центральной России. Старообрядцы находят рыночную нишу и успешно заполняют ее, накапливая торговый капитал от продажи конопляного масла за границу.

Перепись 1729 года свидетельствует, что в торговле конопляным маслом и других торговых операциях старообрядцы действуют с размахом. Уверенность и размах предпринимательской и торговой деятельности видны из дела «О переписи и обложении податью раскольников Стародубского полка в 1715 году». На собрании представителей слобод 21 марта 1715 года в местечке Мглин, «оных слобод войты и все крестьяне били челом, чтобы им по указу Великого Государя вольно было ездить к Москве, и в Московские города, и за границу, и в Санкт-Петербург, и в Ригу ради торговых своих промыслов»².

Таким образом, в своей челобитной в 1715 году старообрядцы Стародубья заявили, что заграничный рынок сбыта товаров ими освоен. Царский указ нужен был старообрядцам для беспрепятственного получения паспортов в Стародубской полковой канцелярии или же в создаваемом волостном правлении государевых описных раскольниковых слобод.

Оценивая ранний период накопления торгового капитала старообрядцами Стародубья, нельзя исключить, что отдельные семьи бежали из России в Малороссию, имея с собой определенный, накопленный в России торговый капитал.

При оценке переписи 1729 года обращает внимание, что население недавно заселенных (после 1700 года) слобод более занято промыслами, чем население «старых» слобод, заселенных в конце XVII века. Например, занятость населения промыслами в «старых» слободах: Еленка (основана в 1684 г.) – 33,6%, Воронок (1691 г.) –

¹ЦГИА Укр. Ф. 57, оп. 1, д. 117.

²ЦГИА Укр. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 7.

12,9%, Лужки (1694 г.) – 29,3%, Шеломы (1695 г.) – 17,5%. В то же время в некоторых относительно «молодых» слободах торговая и ремесленная активность населения значительно выше: в слободе Климова (основана в 1708 г.) – 45,9%, Свяцкая (1714 г.) – 70,3%, Ардонь (1710 г.) – 55,5%, Радуль (1708 г.) – 86,6%. Новоселы этих слобод, пришедшие в Стародубье из центральных уездов России, довольно быстро и успешно развернули торговую и ремесленную деятельность¹.

Если оценить, как скоро новоселы включаются в «оклад с земли», то оказывается, что из 281 семьи, поселившихся в «раскольничьих» слободах после переписи Ергольского, то есть в период между 1715 годом и 1729 годом, 73 семьи (25,9%) уже выплачивают «оклад с земли» в размере более 72 копеек с мужской души, 123 семьи (43,7%) выплачивает «оклад» в размере менее 72 копеек с мужской души. И только 85 семей (30,2%) не выплачивают «оклад»².

Обращает внимание и то, что слободы заселены в основном семьями, а не одинокими людьми. В «сказках» обывателей присутствуют указания, что пришли на поселение семьи, с женами и детьми. То есть бежали из прежних мест поселения не в одиночку, а группами. А.А. Новосельский в свое время высказал мысль о том, что преобладание групповых побегов и редкость побегов в одиночку свидетельствует, что беглые крестьяне выходили не из беднейших, экономически истощенных слоев населения, а из экономически более благополучных. По мнению А.А. Новосельского большие семьи, как правило, были экономически наиболее сильными, и поэтому их наличие среди беглых опровергает предположение о связи побегов с хозяйственным изнурением и истощением крестьян³.

Правильней будет признать, что групповые семейные побеги крестьян в Малороссию происходили не от разорения, а от угрозы разорения, от угрозы подвергнуться выселению, от угрозы подвергнуться рекрутской повинности или трудовой мобилизации. В то же время одиночные побеги – следствие разорения и разрушения семьи, отчаянье, дезертирство из армии и прочее.

В пользу того, что в Малороссию приходили из России экономически крепкие семьи, говорит и тот факт, выясненный при изучении переписей обывателей раскольничьих слобод Малороссии 1729 года, что среди обывателей слобод имелось 20,3% семей, вышед-

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797.

²Там же.

³Новосельский А.А. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. «Исторические записки», 1945, кн. 16, с. 58-60.

ших сначала из России в Польшу и лишь затем в Малороссию. Такое переселение требовало значительных денежных затрат и было не по карману семьям, подвергшимся разорению.

Выводы.

– Крестьяне и посадские люди старообрядцы, бежавшие из России в Малороссию, приходили в Стародубье, имея некоторый капитал, позволявший не только обустроиться на новом месте, но и продолжить привычный промысел, ремесленный или торговый.

– Поселившись в Малороссии, беглые крестьяне из России не вторгаются в сложившийся в Стародубье рынок торговли конопляным и льняным волокном, а находят рыночную нишу и успешно заполняют ее, забирая в свои руки скупку конопляного масла у местного населения и вывоз конопляного масла для продажи за границу.

– Основным источником накопления торгового капитала для многих семей старообрядцев Стародубья (57,2% из всех семей, занятых промыслами) в первые три десятилетия XVIII века была приграничная торговля конопляным маслом.

– Расклад «оклада с земли» между семьями обывателей старообрядческих слобод Малороссии позволяет косвенно определить уровень достатка каждой семьи и населения старообрядческих слобод в целом.

– Пересчет «оклада с земли» каждой семьи на одну мужскую душу показывает, что в 1729 году число семей, способных выплачивать налог в размере более 72 копеек с мужской души, составляло 45,1% от числа обывателей всех слобод. Число семей, выплачивавших налог в размере менее 72 копеек с одной мужской души – 37,7%. Семей бедных и не выплачивавших налог «за скудостью» и по другим причинам – 15,8%. Эти показатели свидетельствуют о высоком достатке почти половины семей обывателей «государевых описных раскольничьих слобод Малороссии».

– География торговых интересов старообрядцев Стародубья задолго до 1715 года включала Москву, Московские города, портовые города Санкт-Петербург, Ригу, города Польши и Пруссии.

К вопросу о законном или самовольном заселении слободы Клинцы

Р. И. Перекрестов

Версия о незаконном, то есть самовольном и скрытом, поселении старообрядцев слободами в Малороссии проникла в краеведческую литературу с легкой руки протоиерея Андрея Журавлева, побывавшего в Стародубье в конце 1780-х годов как миссионер.

В своей книге “Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах”, говоря об обстоятельствах “положения в оклад на Государя” жителей старообрядческих слобод Стародубья, А. Журавлев прибегает не к документам, а использует предание, записанное со слов старожилов. А. Журавлев не знал о существовании “осадных листов” и других документов, согласно которым были заселены старообрядческие слободы в Малороссии.

В предании, к которому А. Журавлев отнесся с полным доверием, говорилось, что “земли, на которых они (старообрядцы) без позволения панов поселились” указом Государя “в штраф тех (феодалов) вечно и потомственно во владение слобожанам отведены и утверждены”¹.

В 1907 году в докладе к 200-летию посада Клинцы Городской Голова Виктор Александрович Федотов отметил, что «в архивах Городского Управления не сохранилось документальных свидетельств и осадных документов, подобных тем, которые встречаются в других слободах». На основании этого В. А. Федотов высказал предположение, подсказанное ему протоиереем А. Журавлевым, что «Василий Клинцов с товарищами поселился здесь произвольно» и что «вначале Бороздна не обратил внимания на своего рода захват части его владений» и только в 1715 году «быстрое развитие слободы натолкнуло его на мысль о возвращении захваченной собственности, но было уже поздно...»².

Это предположение В.А. Федотова и “предание” А. Журавлева нельзя оставить без внимания. Доклад Головы города В.А. Федотова и книга А. Журавлева в течение долгого времени были единственными источниками изучения истории города местными краеведами, и положение о произвольном поселении слободы, не пройдя проверку на достоверность, перекочевало в некоторые издания краеведов.

¹Журавлев А. И. «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах». Изд. V, М. 1890, с. 177.

²См. доклад В. Федотова в настоящем сборнике, стр. 6.

Для понимания обстановки, способствовавшей беспрепятственному вселению в Малороссию многочисленных семей беглых крестьян из России, следует вернуться в XVII век.

Самостоятельное объявление гетманом Богданом Хмельницким о выходе из состава Польско-Литовского государства и присоединении левобережного Поднепровья к России (1654 г.) вызвало войну между Польшей и Россией, длившуюся более 10 лет. Малочисленное население Малороссии в условиях многолетних военных столкновений, поборов военного времени сократилось еще больше: либо погибло, либо бежало от окончательного разорения.

После заключения Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой (30.01.1667 г.) и вывода польских войск на правый берег Днепра, обезлюдившая Малороссия стала заселяться переселенцами с правого берега Днепра, из Польши и из России. Это было время, когда пришлые люди беспрепятственно выбирали участок земли, занимали его, разрабатывали лес под пашню, а поймы рек под сенокосы, крупные делянки леса крестьяне закрепляли за собой как бортные угодья. Этот период «вольного заселения» в истории левобережной Малороссии известен как «займанщина». Но очень скоро ничейных земель не стало. Наряду с прежними феодалами – монастырями, помещиками, владевшими землей при власти Польского короля, и закрепившими после ухода поляков свои наследственные права на землю гетманскими универсалами, а также магистратами, владевшими деревнями на основании Магдебургского права, появился круг новых землевладельцев в лице казачьей полковой старшины.

Как новые, так и старые землевладельцы, заинтересованные в скорейшем освоении безлюдных просторов, вынуждены были звать пришлых людей на свои земли, предоставляя им льготу от налогов на несколько лет с последующим превращением пришлых крестьян в своих подданных – посполитых. Таким образом, вольная колонизация Малороссии очень скоро была взята под строгий надзор землевладельцами и местной властью.

К моменту основания слободы Клиницы малороссийскими землевладельцами был отработан механизм придания законности вновь заселяемым слободам. Землевладелец заключал письменный договор с крестьянами, назначал старшего, так называемого осадчего, определял границы предоставляемых земель. Условия договора оформлялись осадной грамотой, осадному выдавался осадный лист. Сохранились осадные листы на поселение старообрядческих слобод Ардонь, Климовая, Деменка, Добрянка.

В ряде случаев выдаче осадного листа предшествовал устный договор. Землевладелец присматривался, насколько удачен выбор места поселения и насколько прочно привязаны к земле новоселы. Но с заключением договора старались поспешить. Всякая отсрочка

договора удлиняла срок льготы новоселам, что было невыгодно землевладельцу. В отсутствие письменного договора крестьяне могли сойти с земли и перейти к новому землевладельцу, сделавшись его налогоплательщиками.

Заинтересованность в скорейшем заключении договора с землевладельцем, не столько устного, сколько письменного, проявляли и пришлые люди. Малороссия, и в частности Стародубье, была обжитым краем, в отличие от Заволжья. Новоселы, в основном беглые крестьяне, обремененные семьями, стремились быстрее прикрепиться к землевладельцу, обрести статус «державческого» или владельческого крестьянина и не числиться беглым.

В очерке «О помещиках Бороздках» Ал. Лазаревский приводит свидетельство Радько Рудого, старожилы слободы Жолведи. Радько Рудой рассказал, как еще в 1670-е годы «Войцехович старый поставил на Жолведском грунте столб (знак того, что землевладелец приглашает пришлых крестьян основать слободу), отъехал в Баклан и больше не возвращался (поскольку был подвергнут изгнанию). Между тем Жолведский грунт приглянулся Фацу, соседнему пану, который, осмотревши его хорошенько, тут же поставил Радько Рудого войтом будущей слободы и вместе с тем ее осадчим. Прибывши в Жолведи спустя некоторое время и видя, что слобода заселяется тихо, Фац спросил Рудого: почему же людей (слобожан) нет. Радько отвечал, что для успеха заселения, необходимо указать точные границы Жолведским дачам»¹.

Это пример того, как было организовано заселение слобод в конце XVII века, и насколько пришлые люди уже тогда заинтересованы были в надежности и законности своего положения на новом месте.

Жить нелегально и оставаться незамеченными в течение нескольких лет поселенцы не могли и, скорей всего, не желали. Каждой крестьянской семье для прокормления требовалось до 2-3 десятин пахотной земли, огород, сенокосы. По свидетельству переписи Григория Ергольского, проводившейся с 1715 по 1718 годы, за восемь лет от начала заселения в слободе Клинцы (с 1707 года) заселилось 18 дворов. Для прокормления населения слободы требовалось до 30 и более десятин пашни, которую предварительно нужно было отвоевать у леса. Хозяйственная деятельность крестьян не могла остаться незамеченной коренными жителями и, прежде всего, пчеловодами, делавшими обход бортных угодий и следившими, чтобы никто не рубил бортные деревья. Маловероятно, чтобы помещик

¹Лазаревский А. Очерки старейших дворянских родов Черниговской губернии. См. Записки Черниговского Губернского статистического комитета. Кн. 2. Чернигов, 1866–1868 г., с. 60.

И.Л. Бороздна за восемь лет не был осведомлен, что творится на его земле.

Легализация пребывания беглецов в Малороссии давала определенные преимущества: поступая в подданство малороссийского землевладельца, беглые крестьяне обретали «защиту» со стороны нового хозяина, получали льготные годы (свободу, слободу) для занятия земледелием и обзаведения доходным хозяйством. Вместе с тем они получали право свободного перемещения и торговли в пределах Стародубского полка и Малороссии, что так важно для ведения крестьянского хозяйства, право получения паспорта для проведения торговых операций в Великороссийских городах и за границей. Поэтому легальное заселение слобод представлялось беглецам наиболее надежным.

Весьма правдоподобным выглядит предположение, что слобода Клинцы поселена по предварительному устному договору между помещиком Иваном Лаврентьевичем Бороздной и крестьянами.

Предположение основано, во-первых, на факте отсутствия в архивах посада Клинцы «осадных документов, подобных тем, которые встречаются в других слободах», на что в 1907 году обратил внимание голова города В.А. Федотов. Во-вторых, в переписях 1729, 1736 и 1767 годов не встречаются ссылки на документы, подтверждающие право клинчан на владение землей. Если переписи 1729 и 1736 годов носили чисто фискальный характер, перепись 1767 года проводилась с целью подготовки Малороссии к введению нового административного деления. При этом проверялись документы, подтверждавшие право владения той или иной собственностью (пахотные земли, сенокосы, мельницы, заводы и т.п.). Сведения о владении землей обывателями слобод предоставляла волостная контора описных раскольничьих слобод, где хранились копии или подлинники «осадных листов» и других документов, удостоверяющих право на землю. Осадного документа на поселение слободы Клинцы в материалах переписи 1767 года не представлено. В-третьих, в судебных спорах между помещиком Бороздной и клинцовскими обывателями, длившихся в течение нескольких десятилетий XVIII века «о спорных грунтах и о границах грунтов», ни одна сторона не представила документа, где были бы изложены условия, на которых помещик И.Л. Бороздна разрешил селиться беглецам из России.

В то же время в судебных делах обнаруживаются свидетельства того, что поселение старообрядцев на земле И.Л. Бороздны происходило на «законных» основаниях.

В «Новых материалах для истории раскола на Ветке и в Стародубье» М.И. Лилеев приводит выписку из дела о споре за землю: «Прошлого 1751 года июня 12 дня полковая Стародубовская канцелярия Генеральной Войсковой канцелярии доношением представ-

ляла: по имеющемуся де во оной полковой канцелярии делу бунчукового товарища Ивана Бороздны, заводному с раскольниками слободы Клинцов о самовольном ими завладении грунтами **сверх определенного им отцом его**, Бороздны, и о пустошении пуши вывозного разного, також и о порубке бортного залозного дерева»¹.

Судя по этому отрывку из судебного дела, сам истец признает, что земли слобожанам были отведены его отцом помещиком И. Бороздной. Такой отвод земли мог состояться до 1715 года, когда слобожане еще подчинялись помещику И.Л. Бороздне и не были переписаны «на Государя».

О том, что слобода поселена с разрешения помещика И.Л. Бороздны, свидетельствует также «Дело о нападении жителей слободы Клинцы на хутор Бороздны» (1772-1776 гг.)².

Судебной инстанцией при рассмотрении жалобы помещика И.И. Бороздны были подняты дела и документы прошлых лет, из которых следовало, что столкновения и взаимные обвинения сторон в захвате спорных территорий продолжались многие годы.

В рапорте обывателя слободы Клинцы Даниила Тимофеева (13 мая 1773 г.), свидетеля со стороны ответчиков (клинчан), говорилось: «С начала поселения слободы клинчане спорными грунтами **«как по описи живучи за ним, Бороздною**, так и по описи на Государя беспрепятственно владели...»³.

В рапорте войта слободы Клинцы Ивана Штапакова (1772 г.) сказано, что клинчане за границы дач «на которых **издревле поселены предки их отцом истца** Иваном Лаврентьевичем Бороздной никогда не ступали»⁴.

Из заявлений ответчиков следует, что, до «описи на Государя» слобожане «жили за Бороздною», а не «самовольно», и, что, «живя за Бороздною», еще до 1715 года подвергались описи. Опись 1715 года проводилась уже «на Государя». То есть, никакого самовольного захвата «грунтов» и нелегального проживания по свидетельству слобожан на земле И.Л. Бороздны до 1715 года не было. Более того, земля, отведенная И.Л. Бороздной для поселения пришлых людей, находилась во владельческой собственности слобожан.

Истцом Иваном Ивановичем Бороздной было заявлено, что клинчане самовольно завладели «собственными его грунтами ... над тое, **что отцом его бунчуковым товарищем Иваном Бороздною ... к оной слободе определено**»⁵ (выделено мной, Р. И. П.).

¹Лилеев М. И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII века. Киев, 1893, с. 187.

²ЦГИА Укр. Ф. 59, оп. 1, т. VI, д. 6669.

³Там же, л. 69.

⁴Там же, л. 48.

⁵Там же, л. 1-3.

Как истец, так и ответчики свидетельствуют, что слобода Клинцы поселена с ведома помещика И.Л. Бороздны, что земли «к оной слободе» определены самим землевладельцем, а следовательно, существовал некий устный договор между Бороздной и жителями слободы Клинцы.

Нельзя обойти вниманием запись, сделанную переписчиком в 1729 году при составлении «скаска» о слободе Клинцы: «Оную слободу сначала осаживал ... Василий Афонасьев сын Клинцов»¹.

Осаживать слободу согласно существовавшим в то время правилам мог человек, облеченный доверием феодала и наделенный правом «зазывать на слободу» пришлых людей и следить, чтобы в своей хозяйственной деятельности слобожане не выходили за границы отведенной им земли. Осадчий одновременно был войтом — старостой слободы и выступал посредником между жителями слободы и землевладельцем.

Перепись обывателей слободы Клинцы 1729 года составлялась «под клятвой» на Евангелии и угрозой наказания за ложные показания «за руками бурмистров Андрея Панова и той слободы бурмистра Павла Клинцова»². Такая же запись “под клятвой” была и в переписи 1715 года.

Таким образом, «под клятвой» бурмистры в своих показаниях удостоверяют факт, что Василий Клинцов был осадчим слободы, то есть человеком, облеченным доверием феодала, а следовательно, слобода заселялась с ведома помещика И.Л. Бороздны на основании некоего договора: устного или письменного (несохранившегося), что, согласно представлениям того времени, было вполне законно.

Возникает вопрос, на каком основании устный договор между землевладельцем Бороздной и жителями слободы Клинцы приобрел законную силу, и клинчане остались владельцами отведенной им земли. Для этого следует напомнить, что в царском указе 1715 года об обложении раскольщиков Малороссии годовым окладом говорится: «А им раскольщикам объявить указом, дабы они тот положенный оклад ... на предбудущие годы платили бездоимки и жили на прежних своих усадьбах и землями и всякими угодьями владели, которые даны им от владельцев прежде сего»³.

Это положение указа закреплено губернатором М.Д. Голицыным в его открытом листе 1716 года, в котором он ссылается на царский указ: «А где явятся великороссийского ж народа раскольщики; и оных велено переписать всех налицо подворно, и кто на каких грунтах и за кем живут в подданстве, и велено им жить на тех

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, кн. 1797, л. 105.

²Там же, л. 105.

³Там же, л. 222.

же грунтах, на которых они поселились, а владельцам ими, раскольщиками, отнюдь не владеть и податей с них не иметь и никакими делами не ведать и обид им не чинить. И для того определены из Киева и от гетмана Скоропадского нарочные комиссары полковник Ергольский с товарищи и того ради объявляет он, губернатор, Его Величества указом, дабы оным раскольщикам никто обид не чинил и никакими делами их не ведал и во владении грунтов их, которыми они владели, никто не интересовался под опасением штрафа. А жить им, тем раскольщикам, на тех грунтах, на которых они жили и землями и всякими угодьями владели до состояния вышепомянутого Его Величества указу. А во излишние угодья не интересовались и пришлых великороссийского народу людей никого к себе не принимали под опасением жестокого истязания»¹.

Выводы.

– Отсутствие осадного листа на поселение слободы Клинцы не является доказательством того, что старообрядцы «захватили владения» помещика И.Л. Бороздны и нелегально проживали на его земле.

– Переписи жителей слободы Клинцы 1715, 1729, 1736 и 1767 годов, материалы судебных разбирательств по иску помещика И.И. Бороздны к обывателям слободы Клинцы о захвате спорных грунтов свидетельствуют, что жители слободы Клинцы еще до 1715 года «жили за Бороздной», и, живя за ним, «за Бороздной», еще до 1715 года подвергались описи.

– Слобода Клинцы поселена с ведома помещика И.Л. Бороздны, и земли для беглецов из России отведены самим помещиком. Им же, Бороздной, был назначен осадчий слободы Василий Афанасьев сын Клинцов (Клинец), ставший первым войтом – старостой слободы.

– Следовательно, есть все основания считать, что заселение слободы Клинцы старообрядцами с самого начала велось не самовольно, а на условиях, предложенных помещиком И.Л. Бороздной.

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 78-78 об.

**«Опись на Государя» жителей старообрядческих
слобод Малороссии в 1715 году,
обстоятельства и причины**

Р. И. Перекрестов

Старообрядцы, бежавшие из России и поселившиеся в Стародубском и Черниговском полках Малороссии в конце XVII – начале XVIII веков, согласно царскому указу были переписаны в 1715 году, «положены в оклад» и оставлены жить на прежнем месте.

Это решение царя воспринималось краеведами как случай исключительный. Зная, сколь нетерпимо относился царь Петр Алексеевич к «раскольникам», сколь беспощадно преследовал беглых крестьян и посадских людей, принятое царем решение в отношении беглых крестьян-старообрядцев приписывалось неким заслугам старообрядцев по защите отечества в годы шведской войны.

Местное предание о событиях начала XVIII века поведал протоирей Андрей Иоаннов Журавлев в книге «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах», опубликованной в 1794 году в Санкт-Петербурге и неоднократно переизданной в XIX веке. Вот что писал Андрей Журавлев: «Сии слобожане при Государе Императоре Петре Великом, до войны со Шведами бывшей, правительству почти не были известны. А в то самое время, когда Мазепа изменник пустил неприятеля в Российскую границу, и Шведы по Украине и Малороссии продолжая путь без всякого себе сопротивления, до самых Стародубских пределов достигли: в то, говорю время, слобожане сии сами собою собравшись, первый опыт верности к отечеству показали. Безоружные мужики в некоторых местах неприятеля атаковали, несколько сотен побили и живых захватя, в Стародуб к своему Государю, тогда бывшему там, пленниками привели. Не было ничего для Государя приятнее, как видеть, что неприятель в малом числе Российских крестьян победителей себе нашел. Почему Государь тогда повелел раскольничьи слободы Полковнику Ергольскому переписать, и имянною грамотою (данною тогда Киевской губернии), собственно за собою утвердить с тем, чтоб впредь оными никто не мог владеть. Сия первая перепись тем счастьем слобожан наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами, и ныне в купеческом состоянии безпрепятственно пользуются. Тогда беглецы, какого звания ни были, Всемилюстивейше прощены, и как помещикам, так и всякому гражданству в рекруты зачтены; а земли, на которых они без позволения у панов

поселились, в штраф тех вечно и потомственно во владение слобожанам отведены и утверждены»¹.

Предание записано Андреем Журавлевым в Стародубье со слов старожилов спустя 75 лет после той памятной и судьбоносной для старообрядцев Стародубья переписи 1715 года. В нем, как в каждом предании, доля истины обросла домыслами.

Сомнения относительно достоверности «предания» высказал в конце XIX века историк Малороссии А.М. Лазаревский. В архивных документах XVIII века ему не удалось найти подтверждение тому, что старообрядцы привлекли внимание царя своими патриотическими поступками, и что, якобы, по этой причине царь повелел «раскольников переписать и именно грамотою собственною за собою утвердить»².

Другой историк, М.И. Лилеев, занимавшийся этим вопросом, писал, что «нет ничего невероятного по существу в рассказе о Журавлева о патриотических подвигах Стародубских раскольников в шведскую войну. Но ни он сам (Журавлев), ни другие, повторявшие с его слов рассказ о патриотизме раскольников, не приводят никаких свидетельских указаний и документальных подтверждений в пользу этого обстоятельства. ... О патриотических подвигах Белорусов и Малороссов, – писал М.И. Лилеев, – засвидетельствовал сам Петр Великий и его военачальники. В царском указе о поносных Гданьских пасквилях от 15 января 1709 года государь объявлял, что «самые малороссийские мужики толико возненавидели короля Шведского и Мазепу, что повсюду разосланных от них для прельщения ловили и приводили, и рассеянные от них возмутительныя письма из всех мест привозили Киевскому губернатору и к другим начальникам, где кому ближе». Из Брянска несколько раньше государь писал Апраксину, что неприятель был у Стародуба и всячески трудился прельстить чрез письма малороссийский народ; «но малороссийский народ так твердо с помощью Божиею стоит, что больше не можно от них и требовать, и офицера, который приезжал в Стародуб, так и в иные места, всех оковав и с письмами присылают». Возможно, что среди этих ожесточенных против Шведов «малороссийских мужиков» были и великороссийские раскольники, общее число которых в то время не достигало 2-3 тысяч обоего пола душ во всей Стародубщине»³.

¹Журавлев А. И. «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах». Изд. V, М. 1890, с. 177.

²Лазаревский А. М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. Киев, 1889, с. 442.

³Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895, с. 471.

Документов, в которых было обращено внимание Петра Великого на патриотические поступки старообрядцев, историками не обнаружено.

В Полном Собрании Законов Российской империи, а также в многочисленных «экстрактах из указов», составленных в первой половине XVIII века, события эти имеют другое освещение.

Политика постоянного розыска и возвращения беглых людей к своим владельцам проводилась правительством России в течение всей второй половины XVII века, а с началом преобразовательной деятельности Петра и развязанной им изнурительной Северной войной бегство солдат, крестьян и посадских людей приобрело такие размеры, что стало угрожать подрывом экономики страны.

Крестьяне бежали от рекрутской повинности, от мобилизации на строительные работы в Санкт-Петербург, Таганрог, на строительство причалов, каналов, дорог, верфей, бежали от растущих налогов и поборов. В докладе, поданном царю 14 февраля 1715 года, сообщалось о масштабах уклонения населения от рекрутской повинности: «а в бегах с станций и с Москвы и с дороги в Армию 20 000 человек»¹. К концу 1720-х годов в бегах числилось до 200 000 человек².

Правительство, конечно, знало о бегстве населения на окраины государства, но масштабы «убыли податного населения» стали очевидны после переписи 1710 года. С этого времени борьба с побегми населения стала проводиться правительством более настойчиво. Если до 1710 года было опубликовано 4 указа, предписывавших возвращать беглых, как этого требовало «Уложение» 1649 года, то в последующие годы количество указов подобного содержания резко возросло. Начало решительной борьбы с бегством положила цепь указов 1713-1714 годов о розыске беглых крестьян, посадских людей, рекрут и солдат и о возвращении их на старое место и в армию³.

Правительство, усиленно занимавшееся поиском беглых в Поволжье, в южных районах так называемой Польской Украины, тогда же в 1714 году обратило внимание на земли Малороссии, где осело много беглых крестьян, в том числе и старообрядцев.

К этому времени в политике правительства в отношении к беглым намечилось некоторое изменение. Царские указы свидетельствуют, что правительство ищет способ обратить бедствие в свою

¹ПСЗ. № 2885.

²Заозерская Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. Из сб. «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв.». М. 1958, с. 160.

³ПСЗ. Т. VI. №№ 2672, 2706, 2783, 2846, 2891, 2910.

пользу. Правительство уже не ставит задачу поголовного возвращения беглых, а оставляет их на тех землях, где они освоились, облагая налогом, или переселяет беглецов на малоосвоенные земли юга России, где делает их такими же налогоплательщиками. Возвращению к прежним хозяевам подлежат лишь те крестьяне, у которых не имеется «отпускных писем» от землевладельца или на которых имеются челобитные от прежних хозяев.

Указ правительства в отношении беглых людей, поселившихся в Малороссии, датируется 12 марта 1714 года. В архиве Сената хранится «экстракт» из документов разных лет, представленных в «книге документов, полученных «по справке в Сенате», где сказано: «В указах Блаженные и вечностойныя памяти Его Императорского Величества написано: 1714 года, марта 12. Патриарших, архиерейских и монастырских крестьян и однодворцев, которые, сбежав, жили Гетманского регимента в Малороссийских городах и слободских полках в разных местах, сыскивая, записывать в книги, а, записав, вывозить и селить Белгородского и Севского разрядов в городах, где жили рейтары и солдаты и городской службы однодворцы, а ныне земли их пусты; также которые помещиковы и вотчинниковы, дворовые и деловые люди крестьяне явятся, а имеют у себя от помещиков своих свободные письма или впредь получат, тех свидетельствовать отпускными их письмами подлинно, потому селить в помянутых же местах; а которые от помещиков своих свободных писем не объявят, тех отдавать по крепостям по прежнему помещиком; а буде в тех же местах явятся беглые драгуны и солдаты, и рейтары, и их отсылать в армию к комисарству, а от комисарства употреблять в комплект в полки в вышеписанном сыску и селидьб. Киевскому губернатору иметь комиссию обще з гетманом»¹.

Этот указ, адресованный киевскому губернатору князю Д.М. Голицину (губернаторство с 1708 по 1719 гг.), стал исходным документом для последующего розыска беглых людей, поселившихся в Малороссийских полках. При этом в указе ничего не говорилось о «раскольщиках».

Руководствуясь царским указом от 12 марта 1714 года «О поиске беглых людей разного звания», Киевским губернатором в том же году были назначены «нарочные комисары». Со стороны Киевского губернатора, представлявшего российское правительство, «комисарями» стали полковник Киевского гарнизона Григорий Ергольский, майор Протасов и дворянин Кузьма Безобразов. Со стороны гетмана Скоропадского – пан Корецкий и пан Покорский².

¹РГАДА. Ф. 248, кн. 734, л. 567.

²Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895, с. 473.

Экспедиция полковника Г. Ергольского 1714 года длилась не один месяц. В своем донесении киевскому губернатору Г. Ергольский сообщил, что «в Стародубском уезде многия слободы поселены великороссийских городов людьми и оные поселенцы в вере раскольники, а поселенья их близ границы, а многия из оных поселенцев являются из других губерний и отдаются на расписки оным же владельцем, за кем они живут в поселении с принуждением». Далее в донесении Г. Ергольский пишет: «И оныя владельцы бьют челом, чтобы их Царское Величество указал от них взять и перевести в великороссийские города всех до одного человека, того ради имеют опаску, чтобы они не ушли ... в Польские и Литовские города». При этом Г. Ергольский высказывает свое мнение, в котором звучит сомнение в целесообразности возвращения беглецов в Россию: «Ежели указ Царского Величества о переводе оных людей состоится, что их повелено будет перевозить в те города, из которых они бежали, и оным владельцам одним тех людей перевезти на своих подводах за дальностью неможно того ради, что их поселено множество и имеют от них в противности опасение, чтоб чего не учинено». Всего в экспедицию 1714 года комиссарами было выявлено 350 дворов переселенцев из России¹.

В этом донесении Киевскому губернатору князю М.Д. Голицину, находившемуся в это время в Санкт-Петербурге, комиссары приводят два взгляда на судьбу беглых российских людей, не подчеркивая их религиозной принадлежности: мнение землевладельцев и мнение комиссаров. Малороссийские землевладельцы предлагают «взять и перевести в великороссийские города всех до одного человека, того ради имеют опаску, чтобы они не ушли ... в Польские и Литовские города». Мнение комиссаров проникнуто серьезным опасением, что переселение столь большого числа беглецов в Россию окажется дорогим и непосильным делом и может «сопровождаться беспорядками».

На основании донесения комиссаров князь Д.М. Голицин 18 февраля 1715 года представил на усмотрение Государя ряд докладных пунктов. В 3-м пункте доклада Д.М. Голицин задает Государю вопрос: «Велено беглых великороссийского народа людей из малороссийских городов вывозить в великороссийские города; а которые в малороссийских городах в бегах поженились на черкасских девках и вдовах, и прижили детей, и оные и с детьми служат в козаках или в подданстве, и таких из малороссийских городов отдавать ли?».

В 4-м пункте доклада дается сообщение о результатах розыска

¹Копия из донесений Ергольского и Безобразова киевскому губернатору, без даты. ЦГИА Укр. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 1.

беглых и ставится вопрос, как с ними поступить: «В Стародубском уезде поселены слободы великороссийского народа раскольники, и комисары пишут, что в оные слободы ехать опасно, дабы не разбежались за границу». Прямо на «докладных пунктах» царь наложил резолюцию, о чем в приведенном документе сказано следующим образом: «Под тем подписан Его Императорского Величества собственной рукой указ: «Тако обложить в оклад»¹.

Таким образом, обнаружение многочисленных поселений старообрядцев в Малороссийских полках произошло вследствие проводившегося в стране розыска беглых крестьян, посадских людей, рекрутов и солдат. Ни слова в «докладных пунктах» не сказано о неких заслугах старообрядцев перед Отечеством.

По-видимому, доводы губернатора Д.М. Голицина о том, что живущие у Польской границы раскольники могут уйти за границу и тем устранить от государева тягла, оказались убедительными. Царь Петр в своем решении отошел от требований собственного указа 12 марта 1714 года «отдавать по крепостям по прежнему помещиком» всех помещичьих и вотчинных крестьян, которые в «раскольничьих» слободах Малороссии составляли большинство жителей, и принял решение оставить беглецов жить на прежнем месте, с обязательным условием – нести государево тягло.

Далее в «экстракте» сообщается:

«И по посыланным из Киева к оным комисарам в том же 1715 году указом велено их, раскольщиков, переписав, обложить годовым окладом, что кому платить возможно, а им раскольщикам объявить указом, дабы они тот положенный оклад, собрав на 1715 год, заплатили в казну сполна. Також и на предбудущие годы платили бездоимки и жили на прежних своих усадьбах и землями и вскими угодьями владели, которые даны им от владельцев прежде сего»².

Уже через месяц 21 марта 1715 года в местечке Мглин были собраны войты всех раскольничьих слобод Малороссии для заслушивания царского указа от 18 февраля 1715 года об «обложении в оклад» и предстоящей переписи поселившихся в Малороссии беглых людей для выяснения размеров налагаемого оклада.

Об этом собрании Григорий Ергольский докладывал Д.М. Голицину в Санкт-Петербурге:

«Всего в вышеписанных слободах разных губерний триста пятьдесят дворов, оные поселенцы селятся в лесах. А окладу на них не положено того ради, что переписанные они до присланного Великого Государя указу, который прислан об окладе их.

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 222; ПСЗ № 2889.

²РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 222.

А по присланному указу из тех слобод войты призываны к комисарству и сказано им Великого Государя указом, чтоб они жили в тех слободах во всякой волностех, а платить им Великого Государя положенный на них оклад.

Войты сказали, что готовы платить оклад, только бы не было указа переводить их в другие города...

...Оные войты били челом, чтобы они в Стародубе судом и справою не были ведомы. И указал бы Великий Государь прислать к ним для рассуждения всякого дела указ, кому их вед... из них одному...»¹.

Текст царского указа, объявленного на собрании войтов 21 марта 1715 года, не сохранился в подлиннике. Но содержание указа было пересказано губернатором М.Д. Голицыным 28 февраля 1716 года в «Объявительном открытом листе». Вот что об этом написано в одном из «экстрактов» из документов, находящихся в делах Сената: «В *объявительном* от Киевского губернатора князя Голицына за его рукой и печатью *открытом листе* 1716 года февраля 28 дня написано: По именному Царского Величества указу велено Великороссийского народа всякого чина беглых людей, которые живут в Малороссийских городах и в Слободских полках сыскивая выдавать в Великороссийские города где кого надлежит».

В этой части «открытого листа» губернатора Д.М. Голицына пересказано содержание царского указа от 12 марта 1714 года. Далее следует пересказ текста другого, не сохранившегося, царского указа 1715 года: «А где явятся великороссийского ж народа раскольщики; и оных велено переписать всех налицо подворно, и кто на каких грунтах и за кем живут в подданстве, и велено им жить на тех же грунтах, на которых они поселились, а владельцам ими, раскольщиками, отнюдь не владеть и податей с них не иметь и никакими делами не ведать и обид им не чинить»... «И для того определены из Киева и от гетмана Скоропадского нарочные комисары полковник Ергольский с товарищи и того ради объявляет он, губернатор, Его Величества указом, дабы оным раскольщикам никто обид не чинил и никакими делами их не ведал и во владении грунтов их, которыми они владели, никто не интересовался под опасением штрафа. А жить им, тем раскольщикам, на тех грунтах, на которых они жили и землями и всякими угодыями владели до состояния вышепомянутого Его Величества указу. А во излишние угодыя не интересовались и пришлых великороссийского народу людей никого к себе не принимали под опасением жестокого истязания»². На этот царский указ, датируемый приблизительно январем 1815 года, ссылается и государственный канцлер граф Гаври

¹ЦГИА Укр. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 7.

²РГАДА. Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 78-78 об.

ла Иванович Головкин в письме к Малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, посланном из Санкт-Петербурга 9 июля 1715 года. Из письма узнаем, что в царском указе шла речь о «взятые за пожилые годы» с тех владельцев, кто «принимал беглых», и о «расколщиках», которые «поселены деревнями» и «ничем не интересоваться до них» без ведома губернатора князя Голицина.

«Ясневелможный и превосходительный господин гетман войск его царского величества Запорожских, мой особливый благодетель.

Писали велможность ваша ко мне, что господин губернатор Киевский князь Голицин объявил велможности вашей, чрез письмо свое, содержание состоявшегося царского величества указу о беглых Великороссийского народа людех, в Малой России обретающихся, и желали ваша велможность, дабы грамота его величества к вам о том была прислана.

Потом ваша велможность, от 30-го апреля, писали, что определенный от помянутого господина губернатора Киевского камисар Ергольский, для выводу помянутых беглых Великороссийских людей, объявил велможности вашей в пополнение прежняго указу, что за тех беглых от владелцов, за кем оные жили, за пожилые годы брать по пяти рублев, в чем де немалая чинится тем владелцам трудность, понеже многим из них недавно маетности те достались.

И на сие я велможности вашей ответствую, что каков царского величества указ в Сенате о сыску и вывозе из Малой России беглых Великороссийских людей состоялся, о том посылается при сем к вам его царского величества грамота, по которой изволите то исполнять.

Что же о взятые за пожилые годы принадлежит, и мы прошение ваше за народ Малороссийский доносили его царскому величеству, и его величество указал за беглых драгун, и солдат и крестьян за пожилые годы положенныя денги со владелцов Малороссийского народа всяких чинов брать с тех, которые сами тех беглых принимали и за собою держали, понеже всегда о том указами царского величества было запрещено, дабы беглых, а особливо драгун и солдат, не принимать. За которыми же владельцы такие беглые сыщутся и надлежит их по указу вывести, а тех беглых принимали не они сами, но прежние тех маетностей владельцы, и им те маетности достались с теми беглыми драгуны, солдаты и крестьяны, и на тех владельцах пожилых денег за тех беглых не имать. И сей его величества указ в Сенате, также и господину губернатору Киевскому, писменно мы объявили, и ваша велможность о сем по тому же его величества указу поступать извольте. А которые из беглых Великороссийских людей у своих помещиков откупились и имеют писма, тех надлежит отдавать же; ибо хотя они у своих

господ от подданства свободу тем получили, однакож надлежит им жить в Великороссийских городах и платить против других всякия подати, которыя, особливо под нынешний военный час, каковы тяжки, чаю вашей велможности известно.

А которые беглые, крисяся в Малойросийских городах, называются расколщиками и поселены деревнями, и тех велено обложить денежным окладом. А которые из Малороссийского народа обретаются в тех же деревнях, и тех окладывать и ничем не интересоваться до них определенным от господина губернатора Киевского не надлежит, а быть им по прежнему в послушании своих владельцев; и о сем я такожде к господину губернатору князю Голицину писал. Вашей велможности ко услужению готовейший граф Г. Головкин. Из Санкт-Питерсбурга, июля в 9 день 1715»¹.

И в этих указах нет никаких указаний на заслуги «расколщиков» перед Отечеством.

Перепись для «обложения в оклад» была проведена командой Г. Ергольского в 1715 году. Перепись выявила, что число пустых дворов, в сравнении с переписью 1714 года, сократилось. Крестьяне, убедившись в лояльном к ним отношении царского правительства и осознав, что «обложением в оклад на Великого Государя» «расколщики» освобождались от бесправного состояния — «беглый» и становились «описными, тяглыми», приобретая вместе с тем законность своего положения, десятками семей стали возвращаться к покинутым жилищам, что и было отмечено повторными дополнительными экспедициями. Перепись 1715 года выявила уже 380 дворов, к 1717 году насчитывалось уже 527 дворов, в 1718 году — 526 дворов.

Перепись была завершена в 1718 году. В результате переписей было установлено, кто и откуда пришел на поселение, какому землевладельцу принадлежал, состав семьи и другие сведения. Перепись показала, что значительная часть поселенцев пришла в Малороссию из-за польской границы и из Государевых дворцовых волостей.

В итоге работы «комиссаров» расколщичьи слободы Малороссии были объединены в «государеву волость описных расколщичьих слобод», по подобию многочисленных дворцовых волостей, разбросанных по всей России.

Сталь «заботливое» внимание к «расколщикам», живущим в Малороссии, отнюдь не следует объяснять некими патриотическими поступками старообрядцев. В это же время появляется еще один указ царя, касающийся судьбы всех старообрядцев, живущих в

¹«Материалы военно-ученого архива Главного Штаба» т.1, СПб, 1871, с.799-801.

России, – указ, легализующий существование старообрядцев путем включения их в государственную систему налогообложения, но по более высоким ставкам – двойного обложения.

Указ о двойном налогообложении старообрядцев датируется 8 апреля 1716 года. В указе сказано: «Где есть раскольщики, тех всех в губерниях губернатором описать (**кроме тех, которые живут близ рубежей**) и, описав, положить их в оклад против настоящего (нынешняго) платежа почему купечество в посады, а крестьяне с тяглых своих жеребьев платят вдвое. А которые по описи явятца, а прежде сего податей никаких не платили, тех обложить, применяясь к тому. А с женска полу, со вдов и детей против оног в полы»¹.

Взятое в скобки в тексте указа одно из положений: «кроме тех, кто живет близ рубежей», относилось прежде всего к старообрядцам, живущим в Стародубском и Черниговском полках. Это «положение» указа свидетельствует, что опасение, высказанное князем Д.М. Голицыным 18 февраля 1714 года в отношении беглых крестьян-старообрядцев: «дабы не разбежались за границу», стало частью государственной политики по отношению к старообрядческому населению, живущему у границы с Польшей.

Указ «о старообрядцах, живущих в Малороссии», указ «о двойном обложении», а также указы «о бородах», «о ношении платья» и другие подобные им указы являются порождением политики вовлечения старообрядцев в систему государственного налогообложения и одновременно экономического подавления религиозного инакомыслия, проводившегося царем Петром Алексеевичем. Царь добился того, что превратил политику преследования старообрядцев из затратного полицейского мероприятия в доходное фискальное предприятие.

В обстановке реформирования всего уклада жизни России решение царя не выводить беглецов из пределов Малороссии, а оставить на месте и «обложить в оклад» не следует рассматривать как исключительное явление, обусловленное некими заслугами старообрядцев перед Отечеством, поскольку не противоречит правовой практике, сложившейся к этому времени.

Законотворчество второй половины XVII века и начала XVIII века развивалось из правового поля, очерченного на долгие годы Соборным уложением 1649 года.

Согласно уложению 1649 года одинаково преследовались как беглые крестьяне, так и посадские люди, оставившие городское тягло. Уложением отменялись урочные годы, то есть преследование и принудительному возвращению к своему прежнему владельцу независимо от срока давности побега подлежали беглые крестья-

¹РГАДА. Ф. 248, кн. 734, л. 567 об.– 568.

яне всех категорий: дворцовые, монастырские, помещичьи и вотчинные, а также посадские люди, которые принудительно возвращались к оставленному ими посадскому обществу. Эти требования уложения распространялись и на детей, родившихся после ухода крестьянина с прежнего места жительства. В то же время уложение предписывало, что вотчинники и помещики за прием беглых посадских людей в свое имение лишались самих имений.

По указу 1664 года «приниматель» беглых за каждого беглого крестьянина должен был платить наддаточными, то есть четырьмя своими крестьянами в придачу беглому. Но побег продолжался, и в 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ, которым предписывалось обратиться к Соборному уложению 1649 года и взыскивать с приемщика беглых 10 рублей в год на каждого беглого крестьянина, «да проести и волокиту по гривне в день, со дня подачи челобитной до перевоза беглого крестьянина к старому владельцу»¹. В дальнейшем ставка выплаты «пожилых денег» «принимателем» беглых взамен выдачи «наддаточных крестьян» поднялась до 20 рублей в год². Выдача «наддаточных крестьян» отменена в 1683 году, вместо нее назначается выплата «пожилых денег» за каждый год жизни беглого у «принимателя».

Эти меры правительства в случае их применения оказывались разорительными для принявшего беглых крестьян помещика или вотчинника и для крестьянина, учинившего побег. В свою очередь феодал, вернувший себе крестьян или получивший за беглых крестьян деньги, вряд ли мог назваться выигравшей стороной. Затраты на поиски беглецов были значительными, но зачастую напрасными. Возвращенные к своему хозяину беглецы спустя время снова уходили от владельца, при этом предав огню свое жилище, а нередко пограбив помещика.

В многолетней борьбе с побегами крестьян на окраины государства правительство испробовало крайние меры, оказавшиеся безрезультатными.

Безуспешность указов в преследовании беглых крестьян была столь очевидной, что правительство вынуждено было искать новые подходы, например, сделать так, чтобы побег крестьян с одной земли на другую не приносили беглецу какие-то выгоды. Лучшим средством для сего стало отделение тягла от земли и перенесение его на крестьянина³.

В 1682 году было сделано отступление от требований уложения 1649 года в отношении посадских людей и крестьян в дворцовых владениях. В указе 1682 года говорилось: «которые посадские люди

¹ПСЗ № 891.

²ПСЗ № 1625.

³Беляев И. Крестьяне на Руси. М. 1860. Переизд. 2000 г., с. 267.

и крестьяне перешли из одного дворцового города или села в другой дворцовый город или село до переписки новых писцов, которые были в 182 году и в писцовых книгах и в тягле или оброке написаны; и тем быть в тех городах и селах, где они живут, а на прежние их жеребьи, откуда они пришли, не возить и сыщикам к розыску не отсылать. А которые сошли после новых писцов; и тех свозить на прежние их жеребьи, откуда они пришли»¹.

Здесь закон допускал давность в крестьянских побеггах, которое отрицало уложение 1649 года, отменившее урочные годы. По закону 1682 года прикрепление крестьянина к земле заметно теряло прежнее свое значение. На первое место выдвигалось требование прикрепление к тяглу. Не важно, на какой земле крестьянин живет, важно, чтобы он «в тягле или оброке был написан», то есть оставался крепок тяглу. Такое отношение к беглому крестьянину пока имело место только в пределах дворцового ведомства.

Эта же мысль, «не выводить» с нового места жительства, проводится и в статьях о беглых крестьянах, вынесенных в указы писцам 1682 года. В наказах говорилось: «Которые беглые крестьяне, выбежав из дворцовых городов и сел, в Москве живут и в городах в службе и тягле; и тех писать в книгах именно особ статьею, а до указу из Москвы и из городов не выводить. Которые крестьяне не хотят платить государевых доходов..., а сами живут...в соседях и в захребетниках; и тех выводить и селить на старые их жеребьи, или где пристойно, чтоб в захребетниках без тягла никто не жил»².

Законотворчество России получило ускоренное развитие в годы Петровских реформ. Правовые решения принимались, сообразуясь с обстановкой и с требованием времени, а также с учетом опыта указных решений прошлых лет, «по обычаю».

Рассмотренный выше указ 12 марта 1714 года был также составлен с отступлением от Уложения 1649 года: указ не требовал безусловного возвращения всех беглых крестьян к прежним владельцам. Главное, чтобы крестьяне платили «тягло». Если в указах 1682 года «послабление» было сделано в отношении дворцовых крестьян, то в указе 12 марта 1714 года такое же «послабление» сделано в отношении других категорий беглых крестьян. В указе предписывалось: «патриарших, архиерейских и монастырских крестьян и однодворцев», а также «помещиковых и вотчинниковых дворовых деловых людей крестьян» «с отпусковыми письмами» не высылать к прежним владельцам, а селить беглецов в «Белгородского и Севского разрядов в городах»³.

¹ПСЗ № 980.

²ПСЗ № 981.

³РГАДА. Ф. 248, кн. 734, л. 567.

Государево «тягло» согласно этому указу крестьянин должен был нести в районах колонизируемого края, практически там, где живет. И только в отношении остальных «помещиковых и вотчинниковых» крестьян указ требовал отдавать их прежним владельцам.

Указом от 18 февраля 1715 года, написанным собственноручно на докладных пунктах князя Д.М. Голицина, государь пошел еще дальше, оставив беглых людей разных категорий на «грунтах, которыми владели», и возложив на них государево тягло. Известно, что среди малороссийских раскольников были крестьяне дворцовые, монастырские, патриаршие, помещичьи, а также посадские люди, и все они, беглые люди, были оставлены на месте своего нового проживания.

Указ царя 18 февраля 1715 года в отношении судьбы беглых раскольников Малороссии соответствует логике развития Российского законодательства Петровской эпохи и не должен рассматриваться как исключение из правовой практики того времени.

Следует подойти к рассмотрению исследуемого вопроса и с другой стороны. Некое «снисходительное» отношение к старообрядцам, живущим у польского рубежа, находит объяснение, если рассматривать его как часть общей политики правительства, проводившейся в отношении к населению приграничной полосы.

Приграничные Киевская и Азовская (Воронежская) губернии были освобождены от поставки рекрут, поскольку содержали ландмилицию¹.

Приграничные епархии Псковская, Новгородская и Киевская, а также окраинные Астраханская и Сибирская в 1705 году были исключены из ведения Монастырского приказа по причине их окраинного положения и маловотчинности. Правительство освободило монастырских крестьян этих епархий от дополнительного обложения, которым подвергалось население монастырских вотчин остальных 15 епархий, от призывов на строительство Санкт-Петербурга, Таганрога, верфей, заводов, гаваней. Правительство учитывало, что население в приграничных, «прифронтовых», епархиях (Новгородской, Псковской, Киевской) несло тяготы, не сравнимые с тяготами населения внутренних областей, — это разорение и гибель населения от боевых действий, поборы, постой войск, потрава посевов и прочее².

Одновременно в приграничных уездах правительство проводило умеренную, щадящую фискальную политику.

¹Корсунский А. Обыт истории отправления личной воинской повинности в России с 826 по 1831 гг. СПб., 1850, с. 94.

²Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977, с. 105.

В целом политика правительства в приграничных уездах была направлена на то, чтобы не вызвать ропот населения, служителей церкви, местных землевладельцев, удержать крестьян от бегства за границу и в итоге обеспечить успех при проведении военной кампании.

Поэтому отказ от принудительного выселения старообрядцев Малороссии во внутренние уезды России и «обложение в оклад», а также освобождение от двойного налогообложения старообрядцев, живущих в Малороссии у границы с Польшей, соответствуют проводимой правительством политике по отношению к населению приграничных областей, а не «особыми заслугами старообрядцев перед Отечеством».

Уже после смерти императора Петра Великого было заявлено, что правительство проявляет «особый интерес» к присутствию старообрядцев на Малороссийской земле.

В 1728 году в ответ на «решительные пункты» гетмана Апостола, настаивавшего на выводе «раскольников» к прежним их владельцам, правительство ответило отказом: «В 1728 году августа 22 дня в решении, учиненном по указу Блаженный и вечно достойная памяти Петра Второго Его Императорского Величества в Верховном Тайном Совете на поданное от гетмана Апостола прошение, в 16-м пункте написано: раскольников, которые в Малой России в Стародубовском полку поселились из великороссийского народа и по указу из Сената переписаны и положены в оклад ... **с тех мест выслать по важным резонам невозможно**, а ведать их тому, кто при гетмане будет»¹.

Разъяснение «важных резонов» было тогда же дано генералу и кавалеру князю Шаховскому в инструкции, в 4-м пункте, где написано: «раскольников, которые в Малой России в Стародубском и Черниговском полках поселились ... ведать их ему генералу, и послать доброго офицера освидетельствовать их... А им, раскольщикам, объявить, чтоб они **перезывали других раскольников из Польской области**»².

Истоки политики правительства в использовании старообрядцев Малороссии для привлечения беглых русских людей из-за границы можно найти еще в документах 1715 года. И подсказана эта политика правительству самими старообрядцами в челобитной царю, составленной 21 марта 1715 года на собрании войтов в местечке Мглине. Как докладывал губернатору М.Д. Голицину комиссар Григорий Ергольский: «оные войты сказали: ...ежели Великий Государь укажет им из-за границы, а именно из Халетчины, таких

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 294, л. 434 об.

²РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 223.

же их братьев одноверцев пушать в их слободы, где ныне они поселены, то могут великороссийских городов, которые живут за Халецким, перевести к ним многое число», ... «а если в те слободы, послыша Государеву милость, из-за границы будут к ним прибавляться и они Государевой подати оклад прибавлять будут, смотря по прибавочным людям», ...и **«ежели в слободы, где поселение имеют раскольники, будут приходить из-за границы такой же веры люди, в тех слободах объявить указом, дабы таких принимали»**¹ (выделено мной, Р. И. П.).

Находясь в Санкт-Петербурге, князь Д.М. Голицин имел возможность обсудить с царем вопрос, как строить отношения со старообрядцами в Малороссии с выгодой для государственной политики и эти предложения старообрядцев, как мы видели, не были оставлены без внимания.

С 1732 года политика возвращения беглых крестьян и солдат из-за польского рубежа в Малороссию и в Россию стала проводиться открыто в указах императрицы Анны Иоанновны (указы 1732, 1734 годов, указ 14 января 1734 года)².

Надежды правительства на возвращение из-за польского рубежа хотя бы части беженцев, которых насчитывались десятки тысяч человек, преследовали прежде всего фискальные интересы.

В 1735 году правительство организовало разорение духовного центра заграничных старообрядцев – «Ветки», так называемая «Ветковская выгонка». «Выгонка» сопровождалась уничтожением старообрядческой церкви, монастыря, жилых построек, арестами священнослужителей и иночествующих старообрядцев, а также принудительным переселением прочих старообрядцев, живущих на Ветке, в пределы России. В то время правительство не учло, что старообрядцы уходили из России за польскую границу не столько по причине высокого налогообложения, сколько из-за отсутствия в России условий для свободного исповедания старого обряда и отсутствия в России духовного центра старообрядчества. «Выгонка» не дала желаемых результатов, и бегство крестьян за польскую границу продолжалось. Поэтому через несколько лет правительство снова вернулось к политике переманивания из Польши в Россию беглых крестьян-старообрядцев. В 1740 году «к оному описных слобод бурмистру Гавриле Карпову послан секретный указ, о котором кроме него знать никто не мог, дабы он, бурмистр, посылаемым для иску беглецов приказывал, чтобы они, будучи за границей, вызывали живущих там великороссиян на жительство в Россию»³.

¹ЦГИА Укр. Ф. 59, оп. 1, д. 14, лл. 7, 12.

²РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 224-224 об.

³Там же, л. 233 об.

Примечательно, что начиная с 1715 года и вплоть до 1782 года, когда была проведена реформа административного устройства Малороссии, правительство России оставляло без удовлетворения многочисленные просьбы Малороссийских землевладельцев и самого гетмана о передаче «раскольников» под суд местной Малороссийской власти или выселении их из пределов Малороссии.

Настойчивость правительства России в вопросе привлечения из-за польской границы с помощью старообрядцев Малороссии беглых людей рассматривалась некоторыми историками как политика, задуманная и направленная Петром Великим на укрепление позиций России в Малороссии.

А. Лазаревский считал, что «появление в Малороссии великорусских слобод царь находил после измены Мазепы полезным в политическом отношении»¹.

М.И. Лилеев придерживался такого же мнения, считая, что указ Петра Великого о Малороссийских раскольниках мог появиться под влиянием уважаемого царем Петром князя Д.М. Голицина, киевского губернатора, находившегося в 1715 году в Санкт-Петербурге. «Питая расположение к читателям старины, — писал М.И. Лилеев, — князь мог усмотреть в факте присутствия раскольников в Малороссии чисто государственный интерес, считая полезным усиление в Малороссии великорусского элемента в политическом отношении, особенно после измены Мазепы»².

Политика переманивания беглых крестьян из Польши в Россию потеряла свою необходимость после «передела Польши», присоединения части Польско-Литовской территории к России и перемещения границы государства на запад.

Отношение Петра Первого к судьбе старообрядцев Малороссии имело неоднозначный характер. В стремлении обратить каждое решение на пользу государства, вопрос о судьбе старообрядцев Малороссии в 1715 году решался правительством в рамках правовой практики, сложившейся к этому времени в реформируемой России. При этом учитывались, в первую очередь, требования внутренней политики, жизненно важные для того времени: политики фискальной, политики экономических послаблений в отношении к населению всего западного приграничья и политики усиления присутствия России в Малороссии. Такое осознание вопроса может объяснить решение правительства Петра Первого не прибегать к насильственному выселению беглых раскольников из Малороссии в Россию, а «обложить в оклад» и оставить в местах проживания.

¹Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Ч. 1. Полк Стародубский. Киев 1888, с. 444.

²Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895, с. 479.

Дело о переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года

(Документы подготовлены к публикации
Р. И. Перекрестовым)

Перепись обывателей государевых описных раскольничьих слобод Малороссии, проведенная в 1729 году капитаном Брянчаниновым по указу Верховного Тайного Совета от 22 августа 1728 года, является одним из ранних документов, наиболее полно раскрывающих положение старообрядческого населения единственной государственной волости, расположенной в Малороссии.

О причинах, подтолкнувших правительство к проведению данной переписи, свидетельствует «экстракт» из документов, составленный чиновниками Коллегии Иностранных Дел.

«1728 года марта 12 в просительных пунктах гетмана Апостола представлено, что в раскольничьих слободах в Стародубском и Черниговском полках раскольники «ересей сеют плевелы и прельщают народ Малороссийский». «Сверх того несносное тамошним малороссийским околичным обывателям чинят злости и утеснения, грунта вновь скупают, а иные насильно отнимают. А в деючихся от них пакостях и обидах суда сыскивать негде, понеже суду Малороссийскому не подлежат. Многие же беглые из Великой России подданные и помещицкие под видом тех раскольщиков по всей Малой России рассеиваются. Сверх того, тех слобод раскольщики, как великороссийских, так и малороссийских воровски за границу Польскую, а именно на Ветку, вывозят, отчего великороссийским и малороссийским обывателям чинится разорение, а наипаче великороссийским, понеже платят в казну подушные деньги за тех беглых, которых они раскольщики скрывают и вывозят. И просил оный гетман Апостол дабы оные раскольщики высланы были из Малой России»¹.

“В решении, учиненном в бывшем Верховном Тайном Совете на оное гетмана Апостола прошение, 1728 года августа 22 дня написано: «раскольщиков, которые в Малой России в Стародубовском и Черниговском полках поселились, ... по указу из Сената переписаны и обложены в оклад, и той оклад платят погодно в Киево-губернскую канцелярию, с тех мест *выслать по важным резонам невозможно*, а ведать их тому, кто при гетмане будет, и послать

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 2941, л. 342 об. – 343.

доброе офицера освидетельствовать. И буде их сверх прежней переписи прибавилось, то и оклад на них прибавить по рассмотрению. И деньги собирая присылать в Коллегию Иностранных Дел. И кому из Малороссиян те раскольщики чинить будут обиды, тех судить, и по сыску указ чинить гетману обществом, кто принят от Его Императорского Величества будет. А что они раскольщики других своей ереси превращать прельщают ... о том им раскольщикам претить смертной казнию и велеть по возможности и их самих от той ереси отводить, как и здесь то чинится, и некоторые обращаются». Почему оным раскольщикам в 1729 году перепись была учинена”¹.

В предлагаемой читателю подборке материалов переписи 1729 года представлены документы из дела «О переписи обывателей государевых описных раскольничьих слобод 1729 года», хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 248 (опись 29, книга 1797).

В этом деле имеются донесения капитана Ивана Брянчанинова в Канцелярию Министерского Правления Малороссийских Дел и донесения князя Алексея Шаховского в Государственную Коллегию Иностранных Дел об исполнении указа о проведении переписи жителей раскольнических слобод.

В донесениях представлена «Ведомость», составленная по итогам переписи полковника Ергольского, проводившейся им в 1715-1718 годах.

Переписью были охвачены 16 старообрядческих слобод, поселенных в пределах Стародубского и Черниговского полков Малороссии.

Читателям «Клинцовского летописца» представлена также перепись обывателей слободы Клинцы.

// Л. I / «1729 июня 4 получено.
В Государственную Коллегию Иностранных Дел
доношение:

По Указу Его Императорского Величества и по данной мне инструкции велено раскольщиков, которые в Малой России в Стародубовском, в Черниговском Полках расселились из великороссийского народа и оклад платят в Киево Губернскую Канцелярию, переписать и освидетельствовать и для того послать доброго офицера. И по силе оной данной мне инструкции для свидетельства и переписи в помянутые раскольническия слободы послан Глуховского Гарнизонного полку капитан (Иван) Брянчанинов сего ж мая 16 дня. И велено ему оных раскольщиков освидетельствовать и

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 2941, л. 343 об.

переписать, как Указ повелевает, и о сем Государственной Коллегии Иностранных Дел доношу во известие.

Мая 22 дня 1729

Князь Алексей Шаховской
Генерал-майор»

// Л. III / «1729 ноября 4-го получено через почту ямскую.

№ 1065 в Государственную Коллегию Иностранных Дел
доношение:

По инструкции моей велено раскольщиков, которые в Малой России в Стародубовском и в Черниговском полках поселились из великороссийского народа и по Указу из Сената переписаны и обложены в оклад и тот оклад платят погодно в Киевогубернскую канцелярию, послав доброго офицера освидетельствовать и буде их сверх прежней переписи прибавилось, то и оклад на них прибавить по рассмотрению;

И деньги собирая присылать в Коллегию Иностранных Дел. И по силе оной инструкции в раскольнические слободы, обретающиеся в Малой России в Стародубовском и в Черниговском полках, для переписи и освидетельства, коликое их число в тех слободах обретаеця и что сверх прежней переписи, которая прислана из Киева, прибыло, послан Глуховского Гварнизонного полку капитан Иван Брянчанинов и возвратясь из оных слобод, подал при доношении своем переписные тем раскольщиком книги прошедшаго августа 9 дня, по которым книгам и свидетельству ево явилось сверх прежней, присланной из Киева полковника Ергольского 715 и 718 годов переписи // л. III об. / вновь прибылых раскольщиков 91 двор, на которых по силе инструкции моей, по примеру прежняго на тех раскольщиков положенного Ергольского окладу прибавлено ныне на каждой двор по 2 рубли, по осьмидесять по осьми копеек и по три четверти копейки (2 р. 88 и ... к.). Итого двести шестьдесят два рубли 96 копеек с половиной. И велено оные прибавленные и старого окладу тысячу пятьсот девятнадцать (1 519) рублей; да за откупные в тех слободах статьи, а имянно, в слободе Тимошкиной за перевоз чрез реку Ипуть, отданной на откуп ис Киева той слободе, одиннадцать рублей; да за кожевной завод в слободе Клинцах москвитина посацкого человека Ивана Соболящикова з земли двенадцать рублей, которой биран был наперед сего в ту слободу;

Всего старого и вновь прибавочного окладу и откупных денег тысяча восемьсот четыре рубли девяносто шесть копеек с половиною (1 804 р. 96 × к.) тех слобод бурмистру и войтам платить ныне в Глухове в Канцелярию Министерского Правления с предбудущаго 1730 году по третям года сполна без доимки; и в том платеже объявлен им указ с подпискою; а за нынешней 1729 год старого окладу тысяча пятьсот девятнадцать рублей // л. IV / о которых

ведомостью из Киева Губернской канцелярии показано, что с них раскольщиков тамо недозватье, тако ж и откупные деньги велено им заплатить во окончании сего года в Глухове в Канцелярию ж Министерского Правления; и в том обязаны они подпискою ж; и о сем Государственной Коллегии Иностранных Дел доношу во известие. Князь Алексей Шаховской.

Октября 21 дня 1729 года».

На это донесение князя Шаховского из Коллегии Иностранных Дел был прислан Указ:

// Л. V / «По Указу ЕИВ в Коллегии Иностранных Дел решено послать Указ генералу маеору князю Алексею Шаховскому следующего содержания:

«В данной тебе из Коллегии Иностранных Дел инструкции в 4-м пункте написано, что по 16-му пункту данного господину гетману (Апостолу) решения велено раскольщиков, которые в Малороссии в Стародубовском и в Черниговском полках поселились из великороссийского народа и оклад платят в Киево губернскую канцелярию, ведать их ныне кто при Гетмане будет, и тебе генералу маеору, прибыв в Глухов, послать доброго офицера освидетельствовать. И буде их раскольщиков сверх прежней переписи (о чем прежде ведомость взять из Киева надлежит) прибавилось, то и оклад на них прибавить по рассмотрению и деньги, собирая, присылать в Коллегию иностранных Дел. И кому из Малороссиян те раскольщики чинить будут обиды, тех судить, и по сыску указ чинить Гетману обще с тобою генералом маеором, и в прочем чинить, как в том 16 пункте изображено. А в доношении твоём от 21 октября сего 1729 года написано, что в раскольнические слободы, обретающиеся в Малой России в Стародубовском и в Черниговском полках, для переписи и свидетельства коликое их число в тех слободах обретаются и что сверх прежней переписи, которая прислана из Киева, прибыло, посылан Глуховского Гварнизона Иван Брянчанинов, и по свидетельству ево явилось сверх прежней, присланой из Киева полковника Ергольского 1715 и 1718 годов переписи вновь прибывлых раскольщиков девяносто один двор, на которых по приему прежняго, на тех раскольщиков положенного Ергольского окладу прибавлено ныне на каждый двор по два рубли по осмидесять по осми копеек и по три четверти копейки, итого двести шестьдесят два рубли девяносто копеек с половиною. И велено оные прибавочные, и старого окладу, и с откупов деньги, всего тысячу восемьсот четыре рубли девяносто шесть копеек с половиною, тех слобод раскольщикам платить в Глухове в Канцелярию твою с предбудущаго 1730 году по третям года сполна без доимки, и в том платеже объявлен им Указ с подпискою, а на нынешней 1729 год, старого окладу тысячу пятьсот девятнадцать рублев (о которых

ведомостью из Киева показано, что с них раскольщиков тамо недозятье), також // л. VI / и откупные деньги велено им заплатить во окончании сего года в Глухове в канцелярию твою, и в том обязанности они подпискою ж. И в Коллегии Иностранных Дел решено послать к тебе, генералу маеору, Указ, чтоб ты с присланных ис Киева раскольщикам переписных книг и с ведомостей о откупах и с переписных же книг, посыланных от капитана Брянчанинова, в Коллегию Иностранных Дел прислал точные копии, а когда те раскольники на нынешней 1729 год окладные деньги заплатят, и те деньги, придав надлежащей конвой, прислать, и впредь присылать сюда в Москву в Коллегию Иностранных Дел, и никакие расходы в Глухове тех денег не держать.

Подлинно за подписанием Коллегии подписан 14 ноября 1729 года. Канцелярист Василий Леонтьев».

// лл. XIII-XIV-XIV об. / «Ведомости, что в Стародубовском и в Черниговском полках с прошлого 1715 по 1718 год по переписке полковника Ергольского в которых слободах сколько дворов и душ мужеска пола и коликое число в год положено во взятые окладу значит ниже сего, а именно:

Поселения	Окладные дворы	Бобыльские дворы	Келий	Мужских душ	Женских душ
Еленка	65	2		266	254
Воронок	43	4		188	173
Лужки	64	12		219	247
Климовая	41	5		163	175
Митьковка	26	4		113	96
Деменка (Городище)	14			80	53
Злынка	12			37	29
Тимошкин Перевоз	16			51	40
Свяцкая	20			75	54
Шеломы	35			155	140
Зыбка	70		3	267	232
Клинцы	17	1		62	44
Ардонь	15			136	118
Курковичи	1			6	7
Понуровка	1			6	7
г. Новгород-Северск	1			1	
Чуровичи	25			144	116
Добрянка	20			110	112
Радуль	12			53	59
Итого	498	28	3	2 097	1 957

Окладу на них положено и во взятъе в казну Его Императорско-го Величества по сей 1729 год по 1 519 рублев на год».

В Донесении капитана Ив. Брянчанинова, представленном 9 августа 1729 года в Канцелярию Министерского Правления Малороссийских дел, ответы были даны по пунктам.

// л. XV / «В Канцелярию Министерского Правления Малороссийских Дел

доношение:

По данной из оной Канцелярии инструкции велено мне в Стародубовском и в Черниговском полках раскольнические слободы переписать и освидетельствовать и чинить по нижеследующим пунктам:

По пункту 1 (требовалось):

Взять в каждой слободе у бурмистров, у выборных и у войтов за их руками, под смертною казнию, скаски, что у них ныне раскольнических старых по переписи полковника Ергольского и вновь прибылых и которых лет слобод, сел и деревень, и в них дворового числа, расчисля новые от старых порознь по именам. И в тех слободах по приложенной при оной инструкции о тех раскольщиках ведомости, которая взята из Киево Губернской Канцелярии, освидетельствовать толико их число во оных слободах, селах и деревнях дворов ныне имеется налицо, и, пересмотря, // л. XV об. / переписать в каждой слободе порознь по именам, сколько в котором дворе мужеска и женска полу душ имеетца, и во сколько кто лет и откуда, и каких чинов или помещичьи, и других владельцев, и купецкие, и в которых годех в те слободы пришли жить, и по сколько кто в год платит и чего именно. Також кто по именам и откуда сверх прежней Ергольского 1715 года переписи в те слободы прибыли, и какими торгами торгуют или промыслы имеют, и с тех своих торгов и промыслов оные новоприбылые сверх положенного от Ергольского окладу какой оклад платили каждый порознь».

На пункт 1 ответ: «И по оной инструкции я учинил:

В раскольнические слободы в Стародубовский и в Черниговский полки ездил и от оных раскольнических 16 слобод от бурмистра Андрея Панова, у выборного Григория Невеницы и войтов 16 слобод за их руками под смертною казнею скаски, что в тех раскольнических слободах старых по переписи 1715 и по окладу 1718 годов и вновь после той переписи Ергольского прибылых дворов, и откуда кто, и в какие леты пришли, и по взятии тех сказок те жители свидетельствованы, а что в которой слободе дворов и в них мужеска и женска полу душ, и во сколько кто лет, и откуда, и каких чинов, о том из оных сказок учиненные книги, и те самые сказки прилагаю при сем доношении. А какой оклад оные рас-

кольщики порознь и опреж сего по положению Ергольского, а потом вновь, ныне, и какие кто торги и промыслы имеют, и откуда кто и в которых годех в те слободы пришли, и сверх Ергольского переписи вновь откуда прибыли, о том явно из сказок и в тех книгах именно объявлено. А оные бурмистр, выборной и войты в скасках своих написали, что оклад платят они с земли, на которой живут и хлеб сеют, и вновь поселенных слобод у них нет».

// л. XVI / По пункту 2 (требовалось)

«Осмотря и переписав оных раскольщиков, объявить им Его Императорского Величества указ, дабы они по окладу деньги в казну Его Императорского Величества платили в Глухове в Канцелярию Министерского Правления Малороссийских Дел сполна, без доимки, по третям года».

На пункт 2 ответ:

«По взятии в тех слободах сказок и по свидетельству оных раскольнических слобод бурмистру, войтам и всем жителям Его Императорского Величества Указ объявлен с подпискою, дабы они по окладу деньги в казну Его Императорского Величества влатили в Глухове в Канцелярию Министерского Правления Малороссийских Дел сполна без доимки по третям года, которое объявление сообщаю при сем же доношении. // л. XVI об. / В тех же раскольнических слободах бурмистр и войты скасками показали и по свидетельству моему явилось: в слободе Тимошкин перевоз чрез реку Ипуть на откупу той слободы за жителем Кузьмой Донцом, за которой откуп платил в Киев по одиннадцать рублей на год и платил те откупные деньги по сей 1729 год сполна.

Близ слободы Клинцов кожевенной завод Москвитина посацко-го человека Барашской Слободы Ивана Сабольщикова. Окладу платил он, Сабольщиков, с земли, на которой тот завод построен, в слободу в год по 12 рублей, и заплатил те деньги по сей 1729 год.

К сему доношению Глуховского Гварнизонного полку капитан Иван Брянчанинов руку приложил».

В Донесении в Государственную Коллегию Иностранных Дел от 26 января 1730 года князь Шаховской сообщил:

// л. X / ... «...А прежних переписных тем раскольщикам полковника Ергольского книг, також и откупных статьях ведомости, с которых велено прислать в Коллегию Иностранных Дел копии, ис Киевогубернской Канцелярии в Глухов в Канцелярию Министерского Правления не прислано, а понеже и по решительному Верховного Тайного Совета 16-му пункту велено о тех раскольщиках ис Киева взять только ведомость, а не подлинные переписные книги. Но хотя из Канцелярии Министерского Правления о при-

сылке помянутых книг в Киевогубернскую Канцелярию писано неоднократно, токмо оных не прислано.

А об откупных статьях мне показано по донесению помянутого капитана Брянчанинова и перепись ево, а именно: в Стародубовском полку в слободе Тимошкин перевоз чрез речку Ипуть на откуп той слободы за жителем Кузьмою Донцом, за которой откуп платил в Киев по одиннадцать рублей на год и платил те откупные деньги по 1729 год сполна; да близ слободы Клинцов кожевенной завод москвитина посацкого человека Барашской слободы Ивана Соболящикова оклад платил он, Соболящиков, с земли, на которой тот завод построен в слободу в год по двенадцати рублей и заплатил те деньги по 1729 год; и те деньги велено тем людям платить в Канцелярию Министерского Правления;

И на оной 1729 год помянутые раскольщики вышеписанные окладные деньги по прежнему Ергольского окладу 1 519 рублей, да за откупные статьи за перевоз чрез реку Ипуть 11, за кожевенный завод 12, итого 23 рубли, а с окладными 1 542 рубли, привезли в Глухов, которые в Государственную Коллегию Иностранных Дел посылаются. При сем тех раскольнических слобод счетчики с Петром Игнатьевым, с Ильей Андреяновым за их счетом и печатями, и о приеме оных денег требуют Повелительного Указу.

Алексей Шаховской.

генваря 26 дня 1730 году».

(РГАДА, ф. 248, оп. 29, кн. 1797, лл. I-XVII).

Сказка (перепись) обывателей слободы Клинцы 1729 года

(РГАДА, ф. 248, оп. 29, кн. 1797, лл. 105-116 об.)

// л.105 / «Слобода Клинцы

Поселена в дачах Бунчукового товарища Ивана Лаврентьева сына Бороздны на речке Туросне в 707-м году. Оную слободу сначала осаживал Костромского уезду Дворцовой Государевой Даниловской волости крестьянин приселка Николы Хабарова Василей Афанасьев сын Клинцов.

О сей слободе сказка за руками бурмистра Андрея Панова, той слободы бурмистра Павла Клинцова на 141-м листе¹.

В помянутой слободе дворов по переписке 715-го и 718-го годов полковником Ергольским написаны и оклад платили:

¹В приписке на полях ссылка на подлинный текст сказок, с которого сделана настоящая копия.

Слобода Клинцѣ

Осей Слободѣ
стала зару
нами була
страйцаря
панеда той
Слободѣ бѣли
стра палла
Клинцова на
листѣ.

Поселена въ дагахъ бунѣвного годари
ща івана лаврентѣя сына борозивъ
норетѣ туракетѣ въ годъ 1707 ону
Слободу сматала о са смиланъ ко стурѣ
Сного утѣзу дворцовой Нардой данило
Сной Волости Крѣстьянинъ Пришла
нишля хабарова ваимѣ івановъ съ
Сынъ клинцовъ сполучитѣ Слобо дворо

Поперлише 1729 и 1728 году Поперлише
Ермолиимъ написанъ Юрковъ платили

Ха

Всего двѣ марѣ матѣя до
Евдореѣна сына івана 52 летъ
ко стурѣ шого утѣзу дворцовой Нардой во
лосты претѣя на Ксела данила ииного
Пришла она смиланъ отъ Слободѣ Кли
нцѣ въ годъ 1707 ону дѣти івана Зо
Филиппъ 15 Профилъ 10 летъ оиля
Ермолиимого нанѣи было земли Положеню
і платила въ годъ три рубли восмьдесятъ
копѣевъ і въ годъ 1729 той Слободѣ
войно іконо оиля Словоно турѣбѣи
трицатъ копѣевъ промизелъ уней
нинанѣхъ нѣтъ знѣть платѣ 50 копѣевъ

Водворе Васильей а' Донасье Сынъ =
Клинецъ въ лѣтъ козюмшого утвзду
Дворцовой Рурдой Вологити крестъ ани^н
Дрвни Зинуниной пришло въ 707^н 10^н Унего
Во^т ворѣ Свѣа мариа вайла доль
Ани мещная сена Рурствѣа 73 лѣтъ
Здѣни горещного утвзду крестъ ани^н мнѣу

Во^т портѣ лателъ а' Донасье Сынъ Клинецъ
55 лѣтъ козюмшого утвзду Дворцова
Рурдой Вологити крестъ ани^н присѣна
ишлоъ хабарова пришло въ 707^н 10^н
Унего сѣни о^н а^н а данилопа доль 50 лѣ
Сынъ Рурила 30 лѣтъ у Рурилъ сѣна
на стѣлѣ Рурора доль 25 лѣтъ лѣтъ
Винилъ а а^н а^н въ з доль ма^н а^н по^н а^н
О^н а^н а^н зрѣшного на мѣ^н а^н з земли по
сѣно плати^н во^т стри рубли а^н а^н а^н
Козюмшав а^н въ 72^н 10^н 11^н Слобода
войтѣ^н (Зонного о^н а^н а^н) по сѣно о^н а^н
рубль а^н а^н а^н копѣевъ нѣ плати^н а^н
Два рубли промъсав платѣтъ торъуѣтъ
масло конопляннѣа ,

Во^т ворѣ Імѣя лозарѣ 40 лѣтъ въ з во
недгорещного утвзду крестъ ани^н полѣ щѣла

Сказки обывателей слободы Клинецъ 1729 г.
на л. 107— 107 об.

Во дворе (1,0)¹

вдова Марья Матвеева дочь Федоровская жена Исаева 52 лет, Костромского уезду, Дворцовой Государевой волости крестьянка из села Даниловского, пришла она с мужем в ту слободу Клинцы в 707-м году. У ней дети: Иван 30, Филип 15, Трофим 10 лет. Окладу Ергольского на ней было з земли положено и платила в год три рубли восемьдесят копеек. А в 727-м году той слободы войтом из онога окладу сложено три рубли тридцать копеек. Промыслов у ней никаких нет и ныне платит 50 копеек.

//л. 105 об./

Во дворе (2,0)

Михайло 80, Гарасим 79, Федор 75 лет Семеновы дети Ильенковы Вяземского уезду Сторожевского монастыря крестьяне деревни Песковой, пришли в 715-м году. У Федора жена Лукерья Тимофеева дочь 60 лет, сын Лазарь 13 лет. Окладу Ергольского на них было з земли положено и платили в год два рубли, а в 721-м году той слободы войтом из онога окладу сложено один рубль. Ныне платят один рубль. Промыслов у них никаких нет.

Во дворе (3,0)

У Ивана Аникеева соседи:

(3,1) Иван 40, Федот 35 лет Максимовы дети, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьяне из деревни Оксиньной, пришли в 716-м году. У Федота жена Агафья Кондратьева дочь 30 лет, дочь Ульяна полу году. У них же брат двоюродной Иван 40, брат же двоюродной Дементей Иванов сын Болотов 40 лет. У Дементья жена Маланья Молофеева дочь 50 лет, сын Алексей 4 лет. Окладу платят з земли в год один рубль. Промыслов у них никаких нет.

(3,2) Трофим Иоанов сын Овсяников 50 лет Можайского уезду Дворцовой Государевой волости //л. 106/ из села Пречистенского, пришел в 709-м году. У него жена Акулина Екимова дочь 40 лет, сын Иван, дочери: Фекла 13, Матрона 8 лет. У него ж Трофима тесть Еким Федосеев 80 лет. У Екима сын Осип 15 лет. Окладу платят з земли в год пятьдесят копеек. Промыслов у него никаких нет.

Во дворе (4,0)

Иван Мартьянов сын Щербаков 55 лет Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Якуниной, пришел в 707-м году. У него сестра родная Федосья 57 лет, приемуш-

¹В текст переписи для лучшего прочтения внесены некоторые знаки препинания, двory пронумерованы, сохранена разметка листов архивного документа (Р. И. П.).

Клинцовский летописец

ка Авдотья Иванова дочь 9 лет. Окладу Ергольского на нем было з земли положено и ныне платит в год два рубли. Промысл имеет – торгует маслом конопляным.

Во дворе (5,0)

Ермолай Федоров сын Карлин 90 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин приселка Николе Хабарова, пришол в 709-м году. У него дети: Филип 53, Клим 50 лет. У Климана жена Варвара Никифорова дочь 30 лет, дочери: Аграфена 5, Авдотья 1 году. Окладу Ергольского на нем з земли положено и ныне платит //л. 106 об./ в год два рубли пятьдесят копеек. Промысл имеет – торгует маслом конопляным. У него ж Ермолая иметца во особливом дворе промысл – делает кожи бараньи и из оных шьет руковицы и продает.

Во дворе (6,0)

Вдова Антонида Афонасьева дочь Микифоровская жена Борышниковна 73 лет, города Орла посацкая, пришла она с мужем своим в 708-м году. У ней дети: Иван 38, Исай 35, Евсей 30 лет. У Ивана жена Аграфена Иванова дочь 30 лет, сын Финоген 3, дочери: Ульяна 8, Степанида 1 году. У Евсевья жена Аграфена Матвеева дочь 28 лет, сын Ефим 1 году, дочь Арина 2 лет. Окладу Ергольского на ней было положено и платила в год один рубль, а в 719-м году той слободы войтом к тому окладу прибавлено один рубль пятьдесят копеек. Всего ныне платит два рубли пятьдесят копеек. Промысл имеют – торгуют маслом конопляным.

Во дворе (7,0)

Василей Степанов сын Позной 80 лет, Псковского уезду, села Коровка Печерского монастыря крестьянин, пришол в 709-м году. У него сын Филип 27, дочь Просковья 13 лет. Окладу Ергольского //л. 107/ на нем было з земли положено и платил в год три рубли. И из оногo окладу той слободы войтом сложено один рубль пятьдесят копеек и ныне платит один рубль пятьдесят копеек. Промысл имеет – делает сапоги.

Во дворе (8,0)

Сергей Марков 60 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Шуплиной, пришол в 710-м году. У него племянник Петр Иоанов 16 лет. Окладу Ергольского на нем было з земли положено и платил в год два рубли пятьдесят копеек, а в 723-м году той слободы войтом из оногo окладу сложено пятьдесят копеек и ныне платит два рубли. Промыслов у него никаких нет.

Во дворе (9,0)

Василей Афонасьев сын **Клинец** 62 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин деревни Якуниной, пришел в 707-м году. У него во дворе вдова Марья Васильева дочь Акимовская жена Федосеева 73 лет, Звенигородского уезду Крутицкого монастыря //л. 107 об./ крестьянка из деревни Городища. Пришла в том 707-м году. Окладу Ергольского на нем было з земли положено и платил в год два рубли, а в 727-м году той слободы войтом из оног окладу сложено один рубль и ныне платит один рубль. Промысл имеет – торгует маслом конопляным.

Во дворе (10,0)

Павел Афанасьев сын **Клинец** 55 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин приселка Николы Хабарова, пришел в 707-м году. У него жена Оксинья Данилова дочь 50 лет, сын Гаврила 30 лет. У Гаврилы жена Настасья Федорова дочь 25 лет, дети: Еким 4, Алексей 3, дочь Мавра полу году. Окладу Ергольского на нем было з земли положено и платил в год три рубли десять копеек, а в 720-м году той слободы войтом из оног окладу сложено один рубль десять копеек и ныне платит два рубли. Промысл имеет – торгует маслом конопляным.

Во дворе (11,0)

Илья Лазарев 40 лет. Отец ево Новогороцкого уезду крестьянин помещика //л. 108/ Михайла Федорова сына Лепенина из деревни Кшоты, пришел в 712-м году. Окладу Ергольского на нем было з земли положено и платил в год два рубли, а в 721-м году той слободы войтом из оног окладу сложено один рубль пятьдесят копеек и ныне платит пятьдесят копеек. Промыслов у него никаких нет.

У него ж во дворе сосед:

(11,1) Тимофей Антонов 45 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из села Даниловского, пришел в 718 году. У него дети: Иван 17, Василей 15 лет. У Ивана жена Акулина Савельева дочь 20 лет. Окладу платит з земли в год один рубль. Промыслов у него никаких нет.

Во дворе (12,0)

вдова Федора Никитина дочь Мартьяновская жена Иванова 70 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости из села Даниловского, пришла в 707-м году. У ней дети: Андрей 40, Григорей 30, Назар 25 лет. У Андрея жена Дарья Иванова дочь 23 лет, дочь Федосья 1 году. У Григорья жена Устинья Афонасьева дочь 20 лет, сын Ермолай 1 году, дочь Оксинья 3 лет. Окладу Ергольского на ней было з земли положено и платила в год два рубли, а в

Клинцовский летописец

720-м году той //108 об./ слободы войтом к тому окладу прибавлено пятьдесят копеек. Всего ныне платит два рубли пятьдесят копеек. Промысл имеют – торгуют маслом конопляным.

Во дворе (13,0)

Василей 60, Алексей 40, Никифор 38 лет Тимофеевы дети Новиковы Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин приселка Николы Хабарова, пришли в 718-м году. У Василья жена Мавра Емельянова дочь 40 лет. У Алексея жена Арина Иванова дочь 30 лет, сын Степан 10 лет. Окладу платят з земли в год рубль пятьдесят копеек. Промыслов у них никаких нет.

//л. 109/

В 729-м году по переписи капитана
Брянченинова вновь прибылых явилось

Во дворе (1,0) у вдовы Марьи Исаевой соседи:

(1,1) Михайло Кузмин сын Лошкарев 35 лет, Болохонского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Козанцовой, пришел в 720-м году. У него сестра родная Акулина 40 лет. Окладу платит з земли в год пятьдесят копеек. Промысл имеет – делает и продает лошки деревянные.

(1,2) Дементей Артемьев 60 лет, Болохонского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из села Хохлома, пришел из за границы Польской в 721-м году. У него сестра двоюродная Авдотья Иванова дочь 50 лет. Окладу платит з земли в год пятьдесят копеек. Промысл имеет – делает и продает лошки деревянные. //л. 109 об./

(1,3) Михайло Трофимов 45 лет, Новогороцкого уезду Дворцовой Корельской волости крестьянин из деревни Лохновой, пришел в 727-м году. У него жена Варвара Васильева дочь 40 лет, сын Петр 1 году, зять Иван Мартынов сын Кожемякин 26 лет, пришел из за границы Польской в 722-м году, а прежде того был Москвитин посацкой члвекъ слободы Средних Садовников. У него жена Авдотья Алексеева дочь 20 лет. Окладу никакова не платит.

(1,4) Тимофей Васильев сын Крашенинников 50 лет, города Колуги посацкой члвекъ, пришел в 719-м году. У него жена Анна Ерофеева 40 лет, сын Стефан 3 лет. Окладу никакова не платит.

(1,5) Кондратей Иванов 46 лет, пришел из за границы Польской в 720-м году, а прежде того был Балахонского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Задориной. Окладу никакова не платит.

Во дворе (2,0) у Михайлы Ильенкова соседи:

(2,1) Федор Осипов 45 лет, пришел из за границы Польской в 719-м году, а прежде того был Болохонского уезду Дворцовой Го-

сударевой волости крестьянин //л. 110/ из села Семенова. У него жена Катерина Аврамова дочь 50 лет, дети: Сидор 18, Родион 16 лет. Окладу платит з земли в год один рубль. Промысл имеет – делает и продает лошки деревянные.

(2,2) Агафон Афонасьев сын Горячкин 35 лет, пришел из за границы Польской в 721-м году, а прежде того был Мосальского уезду Вознесенского девичьего монастыря крестьянин из деревни Селиной. У него жена Авдотья Торасова дочь 30 лет, дети: Антон 10, Савелей полутора году, дочь Просковья 8 лет. У него ж брат родной Кирила 20 лет. У Кирила жена Христина Ермолаева дочь 20 лет. Окладу платит з земли в год пятьдесят копеек. Промыслов у него никаких нет.

(2,3) Яков Никитин сын Морозов 75 лет, Новгородского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин деревни Мининской, пришел в 721-м году. У него жена Арина Степанова дочь 65 лет, сын Евтифей 35, дочь вдова Матрона Федорова жена Степанова 40 лет. У Евтифея жена Марья Анфиногенова дочь 23 лет. Сын Ефим 9 лет. Окладу платит з земли в год пятьдесят копеек. Промыслов у них никаких нет. //л. 110 об./

(2,4) Григорей Юдин 23 лет, Серпейского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из села Спаскова, пришел в 719-м году. У него жена Настасья Исаева дочь 27 лет, дочери: Марья 4 лет, Наталья полу году. Окладу никакова не платит.

Во дворе (3,0)

Иван Аникеев 55 лет, пришел из за границы Польской в 721-м году, а прежде того был Московского уезду Троицкого Сергиева монастыря крестьянин из деревни Назаровой. У него жена Устинья Григорьева дочь 50 лет, дети: Федор 30, Филип 25, дочери Марья 15, Дарья 10 лет. У Федора жена Федосья Павлова дочь 25 лет. Окладу платит з земли в год один рубль. Промысл имеет – торгует маслом конопляным.

У него ж Ивана Аникеева соседи:

(3,3) Иван Осипов 60 лет, Давид Иванов 60 лет, пришли из за границы Польской в 721-м году, а прежде того были: Иван – города Юрьева Польского посацкой члвекъ, Давид – Переяславского уезду Залеского, Дворцовой Государевой волости крестьянин Александровой слободы окладу никакова не платит. //л.111/

(3,4) Федор Иванов 40 лет, пришел из за границы Польской в 728-м году, а прежде того был Троицкого Сергиева монастыря крестьянин из деревни Негловой. У него сестра родная вдова Агафья 50 лет, у ней дети: Ларион 15, дочери: Настасья 10, Марфа 6 лет. У него ж, Федора, племянник Петр Самсонов 10 лет. Окладу платит

Клинцовский летописец

з земли в год пятьдесят копеек. Промысл имеет кузнецкой.

(3,5) Яков Матвеев 35 лет, пришел из за границы Польской в 723-м году, а прежде того был Балахонского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Липовки. У него тетка вдова Арина Гаврилова дочь Корниловская жена Иванова 60 лет, у нее сын Яков 7 лет. Окладу никакова не платит.

Во дворе (4,0) у Ивана Щербакова сосед:

(4,1) Василий Иванов 40 лет, пришел из за границы Польской в 720-м году. У него дети: Иван 15 лет, Степан 12, Андрей 6, дочь Фекла 9 лет. У него тетка вдова Ульяна Иванова дочь Васильевская жена Федорова 35 лет. Окладу никакова не платит, а прежде того были Костромского уезду Дворцовой волости крестьяне из деревни Зуевой. //л.111 об./

Во дворе (5,0) у Ермалая Карлина работник:

(5,1) Яков Степанов сын Кожемяка 53 лет, Ярославского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из слободы Рыбной, пришел в 720-м году.

Во дворе (7,0) Василья Позного соседи:

(7,1) Иван 40, Григорей 35, Семен 34 лет Иевлевы дети Таракановы, пришли из за границы Польской в 721-м году, а прежде того были Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьяне из деревни Волосовой. У Григорья жена Катерина Васильева дочь 27 лет, сын Михайло 4, дочь Анна 1 году, у них же мать Феона Карнеева дочь 89 лет. Окладу платит з земли в год один рубль пятьдесят копеек. Промысл имеет харчевной.

(7,2) Михайло Полуектов 40 лет, города Ярославля посацкой члвекъ, пришел в 721-м году. У него жена Агафья Федорова дочь 35 лет, дети: Матвей 7, Яков 5, дочь Агафья 1 году. Окладу никакова не платит.

Во дворе (8,0) у Сергея Маркова сосед:

(8,1) Василий Аврамов сын Белоусов 50 лет, пришел из за границы Польской в 728-м году, а прежде того был Коломенского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из села //л. 112/ Дединова. У него жена Марина Матвеева дочь 45 лет. Окладу никакова не платит.

Во дворе (9,0) у Василья Клинцова сосед:

(9,1) Афонасей Аксенов сын Щербаков 50 лет, пришел из за границы Польской в 724 году, а прежде того был Переславского

уезду Залеского Троицы Сергиева монастыря крестьянин из деревни Степковой. У него жена Оксинья Ефимова дочь 50 лет, дочь Лукерья 9 лет. Окладу платит з земли в год один рубль. Промыслов у него никаких нет.

Во дворе (14,0)

Макар Емельянов сын Развозжаев 45 лет, из Москвы, Рогожской слободы ямщик, пришел в 723-м году. У него жена Елисавета Данилова дочь 40 лет, дети: Иван 3, Михей полу году, дочери: Анисья 9, Анна 5 лет. Окладу платит з земли в год один рубль двадцать копеек. Промысл имеет – торгует рукавицами.

У него во дворе соседи:

(14,1) Нефед Антонов сын Чекулаев 50 лет, Новогорецкого уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин, пришел в 720-м году. У него жена Арина //л. 112 об./ Ларионова дочь 60 лет, сын Федор 15 лет. Окладу платит з земли в год один рубль двадцать копеек. Промыслов у него никаких нет.

(14,2) Федор Михайлов сын Красильников 40 лет, пришел из за границы Польской в 725-м году, а прежде того был Ярославского уезду Спасова монастыря крестьянин из деревни Погорелок. Окладу платит з земли в год один рубль сорок копеек. Промысл имеет крашенинной.

Во дворе (15,0)

Костянтин Иванов сын Грезин 75 лет, Дмитровского уезду из Деревни Якуниной крестьянин Троицы Сергиева монастыря, пришел в 721-м году. У него жена Арина Афонасьева дочь 70 лет, дети: Панкрат 40, Еремей 27 лет. У него ж Костянтина невестка вдова Дарья Алексеева дочь 40 лет, у ней дочь Прасковья 17 лет. Окладу платит з земли в год один рубль. Промыслов у него никаких нет.

У него ж Костянтина Грезина соседи:

(15,1) Ермолай Трофимов сын Богорадов 50 лет //л. 113/ Великолуцкого уезду Троицкого Сергиева монастыря крестьянин из деревни Рышковой, пришел в 719-м году. У него жена Авдотья Савельева дочь 40 лет, дети: Мина 13, Анофрей 5, дочь Степанида полу году. Окладу платит з земли в год один рубль. Промыслов у него никаких нет.

(15,2) Кондратей Васильев сын Усов 50 лет, Орловского уезду деревни Тереховой крестьянин помещика Петра Прокофьева сына Терехова, пришел в слободу Лушки в 719-м году, а из Лушков в слободу Клинцы в 729-м году. У него жена Федора Тихонова дочь

Клинцовский летописец

40 лет, сын Егор 9 лет, дочери: Лукерья 8, Арина 4, Авдотья 1 году. Окладу никакова не платит.

Во дворе (10,0) у Павла Афонасьева сына Клинцова соседи:

(10,1) Ларион Кирилов 70 лет, из за границы Польской подданной шляхтича Глебовича, пришел в 721 году. У него сын Лукьян 30 лет. У Лукьяна жена Авдотья Фомина дочь 30 лет, сын Игнат 5, дочь Василиса 9 лет. У него ж Лариона племянник Иван Лазарев 40 лет. Окладу платят з земли в год один рубль десять копеек. Промыслов у них никаких нет. //л. 113 об./

(10,2) Кирила Иванов 30 лет, пришел из за границы Польской в 720-м году, а прежде того был Дмитровского уезду Троицкого Сергиева монастыря крестьянин из села Алевидова. У него жена Проксавья Гурьева дочь 20 лет. У него ж брат двоюродной Аким Костянтинов 25 лет. Окладу никакова не платит.

Во дворе (11,0) у Ильи Лазарева сосед:

(11,2) Михайло Степанов сын Слатин 32 лет, Московского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Микулиной, пришел в 719-м году. У него жена Агафья Карпова дочь 30 лет, сын Яков полу году, дочь Татиана 2 лет. Окладу платит з земли в год пятьдесят копеек. Промыслов у него никаких нет.

Во дворе (16,0)

Иван Васильев 50 лет, пришел из за границы Польской в 720-м году, а прежде того был Болохонского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин из деревни Ларионовой. У него сестры родные: Аграфена 55 лет, Настасья 35 лет. Окладу платит з земли //л. 114/ в год девяносто копеек. Промысл имеет — торгует маслом конопляным.

У него ж Ивана во дворе соседи:

(16,1) Василей Кондратьев 56 лет, Костромского уезду Дворцовой Государевой волости крестьянин приселка Николы Хабарова, пришел в 723-м году. У него жена Прасковья Никифорова дочь 45 лет. Окладу платит з земли в год девяносто копеек. Промысл имеет — столярной.

(16,2) Павел Кузмин 80 лет, Мосальского уезду Боровенского монастыря крестьянин, пришел в 720-м году. У него дети: Илья 30, Петр 20, Фока 15 лет. У Ильи жена Агафья Федотова дочь 30 лет. У Петра жена Марья Самойлова дочь 25 лет. Окладу не платит. //л.114 об./

(16,3) Кондратей Тимофеев 60 лет, пришел из за границы

Польской в 720-м году, а прежде того был Нижегородского уезду Дворцовой Государевой Заузольской волости крестьянин. У него жена Лукерья Юдина дочь 62 лет, сын Дмитрий 15, дочь Прасковья 8 лет. Окладу не платит.

(16,4) Вдовы: Василиса Фолимонова дочь Фроловская жена Иванова 60 лет, Палагея Степанова дочь Федоровская жена Лазарева 70 лет, города Великих Лук посацкие, пришли в 720-м году. У Василисы дети: Илья 16, Фрол 14, дочь Афросинья 12 лет. У Палагеи племянник Иван Наумов 40 лет. Окладу не платят. //л. 115/

Да тою же скаскою показано и по свидетельству явилось близ той слободы Клинцов завод (17,0) Москвитина посацкого члвека Барашской слободы Ивана Григорьева сына Сობольщикова, которой де на том заводе живет сам. От роду ему 59 лет, пришол в ту слободу в 720-м году. У него сестра родная вдова Арина Григорьевская жена Иванова сына Кабанова 60 лет. Окладу з земли, на которой тот завод построен, в слободу платит в год по двенатцати рублев, а в оном заводе делают //л. 115 об. / у него юфти и белые кожи, ис которых шьют сапоги немецкие и руские, и руковицы, и продаютца в Малой Росии. У него ж Сабольщикова в Нежине иметца лавка, в которой торгует мехами, полотнами и крашениною, да на том кожевном заводе работники ево:

(17,1) Филип 55, Малафей 18 лет Перфильевы дети Киселевы, города Колуги посацкие люди, пришли в 727-м году.

(17,2) Петр Парфеньев сын Щедрин 30 лет, великороссийской породы, а которого города или чьего помещика и деревни того не знает для того, что после отца своего //л. 116/ остался в малых летех, пришол из слободы Еленки в 728-м году.

Всего по ведомости Киево Губернской канцелярии показано в той слободе переписью Ергольского 18 дворов.

Ныне оных в скаске написано и по свидетельству явилось 12 дворов.

Из вышеписанного числа убыло 6 дворов.

Вновь прибылых после переписи //л. 116 об./ Ергольского ныне в скаске написано и по свидетельству явилось 5 дворов.

А всего старых и вновь прибылых ныне налицо 17 дворов».

**Структура переселенческих потоков
из России и Польши
в старообрядческие слободы Малороссии
в конце XVII – начале XVIII веков
по материалам переписи обывателей Государевых
описных раскольничьих слобод 1729 года**

Р. И. Перекрестов

1. Введение

Исследованием заселения и освоения окраин России занимались ученые И.Н. Миклашевский, М.К. Любавский, Д.Н. Багалея, Ю.В. Готье, И.А. Бульгин, А.А. Новосельский, В.М. Кабузан и другие. Внимание исследователей, на основании доступных документов, в большей мере было уделено южному и юго-восточному направлениям движения потоков переселенцев из центральной России. Юго-западное и западное направления переселенческого движения русских крестьян до сих пор остаются малоисследованными. Между тем, переселение крестьян из России в Малороссию, и особенно в Польшу, начавшееся во второй половине XVII столетия, достигло таких размеров, что обратило на себя внимание правительства. Дважды в течение XVIII века правительство вводило войска на территорию сопредельной Речи Посполитой и насильно водворяло беглецов в пределы России.

Причины бегства крестьян из центральных уездов России в конце XVII – начале XVIII веков изучены достаточно глубоко и получили освещение в отечественной историографии. Ю.В. Готье писал: «Бегство из России, начавшееся еще в XVI веке, было обусловлено стремлением уйти из страны в поисках лучших условий жизни. Самовольный уход почти всегда означал уклонение от тягла и желание избавиться от тяжелых повинностей»¹.

Главная цель бегства крестьян – «избыть» крепостное ярмо или смягчить его².

Среди причин бегства крестьян в конце XVII–начале XVIII веков из центра России есть указание на сокращение крестьянского землепользования, на рост владельческих повинностей, на усиление налогового гнета, на крайне тяжелую трудовую мобилизацию населения и рекрутские наборы³.

¹Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 4.

²Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. М. Универс. 1983, с. 71.

³Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века. М. АН СССР. 1958, с. 187, 264.

По данным Н.В. Разореновой, полученным при изучении материалов Алатырской переписной канцелярии, значительное число побегов крестьян в Алатырский уезд происходило в первые десятилетия XVIII века из Московской и Нижегородской губерний от «скудости» и «хлебного недорода»¹.

Среди прочих причин схода крестьян Е.И. Заозерская указывает на малоземелье крестьян как в северных, так и в южных районах, вызванное частичным захватом земли более сильными землевладельцами-феодалами и крепкими крестьянами².

С началом Северной войны и преобразовательной деятельности правительства царя Петра появились новые причины бегства. Крестьяне в челобитных и расспросных речах, данных в 1710-е годы, о причине «разброда» указывали, что они «от податей и от солдатского взятья, и работников, и подвод ... вконец разорились и многие разбрелись врознь»³.

В сказке, данной старостами дворцового села Даниловского Костромского уезда в 1710 году, было сказано: «... А из тех дворов крестьян указом Великаго Государя в пять наборов взяты многие в рекрутные солдаты, и в плотники на Таганрог, и в работники в Санкт Питер Бурх. И из тех работников многие померли. А после тех солдат и плотников, и работников оставшиеся отцы и старики, и жены, и дети многие померли, а иные врознь разбрелись и живут неведомо где. А иные крестьяне от скудости покиня свои тяглые жеребеи и дворы впусе, с женами и с детьми врознь разбрелись и живут неведомо где»⁴.

Таким образом, Северная война, военное и гражданское строительство, производившиеся за счет населения, резко ускорили разорение крестьян и посадских людей, став в начале XVIII века новой, более значимой причиной «схода» тяглого населения на окраины государства.

Со второй половины XVII столетия бегство из центра России приобретает религиозную окраску. Религиозная мотивация, как новая побудительная причина, питавшая и направлявшая переселенческое настроение крестьян и посадских людей, проистекала из государственной политики реформирования церкви, проводившейся непродуманно, быстро, грубо, без учета социальных последствий. Насильственное насаждение обновленного церковного обряда, не-

¹Разоренова Н. В. Беглые крестьяне в первой четверти XVIII века. Кн. Проблемы истории СССР. IV. 1974, с. 116.

²Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. Из сб. ст. «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII–XVIII веков». М. 1958, с. 145-146.

³Заозерская Е. И. Там же. С. 149.

⁴РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 231, л. 16.

понятного народу, раскололо общество, создав в многомиллионной массе населения мощную духовную оппозицию правительству и господствующей церкви.

М.И. Лилеев убедительно показал, сколь существенной для организации переселенческого движения населения с конца XVII века стала агитация, проводившаяся в многочисленных старообрядческих общинах, монастырях, скитах и пустынях внутри России, а также выходившая из старообрядческих духовных центров Заволжья, Заонежья и знаменитой Ветки, находившейся за польской границей¹.

Наряду с экономическими и социальными побудительными причинами, толкавшими население России к бегству, старообрядческая агитация в определенные годы существенно ускорила осознание людьми своего неблагоприятного положения и подвигла тысячи крестьян и посадских людей к решительному и целенаправленному переселению в места безопасного проживания ревнителей старого обряда.

Направление бегства старообрядцев в Заволжье и на Дон совпало с основным переселенческим потоком, выходившим из Центра России на южные и юго-восточные окраины государства. В то же время бегство по религиозным мотивам дало новые направления потоку беглецов, например, на север – в Заонежье, на запад – за польскую границу, а также пополнило поток переселенцев из России на юго-запад в Малороссию.

Исследование документов XVII столетия, проведенное М.И. Лилеевым, показало, что поселение в Северной Малороссии великороссийских людей отмечено еще в 1628 году².

Массовое переселение крестьян в Новгород-Северские земли из России началось после окончания русско-польской войны (1654-1667 гг.), спровоцированной присоединением левобережной Украины к России. По условиям Андрусовского перемирия (30.01.1667 г.) Речь Посполитая признала факт присоединения левобережной Малороссии к России и вывела свои войска на правый берег Днепра. Позже, в 1686 году эти условия перемирия были закреплены в договоре о «Вечном мире».

В обезлюдевшие за годы войны земли Северной Малороссии устремились переселенцы – крестьяне с правого берега Днепра, из Польши и из прилежащих к границе Малороссии уездов России. «Этому отчасти способствовали и условия внутренней жизни Малороссии, которые стали в ней слагаться по изгнанию поляков, – писал М.И. Лилеев. – Свобода от панов и всяких обязанностей к

¹Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII веков. Киев, 1895, с. 152, 187-188, 206, 223, 230-231, 242.

²Лилеев М.И. Там же, с. 21.

ним, провозглашенная в то время Малороссийским посольством, привлекла сюда массу крестьян из соседних великорусских областей». «Московское правительство не могло не обратить серьезного внимания на это опасное для него явление. Оно тотчас и постаралось принять против него прежде всего свои обычные канцелярские меры», добившись того, что «при избрании гетмана ему и всей старшине вменялось в обязанность «сыскивать воров-беглецов и отдавать их помещикам и вотчинникам... и вообще не принимать беглых из порубежных городов»¹. Но бегство крестьян из России в Малороссию продолжалось равно, как и укрывательство беглецов малороссийскими феодалами. М.И. Лилеев обнаружил в архиве Министерства иностранных дел несколько «записных книг всем царским грамотам», посылаемых «к гетману, полковникам и черниговскому архиерею, по челобитью всяких чинов людей, о сыске беглых крестьян и слуг». Одна из таких «записных книг» обнимает период времени от 10 ноября 1676 г. по 8 ноября 1688 года. «Челобитьями к государю о поселении беглых людей и крестьян в Малороссии наполнена также почти целая книга Малороссийского Приказа, хранящаяся в Московском архиве Министерства юстиции и обнимающая собою 1674-1675 годы»².

Например, в челобитной 1672 года «заоцкие помещики всех городов, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, жильцы, и городовые дворяне и дети боярские» били челом на малороссийское и светское начальство и на козаков по поводу укрывательства ими беглых крестьян. Челобитчики писали: «...люди, государь, наши и крестьяне, заворовав многие, побив помещиков своих, а иные пожегши, бегают от нас за рубеж в малороссийские города и живут, бегая от нас, в малороссийских городах, за епископы и за козаками в городах и на посадах, в селах и в деревнях». Особенно жаловались они на Лазаря Барановича, архиепископа Черниговского и Новгородсеверского, за которым, по их словам, «поселилось камарицких беглых драгун и крестьян и иных прихожих людей больше пяти тысяч»³.

Появление в Малороссии выходцев из России, бежавших от преследований, вызванных реформированием церкви, также отмечено в 70-е годы XVII столетия. «В летописи Самовидца», составленной, по мнению М.И. Лилеева, в пределах Северщины, «факт поселения великороссийских раскольников в Стародубском полку отмечен под 1676 годом». Автор Самовидца «ставит в связь поселение раскольников в северских пределах с московским собором 1666-

¹Лилеев М.И. Там же, с.72.

²Лилеев М.И. Там же, с.74.

³Лилеев М.И. Там же, с. 21, 40-41. Ссылка на Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. IX. СПб. 1877, с. 855-859.

1667 годов», возникшими разногласиями между сторонниками и противниками церковных нововведений и последовавшими репрессиями правительства против противников церковной реформы. «На эту же связь указывал беспоповщинский писатель Иван Алексеев, автор «Истории о бегствующем священстве»¹.

В подтверждение того, что старообрядцы поселились и жили в Стародубье в 1670-х годах, М.И. Лилеев приводит выдержку из письма, адресованного архиепископом Черниговским и Новгород-Северским Лазарем Барановичем стародубскому наказному полковнику Михаилу Рубцу от июля 1677 года, в котором архиепископ советует вернуть книги «русским людям слободки Демянкувской», которые ранее по его распоряжению были отобраны у крестьян раскольников².

«Нельзя точно и определенно указать ни год появления, ни лицо, которое занесло сюда раскол, — писал М.И. Лилеев, — но несомненно одно, что раскол появился здесь очень рано, почти одновременно с другими наиболее известными местностями, как например, Поморье, Керженец и др. Это тем более вероятно, что Стародубский край издавна уже находился в живых торговых сношениях с Москвой, из которой исходило и распространялось раскольническое движение. И первыми организаторами раскола везде были москвичи, как и здесь... первые, вышедшие сюда раскольники, нашли удобное поле для своей пропаганды, поскольку здесь, гораздо раньше раскольников, поселилось значительное число великорусских крестьян и других выходцев, среди которых раскол свободно мог расширять сферу своей деятельности, охватывая крепкой сетью как раньше поселившихся здесь, так и постоянно вновь приливавших колонистов»³.

Появление в Стародубье, в слободе Понуровке, колонии московских раскольников с попом Кузьмой из прихода церкви Всех Святых на Кулишках, о котором сообщил раскольнический писатель Яков Беляев, по расчетам М.И. Лилеева, могло состояться в конце 1670-х годов. К этому времени в Стародубье уже существовали поселения старообрядцев: Демянка, Понуровка, Синий Колодезь и Белый Колодезь, Замишево и Шеломы⁴.

Но пребывание попа Кузьмы со своими духовными детьми в Стародубье было непродолжительным. В 1882-1884 годах, «когда разгласился указ царевны Софьи к Черниговскому архиерею и Стародубовскому полковнику», старообрядцы «обще вси совет положиша отъити в Польшу. И тако усуетовавше поидоша и посели-

¹Лилеев М. И. Там же, с. 23.

²Лилеев М. И. Там же, с. 24.

³Лилеев М. И. Там же, с. 24.

⁴Лилеев М. И. Там же, с. 5, 26-33.

паша в области пана Халецкого, при реке Ветке», — так писал беспоповщинский историк Иван Алексеев¹.

За польской границей старообрядцы получили право свободно исповедовать старую веру, строить церкви и монастыри. Переселение старообрядческих священников из Стародубья в Польшу положило начало образованию Ветковского духовного центра старообрядцев.

Гонения на «капитонов», как называли тогда старообрядцев, происходили при стародубском полковнике-гетманиче Семене Ивановиче Самойловиче (1682-1684 гг.) и стояли в тесной связи со стрелецкими и раскольничьими волнениями в Москве в правление царевны Софьи Алексеевны. Преследования старообрядцев, поселившихся в Стародубском полку на ранговых и магистратских землях, были непродолжительными и не затронули старообрядцев, живущих на частновладельческой земле. Более того, в самый разгар гонений, в 1684 году, на земле бунчукового товарища Михаила Ивановича Рубца заселяется раскольниками слобода Еленка².

В последующие годы в числе причин наполнения Малороссии переселенцами из России, наряду с преследованием приверженцев старого обряда и участников стрелецких выступлений, с 1699-1700 гг. появляются причины, обусловленные социальными и экономическими сдвигами в обществе в годы Северной войны и преобразовательной деятельности правительства Петра I.

В Малороссии старообрядцы стремятся селиться компактно слободами, находя приют как на землях светских, так и церковных феодалов (во владениях Киево-Печерской лавры). В 1715-1718 годах семьи беглецов из России, расселившихся слободами в пределах Стародубского и Черниговского полков Малороссии, по указу царя были переписаны полковником Ергольским и сведены в единую государеву волость описных раскольничьих слобод. В переписных книгах полковника Ергольского (1715-1718 гг.), а затем и капитана Брянчанинова (1729 г.) собраны «скаска», из которых видно, что старообрядцы начали селиться в Малороссии еще в 1678 году. Но основной переселенческий поток из России в Малороссию начался после 1682 года.

Изучение структуры переселенческого потока крестьян из России в Малороссию впервые предпринято М.И. Лилеевым в работе «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII веков» (Киев, 1895 г.). Были использованы переписи обывателей государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года. М.И. Лилеев с сожалением отмечал, что не располагает полным материалом: удалось изучить переписные книги только 7 из 16 слобод³,

¹Лилеев М.И. Там же, с. 148.

²Лилеев М.И. Там же, с. 39.

³Лилеев М.И. Там же, с. 39,79.

при этом он обратил внимание, что в числе переселенцев в старообрядческие слободы Малороссии выходцы практически из всех уездов России¹.

Перепись обывателей слобод проводилась капитаном Брянчаниновым в 1729 году подворно, но за единицу счета М.И. Лилеев взял крестьянскую семью. Такой подход был оправдан тем, что в большинстве дворов проживало несколько семей родственников и соседей. Деление на семьи predetermined было и порядком налогообложения, принятым в государственной раскольничьей волости со дня ее основания: раскладка налога с земли проводилась не по дворам, а по семьям. В тех случаях, когда 2-3 семьи платили налог совместно, в статистическую обработку бралась каждая семья отдельно.

Такой же подход к обработке материала переписи использован и в нашем исследовании.

Возникает вопрос о степени достоверности сведений, собранных переписчиками, поскольку большинство жителей старообрядческих слобод были «беглыми» из России, среди них могли быть и участники стрелецких бунтов, преступники. Вопрос о достоверности показаний беглых старообрядцев более уместен для переписи 1714 года, когда полковнику Ергольскому была поставлена задача «сыскать» беглых российских крестьян и солдат, поселившихся в Малороссийских полках и переписать их. Тогда крестьянам и посадским людям грозило переселение в Россию к прежнему месту жительства и связанное с этим разорение. В 1714 году «комисары» полковника Ергольского обнаружили только 350 жилых дворов. Многие дворы стояли пустые: жители слобод разбежались, бросив свои дома. Но уже в 1715 году ситуация изменилась к выгоде беглых людей: им было объявлено о «положении в оклад на Государя». Началось возвращение к брошенным очагам. Дополнительная перепись населения слобод, проведенная полковником Ергольским в 1715-1718 годах, выявила значительную прибавку жилых дворов: число их выросло до 526².

В 1729 году обыватели раскольничьих слобод предстали перед переписчиками капитана Брянчанинова уже не «беглыми» крестьянами, а обывателями государевых описных слобод, «бездоимочно» выплачивающими положенный на них «оклад». Находясь под защитой Государя, сознавая «законность» своего положения, обыватели отвечали на вопросы переписчиков без опасения за последствия, а поэтому достаточно правдиво.

В сказках, записанных со слов обывателей, против имени каж-

¹Лилеев М. И. Там же, с. 80.

²ЦГИА Укр. Киев. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 1; РГАДА Москва. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, лл. XIII-XIV.

дого жителя слобод есть сообщение о месте прежнего проживания в России, имя, отчество и фамилия прежнего владельца – помещика. Более того, крестьяне, пришедшие в Малороссию на поселение из Польши, тоже сообщили переписчикам о своем российском происхождении и точно указали, откуда бежали в Польшу и «за каким» российским помещиком жили. Обыватели, забывшие свое происхождение, исчисляются единицами.

Таблица 1

**Потоки переселенцев в старообрядческие слободы
Малороссии в 1678-1729 годах**

	Из России	Из Польши поддан- ные шляхти- чей	Из полков Мало- россий- ских	С Дона	Из Воро- нежа	Всего
Крестьяне помещичьи	306 (46 п)	89	20	–	–	415 (46 п)
Крестьяне дворцовые	172 (42 п)	–	–	–	–	172 (42 п)
Крестьяне монастырские	104 (38 п)	–	–	–	–	104 (38 п)
Посадские люди	85 (35 п)	1	3	–	–	89 (35 п)
Мещане	8 (4 п)	18	6 (1 п)	2	–	34 (5 п)
Ямщики	3	–	–	–	–	3
Дворовые	4	–	–	–	–	4
Поповы дети	3	–	–	–	–	3
Однодворцы	1	–	–	–	–	1
Казаки	–	–	2	2 (2 п)	2 (1 п)	6 (3 п)
Всего	686 (165 п)	108	31 (1 п)	4 (2 п)	2 (1 п)	831 (169 п)

(1 п) – в том числе семьи, пришедшие в Малороссию из России через Польшу.

Перепись 1729 года вобрала в себя сведения, собранные при опросе 831 семьи обывателей. Столь значительный статистический материал, даже при наличии ряда неточностей или заведомо лож-

ных показаний некоторых обывателей слобод, позволяет выявить характерные особенности переселенческого движения крестьян из России в Малороссию. Есть все основания рассматривать перепись обывателей Государевых описных раскольничьих слобод как достоверный материал¹.

По данным переписи капитана Брянчанинова заселение старообрядческих слобод Малороссии шло из трех источников: из России, из Речи Посполитой и из Малороссийских полков. Количество семей, пришедших на поселение с Дона и со Слободской Украины, исчисляется единицами. Представленная таблица № 1 свидетельствует, что большинство переселенцев в старообрядческие слободы – это крестьяне из России.

Для изучения особенностей переселенческого движения из России в старообрядческие слободы Малороссии жители слобод представлены по разрядам: крестьяне помещичьи, крестьяне монастырские, крестьяне дворцовые, люди посадские, мещане.

2. Крестьяне из помещичьих и вотчинных владений

По данным переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года, самыми первыми переселенцами из России в Малороссию назвали братья Неклюдовы из слободы Курковичи, которые в 1678 году еще детьми были привезены отцом Алексеем Неклюдовым из деревни Семеновой Рыльского уезда, где они жили за помещиком Старостиным Андреем Семеновичем.

Основной приток помещичьих крестьян-переселенцев начинается в 1683 году. В этот год в Стародубском полку в слободе Еленке поселилось 2 семьи, на следующий год – 20 семей. К концу 1680-х годов в Стародубье проживало 38 семей помещичьих крестьян. Начиная с 1690-х годов, наполнение потока переселенцев в Малороссию беглецами из помещичьих и вотчинных владений выросло. В 1690-х годах пришли крестьяне из 13 уездов России, как и в предыдущем десятилетии, но число семей переселенцев возросло с 36 до 98 семей. В следующем десятилетии (1701-1710) пришли на поселение крестьяне в числе 91 семьи, но поток переселенцев из России пополнялся уже не из 13, а из 25 уездов. В следующие два десятилетия число семей беглых помещичьих крестьян сократилось соответственно до 54 и 25 семей.

До 1700 года на карте России можно было насчитать 12-13 уездов, откуда бежали в Стародубье помещичьи крестьяне. В том чис-

¹РГАДА. Москва. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, лл. 105-116 об.

ле уезды, расположенные в верховьях реки Волги (Ярославский, Пошехонский, Костромской, Галичский и Московский); уезды, расположенные к юго-западу от Москвы (Калужский, Козельский, Мало-Ярославецкий), и уезды, расположенные ближе всего к границам Малороссии (Рыльский и Тульский).

После 1700 года география побегов расширилась до 25 уездов. Появились беглецы из Серпуховского, Каширского Муромского, Владимирского уездов, расположенных в Замосковье; из Боровского, Медынского, Карачевского, Курского, Белевского уездов, расположенных к югу и юго-западу от Москвы, а также из уездов, расположенных вдоль западной границы государства – Новгородского, Псковского, Лифляндского, Смоленского уездов.

Начиная со второго десятилетия XVIII столетия (1711-1720), число уездов, поставлявших в Малороссию беглых помещичьих крестьян, сократилось до 17, а в 1720-х годах — до 13.

В числе уездов, откуда в эти два десятилетия прекратился приток помещичьих крестьян в Малороссию, отмечены уезды Замосковные, Юго-Западные, Южные и некоторые приграничные.

Таблица 2

**Откуда и в какие годы пришли помещичьи крестьяне
в старообрядческие слободы Малороссии**

Уезды	1671– 1680	1681– 1690	1691– 1700	1701– 1710	1711– 1720	1721– 1729	Всего
Ярославский	-	1	4	6	3 (1)	-	14 (1)
Пошехонский	-	7	17	5 (1)	-	2 (1)	31 (2)
Костромской	-	1	4	8	-	1 (1)	14 (1)
Галичский	-	14	44	14	2	3 (1)	77 (1)
Московский	-	2	7	1	2 (1)	1 (1)	13 (2)
Коломенский	-	-	1	-	-	-	1
Серпуховский	-	-	-	4	4	-	8
Каширский	-	-	-	1	2 (2)	-	3 (2)
Владимирский	-	-	-	1	-	-	1
Муромский	-	-	-	1	-	-	1
Калужский	-	1	2	1	-	-	4
Боровский	-	1	-	2 (1)	-	-	3 (1)
Козельский	-	5	11	11	4 (1)	2 (2)	33 (3)

Уезды	1671– 1680	1681– 1690	1691– 1700	1701– 1710	1711– 1720	1721– 1729	Всего
Ярославецкий Малый	-	1	2	1	-	-	4
Мосальский	-	-	-	-	-	2 (2)	2 (2)
Медынский	-	-	-	1	-	-	1
Орловский	-	-	-	-	3 (2)	-	3 (2)
Рыльский	2	1	-	6 (2)	9 (4)	3 (2)	21 (8)
Мценский	-	-	-	-	1	1	2
Карачевский	-	-	-	3	-	-	3
Ливенский	-	-	-	-	1	-	1
Кромский	-	-	-	-	1	2 (2)	3 (2)
Курский	-	-	-	1	-	-	1
Тульский	-	1	3	-	6 (1)	1	11 (1)
Белевский	-	-	1	5	3 (2)	-	9 (2)
Алексинский	-	-	-	1	1	-	2
Нижегородский	-	-	-	1	5	-	6
Смоленский	-	-	-	2 (1)	1	1 (1)	4 (2)
Псковский	-	-	1	6 (2)	3 (2)	1 (1)	11 (5)
Новгородский	-	-	-	1	1	1	3
Тверской	-	-	-	4 (4)	1 (1)	-	5 (5)
Лифляндский	-	1	-	4	1 (1)	-	6 (1)
Откуда, не помнят	-	-	1	-	-	4 (3)	5 (3)
Всего	2	36	98	91 (11)	54 (18)	25 (17)	306 (46)

(1) – в том числе семьи крестьян, вышедших из России в Малороссию через Польшу.

Бегство помещичьих крестьян в Малороссию наблюдалось в общей сложности из 33 уездов России. При сравнении переселенческих потоков крестьян обращает на себя внимание одновременность появления потоков беглецов и наполнение этих потоков по уездам.

Ранее всего, в 1683-1684 годах, появились в Малороссии беглецы из уездов: Костромского, Галичского, Ярославского, Пошехонского, Московского, Козельского, Рыльского и Тульского. Приток переселенцев из этих уездов наблюдался в течение пяти десятилетий.

Эти же уезды дали и наибольшее число переселенцев. По материалам переписи, вышло из Галичского уезда 77 семей, из Пошехонского – 31, из Костромского и Ярославского – по 14 семей, из Козельского – 33, Рыльского – 21, Московского – 13, Тульского и Псковского – по 11 семей. Из остальных уездов число семей, бежавших в Малороссию, исчисляется единицами. Если свести перечисленные уезды в губернии (по административному делению XIX века), то можно отметить, что больше всего помещичьих крестьян бежало в Малороссию из Калужской, Тульской, Московской, Ярославской и Костромской губерний, откуда за период 1678-1729 годов пришли в Малороссию 230 семей (75,1% от числа всех помещичьих крестьян).

С 1706 года стали приходиться в старообрядческие слободы Малороссии помещичьи крестьяне из уездов, расположенных вдоль западной границы России: Смоленского, Лифляндского, Новгородского, Псковского, Тверского. До 1729 года из этих уездов пришли в Малороссию 29 крестьянских семей (9,4%). Значительное число переселенцев из этих уездов сначала бежали из России в Польшу, а из Польши пришли в Малороссию.

Семьи помещичьих крестьян, бежавших из уездов России, соседствующих с Малороссией (Рыльского, Тульского), стали приходиться в Стародубье в 1670-е годы. Из этих двух уездов переселились в Малороссию 32 семьи. Но приток помещичьих крестьян в Малороссию из близлежащих уездов России был незначительным. После 1700 года стали селиться в Стародубье крестьяне из уездов Карачевского, Курского, Белевского, Алексинского, а в следующем десятилетии – из Орловского, Мценского, Ливенского, Кромского. Из этих 8 уездов переселились в Малороссию 24 семьи. Всего из уездов, расположенных вдоль границы России и Малороссии, вышли в Малороссию 56 семей (18,3%).

Незначительный приток помещичьих крестьян из уездов России, граничивших с Малороссией, и в то же время постоянный, почти ежегодный, приток переселенцев из уездов, значительно удаленных от Малороссии (Московского, Ярославского, Пошехонского, Костромского, Галичского), – одна из особенностей заселения старообрядческих слобод Малороссии.

Крестьянами Галичского уезда (19 семей) и Пошехонского уезда (18) заселена слобода Еленка. Выходцами из Ярославского (3 семьи), Пошехонского (4), Костромского (4), Галичского (5) и Московского (8) уездов заселена слобода Воронок. Слобода Лужки воб-

рала в себя 38 крестьянских семей из Галичского уезда и 3 семьи из Ярославского уезда. Слободу Шеломы заселили крестьяне Козельского уезда (21 семья).

Таблица 3

Число семей помещичьих крестьян, переселившихся в разные годы из России в старообрядческие слободы Малороссии

Годы	Вышло из России в Малороссию	Вышло из России в Малороссию через Польшу	Всего
1678	2	-	2
1683-1690	36	-	36
1691-1700	98	-	98
1701-1710	80	11	91
1711-1720	36	18	54
1721-1729	8	17	25
Всего	260	46	306

В переселенческом потоке помещичьих и вотчинных крестьян из России наблюдаются переселенческие волны: в 1683-84 гг. – пришли на поселение 22 семьи, в 1689 г. – 10 семей, в 1694-95 гг. – 37 семей, в 1699-1701 гг. – 51 семья. До 1701 года переселенческие волны наполняли помещичьи крестьяне из Галичского, Пошехонского уездов и в меньшей степени – из уездов Ярославского, Московского и Костромского. В 1708-1710-х годах переселенческая волна (35 семей) образовалась из крестьянских семей, вышедших в равной мере из всех центральных уездов России, близко или далеко отстоявших от Малороссии. Переселенческую волну 1714-1715 гг. (13 семей) составили крестьяне из Рыльского (5), Тульского (4) и Нижегородского (4) уездов.

Число уездов России, откуда выходили в Малороссию помещичьи крестьяне во втором, а особенно в третьем десятилетии XVIII века, стало сокращаться. Но еще более заметным – до единиц в каждом уезде – стало сокращение семей беглых помещичьих крестьян в 1720-е годы.

С 1706 года крестьяне из помещичьих владений стали прокладывать путь в старообрядческие слободы Малороссии через Польшу. Число семей, бежавших в Стародубье через Польшу, быстро росло, а число семей, идущих прежним путем, сокращалось.

В первом десятилетии XVIII века через Польшу пришли в Ма-

лороссию 12% семей, во втором десятилетии – 33%, в третьем десятилетии – 68%.

В течение 23 лет, с 1706 по 1729 годы, в Малороссию через Польшу пришли 46 семей помещичьих крестьян.

Выходили в Польшу помещичьи крестьяне как из верховьев Волги (Пошехонский, Костромской, Галичский, Московский уезды), так и из уездов к юго-западу от Москвы (Козельского, Мосальского, Рыльского, Кромского, Тульского) и приграничных с Польшей уездов (Смоленского, Псковского, Новгородского).

Выводы.

– По данным переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года, помещичьи крестьяне стали селиться в Малороссии с 1678 года.

– Бегство помещичьих крестьян в Малороссию наблюдалось из 32 уездов России.

– Переселенческое настроение среди помещичьих крестьян, имеющее своей целью бегство в Малороссию, ранее всего, с 1680-х годов, зародилось в Костромском, Галичском, Ярославском, Пошехонском, Московском, Козельском, Калужском, Боровском, Рыльском и Тульском уездах.

– За период с 1678 по 1729 годы больше всего переселилось в Стародубье помещичьих крестьян из Пошехонского, Ярославского, Костромского, Галичского, Московского, Козельского, Рыльского, Тульского, Белевского и Псковского уездов, откуда вышли 76,4% из числа всех семей помещичьих крестьян, бежавших в Малороссию.

– Бегство помещичьих крестьян из прилегающих к Малороссии уездов России начинается после 1707 года и остается незначительным.

– После 1706 года появляется поток помещичьих крестьян, идущих из России в Малороссию через Польшу. Доля их в общем потоке переселенцев быстро растет и в 1720-е годы достигает 68%.

3. Крестьяне из монастырских владений

По данным переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод 1729 года, из вотчин 36 монастырей России вышли на поселение в старообрядческие слободы Малороссии 104 крестьянские семьи.

Самое раннее поселение монастырских крестьян в Малороссии отмечено в слободе Еленке в 1684 году. Это семья Алексея Власова сына Невеницы крестьянина Корнильева монастыря из села Грезневцы Вологодского уезда.

Число крестьянских семей, бежавших из монастырских владений в старообрядческие слободы Малороссии

Монастырь	Уезд	Селение	Число семей	Годы
Троице-Сергиев	Московский у.	д. Назарово	1 1 (п)	1700 1728
		д. Неглово	2 (п)	1721,1728
	Дмитровск. у.	с. Поречье	1	1721
		д. Якунино	1	1721
		с. Алевидово	1 (п)	1720
		д. Новоселки	1 (п)	1728
д. Вертухово	1 (п)	1725		
Егорьевский в Москве	Московский у.	д. Михайловская	1	1700
Давыдова пустынь	Московский у.	д. Лерчицево	6 1	1709 1721
Воскресенский	Московский у.	с. Микулино	1 (п)	1727
Воскресенский	Рузский у.	с. Псово	1 (п)	1722
Боровский-Пафнутьев	Серпуховск. у.	д. Тресвяцкая	1	1710
Церковные бобыли	Серпуховск. у.	с. Михайлово	2 1(п)	1708,1709 1720
Крутицкий	Звенигород. у.	д. Городище	1	1707
Лаврентьев	Калужский у.	Слободка	1	1709
Тихонова пустынь	Калужский у.	(слуга)	1 (п)	1722
Юхнов	Мещовский у.	(служитель)	1	1723
Дорогошанский	Мещовский у.	с. Зимицы	2 (п)	1721, 1723
Иосифо-Волоколамский	Козельский у.	с. Веина	4 11(п)	1689-1719 1703-1728
		д. Дубки	1	1721
		д. Росково	1 (п)	1728
		д. Долгой	1 (п)	1715

Монастырь	Уезд	Селение	Число семей	Годы
		д. Грини	2 (п)	1725, 1728
Вознесенский дев.	Мосальский у.	д. Селино	1 (п)	1725
Боровенский	Мосальский у.		1	1720
Троице-Сергиев	Серпейский у.	д. Шахово	1	1723
		д. Дубки	1 (п)	1723
Симонов	Ярославск. у.	д. Власово	1	1719
Воскресенский	Ярославск. у.		1	1708
Спасов	Ярославск. у.	с. Вышеславское	1	1702
		с. Саввино	1	1722
		д. Погорелок	1 (п)	1725
Троице-Сергиев	Ростовский у.	с. Беляково	1	1689
		с. Дяболово	8	1695-1706
Митрополита Ростовского	Ростовский у.	д. Яковлевская	1	1706
Борисоглебский	Ростовский у.	с. Павлово	1	1720
Андрьянов начальный	Пошехонск. у.	с. Кобелево	1	1710
Рождественский	г. Владимира	монаст. бобыль	1	1710
Федоровский дев.	Переславль-Залесский у.	с. Ивановское	1 (п)	1729
Троице-Сергиев	Переславль-Залесский у.	д. Степково	1 (п)	1724
Суздальский	г. Суздаль		1	1708
Корнильев	Вологодск. у.	с. Грязневцы	3	1684, 1694, 1699
Павловско-Обнорский	Вологодск. у.	д. Полозово	2 (п)	1721, 1723
Тихвинский Новг.	Тихвинский у.	д. Углини	1	1719

Монастырь	Уезд	Селение	Число семей	Годы
Спасо-Юрьевский	Новгородск. у.	с. Леховичи	1	1723
Варлаамьевский Хутеинский	Новгородск. у.	с. Сенницы	1 3	1723 1709-1719
Печерский	Псковский у.	с. Коровки	1	1709
Троице-Сергиев	Великолук. у.	д. Рышково	1	1719
Пафнутиев Боровский	Тверской у.	с. Ульяновское	1 1 (п)	1724 1729
Успенский	Старицкий у.	д. Курково	3	1713-1715
Сторожевский м.	Вяземский у.	д. Песково	1	1715
Афанасьев дев.	Лифляндск. у.	с. Березово	4	1696-1700
Троицкий Черниг.		с. Суходел	1	1709
Спасский	Белевский у.	д. Велижная	1	1714
		сл. Выры (служит)	1	1719
Свенский	Белевский у.	с. Дежкино	1	1712
			1 (п)	1713
Широков	Белевский у.	д. Страмка	1 (п)	1720
Гастонский	Белевского у.	(церк. сторож)	1 (п)	1715
Всего			104, в их числе 38 (п)	

(п) – семьи крестьян, вышедшие из России в Малороссию через Польшу.

В 1680-е годы во всех старообрядческих слободах поселилось только 3 семьи монастырских крестьян. До 1700 года на поселение пришли 17 семей. После 1700 года приток монастырских крестьян в старообрядческие слободы Малороссии увеличился. С 1701 по 1729 годы заселились 87 семей.

Приток беженцев из монастырских владений в Малороссию не был равномерным, скорее – волнообразным. Больше всего переселенцев отмечено в следующие годы: 1700 г. (10 семей), 1708-1710 гг. (15), 1713-1715 гг. (9), 1719-1724 гг. (37).

Перепись 1729 года показала, что в течение 40 лет больше всего крестьянских семей вышло из владений Троице-Сергиева монастыря – 22 семьи, из владений Давыдовой пустыни (Московского уезда) – 7 семей, из владений Иосифо-Волоколамского монастыря – 20 семей. Из владений остальных монастырей число беглецов было незначительным, по 3-6 семей за 40 лет.

Поскольку монастырские владения некоторых крупных монастырей находились в разных уездах России, имеет значение проследить, в каких уездах переселенческое настроение монастырских крестьян было более выражено.

Если до 1700 года бегство монастырских крестьян происходило из пяти уездов (Московского, Козельского, Ростовского, Вологодского и Лифляндского), то в 1701-1710 годах число таких уездов вырастает до 13-12 и сохраняется на таком уровне до 1729 года. При этом вырастает наполнение потока беглых монастырских крестьян: в первое десятилетие (1701-1710) с 14 до 25 семей, а в третье десятилетие (1721-1729) до 40 семей в год.

Уезды, из которых в течение трех-четырёх десятилетий выходил более устойчивый поток беглых монастырских крестьян, были Московский (13 семей), Козельский (20), Ростовский (11), Владимирский (5). Из остальных 23 уездов количество беглых крестьянских семей исчислялось единицами.

Таблица 5

Откуда и в какие годы пришли монастырские крестьяне в старообрядческие слободы Малороссии

Уезды	1671-1680	1681-1690	1691-1700	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего
Московский	-	-	2	6	-	5 (4)	13 (4)
Дмитровский	-	-	-	-	1 (1)	4 (2)	5 (3)
Ружский	-	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
Серпуховский	-	-	-	3	1 (1)	-	4 (1)
Звенигородский	-	-	-	1	-	-	1
Калужский	-	-	-	1	-	1 (1)	2 (1)
Мещовский	-	-	-	-	-	3 (2)	3 (2)
Козельский	-	1	1	2 (1)	3 (2)	13(12)	20 (15)
Мосальский	-	-	-	-	1	1 (1)	2 (1)
Серпейский	-	-	-	-	-	2 (1)	2 (1)
Белевский	-	-	-	-	6 (3)	-	6 (3)

Уезды	1671-1680	1681-1690	1691-1700	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего
Ярославский	-	-	-	2	1	2 (1)	5 (1)
Ростовский	-	1	5	4	1	-	11
Пошехонский	-	-	-	1	-	-	1
Владимирский	-	-	-	1	-	-	1
Пересл.-Залес.	-	-	-	-	-	2 (2)	2 (2)
Суздальский	-	-	-	1	-	-	1
Вологодский	-	1	2	-	-	2 (2)	5 (2)
Новгородский	-	-	-	1	2	2	5
Тихвинский	-	-	-	-	1	-	1
Псковский	-	-	-	1	-	-	1
Великолукский	-	-	-	-	1	-	1
Тверской	-	-	-	-	-	2 (1)	2 (1)
Старицкий	-	-	-	-	3	-	3
Вяземский	-	-	-	-	1	-	1
Лифляндский	-	-	4	-	-	-	4
Черниговский	-	-	-	1	-	-	1
Всего		3	14	25 (1)	22 (7)	40 (30)	104 (38)

(1) – в том числе семьи, пришедшие из России в Малороссию через Польшу.

Из Московского уезда бежало 13 семей (владений Троице-Сергиева монастыря – 4 семьи, Давыдовой пустыни – 7 семей, Егорьевского и Воскресенского монастырей по 1 семье).

Из Дмитровского уезда (владения Троице-Сергиева монастыря) – 5 семей.

Из Ростовского уезда вышло 11 крестьянских семей. В их числе крестьяне из деревень Троице-Сергиева монастыря – 9, Борисоглебского монастыря – 1, вотчины Митрополита Ростовского – 1 семья.

Из Козельского уезда (владения Иосифо-Волоколамского монастыря) вышли 20 семей, из Мещовского уезда (владения Юхнова монастыря) – 3 семьи, из Белевского уезда крестьяне Свенского,

Спасского, Широкова и Гастонского монастырей – 6 семей. Из Ярославского уезда вышли крестьяне Симонова, Воскресенского и Спасова монастырей – 5 семей.

Из уездов приграничных, находящихся в ведении Новгородской и Псковской епархий, исключенных из Монастырского приказа за их прифронтовое положение и «маловотчинность», вышли 8 семей: из Новгородского – 5, из Тихвинского, Псковского и Великолукского – по 1 семье.

Обращает внимание еще одна особенность, что значительное число семей монастырских крестьян пришли в Стародубье из патриарших вотчин. Так из патриарших монастырей: Пафнутиево-Боровского, Воскресенского, Иосифо-Волоколамского, Вознесенского девичьего, Симонова, Рождественского г. Владимира, Сторожевского бежали в Малороссию 29 семей (27,8% числа всех семей монастырских крестьян).

После 1700 года патриаршие вотчины, а также владения крупных московских монастырей: Чудова, Симонова, Вознесенского девичьего, Саввы-Сторожевского больше всего пострадали от изъятия крестьянских дворов, продажи и раздачи деревень. Этот урон в значительной степени объясняется тем, что с 1700 года патриаршие владения долгие годы находились без хозяина, без патриарха и по отношению к ним правительство никем не стеснялось (*Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М. 1977, с. 95.*). Естественно, что бегство крестьян из бывших патриарших вотчин возросло значительно.

Таблица 6

Число семей монастырских крестьян, переселившихся в разные годы из России в старообрядческие слободы Малороссии

Годы	Из России в Малороссию	Из России в Малороссию через Польшу	Всего
1684 – 1690	3	-	3
1691 – 1700	14	-	14
1701 – 1710	24	1	25
1710 – 1720	15	7	22
1721 – 1729	10	30	40
Итого	66	38	104

В старообрядческих слободах Малороссии поселились беглые монастырские крестьяне из епархий: Ростовской, Суздальской, Тверской, Вологодской, Воронежской, Белгородской, Псковской,

Новгородской. Число переселенцев из каждой епархии исчислялось единицами семей.

С 1703 года в старообрядческих слободах, наряду с беженцами из России, появляются переселенцы из Польши, бывшие до выхода в Польшу в собственности российских монастырей. С 1713 года ежегодно из-за Польской границы приходили 1-2 семьи, а с 1719 года – по 3-4 семьи. С 1710 года приток прямых переселенцев из России в Малороссию сокращается, но возрастает число семей монастырских крестьян, бежавших из России в Малороссию через Польшу. В 1721-1729 годы число семей монастырских крестьян, выходявших из России в Стародубье не напрямую, а через Польшу, составило 75%.

Выводы.

– В старообрядческие слободы Малороссии пришли на поселение крестьяне из 36 монастырских владений 27 уездов России.

– Самые ранние поселения в Малороссии семей монастырских крестьян из России отмечены в 1684 году и 1689 году.

– До 1700 года число беглецов из монастырских владений исчислялось единицами. Наполнение потока беглецов монастырскими крестьянами из России увеличивается после 1700 года.

– Бегство монастырских крестьян в старообрядческие слободы Малороссии проходило двумя путями: Россия – Малороссия и Россия – Польша – Малороссия.

– С 1710 года число семей, выходявших в Малороссию напрямую из России, стало уменьшаться, а число выходцев через Польшу – расти. Доля семей беглецов из России через Польшу составило в 1721-1729 годах 75%.

– Больше всего беглецов из России в Малороссию исходило из монастырских владений Калужской, Московской и Ярославской губерний. В числе их значительную долю составили крестьяне из бывших патриарших владений.

4. Крестьяне

из дворцовых волостей

В период с 1684 по 1729 годы из 27 дворцовых волостей бежали в Малороссию 172 крестьянских семьи.

Первые семьи дворцовых крестьян появились в Малороссии в 1684 году. Это были 7 семей из дворцовой Даниловской волости Костромского уезда. Затем, после десятилетнего перерыва, с 1693 появляются единичные семьи из трех дворцовых волостей Московского, Галичского и Костромского уездов. География побегов двор-

цовых крестьян в течение последних двух десятилетий XVII века была представлена 5–6 уездами России (Костромской, Московский, Коломенский, Каширский, Можайский, Галичский, Смоленский). При этом из Костромского уезда шел устойчивый поток беженцев, а из других уездов приходили в Стародубье единичные семьи.

С 1700 года наполнение потока переселенцев в Малороссию заметно возрастает за счет беглецов из дворцовой Даниловской волости, а с 1706 года из дворцовой Комарицкой волости. В то же время география побегов по-прежнему охватывает только 6 уездов России.

Начиная с 1718 года, побегии дворцовых крестьян в Малороссию происходят уже из 16 уездов. В эти годы из России прибывают единичные семьи крестьян, реже – группы до 2-3 семей. Наполнение потока беглецов крестьянами из дворцовых волостей в 1680-е составляло 7 семей за десятилетие, в 1690-е годы – 19 семей. После 1700 года приток беглых крестьян резко вырос и наполнение потока беглецов составило в первые три десятилетия XVIII века 62–50–34 семьи, соответственно.

Всего за 50 лет на поселение в Малороссию пришли дворцовые крестьяне из 25 уездов России.

Подъемы переселенческих волн из дворцовых волостей отмечались в 1700-1702 гг. – 39 семей, в 1707-1710 гг. – 26 семей, в 1718-1721 гг. – 54 семьи. В основном эти волны переселенцев наполнялись крестьянами из Даниловской волости и отчасти Хохломской и Комарицкой волостей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из удаленной на тысячу верст Даниловской волости переселение дворцовых крестьян в Малороссию началось с 1680-х годов и проходило довольно устойчиво в течение пяти десятилетий. А из дворцовой Комарицкой волости Севского уезда, граничившей с землями Стародубского полка, переселение крестьян в старообрядческие слободы Малороссии началось только с 1706 года и было малочисленным.

В структуре потока беглецов из России больше всего семей дворцовых крестьян (84 семьи) вышло из Даниловской дворцовой волости Костромского уезда, что составило 48,8% всех дворцовых крестьян, поселившихся в старообрядческих слободах Малороссии. До 1693 из этой волости приходили в Малороссию единичные семьи и не каждый год. После 1693 года число беглецов из Даниловской волости возросло и приходили они в Стародубский и Черниговский полки почти ежегодно.

Из Комарицкой дворцовой волости Севского уезда, граничившей с Малороссией, бежало 22 семьи (12,7%).

Из Хохломской дворцовой волости Балахонского уезда – 13 семей. Из Московского уезда – 9 семей.

**Откуда и в какие годы пришли дворцовые крестьяне
в старообрядческие слободы Малороссии**

Уезд (волость)	1681-1690	1691-1700	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего
Московский	-	1	-	3	5 (3)	9 (3)
Коломенский	-	2	-	-	1 (1)	3 (1)
Каширский	-	-	3	-	-	3
Можайский (Морозовская)	-	-	1	-	1	2
Яропольский	-	-	-	1	-	1
Ярославский	-	-	-	1	-	1
Костромской (Даниловская)	7	14	44 (1)	13 (5)	6 (3)	84 (9)
Галичский	-	1	-	1 (1)	-	2 (1)
Балахонский (Хохломская)	-	-	-	7 (4)	6 (4)	13 (8)
(Заузолская)				2 (2)	1 (1)	3 (3)
Переславль-Залесский	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
Юрьев Польский	-	-	-	3 (2)	-	3 (2)
Севский (Комарицкая)	-	-	11	4 (2)	7 (4)	22 (6)
(Крупецкая)				3 (2)		3 (2)
Трубчевский	-	-	-	1	-	1
Смоленский (Горецкая)	-	1	-	-	-	1
(Днепровская)	-	-	-	-	1	1
Калужский	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
Козельский (Будиновская)	-	-	2 (1)	-	-	2 (1)
Серпейский (Деменская)	-	-	-	2	1	3
Белевский	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)

Уезд (волость)	1681-1690	1691-1700	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего
Великолукский	-	-	-	2 (1)	-	2 (1)
Новгородский (Корельская)	-	-	-	3 (1)	2	5 (1)
Олонецкий) (Корельская)	-	-	-	2 (1)	-	2 (1)
Корельский (Дудинская)	-	-	-	1	-	1
Лотеевский	-	-	1	-	-	1
Бревевский (Поволская)	-	-	-	1	-	1
Всего	7	19	62 (2)	50 (21)	34 (19)	172 (42)

(1)– в том числе семьи крестьян, вышедшие из России в Малороссию через Польшу.

Незначительный приток крестьян наблюдался из дворцовых волостей Смоленского уезда (2 семьи), Белевского (1), Галичского (2), Переславль-Залесского (2), Великолукского уезда (2 семьи) и других.

С 1701 года в старообрядческих слободах Стародубского и Черниговского полков появились семьи дворцовых крестьян, пришедшие в Малороссию из России через Польшу. Сначала это были единичные семьи (по одной семье в 1701, 1710, 1715 годах). С 1718 года семьи бывших дворцовых крестьян стали переселяться из-за польской границы ежегодно, и с этого же года число переселенцев, идущих в Малороссию напрямую из России, и число переселенцев, идущих из России в Малороссию транзитом через Польшу, сравнялось. За 10 лет с 1718 по 1728 годы в старообрядческие слободы Малороссии пришли на поселение 77 семей дворцовых крестьян (из России – 38, а через Польшу – 39 семей). Чаще других использовали такой путь переселения крестьяне из Московского, Костромского, Балахонского, Севского, Нижегородского, Белевского, Калужского уездов.

Число семей дворцовых крестьян, переселившихся в разные годы из России в старообрядческие слободы Малороссии

Годы	Вышли из России в Малороссию	Вышли из России в Малороссию через Польшу	Всего
1684-1690	7	-	7
1691-1700	19	-	19
1701-1710	60	2	62
1711-1720	29	21	50
1721-1729	15	19	34
Всего	130	42	172

Выводы.

По данным переписи обывателей описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года.

– Переселение дворцовых крестьян в Малороссию происходило из 27 волостей 25 уездов России.

– Больше всего дворцовых крестьян приходило в Малороссию из дворцовых волостей Костромского, Московского, Балахонского, Севского уездов.

– Наиболее ранним (с 1684 года) и многочисленным (48,8 % из числа всех семей дворцовых крестьян) было бегство крестьян в Малороссию из дворцовой Даниловской волости Костромского уезда.

– Поток переселенцев в Малороссию из дворцовых волостей увеличился после 1700 года в три раза. Число уездов, откуда шли в Малороссию дворцовые крестьяне, после 1710 года выросло в два раза.

– С 1690-х годов стали переселяться в Малороссию крестьяне из дворцовых волостей Московского и Коломенского уездов.

– С 1706 года появились в Малороссии крестьяне из смежной со Стародубьем дворцовой Комарицкой волости Севского уезда.

– Переселение дворцовых крестьян из России в Малороссию через Польшу наблюдается с 1701 года. А после 1718 года по этому пути пришли из России в Малороссию 55% семей дворцовых крестьян.

5. Обзор литературы и обсуждение материалов переписи обывателей описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года по разрядам

5.1. Крестьяне помещичьи

Бегство крестьян из центра России на южные окраины России началось еще в XVI веке. По мнению В.О. Ключевского, «приблизительно с 1540 года становится заметен отлив населения из центральных областей государства»¹.

Южные Заокские степи, привлекательные своими плодородными землями, стали доступны русскому крестьянину после завоевания Казанского Ханства и прекращения грабительских набегов кочевников. Туда, на «черноземную новь» устремились крестьяне из всего Замосковья.

В конце XVI века правительство законодательным порядком выясняет свое отношение к беглым и преследует их. В летописи по Никоновскому списку сообщается, что «казакам ...от царя Бориса было гонение велие, не пушал их ни в который город, куда они не придут, их везде имаше и по тюрьмам сажашу»².

В XVII веке бегство крестьян из центральных уездов России увеличилось. Д.И. Багалеи писал, что в начале XVII века появилось тяготение беглого населения к окраинам Северной, Польской земли и к понизовым городам. Если к началу XVII века южная граница Русского государства проходила по линии Казань–Путивль, то к концу XVII века шагнула за Белгородско-Симбирскую черту³.

Сохранившиеся коллективные дворянские челобитные позволяют уточнить, из каких уездов и куда наблюдалось бегство крестьян. По сведениям А.А. Новосельского, в челобитной галичан (1657 г.) помещики и вотчинники указывают, что крестьяне и холопы бегут от них в «понизовые города». Бежали в основном крестьяне Галицко-го, Костромского, Кинешемского, Ростовского, Ярославского, Пошехонского, Белозерского, Вологодского уездов, а также население из восточной половины Замосковного края, то есть из Верхнего Поволжья – в Среднее⁴.

О значительности потока беглых в понизовые города можно судить по «Книгам сыскных дел». Так в Арзамасе «сыщик» Михаил

¹Боярская Дума Древней Руси. Изд. V, Петерб. 1919, с. 323.

²Летопись по Никоновскому списку. Изд. 1767–1768 гг. VII. 286. См. Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 4.

³Багалеи Д. И. Очерки по истории колонизации и быта Степной Украины. С. 53, 103.

⁴Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Л. 1926, с. 334.

Петрович Вольтинский в 1658 году сыскал более 1 200 человек. В том же 1658 году стольник Д.И. Плещеев за два месяца сыскал в Нижегородском уезде 1 532 человека. В 1666 году в Рязанском уезде сыскано беглых и холопов 1 583 человека, а на следующий год — 1 203 человека¹.

В челобитной московских чинов служилых людей (23 октября 1682 г.) говорится, что крестьяне бегут «в украинные города по черте и за черту: в Шацкой, в Ломов, на Пензу, в Тамбов, в Козлов, на Воронеж, в Костенецкой, на Урыв, в Куротояк, на Корочу, на Обоянь, в Хотмышской, в Старый и Новый Осколы».

В другой челобитной (16 ноября 1682 г.): бегут «в Малороссийские города, и в Севск, и в Комарицкие волости, на Орел, и в Кромь, и в Рыльск, и в Суджу, и в Белгород ...»².

До эпохи Петровских преобразований наряду с внешними побегами происходили значительные внутренние побеги, то есть переселение крестьян от одного феодала к другому, чаще из мелких помещичьих и вотчинных владений в крупные монастырские и дворцовые владения. Внутренние побеги преследовали цель не столько «избыть» крепостное ярмо, сколько смягчить его³.

Н.В. Козлова отмечала, что владельческие крестьяне чаще, чем другие разряды крестьян, предпочитали обосновываться на дворцовых и государевых землях, не знавших власти помещика⁴.

Как внешние, так и внутренние побеги крестьян во второй половине XVII века происходили в основном из помещичьих и вотчинных владений. Среди составителей челобитных представлены только помещики и вотчинники. Лиц духовного звания, владельцев крупных монастырских вотчин не встречается.

С началом преобразовательной деятельности Петра I побеги помещичьих крестьян продолжались с прежней интенсивностью, несмотря на строгие карательные меры как в отношении беглецов, так и землевладельцев, принявших беглецов. Но внутренние переходы помещичьих крестьян к другим владельцам сменились бегством в отдаленные окраинные земли, где власть правительства еще была не столь ощутимой⁵.

По данным исследователей, основные уезды, где переселенческое настроение помещичьих крестьян было более выраженным, находились в центральной части России.

¹Новосельский А. А. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Л. 1926, с. 334.

²Новосельский А. А. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Л. 1926, с. 332.

³Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М. 1937, с. 171.

⁴Козлова Н. В. Побеги крестьян в первой четверти XVIII в. М. Универс. 1983, с. 71.

⁵Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV-XVII веках. Очерки истории сельского расселения. М. 1980, с. 169.

Ю.В. Готье отмечал, что среди беглого казачьего населения Оренбургского края больше всего выходцев из внутренних областей государства: Костромского, Балахонского, Пошехонского, Ярославского, Муромского, Переяслав-Рязанского, Касимовского, Суздальского, Владимирского, Московского, Переславль-Залесского и Ростовского уездов¹.

По сведениям Н.В. Разореновой, полученным при изучении архива Алатырской переписной канцелярии, в два первые десятилетия XVIII века бегство крестьян в Алатырский уезд наблюдалось в основном из внутренних районов страны, главным образом из уездов, примыкавших к руслам рек Волга, Ока, Клязьма, среди которых выделялся Суздальский уезд, давший 27,7% побегов. Алатырский уезд на 48,1% был населен беглецами из Московской и Нижегородской губерний. Побегии крестьян, принадлежавших светским феодалам (помещикам), преобладали из Суздальского, Костромского, Ярославского, Ростовского, Галичского, Кинешемского, Симбирского и Алатырского уездов, давших 80% всех побегов этой категории крестьян².

Н.В. Козлова, изучавшая побегии крестьян в первой трети XVIII века, также указывает, что большинство беглых в Среднее Поволжье были выходцами из Московской и Нижегородской губерний. В Московской губернии по количеству побегов выделялись Суздальский, Костромской, Ярославский и Ростовский уезды, которые дали более 50% общего числа побегов из губернии. В Нижегородской губернии по размаху побегов выделялись Юрьевец-Поволжский, Алатырский и Нижегородский уезды³.

По наблюдению Разореновой Н.В., беглые крестьяне, приходившие в Алатырский уезд в первые два десятилетия XVIII века, особенно помещичьи и монастырские, предпочитали селиться не на помещичьих и монастырских землях, а на государственных. По мнению автора, это свидетельство того, что состояние помещичьих и монастырских крестьян в эти годы было особенно тяжелым и переход на положение государственных рассматривался ими как путь освобождения из-под гнета светских и духовных феодалов. Таким образом, преобладание побегов помещичьих и монастырских крестьян должно быть объяснено не столько общей численностью владельческих крестьян по сравнению с другими разрядами этой категории населения, но значительно более сильным фе-

¹Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 6-12.

²Разоренова Н. В. Беглые крестьяне в первой четверти XVIII века. Кн. «Проблемы истории СССР», IV, 1974, с. 119-120.

³Козлова Н. В. Побегии крестьян в России в первой трети XVIII века. М. 1983, с. 37.

одальным гнетом, который обрушивался на них как со стороны крепостного государства, так и со стороны вотчинной администрации¹.

При изучении переписей обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года была отмечена та же закономерность: переселенцы в старообрядческие слободы Малороссии в 1680-1690-е годы приходили в основном из помещичьих и вотчинных владений центра России (Замосковья). Число семей переселенцев из помещичьих владений центральных уездов России в Малороссию в 1680-1690-е годы составило около 80%, в то время как выходящие из монастырских и дворцовых вотчин составляли вместе 20%.

Перепись капитана Брянчанинова показала также, что бегство помещичьих крестьян в Малороссию в 1680-90-е годы происходило из тех же центральных уездов России (Костромского, Ярославского, Галичского, Пошехонского, Московского), откуда в основном исходило переселенческое движение крестьян на южные и восточные окраины России.

Начавшееся в конце XVII века переселение крестьян из центральных уездов России в Малороссию усилилось в первые десятилетия XVIII века.

О невыносимом для крестьянских семей росте налогов в эти годы свидетельствуют многие документы. И.Т. Посошков писал, что крестьяне «от несносных поборов во всеконечную нищету пришли». «Ныне с двора сходит рублей по осьми или малым чем меньше»². Помещик Б.И. Куракин по тому же поводу писал: «И женерально можно сказать, со всякого письменного двора крестьянского сходилось слишком по 16 рублей»³.

Причина массового исхода населения центральных уездов России, по мнению П.К. Алефиренко, связана с тем, что «в этих губерниях получило распространение помещичье землевладение, быстро втягивавшееся в товарно-денежные отношения»⁴.

Сложившееся тяжелое экономическое положение создавало среди крестьян помещичьих владений центральных уездов России мощ-

¹Разоренова Н. В. Беглые крестьяне в первой четверти XVIII века. Кн. Проблемы истории СССР. IV, 1974, с. 120.

²Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М. 1951, с. 195.

³Чаев Н. С. Булавинское восстание (1707-1708). М. 1934, с. 11-12. Цит. по: Заозерской Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России) из сборника «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII-XVIII веков. М. 1958, с. 148.

⁴Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в 30-50-е годы XVIII столетия. М. 1958, с. 96.

ное переселенческое настроение. Оно увлекало на окраины государства тысячи крестьянских семей независимо от религиозных пристрастий. В то же время обращает внимание, что выбор направления бегства части крестьянских семей из указанных уездов отличался от традиционного. Они не пошли по проторенному пути вниз по Волге реке или на юг, куда уходили тысячи крестьян-беглецов, а направились на юго-запад в Малороссию, куда дорога была более дальняя, более сложная, поскольку путь на запад шел через Москву, через густонаселенные земли центра России, а затем через малороссийские пограничные посты. Это направление бегства по силам было более зажиточным крестьянам, готовым оплачивать все возникавшие в дороге препятствия и трудности. Это путь, требующий переселения не в одиночку, а группами семей, способными защитить себя в пути от многочисленных татей и воров, бродивших по дорогам России. Такая особенность в выборе направления бегства наводит на мысль, что в переселенческом настроении помещичьих крестьян, уходивших в Малороссию, присутствовал религиозный мотив.

5.2. Монастырские крестьяне

Соотношение крестьян разных категорий внутри потоков беглецов из России на окраины государства изменилось с началом преобразовательной деятельности Петра I. Среди переселенцев из России с 1699 года стало быстро расти число выходцев из монастырских и дворцовых владений.

Условия существования крестьян в монастырских владениях в 1660-80-е годы были более привлекательны для помещичьих крестьян. По своему характеру церковное землевладение было крупновотчинным, обеспечивающим потребности патриарха, архиереев, монастырей и церквей. Церковные владения были самостоятельной хозяйственной организацией со своими порядками. В ряде монастырских хозяйств было организовано крупнотоварное производство. В монастырских владениях барщина сочеталась с денежным obroком. В крупных монастырях (Иосифо-Волоколамском, Пафнутьево-Боровском) практиковался «отход» крестьян из монастырских владений по паспортам на заработки. Крестьяне отпускались на год и могли работать в разных городах и уездах. Для поддержания своего хозяйства монастырские крестьяне широко и систематически пользовались земельной арендой¹.

¹Булугин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М. 1977. С. 303.

В конце XVII века монастырские земли еще оставались привлекательными для крестьян помещичьих и вотчинных, а также для крестьян из дворцовых имений.

Например, в челобитной служилых людей «разных городов» и «белозерцев» (1661 года), подписанной 43 лицами, говорится о побегах «в дворцовые села и волости, и в Заонежские погосты, и на Вагу, и за патриарха, и за власти, и за монастыри»¹.

Переписи, проводившиеся в дворцовой Комарицкой волости в 1667 и 1681 годах, отмечали постоянную убыль населения. Беглые дворцовые крестьяне переходили в подданство соседних крупных землевладельцев. По данным 1681 года, за 14 предшествующих лет из дворцовой Комарицкой волости бежало 2 986 человек. Значительная часть крестьянских семей осела внутри того же Севского уезда во владениях Свенского монастыря и в Рогачевской пустыни (103 двора). Остальные крестьяне разошлись по соседним уездам².

Эти сообщения свидетельствуют, что экономические и социальные условия жизни разных категорий крестьян (помещичьих, монастырских, дворцовых) в середине XVII века были неравноценными.

При изучении переписи Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года мы обращали внимание, что бегство монастырских крестьян из России в старообрядческие слободы Малороссии до конца 1690-х годов было незначительным. В 1680-е годы пришли на поселение 3 семьи, в 1690-е годы за 9 лет пришли 4 семьи. Начиная с 1700 года, монастырские крестьяне стали приходить в Малороссию почти ежегодно. В 1700 году на поселение в Стародубье пришли 10 семей монастырских крестьян. За первое десятилетие XVIII века пришли 23 семьи, в течение второго десятилетия – 21 семья и с 1721 по 1729 годы – 40 семей.

Массовое бегство монастырских крестьян из монастырских владений было обусловлено рядом причин. Рост платежей в пользу государства у монастырских крестьян наблюдался в течение всей второй половины XVII века, и в последней трети века платежи выросли в 2 раза по отношению к 1630-м годам³. Однако это еще не повело к массовому бегству монастырских крестьян. В связи с военными приготовлениями в 1690-е годы правительство дало распоряжения о присылке монастырями и архиерейскими домами в

¹Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Л. 1926, с. 333.

²Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века. / Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. АН СССР, М. 1961, с. 79.

³Отечественная история. Т. 3, с. 133.

казну приходно-расходных ведомостей, денег и хлеба. Однако распоряжения правительства не исполнялись в полном объеме.

Начатое в эти годы Петром I строительство корабельного флота, пристаней, заводов, городов потребовало много строительных рабочих. Основной источник людских резервов – дворцовые владения – не в состоянии были обеспечить военные и реформаторские потребности царя. Нетронутыми оставались громадные людские и экономические ресурсы церковных и монастырских владений. Но переступить вотчинные владельческие права церкви государство не решалось.

16 октября 1700 года умирает патриарх Адриан. Вместо возведения нового патриарха указом царя Петра 24 января 1701 года создается Монастырский приказ «для управления церковными делами». Ему предоставляется право «производить всякие сборы» с населения церковных владений¹. Сразу же была осуществлена перепись патриарших, архиерейских и монастырских вотчин и угодий и определены размеры денежных отчислений в казну с каждого монастыря.

С созданием Монастырского приказа и проведением частичной секуляризации духовных вотчин и крестьян владельческая неприкосновенность монастырских вотчин была преодолена, и монастырские крестьяне включены в систему государственных повинностей, получивших при Петре небывалый размах. В результате государство получило право распоряжения 106 597 крестьянскими дворами, то есть 72% от общего числа 148 997 церковных крестьян в стране. Доходы с монастырских вотчин и оброчных угодьев давали государству до 100 тысяч рублей ежегодного дохода².

По сведениям, собранным И.А. Булыгиным, наборы работных людей из числа монастырских крестьян с 1700 года стали производиться почти ежегодно. В отдельные годы производилось по 2, 3, 4 набора.

В 1703 году набирались плотники «к корабельному строению» в Воронеж: по 1 человеку с 200 дворов. В 1704 году им высылались замена и ставились каменщики и кирпичники. Где каменщиков не сыскивали, взимали сбор по гривне, то есть по 10 копеек с двора. В 1705 году брали работных людей в Петербург и Нарву, по 20 000 человек в каждый город, для чего брали по 1 человеку с 10 дворов. В 1710 г. производился набор работников в Санкт-Петербург: с 35 дворов по 1 человеку. В 1711 году было 3 набора. По указу 14 июля брались плотники в Воронеж: по 1 человеку с 330 дворов. В

¹ПСЗ, т. IV. № 1829, с. 133.

²Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М. 1977, с. 109, 309.

1711 году набирались плотники: по 1 работнику со 107 дворов и работные люди: по 1 человеку с 10 дворов. В 1712 году брались плотники на остров Котлин для постройки «фортеции и иных строений»: по 1 человеку со 100 дворов, а также в Санкт-Петербург для общих работ: плотники с 200 дворов и работные люди с 15 дворов по человеку. В 1713 году брали каменщиков вместо беглых и больных: с 324 дворов по 1 человеку. В 1714-1715 годах набирались работные люди в Санкт-Петербург. В 1716 году было 4 набора: три – в Петербург: с 16 дворов по 1 работнику, с 450 дворов по 1 плотнику и специально к гаванному строению: с 80 дворов по 1 плотнику и по 1 работнику. В 1717 г. брали по работнику с 15 дворов к Кронштадскому гаванному строению, а также к Боровицким порогам на р. Мсту: по 1 человеку с 55 дворов. В 1719 году брались плотник и работник на Гжатскую пристань для постройки «пристани, анбаров и протчего».

Работные люди брались на срок от 3–4 месяцев до года. Наряду с этим проводились массовые переселения крестьян «на вечное житье». Так в 1705 году набирались плотники в Воронеж: по 1 человеку со 100 дворов. Брались как холостые, так и семейные с женами и детьми. Так же набирались кузнецы в Петербург в 1714 году: по 1 с 3 700 дворов. А в 1717 году 2 набора: с 647 и с 3 800 дворов по человеку (с семьями).

Дорожные расходы и пропитание работных людей ложилось на плечи крестьян, не попавших в набор. Например, в 1705 году плотникам, посылаемым в Воронеж, полагалось по 1 рублю на человека. Набор шел со 100 дворов, следовательно с каждого двора собирали по 1 копейке. В 1711 году плотников набирали в Воронеж и в Петербург на 6 месяцев. Их следовало обеспечить кормовыми по 1 рублю на месяц¹.

Наряду с наборами работных людей государственные повинности включали натуральные сборы провианта, фуража, поставки лошадей, подвод. Основным окладным натуральным налогом в эти годы был «стрелецкий хлеб». Одновременно собирался «запросный провиант» и в отдельные годы – «чрезвычайные сборы провианта».

Денежные налоги в свою очередь делились на окладные (ямские, полоняничные и др. всего 14 налогов), запросные и чрезвычайные.

При переводе натуральных сборов в денежное выражение общая сумма налогов в первое десятилетие XVIII века составляла при-

¹Булъгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М. 1977. С. 143-144. Использваны материалы РГАДА. Ф. 1148, оп. 1, дд. 201, 215, 218, 358, 412; оп. 2, ч. 1, дд. 30, 36, 43, 56, 88, 173, 175, 176; оп. 2, ч. 2, дд. 139, 140.

близительно 2-2,5 рубля с двора. Но с 1710 года суммарная величина налогов возрастает, достигая 5,5-6,3 рубля, а в 1720-е годы снижается до 4 рублей с двора. Учитывая, что стоимость рубля за это время упала примерно вдвое – реальная тяжесть государственных повинностей увеличилась на 10-20%. В среднем за всю первую четверть XVIII века государственные налоги составляли 3,86 рубля с двора, без учета косвенных обложений и расходов крестьян на рекрутскую повинность.

Наряду с государственным обложением крестьяне продолжали нести владельческие повинности. В среднем с одного крестьянского двора в помещичьих владениях собиралось феодалом 50 копеек, достигая в отдельных хозяйствах самой высокой нормы владельческих повинностей – 3 рубля. По мнению И.А. Булыгина, феодальная рента была ниже, чем государственное обложение, в 7-8 раз¹.

Государственное обложение резко ухудшило материальное состояние монастырского крестьянства, а отбывание трудовой повинности на государственных стройках, связанное с истощением сил, здоровья и гибелью крестьян, принудительное переселение крестьянских семей в другие районы страны обострили и ухудшили социальное положение монастырских крестьян в государстве.

Все это стало побудительной причиной к оставлению насиженных мест и к бегству крестьян из монастырских владений. При изучении состава казачьего населения Оренбургского края, по материалам переписи 1740 года, Ю.В. Готье выяснил, что бывшие монастырские крестьяне составляли значительную часть беглого населения этой восточной окраины России. Крестьяне, бежавшие из владений «духовных учреждений», составляли здесь 15,6% населения края, выдвигаясь на второе место после помещичьих по числу переселенцев из центральных областей России².

Н.В. Козлова, исследовавшая побег крестьян в первые десятилетия XVIII века, отмечала, что в Среднем Поволжье среди беглецов из центральных районов государства крестьяне монастырские составляли 17,3%, помещичьи – 35%, дворцовые – 36,1%³.

Ю.В. Готье отмечал, что в первые десятилетия XVIII столетия в Оренбургский край «большая часть монастырских крестьян вышли из центральных уездов государства: Костромского (38 человек), Балахонского (21), Пошехонского (19), Ярославского (16), Муром-

¹Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М. 1977. С. 156-157.

²Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 13.

³Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М. 1983, с. 55-60.

ского (39), Переяслав-Рязанского (16), Касимовского (16), Суздальского (69), Владимирского (57), Московского (27), Переславль-Залесского (18), Ростовского (14), в общей сложности 350 крестьян». Это 76,4% от числа всех крестьян «духовных учреждений», вышедших в Оренбургский край. Названные уезды центра России входили в состав 15 епархий, подчинявшихся с 1700 года Монастырскому приказу (всех епархий было 20). В этих уездах крестьяне больше всего страдали от государственных повинностей и налогов¹.

Разоренова Н.В., исследовавшая переселенческое движение крестьян по материалам Алатырской переписной канцелярии, отмечает, что «по побегам монастырских крестьян в первые два десятилетия XVIII века выделялись Суздальский и Нижегородский уезды, из которых 44,7% побегов приходилось на крестьян духовных и монастырских феодалов².

При изучении материалов переписи Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года обнаруживается, что бегство монастырских крестьян в Малороссию в годы преобразовательной деятельности правительства Петра I происходило из тех же центральных уездов России (Московского, Дмитровского, Серпуховского, Ярославского, Пошехонского, Ростовского, Переславль-Залесского, Вологодского). Значительный приток беглых монастырских крестьян из центральных уездов России в Малороссию совпадает по времени с возникшим в эти годы массовым исходом крестьян из монастырских владений и в этом плане может рассматриваться как часть общего процесса бегства крестьян на окраины государства. В то же время выбор направления (юго-запад) и цели (старобоярческие слободы Малороссии) свидетельствует, что в перечисленных центральных уездах России старообрядческая агитация посланцев Ветковской церкви имела успех, отклоняя десятки крестьянских семей от традиционного пути бегства на юг и юго-восток России и направляя их в Стародубье и на Ветку.

Меньше пострадали от секуляризации церковных владений мелкие монастыри. Вскоре после создания Монастырского приказа из его ведомства были исключены 5 епархий (Новгородская, Псковская, Киевская, Астраханская и Сибирская), поскольку считались маловотчинными, окраинными, а Псковская, Новгородская и Киевская епархии в эти годы были «прифронтовыми». Население в монастырских вотчинах этих епархий несло больше тягот от разорения, реквизиции, постоя войск, чем внутри областей³. Как было

¹Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 6-12.

²Разоренова Н. В. Беглые крестьяне в первой четверти XVIII века. Кн. Проблемы истории СССР. IV, 1974, с. 120.

³Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М. 1977, с. 105.

отмечено выше, бегство крестьян из этих монастырских владений в Малороссию за весь охваченный переписью 1729 года период было незначительным: из Псковского уезда пришла на поселение 1 семья, из Великолукского — 1 семья, из Новгородского — 5 семей, из Тихвинского — 1 семья.

5.3. Дворцовые крестьяне

Дворцовое землевладение на всем протяжении своей истории было совершенно самостоятельной хозяйственной организацией.

Нельзя сказать, что положение крестьян в дворцовых владениях отличалось большей свободой. Дворцовым крестьянам не разрешалось передвижение в пределах своего ведомства, на это требовалось специальное разрешение владельца или администрации. Самовольно перешедших на новые места и особенно тех, кто не значился в окладах на новых местах, принудительно отсылали на прежнее место жительства¹. Дворцовые крестьяне не могли свободно заниматься торговлей и промыслом. Например, указом 8 мая 1650 года повелевалось крестьян дворцовых сел Суздальского уезда «вернуть из посадок к крестьянской работе, а лавки их закрыть»². В 1665 году были возвращены «на прежние жеребеи» крестьяне дворцового села Дунилова, поселившиеся в Шюе³. Дворцовый крестьянин не мог продать свое имущество и пожитки без ведома администрации⁴.

В отношении дворцовых крестьян часто применялось принудительное переселение из одной вотчины в другую. Так при царе Алексее Михайловиче были заселены многие Подмосковные села (село Измайлово, Домодедовская волость, г. Богородск), а также Арзамасские и Алаторские села⁵.

А.И. Заозерский отмечал, что положение помещичьих крестьян при отпуске в дворцовое ведомство не улучшалось⁶.

Но даже при таком положении крестьян в дворцовых владениях помещичьи крестьяне во второй половине XVII века наряду с

¹ПСЗ. Т. 1, л. 980.

²ПСЗ. Т. 1, № 35.

³Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. М. 1937, с. 354.

⁴Заозерский А. И. Царская вотчина в XVII веке. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2 изд. М. 1937, с. 171.

⁵Заозерский А. И. Царская вотчина в XVII веке. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2 изд. М. 1937.

⁶Заозерский А. И. Царская вотчина в XVII веке. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича, 2 изд. М. 1937, с. 171.

бегством на юг совершали переходы из помещичьих и удельных владений в дворцовые. Крестьян, перешедших из помещичьих владений в дворцовые, несмотря на закон 1649 года, требовавший возвращения беглых к прежнему хозяину, закрепляли за дворцовой волостью, а прежним владельцам отдавали только при наличии от них челобитных. В 1682 году вышел указ, который предписывал выдавать беглых крестьян из дворцовых волостей, «если они бежали после разбора 183 года», «но только в том случае, когда будут о них челобитчики (от помещиков и вотчинников), а о которых челобитчиков не будет, и тех не отсылать, чтоб в том дворцовым селам тягостей и сбору доходов остановки не было»¹.

Относительно благополучные условия существования дворцовых крестьян стали несравнимо тяжелыми с началом преобразовательной деятельности царя Петра.

Бегство крестьян из дворцовых владений на окраины государства, также имевшее место в XVII веке, резко возросло с конца 1690-х годов.

О масштабах бегства крестьян из дворцовых владений в первые десятилетия XVIII века свидетельствует исследование переписи казачьего населения Оренбургского края 1740 года, проведенное Ю.В. Готье. Им отмечено, что бывшие дворцовые крестьяне составляют 47% новопоселенцев (из 2065 казаков). Также отмечено, что «дворцовые крестьяне преобладают из всех местностей»². По данным Ю.В. Готье, соотношение разных категорий беглых крестьян в Оренбургском крае выразилось следующим образом: дворцовые – 47%, духовных учреждений – 15,6%, помещичьи – 7,6%.

Чтобы оценить масштабы бегства крестьян разных категорий, следует посмотреть данные о соотношении разных категорий крестьян, проживавших в России. По расчетам, проведенным Е.И. Индовой с использованием материалов Генеральной табели о числе душ мужского пола на 1738 год, в 8 губерниях России проживало: помещичьих и вотчинных крестьян 71,2%, монастырских – 15,3%, дворцовых – 13,5%³.

Очевидно, что преобладающей в массе всего крестьянского населения России была категория помещичьих и вотчинных крестьян. Данные, полученные Ю.В. Готье, свидетельствуют, что самые малочисленные категории крестьян: дворцовые и монастырские, жившие в центре России, дали больше всего беглецов в Оренбургский край в начале XVIII века.

¹ПСЗ № 982.

²Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 13-14.

³Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. 1-я половина XVIII века. М. 1964, с. 85.

Н.В. Козловой, исследовавшей побег крестьян из России в первой трети XVIII века, было отмечено присутствие среди населения среднего Поволжья в начале XVIII века значительного количества беглых крестьян из дворцовых владений (36,1%)¹.

Причиной массового бегства крестьян из дворцовых владений стала беспощадная эксплуатация дворцовых крестьян, начавшаяся с первых лет преобразовательной деятельности царя Петра: массовые перемещения дворцовых крестьян на поселение, на строительство, на работы, рекрутские наборы.

В 1701 году на реку Битюг из дворцовых селений Ростовского, Ярославского, Костромского и Пошехонского уездов был переселен 1 021 крестьянский двор с населением 4 919 человек обоего пола². Затем в 1704-1705 годах из дворцовых деревень Балахонского, Ростовского, Костромского, Суздальского уездов на Битюг было переселено еще 998 дворов³.

Крестьяне дворцового села Даниловского, назначенные в марте 1716 года к переселению, переселяться отказались и команде «учинили разнос». Дворцовая администрация жаловалась, что крестьяне «от выводу бегут», несмотря на сопровождение воинскими командами⁴.

В начале XVIII века к переселению назначали крестьян дворцовых уездов: Московского, Суздальского, Владимирского, Верейского, Можайского, Коломенского, Переславль-Залесского, Алексинского, Каширского, Ростовского, Переяслав-Рязанского, Угличского, Ярославского, Пошехонского, Оболенского. Частично из северных владений: Вологодского, Белозерского, Олонецкого уездов и Северо-Западных: Псковского и Новгородского уездов.

Переселение дворцовых крестьян производилось в основном во владения Петербургской губернии, в Поволжье, на земли Воронежской губернии, в район юго-запада – в Серпейский и Козельский уезды. С 1713 по 1724 годы в селения Петербургской губернии (слободы Пулковская, Кузмина, Рыбная, Новославянская, Нарвская) были перевезены 2 232 двора⁵.

¹Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М. 1983, с. 55-60.

²Зезюлинский. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб., 1893, с. 17.

³Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. 1-я половина XVIII века. М. 1964, с. 100.

⁴Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. 1-я половина XVIII века. М. 1964, с. 98. – Материалы РГАДА. Ф. ДО, оп. 350, д. 54119-54363, л. 80-81.

⁵Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. 1-я половина XVIII века. М. 1964, с. 99.

Размеры крестьянского разорения предстают в показаниях старост села Даниловского Костромского уезда в деле 1710 года: «По переписным книгам прошлого 1679 г. и 1680 г. тех годов к дворцовому селу Даниловскому, в приселках Барлове, Реброве и в разных деревнях волостных крестьянских и бобыльских написано 1510 дворов. И в прошлом 1701 году по имянному Великаго Государя указу вывезено на Битюг на вечное житье крестьянских 233 двора. И после вывозных битюжских крестьян по нынешний 1710 год по приезду переписчиков опустело 733 двора. А из тех дворов крестьян указом Великаго Государя в пять наборов взяты многие в рекрутные солдаты, и в плотники на Таганрог, и в работники в Санкт Питер Бурх. И из тех работников многие померли. А после тех солдат и плотников, и работников оставшиеся отцы и старики, и жены, и дети многие померли, а иные врознь разбрелись и живут неведомо где. А иные крестьяне от скудости покиня свои тяглые жеребеи и дворы впусе, с женами и с детьми врознь разбрелись и живут неведомо где. А ныне налицо жилых сто сорок же три (143) деревни, а в них крестьянских 581 дворов, вдовьих 2 двора, бобыльских 1 двор»¹.

Из показаний старост села Даниловского видно, что в сравнении с 1680 годом число дворов сократилось с 1510 до 584 дворов. И сокращение это произошло, главным образом, после 1700 года.

Сопоставляя приведенные данные о переселении дворцовых крестьян с материалами переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод 1729 года, становится очевидным, почему бегство дворцовых крестьян в Малороссию началось с конца 1690-х годов и происходило из дворцовых владений, расположенных, в основном, в центральных уездах России.

Усиление с 1700 года притока беженцев в Малороссию из монастырских владений равно, как и из дворцовых владений, по-видимому, имеют одну причину: резкое ухудшение материального и социального положения этих категорий крестьян.

6. Обобщенные сведения о побегах крестьян всех категорий (помещичьих, монастырских и дворцовых)

Поиски правительством Петра I скрытых резервов экономики феодального государства для ведения Северной войны и намеченных преобразований привели к устранению имевшихся до того различий в социальном и экономическом положении крестьян, бывших в собственности разных феодалов, а усиление фискального

¹РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 231, л. 16.

гнета государства и феодально-крепостнической эксплуатации всего тяглого населения сблизило крестьян разных категорий в их стремлении бежать от непосильного угнетения из центральных уездов на окраины государства.

Переселенческим настроением было охвачено население большей части России, но вызревало это стремление и превращалось в движущую силу неравномерно и разновремено. Бегством были охвачены более всего центральные уезды, откуда государство, в основном, черпало людские, денежные и хлебные запасы.

Перепись обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года, вобрав в себя сведения о беглецах из 55 уездов, отразила состояние переселенческого движения населения большей части России.

Перепись позволяет рассмотреть бегство крестьян из России в Малороссию, с одной стороны, как единое крестьянское движение, а с другой стороны, расчленив его на потоки, выявить внутренние особенности этого движения.

География побегов крестьян всех трех категорий из России в Малороссию, по данным переписи обывателей описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года, включает 55 уездов.

Таблица 9

Число семей крестьян разных категорий, вышедших из уездов России в Малороссию в 1678-1729 гг.

Уезды	Помещичьи	Монастырские	Дворцовые	Всего	По губерниям
Вологодский	-	5	-	5	5
Ярославский	14	5	1	20	63
Ростовский	-	11	-	11	
Пошехонский	31	1	-	32	
Костромской	14	-	84	98	177
Галичский	77	-	2	79	
Московский	13	13	9	35	61
Дмитровский	-	5		5	
Коломенский	1	-	3	4	
Рузский	-	1	-	1	
Звенигородский	-	1	-	1	
Серпуховский	8	4	-	12	

Уезды	Поме- щицьи	Монас- тырские	Дворцо- вые	Всего	По губер- ниям
Можайский	-	-	2	2	61
Яропольский	-	-	1	1	
Владимирский	1	1	-	2	10
г. Суздаль	-	1	-	1	
Переславль- Залесский	-	2	1	3	
Юрьев-Польской	-	-	3	3	
Муромский	1	-	-	1	
Калужский	4	2	1	7	
Мещовский	-	3	-	3	82
Боровский	3	-	-	3	
Козельский	33	20	2	55	
Мосальский	2	2	-	4	
Ярославецкий Малый	4	-	-	4	
Серпейский	-	2	3	5	
Медынский	1	-	-	1	
Орловский	3	-	-	3	
Рыльский	21	-	-	21	58
Мценский	2	-	-	2	
Севский	-	-	25	25	
Трубчевский	-	-	1	1	
Карачевский	3	-	-	3	
Ливенский	1	-	-	1	
Кромский	3	-	-	3	
Курский	1	-	-	1	
Тульский	11	-	-	11	35
Белевский	9	6	1	16	

Уезды	Помещицьи	Монастырские	Дворцовые	Всего	По губерниям
Каширский	3	-	3	6	35
Алексинский	2	-	-	2	
Нижегородский	6	-	-	6	23
Балахонский	-	-	16	16	
Бреевский	-	-	1	1	
Псковский	11	1	-	12	16
Великолукский	-	1	2	3	
Новгородский	3	5	5	13	15
Олонецкий	-	-	2	2	
Корельский	-	-	1	1	
Тихвинский	-	1	-	1	
Тверской	5	2	-	7	11
Старицкий	-	3	-	3	
Вяземский	-	1	-	1	
Смоленский	4	-	2	6	6
Лифляндский	6	5	-	11	11
Откуда, не помнят	5	-	-	5	5
Лотеевский	-	-	1	1	
Всего	306	104	172	582	

Перепись обывателей раскольничьих слобод Малороссии выявляет существенное отклонение маршрута бегства крестьян из центральных уездов от традиционного южного направления на запад к границе Польши и за польскую границу.

Больше всего побегов крестьян на запад в Малороссию отмечено из уездов: Ярославского (20), Пошехонского (32), Костромского (98), Галичского (79), Московского (35), Серпуховского (12), расположенных севернее реки Оки, из которых переселение крестьян шло традиционно в южном направлении: вниз по течению Волги, а также в Заокские степи.

Из уездов, расположенных к юго-западу от Москвы, больше всего переселенцев в Малороссию наблюдалось из Козельского (55), Рыльского (21), Тульского (11) и Белевского (16) уездов.

Переселение крестьян в Малороссию происходило также с севера на юг вдоль западной границы России из Псковского (12), Новгородского (13), Лифляндского (11), Смоленского (6) уездов.

Если сгруппировать уезды по губерниям (по административному делению XIX века), то география побегов крестьян в Малороссию предстанет в следующем виде: из Ярославской губернии (63 семьи), Костромской (177), Владимирской (10), Нижегородской (23), Московской (61), Калужской (82), Орловской (58). Из этих губерний пришли на поселение 474 семьи, что составило 81,4% от числа крестьянских семей (582) всех трех категорий крестьян.

Намного меньше крестьян бежало из приграничных губерний: Псковской (16), Новгородской (15), Лифляндской (11), Смоленской (6). Общее число беглых крестьянских семей из этих губерний составило 48 семей (8,2%).

Переселенческое движение помещичьих крестьян в Малороссию из уездов, расположенных севернее реки Оки (Галичского, Костромского, Ярославского, Пошехонского и Московского), начавшееся в 1680-е годы, сокращается в первое десятилетие XVIII века и сменяется переселением помещичьих крестьян из уездов, расположенных южнее реки Оки. С 1705 года наблюдается общее сокращение числа переселенцев в Малороссию крестьян из помещичьих владений. С 1699 года в переселенческом потоке увеличивается число крестьянских семей из дворцовых и монастырских владений.

Усиление экономического и социального гнета в годы царствования Петра I особенно остро воспринято категориями крестьян, населявших дворцовые и монастырские владения, где уровень эксплуатации до начала преобразовательной деятельности царя Петра I был ниже, чем в помещичьих владениях. Это выразилось в том, что в потоке беглецов из России в Малороссию доля крестьян из дворцовых и монастырских владений, начиная с 1699 года, резко возросла.

Переселенческое настроение среди крестьян этих двух категорий усиливается в основном в центральных уездах России, откуда правительство в первую очередь черпает денежные, хлебные и людские ресурсы на ведение военных действий, гражданское и военное строительство.

Если до 1699 года доля дворцовых и монастырских крестьян в потоке переселенцев из России в Малороссию составляла в среднем около 17,5% от общего числа бежавших крестьян, то с 1700 года доля монастырских и дворцовых крестьян вырастает в среднем до 56,0%, достигая в 1720-е годы 70% и даже 80%.

Подобная тенденция была выявлена при изучении состава населения других окраинных районов России.

Таблица 10

Число семей разных категорий крестьян, бежавших из России в Малороссию в годы до начала и во время преобразовательной деятельности Петра I, и доля семей монастырских и дворцовых крестьян в общем потоке беглых

Годы	Помещичьи крестьяне	Монастырские крестьяне	Дворцовые крестьяне	Всего	Доля семей монастырских и дворцовых крестьян
678-1684	24	1	7	32	25,0%
1685-1689	14	2	-	16	12,5%
1690-1694	44	1	5	50	12,0%
1695-1699	26	3	4	33	21,2%
Всего за 22 года	108	7	16	131	17,5%
1700-1704	60	12	45	117	48,7%
1705-1709	53	20	19	92	42,3%
1710-1714	20	9	10	39	48,7%
1715-1719	38	11	27	76	50,0%
1720-1724	18	32	46	96	81,2%
1725-1729	9	13	9	31	70,9%
Всего за 30 лет	198	97	156	451	56,0%
Итого с 1678 по 1729 годы	306	104	172	582	47,4%

По сведениям Н.В. Козловой, в первой трети XVIII века в Среднем Поволжье среди беглецов из Центра России дворцовые и монастырские крестьяне составили 53,4%, а помещичьи крестьяне – 35% от общего числа беглецов разных сословий и категорий¹.

По данным Ю.В. Готье, в Оренбургском крае в 1840 году крестьяне духовных и дворцовых учреждений составляли 62,6%, а помещичьи – 7,6% от общего числа всех новопоселенцев².

По нашим данным, полученным при изучении переписи Брянча-

¹Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М. 1983, с. 55-60.

²Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 13-14.

нинова, с 1682 по 1729 годы в старообрядческие слободы Малороссии переселилось: семей помещичьих крестьян 36,8%, монастырских — 12,5%, дворцовых — 20,6%, а крестьяне духовных и дворовых учреждений составляли вместе 33,1% от общего числа беглецов разных сословий и категорий (см. табл. 1).

Изучение географии побегов, структуры потоков и наполнения их крестьянами, приходившими на поселение в Малороссию, позволило очертить те уезды России, где более всего выражено переселенческое устремление крестьян, направленное в старообрядческие слободы Малороссии. Зная, что Стародубье имело привлекательность для приверженцев старого церковного обряда, можно заключить, что в Малороссию уходили крестьяне из тех уездов, где значительная часть населения была представлена старообрядцами.

Область расселения старообрядческого населения по уездам России может быть представлена в следующем виде: Ярославский, Пошехонский, Костромской, Галичский, Московский, Серпуховский, Калужский, Козельский, Рыльский, Белевский, Тульский, Балахонский, Новгородский, Тверской, Лифляндский.

В этих уездах готовность населения к бегству в Малороссию присутствовала постоянно, оживляясь и приводя в движение крестьянские семьи при каждом появлении угрозы их благосостоянию.

Из большинства других уездов России выход крестьян в Малороссию происходил непродолжительное время, незначительными группами, чаще единичными семьями. В этих уездах старообрядческое население составляло меньшинство и не имело традиции выхода в Малороссию. В этих уездах склонять крестьян к переселению в Малороссию могли посланцы Ветковской церкви, проводившие свою агитацию во всех уголках России.

Приток крестьянских семей в Малороссию носил волнообразный характер. Волны переселенцев в 1684, 1694 и 1699 годах были незначительными. Усматривается связь бегства крестьян из России в эти годы со стрельецкими волнениями.

Резкий подъем волны переселенцев в 1700-1710 годах был вызван начавшейся Северной войной. После 1710 года приток крестьянских семей в Малороссию резко сократился. Но после 1715 года вновь оживает переселенческое движение крестьян в Малороссию, многие из которых идут в Стародубье через Польшу.

Это оживление интереса крестьян к Стародубью появилось вслед за состоявшейся в 1715 году переписью жителей старообрядческих слобод Малороссии, «положением их в оклад на Государя» и разрешением «перезывать других раскольщиков из Польской области»¹.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что число крестьянских семей, выехавших в Малороссию через Польшу, резко увеличилось после 1715 года и достигло в 1720-е годы 60-70% внутри общего потока беглецов.

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 223.

Доля крестьянских семей, бежавших из России в Малороссию через Польшу, в общем потоке крестьян переселенцев в старообрядческие слободы Малороссии в 1701–1729 гг.

Годы	Число семей крестьян трех категорий, переселившихся в Малороссию из России	В их числе семьи, пришедшие в Малороссию через Польшу	Доля семей выходцев через Польшу в % %
1678-1684	32	-	-
1685-1689	16	-	-
1690-1694	50	-	-
1695-1699	33	-	-
1700-1704	117	2	1,7%
1705-1709	92	10	10,8%
1710-1714	39	6	15,3%
1715-1719	76	26	34,2%
1720-1724	96	58	60,4%
1725-1729	31	24	77,4%
Итого с 1678 по 1729 годы	582	126	21,6%

Некоторые исследователи отмечают увеличение числа побегов в окраинные районы государства в 1723-1727 годах, что связывают с введением сбора подушной подати по результатам I ревизии¹.

Перепись капитана Брянчанинова не обнаружила увеличения потока переселенцев из России в Малороссию в эти годы. Напротив, наблюдалось сокращение числа переселенцев, что можно связать с миссионерской кампанией, проводившейся в 1720-1722 годы в Стародубье посланцем господствующей церкви иеромонахом Иосифом Решиловым. Сокращение потока беглецов-старообрядцев из России в Стародубье – ответ на развязанные Иосифом Решиловым аресты старообрядцев на пограничном с Малороссией Почепском форпосте, облавы, репрессии, допросы.

¹Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М. 1983, с. 65.

Выводы.

Обобщая сведения о побегах крестьян разных категорий из России в старообрядческие слободы Малороссии на рубеже XVII-XVIII веков, можно отметить ряд характерных явлений:

– Первые поселенцы-старообрядцы, пришедшие в Малороссию из России, появились в Стародубье в конце 1670-х годов.

– Наиболее интенсивный поток переселенцев в Малороссию выходил из уездов: Ярославского, Пошехонского, Костромского, Галичского, Московского, Серпуховского, Козельского, Рыльского, Тульского и Белевского, жители которых в большинстве своем были старообрядцами.

– С 1682 по 1729 год в старообрядческие слободы Малороссии переселилось: помещичьих крестьян 36,8%, монастырских – 12,5%, дворцовых – 20,6% от общего числа беглецов разных сословий и категорий.

– Различия в социальном и экономическом положении крестьян разных категорий устраняются правительством с началом преобразовательной деятельности царя Петра I.

– Усиление эксплуатации, затронувшее все тягловое население страны, сблизило крестьян разных категорий в их стремлении бежать на окраины государства от растущих налогов, от рекрутских наборов и трудовой мобилизации.

– Заметно расширилась география побегов крестьян всех категорий из России в Малороссию после 1700 года, при этом в потоке беглецов выросла доля крестьян из монастырских и дворцовых владений.

– Наполнение потока переселенцев крестьянами из России заметно выросло в 1700-1710-х годах и совпало с началом Северной войны и с масштабной преобразовательной деятельностью правительства Петра Первого.

– Вовлечение в поток переселенцев в старообрядческие слободы Малороссии крестьян из разных удаленных друг от друга уездов после 1700 года – следствие не только обострения социальной и ухудшения экономической обстановки в стране, но и результат усилившейся агитации посланцев Ветковской церкви.

– Волна переселенческого движения в Малороссию, возникшая после 1715 года, вызвана улучшением социального положения старообрядцев, живущих в Малороссии вблизи польской границы (перепись, положение в оклад, выделение в состав отдельной волости описных раскольничьих слобод, освобождение от двойного налогообложения).

– Одной из особенностей заселения старообрядческих слобод Малороссии явилось появление после 1700 года транзитного потока переселенцев из России в Малороссию через Польшу.

– Доля переселенцев в Малороссию через Польшу к третьему

десятилетию XVIII века выросла до 77,9% от общего числа беглых крестьянских семей.

— Перепись обывателей государевых opisных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года отразила характерные процессы в Российском государстве, происходившие в конце XVII – начале XVIII века.

7. Посадские люди

Ремесленное население известно в Древней Руси еще со времени появления городов. Б.А. Рыбаков насчитывал до 64 различных ремесленных специальностей в городах Древней Руси. В XIV-XV веках посадское население чаще всего именуется «люди горожане», «гражданские люди» и среди них выделяются купцы и «черные люди». К концу XVII века внутренняя жизнь посадского населения строго направлялась государственными указами. Четко определены повинности посадских людей, так называемое государство тягло: промысловые налоги, торговые пошлины, общегородские работы, службы. Посадское население составляло общину во главе с земскими старостами и делилось на купцов и посадских людей: «лутчих, «средних» и «молодых». По смыслу постановлений Уложения 1649 года посад являлся торгово-промышленной тягловой общиной. Правительство, заинтересованное в умножении посадского населения, провело в середине XVII века так называемое «посадское строение» (1649-1652 гг.), которым были созданы условия прикрепления к посадскому сословию большего числа населения. При этом был запрещен выход из посадской общины¹.

Происходившая в XVII веке в стране внутренняя и внешняя миграция населения увлекала и посадское население. Переселение посадского населения шло в одном направлении с потоками крестьян-сходцев.

Указ 1649 года одинаково преследовал и беглых крестьян из помещичьих владений, из черных волостей и беглых посадских людей, покидавших городское тягло. Сила указа распространялась и на детей посадских людей. В указе говорилось: «А которые посадские люди сами или их отцы в прошлых годах живали на посадах и в слободах у тяглых людей в сидельцах и в наймитах ... за всяких чинов людьми на их дворах и в вотчинах, и в поместьях и на церковных землях, и тех сыскивать и свозить на старые посадские места, где кто живал наперед сего безлетно и безповоротно».

¹Сов. Историч. Энциклоп. № 11. 1968 г.

В то же время этот закон предписывал, что вотчинники и помещики за прием беглых посадских людей в свои имения лишались самих имений¹.

С одной стороны, правительство преследовало бежавших посадских людей, с другой — использовало посадских людей в проведении своей колонизационной политики, переселяя их во вновь осаживаемые города.

Первыми колонистами новых областей бывали обыкновенно вольные выходцы, беглые холопы, ушедшие без «расчета» с землевладельцем крестьяне, посадские и мелкие служилые люди, которым плохо жилось. Вслед за вольной колонизацией надвигалась колонизация правительственная — это систематические постройки укрепленных городов в Польской Украине и организация пограничной службы, как она слагалась по уставу сторожевой и станичной службы 1571 года. Эта колонизация сразу отвлекала на юг часть оседлого посадского элемента и довольно много служилых людей, призванных защищать границы².

Элементами правительственной колонизации в XVII веке были преимущественно посадские «сведенцы» в городах и служилые люди, большей частью «новоприборные», очень многочисленные, помещавшиеся целыми деревнями³.

Направление бегства посадских людей из центра России, в основном, совпадало с общим переселенческим потоком. Заинтересованные продолжить на новом месте жительства свои привычные занятия ремеслом или торговлей, ставшие их профессией, посадские люди устремлялись в те районы, где можно было с выгодой продолжить свое дело. Это в ряде случаев предопределяло выбор направления бегства. На восточных окраинах России, например в Оренбуржье, условий для масштабной и прибыльной торговли не было. При исследовании казачьего населения Оренбургского края, по материалам переписи 1740 года, Ю.В. Готье отметил, что число посадских людей, бежавших из России в Оренбуржье, было незначительным — 28 человек из 2 065 «настоящих казаков» (1,4%)⁴.

В то же время в старообрядческих слободах Малороссии, где условия для промыслов, особенно для приграничной торговли, были весьма благоприятными, число семей посадских людей составляло 10,7% от числа всех (831) семей обывателей.

¹ААЭ. Т. IV, л. 36, см. Беляев И. Крестьяне на Руси. 1860. Переиздано в 2002 г., с. 253.

²Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М. 1937, с. 168.

³Готье Ю. В. Там же. М. 1937, с. 169.

⁴Готье Ю. В. Из истории передвижения населения в XVIII веке. М. 1908, с. 13.

По данным переписи 1729 года, среди обывателей старообрядческих слобод Малороссии были выходцы из 23 городов России, всего 85 семей посадских людей.

Таблица 12

**Откуда и в какие годы пришли посадские люди
в старообрядческие слободы Малороссии**

Города	1671-1680	1681-1690	1691-1700	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего
г. Москва			1	1		2 (2)	14 (5)
сл. Конюшенно-Овчинная						1 (1)	
сл. Конюшенно-Сыромятная			1		1	1 (1)	
сл. Басманная				1			
сл. Котельницкая				1			
сл. Воронцовская				1			
сл. Кадашевская				1			
сл. Средн. Садовн.						1 (1)	
сл. Барашская					1		
г. Коломна						1 (1)	1 (1)
г. Калуга	1	-	2 (1)	4 (2)	6	5 (2)	18 (5)
г. Боровск (Кал.)	-	-	-	-	3 (1)	-	3 (1)
г. Рославль (Смол.)	-	-	1	-	1 (1)	-	2 (1)
г. Вязьма	-	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
г. Орел	-	-	-	1	2 (2)	-	3 (2)
г. Брянск	-	-	-	2	1	-	3
г. Рыльск	-	-	-	2	1 (1)	1	4 (1)
г. Белев (Тул.)	-	-	3	5 (4)	5 (4)	1	14 (8)
г. Одоев (Тул.)	-	-	-	1	-	-	1
г. Вологда	-	-	-	-	1 (1)	-	1 (1)
г. Ярославль	-	-	-	1	-	2 (1)	3 (1)
г. Кострома	-	-	-	-	1 (1)	1	2 (1)

Города	1671- 1680	1681- 1690	1691- 1700	1701- 1710	1711- 1720	1721- 1729	Всего
г. Балахна (Н.Нов.)	-	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
г. Курск	-	-	1	1	1	2 (1)	5 (1)
г. Белгород (Кур.)	-	-	-	1	-	-	1
г. Юрьев-Пол. (Вл.)	-	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
г. Велик. Луки (Пс.)	-	-	-	-	2	-	2
г. Новгород	-	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
г. Торопец (Тверь)	-	-	-	-	1	-	1
г. Старая Русса	-	-	-	-	1 (1)	-	1 (1)
г. Болхов	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)	2 (2)
г. Невель	-	-	-	-	-	1 (1)	1 (1)
г. Путивль (Млрс.)	-	-	-	1	-	-	1
г. Глухов (Млрс.)	-	-	-	1	-	1	2
Всего	1	-	9 (1)	25 (6)	29 (13)	25 (16)	89 (36)

(1) – в том числе семьи, вышедшие из России в Малороссию через Польшу.

В переписи капитана Брянчанинова самым ранним поселенцем посадского звания записан житель Стародубского полка слободы Чуровичи Соленников, пришедший на поселение из города Калуги в 1679 году.

После долгого перерыва, начиная с 1693 года, на поселение почти ежегодно стали приходиться единичные семьи посадских людей из Москвы, Калуги, Рославля, Белева, Курска. Всего за последнее десятилетие XVII века в Стародубские слободы вселилось 9 семей посадских людей. С 1700 года приток посадских людей из городов России увеличился. Каждое последующее десятилетие в старообрядческих слободах селилось от 25 до 29 семей посадских людей. Начиная с 1706 года, сначала редко, а с 1715 года ежегодно, стали приходиться в старообрядческие слободы семьи посадских людей, вышедшие из России в Малороссию через Польшу.

Число семей посадских людей, переселившихся в разные годы из России в старообрядческие слободы Малороссии

Годы	Из России в Малороссию	Из России в Малороссию через Польшу	Всего
1679	1	-	1
1691-1700	8	1	9
1701-1710	19	6	25
1711-1720	16	13	29
1721-1729	9	16	25
Всего	53	36	89

Среди причин, побуждавших жителей городов к бегству из России в Малороссию, можно назвать повышение ставок налогообложения всего населения, в том числе и посадского, рекрутские наборы, постоянную повинность, ямскую повинность.

Рекрутская повинность была введена вместе с введением регулярной армии. Уже в 1700-1703 годах было произведено укомплектование вновь устроенного войска несколькими наборами. В феврале 1705 года состоялся, так называемый, первый рекрутский набор. Затем последовали ежегодные наборы, иногда по несколько раз в году. Всего за 20 лет (1705-1725 гг.) состоялось не менее 39 наборов¹.

В течение всего этого времени посадское население принимало участие в рекрутских наборах на общих основаниях. За исключением небольшого промежутка времени (1722-1727), когда для посадских людей натуральное отбывание воинской повинности было заменено денежными взносами.

Для отыскания бежавших от рекрутской повинности людей производились облавы окрестных уездов, «ставились на правез» родители беглецов. Их били ежедневно, пока они не представят сына в рекруты.

Разорительной была «постоянная повинность» – размещение на обывательских дворах военнослужащих из ставших на постой в городах полков.

¹Милюков П. Н. Государственное хозяйство и реформы Петра Великого. С. 166-177. Взято из Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII века. М. 1903, с. 353.

Посадское тягло после реформы 1679 года составлялось из стрелецких денег, оброчных денег, запросных денег, таможенных денег, кабацких денег. С 1705 года появились пошлины (неокладные сборы): с бороды, с подъема на весы, с клеймения товара, с хомутов, поведерная пошлина.

Суммарные сборы с жителей посадов возросли за годы Петровских реформ в несколько раз. Так сборы с Калужского посада с 908 рублей в 1690-х годах к моменту введения подушной подати поднялись до 7 243 рублей¹. В это же время посадские люди Москвы жаловались, что «от податей им чинится великое разорение», от которого они приходят «в самое убожество».

После 1716 года появилась еще одна причина выхода посадских людей из России в Малороссию: двойное налогообложение семей старообрядцев.

Показательны сведения об «убыли душ» за время, истекшее от I до II ревизии, представленные в делах Сената, где убылые души распределены по категориям применительно к различным причинам убыли. Первое место в категории посадских людей занимают убывшие по причине смерти – «померло», второе место – «отданы в рекруты», третье место – «бежало» и «пропало без вести», четвертое место – «переведено в другие посады». Эти сведения собраны в период времени после 1722 года, но они отражают положение дела и в предшествующие два десятилетия. Больше всего посадских людей, по сведениям Сената, бежало из Московской, Углицкой, Владимирской и Калужской провинций².

По сведениям, взятым из переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии, больше всего посадских людей вышли в Малороссию из г. Москвы (15 семей), из г. Калуги (18 семей), из г. Белева (14 семей). Из Рыльска (4), из Курска (5), из других городов по 1-3 семьи.

Появление в старообрядческих слободах Стародубья посадских людей из Москвы, Калуги, Белева, Рыльска – свидетельство того, что внутри посадского населения этих городов старый обряд имел широкую поддержку. Само же присутствие в старообрядческих слободах Малороссии выходцев из русских городов обуславливало тогда и в последующие годы тесные торговые и религиозные связи Стародубья с Москвой, Рыльском, Калугой, Белевым.

Примечательно, что 40,4% семей посадских людей пришли в старообрядческие слободы Малороссии через Польшу. Выход из России в Польшу, а затем из Польши в Малороссию требовал зна-

¹«Очерки и истории СССР» (первая четверть XVIII в.). М. 1954, с. 67, 222.

²Кизеветтер А. А. Посадская община России XVIII века. М. 1903, с. 75.

чительных денежных расходов. Увеличение числа семей посадских людей, равно и крестьянских семей, предпочитавших выходить в Малороссию через Польшу, свидетельство того, что в Малороссию уходили из России экономически крепкие семьи.

В то же время в старообрядческих слободах Малороссии среди выходцев из городов России людей купеческого звания можно считать единицы. Очевидно, что из городов бежали в Стародубье в основном посадские люди, имевшие средний достаток, для которых налоговое бремя и поборы были разорительными. Зажиточная часть посадских людей – купечество, не покидали городов. Они были в состоянии оплатить любые поборы, в том числе налагаемые на старообрядцев дополнительные налоги.

8. Мещане

По данным переписи капитана Брянчанинова 34 семьи обывателей раскольничьих слобод назвались бывшими мещанами.

В начале XVIII столетия мещане в России еще не были сословием. В 1729 году, во время переписи жителей старообрядческих слобод Малороссии, мещанами называли городских жителей польских местечек (городов), а также жителей городов юга России, Малороссии, Смоленской губернии, некогда бывших под властью Польши. Внутри самой России жителей городов и посадов называли посадскими людьми.

Таблица 14

Мещане из Польши и России, поселившиеся в старообрядческих слободах Малороссии

Из каких городов	Число семей	Годы
<i>Из польских городов (местечек):</i>		
г. Варшава	2	1708, 1720
г. Новый Быхов	2	1713, 1725
г. Могилев	4	1719, 1721, 1723, 1729
г. Невель	1	1719
г. Вильно	2	1720, 1726
г. Пернов	1	1709
г. Лысенки (из-за Днепра)	1	1722
г. Витебск	1	1723
г. Ревель	1	В плен в 1708, в Ардонь в 1728 году

Из каких городов	Число семей	Годы
м. Пропойск	1	1725
м. Шарогоровка	1	1708
м. Кричев	1	1719
	18	
<i>Из российских городов:</i>		
г. Москва, Живодерная слобода	1 (1п)	1722 (п)
г. Смоленск	3 (2п)	1721, 1724 (п), 1724 (п)
г. Суджа (Курской)	1 (1п)	1725 (п)
г. Воронеж	3	1706, 1706, 1710
г. Черкассы-на-Дону	2	1710, 1722
	10 (4п)	
<i>Из малороссийских городов:</i>		
г. Стародуб (Стародубский полк)	4 (1п)	1709 (п), 1710, 1719
г. Змиев (Изюмский полк)	1	1722
г. Сосницы (Черниговский полк)	1	1707
	6 (1п)	
Всего	34 (5п)	

(1п) – в том числе семьи мещан, пришедшие в Малороссию через Польшу.

Всего назвали себя бывшими подданными Польши 18 семей мещан. Из южных российских городов семей мещан – 10, из малороссийских городов – 6. Из них пришли в Малороссию через Польшу из российских городов 4 семьи, из малороссийских городов – 1 семья.

Среди поселенцев в старообрядческих слободах Малороссии есть обыватель слободы Ардонь, назвавшийся «мещанином г. Москвы Живодерной слободы». Пришел в Малороссию через Польшу. В те годы назвать себя мещанином из Москвы мог только житель Мещанской слободы. Видимо пребывание его в польских городах было столь продолжительным, что себя он называет не посадскими человеком, а мещанином.

Обращает внимание, что мещане стали селиться в старообряд-

ческих слободах Малороссии после 1706 года. Переселение некоторых семей происходило в 1708-1709 годах, во время похода войск Карла XII на Россию. До 1715 года число семей мещан, переселявшихся в Малороссию, исчисляется единицами, после 1715 года число, таких семей резко возросло. Особенно заметно переселение мещан из польских городов, которые, начиная с 1719 года, ежегодно стали приходить в старообрядческие слободы Малороссии на поселение. Целенаправленное переселение мещан из польских городов в старообрядческие слободы Малороссии связано с тем, что называвшие себя мещанами переселенцы были по сути людьми великороссийского происхождения, исповедывавшими старый обряд.

В эти же годы увеличилось число семей мещан, вышедших из западных уездов России в Малороссию через Польшу.

Таблица 15

**Годы переселения мещан в старообрядческие
слободы Малороссии**

Годы	Из польских городов	Из России	Из Малороссии	Всего
1706		2		2
1707			1	1
1708	2			2
1709	1		1 (1п)	2 (1п)
1710		2	1	3
1713	1			1
1715				
1719	3		2	5
1720	2			2
1721	1	1		2
1722	1	2 (1п)	1	4 (1п)
1723	2			2
1724		2 (2п)		2 (2п)
1725	2	1 (1п)		3 (1п)
1726	1			1
1728	1			1
1729	1			1
Всего	18	10 (4п)	6 (1п)	34 (5п)

(1п) – в том числе семьи мещан, вышедшие в Малороссию через Польшу.

Обобщая сведения о посадских людях и мещанах, можно отметить, что переселение посадского и мещанского сословия в старообрядческие слободы Малороссии началось после 1700 года и заметно усилилось после 1715 года.

К 1729 году число семей посадского и мещанского звания в составе населения старообрядческих слобод Малороссии достигло 123, что составило 14,8% от общего числа семей обывателей Государевой волости описных раскольниковых слобод. Через посадских людей и мещан жители старообрядческих слобод поддерживали экономические и духовные отношения с многочисленными городами России и Польши.

9. Характер и структура переселенческих потоков крестьян из России в Речь Посполитую, а оттуда в Малороссию в конце XVII – начале XVIII веков

Со второй половины XVII века территория нынешней Белоруссии, входившая в состав Речи Посполитой, приняла сотни крестьянских семей из России, бежавших от религиозных притеснений царского правительства и реформаторских преобразований Петра Первого. Переселенческое движение российских крестьян за польскую границу в конце XVII – начале XVIII веков до сих пор не исследовано. Документом, позволяющим расширить представление о характере переселенческого движения и оценить структуру переселенческих потоков беженцев из России в Польшу, является перепись обывателей Государевой волости описных раскольниковых слобод Малороссии 1729 года (перепись капитана Брянчанинова)¹.

По данным переписи капитана Брянчанинова, заселение старообрядческих слобод Стародубского и Черниговского полков началось с 1678 года. Основными переселенцами в Малороссию были крестьянские семьи из России. Первые переселенцы из Речи Посполитой пришли в старообрядческие слободы Малороссии в 1699 году. Сначала это были единичные семьи за несколько лет. Но, начиная с 1706 года, наблюдается ежегодное переселение крестьянских семей из Польши в старообрядческие слободы Малороссии, и возникает транзитный поток переселенцев из России в Малороссию через Польшу.

Всего за период с 1699 по 1729 годы из Польши пришли на поселение в Стародубский и Черниговский полки 215 крестьянских семей, что составило 25,8% числа всех семей (831) обывателей Государевой волости описных раскольниковых слобод.

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29. е. х., 1797, лл.1-217.

Перепись обывателей старообрядческих слобод Малороссии 1729 года выявила несколько потоков переселенцев: входящие потоки из России в Малороссию и из России в Польшу, выходящий поток переселенцев из Польши в Малороссию и транзитный поток переселенцев из России в Малороссию через Польшу.

Значение и насыщенность каждого из названных потоков переселенцев станут очевидней при рассмотрении переселенческого потока крестьян из Польши в Малороссию. В этом потоке переселенцев следует условно выделить две группы крестьян. Первая группа – это крестьяне, которые связывали свое происхождение с Россией (126 семей). Другая группа – крестьяне, назвавшие себя подданными польской шляхты (89 семей).

9.1. Крестьяне, вышедшие в Малороссию из Польши и назвавшиеся подданными России

Выделение крестьян, вышедших из Польши в Малороссию, в отдельную группу подданных России построено на их показаниях: крестьяне не сообщают о своем подданстве шляхтичам или «за каким шляхтичем» жили, они называют себя крестьянами помещичьими, монастырскими, дворцовыми и указывают «за каким владельцем» и в каком уезде России жили до переселения в Польшу.

По данным переписи Брянчанинова, первые семьи крестьян, вышедшие из России в Малороссию через Польшу и назвавшие себя бывшими подданными России, появились в Стародубье в 1701 году. Переписчики специально не выясняли у обывателей, за сколько лет до поселения в Малороссии их семьи вышли из России в Польшу. Единичные свидетельства, почерпнутые из разных дел начала XVIII века, говорят, что крестьяне при переходе из России в Малороссию задерживались в Польше от нескольких месяцев до нескольких лет. Поэтому время поселения беглого человека из России в Стародубье, записанное в переписи капитана Брянчанинова, дает ориентировочное представление о времени выхода его из России.

В группе крестьян, подданных России, пришедших в Малороссию через Польшу, есть крестьяне помещичьи (46 семей), монастырские (38) и дворцовые (42) – всего 126 семей, что составило 21,6% от числа всех крестьянских семей (582), бежавших из России в старообрядческие слободы Малороссии (с 1678 по 1729 гг.). Бегство крестьян в Малороссию через Польшу, по данным переписи, наблюдалось в общей сложности из 34 уездов.

Число семей крестьян трех категорий (помещичьих, монастырских, дворцовых), вышедших из уездов России в Малороссию и из России в Малороссию через Польшу в 1701-1729 гг.

Уезды	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего	
Вологодский	-	-	2 (2)	2 (2)	
Ярославский	8	5 (1)	2 (1)	15 (2)	
Ростовский	4	1	-	5	
Пошехонский	6 (1)	-	2 (1)	8 (2)	
Костромской	52 (1)	13 (5)	7 (4)	72 (10)	
Галичский	14	3 (1)	3 (1)	20 (2)	
Московский	7	5 (1)	11 (8)	23 (9)	
Дмитровский	-	1 (1)	4 (2)	5 (3)	
Коломенский	-	-	1 (1)	1 (1)	
Рузский	-	-	1 (1)	1 (1)	
Звенигородский	1	-	-	1	
Серпуховский	7	5 (1)	-	12 (1)	
Можайский	1	-	1	2	
Яропольский	-	1	-	1	
Владимирский	2	-	-	2	
г. Суздаль	1	-	-	1	
Пересл.-Залес.	-	-	3 (3)	3 (3)	
Юрьев-Пол.	-	3 (2)	-	3 (2)	
Муромский	1	-	-	1	
Калужский	2	-	2 (2)	4 (2)	
Мещовский	-	-	3 (2)	3 (2)	
Боровский	2 (1)	-	-	2 (1)	
Козельский	15 (2)	7 (3)	15 (14)	37 (19)	
Мосальский	-	1	3 (3)	4 (3)	
Ярославец.-Мал.	1	-	-	1	
Серпейский	-	2	3 (1)	5 (1)	

Уезды	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего	
Медынский	1	-	-	1	
Орловский	-	3 (2)	-	3 (2)	
Рыльский	6 (2)	9 (4)	3 (2)	18 (8)	
Мценский	-	1	1	2	
Севский	11	7 (4)	7 (4)	25 (8)	
Трубчевский	-	1	-	1	
Карачевский	3	-	-	3	
Ливенский	-	1	-	1	
Кромский	-	1	2 (2)	3 (2)	
Курский	1	-	-	1	
Тульский	-	6 (1)	1	7 (1)	
Белевский	5	9 (5)	1 (1)	15 (6)	
Каширский	4	2 (2)	-	6 (2)	
Алексин	1	1	-	2	
Нижегородский	1	7 (2)	1 (1)	9 (3)	
Балахонский	-	7 (4)	6 (4)	13 (8)	
Бреевский	-	1	-	1	
Псковский	7 (2)	3 (2)	1 (1)	11 (5)	
Великолукский	-	3 (1)	-	3 (1)	
Новгородский	2	6 (1)	5	13 (1)	
Олонецкий	-	2 (1)	-	2 (1)	
Корельский	-	1	-	1	
Тихвинский	-	1	-	1	
Тверской	4 (4)	1 (1)	2 (1)	7 (6)	
Старицкий	-	3	-	3	
Вязьменский	-	1	-	1	
Смоленский	2 (1)	1	2 (1)	5 (2)	
Лифляндский	4	1 (1)	-	5 (1)	

Уезды	1701-1710	1711-1720	1721-1729	Всего	
Лотеевский	1	-	-	1	
Черниговский	1	-	-	1	
Откуда, не помнят	-	-	4 (3)	4 (3)	
Всего	178 (14)	126 (46)	99 (66)	403 (126)	

(1) – в том числе семьи, вышедшие в Малороссию через Польшу.

В таблице 16 сравниваются потоки крестьян-переселенцев: из Польши в Малороссию, из России в Малороссию как напрямую, так и через Польшу, начиная с 1701 года.

Показания жителей описных раскольниковых слобод Малороссии позволяют указать те места в России, где возникало переселенческое настроение, имевшее целью выход за польскую границу для последующего поселения либо в Польше, либо в старообрядческих слободах Малороссии.

В течение первого десятилетия XVIII века в Малороссию пришли через Польшу 14 семей. Уезды, из которых крестьяне стали выходить за польскую границу, и раньше поставляли беглецов в Малороссию. Теперь, после 1701 года, крестьяне из этих уездов стали прокладывать новый маршрут для бегства – через Польшу.

Во втором десятилетии XVIII века к уездам, из которых бежали крестьяне в Малороссию через Польшу, добавились следующие уезды: Ярославский, Галичский, Дмитровский, Серпуховский, Юрьев-Польский, Мосальский, Серпейский, Орловский, Севский,

Таблица 17

Из каких уездов бежали крестьяне в Малороссию через Польшу в первом десятилетии XVIII столетия

Из какого уезда бежал в Польшу	В каком году вышел из Польши в Малороссию	Число семей
Костромской	1701	1
Козельский	1703, 1710	2
Рыльский	1706, 1708	2
Тверской	1706, 1708, 1710	4
Пошехонский	1707	1
Боровской	1708	1
Псковский	1709	2
Смоленский	1709	1

Тульский, Белевский, Нижегородский, Балахонский, Псковский, Великолукский, Новгородский и Олонецкий.

В третьем десятилетии (1721-1729) география побегов крестьян через Польшу в Малороссию включала 24 уезда России.

Насколько быстро распространялась по уездам России весть о новом маршруте бегства из России в Малороссию через Польшу, можно заключить из следующих данных.

В первом десятилетии XVIII века в Малороссию пришли крестьяне из 32 уездов, из них крестьяне 8 уездов проложили маршрут бегства через Польшу (25%). Во втором десятилетии соотношение составило 37 к 22 (59,4%). В третьем десятилетии в Малороссию пришли крестьяне из 29 уездов, из них крестьяне 24 уездов проложили маршрут бегства через Польшу (82,7%). Получается, что уже через 10-15 лет крестьяне большинства уездов России знали о маршруте бегства в Малороссию через Польшу.

С расширением географии побегов в Малороссию через Польшу росло число семей, пользовавшихся новым маршрутом. Оценивая структуру потока беглых крестьян, можно отметить, что в течение первых трех десятилетий XVIII века из года в год число крестьянских семей, вышедших в Малороссию через Польшу, росло, а число семей, бежавших из России напрямую в Малороссию, быстро сокращалось. Доля крестьянских семей, вышедших в Малороссию через Польшу, в общем потоке беглецов, направлявшихся из России в Малороссию, составила: в первом десятилетии – 7,8%, во втором десятилетии – 36,5% и в третьем десятилетии – 66,6%. В 1720-е годы практически 2 из 3 беглецов направлялись сначала за польскую границу, а затем возвращались в Малороссию. Из отдельных уездов число выходцев в Малороссию через Польшу составляло 100%.

Таблица 18

Оценка соотношения числа семей крестьян, выходящих в Малороссию через Польшу, к общему числу беглых крестьянских семей внутри каждого уезда в 1721–1729 годы

Уезд	Число семей, бежавших через Польшу (в %)								
	100 %	93,3 %	72,7 %	66,6 %	57,1 %	50 %	33,3 %	0%	Все-го
Вологодский	2 (2)								10
Коломенский	1 (1)								
Ружский	1 (1)								
Пересл.-Залес.	3 (3)								
Калужский	2 (2)								
Мосальский	3 (3)								
Кромский	2 (2)								
Белевский	1 (1)								
Нижегородский	1 (1)								
Псковский	1 (1)								

Уезд	Число семей, бежавших через Польшу (в %)								
	100 %	93,3 %	72,7 %	66,6 %	57,1 %	50 %	33,3 %	0 %	Всего уездов
Козельский		15 (14)							1
Московский			11 (8)						1
Мещовский Рыльский Балахонский				3 (2) 3 (2) 6 (4)					3
Костромской Севский					7 (4) 7 (4)				2
Ярославский Пошехонский Дмитровский Тверской Смоленский						2 (1) 2 (1) 4 (2) 2 (1) 2 (1)			5
Галичский Серпейский							3 (1) 3 (1)		2
Можайский Мценский Тульский Новгородский								1 1 1 5	4
Всего уездов	10	1	1	3	2	5	2	4	28

(1) – в том числе семьи крестьян, вышедшие в Малороссию через Польшу.

Как видно из таблиц, осведомленность крестьян о возможности выхода за польскую границу с последующим переходом в Малороссию присутствовала не в одном каком-либо месте, издавна заселенном старообрядцами, а в десятках уездов, далеко или близко отстоящих как друг от друга, так и от Малороссии, и была представлена практически всеми уездами земли Русской.

Наибольший отток крестьян в Малороссию через Польшу, в абсолютных величинах, наблюдался из уездов: Костромского (10 семей), Московского (9), Козельского (19), Рыльского (8), Белевского (6), Балахонского (8), Псковского (5). В этих уездах значительная часть населения придерживалась старого обряда или сочувствовала старообрядцам. Из этих уездов бегство в старообрядческие слободы Малороссии началось еще в конце XVII века и заметно возросло в начале XVIII века.

Уезды, давшие больше всего переселенцев в старообрядческие слободы Малороссии в 1701-1729 годы

Уезды	Число семей, вышедших из России в Малороссию	В том числе семьи, вышедшие в Малороссию через Польшу
Костромской	72	10
Московский	23	9
Козельский	37	19
Рыльский	18	8
Севский	25	8
Белевский	15	6
Балахонский	13	8
Псковский	11	5
Тверской	7	6
	221	79

Из уездов Севского, Тверского переселение в старообрядческие слободы Малороссии началось только в начале XVIII века. Но доля семей, выходящих в Малороссию через Польшу, сразу стала значительной. 9 уездов (Костромской, Московский, Козельский, Рыльский, Севский, Белевский, Балахонский, Псковский и Тверской) дали 62,6% (79 семей) от общего числа крестьянских семей (126), вышедших в Малороссию через Польшу. Остальные 25 уездов (см. таблицу 16) дали 37,4% беглецов через Польшу, то есть, из этих уездов пришли в Малороссию единичные семьи.

Перепись выявила ряд уездов (Вологодский, Рузский, Коломенский, Переславль-Залесский, Серпейский, Кромский), из которых переселение в Малороссию началось только во втором десятилетии XVIII века. Представлено оно единичными семьями переселенцев, но эти семьи сразу выбирают маршрут бегства за польскую границу с последующим переходом в Малороссию. Показатели выхода крестьянских семей за польскую границу из этих уездов в абсолютных величинах исчисляются единицами, но относительная величина приближается к 100%.

Как могло случиться, что почти одновременно в разных концах России, в удаленных друг от друга уездах среди крестьян возникает мысль выйти из России за польскую границу, чтобы затем с «пашпортом» поселиться в старообрядческих слободах Малороссии?

Динамика структуры потока беглецов в Малороссию в первые три десятилетия XVIII века, география побегов, сложный маршрут побегов и их направленность свидетельствуют, что выход крестьян разных категорий в Малороссию через Польшу носил организованный характер. В организации переселения участвовали как ветковские агитаторы, разъезжавшие по России, так и сами переселенцы, поддерживавшие переписку и устную связь с родственниками и с земляками, оставшимися на Родине.

9.2. Крестьяне, подданные шляхтичей

О своем польском происхождении заявили переписчикам капитана Брянчанинова 89 семей крестьян, переселившихся в старообрядческие слободы Малороссии до 1729 года. Находясь в Польше, они состояли подданными шляхтичей. В составе всего населения государственной волости описных раскольничьих слобод доля бывших «польских граждан» составила 10,7%.

Первое появление в старообрядческих слободах семьи, бывшей в подданстве шляхтича, датируется в переписи Брянчанинова 1699 годом. Семья Ионы Семенова вышла из слободы Косицкая, где жила в подданстве шляхтича Халецкого, и поселилась в Стародубском полку в слободе Еленке.

Постоянный приток крестьян из владений польских шляхтичей начался с 1706 года и носил волнообразный характер. Переселенческие волны наблюдались в 1707-1710 годах – 22 семьи, в 1713-1715 годы – 11 семей, 1719-1722 годы – 26 семей. Если до 1715 года приток крестьян из Польши в Малороссию происходил с перерывами в несколько лет, то с 1716 года беглецы из-под власти шляхтичей приходят в Малороссию ежегодно и число их увеличивается.

Таблица 20

Переселение крестьян из Польши в старообрядческие слободы Малороссии в 1691–1729 гг.

Годы	Вышли из Польши в Малороссию крестьяне		Всего семей
	подданные России	подданные Польши	
1691-1700	-	1	1
1701-1710	14	23	37
1711-1720	45	31	76
1721-1729	66	34	100
Всего семей	125	89	214

Разделение переселенческого потока крестьян из Польши в Малороссию на две группы: подданные России и подданные польской шляхты — условно. Изучение структуры потоков переселенцев показало сходство в поведении крестьян-переселенцев обеих групп.

Обращает внимание, что выход бывших подданных России и подданных Польши в Малороссию начался практически в одно время. Переселенческое настроение в обеих группах крестьян усиливается после 1715 года, когда стало известно об образовании Государевой волости описных раскольничьих слобод и разрешении селиться в слободах выходцам из-за польского рубежа, придерживающихся той же веры. Это событие в жизни старообрядцев Малороссии привело к увеличению числа переселенцев из Польши по сравнению с предыдущим периодом.

Обращает внимание и то, что целью переселенческого движения крестьян, до и после 1715 года, в обеих группах, являются старообрядческие слободы Малороссии.

Среди бывших подданных Польши, представленных в переписи, более двух десятков крестьянских семей, находившихся в собственности шляхтичей Халецкого и Красинского и проживавших в слободах: Халч, Ветка, Вылев, Косицкая. В отношении крестьян, населявших эти слободы, доподлинно известно, что они старообрядцы. Так, в показаниях миссионера иеромонаха Решилова (1722-1723 гг.) говорится, что его осведомитель Иван Беляев «в 1722 году... посылан был за границу в Польшу на Ветку ради ведомства раскольщиков, которые с 1720 и 1721 годов вновь ушли за границу — московские жители и разных градов монастырские и боярские и всяких чинов люди, и построились на Ветке и около за паном Халецким и паном Красинским». В числе старообрядческих слобод названы были Ветка, Вылев, Побуж, Купревка, Копрянка и другие слободы¹.

Совпадение интересов и целей в переселенческом поведении крестьян, бывших подданных России и подданных Польши, позволяет с высокой долей уверенности говорить, что большинство крестьян, бывших в собственности польской шляхты, не кто иные, как старообрядцы, бежавшие из России. О времени поселения их в Речи Посполитой из материалов переписи уяснить невозможно. Но то, что, по прошествии льготных лет они стали посполитыми, то есть крестьянами, находящимися в собственности шляхтичей, и из «пришлых» превратились в «старожильцев», это несомненно.

Приверженцами древлеправославного обряда в Речи Посполитой в своем большинстве были беглецы из России. Поэтому пра-

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. IV. СПб. 1876. С. 238-239.

Клинцовский летописец

вильным будет рассматривать крестьян, находившихся в собственности шляхты и переселившихся в старообрядческие слободы Малороссии, как беглых российских крестьян-старообрядцев.

В этом случае представляет интерес география расселения старообрядцев в пределах Речи Посполитой. Изучение переписи обывателей раскольничьих слобод Малороссии 1729 года показало, что местами расселения старообрядцев была вся территория нынешней Белоруссии и даже Варшавское воеводство, и что числились они в собственности 38 крупных землевладельцев Речи Посполитой. Больше всего старообрядцев вышло в Малороссию из Могилевского (40 семей), Витебского (27), Минского (5), Гродненского (4), Варшавского (1) уездов и воеводств, из других мест (12 семей). От шляхтича Халецкого бежало в Малороссию 20 семей, от Красинского – 5 семей, Королевского Величества – 7, Вишневецкого – 5 семей, от других шляхтичей бежали по 1-2 крестьянских семьи.

Таблица 21

Места расселения крестьян, их владельцы и число семей, бежавших из Польши в старообрядческие слободы Малороссии

Город, местечко (воеводство, повет)	Селение	Шляхтич	Год бегства в Малороссию	Семей
г. Могилев		Королев. Велич.	1724	1
		Язвицкий	1725	1
		Сапега	1725	1
Могилевский у.	д. Голенево	Красинский	1720	1
	с. Красницы	Королев. Велич.	1719	1
	с. Темровка	Королев. Велич.	1709	1
	с. Комлево	Ждановский	1721	1
	с. Дроновка	Кунцевич	1727	1
м. Чауса		Королев. Велич.	1711	1
м. Злобин		Халецкий	1721	1
м. Гомель		Красинский	1715	1
			1724	2
Гомельский у.	с. Озаричи	Лезвенович	1716	1
	д. Вылев	Халецкий	1725	1
			1728	1
сл. Ветка	Халецкий	1713	1	
		1720	2	

Город, местечко (воеводство, повет)	Селение	Шляхтич	Год бегства в Малорос- сию	Се- мей
			1721 1772	1 1
	сл. Халч	Халецкий	1708 1709 1710 1718 1722 1724 1726	1 2 1 1 1 1 2
	сл. Косицкая	Халецкий	1699	1
	сл. Сиверка	Халецкий	1724	1
	д. Лучеса		1727	1
м. Огородня		Красинский	1728	1
м. Головчино	с. Гнездино	Станкевич	1719	1
м. Носовичи		Долгала	1710	1
м. Лоев		Сапега	1706 1713	1 1
	д. Косорачино	Пац	1720	1
г. Пропойск		Корол. Велич.	1729	1
г. Лукомль	с. Трояновское	Тихоновский	1708 1715	2 1
г. Витебск		Палей	1725	1
	д. Алфимово	Булгак Франц	1714	1
г. Велиж		Брашка	1714	1
	д. Загоскино	Кляшторский	1722	1
	д. Городище	Агинский	1724	1
	с. Дубровка	Дубровский	1709	1
		Чарторыйский	1714 1729	1 1
	с. Недашево	Королев. Велич.	1710	1
	д. Кононово	Казимер	1715	1
	д. Демьяново	Вишневецкий	1707	2
	д. Пухново	Вишневецкий	1707	2

Город, местечко (воеводство, повет)	Селение	Шляхтич	Год бегства в Малорос- сию	Се- мей
г. Невель		Калиньский	1720	1
	с. Бохонов	Свенский	1716	1
	с. Петровка	Крупницкий	1719	1
	с. Макурина	Агинский	1719	1
г. Навля	д. Островно	Шишка	1729	1
	с. Сукнянки	Свенцицкий	1715	1
г. Полоцк	с. Овсянниково	Свенцицкий	1710	1
		Корела	1722	1
	с. Вулы	Жаба	1710	1
Дрисский у.	с. Чирсы	Выборса	1720	1
м. Пинск (Минск)	с. Лунино	Любецкий	1714	1
м. Несвиж	с. Чудино	Несвижский	1714	1
м. Борисово	с. Заболотье	Ксенжи	1719	1
		Язвицкий		
м. Глуск	с. Болошевичи	Кн. Полубен- ский	1708	2
(Гродно)	д. Черехи	Агинский	1713	1
			1719	1
Свяцкий у.	д. Макурино	Агинский	1717	1
Бельский у.		Вишневецкий	1720	1
Варшавский у.	д. Латыголицы	Слишка	1709	1
	с. Батромеевка	Скоробогатов	1709	1
	с. Шишковичи	Полоцкий	1725	1
	с. Макаричи	Ксендза Литовского	1720	1
м. Бобровское		Гаврин	1723	1
	д. Житная	Королев. Велич. Степана	1727	1
Из Польши, откуда, не помнят		Глебович	1721 1709-1726	1 6
Всего				89

Перепись 1729 года делает видимой только часть мощного переселенческого потока из России в Польшу, который шел транзитом через Малороссию. Косвенным свидетелем направления и силы этого потока переселенцев следует рассматривать сообщение переписчиков Брянчанинова, что за 11 лет, прошедших после переписи Ергольского, из Государевой волости описных раскольничьих слобод «выбыло 73 двора»¹.

Не вызывает сомнения, что жившие в 73 дворах беглецы из России, а их, исходя из среднего дворового числа (4 мужские души), было 292 мужские души, а обоего пола более 584 душ, не вернулись в Россию, а переселились за польскую границу. Они были увлечены потоком беглецов, идущих в 1720-е годы на Ветку из разных губерний России, но особенно из Нижегородской губернии, где в эти годы гонениями на старообрядцев руководил епископ Питирим.

О мощном потоке переселенцев в Польшу свидетельствует и сообщение миссионера иеромонаха Иосифа Решилова (1723 г.), что в девяти слободах «за паном Халецким и паном Красинским» поселено 220 дворов, «да еще по старым слободам прибыли на Ветку и круг Ветки построили вновь дворов 300». Это около 1200 душ. «Всех жителей тысяч с тридцать и более за Днепром, в местечке Кричев, около Полонова и по разным пустыням и заводам»².

Характерным для того времени является письмо государственного канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина к Малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, посланное из Санкт-Петербурга 9 июля 1715 года: «Ясневельможный и превосходительный господин гетман, мой особливый благодетель. Прошедшего 1717 году в декабре месяце, будучи в Санкт-Питерзбурке, присланной от чинов великого княжества Литовского послом воевода Троцкой Казимер Огинской просил его царское величество с докучностию, что из маетностей его из Полши и Литвы многие подданные его сбежали за рубеж в Малороссийские города, и дабы о сыску оных дать его царского величества указ. И по тому его многому прошению, дана ему из Посольской Канцелярии о сыску и об отдаче беглых подданных его, ежели оные явятся где в Малороссийских городах, к вашей велможности его царского величества грамота, с которой, ради известия, вам при сем копия приложена. Ваша велможность изволите по той его царского величества грамоте, когда с нею от помянутого воеводы Троцкого кто к вам прибудет, о сыску беглых его подданных поступить по своему рассмотрению; и ежели в Малой России явятся где из подданных его

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 218.

²Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. IV. СПб, 1876, с. 238-239.

беглые, то во удовольствие ему, воеводе Троцкому, прикажите отдать из них несколько, а обо всех в глубь не сыскивать (в чем надлежит поступить скрытно, дабы не сведали того присланные его), ибо много и Российских подданных беглых в Полше и Литве обретаются, но выдачи им оттуду, хотя многократно и к королевскому величеству грамоты царского величества о том посланы, ни мало не воспоследовало. Пребываю при сем вашей велможности ко услужению готовейший г. Гаврило Головкин. Из Москвы, генваря в 15 день 1718»¹.

Изучение материалов переписи населения Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года позволяет сделать следующие выводы:

– Перепись обывателей Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года – документ, позволяющий оценить характер переселенческого движения и структуру переселенческих потоков крестьян из России в Польшу, а из Польши в Малороссию в конце XVII - начале XVIII веков.

– С 1699 года появляется переселенческое движение крестьян, подданных шляхтичей, из Польши в Малороссию.

– Крестьян, переселившихся из Польши в старообрядческие слободы Малороссии и назвавшихся подданными шляхтичей, следует признавать беглыми российскими крестьянами, приверженцами древлеправославного обряда, вышедшими из России в конце XVII века.

– Сказки, записанные со слов обывателей старообрядческих слобод, бывших подданных шляхтичей, свидетельствуют, что переселение крестьян из России в Польшу началось задолго до 1690-х годов.

– С 1706 года появляется транзитный поток переселенцев из России в Малороссию через Польшу.

– Бегство крестьян за польскую границу в течение первых трех десятилетий XVIII века наблюдалось в общей сложности из 34 уездов России.

– С 1706 года доля крестьянских семей, выходивших в Малороссию через Польшу, неуклонно росла, и после 1718 года число переселенцев из Польши в Малороссию превысило число семей, приходивших в Малороссию непосредственно из России.

– Местами расселения старообрядцев в Речи Посполитой была вся территория нынешней Белоруссии и даже Варшавское воеводство. Старообрядцы из России находились в собственности 38 крупных землевладельцев Речи Посполитой.

¹«Материалы военно-ученого архива Главного Штаба» т.1, СПб, 1871, с. 824.

10. О связях жителей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии со старообрядческими общинами в России и о значении старообрядческой агитации в направлении потоков переселенцев из России в Малороссию в конце XVII – начале XVIII веков

Изучение материалов переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1729 года (перепись капитана Брянчанинова) показало, что переселенческое движение крестьян в Малороссию как по месту выхода, так и по времени совпало с общим движением крестьян, бежавших из центра России на ее окраины.

В то же время в переписи капитана Брянчанинова обнаруживаются приметы, позволяющие выделить переселенческое движение из России в Малороссию в самостоятельный поток, имеющий в своей сути религиозную основу.

Данные статистической обработки переписи обывателей старообрядческих слобод Малороссии 1729 года показали, что на начальном этапе (1680-1690-е годы) заселения Малороссии старообрядцами переселение шло в основном из Костромского, Галичского, Пошехонского уездов. По своей насыщенности наиболее устойчивым был поток переселенцев из Костромского уезда.

Переселение крестьян Костромского, Галичского и Пошехонского уездов в Малороссию в 1680-е годы не случайно. Крестьяне этих уездов уходили от гонений, которым подвергались противники церковной реформы, так называемые, капитоны, проживавшие в этой местности.

Проповедь защитников «старого благочестия» уже в 1660-х годах приобрела большое распространение, особенно среди монашеской братии. Одним из самых ранних и известных проповедников был чернец Капитон. Поселянин дворцового села Даниловского Костромского уезда Капитон, приняв монашество еще в 1650-х годах, удалился в пустынное место Колесниково, где начал жить по образу пустынников. Своим последователям заповедовал соблюдать строгий пост даже в Великие праздники, чем снискал себе известность. Когда же начались споры между противниками нового обряда и господствующей церковью, Капитон стал призывать своих последователей держаться двуперстия и чуждаться троеперстия, как страшной ереси. Своей устной проповедью Капитон достиг обширного влияния на всю окрестную страну¹.

За свою долгую жизнь (прожил он более ста лет) Капитон про-

¹Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. VII. М. 1996, с. 309.

повеждал «в пределах Костромских», «в пределах Вологодских», «в пределах Вязниковских», «в лесах Ветлужских», «около 12 лет провел под Нерехтой»¹.

Под влиянием проповеди Капитона находилось многочисленное население всего края. О многочисленных последователях Капитона, живущих в Костромских пределах, писал в XVII веке Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский в своем 3-м послании (гл. 15 и 25): «Еретицы капитоны, начало взявше от колесниковского чернца Капитона, жительство имуща в пределах костромских и вязниковских»².

Преследование старца Капитона началось еще в 1650-х годах и вскоре слово «капитоновщина» стало нарицательным и даже ругательным во всей России. Капитонами называли всех сторонников двуперстия. В «Истории Русской Церкви» Макария, митрополита Московского и Коломенского приводится цитата из книги И. Шущерина «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси» (М., 1871, с. 51), в которой автор пишет: «Во оная времена (когда Никон жил еще в Воскресенском монастыре) раскольники церковнии умножахуся от некоего ересеначальника чернца, глаголемаго Капитона, и вельми на святейшаго Никона многая злохуления глаголаху, и нарицаху его антихристом... тогда царь повсюду капитонов, оных раскольников, всячески изыскаваше»³.

О преследовании капитонов в Малороссии известно из инструкции гетмана Ивана Самойловича от 12 января 1685 года, данной старшему войсковому канцеляристу Василию Кочубею при отправлении его в Москву. В той части, где речь шла о разграничении Малороссии с Польшей и посажских селах, он писал: «А что и подданные в тех селцах (посажских) обретаются, побольшей части меж ими суть таковы, которые с их Царского Величества державы поушли, а еще капитонскою ересью повреждены, откуда и сюды в города и села regimentу нашего приходя, они тайно простых людей общих прелщают... которых капитонов, что в те времена (приходили), велели мы беречь и задерживать...».

А в письме стародубского полковника Семена Ивановича Самойловича к отцу гетману от 2 сентября 1684 года по поводу тех же раскольников говорится, что людей тех «веры проклятой капитонской тако сих в Стародубовщине в пустыни укорененных еще прежде мене поганым своим гнездом»... «начал присматривать и добре притиснул не токмо заключением, но и знатным прещением...»⁴.

¹Бурдина Л. В. Старообрядчество в Костромском крае. Газета «Костромской старообрядец». № 2 февраль 1999 г.

²Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 7, М. 1996, с. 426.

³Макарий (Булгаков). Там же, с. 426.

⁴Лилеев М.И. Из истории раскола ... с. 75.

Как явствует из писем Самойловича, настоящие последователи старца Капитона появились в Малороссии в 1680-х годах. Это были беглецы из Костромского уезда дворцовой Даниловской волости, из Галичского и из Пошехонского уездов.

В эти годы Капитон был еще жив. В 3-м послании Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский сообщает, что будучи еще архимандритом Новоспасским, был отправлен патриархом Иоакимом в 1687 году для увещевания раскольников в Костромской и Кинешемской уезды, где действовал Капитон¹.

Возможно, что «увещевания» Игнатия в 1680-е годы и вызвали бегство крестьян-старообрядцев из Костромского уезда в Стародубье.

Переселение последователей Капитона из дворцовой Даниловской волости Костромского уезда в Стародубье, начавшееся в 1680-е годы, было устойчивым и продолжалось в течение последующих десятилетий.

Отклонение направления бегства отдельных крестьянских семей из Костромского, Галичского, Пошехонского уездов на запад, в Малороссию в то время, как вектор переселенческого движения из этих уездов был направлен вниз по Волге в понизовые города и в Заокские степи, имело под собой определенные основания.

Стародубье стало привлекать ревнителей старого обряда с конца 1670-х годов, когда здесь поселился поп Кузьма, бежавший из Московской церкви Всех Святых на Кулишках со своими духовными детьми.

Весть об этом облетела старообрядческую Россию быстро. В Стародубье потянулись приверженцы древлеправославного благочестия. М.И. Лилеев писал: «Поп Кузьма пользовался большим уважением и авторитетом как среди местных стародубских и ветковских раскольников, так и среди вообще всех приверженцев древнего русского благочестия. О Кузьме говорили везде, как о «святителе». Переселение его из Москвы в отдаленную в то время окраину государства представлялось великим подвигом. Нет ничего поэтому удивительного, что к нему стали приходить скоро толпы простого народа отовсюду, где преследовали за древнее благочестие. Кузьма был священник старого крещения и посвящения, высоко ценимых старообрядцами в первые десятилетия. Вдобавок поп Кузьма вышел из Москвы, считавшейся до введения Никоновских новшеств, представительницей истинного благочестия. В попе Кузьме чтили именно священника-москвича, представителя духовного центра православного русского населения...»².

Для людей XVII века, соблюдающих старый церковный обряд,

¹Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1858, 2-е изд., с. 265-268.

²Лилеев М. И. Из истории раскола... С. 134.

но лишенных своего священства, уйти из России, поселиться и жить, будь то в Малороссии или на Ветке, но в некоторой близости от священника, носителя истинного благочестия, бывать на исповеди, получать причастие, было делом жизненно важным и принципиальным. В этом можно видеть причину того, что уже с 1680-х годов Малороссия стала привлекать крестьян и посадских людей из удаленных за тысячу верст уездов: Костромского, Галичского, Пешехонского, Ярославского и, в первую очередь, Московского. Люди шли в Малороссию на поселение, не считаясь с расстоянием и возможными лишениями. В 1684 году «осажена слобода Еленка в дачах бунчукового товарища Михаила Ивановича Рубца крестьянином Костромского уезда из дворцового села Даниловского Мелентием Максимовым сыном Пановым»¹. В 1707 году в дачах Ивана Лаврентьевича Бороздны осажена слобода Клинцы. Осадчим был крестьянин Костромского уезда дворцовой государевой Даниловской волости из приселка Николы Хабарова Василий Афанасьев сын Клинцов (Клинец) с братьями². В 1691 году поселена слобода Воронок на грунтах бунчукового товарища Якова Михайлова Рубца. Осаживал слободу Воронок крестьянин села Заболотья Ярославского уезда помещика Якова Григорьева сына Кафтырева Игнатий Иванов сын Волк³. А в 1709 году той же деревни Заболотья Ярославского уезда крестьянин Семен Савинов сын Заболоцкой осаживал слободу Митьковку⁴.

Первая раскольничья колония в Стародубье во главе с попом Кузьмой составила из коренных москвичей, торговых людей, верных последователей раскола. В качестве торговых людей московские раскольники могли свободно и легко пробираться в Стародубье. После вынужденного переселения московского попа Кузьмы из Стародубья в Польшу на Ветку, вызванного преследованиями старообрядцев в начале 1680-х годов, религиозные и торговые сношения Стародубья и Москвы не прервались, а только окрепли. Этому способствовало то, что в ближнем польском приграничье быстро возвысился Ветковский духовный центр старообрядцев, для которого Стародубье выполняло роль «прихожей» на пути беглецов и паломников из России. В переписи капитана Брянчанинова находим, что в 1680-е годы и в последующие десятилетия из Москвы и Московского уезда в Стародубье продолжают выходить на поселение семьи крестьян и посадских людей. Выходцы из Москвы, поселившись в Малороссии, занялись привычными занятиями: торговлей и ремеслами.

В 1701 году в слободу Еленку пришел посадский человек из города Москвы Конюшенной Сыромятной слободы Иван Павлен-

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 1.

²Там же, л. 105.

³Там же, л. 25.

⁴РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 117.

ков. О нем в переписи сказано: «Делает кожи сыромятные», имеет двор в полковом городе Стародубе¹.

Посадский человек Андрей Селиванов пришел в слободу Воронков в 1701 году из города Москвы Кадашевской слободы: «Торгует маслом конопляным»².

В 1705 году пришел в г. Стародуб посадский человек из города Москвы Басманной слободы Василий Степанов сын Смирнов. Он же в 1723 году переселился в слободу Святск. В переписи 1729 года о нем сказано: «Торгует мелочным товаром и маслом конопляным. Имеет в Стародубе двор»³.

В слободу Ардонь в 1724 году пришел из Польши Василий Ерофеев, а до выхода в Польшу был он «посадский человек города Москвы Конюшенной Овчиной слободы»: «Торгует мелочным товаром. Имеет свой двор в Стародубе»⁴.

Посадский человек Барашской слободы Иван Григорьев сын Осокин вышел из Москвы в Стародубье в 1718 году и основал вблизи от слободы Клинцы «кожевный завод», где изготовлял юфти и белые кожи. У него же, Соболящикова, были «лавки в Нежине, в которых торговали мехами, полотнами и крапешниною»⁵.

На тесные связи стародубских и ветковских слобожан с Москвой указывал М.И. Лилеев, ссылаясь при этом на «Расспросные речи» по делу капитана Н.М. Шелковникова, а также на дело о разграблении в Москве в 1700 году дома пятисотного Чубарова полка Родиона Бровкова⁶.

В докладе, направленном в 1724 году в Синод миссионером иеромонахом Иосифом Решиловым, представлены материалы допроса задержанных в 1723 году на границе России с Малороссией в городе Почепе 22 старообрядцев. Один из них, Иван Козмин, «москвитин посадский человек», двое других – уроженцы разных уездов, но имеют родственников или знакомых в Москве. Четвертый – Иван Федоров – крестьянин из Костромского уезда, дворцовой Даниловской волости, «в Москве знает Д. Орешникова, который живет на Покровской слободе на Елохове. С ним ездывал в Ригу и другие места»⁷.

В Москве, откуда исходил церковный раскол и где старообрядцы преследовались особенно настойчиво, проживало много староверов и существовали крупные старообрядческие общины. Старая

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797. л. 8.

²Там же, л. 98.

³Там же, л. 149.

⁴Там же, л. 183.

⁵Там же, л. 116.

⁶Лилеев М. И. Из истории раскола... С. 77.

⁷Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. V. 1724-1725. СПб. 1876, сс. 160-163.

вера имела столь сильные и глубокие корни в сознании народа, что даже в стольном городе старообрядцы находили не только сочувствие, но и деятельную поддержку среди многочисленных представителей церковного клира. Иван Матвеев, крестьянин Костромского уезда деревни Шильничанки, арестованный в Почепе, показал в 1723 году, что «жил в Москве в Панкратовой слободе у дяди Федора Полуэктова и в других местах Москвы под укрывательством приходских попов»¹.

Довольно ранними переселенцами в Стародубье стали жители уездов, расположенных к юго-западу от Москвы. Калужский край со своими Брынскими лесами, в многочисленных кельях и скитах которого скрывались черные попы и старцы, в XVII веке считался старообрядческой провинцией. «На стороне раскола, кроме простого народа, кушцов и мещан, стояли здесь многие духовные лица, священники и монахи. Архимандрит Калужского Лаврентьева монастыря Карион (скончавшийся 2 августа 1722 года) до конца дней своих был в числе старообрядствующих»².

Из Калужского края, из Белева в конце 1670-х годов в Стародубье пришел поп Стефан, ставший вместе с попом Кузьмой первым духовным организатором раскола на Ветке. Другой беглый поп из Калуги, Борис Калужанин, был направлен Феодосием Ворыпиным в Стародубье в качестве первого постоянного белого попа, представлявшего в Стародубье Ветковскую церковь³. Даже после разорения правительством в 1712 году в Брынских лесах за рекой Угрой старообрядческих скитов, Калуга и соседние уезды в течение всей первой половины XVIII века продолжали оставаться сильной и влиятельной старообрядческой провинцией, находившейся в ближайшей духовной связи с Веткой и Стародубьем. Слобожане Стародубья до середины XIX века, приглашая в свои храмы беглых священников, предпочтение отдавали выходцам из Калуги.

По данным переписи капитана Брянчанинова, из уездов Калужского, Козельского, Мосальского, Боровского, Серпейского и других, а также тяготеющего к ним Белевского уезда, пришли в Малороссию 98 крестьянских семей, кроме того, из городов Калуги, Боровска и Белева пришли 35 семей посадских людей. 133 семьи выходцев из Калужской старообрядческой провинции составили 16% из числа всех семей жителей старообрядческих слобод Малороссии. Слободу Деменку в 1684 году «в дачах Стародубовских полковников» осаживал крестьянин Козельского уезда Иосифо-

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. V, 1724-1725. СПб, 1876, с. 162.

² Лилеев М. И. Из истории раскола... С. 179.

³ Лилеев М. И. Из истории раскола... С. 204.

Волоколамского монастыря села Вейна Максим Афанасьев Пузеевский¹. Слободу Шеломы осаживал в 1695 году Василий Степанов сын Сычов – крестьянин помещика Семена Федорова сына Талачинова из Козельского уезда деревни Хряпиной². В 1700 году осажена слобода Тимошкин Перевоз. Осадчим был крестьянин из Козельского уезда Иосифо-Волоколамского монастыря села Вейна Тимофей Максимов сын Пузеевский³. Слободу Лужки в 1694 году осаживал посадский человек из города Белева Артемий (Андрей) Никифоров сын Стряпчев⁴. Слобода Добрянка была осажена в 1706 году в дачах Троицко-Ильинского Черниговского монастыря посадским человеком из Белева Антипом (Анисимом) Федоровым сыном Сафроновым⁵.

Переселение старообрядцев в Малороссию шло также из соседнего с Малороссией Рыльского уезда. «В 70-х годах XVII столетия, – писал М.И. Лилеев, – в Рыльском уезде уже было два монастыря: Львовский и Амонский (по другой редакции – Монский), бывшие центрами раскольникового движения на этой русской окраине, откуда раскольники переселялись потом с одной стороны на Дон, с другой – в Малороссию»⁶.

Из Рыльского монастыря пришел на Ветку Иоасаф, основавший здесь монастырь и построивший здание первой церкви, но не успевший освятить ее. Родом из Рыльска был Феодосий Ворыпин, освятивший в 1695 году на Ветке первую старообрядческую церковь во имя Покрова Богородицы. Феодосий сделал много для возвышения Ветки в старообрядческом мире, авторитет его был непререкаем для старообрядцев Керженца, Калуги, Дона, Москвы и большей части старообрядческой России. Дело Феодосия продолжил брат его, Александр, из Рыльска. Среди братии Ветковского монастыря известен священноинок Иов Рыльский.

За своими духовными отцами из Рыльска потянулись на Ветку десятки семей. Непосредственно в Стародубье осела только малая часть всех переселенцев из Рыльского уезда. По сведениям переписи Брянчанинова, старообрядческие слободы Малороссии дали приют 25 семьям из города Рыльска и Рыльского уезда (3% из общего числа поселенцев). Согласно той же переписи, в 1701 году слободу Зыбку осаживал крестьянин деревни Спесивцевой Рыльского уезда помещика Афанасия Григорьевича Спесивцева Ерема Карпов, ставший впоследствии «слободским бурмистром»⁷.

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 129.

²Там же, л. 155.

³Там же, л. 141 об.

⁴Там же, л. 41.

⁵Там же, л. 199.

⁶Лилеев М. И. Из истории раскола... С. 17.

⁷РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 83.

Переселение крестьян из граничившего с Малороссией Севского уезда началось только после 1700 года. В Малороссию выходили крестьяне из дворцовых Комарицкой и Крупецкой волостей Севского уезда. Крестьяне этих волостей, по-видимому, придерживались беспоповского согласия, поскольку в Малороссии они селились в слободах, известных в дальнейшем как очаги беспоповского толка. В 1700 году была поселена слобода Злынка. «Сначала осаживал оную слободу Севского уезда дворцовой государевой Комарицкой волости села Новоселков крестьянин Логин Логинов сын Голубицкий»¹. В 1710 году на дачах Киево-Печерского монастыря осадил слободу Ардонь «Севского уезда дворцовой государевой Комарицкой волости села Шарова крестьянин Никита Пантелеев сын Шаров»². А в 1708 году на реке Днепре, в дачах бывшего Черниговского полковника Павла Полуботка, поселена слобода Радуль, которую осаживал «Севского уезда дворцовой государевой Крупецкой волости деревни Коваленок крестьянин Филип Костылев»³.

Стрелецкие бунты 1682 и 1698 годов и последовавшие за их подавлением репрессии дали две волны переселенцев в Малороссию: в 1684 году (28 семей) и 1699 году (15 семей). Эти переселенческие волны в свое время были более выраженными, но к 1729 году многие крестьяне из переселенцев тех лет ушли за границу. М.И. Лилеев писал: «Из дела о разграблении в Москве в 1700 году дома Родиона Боровкова узнаем, что московские стрельцы-раскольники свили себе довольно прочное гнездо в Стародубщине еще с 1682 года и что поселившиеся в ней в то время стрельцы находились в постоянных и живых сношениях с прежними своими московскими товарищами до последнего стрелецкого бунта 1698 года включительно. Большинство поселившихся в то время в Стародубье стрельцов принадлежало к полку Михаила Протопопова». Однако, преследование и розыск поселившихся в Стародубье стрельцов (в 1699 году по требованию московского правительства и в 1700 году по делу Боровкова) привели к тому, что стрельцы ушли «главным образом на Дон и в соседнюю Польшу». Поэтому «их вовсе не оказывается как слободских поселенцев по переписным книгам полковника Ергольского и капитана Брянчанинова (1715-1729 гг.) и только в позднейшей Румянцевской Описи в некоторых слободах появляются дети бывших стрельцов в качестве выходцев с Дону и других мест»⁴.

К началу XVIII века в Польском приграничье, в слободе Ветке, образовался духовный центр старообрядцев со своими скитами, пустынями. Его быстрое возвышение началось с освящения в 1695

¹РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 137.

²Там же, л. 171.

³Там же, л. 211.

⁴Лилеев М.И. Из истории раскола... С. 77-79.

году в слободе Ветка церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Рядом с храмом быстро населились два крупных монастыря: мужской и женский. Одно только перечисление имен ветковских священников и иноков позволяет представить географию духовного наставничества и влияния Ветковского центра: поп Кузьма из Москвы, поп Стефан из Белева, отец Иоасаф – уроженец Твери и духовный наследник Иова Льговского, Феодосий и Александр Ворыпины из Рыльска, белый поп Борис Калужанин, священноиноки: Иов Рыльский, Макарий Курский, Иосиф Боровский, Дмитрий Муромский, игумен Власий Грибин из Тверского уезда, старец Данила Михайлов – сын ярославского подьячего и другие.

«Ветковские иноки, – писал М.И. Лилеев, – число которых в начале XVIII века простиралось «примерно со сто человек», равно как и «исправленные» Феодосием черные и белые попы, перешедшие от великороссийской церкви, действовали как раскольничьи миссионеры в Москве, в Калуге и других центральных великороссийских местностях, где еще в XVII веке составились значительные раскольничьи общины. Из ветковских скитов выходили люди с твердыми старообрядческими убеждениями, энергичные проповедники. Влияние ветковской поповщинской общины распространилось не только на поселившихся за рубежом русских людей и на близлежащее Стародубье. Ветковское причастие уже в первые два десятилетия XVIII века проникало в Керженские скиты и Волоколамские леса, к Донским, Московским и Калужским раскольникам, достигая даже Сибири». О деятельности ветковских пропагандистов имеются указания в разных архивных делах первой половины XVIII века. Ветковские проповедники за подаванием милостыни и с своей проповедью появлялись всюду в России, разъезжая то под видом «купецких людей в мирском уборном русском платье, с ружьем и рогатинами, то под видом нищих с котомками на спинах, в которых между предметами подавания скрывались старообрядческие книжки и тетрадки; иногда принимали вид странников-богомольцев. Многие из них вели кочевую жизнь, искрещивая русские области из конца в конец, основывая новые старообрядческие общины, монастыри, пустыни и скиты и таким образом расширяя славу и влияние зарубежного монастыря. На Ветку потянулись иноки, инокини, простые богомольцы. Из отдаленных великороссийских областей шли на Ветку только за тем, чтобы «повидать тамошнего монастыря и монашеского жития»¹.

Путь богомольцев и переселенцев на Ветку лежал через Стародубье. Стародубские слободы, оказавшись на пути из России на Ветку, стали местом, где беглецы и паломники находили временный кров, укрытие или постоянное место жительства. Здесь их

¹Лилеев М. И. Из истории раскола... С. 206, 217, 231, 265.

встречали единомышленники. В Румянцевской библиотеке в собрании В.М. Ундольского М.И. Лилеев обнаружил рукопись «Святцы и Пасхалия на 280 листах в 8°». Сама Пасхалия написана в 1623 году. В конце ее есть путеводная запись, сделанная рукой старообрядца, с подробным указанием, как добраться из Поволжья в Стародубье: «Припаметовать: ехати по дороге от Городца до Москвы, а от Москвы до Калуги, ко Ивану Степанову Кадмину, от Калуги до Брянска в Черкасской городок, на Почеп, а от Почепа во Стародуб, а в Стародубе вопрошать Цыгановых Ивана, и он бы возвестил о Василии Петрове Костеринных и о деревне их, Зыпкове»¹.

В переписи обывателей описных раскольничьих слобод Малороссии за 1736 год о Василии Костерине сказано: «Василий Петров сын Костерин 83 лет, холост, из Костромского уезда дворцовый Даниловской волости из деревни Салово». По данным той же переписи В.П. Костерин живет с семьей своего брата Фомы Петровича Костерина, которому 60 лет от роду².

В переписи Ергольского (1715-1718 гг.) и Брянчанинова (1729 г.) Василий Петрович Костерин в числе обывателей не числится. Следовательно, путеводная запись могла быть сделана ранее 1715 года, пока В.П. Костерин жил в Зыбкой, или после 1729 года, когда В.П. Костерин вновь вернулся в Зыбку. Судя по записи в выше-названных «Святцах», в городе Стародубе и в слободе Зыбкая имелись постоянные дворы, где могли остановиться переселенцы из России. О постоялом дворе старообрядцев в слободе Ардонь есть сообщение у Н.М. Никольского³.

О том, сколь насыщенным был транзитный поток переселенцев, направлявшихся из России в Польшу и в Стародубье, видно из доношения миссионера иеромонаха Иосифа Решилова за 1724 год. По его требованию в городе Почепе на границе России и Малороссии «почепской канцелярией» и «служителями светлейшего князя» в 1723 году были задержаны лица без документов. Задержанных допрашивали в городе Глухове. Из 22 человек четверо направлялись на Ветку, четверо – в Стародубье в слободу Зыбку, четырнадцать – возвращались в Россию, после того как отвезли на Ветку семьи своих родственников или иночествующих старцев. Родственников перевезли 8 человек из числа задержанных, некоторые из них везли попутчиков «со взятъем за извоз денег». Другие 8 человек задержанных заявили, что «нанимались под извоз» и перевозили на Ветку и в Стародубье стариц, семьи посадских людей или крестьян. Извозчики были одновременно проводниками. Нанимаясь под извоз, они везли переселенцев сотни верст от места до

¹Лилеев М. И., с. 55.

²РГАДА. Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 356.

³Никольский Н. М. История Русской Церкви. М. 1983, с. 256.

места. Извоз за польскую границу был доходным делом. Переселенцы, как правило, были обеспеченными людьми, нередко зажиточными. Например, за переход границы в Тимошкином Перевозе в 1723 году Максим Емельянов вместе с родной сестрой отдал зыбковскому раскольнику 5 рублей. Солдаты на заставе брали дешево. Василий Пономарев «за пропуск на заставе к пограничью на реке Ипать на Тимошкином Перевозе дал солдату полтину, и было их 5 подвод, людей 12 человек»¹.

Петр Яковлев сын Жуков сказал, что «на заставе Тимошкиной за пропуск деньги платил брат, а он Петр дал солдату только 10 фунтов икры. С ним ехали еще 5 человек с детьми»².

У некоторых задержанных было обнаружено по несколько писем. В письмах, написанных к родственникам, были приглашения «о приезде из разных мест за рубеж на Ветку». Иван Козмин на допросе показал, что «с Ветки с письмом он съездил в Керженские леса к Лаврентьеву починку для перевода оттуда Евстифея Михайлова, Григория и Алексея»³. Иван Матвеев заявил, что ехал из починка Семенова «за перевозом и письменным объявлением от брата двоюродного Василия Титова, который живет в слободе Зыбкая». «А в письмах тех объявлено, что жить де у пана на рубежье добро и мирно, и вольно содержать. Потому, что в указе написано, кроме живущих у пограничья»⁴.

Материалы допросов старообрядцев, задержанных в Почепе, свидетельствуют, что переселение в Стародубье и в Польшу происходило не стихийно, а организовано. Люди пускались в дальний путь при наличии устного или письменного приглашения и гарантий размещения на новом месте.

Агитация посланцев Ветковской церкви по всей России совпала с начавшейся реформаторской деятельностью царя Петра Алексеевича. Глубоко затронутые жесточайшей эксплуатацией и разорительными военными приготовлениями крестьяне и посадские люди центра России оказались восприимчивы к старообрядческой агитации, определившей для многих из них направление бегства.

Влияние агитаторов ветковской церкви находило отклик прежде всего в уездах, население которых традиционно придерживалось старой веры. Этим можно объяснить значительный приток в Стародубье после 1700 года переселенцев крестьян из того же Костромского уезда, из Козельского, Рыльского, Белевского уездов, а

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. V. 1724-1725. СПб. 1876, с. 161.

² Там же, с. 161.

³ Там же, с. 160.

⁴ Там же, с. 162.

также посадских людей из Москвы, Калуги, Рыльска, Белева, городов, где старообрядческие общины были достаточно многочисленными.

Влиянию старообрядческой агитации можно приписать и тот факт, что после 1700 года наблюдается значительное расширение географии бегства крестьянских семей из России в Малороссию. После 1700 года старообрядческие слободы Малороссии заселялись крестьянами уже не из 12, а из 55 уездов России.

При оценке переселенческого движения крестьян из дворцовых владений ранее обращено было внимание, что больше всего переселенцев в Малороссию наблюдалось из одной дворцовой Даниловской волости, откуда пришли на поселение в Малороссию 84 семьи. В то же время из дворцовой Комарицкой волости, соприкасавшейся своими землями с землями Стародубского полка, пришли в Стародубье только 22 семьи и то, в основном, после 1707 года. Из других дворцовых волостей России число бежавших в Малороссию семей было еще меньше. Объяснение тому, что из удаленной на тысячу верст от Малороссии дворцовой Даниловской волости крестьяне шли в Стародубье в течение пяти десятилетий, можно найти как в духовной близости крестьян Даниловской волости и населения старообрядческих слобод Малороссии, так и в традиции переселяться в обжитые места, населенные земляками. Там, в Костромском уезде, где в крестьянском сознании прочно укоренилось и сохранялось умонастроение, заложенное Капитоном, призывы агитаторов падали на подготовленную почву. Из других дворцовых волостей, в том числе и из Комарицкой, выход беглецов в Малороссию после 1700 года — заслуга ветковских агитаторов.

Перепись выявляет, что с середины 1710-х годов начался приток беженцев в Стародубье из Балахонского уезда, находившегося в ведении Нижегородской епархии. В эти годы епископ Нижегородский Питирим развернул деятельную миссионерскую работу, целью которой было искоренение старообрядчества как внутри епархии, так и в государстве. Сотни крестьянских семей, иноков и инокинь, запуганные жестокими миссионерскими приемами Питирима, устремились на Ветку. В 1723 году большинство задержанных в Почепе беглых крестьян показали, что шли из Нижегородской епархии на Ветку и в Малороссию. Крестьянин Иван Матвеев на допросе показал, что «уехал он от правления и назирания нижегородского епископа Питирима и платежа за раскол двойного оклада»¹.

Перепись Брянчанинова показала, что после значительного увеличения притока беглецов из России, наблюдавшегося в 1700-1705

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. V. 1724-1725. СПб. 1876, с. 162.

годах, интерес к Малороссии стал быстро падать, число переселенцев из России — сокращаться. Но, начиная с 1715 года, приток беглецов из России в Малороссию опять увеличивается.

Причину возродившегося интереса старообрядцев к Малороссии после 1715 года можно увидеть в изменении социального положения старообрядцев Малороссии. Перепись жителей старообрядческих слобод, проведенная в 1715 году, и «положение в оклад на Государя» сделали проживание беглых старообрядцев здесь законным. «Беглые раскольники» превратились в «государевых описных слобод обывателей» с определенными правами и обязанностями перед государством. После 1716 года Малороссия стала еще более привлекательной для старообрядцев, поскольку указом от 8 апреля 1716 года старообрядцы, живущие «близ рубежей», освобождались от двойной ставки налогообложения¹.

Стародубье, известное с 1715 года как место с «льготными» условиями для проживания старообрядцев, становится интересным и для старообрядцев, ранее вышедших из России в Польшу. Появляется новый путь бегства старообрядцев из России в Малороссию через Польшу. Путь этот был подсказан старообрядцам самим правительством, разрешившим в 1715 году жителям государевой раскольничьей волости зазывать из-за границы Польши единоверцев на поселение в Стародубских слободах. Десятки семей из различных уездов стали выходить из России за границу Польши, для того, чтобы спустя год-два, обратившись в Малороссийскую канцелярию, легально, с «паспортом», переселиться из Польши в старообрядческие слободы Стародубья.

Первыми, кто выбрал новый маршрут бегства в Малороссию через Польшу, были крестьяне-старообрядцы из уездов, откуда традиционно шло переселение в Малороссию. Через несколько лет по этому маршруту начинают идти крестьяне из разных уездов России, расположенных далеко друг от друга. Использование одного маршрута людьми, живущими в разных уголках большой страны, возможно при наличии налаженной связи (устной или письменной) между старообрядческими общинами России.

Увеличение после 1715 года числа семей переселенцев в Малороссию, появление в многочисленных и далеко отстоящих друг от друга уездах людей, идущих одинаковым и довольно сложным маршрутом в Малороссию через Польшу, свидетельствует о высокой степени осведомленности старообрядцев, живущих в разных уголках России, о произошедших в Стародубье изменениях.

Бегство крестьян и посадских людей из России в Малороссию, всегда носившее характер осознанного и целенаправленного переселения, после 1715 года приобрело организованный характер. Это

¹РГАДА. Ф. 248, кн. 734, л. 567 об.- 568.

не было бегство в неизвестность, в нем не было стихийного порыва, крестьяне знали конечную цель своего пути – старообрядческие слободы Стародубья и Ветки. За принятием каждым крестьянином решения о побеге в Малороссию стоял точный учет собственных сил и возможностей, хорошо организованная внутриконтрессиональная пропаганда, хорошо налаженная устная и письменная связь между общинами, наличие постоянных дворов, наличие надежных извозчиков-профессионалов, работающих на одном маршруте: Москва – Брянск – Почеп – Стародуб – слобода Зыбкая.

Выводы.

Стародубье с конца XVII века выступает как неотъемлемая часть быстро растущего и крепнущего духовного центра старообрядчества России и Польши – Ветки.

Характерные изменения структуры потока беглецов из России в Малороссию в течение первых трех десятилетий XVIII века, география побегов, сложный маршрут побегов и их одинаковая направленность свидетельствуют, что слободы Малороссии заселялись старообрядцами целенаправленно и что выход крестьян и посадских людей из России в Малороссию, как напрямую, так и через Польшу, носил не стихийный характер, а был организованным предприятием.

Оставаясь ближайшей и стратегически важной духовной провинцией Ветки, Стародубье исполняет роль посредника между Веткой и городами России, и, прежде всего, Москвой. Старообрядцы Стародубья исполняют обязанности надежных проводников через границу Польши в оба направления. Старообрядческие слободы Стародубья содержат постоянные дворы, в которых созданы условия для многочисленных беглецов из России для отдыха после дальней дороги в окружении людей одной веры, возможность переждать ненастье, весеннее половодье на реке Ипать, распутицу.

Заинтересованность польских и малороссийских феодалов по обе стороны русско-польской границы в поселении на своих землях беглецов старообрядцев из России проистекала из того, что старообрядцы, проявлявшие высокую торговую и предпринимательскую активность, выплачивали землевладельцам бездоимочно достаточного высокого налога.

В 1715 году свои фискальные интересы в отношении беглых из России старообрядцев Стародубья заявило Московское правительство, начав с этого времени проведение последовательной политики льгот и уступок с целью переманивания беглых российских крестьян и посадских людей из-за польского рубежа в Малороссию и в Россию.

Письма старообрядческого епископа Конона

Р. И. Перекрестов

В течение двух столетий после церковной реформы XVII века царское правительство стремясь преодолеть церковный раскол всячески препятствовало восстановлению старообрядцами полноты трехчинной иерархии. После присоединения к Русской Древлеправославной Церкви греческого митрополита Амвросия, состоявшегося 28 октября 1846 года в Белокриницком монастыре на территории Австро-Венгрии, царское правительство приняло решительные меры к недопущению проникновения в Россию священников и епископов Белокриницкого поставления. В течение более 15 лет старообрядческие священники и епископы преследовались в России и за ее пределами, их арестовывали и подвергали тюремному заточению. Только в 1858 году по указу императора Александра II старообрядческое священство временно было освобождено от преследования.

Трагическую судьбу епископов, репрессированных царским правительством, разделил епископ Конон (Козьма Трофимович Смирнов (Дураков); 1797-1884), рукоположенный 20 октября 1855 года митрополитом Кирилом на Черниговскую (Новозыбковскую) кафедру.

Черниговская (Новозыбковская) старообрядческая епархия объединила старообрядцев двух известных и влиятельных в XVIII веке старообрядческих центров: Ветки и Стародубья. К авторитетному мнению старообрядцев Стародубья прислушивались в Московской старообрядческой архиепископии на Рогожском кладбище. В начале XIX века в монастырях и в посадах Черниговской и Могилевской губерний строились планы поиска и приобретения митрополита, в которых принимал участие инок Павел, известный в старообрядчестве под именем Павел Белокриницкий (Павел – Петр Великодворский, принял иноческий постриг в 1836 году в Климовском Покровском монастыре Стародубья). Иноки Стародубья и Ветки в числе первых были рукоположены в епископы митрополитами Амвросием и Кирилом. Здесь, в Стародубье, началось движение за очищение старообрядчества от заблуждений и ошибок, накопившихся за долгие годы отсутствия старообрядческой иерархии.

В 1858 году епископ Конон был схвачен и заточен в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где уже содержались два старообрядческих епископа – Алимпий и Аркадий.

Затворники испытали все тяготы одиночного тюремного заточения. Только с конца 1860-х годов отношение к ним изменилось. Узники получили доступ к книгам, им разрешили писать сочинения, вести умеренную переписку, получать посылки. Епископы стали подвергаться «мягкому увещанию». Все это имело целью скло-

нить епископов к переходу из старообрядчества в единоверие. За долгие годы одиночества Конон познакомился с неизвестными ему ранее книгами и как человек критического склада ума постепенно стал подвергать сомнению некоторые свои взгляды и заблуждения. Из-под пера Конона вышло несколько сочинений. Большое влияние оказало на него пребывание в единоверческом Никольском монастыре в Москве. В течение нескольких месяцев 1870-1871 годов Конон имел возможность посещать московские храмы, познакомился с богатейшей библиотекой старопечатных и рукописных книг монастыря, с древними иконами. Полученные в Москве впечатления и знания помогли найти ответ на многие вопросы, возникшие при прочтении и толковании Священного Писания, и повлияли на мировоззрение престарелого епископа, укрепив в нём веру в истинность старого древлеправославного обряда. Склонить Конона к переходу в единоверие не удалось, и епископ еще на 10 лет был возвращен в тесную келью Спасо-Евфимиева монастыря.

В годы заточения Конона в жизни старообрядцев Белокриницкого согласия произошли события, приведшие к серьезным внутренним разногласиям. 24 февраля 1862 года было подписано Окружное послание старообрядческих епископов. Текст Окружного послания был подготовлен жителем Клинцовского Красноборского монастыря Иларионом Георгиевичем Кабановым (Ксеносом) по поручению членов Духовного Совета Московской архиепископии. Послание осуждало ряд «безпоповских заблуждений» и призывало к «искоренению невежественных кривотолков... относительно Греко-Российской церкви и ее верования», проникших в умы не только простых старообрядцев, но и представителей новопоставленной Белокриницкой иерархии. Окружное послание вызвало споры, мучительные для всех взаимное отчуждение и даже раздор внутри Древлеправославной Церкви Христовой, завершившиеся примирением сторон только в 1906 году.

В 1870 году, находясь временно в Москве, в единоверческом Никольском монастыре, но оставаясь узником, Конон встречался со сторонниками и противниками Окружного послания 1862 года. «Окружникам» он заявил, что «виденные им свидетельства в древних книгах почитает истинными и что в Окружном послании ничего не находит противного», о чем позже повторил в своем послании¹.

После освобождения в 1881 году из заточения епископ Конон делал попытки примирить сторонников и противников Окружного послания, обращался с письмами к новозыбковским и добрянским противникам Окружного послания, жителям бывшей своей епархии. 5 октября 1882 года Конон написал собственноручную грамоту, в которой было сказано: «Находя все сии мудрствования неокружников самочинными и противными Церкви Христовой и сви-

¹Журнал «Братское слово». 1884, т. 1, с. 115.

детельству, составленному мною из Божественного Писания, я на основании сего свидетельства душевно советую боголюбивейшим христианам всей благочестивой Новозыбковской епархии удалиться от всех зловредных мудрований и действия неокружников»¹.

Письма, представленные читателю, написаны епископом Кононом после его освобождения из заточения, в 1881-1882 годы, и адресованы новозыбковским противникам Окружного послания. Один из них – лидер противников Окружного послания, новозыбковский купец Петр Иванович Присекин, другой – священноиерей Петр из посада Добрянка.

Письма к П.И. Присекину обнаружены в семье его потомков новозыбковским краеведом Александром Георгиевичем Кублицким и любезно предоставлены для опубликования в сборнике «Клинцовский летописец».

Письмо епископа Конона Ивану Алексеичу Присекину от 28.09.1881 г.

«Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Достопочтеннейший и многоуважаемый Иван Алексеич!

Восьмого числа настоящего сентября по благодати и неизреченному милосердию Всевышнего Творца Господа Бога нашего мы удостоились получить свободу. Благоволением Его Величества Государя императора Александра Александровича мы, бывшие узники Суздальской Спасо-Ефимовой крепости о. Аркадий² и о. Геннадий³ и Конон, освобождены от заключения и 10 числа с разрешения начальства переместились в г. Владимир, в котором я и о. Аркадий избрали себе пребывание свое, доколь обстоятельства позволят.

Здесь 27 числа мы удостоились получить письмо Ваше от 7

¹Журнал «Братское слово». 1885, т. 2, с. 322. Но призывы маститого старца не были услышаны.

²Аркадий – Андрей Дорофеев (1809-1889), архиепископ Славский Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокрилицкую иерархию); поставлен митрополитом Амвросием в епископы 24 августа 1847 года, в сан архиепископа возведен епископами Онуфрием и Алимнием в 1848 году. В 1854 году арестован в Добрудже, на территории Турции, доставлен в Москву, а затем в Спасо-Евфимиев монастырь, где находился в заточении 27 лет.

³Геннадий (Григорий Васильевич Беляев) рукоположен на Пермскую кафедру 9 января 1857 года архиепископом Антонием. Арестован в 1862 году и препровожден в Спасо-Евфимиев монастырь в Суздали. Освобожден в 1881 году после 18-летнего заточения.

Клинцовский летописец

сего сентября и при нем посылку в ознаменование Вашего праздника и за здравие Ваше и супруги Вашей. Спаси Вас Христос за св. любовь Вашу! Великодушию Вашему мы чувствительно благодарны. Желаем Вам от Господа Бога всех благ душевных и телесных с почтеннейшею супругою Вашою и душевного спасения и свидетельствуем Вам наше истинное почтение. Остаемся навсегда Ваши усерднейшие доброжелатели Конон с братиею».

Письмо записано под диктовку секретарем Конона. Далее тем же почерком секретаря написано:

«О. Аркадий и о. Геннадий состоят по милости Божией в здравом состоянии, Конон же по старости лет ногами недвижим, внутренности расслаблен и сил телесных и душевных лишен и со многим трудом может делать самое малое движение, что весьма явно показывает ему приближение смерти.

28 сентября. г. Владимир.

Пребывание наше во Владимире в доме купца Тимофея Сергеевича Куликова».

Письмо священноиерея Петра Афанасьевича из Добрянки от 16 ноября 1881 года содержанию моленной в г. Новозыбкове Ивану Алексеевичу Присекину, в котором приведена выдержка из письма епископа Конона от ноября 1881 г.

«Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Боголюбивый Иоанн Алексеевич, за уклонение моего посещения простите меня великодушно. Обстоятельства мои сжаты в тесном положении. Ежедневно желаю видеть Вас.

От 10-го настоящего ноября месяца получил от Конона письмо. Довольно всякому с интересом видеть его содержание. Во-первых, объявляет о смерти архиепископа Антония. Из письма его:

«В слабом и болезненном состоянии моем пишу вам сии строки. В день архистратига Михаила из Москвы мы получили сведение, что архиепископ Антоний¹ находится весьма в болезненном состоянии и просит нас убедительно посетить его в таком случае личным свиданием, почему мы с разрешения начальства отправились

¹Антоний (Андрей Иларионович Шутов (1800-1881) – архиепископ Владимирский и Московский. Рукоположен митрополитом Кирилом 3 февраля 1853 года в архиепископа г. Владимира. В 1863 году определением Освященного собора российских епископов был избран на святительский престол Москвы. Первое время поддерживал сторонников Окружного послания 1862 года. Позже ради восстановления братского мира согласен был отменить «Послание».

по железной дороге. По прибытии 4 ноября на московской станции нас известили, что уже преставился. Мы пожелали лично видеть покойника. По прибытии нашли его лежащим во гробе во облачении и драгоценной митре. Мы простились с ним.

Внезапное появление наше имело на собрание сие некоторое влияние, и оно все вообще обратилось к нам с душевным сочувствием. Но мы вскоре оставили епископию и перешли в другую квартиру 4 числа. При посещении меня членами духовного совета изъяслялось ими душевная печаль о прискорбном состоянии лишения своего пастыря и того горестного пагубного разделения между христовых овец, которое произвело зло-хитро-сплетенное Окружное послание. При чем изъясляют искренне желание примириться с братиею разделяющуюся во един сустав, и возставить Церковь Божию в том единстве, в каком она пребывала до появления Окружного послания, неточию уничтожить от руководства, но искоренить и память его из среды христиан, чтобы неточию не принималось оно ни в каком случае в действии, но что даже и самое имя его, и все предметы, описанные в нем, нигде и никогда не вспоминались. Согласны даже предстать отделившейся братии избрать по своему усмотрению на место умершего архиепископа Антония нового архипастыря, кого оне заблагорассудят».

Здесь часть помещаю в подлинном пространно пояснено. До 23 не могу иметь отлучку, да еще ожидаю от владыки Конона на сих днях письмо.

Кроме сего, отец Никола в опасном положении. Вас не смею утруждать прияти труд и посетить самим.

Священноиерей Петр. 16 ноября 1881 г. Добрянка.

**Письмо священноиерея Петра Афанасьевича
из Добрянки от 1 января 1882 года содержанию
моленной в г. Новозыбкове Ивану Алексеевичу
Присекину, в котором он ссылается
на письмо епископа Конона от 23 декабря 1881 года**

Искреннейший благодетель, Иван Алексеевич!

Простите меня великодушно за долгое молчание мое. Молчание мое происходило по незнанию обстоятельства дела.

Ныне же от 23 декабря получил 31 того же месяца письмо от Е. Конона, в котором душевно благодарит мне, что исполнил волю его, то есть объявил всем Его совет ко мне касательно умиротворения разделяющихся сторон.

Вместе с сим пишет и в Москву, в чем просит не изменять о примирении прежнего намерения, о котором он писал мне в прежнем письме.

Также пишет, что слышно достоверно, что большая часть московских христиан согласны возвестить на московский престол бывшего страдальца Архиепископа Аркадия. Это предположение и для Е. Конона нравится, пишет, потому, что о. Аркадий Окружного послания (1862 г.) не принимал никогда и теперь не принимает и посему, не имея никакого пристрастия к нему, он будет, говорит Е. Конон, для обеих сторон полезен, пишет там, посудите об этом беспристрастно и, если будет угодно, уведомите о том.

Из письма Кононова видно, что Они заботятся о мире, но если посудить оставшийся Духовный Совет, бывшим за ним, противно Закону Божьему дело, совесть колеблется быть с ним вместе, потому, дабы не пострадать, но ежели будет Воля Божия и угодно Богу, скорее можно согласиться по Евангельской притче, яко никто же преставление ризы новья преставляет на ризу ветху...

С получением сего прошу уведомить о Вашем намерении на сие Его заявление.

По моему мнению, безопаснее бы было, если бы Духовный Совет и с нашей стороны был, так они, то есть окруженцы, навыкли, и по старому будут направлять дело.

с.и. Петр.

1 января Добрянка.

**Письмо священноиерея Петра Афанасьевича
из Добрянки от 7 февраля 1882 года содержанию
моленной в г. Новозыбкове Ивану Алексеевичу
Присекину, в котором представлена копия письма
епископа Конона от 27 января 1882 г.**

Г.И.Х.С.Б.П.М.

Боголюбивый раб Господень Иван Алексеевич!

Первым долгом поздравляю Вас со Святою Четырехдесятницей Святаго и Великаго Поста, которую, даруй Вам Бог встретить и препроводить в воздержании и в подвиге духовном.

Буди Вам известно, что получил я от Владыки Конона письмо, в котором пишет следующее:

«Боголюбивому рабу Божию, служителю Господню пречестнейшему иерею Петру Афанасьевичу мир и Благословение Божие и искреннее почтение.

Пятую неделю нахожусь по милости Божией в постели по крайней слабости сил и здоровья во всяком бездействии. И воображая конец жития своего я пожелал и понудил себя, хотя со многим трудом, написать Вам краткия сии и последния строки и уведомить на письмо ваше от 5-го января, что попечение мое и жела-

ние употребленное в прошедшем времени о примирении не принесло Церкви Христовой никакой пользы¹. Судя же по обстоятельствам, угнетающим, по проречению Святаго Апостола Павла, в настоящее время род человеческий, и будучи в крайнем бессилии, я остаюсь совершенно уверен, что и в будущем времени я не могу принести в отношении примирения никакой также пользы, и потому оставляю навсегда попечение сие, а предоставляю сие всемогущему промыслу Божию, могущему устроить все по Святой Своей Воле.

И Вас, боголюбивый раб Господень, прошу не утруждать себя, впредь, по части сей.

Сказывают, что Иосиф епископ² без третьего чина примириться не согласен. Избрание нового пастыря отложено до весны. Избрание это соглашаются, как и прежде, предоставить Вам (то есть нам самим), если того пожелаем. Окружное, говорят, уничтожено навсегда. Переменить оне членов новыми едва согласатся.

Прости, любезный друг о Господе. Желаю вам от Всевышнего Творца с любезным семейством Вашим всех благ и душевнаго спасения, мир и благословение Божие да почит на вас во вся дни живота вашего. Кланяюсь Вам. Болящий Ст. Конон. 27 января. Владимир».

Владыка Конон замечает поучение Апостола Павла согласно Послания к Тимофею 2-е зачало 295, 296, 297, 298 и 299-й. С сим последнем зачале согласно Геннадий епископ пожела славы временныя, устроил кафедру в городе Харькове в центре многочисленного народа. А разных мест всея, какие передают зрители, что на Богоявление был облит золотом на освящении воды, будучи купечества от разных мест съезжаются на ярмонок. И это все делается по совету Илариона Егорова³ для поддержания своей стороны.

Епископ Геннадий легкого понятия. В 1869 году подал желание в святейший Синод присоединиться к великороссийской церкви с тем именно условием, чтобы оставили его при сане. Но московский митрополит Иннокентий предложил ему сложить сан и вновь послепить (рукоположить) по-своему. Или же остаться при пенсии по 1500 руб. в год на содержание его. Он от этого отказался, потом обратился в Суздаль и пребыл долгое время в нем⁴.

¹Речь идет о примирении между сторонниками и противниками Окружного послания.

²Иосиф (умер в 1907 г.) – неокружнический епископ Нижегородский Белокриницкой иерархии. Рукоположен в июне 1873 года. Временно после смерти Антония возглавлял Московскую кафедру.

³Иларион Георгиевич Кабанов – автор Окружного послания 1862 года.

⁴Геннадий, епископ Пермский, подавал прошение в 1863 и 1869 годах на Высочайшее имя на помилование и освобождение. В декабре 1869 года подал епархиальному преосвященному прошение о принятии его в Московский Никольский единоверческий монастырь с присоединением к Единоверию. Ему дозволено было явиться в Москву. Но здесь он поставил условием присоединения сохранение за ним епископского сана, полученного в старообрядчестве, и тогда был отправлен обратно в Суздаль.

Предстоит много опасения в настоящее время.

Бдите и молитесь, да не впадете в напасть. Я пока остаюсь покоен, что Владыка Конон оставил свои заботы о мире, не выдавши всего обстоятельства. Можно ли сойтись с Иларионом и с его апологетом Сильвестром¹, и их последователем Григорием ...

Передайте от меня и почтеннейшим своим согражданам и христианскому сословию должное. По случаю наступающего Великого поста нужно озаботиться о душевном исправлении и трудах. Да сподобит нас Господь Бог прийти спасенными путь сей и прийти к светоносному дню Воскресению Христову.

Остаюсь известный Вам иерей Петр.

7 февраля. Добрянка».

¹Сильвестр – епископ Новозыбковский и Балтский, рукоположен архиепископом Антонием в Москве 20 ноября 1876 года. Последовательный сторонник и защитник Окружного послания 1862 года.

Записки Головы города Клинцы Н. В. Филатова

В книге «Сто лет Клинцовской шерстяной промышленности» (издана в г. Клинцы в 1926 г.) автор, профессор Федор Константинович Евгеньев, неоднократно ссылается на некоего «клинцовского летописца».

След «клинцовского летописца» удалось обнаружить в Киеве в семье Георгия Николаевича Орловского. У него хранятся выписки из книги «Полнейший месяцеслов», в которую его прадед, Николай Васильевич Филатов, вносил даты рождения, бракосочетания и смерти родственников и знакомых, а попутно делал записи о заметных событиях в жизни посада Клинцы. Читая выписки, я встретил несколько записей, дословно процитированных Ф. Евгеньевым в своей книге.

Сам же «Полнейший месяцеслов» с подлинными записями Н.В. Филатова хранится в Москве у внучки Н.В. Филатова Ирины Николаевны Мартыненко (урожденной Федотовой).

Филатовы – стародубские купцы, переселившиеся в посад Клинцы в 1860-х годах. Николай Васильевич Филатов родился в 1835 году и прожил большую жизнь, отдав многие годы делу общественного служения. В 1878 году Н.В. Филатов был избран на должность участкового Мирowego судьи, в 1870-е годы неоднократно избирался ратманом Клинцовской ратуши, а в 1885 году избран на должность Посадского Головы. С 1893 по 1903 годы Н.В. Филатов – Городской Голова посада Клинцы, а в последующие годы – гласный Городской Думы.

В 1925 году профессор Федор Евгеньев собирал в Клинцах материал для книги «Сто лет Клинцовской шерстяной промышленности». Познакомившись с Н.В. Филатовым и его «Записками», он был поражен светлой памятью, мудростью и обширными познаниями старца. В своей книге Ф. Евгеньев с уважением назвал Н.В. Филатова «клинцовским летописцем».

Умер Н.В. Филатов в 1926 году на 91 году жизни и похоронен в Клинцах.

Записки Николая Васильевича Филатова – это подлинный документ второй половины XIX столетия, в котором можно найти биографические сведения из жизни клинчан, фенологические наблюдения, сообщения о событиях, ставших заметными в жизни посада Клинцы, в жизни Суражского уезда, в жизни России.

Записки Н.В. Филатова дополнены метрическими сведениями о членах семьи его сына, Анатолия Николаевича Филатова, бывшего в 1917 году Головой города Клинцы и после 1919 года переехавшего на жительство в Киев.

Р. И. Перекрестов.

Клинцовский летописец

Январь:

– 1859 года 19 января у Н.В. Филатова родилась первая дочь Анна. Была в замужестве за Василием Васильевичем Барышниковым с 30.01.1876 по 2.03.1886 г.

– 1868 года 14 января в 9 часов был мороз 30° в защищенном от ветра месте.

– 1888 года 2 января преставилась Р.Б. девица Анастасия Егоровна Долженкова в 10 часов утра. Жития ея было 75 лет (*родственница Н.В.Ф.*).

– 1891 года января 12 дня умерла Прасковья, жена Аврама Ковзика лесника в Чемерне. Покойная была кухаркой, а муж куцером.

– 1896 года 12 января преставился Р.Б. Федор Максимович Гапонов, жития его было 64 года. Погребен в монастыре «Полоса». Когда-то был вроде приказчика. Чудный человек.

– 1897 года 9 января умер Евтихий Григорьевич Горячкин.

– 1904 года 2 января умер Александр Николаевич Филатов от прогрессивного паралича нервов. Родился 24 августа 1864 года.

– 1904 года 7 января умер священник Вознесенской церкви отец Василий Румянцев 49 лет. Был священником 25 лет.

– 1917 года 4 января умер Потомственный Почетный Гражданин Иван Ефимович Токарев 67 лет. Похоронен на Вознесенском погосте.

– 1921 года 2 января умер от сыпного тифа Андрей Иванович Дорохов, 32 лет.

– 1927 года 27 января умерла Акилина Федоровна Панкратова, урожденная Гапонова. День Ангела 13 июня. Дочь Федора Максимовича Гапонова¹.

– 1933 года 6 января ст. ст. в 6 утра на Крещение в Киеве умер Михаил Николаевич Самойлов.

– 1934 года 22 января скончалась Анастасия Николаевна Полякова в 4.30 утра. День Ангела 29 октября.

– 1934 года 25 января умерла Елизавета Николаевна Дорохова в 4.30 утра. Родилась в 1870 году 27 июля. День Ангела 5 сентября. Прожила 63 года 6 мес.

– 1942 года 21 января в 11 часов утра умерла от воспаления легких дочь Н.В. и Т.Д. Филатовых девица Вера Николаевна Филатова, 70 лет. Родилась в 1872 году 8 июня.

Февраль:

– 1865 года февраля 28 дня первооткрытие в городе Сураже Земства, на который оповещены повестками от Головы города Суража П.Г. Руцкого – явиться на выборы в гласные в Земство.

¹После 1926 года записи вели родственники Н.В. Филатова.

– 1867 года февраля 7 дня родился у Николая Васильевича Филатова сын Дмитрий в 9 часов вечера во вторник. 1867 года 16 мая преставился Раб Божий младенец Дмитрий. Жития его было 3 месяца 9 дней.

– 1877 года 6 февраля у Василия Васильевича Барышникова родилась дочь Лидия в 9 часов вечера в Воскресенье (заговела на пост).

– 1886 года февраля 3 дня умер в Гомеле Григорий Артемович Ишков.

– 1886 года февраля 26 Анна Николаевна Барышникова, урожденная Филатова, родила дочь Марию. 27-го заболела воспалением брюшины и 2 марта в половине второго часа утра скончалась. Родилась 19 января 1859 года, бракосочеталась 30 января 1876 года.

– 1893 года февраля 6 дня в субботу на Масляной у Елизаветы Николаевны Дороховой родился сын Дмитрий (умер младенцем).

– 1897 года февраля 23 в четыре часа после обеда умер Николай Иванович Шестаков (большой мой приятель и прекрасный человек) от аневризмы сердца (Воскресенье, заговенье на пост).

– 1898 года 25 февраля умерла в Кременчуге Капитолина Александровна Елисеева, по первому мужу Сапожкова.

– 1907 года 28 февраля умер от чахотки Миша Ишков в Гербертсдорфе (в Прусской Силезии), 26 лет.

– 1911 года 2 февраля (среда на вс...ной неделе) умерла Татьяна Димитриевна Филатова, урожденная Степунина, на 73 году жизни, в час дня.

– 1915 года 4 февраля (среда на первой неделе Великого Поста) умер Николай Андреевич Степунин (двоюродный дядя Татьяны Димитриевны), 86 лет, большой благодетель для старообрядцев: выстроил церковь во имя Николая Чудотворца на купленном им же месте, бывшей фабрики Василия Матвеевича Машковского. Кроме этого, приобрел к этой церкви несколько домов, устроил училище для старообрядческих детей и на все это затратил не менее ста тысяч рублей. По представлению Клинцовской Думы получил Почетное Гражданство. Вечная память! Н. Филатов.

– 1933 года 16/29 февраля по ст. ст. умер Василий Ефимович Поляков, 73 лет, в 2 часа утра. День Ангела 12 апреля.

– 1933 года 23 февраля по ст. ст. умер Сергей Николаевич Филатов. День рождения 16 июня 1880 года. День Ангела 5 июля.

– 1942 года 3 февраля умер наш хороший знакомый, доктор терапевт Владимир Николаевич Сладковский, от сыпного тифа. Покойному было 60 лет (Киев).

Март:

– 1809 года марта 20 дня в царствование Государя Императора Александра Перваго посад Зыбков утверждён городом Новозыбковом.

Клинцовский летописец

– 1860 года 14 марта умер Николай Акимович Степунин (дядя Татьяны Дмитриевны). Похоронен около Троицкой церкви.

– 1861 года марта 5 дня в Воскресенье в Неделю Сырную в Москве в Успенском Соборе после совершения литургии, которая совершалась митрополитом Филаретом в присутствии Градоначальника Тучкова и сенаторов и всех должностствующих лиц, прочтен был ключарем Успенскаго Собора протоиереем Виноградовым Высочайший Манифест об освобождении крестьян от помещиков на свободный свой труд.

– 1870 года марта преставился Р.Б. Анастасия Ивановна Кубарева, урожденная Степунина.

– 1881 года 16 марта родился Николай Васильевич Барышников, сын Василия Васильевича и Анны Николаевны.

– 1881 года марта 1-го в 1 час 45 минут Государь Император возвращаясь с развода был тяжело ранен в экипаже разрывным снарядом. Государь приобщился Св. Тайн и затем скончался. Царствовал 26 лет и 10 дней.

– 1882 года марта 15 дня преставился Р.Б. Прасковья Ивановна Гапонова, урожденная Глинкина, в 2 часа по полудни.

– 1890 года марта 4 дня преставился Раб Божий Михаил Семенович Рубанов в городе Киеве. Умер от брюшного тифа.

– 1891 года марта 11 дня умер Василий Михайлович Кубарев в 11 час вечера 63 лет от роду.

– 1900 года 2 марта родилась у Анатолия Николаевича Филатова дочь Галина, в Калуге.

– 1900 года 22 марта родилась у Анастасии Николаевны Поляковой дочь, Лидия.

– 1903 года 22 марта умер в г. Орше Павел Васильевич Ишков, первый муж Ольги Николаевны Филатовой.

– 1906 года 1 марта скончался в Клинцах Дмитрий Никифорович Сапожков, 70 лет, от рака.

– 1907 года в ночь под 25 марта скончалась от удара Прасковья Николаевна Машковская, урожденная Степунина.

– 1907 года 29 марта в 8 вечера у Василия Васильевича и Ольги Владимировны Барышниковых родилась дочь, Галина, нам правнучка.

– 1909 года 26 марта у Николая Васильевича Барышникова родился в Москве сын Георгий.

– 1914 года 8 марта, суббота, в Москве в глазной больнице на Тверской профессор С.С. Головин снял у меня катаракт с левого глаза. Н. Филатов.

– 1917 года 1 апреля умер Иван Семенович Барышников, 85 лет.

– 1922 года 18 апреля умерла от сыпного тифа Прасковья Ивановна Крашенинникова, урожденная Дорохова.

– 1923 года 30 марта сегодня в 5 утра умер Михаил Григорьевич Балакин, 75 лет, после продолжительной и тяжелой болезни.

– 1924 года 23 марта умер в Киеве Александр Михайлович Гусев от саркомы.

– 1926 года 30 марта в понедельник в 11 час. 30 мин. ночи умер от гриппозного воспаления легких Николай Васильевич Филатов. Родился 1835 года 26 июля. Прожил 90 лет 8 месяцев и 4 дня. День Ангела 27 июля.

– 1942 года зима слишком продолжительная, снежная, морозная -30° и больше. Весна запаздывает. Мороз до $20-23^{\circ}$ 22 марта похоже на весну, а 23 марта первый день пасхи утром -3° . 24 марта утром -5° , 25 марта -5° , 26 марта 0° , 27 утром $+2^{\circ}$, 28 утром ..., в ночь $30-31^{\circ}$, всыпал снег на ... -1° .

Апрель:

– 1858 года апреля 17 числа бракосочетался Николай Васильевич Филатов с Татьяной Димитриевной, дочерью Димитрия Акимовича Степунина.

– 1863 года апреля 10 дня преставилась Раба Божия Анна Димитриевна Лоторева в 4 часа утра. От роду жизни ей было 51 год. Урожденная Д.О. Зубова.

– 1869 года апреля 15 умер Мина Лукич Рогаткин в глубокой старости.

– 1869 года апреля 8 дня упразднен Словесный Суд.

– 1869 года 17 апреля после обеда начал идти снег и продолжал двое суток, выпало более аршина; 19-го в Великую Субботу мужики приехали на торг на санях.

– 1872 года 28 апреля в три часа после обеда пожаром уничтожено в Клинцах 363 дома, в том числе 30 лавок и суконная фабрика В.М. Кубарева (ценностью до 400 тысяч рублей), откуда и начался пожар. Всего убытка до 900 тысяч.

– 1877 года 6 апреля в 6 часов утра преставился Раб Божий младенец Варвара, дочь Н.В. Филатова. Жития ей было 4 месяца 1 день.

– 1877 года 12 апреля в Кишиневе объявлен манифест о войне с Турцией.

– 1886 года 27 апреля преставился Р.Б. младенец Борис, сын В.В. Барышникова и Анны Николаевны Барышниковой, урожденной Филатовой. Жития его было 2 года.

– 1900 года апреля 3 дня застрелился в Клинцах сын Григория Васильевича Гусева Маркел.

– 1911 года 12 апреля умер Василий Андреевич Степунин, двоюродный дядя Татьяны Димитриевны. Житие его было 83 года, болел долго, оставил большой капитал сыну Ивану Васильевичу.

Клинцовский летописец

– 1916 года 23 апреля скончалась в женском Малино-Островском монастыре Анастасия Васильевна Чернова, сестра Павла Васильевича Ишкова.

– 1921 года 9 апреля в 8 часов утра возвратился в Клинцы с Верой, прожив в Ромнах у Ал. Вас. Коваленко с 27 ноября по 13 декабря 1918 года, в Киев приехали 14 декабря 1918 года и прожили до 7 апреля 1921 года.

– 1921 года 7 апреля в 60 верстах от Киева в селе Клавдиево в имении Виноградова умерла Екатерина Гавриловна Гусева, там же и похоронена. Ей было 65 лет.

– 1921 года 30 апреля умер Лука Георгиевич Железников, 82 лет. Был уставщиком Вознесенской церкви не менее 40 лет. Похоронен на Вознесенском погосте около своего отца Егора Андреевича.

– 1925 года 3/16 апреля в Болгарии в столице Софии в Соборе прогремел взрыв. На потолку Собора было положено две адских машины с часовым механизмом, которые взорвались во время панихиды по убиенном, где были почти все министры. От взрыва обрушился один купол и потолок храма. Из-под обломков потолка извлекли более 150 трупов. Министры почти все ранены, а также Митрополит Болгарский Стефан.

– 1941 года 9 апреля на Пасху умерла от полома ноги Екатерина Николаевна Филатова в ночь под третий день Пасхи. Прожила 75 лет 4 месяца и 8 дней. Родилась 1865 года 15 ноября. День ангела 24 ноября.

– 1942 г. ст. 1 апреля утром 0-4°. Выпавший снег на 31 марта все держится, несмотря на туман. 2-е утром 0-4° туман, а снег держится. 3 апреля утром -1° С, снег все утро держится, к полудню сильно стаял. По газетам прилетели утки, грачи, много певчих птиц, летят гуси. 6 апреля наконец долгожданная весна наступила со свежим здоровым воздухом и ласкающими лучами яркого солнца. 17 апреля +1° осенний дождь целый день. 18 апреля +4° дождь. 26 - ... утренник. 27 +5° пасмурно. Погоды никак надежды не видно.

Май:

– 1856 года мая 3 дня освящен Антиминс в Покровской церкви в Клинцах во имя святителя Николы Чудотворца, перенесенный из Покровского Климовского монастыря.

– 1869 года мая 15 дня прибыл к нам в Клинцы князь Александр Григорьевич Баратов, вступил в должность в посаде участковым Мировым Судьей. 1-й избранный Суражским Уездным Земством.

– 1872 года 22 мая умер Никифор Акимович Степунин на 60 году жизни.

– 1872 года 23 мая в 2 часа после обеда на фабрике Е.Д. Черкасского разорвало паровик, от которого разрушены все здания над паровиком и в главном корпусе разрушены стены с двух сторон по середине корпуса. Убито 13 человек, ранено...?

– 1890 года мая 21 дня в хуторе Чемерна на Троицу убили лесничего Аврама Ковзика 36 лет от роду.

– 1900 года 6 мая в 5 часов утра у Лидии Васильевны Федотовой, урожденной Барышниковой, родилась дочь Татьяна, правнучка Николаю Васильевичу Филатову.

– 1917 года 4 мая умер доктор Петр Демьянович Руденко, прослужил в Клинцах доктором при фабричной больнице 37 лет. Был очень хороший доктор и добродетельный человек. Жители всех сословий и национальностей провожали его до могилы. Мир праху его, доктору бессребренику!

– 1922 года 21 мая умер доктор Семен Яковлевич Гребенников 54 лет, от язвы желудка. Был хороший доктор и человек.

– 21 мая 18.. преставился Р.Б. Татьяна Минична Степунина.

Июнь:

– 1852 года июня в 30 день разделилась компания, бывшая под фирмой Д.О. Зубова и А.В. Степунина, которая фабрика составила фирму одного А.В. Степунина, существовала 20 лет.

– 1864 года июня 22 числа преставился Аким Васильевич Степунин, рожденный 1783 года, а всех лет прожил 81. Который большую известность имел по обширной суконной своей фабрике. Родоначальник Дмитрия и Алексея Акимовичей.

– 1872 года июня 8 дня родилась у Н.В. Филатова дочь Вера в 10 часов утра в четверг.

– 1877 года 16 июня Русские войска перешли Дунай у Зимницы.

– 1880 года 16 июня в 5 часов вечера в понедельник родился у Н.В. Филатова сын Сергей.

– 1892 года 19 июня у Василия Ефимовича Полякова родилась дочь Олимпиада.

– 1919 года 16 июня в Полтаве умер от тифа Борис Анатольевич Филатов (военный доктор). 2-й сын Анатолия Николаевича. 31 год.

– 1924 года 3/16 июня умер в Ромнах Александр Васильевич Коваленко, от болезни рака в желудке, хороший мой знакомый, был инспектором клинцовского городского училища.

Июль:

– 1863 года июля 9 дня родилась у Н.В. Филатова дочь Ольга в 9 часов вечера во вторник.

Клинцовский летописец

– 1870 года 27 июня родилась у Н.В. Филатова дочь Елизавета в 9 часов вечера в понедельник.

– 1876 года 11 июля умер Иван Никифорович Сапожков, проболел 13 месяцев сумасшествием.

– 1876 года 17 июля в 6 часов утра разорвало паровик на фабрике М.М. Гусева. Убитых 20 человек, раненых 8.

– 1870 года 18 июля умер Петр Семенович Исаев, основатель суконной фабрики в Нов. Мизиричах. Был человек великой и почтенный. Родился в 1777 году. Фабрику основал в 1832 году. Прожил 93 года.

– 1872 года 30 июля умерла Татьяна Федоровна Черногорова.

– 1897 года 8 июля умер в Роговке Иван Алексеевич Котляревский, сын Наталии Ивановны, урожденной Филатовой.

– 1914 года 16 июля объявлен Указ о мобилизации русской армии.

– 1914 года 19 июля в Клинцах началась мобилизация. У нас (Филатова) приняла кучера Василия Шевцова и Бураго лошадь. Коля, Вася, и Костя Барышниковы поступают в войска в Барановичи и в Несвиж Минской губернии.

– 1915 года 29 июля умерла в Нижнем Новгороде Софья Васильевна Смирнова, урожденная Барышникова. Замужем была 10 лет. Похоронена в Клинцах на погосте Вознесенской Единоверческой Церкви.

– 1918 года 11 июля умер священник Вознесенской Единоверческой церкви отец Иоанн Чередников.

– 1923 года 16 июля умер Александр Адрианович Кондратьев 65 лет.

– 1835 года 26 июля родился в Стародубе Николай Васильевич Филатов. Вступил в брак с Татьяной Димитриевной Степуниной 17 апреля (среда) 1858 года. Переехал в Клинцы на жительство (после смерти матери Татьяны Димитриевны) в апреле 1863 года.

Август:

– 1707 года августа 12 дня¹ дан лист Бороздны Клинцовским жителям Василию Клинцову на заселение посада Клинцов и в том же году стали населяться. 1715 первая народная перепись в Клинцах.

– 1842 года августа 22 дня был в Клинцах большой пожар, от которого сгорело 400 дворов.

¹Приведенная Н.В. Филатовым дата выдачи помещиком Бороздной осадного листа крестьянину Василию Клинцову на заселение слободы не получила до сих пор документального подтверждения. Поэтому не может служить официальной датой основания слободы (Р.И.П).

– 1848 года августа 6 дня выстроена Троицкая колокольня. Печитель и строитель Аким Васильевич Степунин.

– 1848 года августа 21 дня преставился Иван Акимович Степунин.

– 1853 года августа 18 дня преставился Дмитрий Осипович Зубов основатель Суконной фабрики.

– 1864 года августа 24 дня родился у Николая Васильевича Филатова сын Александр в 10 часов вечера во вторник.

– 1870 года августа 19 дня упразднилась фабрика Акима Васильевича Степунина. От сего существования не имеет. После раздела 1852 года существовала 18 лет.

– 1872 года августа 3 дня преставился Р.Б. Парасковья Ивановна Гусева, урожденная Степунина.

– 1875 года 5 августа родилась у Н.В. Филатова дочь Наталия в 7 часов утра во вторник.

– 1876 года 12 августа в 9 часов вечера преставилась Р.Б. младенец Наталия Филатова, дочь Н.В. Филатова. Жития ей было 1 год и 7 месяцев.

– 1876 года июля 31 числа преставился Р.Б. отрок Василий Иванович Филатов, сын Ивана Васильевича Филатова. Жития его было 29 лет и 7 мес. Племянник Н.В.Ф.

– 1879 года августа 9 числа преставился Р.Б. священноиерей о. Стефаний в п. Добрянка.

– 1881 года 20 августа преставился Р.Б. Алексей Акимович Степунин – отец Григория Алексеевича, двоюродный брат Татьяны Дмитриевны.

– 1881 года 28 августа преставился Р.Б. Василий Дмитриевич Филатов в Стародубе, прожив 86 лет – отец Н.В. Филатова.

– 1906 года 19 августа умер Секретарь Думы и Управы Иван Маркович Васильцов. Прослужил в Клинцах секретарем более 20 лет.

– 1913 года 1 августа поставлен крест на новой св. Николы Часовне при Вознесенской церкви.

– 1914 года 13 августа родилась у Н.В. Филатова внучка Раиса, дочь Сергея Николаевича Филатова.

Сентябрь:

– 1839 года сентября 5 дня преставилась Р.Б. Анисья Дмитриевна Степунина, родительница Дмитрия Акимовича, бабушка Татьяне Дмитриевне. Пожила 54 года.

– 1857 года сентября 21 дня преставилась Анна Михайловна супруга Дмитрия Осиповича Зубова.

– 1866 года сентября 15 дня упразднилась Ратуша в посаде Клинцы, которые учреждены в 1784 году в царствование Государыни Екатерины Алексеевны. Существовали 82 года.

Клинцовский летописец

– 1872 года сентября 7 числа в 9 часов вечера преставился Р.Б. младенец Дмитрий, сын Н.В. Филатова. Жития его было 3 года 10 мес. 19 дней.

– 1878 года 24 сентября (воскресение) избран (Н.В. Филатов) в участковые Мировые Судьи. Избирательных 25 шаров, неизбирательных 4 шара.

– 1879 года 23 сентября в пять часов по полудни, после молебствия водружен на Вознесенской колокольне новый вызолоченный крест.

– 1892 года 1 сентября умер на 40 году жизни Василий Васильевич Барышников, муж Анны Николаевны Филатовой, от катара легких и болезни сердца.

– 1892 года 28 сентября умерла Мария Ефимовна Барышникова, мать Василия Васильевича и Дмитрия Васильевича.

– 1905 года 26 сентября скончалась в Киеве от скарлатины и воспаления легких Олимпиада (Адочка) Полякова 13 лет – дочь Василия Ефимовича. Похоронена на Аскольдовой могиле.

– 1909 года 20 сентября умерла в Боровске от дизентерии Анна Петровна Горячкина 62 лет. Похоронена в Клинцах на старообрядческом кладбище

– 1911 года 11 сентября выехала из Клинцов для путешествия в Иерусалим Вера Николаевна Филатова.

– 1911 года 18 сентября в воскресенье венчался в Москве в церкви св. Спиридония Константин Дмитриевич Барышников с Ниной Анатольевной Филатовой.

– 1913 года 8 октября умерла Ирина Яковлевна Иерусалимцева 72 лет в женском старообрядческом Клинцовском монастыре.

– 1913 года 29 сентября умер Фома Трофимович Кузнецов от рака в печени, 65 лет.

– 1915 года 27 сентября (воскресение) скончался Иван Ефимович Поляков от паралича, брат Василия Ефимовича.

Октябрь:

– 1812 года октября 31 дня общество посада Клинцы отвело место Василию Афанасьевичу Лихоманову на устройство Суконной фабрики, которая была первоначальное заведение.

– 1831 года февраля 21 дня помер великий Гражданин доброго назначения, великого дела – Вас. Аф. Лихоманов.

– 1878 год первое здание – каменный корпус снят и место загладили, где существовало фабричное суконное заведение Лихоманова.

– 1869 года в Земском Собрании переименованы ярмарки в посаде Клинцы: 1-я 20 числа сентября в день князя Михаила Черниговского. 2-я 1 числа ноября Козьмы Дамиана. 3-я в пятницу во всеядную неделю перед Великим Постом.

– 1868 года октября 18 дня родился у Николая Васильевича Филатова сын Димитрий в полвторого час ночи под пятницу, под полнолуние.

– 1847 года октября 19 дня преставился Р.Б. Димитрий Акимович Степунин и погребен в Царствующем граде Москве на старообрядческом Рогожском кладбище. Отец Татьяны Димитриевны (умер от холеры). Д.А. Степунин – основатель великой суконной фабрики в Посаде Клинцы в 1832 году, где устроено 30 августа 1877 года училище при членах Посадской Управы: Иване Патрикиевиче Машковском – Голове, гласных Константин Дмитриевиче Сапожкове, С.Ф. Малкове, И.Е. Шапошникове, В.Д. Долгове. Строитель И.И. Попсуй.

– 1818 года упразднилась Духовная типография в Клинцах, которая была на заводе, где устроена Суконная фабрика г.г. Зубовым и Степуниным.

– 1867 года октября 6 дня преставился Михаил Борисович Кубарев, общественный гражданин и суконный фабрикант.

– 1876 года 16 октября умерла Валентина Михайловна Сапожкова в Киеве.

– 1894 года октября 20-го четверг в 2 часа 15 минут пополудни в Бозе почил Государь император Александр III Александрович в Ливадии на 49 году жизни. Царствовал с 1 марта 1881 года.

– 1902 года 5 октября умер в Смоленске отставной подполковник Трофим Артемьевич Ракицкий, сотоварищ по училищу. Родился в Стародубе в 1835 году июля 23.

– 1906 года 25 октября умер Михаил Васильевич Карташев на 64 году.

– 1913 года 8 октября умерла Матрена Ивановна Клапцова на 86 году.

– 1938 года 30 октября в 6 часов вечера умерла Анна Андреевна Трофимова, урожденная Смирнова. День Ангела 9 декабря.

– 1855 года октября 7 дня помер Иван Филатьев Аксенов, знаменитый суконный фабрикант, капиталист. Первый поставщик своих сукон в казенные места в С. Петербурге.

– 1891 года октября 18 дня умер в Ростове на Дону Алексей Демьянович Руденко, 55 лет от роду.

Ноябрь:

– 1857 года ноября 1 числа насажден в Дублянщине фруктовый сад. 1858 года октября 10 числа насаждена вторая половина 400 деревьев.

– 1865 года 15 ноября родилась у Н.В. Филатова дочь Екатерина в полпятого часа утра в понедельник.

– 1877 года ноября 6 взята Турецкая крепость Карс, 7 Пашей, 800 офицеров, 22 тысячи войска и 45 орудий.

Клинцовский летописец

– 1877 года 28 ноября после 5-месячной осады взят в Болгарии город Плевно с главнокомандующим Осман-Пашой. Пленных ту-рок 40 тысяч.

– 1877 года 12 ноября Александр Николаевич Филатов освобожден от воинской повинности и зачислен ратники ополчение.

– 1891 года ноября 28 дня скончался клинцовский 1-й гильдии купец Константин Никифорович Сапожков, 42 лет от роду. Болезнь у него была умопомешательство.

– 1903 года 28 ноября умерла в С. Петербурге Александра Григорьевна Лесникова от нервного удара.

– 1906 года 6 ноября умер Петр Дмитриевич Долгов (упал в новых лавках в отверстие погреба) на 75 году жизни.

– 1910 года 13 ноября суббота скончался в Москве Дмитрий Васильевич Барышников в 3^{1/2} часа по полудни на 64 году жизни от аневризмы сердца. Похоронен в Клинцах 18 числа.

– 1910 года 7 ноября умер на станции Астапово Граф Лев Николаевич Толстой 83 лет.

– 1924 года 7/20 ноября умер Эдуард Иванович Фрейман, от чахотки, красильный мастер, хороший знакомый.

Декабрь:

– 1846 года декабря 15 скончалась в Стародубе Анастасия Федоровна Филатова, урожденная Попова из Нежина, мать Николая Васильевича Филатова, на 46 году.

– 1851 года 20 декабря скончался в Стародубе Иван Васильевич Филатов, брат Николая Васильевича.

– 1854 года декабря 13 дня открыто в посаде Клинцы почтовое отделение ... общества по ходатайству Акима Васильевича Степунина семейства при Губернском Черниговском Почтмейстере Дмитрием Андреевичем Чаплиным.

– 1863 года 26 декабря в 10 часов вечера умерла в Гомеле Наталия Дмитриевна Рубанова, урожденная Филатова на 68 году жизни.

– 1872 года декабря 28 дня упразднилась Клинцовская Посадская Дума. А на место этого учреждены Управа при должности службы Голов. Управ Николай Васильевич Филатов.

– 1876 года 4 декабря родилась у Н.В. Филатова дочь Варвара.

– 1887 года декабря ... дня умер Никифор Акимович Карташев. Похоронен на кладбище около Степунинской фабрики.

– 1890 года декабря с 26 на 27 число в 3 часа ночи скончалась Анна Ивановна Степунина, урожденная Пусторжевцева. Жития ее было 44 года 11 мес. и 3 дня.

– 1905 года 2 декабря умер в С. Петербурге Валериан Петрович Исаев 71 года, скоропостижно от склероза, единственный мой дорогой друг детства.

– 1911 года 16 декабря скончалась Вера Григорьевна Сапожкова, скоропостижно от излияния крови в мозг.

– 1912 года 25 декабря во вторник в 12 ночи родился у Сергея Николаевича Филатова сын Евгений. Крестился 4 января 1913 года в пятницу в 4 вечера.

– 1913 года 27 декабря у Константина Дмитриевича и Нины Анатольевны Барышниковых родилась Татьяна, самая младшая моя правнучка.

– 1925 года 4 декабря умер Александр Васильевич Крашениников от рака в желудке.

– 1908 года 20 декабря в 9 часов утра скончался в Кронштадте отец Иоанн Ильич Сергеев (Кронштадский) на 79 году жизни (родился 19 октября 1829 года). Сын сельского причетника Архангельской губернии.

*Дополнительные записи,
сделанные сыном Николая Васильевича Филатова
Анатолием Николаевичем Филатовым*

Родились:

– 1890 года родилась в Саратове моя дочь Нина Анатольевна, по мужу Барышникова.

– 1894 года 2 ноября родился у Анатолия Николаевича Филатова сын Сергей.

– 1897 года 18 сентября родилась у Анатолия Николаевича Филатова дочь Таисия.

– 1903 года 23 июня родилась у Лидии Васильевны Федотовой дочь Людмила (Милочка).

– 1907 года 3 июля родилась у Лидии Васильевны Федотовой дочь Ирочка.

– 1918 года родилась Наталья Борисовна Филатова в Полтаве – дочь моего покойного сына Бориса (доктора).

– 1938 года 27 марта родился у моей дочери Таисии Филатовой сын Георгий (Юрочка).

– 1938 года 9 июля у Ирочки Федотовой родился сын Георгий (Юрочка).

Умерли:

– 1931 года 28 апреля умерла Лариса Ивановна Филатова 72 лет, урожденная Болдырева, казачка области Войска Донского, Урюпинской станицы. Жена Анатолия Николаевича Филатова.

– 1942 года умерла внучка Наталочка в Алма-Ате, где и вышла замуж. Наталья Борисовна Филатова, дочь покойного сына Бориса

Клинцовский летописец

(доктора), 27 лет, врач. Умерла от сыпняка, как и покойный ее отец.

– 1942 года 16 февраля умер наш хороший знакомый и Витин товарищ в Калуге Масленников Дмитрий Григорьевич. Посланное ему в Калугу заказное письмо 24 июля возвращено 29 августа обратно с отметкой «дом Сгорел». Проживал в доме 28 по ул. Парижской Коммуны.

– 1943 года 22 января умерла в Феофании, в богадельне, после короткой болезни Ольга Николаевна Ишкова, по второму мужу Овчинникова, 80 лет.

– 1950 года в 9 час. 45 мин. умер Филатов Анатолий Николаевич 90 лет от роду.

На память дочери Таисии:

Дедушка родился в Стародубе в 1835 году 26 июня. Отец его был Василий Дмитриевич Филатов, а мать Анастасия Федоровна, урожденная Попова из Нежина. У дедушки был брат Иван Васильевич, у которого был сын Василий Иванович, умер 29 лет. Надо полагать, были у дедушки и сестры, но сколько их и какие трудно сказать.

Дедушка вступил в брак с бабушкой Татьяной Дмитриевной Степуниной 17 апреля 1858 года. Переехали в Клинцы в апреле месяце 1863 года, после смерти матери бабушкиной.

В Стародубе родились Аня, я (Анатолий) и Настенька.

Краевед П. М. Храмченко

(Слово о друге и учителе)

Р. И. Перекрестов

В мае 2000 года ушел из жизни старейший житель города Клинцы Павел Максимович Храмченко – конструктор завода им. Калинина, человек, одаренный многими талантами, щедро отдававший людям свои знания, свою любовь, свое сердце.

Павел Максимович родился в Клинцах в 1916 году. Вся жизнь его была неразрывно связана с родным городом.

Павел Максимович жил и осознавал себя в годы переломные для судьбы русского народа. Не потому ли в личности, в характере его сошлись две эпохи, два времени, так и не исчерпавшие глубину взаимных противоречий? Воспитанный в религиозной семье, он твердо придерживался принципов религиозного мировоззрения, не допускал приспособленчества, угодничества, лицемерия, был требователен к себе и к окружающим.

Его отец, Максим Кононович Храмченко, один из лучших клинцовских печников и каменщиков, возводил стены первых зданий и цехов Чугунолитейного завода Н.А. Федотова, а затем был рабочим того же завода.

Через мать родословное древо Павла Максимовича восходит к семье купцов Железниковых, основавших в XVIII веке в посаде Клинцы типографию для издания старопечатных книг. Прадед — Лука Егорович Железников был псаломщиком единоверческой Вознесенской церкви.

Свое «высшее образование», как любил шутить Павел Максимович, он получил в Клинцовском шерстяном техникуме, куда поступил в 1932 году. Уровень обучения и подготовки в техникуме в те годы был высоким. Многие выпускники техникума 1920-1930-х годов стали учеными, организаторами ткацкого производства, педагогами. Павел Максимович вспоминал, что черчение преподавал Александр Клейн, автор книги по ткацкому делу. Уроки химии и физики, с постановой опытов и их практической оценкой, давал Анатолий Михайлович Кубарев. С особой благодарностью вспоминал Павел Максимович преподавателя Михаила Федотовича Костакова, обучавшего студентов токарному, слесарному и столярному мастерству. Навыки, полученные в те годы, помогли в дальнейшем в конструкторской работе. Особенно преуспел Павел в технических и точных науках. Преподаватель Александр Александрович Корзун, заметив в молодом человеке не только способность к математике, но пытливость ума и настойчивость, давал ему дополнительные задания, познакомил с высшей математикой.

В 1936 году Павел защитил диплом по специальности технолог по аппаратно-прядельному делу. Работать начал на Клинцовском заводе имени Калинина (бывшем Чугунолитейном заводе Н.А. Федотова). В это время завод осваивал производство ткацкого станка системы Швабе. Технический отдел готовил большое количество чертежей. Эту работу поручили недавним выпускникам техникума. Начальник конструкторского отдела Алексей Васильевич Березин обратил внимание на высокое качество исполнения чертежей молодого специалиста и взял Павла в свой отдел. Березин зарекомендовал себя как человек с высоким качеством исполнения чертежей, веселым нравом и неумной фантазией конструктора. Десятки его идей были внедрены в производство. Рядом с таким учителем молодые специалисты быстро выросли и втягивались в творческую работу.

К чести коллектива, станки Клинцовского завода им. Калинина расходились не только по фабрикам России и союзных республик, но продавались за границу.

Первой удачей молодого конструктора стала разработка челночных коробок для машин системы Швабе. А в 1939 году Павлу Максимовичу доверили самостоятельный участок работы — должность конструктора цеха. Цех готовился к выпуску военного заказа — корпуса для 45-мм снарядов.

В начале июня 1941 года тяжелая болезнь приковала Павла

Максимовича к больничной койке на долгие месяцы. Годы оккупации, лишения, потеря близких людей не сломили его характер. Уже на следующий день после освобождения города Павел Максимович вместе с десятками рабочих и их детьми разбирали завалы в цехах и во дворе разрушенного завода. В течение нескольких месяцев шло восстановление производства. В том же 1943 году Павел Максимович стал начальником конструкторского бюро завода. Молодой начальник вел расчеты, своими руками заново создавал чертежи машин и деталей и одновременно клал печи в управленческом корпусе, рыл окопы, разбирали завалы.

В первые послевоенные годы число заказов заводу ежегодно увеличивалось. Архив конструкторского бюро был уничтожен. Заново пришлось создавать чертежи для восстановления производства бильной машины, машины для резки опоек, швинх-турбины для обработки пеньки. Было заново разработано до 100 видов челночных коробок, налажено производство игольчатых кругов системы Нобль для круглочесальных машин.

В 1952 году Павлу Максимовичу неожиданно предложили оставить должность начальника КБ. Теперь уже как рядовой конструктор он участвовал в разработке и внедрении в производство: двухбарабанно-трепальной машины (2 БТ), круглочесальных машин разных систем, занимался оснасткой для обработки деталей выпускаемых машин: штампы, кондукторы, создавал приспособления для сварки, осваивал производство пластмассовых деталей. Участвовал в создании ленточных машин первого и второго поколения. Одновременно занимался общественной работой. Был постоянным уполномоченным от ИТР по изобретательству и рационализации, занимался с рабочими, повышая их квалификацию при освоении новых видов машин. Награжден медалью «Ветеран труда». С 1976 года на пенсии.

Неугомонная творческая натура Павла Максимовича жила богатой духовной жизнью. Через всю жизнь пронес Павел Максимович любовь к книге, к музыке и пению. Еще ребенком вместе с отцом Павел пел на клиросе в Петропавловской церкви. Высокый дискант, чаровавший прихожан чистотой и силой, превратился с годами в богатый по окраске и редкий по тембру тенор. Павел собирал вокруг себя любителей пения, сам играл на гитаре.

Увлечение пением неожиданно получило развитие. В 1938 году по направлению Центрального Дома народного творчества приехал руководить хором Клинцовского Дома народного творчества композитор и дирижер Михаил Васильевич Карпов.

Павел Максимович рассказывал, что, познакомившись с вокалистами, М.В. Карпов отобрал из них наиболее способных и начал вести индивидуальные занятия. Обучил пению по нотам, правильному дыханию, технике извлечения красивого звука, распеву по

голосам. Репертуар хора выходил за рамки советской и народной песни. Внутри коллектива были созданы вокальные дуэты, трио, квартеты. Исполнялись романсы русских композиторов, отрывки из опер. За три года Павел Максимович получил серьезное вокальное и музыкальное образование, овладел мастерством вокалиста, стал профессиональным певцом.

В 1994 году Павел Максимович на страницах клинцовской газеты впервые рассказал читателям о своем учителе пения. Композитор М.В. Карпов до 1917 года был регентом хора храма Христа Спасителя в Москве, о чем долгие годы не принято было писать. Под его руководством пели артисты Большого театра, звучал легендарный бас диакона Константина Васильевича Розова. Сохранились грамофонные пластинки с записями хора храма Христа Спасителя под руководством М.В. Карпова. Композитор М.В. Карпов был известен своей духовной и светской музыкой. Многие его произведения и музыкальные обработки звучали в Клинцах с подмостков клубных сцен.

Война прервала общение с этим замечательным человеком. Но в последующие годы Храмченко не оставил пение. С открытием в 1942 году в Клинцах Петропавловской церкви Павел Максимович вернулся в церковный хор и до закрытия церкви в 1961 году пел на клиросе, что доставило ему много неприятностей со стороны администрации завода и сказалось на служебной карьере. В 1950-х годах Павел Максимович организовал вокальный коллектив. Концертмейстером стала Алевтина Петровна Кубарева – директор Клинцовской музыкальной школы. Репертуар был столь богат и разнообразен, что вокалисты давали несколько концертов, не повторяясь.

К чему бы ни прикасались руки и сердце Павла Максимовича, чем бы ни увлекался – все он делал талантливо и изобретательно. Он собирал радиоприемники, механизировал кухонное и приусадебное хозяйство, стал умелым пчеловодом, строил пчелиные домики оригинальной конструкции, проводил эксперименты с пчелами, разводил пчелиных маток, делал сам вошину. Лучшие сорта яблок были в саду у Павла Максимовича. Сад достался ему в наследство от отца, а саженцы были приобретены в питомнике известного до 1937 года садовода Александра Ивановича Курцвайля. Знаменитые клинцовские сорта яблок «Полуторафунтовка», «Великий князь», «Семеренка», «Цыганочка», «Медовое яблоко», «Райские яблочки» были «от Курцвайля». Чтобы сберечь эти сорта, Павел Максимович выращивал саженцы, делал прививки и раздавал всем любителям-садоводам. Первый в Клинцах виноград, первые абрикосовые деревья стали плодоносить у Павла Максимовича. Прекрасные цветы выращивала его жена Полина Петровна.

Очень содержательной страницей жизни Павла Максимовича

стало его занятие краеведением. К такой деятельности побуждает прежде всего любовь к людям, способность усмотреть историческую ценность вещи или явления, страстное желание сберечь, не растратить культурное богатство, накопленное земляками.

В 1949 году в Клинцах был открыт краеведческий музей. Зачинщиком создания музея был врач Николай Александрович Корзун. Он же собрал музейный совет, в который вошел и Павел Максимович Храмченко. Выбор Корзуна не был случайным. Увлечение Павла Максимовича краеведением, его экспедиции в поисках курганов и неолитических стоянок по берегам рек Унечи и Ипути, увлечение этнографией и фольклором потомков радимичей и северян были хорошо известны Корзуну.

Интерес к краеведению пробудился у Павла Максимовича в юности. Каждое лето вместе с отцом, Максимом Кононовичем, Павел отправлялся в отхожий промысел класть печи по окрестным деревням. Наблюдая крестьян деревень Смяльч, Песчанка, Болонья, Унеча, Павел удивлялся, сколь резко отличался бытовой уклад жизни крестьян от городского. Позже Павел Максимович стал записывать свои наблюдения, услышанные предания, составил словарь местных говоров. Со своими сыновьями, Николаем и Геннадием, прошел на лодке все местные реки и протоки, побывал во всех окрестных деревнях. По берегам рек им было обнаружено несколько неолитических стоянок человека, которые и сейчас ждут своих исследователей — ученых. Возле деревни Смолевичи, на высоком песчаном речном склоне, подвергнутом ветровой эрозии, Павел Максимович обнаружил мастерскую времен каменного века. Здесь была собрана коллекция кремниевых наконечников стрел и копий разной степени обработки, топоры, осколки керамики, составлен план стоянки, и на плане отмечены места расположения находок. Найденные предметы пронумерованы, описаны и закреплены на фанерных щитах.

За долгие годы в домашнем архиве краеведа собраны фотографии клинчан, книги по истории края, записки, письма, воспоминания.

Павел Максимович в составе редакционной коллегии участвовал в подготовке к изданию книги «С именем Калинина», вышедшей в 1976 году в Приокском книжном издательстве. Материал по истории Чугунолитейного завода Н.А. Федотова, собранный во время подготовки к изданию книги, передан на хранение в заводской музей.

Клинцовская газета неоднократно публиковала очерки П.М. Храмченко: об основателях плодопитомника возле деревни Синьковка, выходцах из Чехии Германе Штаудигель и Иване Курцвайль (*газета «Труд»*. 21 июля 1989 г.), о Вознесенском храме и его архитектуре (21 апреля 1990 г.), о Доме народного творчества в

Клинцовский летописец

Клинцах (30 августа 1994 г.). Последний очерк был записан автором этих строк со слов почти ослепшего краеведа. В 1996 году к 80-летию Павла Максимовича клинцовская газета опубликовала статью «Река Унеча», написанную по воспоминаниям юбиляра.

Общение с Павлом Максимовичем было всегда необыкновенно интересным. Он хорошо знал русскую литературу, русскую классическую музыку, живо интересовался современными достижениями науки и техники, архитектурой и живописью.

Павел Максимович с радостью делился своими наблюдениями, знаниями, сокрушался, что с духовными богатствами люди расстаются без сожаления, не давая ничего взамен. Так исчезают библиотеки, редкие и ценные документы, письма, мемуары, фотографии, картины, иконы, предметы быта. Его рассказы о клинцовской старине, о людях и их судьбах отличались достоверностью и душевностью, речь была колоритной, насыщенной словами из местного говора, что придавало ей живость и выразительность. К сожалению, многое из того, что Павел Максимович хотел рассказать людям, он не успел записать.

Павел Максимович в течение жизни практически не покидал город Клинцы, но прожил жизнь духовно богатую и насыщенную, подтверждая тем, что вдали от больших городов человек может отыскать чистейшие родники русской культуры и, припадая к ним, возвыситься духовно настолько, чтобы стать в ряд с лучшими представителями русской интеллигенции.

Мои Клины

П. М. Храмченко, Р. И. Перекрестов

Предлагаемые читателю воспоминания старейшего краеведа города Клины Павла Максимовича Храмченко писались и собирались им в течение многих лет, с начала 1970-х и до конца 1990-х годов.

В последние годы жизни, уже почти слепой, но еще энергичный и деятельный, Павел Максимович сожалел, что не может самостоятельно завершить свой труд и подготовить его к публикации. Много лет, приезжая в Клины, я помогал Павлу Максимовичу записывать его воспоминания, редактировал тексты, уточнял забытые им имена людей и факты из истории города. Мне было доверено выполнить последнюю волю краеведа: обработать черновики, диктофонные записи, внести дополнения, уточнить факты, даты, имена и подготовить материал к публикации. При создании окончательного варианта текста воспоминаний были использованы документы из семейного архива Храмченко, газетные публикации Павла Максимовича, воспоминания его родственников, записи на фотографиях, мои материалы, заметки и записи. Воспоминания излагаются от первого лица.

Печатаю воспоминания П.М. Храмченко, я отдаю дань этому необыкновенному человеку. Наблюдательность, любовь к людям, к природе – в этом весь характер Павла Максимовича. Описывая свою жизнь, жизнь людей, события из жизни города, извлекая из глубины своей души чувства и переживания, он говорит нам, вслед идущим: «Живите по совести, делайте добро, берегите и приумножайте красоту родной земли».

1. Вступление

С высоты прожитых лет, как с колокольни, видна панорама пережитого. Все чаще вспоминаются детские годы, соседи и друзья, старые люди и обычаи, события и целые этапы в истории жизни города и людей – в общем, все то, чему сам был очевидцем и участником. Уйдем мы, старые люди, исчезнут вместе с нами и воспоминания о прошедшей жизни, которая имела не только плохие, но и хорошие стороны.

Я думаю, наши внуки, далеко отстоящие от тех времен, заинтересуются и прочтут мои воспоминания, запечатленные для них на бумаге. Ибо трудно найти человека, которого бы не интересовало: а как было раньше, до меня?

Итак, родился я в посаде Клины Суражского уезда Черниговской губернии в 1916 году 27 января по новому стилю, в доме № 3

на улице Михайловской, где и живу по сие время. После революции посад Клинцы стал уездным городом сначала в составе Гомельской губернии, а затем – Западной области.

Застраиваться наша улица начала в 1908-1910 годах, до этого здесь было поле, а еще раньше, возможно, и лес, так как мой сосед Григорий Иларионович Отряскин, живущий напротив, рассказывал, что у них по северной меже росла сосна, а поблизости были пни от больших деревьев.

Сохранился документ на приобретение селидебного участка под нашу усадьбу:

«Клинцовское Городское Общественное Управление июня 10 дня 1909 года за № 1336 зарегистрировало план селидебного участка земли под № 3, принадлежащего Обществу посада Клинцов ... по переулку Михайловскому ... по измерению 10 x 25 сажень (250 кв. сажень площадью). Клинцовский городской землемер Т. Улезко».

«Клинцовское Городское Общественное Управление удостоверяет, что означенный участок на основании постановления Клинцовской Городской Думы ... уступлен клинцовскому мещанину Максиму Кононовичу Храмченко по цене 50 копеек за кв. сажень, а всего за 125 рублей.

1917 года марта 3 дня означенная сумма в 125 рублей была окончательно уплачена и посему: 1917 года марта 10 дня Городская Управа постановила: определенный мещанину Максиму Кононовичу Храмченко участок земли под № 3 по переулку Михайловскому ... принадлежит ныне названному Храмченко в полную его собственность ... что Городская Управа ему удостоверяет».

Подписались: Городской Голова, член Управы, секретарь.

Окончательный переход участка в собственность Максима Кононовича Храмченко состоялся вскоре после отречения царя от престола и прихода к власти Временного правительства.

Почему улица была названа Михайловской? Отец объяснил мне следующее: самая первая усадьба здесь была отведена для Михаила Никифоровича Улезко и для его младшего брата, Василия Никифоровича (нашего северного соседа). Вот по имени Михаила Улезко и была названа наша улица Михайловской. Надо заметить, что всякие названия городов, деревень, улиц, рек отражают историю народа и поэтому первоначальное их название надо беречь. Сколько потеряла история города Клинцы, когда в 1920-1930-е годы большая часть улиц утратила свои исторические названия! К настоящему времени на карте города сохранились два дореволюционных названия – улица Пушкинская и улица Михайловская.

В годы моего детства Михайловская улица была очень короткой: 4 дома по нашей нечетной стороне и 3 дома на противоположной стороне. В то время адрес на конверте писался так: «ул. Красноробская, Михайловский переулок, дом № 3».

Возвращаюсь в 1920-е годы. В то время автомашин не было, все улицы города были зеленые от травы. Наша улица была покрыта травой спорышем, или, как мы ее называли, муражком, и белым клевером, который на местном языке называли дятловиной. Ходили мы, детвора, босые и боялись только укуса пчел, которые в изобилии кормились на дятловине. По середине улицы проходила заросшая колея «конской» дороги, по которой редко проезжала крестьянская телега, запряженная конем. Вот и все движение, если не считать гусей, мирно пощипывавших травку на дороге. Когда появились первые две автомашины, детвора сбегалась посмотреть на самодвижущиеся повозки. Вместо кардана движение от мотора на колеса передавалось с помощью цепной передачи, как у велосипеда, только значительно более крупного размера. Тарахтел мотор, стучали колеса, грохотали цепи. Шум от машин исходил неимоверный. Дети бросали все дела, даже еду, и бежали на Красноборскую улицу, чтобы не пропустить случай посмотреть на редчайшее чудо техники. Мальчишки обязательно нюхали след от механического чудовища, чтобы поймать носом незнакомый еще запах бензина, но след не имел запаха.

Возле каждого дома были деревья: акации, липы, березы, клены, а возле дома Василия Никифоровича Улезко – бальзамические тополя со светлой корой. Листья тополя весной источали чудесный запах прополиса. Такие тополя росли не только по уличной стороне, но и окаймляли усадьбу, ограничивая ее от поля. И обязательно со стороны улицы, рядом с калиткой каждый хозяин ставил лавочку на двух столбиках. Вечерами на лавочке отдыхали взрослые, разговаривали с соседями, наблюдали за детьми, резвившимися на траве. В воскресные и праздничные дни площадки у лавочек становились местом веселья, песен, выступления самодеятельного оркестра. Устраивались танцы под гармошку, веселые хоры, воды, игры.

Пыли совсем не было. Достаточно сказать, что одной из самых любимых забав малышей было катание по траве, либо просто переворачиваться через голову, как колесо. И рубашки от этого не марались. Между прочим, в первые годы моего детства вся одежда летом состояла из одной рубахи длиной ниже колен. Штанишек не полагалось. Немного возмужав, мы начинали носить короткие штанишки, которые поддерживались одной шлейкой наискосок через плечо. Ходили только босиком. В лес обували чуни. Раз в год мой крестный, дядя Емельян, водил меня к знакомому сапожнику Зубареву, жившему на углу улиц Ореховки и Кронштадской. Зубарев шил мне ботинки, которые я берег и носил только в церковь, по праздникам или когда шел «в город», то есть в центр Клинцов, а также в школу. А в селах, даже почти до настоящего времени, было принято относиться к обуви бережно таким образом: до горо-

да идут босиком, на окраине моют ноги в какой-либо луже, вынимают из сумок обувь, обуваются. На обратном пути, как только шагнули за черту города, разуваяются и идут домой босиком.

Надо сказать, что в домашней обстановке и многие взрослые горожане ходили босиком, не говоря уже о малышах.

Транспорта тогда было только два вида: телега и безотказные собственные ноги. Расстояние в 10 и даже 25 верст считалось обычным и не смущало пешеходов. Люди к ходьбе были привычные, ходили легко на большие расстояния, да и не налегке, а нагруженные сумками или кошельми. Очень удобными и легкими делали тогда кошельки из лыка (липовой коры) – в виде коробки с надевающейся на нее крышечкой. Носили короба за плечами.

2. Николаевское поле

Наш дом был вторым с краю от Красноборской улицы, а первым – дом Василия Никифоровича Улезко. За нашими усадьбами, за забором начиналось огромное поле, которое называлось Николаевским. От нашей улицы поле перерезалось дорогой, идущей в северном направлении до села Смолевичи. Называлась она «заводская дорога», потому что по ней ходили на работу пешком из Смолевич на Зубовскую или, как ее некоторое время называли, Баксантову фабрику, по фамилии последнего владельца.

Со времени основания фабрики в 1832 году и до начала 1920-х годов Зубовская фабрика была местом, где работали десятки жителей деревни Смолевичи. При советской власти фабрика носила сначала имя Троцкого, затем имя Дзержинского, но в устах народа всегда оставалась Зубовской фабрикой.

Тогда крестьяне были очень голосистые. Идут на работу или с работы – обязательно поют во весь голос. Утром, часов в пять, нас будили песнями смолевицкие крестьяне. Песни старинные, в них слышались то веселые, то заунывные нотки и беспредельная ширь полей и лугов. Песня бодрила людей, они забывали усталость и долгую дорогу. Во мне и теперь еще живет звучная мощь тех древнерусских песен, вместивших в себя беспредельные просторы нашей Родины. Жаль, что эти бесценные песни утеряны.

Любовь клинцовских рабочих к песне была отмечена впервые в 1852 году губернским механиком Александром Гутманом. В своем описании посада Клинцы А. Гутман писал: *«Въехав в Клинцы по дороге из Чернигова, проезжайте далее по главной улице (по Большой) мимо базарной площади; она приведет вас к другой поперечной улице – широкой, прямой (ул. Кумпановка – Пушкинская). Поворотите вправо и вы встретите громадное двухэтажное зда-*

ние, достойное быть украшением столицы, с высокою прекрасною трубою. Шум машин и веселые песни, далеко слышные, дадут вам знать, что это фабрика. Взгляните на фронтоны главного карниза, вы узнаете по вывеске, что это суконная фабрика купца Михаила Кубарева.

Поворотив назад по этой же улице, отправляйтесь на северо-западную оконечность посада. Далеко не доезжая до места вы увидите огромное готическое двухэтажное каменное здание, оштукатуренное и выбеленное, с балконом, с высокими окнами в новейшем вкусе, неподалеку от которого в симметрическом порядке высятся большие каменные и деревянные здания, из которых слышится тот же гул машин и песни, далеко разносимые эхом окрестных лесов. Громада строений заключает в себе фабрику почетного гражданина Зубова и купца Степунина».

Из истории известно, что «тяжелым и безрадостным был труд рабочих в те годы», но песни звучали.

В годы моей юности пение было распространено настолько, что не вызывало ни удивления, ни раздражения, скорее – интерес и уважение. Пели крестьяне в поле, пели рабочие за станком, пели учащиеся на переменах между занятиями, пели старики и молодежь, сидя теплыми вечерами на скамеечке перед домом, пели на посиделках парни и девушки, пели одинокие прохожие. Сейчас это покажется странным, но должно быть наоборот. Странно, почему народ не поет. Видимо, в XX веке что-то в душе у народа произошло, какой-то надрыв.

На моей памяти поющие рабочие встречались еще в начале 1930-х годов. Но потом эта традиция петь на рабочем месте была утеряна. Выросла интенсивность производства, изменились требования, повысилась ответственность каждого на своем рабочем месте. Теперь рабочему человеку стало не до песен.

На Николаевском поле сеяли рожь, гречиху, часть поля «перегуливала» и в год отдыха покрывалась разными полевыми цветами и травами. Посреди поля, между городом и лесом, росла развесистая, кудрявая сосна, а рядом с ней – дикая груша. По левой стороне «заводской дороги» до самого леса у речки Чемерна шла канава, по которой когда-то была посажена пурпурно-красная верба, сплошной полосой идущая от крайнего дома Улезко до самого леса. Это – не меньше версты. Высота вербовой стены была метра три с половиной-четыре. А по склонам канавы росла земляника. Тут же поминутно шныряли серенькие ящерицы, которые прятались при нашем появлении в обнаженных и переплетенных корнях вербы.

Нас, хлопчиков-однолеток, самых ближайших соседей, была тройка: я, Петро Улезко и Поликан Отряскин. Мы с Петром даже родились в один день. Так вот у нас была еще игра: от дома и до

леса добираться только по верхушкам верб, не коснувшись земли. Это мы переняли у белок, которых в лесу тогда водилось очень много.

От глинища, где брали глину для печей (там сейчас магазин «на ямках»), и до леса шла узкая тропинка. Она проходила через посе-вы жита. Как приятно было любоваться синевато-зелеными волнами, которые перекатывались во ржи, как по морю. А воздух на поле жита имеет особый душистый аромат – смесь свежесмолотой на ветряной мельнице ржаной муки с полевыми цветами. Тогда рожь называли «жито». За полями жита белели, будто снегом покрытые, гречишные поля, от которых ветерок доносил чарующий запах сечного меда.

Улезко держал четыре домика пчел. Весной, когда в саду зацвели вишни, сливы «вендеры», а чуть позже зацвели душистые груши и нежнорозовые яблони, воздух наполнялся ароматом цветов и ровным гудением работающих пчел. Отцветали сады, и пчелы уходили кормиться на Николаевское поле, где после одуванчиков зацветали луговые травы, затем – донник, а по опушке леса – иван-чай.

По правую сторону «заводской дороги», то есть к востоку от улицы, начиная с того места, где дом Тони Купцовой, стояли три небольших лесочка: «круглый» ближний, средний и дальний. Мы любили там гулять, валяться на траве, собирать щавель на лугу, который расстилался вокруг перелесков.

3. Птичьи песни

Северную часть Николаевского поля окаймлял лес, примерно по той же границе, как и сейчас, а перед ним рос молодой сосняк. Здесь мы часто вспугивали куропаток и тетеревов, во что сейчас даже сам верю с трудом. Много здесь было сорочьих, беличьих и сойкиных гнезд. Всю дорогу до леса нас провожали голосистые жаворонки, которые начинали петь над полями в марте. Песня жаворонка не умолкала с утра до вечера, и так – почти до жнивья.

По левому краю «заводской дороги», за канавой, до самой Чермерны росли огромные старые развесистые сосны, отделенные от дороги небольшим молодняком, а за ними начинались вековые леса. Преимущественно это были сосны, а также ельники, особенно возле Филатова хутора и по болотистым местам. Там леса были могучие. Бывало, заберемся в лесные дебри, где даже в яркий солнечный день торжественно тихо и сумрачно, а в недосыгаемых вершинах деревьев слышится ровный шум верхового ветра. Такой шум ветра в кронах бывает только в могучем вековом бору. Кажется, деревья шепчутся с ветром, поверяя ему лесные тайны. А под нога-

ми стелется мягкий и упругий мох, который едва проминается под ногами. Кажется, что ступаешь не по земле, а по мягкому пружинящему ковру.

За Филатовщиной лес опускался в низину, где было много болот. Места эти назывались «мокрые проходы». Весной там пройти здесь было непросто и даже опасно. Почва под тяжестью ребенка прогибалась, но нога не проваливалась, ее удерживал густой травяной покров. Если шестом проткнуть этот покров, то шест уходил в глубину на всю длину, и дна не было. Много людей и животных нашло свою могилу в этих местах. А в 1938 году сюда ранней весной свезли репрессированных людей, расстреляли и утопили в болоте. Тех, кто не утонул, весной обнаружили местные жители. По городу тогда поползли зловещие слухи. Теперь на «мокрых проходах» можно ходить, не замочив ноги. Никто не поверит, что на моем веку здесь была глубокая трясина.

В то время окрест, в глухих лесах, водилось много волков. Но нам ни разу не привелось встретиться с ними в лесу. Зато нередко видели, как в кустах нет-нет и прошмыгнет лисица. В лесу птиц разных было видимо-невидимо. Весной шагу ступить было нельзя, чтобы из-под ног, с гнезда, не сорвалась какая-нибудь птаха. Лес оглашался голосами разных птиц, знакомых и незнакомых. Там иволга кричит, там — удод выговаривает свое «вут-вут-вут». Кукушка наводит грусть своим заунывным «ку-ку». Зато самая радостная птичка юрок всегда веселит короткими, громкими раскатистыми трелями. Но если чуть нахмарит, то юрок переходит на грустное цирканье. Тут уж смотри, как бы не прихватил дождик.

Вдоль опушки леса, в кустарнике весной поселялись соловьи. Десятки соловьиных голосов на все коленица выговаривают песню до глубокой ночи. Очень образно подражал соловьиному пению знакомый охотник Гриша Давидович: «Цыган! Цыган!... Сало, сало, сало пек!... Пек, пек, пек, пек, пек! ... На хлебушек... кап!». Соловья постепенно теснили люди, но он еще долго оставался хозяином Филатова хутора. Много было в лесу поползней, трясогузок, пищух, сорок, больших пестрых дятлов. А вот черные дятлы встречались редко.

Чем старше становились мы, тем смелее и решительнее углублялись в лес. Лес манил своей таинственностью, нехоженными тропами, неожиданными встречами с его коренными, законными обитателями. Однажды с Петром Улезко мы пробирались по лесу вдоль Лопатенской дороги. Этот лес тогда назывался Клинцовским, так как до 1917 года он принадлежал клинцовскому обществу. Видим, в огромном полувыворчеванном пне — нора, а перед ней — птичий помет. Значит, в норе гнездо. Петро засунул руку в нору и достает жабу. Снова запустил руку, уже по самое плечо, и

вытаскивает птичку серого цвета, длиннее воробья. Погладили ее и пустили обратно в нору.

Зверя можно не только глазами увидеть, но и учуять по запаху. Расскажу такой случай. Однажды мы с Поликаном пробирались по кустарнику, и вдруг мне почуялся запах зверинца. Я говорю: «Поликан, а ведь здесь где-то поблизости волк или лиса!». И точно: только я это сказал, как из-за куста выбежала лиса и, понимая, что мы не представляем для нее опасности, не спеша и не обращая на нас внимания, потрусила в известном ей направлении. В глухом лесу, ближе к Капитонову лесу, были лисьи норы с отнорками. В дубравах под Тулуковщиной можно было спугнуть диного кабана.

Любил я подолгу наблюдать, как в небе высоко-высоко парили коршуны, не делая ни одного взмаха широко распростертыми крыльями. Какое красивое зрелище!

Каждую весну из южных стран возвращались черногузы – аисты. Они кругами величественно парили над городской окраиной, высисывая место для гнездовья. А потом начинали где-нибудь на высоком сухом дереве вить гигантское гнездо. Пробираясь к опушке леса, мы надолго задерживались на лугу, где в низких влажных местах аисты прохаживались важной поступью. Издали можно было наблюдать, как птица замрет на мгновение, метнет в траву своим длинным клювом, а потом неспешно запрокинет голову и заглохнет очередную лягушку. Мы подбирались к птицам между высокими кочками по-пластунски, чтобы лучше разглядеть их оперение, повадки, полюбоваться красотой. Но чуткие птицы при нашем приближении поднимались на крыло и отлетали подальше. Аист – птица неприкосновенная. Народное поверье гласит, что тот, кто убьет черногуза, неминуемо встретит смерть свою до времени. Теперь аисты исчезли, природа без них осиротела.

Красноборская улица заканчивалась домом, в котором жили Зеликовы (теперь – Рыдвановы). А дальше улица переходила в Лопатенский шлях. На чердаке у Зеликовых завелась сова. И еще удивительно: в саду у дяди Емельяна, в бульбовнике гнездились дикие утки и выводили утят. К сожалению, в одно лето их переловили Капралы – квартиранты, обитавшие тогда у Зеликова. У каждого соседа в огороде хозяйничали ежи, выводили потомство. Мы, дети, играли с ежатами, селили их в доме, кормили молоком. Сейчас просто удивляешься: насколько природа близко подходила к людям.

Климат в те годы, благодаря обилию могучих лесов, болот и лугов, был очень мягкий и влажный. Летом часто шли дожди «с припарками». В окрестностях было много ключей и ручьев. Если загуляешься в лесу, всегда можно было утолить жажду чистой родниковой водой. Сейчас от этих родников не осталось и следа.

4. У каждого гудка свой голос

Одной из любимых игр была игра «в разведку». С нескольких улиц сходилась целая компания ребят, которая делилась на две половины. Одна — где-то пряталась, а другая — ее разыскивала. Район действий был строго определен. Однажды я так удачно спрятался (возле военкомата), что всех уже нашли, а меня — нет. Я терпеливо сижу, притаюсь. Уже смолкли голоса товарищей, стемнело, и я в полном одиночестве почувствовал себя жутковато. Вдруг из города донесся фабричный гудок, и одновременно поблизости от меня послышалось завывание собаки, затем этот леденящий душу вой стал приближаться ко мне. Стало страшно. Я не выдержал, сорвался с места — и бегом домой, только пятки засверкали.

Должен отметить, что собаки в моем детстве сильно отличались от нынешних собак. И вот чем: они умели мастерски выть, особенно по ночам. Собачий вой наводил ужас не только на детей, но и на взрослых. Возможно, развитию этой собачьей «способности» содействовала обстановка. Дело в том, что в суровые 1920-е годы очень часто случались пожары, чуть ли не каждый вечер. Во время пожара обычно все фабричные гудки начинали гудеть во всю силу, при этом каждая фабрика гудела по-особому. Все городские собаки присоединялись к гудкам громким, изматывающим душу воем, принимая посильное участие в происходящем. У теперешних собак выть почему-то не принято: измельчали нравы.

Заводские гудки, конечно, были предназначены не для сообщения о пожарах. Они звали людей на работу и объявляли об окончании смены. У каждой фабрики был гудок со своим тоном, оттенком, силой и прерывистостью звучания. Жители четко различали, чей гудок звучит. Например, одна фабрика давала два коротких, один длинный гудок, другая фабрика давала короткие прерывистые сигналы: «у-у-у». Фабричные гудки в те времена играли немалую роль в жизни горожан. Это был главный указатель точного времени. Да, пожалуй, и единственный, не считая петухов. По гудкам вставали утром и шли на работу, по гудкам сверяли часы. По сигналу гудка начинали выть собаки.

На всю жизнь запомнился мне один зимний день. Несмотря на лютый мороз, я со сверстниками играл на улице. И вдруг разом тревожно загудели гудки всех клинцовских фабрик. Фабричные гудки гудели необычно громко. Душераздирающее гудение продолжалось немислимо долго, уже и собаки охрипли и перестали выть. И вдруг гудение оборвалось. Наступила гнетущая тишина. Так коммунисты прощались со своим вождем В.И. Лениным. Стоял холодный январь 1924 года.

5. Весна начиналась с хоровода

Радостно встречали люди наступление весны. Самым любимым праздником была Пасха. Начинали зеленеть березки, появлялись майские жуки, их мы называли «хрущи». Вечерами можно было наловить полные пригоршни жуков. Теплынь, тишина, воздух кристально чистый, пропитан запахом пробуждающейся земли и распускающейся зелени.

В такое время мужчины и женщины водили посередине улицы хороводы («караводы», на тогдашнем говоре). Люди брались за руки и с песней ходили по кругу. Главной хороводной песней была:

*Как по морю, как по морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому,
Плыло стадо, плыло стадо лебединое,
А другое, а другое соколиное,
А третье, а третье –
Лебедушка белая...*

Песня отличалась неторопливой, спокойной плавностью, чистым звучанием, особой душевной народной мелодичностью и никого не оставляла равнодушным. Песня далеко-далеко при вечерней тишине разносилась по окрестностям. Я до сих пор люблю ее петь при случае. Песня навевает воспоминания о далеком беззаботном и счастливом детстве. Помню, мой отец, большой любитель пения, никогда не упускал случая присоединиться к хороводу.

А вот другая хороводная песня, тоже очень напевная и звучная, которую часто можно было слышать теплыми весенними и летними вечерами:

*«Я на реличках¹ колыхалася,
Ой, люли, люли, колыхалася.
Тремя мылами умывалася,
Ой, люли, люли, умывалася.
Тремя мылами духовитыми,
Ой, люли, люли, духовитыми.
С тремя парнями румянистыми,
Ой, люли, люли, румянистыми...»*

У молодежи было свое развлечение: становились в две шеренги, одна против другой на некотором расстоянии. Руки клали друг другу на плечи – получалась сплошная цепь. Первая шеренга на-

¹Рели – качели (местн.)

певаёт песню и в такт ей подходит к неподвижной второй шеренге, и так же, с песней, задним ходом возвращается на старое место, и в это время поёт:

*«А мы просо сеяли, сеяли,
Ай да лада сеяли, сеяли».*

Тогда вторая шеренга таким же порядком подходит к первой и затем отходит обратно с песней:

*«А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ай да лада вытопчем, вытопчем».*

Таковыми же двумя шеренгами певали и вот эту песню:

*«А бояре, а бояре, а мы к вам пришли,
Молодые, молодые, а мы к вам пришли».*

Другая шеренга отвечала:

*«А бояре, а бояре, а зачем вы к нам пришли?
Молодые, молодые, а зачем вы к нам пришли?».*

Эти песни дошли до нас из далекой седой старины и имели какое-то символическое значение у наших предков земледельцев-хлеборобов. На нас, детей, слова песни оказывали завораживающее действие. В эти игры принимали иногда и нас, малышей. И мы вышагивали сбоку шеренги, стараясь попасть в такт.

Как песенники и весельчаки особенно выделялись дядька Никифор Игнатьевич Трофимов (уличное прозвище «Мамонт») и тетка Наталья Скрипкина («Скрипчиха»). Дядька Никифор, куда бы ни шел – всегда с песней. А песни у него были какие-то особенные, разухабистые. Жаль, что тогда не существовало магнитофонов и все песни исчезли навсегда вместе с исполнителями.

По воскресеньям и праздникам на нашей улице царил оживление. Выпьют, может, на грош, а шуму – на червонец.

Весна неразрывна с празднованием Пасхи. Во всех домах хозяйки пекли куличи и красили яйца. С вечера к церквам со всех сторон города начинали стекаться жители. Мужчины, с большими окладистыми бородами, шли в длинных сюртуках, в фуражках с блестящими козырьками. У женщин наряды были очень красочные, особенно, большие узорчатые атласные платки, заколотые под подбородком булавкой. Длинные юбки шуршали. Люди шли в церковь очень чинно, степенно.

До 1932 года я в составе церковного хора участвовал в церков-

ной Пасхальной службе и до сих пор не могу забыть чувство радости, праздничного настроения, поселявшегося в душе в дни Пасхи.

С утра Светлого Воскресенья воздух был наполнен колокольным трезвонном. Трезвонить могли специалисты, среди них встречались настоящие самородки, способные извлекать из нескольких колоколов музыкальную фразу. Однажды отец взял меня на колокольню Петропавловской церкви. Звонарь обеими руками держал веревки, идущие от бойков малых колоколов, и умело извлекал звуки. Пока звонарь трезвонил в малые колокола, я слушал. Но когда «вдарил» большой колокол, нависавший над нами, как шатер, я вздрогнул и задохнулся от неожиданности и громадности звука. Больше часа потом ходил оглохший.

Всю Пасхальную неделю желающим разрешалось подниматься на колокольню и звонить в колокола. В последующие годы я еще не раз бывал на колокольне Петропавловской церкви и хорошо помню восторг, охватывавший меня, когда я видел город с большой высоты. Но еще больший восторг довелось испытать, взобравшись на высоченную колокольню Вознесенской церкви. Смотровая площадка была на высоте около 40 метров. Отсюда, с высоты птичьего полета, при взгляде на город возникало ощущение беспредельного восторга и страха.

С утра Пасхальной недели каждый обращался к родным и ко всем встречным со словами: «Христос воскрес!». В ответ обязательно нужно было сказать: «Воистину воскрес!». После этого три раза целовались. Теперь, когда религия под запретом, этот обычай забывается.

На всех улицах в течение недели царил праздничное оживление. Обычно уже пригревало весеннее солнышко, днем теплый воздух радовал чудным запахом пробуждающейся земли. Молодежь гуляет, играет в разные игры. Обязательной игрой пасхальной недели было катание крашеных яиц. Один игрок кладет яйцо на гладкую поверхность земли – другой катит крашеное яйцо, и, если яйца стукнутся, значит, кативший яйцо выиграл и забирает оба яйца. Если яйцо прокатится мимо – проиграл, отдаешь проигранное яйцо партнеру.

Дети играли в игру «чье яйцо крепче». Один игрок зажимает в кулаке яйцо «носиком» кверху, а другой ударяет «носиком» своего яйца. Чье яйцо разбилось, тот проиграл и отдает яйцо.

Яйца на Пасху красили в разные цвета: коричневые, красные, желтые, синие, зеленые. Некоторые умельцы наносили на скорлупу рисунки. Но это искусство расписывать яйца, делать «писанки», в Клинцах не имело большого распространения.

6. Троица

На 50-й день после Пасхи отмечался церковный праздник Троица, а назавтра – Духов день. Хаты изнутри убирали разной зеленью: ветками березы, любистрой и, обязательно, явором. Воздух в хате становился душистым, как на лугу.

Уже будучи зрелым человеком, я подумал: «А почему бы не продлить себе это замечательное ощущение?». И, начиная с весны и до конца лета, постоянно вешал у себя в доме ольховые и березовые ветки, пучки полевых цветов. Однажды маленькая внучка Людочка, войдя в дом, воскликнула: «Ой, бабушка, дедушка, какой у вас воздух хороший!».

В день Троицы, а он всегда приходился на воскресенье, большинство жителей города компаниями по несколько человек шли на целый день в лес. Несли с собой самовары, разное питье и еду. И там, в лесу, пировали от всей души. Всюду слышались разговоры, песни. Я тоже был неоднократно участником этих походов в лес с родственниками. Помню, старшие строго следили, чтобы мы, дети, не ломали деревьев и не разжигали костры. После маевки, так назывался тогда воскресный отдых в лесу, весь мусор собирали и несли домой. Считалось позорным оставить после себя в лесу разор и грязь.

7. Крестные ходы

В 1920-е годы еще не были запрещены крестные ходы. 12 июля (по новому стилю) – храмовый праздник Петра и Павла. В этот день после обедни устраивался крестный ход по городу. Происходило это следующим образом: из Петропавловской церкви выносили наружу часть образов (икон), хоругви. Впереди шествовали священники, дьякон, за ними хор клирошан с песнопениями и далее – весь народ. Каждую икону (образ) несли по два человека. С образа свисала, чуть не до земли, риза в виде вышитой пелены. Крестный ход по выходе из ворот церкви сворачивал налево и шел по Большой улице до улицы Клинцовой. Далее – по Клинцовой улице до Евлановки. Затем – налево по Евлановке, снова – налево по Лысовке, а потом – направо по Петропавловской улице до церкви. Через тыльные ворота процессия входила во двор, огибала храм вдоль северной стены и входила в храм. Движение крестного хода, таким образом, осуществлялось против солнца. Старообрядцы тоже ходили крестным ходом, но по солнцу – «посолонь».

По многолюдности, несению икон и хоругвей крестный ход напоминал демонстрацию. Скорей наоборот, демонстрации проводились в подражание крестному ходу, но с другими иконами и хоругвями и чем дальше, тем все похожее.

*Крестный ход прихожан старообрядческой
Преображенской церкви в 1910 г.*

мам. Святой водой освящали дом, весной – скотину, посеvy. Воду пили для здоровья. И после всего этого смельчаки купались в проруби с освященной водой.

Ежегодно весной крестный ход проводился в деревне Забегаевка. Теперь это уже не деревня, а часть города севернее районной больницы до ул. Декабристов. Цель весеннего крестного хода – освятить жито. Рожь в это время была высотой в 10-12 см и ярким зеленым ковром покрывала все поле до самого леса. Отец всегда брал меня с собой в составе церковного хора, поэтому все вышеописанное живо в моей памяти по сей час и очень ярко.

8. Музыка в моем детстве

Хочется еще вспомнить добрым словом гармонику. Немало было в то время гармонистов-самоучек, а среди них – настоящих самоходков. В исполнении таких музыкантов – будь то вальс, другой танец или песня – мастерство, порой, граничило с виртуозностью. Гармоника в их руках так сочно играла, с такими красочными переборами, аккордами, что слушал и слушал бы без конца. Два человека могут сыграть одну и ту же мелодию, но один тронет душу – и заслушаешься, а другой оставит равнодушным.

Вспоминаю, как однажды в детстве взволновала меня игра не-

знакового музыканта. Шел я вечером по Большой улице, прохожу горсад, слышу – заиграл на той стороне гармонист и запел «Раскинулось море широко». Пел он красиво, с чувством. Звуки гармоники лились плавно и грустно, сопровождая рассказ о гибели кочегара. Я застыл на месте и так стоял, стоял, слушал, пока не закончилась песня...

Самая ранняя моя мечта – приобрести балалайку. И вот удалось, наконец, купить на заработанные деньги звучную шестиструнную балалайку. Постепенно я научился играть на гитарном, балалаечном и минорном строе. Неподалеку жил парень, родом из Поповой Горы (теперь Красная Гора), звали его Сергей. Он хорошо играл на скрипке. Иногда на улице, возле дома Поликана, Сергей собирал нас, нескольких «музыкантов», покажет, что кому и как играть, сам на скрипке вел мелодию, а мы подыгрывали, и получался маленький оркестр.

Сергей научил нас играть нежный мелодичный вальс:

*«В милые, кроткие очи твои
Дай наглядеться мне вволю,
В них я забуду страданья свои,
Несчастную, горькую долю!».*

И мы выступали с концертом на своей улице. На концерт собирались не только дети, но и взрослые, слушали, одобрительно кивая головой.

Позже я приобрел гитару и научился играть любую мелодию. Гитара сопровождала наши частые домашние посиделки с песнями.

В те 1920-е годы популярны и часто исполняемы были следующие песни: «Хас-Булат удалой», «Последний нынешний денечек», «Ванька-ключник», хороводная «Как по морю», «Потеряла я колечко», «Коробушка», «Посылала меня мать», «По Дону гуляет», «Помнишь ли, милая, ветви тенистые», «Ой, да ты, Калинушка», «Златые горы», «Среди долины ровныя», «Хуторок», «Во поле береза стояла», «Ой у полі озерце», «Ой у лузі», «Ой не ходи, Грицю!» «Йихав козак за Дунай», «Взяв бы я бандуру», «В кінці греблі», «Кукушечка», «Умер бедняга в больнице военной» с припевом: «Полно, не вешай голову», а в 1930-е годы – «Шумел камыш» и так далее.

9. Площадь Свободы

Недалеко от нашей улицы была зеленая площадь Свободы. Такое название площадь получила после 1917 года. А до 1917 года это место называлось Николаевское поле или Николаевская площадь. Устоявшегося названия не было. Николаевская площадь была

Посад Клинцы. Богадельня, 1910 г.

частью громадного Николаевского поля, начинавшегося у крайних хат и простиравшегося до самого леса у речки Чемерна. По мере того, как город строился, появлялись кварталы домов, улицы, переулки, Николаевское поле сокращалось, вытеснялось к лесу и совсем исчезло, оставив о себе одни воспоминания старожилов. Площадь получила свои границы еще в самом начале века, когда с северо-запада площади было построено здание Военского начальника. В 1920-е годы в здании бывшего Военского начальника помещался военный комиссариат, а от него начиналась улица Гоголя. С противоположной, южной, стороны площади было озеро, образовавшееся на месте старого глинища, откуда многие годы клинчане брали глину для производства кирпича и для кладки печей. Отец рассказывал, что однажды в глиняном карьере открылся родник и за несколько дней котлован заполнился водой. Рукотворное озеро отгородили дамбой, обсадили со всех сторон деревьями, берега облагородили, в озере завелась рыба, и этот уголок посада стал по своему красивым. Если добавить, что в годы моего детства вокруг озера росло много кустарника, стояли кряжистые дубы, то можно мысленно дорисовать, как выглядели эти места. Рядом с озером Городской Управой было построено красное кирпичное здание семилетней школы имени В.Г. Короленко. Теперь в здании школы военкомат.

К западу от озера, в те же дореволюционные годы было построено здание богадельни. В богадельне поселили стариков, не имев-

ших близких родственников, чтобы свои последние годы старики провели в тепле и уютной обстановке. Богадельня находилась на хозрасчете. Старики занимались посильным трудом. Женщины остригали куриные перья и пухом набивали подушки, шили одежду для жителей богадельни, занимались рукоделием, вязали, шили детское белье, брали заказы на изготовление постельного белья с вышивкой. Мужчины столярничали, делали доски для икон, вытачивали изящные ножки для этажерок, сколачивали табуретки, скамеечки, шили домашнюю и уличную обувь. В богадельне были швейные машины, токарный станок по дереву, ручной ткацкий станок, столярные инструменты. Рабочий день был три часа – до обеда. В богадельне был свой огород, коровы. Старики практически сами себя кормили, одевали и обували. Большую помощь оказывал попечитель богадельни фабрикант Дмитрий Константинович Сапожков. Им же было построено правое крыло здания. Сапожков поставлял инструменты, материалы для работы, оплачивал вызов врачей и лечение больных.

Богадельня находилась в посаде, и в этом был особый смысл. К старикам приходили гости, их навещали бывшие соседи, друзья, приносили к празднику гостинцы. Поэтому условия быта, питание стариков и уход были у всех на виду, жизнь стариков в богадельне протекала, можно сказать, в условиях гласности, что ставило попечителей в особые условия высокой ответственности. Я беседовал с людьми, которые бывали в богадельне. Отзывы были самые восторженные. Старики были ухожены, сыты, хорошо одеты. В богадельне была маленькая часовня, общая столовая, комнаты для проживания по два-четыре человека. В спальнях свежее постельное белье, во всех помещениях – чистота и уют. Левая половина здания принадлежала мужчинам, а правая – женщинам. Мой двоюродный брат Николай Митрофанович Храмченко, будучи школьником, навещал с отцом знакомого старика, жившего в богадельне. Николай рассказывал, что старики жили в комнатах по два человека. В комнате стоял стол, две кровати, два стула, полочка с книгами, шкаф для платья.

В 1915 году Городская Дума приняла решение уступить помещение богадельни под госпиталь общества Красного Креста, а стариков временно расселить в семьи благотворителей. Рассказывали, что старики со слезами покидали стены богадельни. Это было расставание навсегда.

После гражданской войны, когда власть большевиков стала создавать учреждения социальной защиты, для стариков места в городе не нашлось. В здании богадельни развернули другое важное по тем временам учреждение «социальной защиты». Это были годы раскулачивания и арестов священников, многих из которых сослали в лагеря. Здесь поселили священников из церквей Клинцовско-

Посад Клинцы. Площадь Свободы, май, 1917 г.

го и соседних районов, благо, что подвалы под зданием богадельни были глубокие и вместительные. Я своими глазами видел, как священников клинцовских храмов, то одного, то другого, водили под конвоем к колонке за водой. Каждое утро возле тюрьмы на площади Свободы собирались женщины, поджидая, когда заключенного поведут за водой. К арестованному священнику обращались за благословением и совали ему что-нибудь съестное. Конвоиры на это смотрели спокойно и не препятствовали общению арестованного с народом.

После того, как в отношении священников была применена «строгая мера социальной защиты», то есть их сослали в лагеря, подвалы богадельни опустели, а здание приспособили под швейную фабрику. Фабрике было присвоено название «Дер-Эмес». Это красивое слово в переводе с еврейского языка означает «Правда».

Среднюю школу № 5 построили в 1930-х годах, после чего размеры площади Свободы сократились.

Название площади родилось в 1917 году после февральской революции. В первый майский день, рассказывал отец, на площади была проведена большая демонстрация. Собрались сотни людей с флагами, транспарантами. Тогда в Клинцах разные партии впервые вышли на улицу со своими лозунгами, тогда же клинчане впервые увидели лозунги с призывами «За самостійну Україну».

На площади состоялся митинг. Говорили о новом устройстве

России, об Учредительном собрании, о войне. Отец вспоминал, что впереди колонны демонстрантов шла боевая дружина. Лошади ка- тили две пушки. Завершал колонну пожарный обоз. Пожарники, одетые в брезентовые костюмы, несли багры, лопаты, ведра. Все эти инструменты были выкрашены красной краской. Лошади вез- ли на телегах бочки для воды, помпы и шланги. Над колонной пожарников был натянут плакат: «Мы на горе всем буржуям ми- ровой пожар раздуем!». Люди читали плакат и смеялись.

На площади Свободы, там, где теперь двор средней школы, еже- годно проводились кавалерийские учения конной милиции. Уче- ния сопровождалась музыкой военного оркестра. Музыка зазыва- ла зевак из всех ближних и дальних кварталов. Бросив все свои детские дела и забавы, мы устремлялись на призывные звуки ор- кестра. А там, на площади, разыгрывалось настоящее представле- ние. Кавалеристы с саблями наголо неслись по площади и на лету ловко срубали специально расставленные на пути тоненькие берез- ки, перескакивали через плетни, канавы. После занятий кавалери- сты строились поэскадронно и проходили маршем под музыку, са- лютуя начальнику.

Близость военкомата была заметна и тем, что по Красноборской улице часто маршировали роты красноармейцев. Запевала звон- ким голосом начинал песню, которую подхватывали сотни голо- сов. Чаще звучала разудалая строевая песня «Ой, при лужку, при лужке», с пронзительным присвистом в четыре пальца или «Чер- ный ворон». Наше ребячье дело было бежать вслед или вышаги- вать сбоку колонны «в ногу». Мы с любопытством следили за мар- шировкой и разными строевыми упражнениями. В 1920 году, во время наступления Польских войск, в Клинцы были эвакуирова- ны из Гомеля губернские учреждения. Тогда Клинцы относились к Гомельской губернии. Город жил в ожидании военных действий. По хатам распределили на постой по несколько человек новобран- цев из ближних и дальних сел. За постой солдат, как и при царе, денег не платили. Новобранцев продолжали подселать в течение нескольких лет, пока для них не была построена казарма.

В те годы молодежь увлекалась вольной борьбой, часто устраи- вались состязания. Каждый парень хотел походить на Ивана Под- дубного. Среди нескольких новобранцев, которые жили в нашей хате, был могучий богатырь, звали его Алексей, кажется, из де- ревни Увелье. Как сейчас вижу его коренастую фигуру: среднего роста, широкоплечий, грудь крутая, лицо круглое, румяное, нрав веселый. Алексей неизменно побеждал всех борцов-любителей. Реакция у него была молниеносная, несмотря на массивность фи- гуры. Однажды, сидя на лежанке, за разговором и смехом Алексей упустил пустую тарелку после еды и тут же на лету ее поймал. Тарелка успела чуть-чуть удариться о дверку топки. С тех пор на тарелке осталась памятка в виде небольшой щербинки.

10. Ярмарка

Четыре раза в году на площади Свободы проводились ярмарки. Они были настолько многолюдны, что огромная площадь не вмещала всех желающих купить, продать или просто посмотреть и повеселиться. Крестьяне с подводами и конями размещались на соседних улицах, в том числе и на Михайловской.

На ярмарку наезжало видимо-невидимо народа из ближних и дальних деревень и даже очень издалека. Это были годы НЭПа. Крестьяне привозили массу всякого товара, главным образом, изделия из дерева, изготовленные руками умельцев. Тут были сани, телеги, колеса, ушаты, бочки, решета, заплетенные сеткой из тончайших рогожных полосок, сита с сеткой из конского волоса, лыко для лаптей, хомуты, деготь, пучки дубовой коры, глиняные махотки, кувшины, известь в бочках, лепешки мела, куры, утки, гуси, поросята в мешках, бочонки с маслом конопляным, маслом льняным, маслом деревянным.

Крестьяне привозили беленые домотканые полотна, корзины, полные куриных яиц, мешками ячмень, пшеницу, просо, чечевицу, подсолнечное и льняное семя, мед, сало, свежую и соленую рыбу.

Но были и товары, волновавшие наше детское воображение: певчие птички в клетках, деревянные дудочки, «соловьи» из свинца, покрытые лаком, шарики, пряники, в том числе и знаменитые вяземские, рецепт изготовления которых утерян. Соблазнительно душистые баранки, связанные низками на мочало, баранки сахарные маленькие, яркие конфеты длиной в пол-аршина, как толстые прутья, разноцветные мятные или с кислинкой леденцы «ландрин», ярко разрисованные мятные «кони» и «паны» из белого теста – главная радость малышей, толстые медовые пряники, посыпанные душистым цитварным семенем «глистовником», сотовый мед и еще много всякой всячины.

Но ярмарка без цыган – не ярмарка. А цыган наезжало очень много. Я любил наблюдать, как происходит торг лошадьми между цыганами и крестьянами. Скажем так: цыган берет мозолистую руку мужика и изо всей силы с размахом бьет ладонью по его ладони, предлагая свою цену и восклицая при этом: «Ну, по рукам, хозяин?!». Тот, конечно, сразу не соглашается и, подумав, берет руку цыгана и тоже со всего маха бьет его по ладони, предлагая свою цену. Шлепки ладоней и громкие голоса торгующихся разносятся далеко по площади, привлекая зевак. Такая картина может длиться очень долго, пока, наконец, не сойдутся в цене.

Здесь же цыгане показывают качество своих лошадей, показывают покупателям лошадиные зубы, копыта, скачут на лошадях, оглушительно щелкают кнутом. И все это под многоголосый крик,

гомон людей, писк дудочек, «тетеханье» свинцовых «соловьев», верещание надуваемых «чертиков», пение нищих музыкантов.

В ярмарочные дни на Николаевском поле (так еще долго по привычке называли мы площадь Свободы) ставили качели, карусели, выступали силачи и фокусники. Мы, мальчишки, глаз не могли отвести от этих артистов.

На осеннюю ярмарку привозили из Малороссии (тогда не говорили «с Украины») кавуны (арбузы). Из шалевок строили балаганы, куда выгружали кавуны, и здесь же торговали. Каждый покупатель выбирал кавун, который ему приглянется. Потом продавец ловко, в один миг, вырезал в нем треугольный кусочек и на кончике ножа давал попробовать. Убедившись в достаточной сладости мякоти, покупатель уносил кавун домой, чтобы порадовать семью. Стоимость кавунов по тогдашним ценам была приемлемой: небольшой кавун – 10 копеек, средний – 15 копеек, крупный – 20 копеек или, как они говорили, «кипеек».

На ярмарке продавали сундуки и сундучки любых размеров. Большие сундуки были с коваными завесами, внутренними врезными замками, клепками по боковым стенкам. Особый шик придавал сундучкам рисунок на внутренней стороне крышки. Обычно это были цветы.

На каждую ярмарку самодельные деревенские художники привозили рисованные настенные ковры. Их рисовали на «дебелой» бумаге очень яркими красками и покрывали лаком. Сюжет один и тот же: река, остров с яркой зеленью трав и кустов, олень невозможной формы и колоссальной упитанности со смешной закрученной мордой. Тут же, рядом с оленем, на острове росли букетом шикарнейшие розы, величиной в треть оленя, под розами полулежала обнаженная дева, а на горизонте синели горы. Эти ковры своей цветистостью и дешевизной привлекали деревенских девчат и поэтому были ходовым товаром.

На наш двор, сколько мог он вместить, ставили подводы знакомые крестьяне из далекого Смяльча, из Тулуковщины, а иногда и незнакомые, становившиеся впоследствии хорошими знакомыми.

Я очень любил деревенский хлеб, которым меня угощали крестьяне. Он был особенного вкуса, плотный, душистый, пекся на поду, обычно на кленовых листьях или на высевах.

11. Подторжье

Забыл сказать, что день перед ярмаркой назывался «подторжье». Некоторые участники завтрашних торгов собирались заранее и ночевали прямо на площади вокруг костров и на телегах. Это были крестьяне из далеких деревень – «медвежьих углов», а также цыгане.

Мы, босоногие мальчишки, с интересом допоздна шныряли между телегами и лошадьми, иногда помогали цыганам собирать хворост для костров. Некоторым из нас за это цыганки гадали. В общем, ярмарка для нас была крупным, интересным событием – настоящим праздником.

Однажды в зимнюю ярмарку, когда стоял лютый мороз, к нам в хату зашел старик и попросил погреться. Волосы и борода у него были белые, как лунь, но сам он был еще очень бодрый, говорил громко высоким тенором. В разговоре выяснилось, что ему 106 лет. Если предположить, что шел 1923 год, то значит, он был приблизительно 1817 года рождения – всего на 18 лет моложе А.С. Пушкина, то есть, его современник!

Описывая ярмарку, должен отметить симпатичную черту большинства крестьян: бесхитрость и простодушие. И еще вот что: покупает горожанин у крестьянина, например, мешок гречневой муки для блинов и спрашивает: «Сколько здесь будет?». Крестьянин отвечает: «Пуд с походом!». Это значит, что продает как пуд, но на самом деле, если проверить на весах, то будет обязательно больше, но никак не меньше. У крестьян тогда это считалось вопросом чести и совести – продать не с обманным заниженным весом, а «с походом», то есть с излишком веса.

12. Базарные дни

Не могу не сказать, что еженедельно в Клинцах было три базарных дня: среда, пятница и воскресенье. В эти дни на торжище, что было на месте сада им. Щорса, приходили и приезжали крестьяне из ближних деревень. Тогда еще не принято было говорить «базар», а говорили по старинному «торговая площадь», «торговые ряды», «торжище». На торжище несли продавать яйца, молоко, сметану, творог, мед, птицу, мясо, свежую рыбу, зелень, овощи, фрукты. Когда наступал срок ягод, торговая площадь была заполнена дешевой лесной ягодой: земляникой, черникой, брусникой. В эти дни продавцы ягод занимали всю площадь, рассаживаясь рядами. Крестьянки торговали ягоду в белых фартуках. Сидя прямо на земле, они ставили стакан на фартук между выпрямленных ног, а из корзин, кошелей, лукошек насыпали в стаканы чудесные душистые ягоды. Стаканы заполнялись с верхом («коптором»), а не впритрусочку. Просыпавшуюся ягоду с помощью фартука собирали в кучку и сбрасывали в кошель. Стоили ягоды 3-5 копеек стакан. Аромат земляники растекался далеко за пределы торжища.

В продаже всегда, почти до начала лета, были вкусные моченые яблоки, приливные гвоздичные груши, соленые огурцы, квашеная капуста, соленые помидоры с горчичкой.

Как на ярмарках, так и на торжище всегда присутствовали му-

зыканты: гармонисты, балалаечники. Можно было услышать скрипку, лиру. Но однажды забрел в Клинцы музыкант с волынкой. С помощью многочисленных трубочек, торчавших из кожаного воздушного мешка, музыкант извлекал веселые мелодии.

Шум торговой площади состоит из звонких голосов кричащих, поющих, ругающихся, спорящих людей. В разных углах торговой площади гармонисты исполняют вальсы, плясовые, например, «барыню». В стороне нищий поет грустное повествование «Кирпичики», модное в те годы. Музыкантов обступает народ, сердобольные слушатели и зрители бросают в шапку монетку. С разных сторон доносятся возгласы зазывал-продавцов, расхваливающих товар рифмованными фразами. На проходе работает точильщик. Он заточивает ножи, бритвы, ножницы.

В будние, небазарные дни точильщик ходит по улицам и громким певучим голосом на высоких нотах оповещает: «Тачи-и-ить, кому тачи-и-ить бритвы, ножницы, ножи, тачи-и-ить, тачи-и-ить!». Свой точильный станок с набором круглых точильных камней он несет на плече. Из калиток появляются женщины, в руках у них режущие инструменты. Со всех дворов сбегается детвора, поглазеть. Точильщик ногой надавливает на педаль, приводя в движение маховое колесо. От махового колеса ременная передача передает вращение малому колесу, сидящему на оси. На этой же оси напизаны круглые точильные камни разных размеров и разной зернистости. Точильщик прикаснется ножом к вращающемуся камню, а из-под ножа с визгом срывается сноп огненных искр. Зрелище завораживающее. Точильщик в глазах детворы – настоящий волшебник.

В старину были развиты разные кустарные ремесла. Время от времени по улице шел один из таких кустарей с деревянным ящиком для инструментов на одном плече и обручами для бочек на другом. Громким голосом протяжно кричал, почти пел: «Бочки починять, пилы точить, нарезать!». У нас была поперечная пила с поломанными зубьями. Пригласили кустаря починить пилу. Он тут же на дворе расположился со своим инструментом, специальным примитивным штампом обрубил все зубья и с помощью этого же штампа и молотка вырубил новые зубья, наточил их напильником – и получилась новая пила. Я был поражен такому «волшебному» превращению нашей старой пилы в новую. Попутно мастер взял кусок стального листа, насекал зубья помельче – и получилась ножовка. Спустя 50 лет ножовка пилит, как новая, эту ножовку я подарил сыну на память.

Крестьяне приезжали торговать на лошадях. Тут же задавали лошадям овса в мешке. Такой мешок подвешивали к лошадиной морде, или же давали сено. Лошадь, занятая едой, спокойно переносит базарный шум и суету. Те старые базары источали свои осо-

бые запахи. Идешь по базару, а запахи сменяют один другой. Вот потянуло запахом конского пота, вот пахнуло соленой рыбой. Там пахнет огурцами, свежей рыбой, подсолнечником, здесь — яблоками, сечным медом, молоком. Базар — это букет запахов.

В Клинцах мастерски делали пастилу. Я помню, как готовили ее дома. Брели яблоки, паданку, чистили, пекли, протирали через сито. Затем добавляли яичный белок, сахар, затирали в большой деревянной миске деревянной ложкой до густого белого состояния. Для запаха добавляли ваниль, сок рябины или малины. Затем накладывали ложкой пастильное тесто на деревянные доски, смазанные маслом, и запекали в русской печи. Готовую пастилу пересыпали сахарной пудрой и сохраняли всю зиму. Пастила была вкуснее конфет.

В Клинцах были семьи, которые занимались изготовлением пастилы на продажу. Когда еще не была проведена железная дорога, по осени за пастилой в посад Клинцы приезжали на лошадях купцы из Риги, Варшавы, Москвы.

В те давние дни, о которых идет рассказ, в городе и в стране было много нищих. В базарные дни они собирались у входа на торговое место, в праздники, во время обедни, стояли у паперти храма, а в будние дни с сумой через плечо растекались за мирским подаванием по городу. Подойдет нищий к окну, постучит: «Подайте милостыньку, Христа ради!». Выносят, кто лустку хлеба, кто пятак или гривенник. Нищий с поклоном благодарит: «Спаси Христос!», — и идет к следующей хате.

А слепые «кобзари», те обычно медленно идут с поводырем посреди улицы, по дороге, вращая ручку лиры, другой рукой перебирая несколько деревянных клавиш. Под гудение лиры поют какую-то жалобную стихирю, чаще всего религиозного содержания. Подавание нищим обычно поручалось детям. Кобзарь в этот момент останавливается, прерывает пение, благодарит и снова мелкими шагами идет по улице, продолжая пение с того места, на котором его прервали.

Если в окно стучала старушка с приговором: «Пожертвуйте Христа ради на свечу!», с ударением в слове «на свечу» на первый слог, это добровольные старатели собирали подавание для нужд церкви.

13. Летние забавы

Важное место среди летних забав занимала игра в бабки. Бабки — это кости от свиных и телячьих ног, хорошо вываренные. Много игральных костей появлялось у детворы на Пасху, когда хозяйки готовят холодец. Игральные кости носили за пазухой, карманов в ребячьих штанах просто не было. Перед игрой бросали жребий,

кому начинать первому, кому быть вторым. Для этого каждый игрок бросал на землю свою игральную кость. Затем учитывали, в каком положении замрет кость. Первое положение называлось «плотц», когда кость на земле застывала в вертикальном положении. Этот игрок начинал игру. Второе положение – «жох» – кость на боку. Третье положение – «хира» – кость на спине. Бабки выставлялись на земле в ряд, проводилась черта, и от черты играющий должен был с расстояния семи шагов выбить кости, метнув свою бабку. Сбил – твоя. Не сбил – уступаешь место другому игроку.

Другая игра в бабки называлась «Звезда», с ударением на первый слог. Играли вдвоем. Разыгрывали, кому водить, кому быть в поле. Полевой игрок подбрасывает свой кост, а водящий ударяет летящий кост своим костом так, чтобы отбросить его подальше, и кладет свой кост на землю. Полевой игрок подбирает свой кост и «набрасывает» его так, чтобы попасть в кост водящего. Это практически невозможно. Но кости ложатся друг от друга на некотором расстоянии. Расстояние измеряют пядью – растопыренными первым и пятым пальцами кисти. Если пядь есть, полевой игрок выиграл, забирает кость водящего игрока, и игроки меняются ролями. Эта игра в точности повторяла правила игры в цурки-палки, но в той игре вместо костей пользовались заостренной с обеих сторон, как при затачивании карандаша, палочкой, а для удара по цурке брали палку длиной с аршин.

Для красоты некоторые бабки иногда раскрашивали какой-либо краской, а в основании кости, предназначенной для метания, высверливали углубление или сквозное отверстие и заливали в него свинец.

Играли в лапту, которая называлась «Илки», играли в прятки, в догонки, в мяч – это называлось играть в «мечики».

В годы моего детства напротив богадельни и вокруг росло много кустарника. Площадь Свободы была тогда за чертой посада. Здесь в кустах водилось много чижей. Ловить чижей для продажи было занятием увлекательным, интересней любой игры.

В ветреную погоду любимым занятием было пускать бумажного змея. Лучшим змею считался тот, который был с гудком. Обычные змеи были небольшие, примерно 20 x 30 см, но иногда взрослые сооружали метрового змея, которого запускали очень высоко, так, что казался он совсем маленьким. Тяга у него была настолько сильная, что удержать катушку со шпагатом мог только взрослый. Бывало, сильная тяга рвала нитку, и змей, освободившись, улетал куда-нибудь на дальнюю улицу, повергая в слезы хозяина змея. Ведь для изготовления хорошего змея нужно было много материала и усердной работы.

Однажды Григорий Галузо запустил вечером огромного змея с

гудком и фонарем. Мы долго с интересом наблюдали, как в темном небе гуляла плавающая звездочка.

Пока не было электролиний пускать змея было вольготно, он мог зацепиться только за дерево. А когда появились электрические провода, это создало большие неудобства. Стоило змею запутаться в них – считай, пропал.

Не все мальчишки могли сделать змея сами, зато каждый мог смастерить более простой и доступный летательный аппарат – «монах». Он делался за несколько минут из тетрадного листа, затем к нему привязывался тряпичный хвост и «пуга», к которой прикреплялась нить с катушкой. «Монах» летал ниже, чем змей, зато выигрывал своей общедоступностью.

Во дворе у Макеевых (это наискосок против нашего дома) девочки иногда устраивали представления – это что-то вроде детского театра. Малышам и взрослым давали пригласительные билеты, и мы с огромным интересом смотрели самодеятельные «спектакли».

14. Осень и зима

Осени в детстве запомнились обилием грибов, за которыми не надо было далеко ходить. Я сам нарезал полный кошель опять за считанные минуты. Эти опенки в изобилии росли в Клинцовском лесу. Так тогда назывался лес от «ямок» и до лесничества. Дальше уже считалось – «далеко».

Зимы тогда были знамениты большими снегами. Достаточно сказать, что, отправляясь на лыжную прогулку, я прямо из сада дяди Емельяна переезжал на лыжах через занесенный снегом забор и таким коротким путем сразу оказывался в поле и затем устремлялся в лес.

Помню, по утрам, после хорошего снегопада мой отец расчищал лопатой дорожки. Снег был такой глубокий, что эти дорожки были похожи на траншеи выше роста человека. Часто трещали морозы, правильной будет сказать, что трещали стволы деревьев, разрываемые морозом. В такие времена утром и вечером я любил наблюдать яркие зори. Столбы дыма из печных труб в лучах восходящего солнца были розовыми, как на картинах Кустодиева. Красивое зрелище!

Почему-то после я уже не замечал таких ярких, чистых зорь, будто нарисованных на горизонте великим художником. Наверно виной тому – засоренность нынешней атмосферы.

В те времена покупных лыж ни у кого на нашем краю посадка не было. Первые самодельные лыжи появились у меня. Их сделал мне отец из клепок большой бочки. Лыжи были без «закорючек» спереди и поэтому нередко врезались прямыми носами в выступа-

ющие бугорки снега. Но я и таким лыжам был рад безмерно. Вскоре начали появляться самодельные лыжи и у моих сверстников. Лыжи наши были короткие и широкие, удобные для ходьбы по лесам, нас это вполне устраивало.

В зимнем лесу было видимо-невидимо звериных следов. Весь снег был вытоптан заячьими следами. Поверх заячьих ложились лисьи следы. Нам интересно было по одному чьему-либо следу ехать и ехать, распутывать сплетения следов, находить заячьи лежки, где звери ночевали или просто отдыхали.

Лосей тогда в наших лесах не было, они пришли уже в 1950-е годы. Но в давние времена лоси, конечно, водились. Вот доказательство. Однажды я нашел лосиные рога, выпавшие из земли на «порубах» (ударение на последний слог) между Клинцами и селом Тулуковщина. Эти «поруба» были распаханы под просо. Лосиные рога были очень ветхие, может быть, они пролежали не одно столетие. Я очень сожалел потом, что не взял их домой.

Всем ребятам хотелось иметь коньки. На улице мы катались на одном коньке, кататься на двух считалось уже роскошью. Коньки были чаще всего самодельные – деревянная колодочка, по подошве которой – железный прут-полозок. Такой конек прикреплялся к ноге целой системой веревок, которые закруткой натягивались потуже, чтобы конек не болтался на валенке. Скользишь на одном коньке, а свободной ногой отталкиваешься. Кто проедет без толчка дальше всех, тот лучший конькобежец. Позже стали появляться «снегурки» с закрученным кверху «носом». Когда в 11 лет я заработал первые деньги, то купил в магазине новенькие никелированные коньки «нурмис». Это были коньки с острыми носами и стоили 6 рублей (мой двухнедельный заработок). Коньки привинчивались специальным ключом к подошве ботинок. Когда накатаешься, тут же можно было отвинтить коньки и идти в ботинках. Это было очень удобно.

Катались еще на санках и на ледяшках. Ледяшки вырубали на озере. Диаметр их был не более 40 см, сверху делалось небольшое углубление – сиденье. Сюда подкладывали горсть сена, чтобы не было холодно сидеть. У края ледяшки раскаленным железным прутом прожигали отверстие для веревки – и ледяшка была готова. Катали на ней друг друга за веревку, а с горок катались в одиночку.

Иногда взрослые вырубали себе огромную ледяшку-льдину, на которую помещалось несколько человек, и по воскресеньям компаниями катались с гор, сбегавших от улицы Новая Слободка (Богунского полка). Любимыми и посещаемыми были Бардинская горка – там, где улица Красная (Гагарина) упирается в улицу Новая Слободка (Богунского полка), а также горки на крутых склонах озера возле богадельни. Когда ледяная махина несется с горы, слышен

мощный гул. Иногда седоки, не удержавшись, слетали в снег под общий хохот. Особенно хороши были такие катания на масляной неделе.

15. Щедрая масленица

Масляная неделя проходила так. В русской печи каждый день пекли блины (обязательно гречневые). Вкус у них был чудесный. Первый горячий блин клали на тарелку и жирно намазывали душистым зеленым конопляным маслом. Сверху посыпали толстым слоем домашнего сыра, затем клали следующий блин – и так до тех пор, пока не получался круглый столб из блинов. Затем «столб» разрезали на четыре части и приступали к еде. Каждый отслаивал себе четвертушку блина, перегибая ее пополам. Когда тарелка пуста, принимались за другие кушанья. Приправа для блинов менялась каждый день. Икру от соленой рыбы растирали на тарелке вместе с конопляным маслом и макали в нее горячие блины. Другой день ели блины с жареным свиным салом, то с растопленным коровьим маслом, то с растертым в молоке творогом и, наконец, на закуску – со сметаной. Масляная неделя вспоминалась с удовольствием целый год. Блины из гречневой муки пекли довольно часто по воскресеньям. Такие блины мы любили из-за необычно приятного вкуса.

Из вин в те времена популярны были «Малороссийская запеканка», крепкая, ароматная, пахнущая черносливом, и «Спотыкач». Они были на столе только по праздникам и пили крепкие напитки малыми рюмочками – не для того, чтобы напиться, а «ради праздника», для веселости. «Выдающихся» пьяниц на весь город тогда были считанные единицы.

Что еще мне вспоминается о зиме? Я уже говорил, что пыли и гари тогда не было совершенно и воздух стоял настолько чистый, что снег оставался всю зиму чисто-белым. Только зимние дороги покрывались слоем сена и конского навоза. Такую «навозную» дорогу оживляли серенькие птички с хохолками на голове – овсянки и воробьи. Здесь они находили корм – переваренный овес.

Из дальних сел и деревень крестьяне приезжали в город на конях, запряженных в сани, по несколько подвод, а иногда и по несколько десятков подвод. Это называлось «ехать гужом». Ехали обычно по разным делам: одни везли дрова на продажу, другие – душистое сено, третьи – какую-нибудь живность на базар.

Надо сказать, что печи тогда топили в основном дровами (большой частью березовыми), которые приходилось покупать, а то и самим возить из леса. Торфом почти не пользовались, да и слова этого не знали. Очень редко на базар из дальних деревень мужики пригоняли возы с нарезанным торфом, который они называли

«купа». Для того, чтобы топить грубку, мы с отцом и дядей Емельяном осенью привозили из леса сухую хвою (шиголь) и заполняли ею будку. Печной дым от такого топлива было приятно поймать носом, да еще принюхавшись, уловить запах печеного хлеба или пролитого в печи молока.

16. Хлеб с черной корочкой

Помнить себя я начал довольно рано. Из ранних воспоминаний в памяти картина: мать вышла посмотреть корову, которая паслась возле глинища. Я на руках у матери. Вдруг подходят к нам два немца, одетые в серо-зеленые кители, на головах – каски с острыми шпильями вильгельмовских времен. Шел 1918 год. Клинцы были оккупированы немцами. Подошли, что-то говорят на незнакомом языке, один протягивает мне конфетку в красивой бумажке, а другой – красное яблоко. Я испугался и прижался к матери. А мать говорит мне: «Ну, возьми же, не бойся!». Наверно, у этих двух немцев тоже были дети на далекой родине, а их оторвали от семей и угнали на ненавистную войну.

Клинцы тогда входили в состав Малороссии. По февральскому договору 1918 года с немцами Украина согласилась на оккупацию своей территории, чтобы отгородиться от большевистской России и за время оккупации укрепить свою власть. Немцы и австро-венгры вошли на Украину без боев и занялись, в основном, вывозом в Германию сырья и продовольствия.

Полицейские обязанности были возложены на гайдамаков. Мои родители, родственники, знакомые, люди старшего поколения, вспоминая 1918 год, рассказывали, что отряды гайдамаков представляли собой формирования националистов, в которые были собраны в основном деревенские пьяницы, городские люмпены и всякие проходимцы. Вели они себя, как уголовники, выпущенные на свободу: грабили население, убивали всех неугодных и в первую очередь социалистов и большевиков, пьянствовали, вели себя вызывающе и недостойно. Еврейская часть населения Клинцов очень боялась погромов со стороны гайдамаков. Поскольку гайдамаки находились под контролем и защитой оккупационных войск, еврейская община собрала большие деньги и преподнесла местному немецкому командованию с просьбой не допускать погромов.

После свержения кайзера, когда началась эвакуация немецких войск в Германию, гайдамаки, сознавая, что время их вольготной жизни заканчивается, стали устраивать нападения на войска Щорса в Клинцах и окрест, пытаясь сорвать договор между немецкими войсками и войсками Щорса о мирном выводе германских войск. Тогда немецкое командование объявило гайдамакам, что оно лишает их своей защиты.

Смутно помню перестрелку, когда красноармейцы под командованием Щорса освобождали Клинцы от гайдамаков. Немцы уходили, сдавая щорсовцам город без боя, как было предварительно договорено, а гайдамаки стреляли и в немцев, и в красных бойцов, провоцируя обратить их огонь друг против друга. Во время перестрелки в нашей крыше была пробита дырка, а у Зеликов пулей пробило самовар, который стоял на столе в доме. Мой друг, Григорий Отряскин (1910 г.р.) рассказывал, что в тот день, когда из города уходили немцы, он шел вдоль окопа напротив богадельни. Началась стрельба. Вдруг из окопа выскочил немец, затащил его в окоп и держал рядом с собой до конца перестрелки. Немцы не отстреливались, сидели тихо. Стрельбу по немцам вели гайдамаки. Когда отряд гайдамаков прекратил стрельбу и отошел, немцы снялись и тоже ушли. Немцы покинули город 14 декабря 1918 года, а вслед за ними в город вошел Богунский полк украинских партизан.

О зверствах и бесчинствах гайдамаков долго вспоминали в городе. Моя соседка Евдокия Киреенко рассказывала, что в 1918 году она жила в Займище. В конце лета шла она с Солодовки домой в Займище и видела громадную братскую могилу, заполненную гробами и телами людей, расстрелянных гайдамаками. Место братской могилы по ее описанию находится у края леса, возле дороги, ведущей от стадиона к деревне Синьковка, при пересечении с дорогой, ведущей от Солодовки к Займищу. По ее же воспоминаниям, в декабре 1918 года, когда немцы уходили, на займищенском поле был бой между красноармейцами и гайдамаками. Все поле было усеяно трупами красноармейцев и гайдамаков. Красноармейцев похоронили на Займищенском кладбище.

По воспоминаниям моих близких и знакомых людей старшего поколения, после освобождения Клинцов от немцев и гайдамаков революционный порядок в посаде устанавливала жена Щорса — Фрума Щорс. Это была решительная и смелая женщина. Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело. Ее называли в Клинцах «Хая в кожаных штанах». В ближайшие дни под ее началом выявили всех, кто сотрудничал с гайдамаками или сочувствовал им, а также бывших членов Союза Русского Народа (СРН) и расстреляли на Ореховке, на поляне за Горсадом. Несколько раз поляна обгадилась кровью врагов народа. Уничтожалась вся семья, не щадили даже подростков. Тела расстрелянных людей были похоронены слева от дороги на Вьюнку, где в те годы заканчивались дома посада. Так начиналась гражданская война!

Мои детские воспоминания сплетаются с рассказами очевидцев. Следующее воспоминание из 1919 года. Посад уже освобожден от немцев и гайдамаков. Разруха, сырья нет, фабрики стоят. 8 марта

объявлена национализация предприятий. Но от того, что в руки новой власти перешли все фабрики, они не стали работать. В городе голод. Чтобы не умереть с голоду, горожане несли в деревню все, что можно было обменять на хлеб. Хлебный паек был очень маленький – четвертушка фунта хлеба. Но однажды вместо хлеба выдали родителям на паек сушеный картофель, нарезанный в виде лапши. Для всей семьи лапша из картошки была незнакомым и непробованным продуктом. Из того же времени запомнилось, как однажды я получил свою крошечную пайку хлеба, хлеб обгрыз, а корочку, очень черную и горькую, прибрал в шкаф, затворил створку и, стоя на скамейке перед буфетом, объявил: «Никто не трогайте, потом съем!». Позже родители вспоминали этот случай с улыбкой. Это время в народе называли «голодовка 1919 года».

Видимо, в это голодное время отец рассказывал, а я запомнил, что в былые времена, как только наступит утро, идет по улице булочник, несет на плече длинную доску, а на ней горячие булочки. Идет и призывно поет: «Булки мягкие-е-е! О-о-ой, лепешки с белыми сядрушками-и-и!». Окна раскрываются, и люди покупают булочки и лепешки по полкопейки. Я представлял себе эту картину полного изобилия, глотая слюну. Лепешки с сядрушками я попробовал спустя много лет, в деревне. Сядрушки – это зерна конопли, специально обмолоченные и пожаренные. Зернышками посыпали сдобную выпечку, как посыпают маковым семенем. Вот и все, что осталось в моей детской памяти от первой мировой и от гражданской войны.

17. Говорит Москва

Читать я начал очень рано, чем поражал на улице старших хлопцев. Но отец научил меня не просто читать, а развил у меня большой интерес к книгам. И вот каким образом. Работал он тогда, в годы разрухи, дежурным сторожем при Стодольской пожарной команде. Это была сильнейшая пожарная команда в Клинцах, основанная еще фабрикантами Барышниковыми. И вот, бывало, в сторожевой будке, в ночной смене, он химическим карандашом печатными буквами на листке из записной книжки напишет мне маленькую сказку, а утром, когда приходит со смены, дает мне ее для прочтения. Я по складам кое-как начинаю разбирать и, в конце концов, постепенно прочту эту сказочку самостоятельно. Каждый день я ждал папиных сказочек с большим нетерпением. Поэтому довольно скоро научился читать бегло.

Тогда же отец сделал кубики с буквами. Все это было задолго до школы. А писать скорописно меня научила двоюродная сестра и крестная Женя (Евгения Митрофановна Храмченко) и двоюрод-

ный брат Саша (Александр Митрофанович Храмченко, 1905 г.р.). Они уделяли мне очень много внимания. Я каждый день приходил к ним домой с тетрадкой, как в школу, и либо Женя, либо Саша давали мне уроки. Сначала я учился писать палочки, потом – крючочки, затем – буквы, цифры. Так что, когда наступил срок идти в школу, я уже чувствовал себя хорошо подготовленным.

Саша слыл в Клинцах первым радиолюбителем. Комната его была битком набита всякой техникой: в тумбочке стояли батареи из элементов Лекланше, от которых было проведено освещение комнаты маленькими лампочками. На столе стояли динамомашинны с магнето от первых телефонов, детекторный приемник собственного изготовления с наушниками, а немного позже – и ламповый, с громкоговорителем. Я, тогда еще совсем кроха, устав писать крючочки, подходил к его столу и, затаив дыхание, жадно смотрел на эти сложные приборы. Конечно, мечты мои были только о технике. А когда я первый раз в жизни услышал в наушниках детекторного приемника: «Алло, алло – говорит Москва, радиостанция имени Коминтерна!», – воспринял это как чудо. Ведь подумать только: первый раз в жизни удалось услышать голос из далекой Москвы, да еще без всяких проводов, «по воздуху»!

Все это стало первыми толчками, которые пробудили у меня любовь к технике. Я ношу в сердце бесконечную благодарность моим первым учителям, указавшим мне путь в жизни.

18. О своей родословной

Непростительно поздно я надумал (в свои 70 лет) написать нашу родословную. Многие уже позабылось из того, что мне когда-то рассказывал отец, Максим Кононович Храмченко, и его старший брат, а мой дядя и крестный, Емельян Кононович.

Многое следовало бы спросить, уточнить, но теперь уже не у кого, все ушли из жизни.

Наш род по отцовской линии происходит из города Ромны, то есть с Украины, или, как тогда называли, Малороссии. Сейчас уже не могу по памяти восстановить, кто первым поселился в посаде Клинцы – или дед, или же прадед моего отца. Мой крестный помнил еще их украинский говор.

Приписаться в те времена к старообрядческому обществу посада было весьма не просто. Нужно было ставить обществу солидный магарыч, что было при тогдашней бедности не по карману. Но возьми да и случись такое событие: по этим местам проезжал из южных губерний царь. Был 1845 год, царь проезжал Малороссию из Киева в Петербург, путь его лежал через посад Добрянка. Про-

стой народ располагался по обочине дороги и обязан был опускаться на колени, склонив голову до земли, и так ниц лежать смиренно, пока проследует процессия. Если кто имел нужду подать просьбу или прошение на царское имя – должны были бумагу с прошением положить на свою голову, а специальный адъютант снимал эти бумаги и клал в сумку для вынесения по ним решения.

Так поступила и бабка (или прабабка) отца, воспользовавшись столь редкой возможностью. Адъютант снял с головы прошение, и через некоторое время пришла бумага с разрешением приписаться к посаду Клинцы. С тех пор род Храмченко стал клинчанами.

Известно еще из воспоминаний отца, что мой прадед, Григорий, был воспитанник полка (тогда это называлось: «был кантонистом»), а потому обучен грамоте и дослужился до унтера (унтер-офицера), участвовал в сражении, по-видимому, в русско-турецкой войне.

И последний известный факт из жизни прадеда – случайная встреча в клинцовских лесах лицом к лицу с медведем, который лакомился малиной. Прадед, Григорий, начал осторожно пятиться назад, назад, пока не отдалился на приличное расстояние. Медведь был, очевидно, в благодушном настроении, не преследовал его, а только заревел вослед.

Нас у отца сейчас трое: я – Павел Максимович Храмченко, родился в посаде Клинцы 15 января 1916 года, моя сестра, Таисия Максимовна Морозова, родилась 20 мая 1922 года и вторая сестра, Зинаида Максимовна, родилась 10 октября 1924 года.

Наш отец, Максим Кононович Храмченко, родился 14 августа 1879 года в посаде Клинцы Черниговской губернии в доме на улице нынешнее название которой Кронштадтская. Умер 28 марта 1965 года, прожил 85 лет и 7 месяцев. Год рождения взят из паспорта, выданного отцу в 1908 году.

Дед наш, Конон Григорьевич, умер в средних годах «от болезни живота», так что отец остался сиротой лет семи.

О прадеде нашем, Григории, уже сказано выше.

Бабушка наша, Агафья Лаврентьевна, родилась в 1845 году, умерла 7 ноября 1913 года. Из воспоминаний отца и дяди, бабушка Агафья была родом из Старой Руссы. Девичьей фамилии ее не знаю. В семейном предании сохранилось воспоминание о том, как в 1908 году бабушка, Агафья Лаврентьевна, с сыновьями Максимом (1879 г.р.) – моим отцом, и Емельяном (1877 г.р.) собралась в Киев поклониться мощам Святого Феодосия Печерского. В связи с дальним путешествием Агафья Лаврентьевна впервые получила временный паспорт сроком на один год. Из этого паспорта, который хранится в моем семейном архиве, я узнал, что бабушка родилась в 1845 году.

До Гомеля паломники добирались поездом. От Гомеля – на пароходе вниз по реке Сож до местечка Лоев, где Сож сливается с

Днепром, а затем вниз по Днепру до города Киева. Мой крестный, Емельян Кононович, не раз вспоминал об этом прекрасном путешествии, в память о котором сохранилась книга с изображением храмов Печерской Лавры и с картой-схемой подземного монастыря.

У моего отца, Максима Кононовича, было три родных брата: Ефрем Кононович (1864-1943), Митрофан Кононович (1868-1949), Емельян Кононович (21.8.1877- 9.12.1947) – мой крестный, и их сестра, Анна Кононовна, по мужу Баранова (22.9.1876-31.3.1950).

Все четыре брата (мои дяди и отец) были люди мастеровые. Основная профессия – кладка печей, от самых простых до самых сложных – с кафельными грубами. Кроме этого, штукатурные работы с оттяжкой художественных карнизов и лепкой розеток на потолок над плафоном, побелка, оклейка обоями, малярные работы – окраска рам, полов, крыш, куполов церквей. Это были честные, добросовестные мастера, работу выполняли высококачественно, поэтому всегда были загружены заказами. Работали они в посаде, а потом – городе Клинцы, в окрестных селах и деревнях и даже в далеком Минске, куда, я знаю, в 1917 году ездил крестный, Емельян Кононович, красить экипажи. Там он видел Керенского. Через плечо у Керенского была голубая лента.

Дядя Ефрем, кроме того, обладал способностью к живописи, рисовал портреты, делал на заказ художественные вывески, владел мастерством золочения иконостасов и куполов с помощью сусального золота. Все эти профессии служили источником заработка.

Трудовые навыки, привычка работать от зари до зари воспитывались в семье с детства. Этого так не хватает в современной системе воспитания. Все мои родственники на вопрос: «С какого возраста работаете?» ответили бы одинаково: «С десяти-двенадцати лет».

Ефрем Кононович Храмченко жил на ул. Гусаровка (ул. Милицейская) в третьем доме от угла улицы Пушкинской. Во время бомбежки города, в ночь с 20 на 21 июня 1943 года, в дом попала бомба. Погибли Ефрем Кононович, дочь Татьяна и внук. Из всей семьи Ефрема Кононовича жива только дочь, Марфуша, которая живет в Ростове-на-Дону.

Митрофан Кононович Храмченко, другой мой дядя, работал на чугунолитейном заводе Федотова с первых лет его основания. Работал сначала шпательщиком. Во время строительства литейного цеха был каменщиком и возводил стены. В последующие годы был формовщиком, вагранщиком, литейщиком – освоил все профессии литейного производства. Знания и авторитет Митрофана Кононовича получили заслуженную оценку. В 1920-е годы, при директоре Шубове, Митрофан Кононович в качестве гостя участвовал в работе Гомельского Губернского съезда профсоюзов, на котором ему было предоставлено место в президиуме. В 1923 году Митрофан

Кононович был в составе делегации от Клинцов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Ушел на пенсию с завода в 1933 году в возрасте 65 лет.

Жена Митрофана Кононовича – Марфа Григорьевна, родом из Софиевки Новозыбковского уезда. Дети Митрофана Кононовича, мои двоюродные братья и сестры: Евгения Митрофановна (1895-1930), Николай Митрофанович (1900-1984), Александр Митрофанович (1905-1943), Анна Митрофановна. Женя и Саша стали моими первыми учителями, они научили меня писать.

Александр Митрофанович в начале 1920-х годов закончил Клинцовский индустриальный техникум, теплотехническое отделение, и работал в отделе главного механика на заводе имени Калинина. Я работал с ним в 1940-41 годах в ОГМ в качестве конструктора. С 1920-х годов Александр увлекался электротехникой и радиоделом. Вместе с товарищем по учебе Кулагиним стал первым в Клинцах радиолюбителем. В 1941 году Александр ушел на фронт и погиб.

Дядя, Емельян Кононович Храмченко, мой крестный, был холост и жил в нашей семье. Он тоже был высококлассным печником.

Анна Кононовна Храмченко была замужем за Николаем Ивановичем Барановым (1875-1949). Николай Иванович смолоду работал на Стодольской фабрике, был ткачом по драпу. В советские годы ему было присвоено звание «Герой труда». Николай Иванович обладал красивым басом широкого диапазона, был весельчак и любитель пения. Везде он был душой компании. Кроме того, Николай Баранов был страстным рыбаком. Их сын, Василий Николаевич Баранов, в начале 1920-х годов служил в органах только что созданной в Клинцах милиции по борьбе с бандитизмом. В Клинцах на Почегухе стоит монумент, на котором высечены имена борцов за Советскую власть, погибших в первые годы после революции. В этом списке имя Василия Баранова.

Другой двоюродный брат, Андрей Николаевич Баранов, занимал разные руководящие посты, в 1930-х годах был некоторое время директором фабрики им. Ногина на Дурнях, директором совхоза в Гринево, в районе Погара. Погиб в годы Великой Отечественной войны.

Евдокия Николаевна Баранова была замужем за Александром Дятловым. Матрена Николаевна Баранова была замужем за Титом Семеновичем Веселкиным.

Максим Кононович Храмченко, мой отец, как и старшие братья, с детства освоил профессию печника, штукатура, маляра. В 1890-х годах работал на чугунолитейном заводе Федотова шишельником и вагранщиком, затем уволился и продолжил класть печи на заказ. В 1930-х годах, уже имея инвалидность, отец работал на Стодольской фабрике по печному делу, а на завод вернулся в 1945

*Храмченко
Максим Кононович и
Мария Дмитриевна,
19 апреля 1913 г.
Фотограф Соловей.*

году, уже стариком, и во время восстановления завода работал в отделе главного механика печником. Уволен по инвалидности в 1948 году. Сохранился дневник моего отца за 1908-1909 годы, где он записывал заказы и адреса заказчиков и отмечал объем исполненной работы и расчет за работу. Этот дневник показывает, что вся рабочая неделя отца была заполнена непрерывной работой.

Школьное образование в те времена было доступно не каждому. Но все мои родственники начальное образование получили в церковно-приходской школе. В такой школе учили читать как гражданский шрифт, так и церковно-славянский, учили писать грамотно, обучали четырем арифметическим действиям, давали знания по литературе, общей истории, истории Ветхого и Нового Завета, навыки хорового пения, трудовые навыки.

Отец, Максим Кононович, к этим знаниям много приобрел, учась самостоятельно: прочел немало книг, освоил нотную грамоту и пел в церковном хоре, интересовался достижениями науки, читал популярный в то время журнал «Нива», знал наизусть много стихов и даже самостоятельно изучал французский язык. Дома сохранились рукописные словари и упражнения на французском языке, записанные рукой отца. Поражаешься, когда успеваешь всем заниматься при его повседневной занятости. Следует сказать, что отец в детстве лишился правого глаза, но до глубокой старости много читал, утомляя угасающее зрение единственного глаза.

Вставал отец всегда очень рано и работал в саду, копал гряды, отбивал дорожки строго по шнуру, ухаживал за плодовыми деревьями. Вместе с мамой отец любил заниматься разведением цветов. В нашем цветнике были левкои, резеда, розы, георгины, пионии, желтые нарциссы, ландыш, жасмин ранний и поздний, сирень. После смерти родителей я с женой Полиной продолжил отцовскую традицию, поэтому наша усадьба всегда напоминала бла-

Храмченко Павел Максимович и Полина Петровна

гоухающий рай. Поработав с утра на усадьбе, отец спешил к 8 часам на работу — он работал по печному делу. Вернувшись с работы, опять трудился в саду, в сарае и обычно был занят дотемна.

В деле общественной пользы отец часто бывал в числе зачинателей и энергичных исполнителей. Например, на углу Красноборской и Гоголевской улиц был глубочайший колодец. Время от времени колодец приходилось чистить. На это нелегкое дело нужно было поднимать людей. Обычно собиралось человека 4 или 5. Охотников работать на дне колодца, как всегда, не было. Эту работу, сколько помню, брал на себя отец. Его опускали в бочке на дно колодца, где он работал в полумраке в воде и в холоде: вычерпывал воду, накладывал в бочку илистый песок, а остальной народ крутил ворот. Бочку опорожняли и снова опускали в колодец. На чистку колодца уходил почти день. Когда наконец отца вытаскивали из колодца, он был весь мокрый и озябший. Я, еще малыш, тревожился за отца, крутил ворот, заглядывал в колодец, стремясь разглядеть в темноте колодца отца, перекликался с ним.

Отец был зачинателем посадки на улице перед окнами домов цветущих кустарников. Когда у кого-то из соседей случалось несчастье: пожар или повалилось дерево на крышу дома, отец всегда

поднимал людей помочь пострадавшим. Взаимная выручка сближала людей, делала отношения между людьми более доверительными и теплыми.

Наша родословная по материнской линии. Моя мама, Мария Дмитриевна Ильина, родилась в Клинцах 1 апреля 1896 года в родительском доме по улице Петропавловской (позже переименованной в улицу «25 октября», а потом в «Кюстендилскую»). Мария Дмитриевна Ильина обвенчалась с моим отцом, Максимом Кононовичем Храмченко, 6 апреля 1913 года в единоверческой Вознесенской церкви. Умерла 16 ноября 1967 года, на 72 году жизни.

Мамин отец, а мой дед, Дмитрий Акимович Ильин, работал на Стодольской суконной фабрике помощником мастера, как тогда называли – «подмастерье». Уличная кличка Ильиных была «Гончары», видимо, кто-то из его родителей занимался гончарным промыслом. Умер Дмитрий Акимович в конце 1920-х годов.

Первая жена его (моя бабушка), Александра Лукинична Железникова, умерла еще молодой женщиной в 1903 году, оставив двух маленьких дочерей – Марию и Екатерину. Дмитрий Акимович вскоре женился. Мачеха плохо относилась к падчерицам, любила алкоголь, так что моя мама, Мария Дмитриевна, вынуждена была жить у своего деда, Луки Егоровича Железникова, у которого тоже была вторая жена, Евдокия Данильевна, очень суровая женщина. По рассказам матери, сам дед Лука боялся ее крутого нрава, да я и сам помню строгую и властную «бабку Данильевну».

Лука Егорович Железников, как и его отец, служил псаломщиком при единоверческом храме Вознесения в Клинцах. У Луки Егоровича Железникова, моего прадеда, были дети: Федор, Георгий, Василий, дочь Александра.

Родной мамин дядя, Федор Лукич Железников, работал в Харькове. О нем у матери были всегда очень теплые воспоминания. Умер Федор Лукич в 1920-х годах в среднем возрасте. Дом Федора Лукича был на том месте, где теперь стоит Дом Советов. У Федора Лукича и жены его, Елены Маркеловны, были дети, мамыны двоюродные братья – Сергей Федорович Железников (19.9.1904-18.4.1975) и Софья Федоровна Железникова.

Сергей Федорович Железников с детства увлекался театром. Работал актером, а потом – режиссером труппы оперетты. Умер в цветущих летах от разрыва сердца, сразу после выступления, кажется, в Москве.

У Софьи Федоровны от брака с Диомидом Барановым родились Галина и Вячеслав. Вячеслав Диомидович Баранов учился в топографическом институте, затем стал военным топографом. В настоящее время он генерал в отставке, живет в Одессе. От второго брака с Фейгиным у Софьи Федоровны родился второй сын, Марк Иса-

акочич Фейгин. В настоящее время он работает инженером на клинцовском заводе телефонной аппаратуры. Его жена – Зинаида Тихонова.

У Елены Маркеловны Железниковой был граммофон со старинными пластинками. Несмотря на бедность, в которой мы жили, отец, большой любитель церковного и хорового пения, с радостью купил этот граммофон со всеми пластинками за 100 рублей в рассрочку. Среди пластинок было много записей церковного хорового пения. Были там записи голоса Шаляпина, хора храма Христа Спасителя в Москве, хора И.И. Юхова.

Слушая записи знаменитых в то время исполнителей, отец, а вместе с ним мама, я и сестра получили возможность приобщиться к высокому искусству русских исполнителей прошлого.

У Луки Егоровича Железникова от второй жены был сын Георгий, который работал заместителем главного бухгалтера на заводе имени Калинина. Умер 13 января 1960 года. Он был женат на Евдокии Ивановне Попковой. Единственная их дочь, Рая, умерла в раннем детстве.

Третий сын Луки Железникова – Василий, был женат на Ксении. Жили они в Мариуполе, и о них я мало знаю.

Род Железниковых – старинный клинцовский род. В XVIII веке купцы Яков Железников и его сын Василий основали в Клинцах типографию, в которой переиздавали старопечатные книги. Мой прадед, Лука Егорович Железников, и его отец были псаломщиками при Вознесенской единоверческой церкви в Клинцах. В доме у Луки Егоровича Железникова, стоявшем на углу улиц Новая слободка (ул. Богунского полка) и Филатьева переулка (ул. Льва Толстого), было много старинных книг в кожаном переплете, богатая библиотека. В угловой комнате, в красном углу стояли иконы старинного письма и всегда теплилась лампадка.

Моя жена, Полина Петровна Бруй, родом из деревни Кневичи. В семье Петра Кузьмича Бруй (1874-1956 гг.) и Анастасии Семеновны Лузановой (1878-1970 гг.) было три дочери и два сына: Агафья (1910 г.р.), Полина (14.10.1914), Матрена (1917-1992 гг.), Самуил (1908 г.) и Николай (1912-1941 гг.).

Дедушка Полины Петровны (по матери) – Семен Ульянович Лузанов служил солдатом в Польше. Был грамотным, что по тем временам было редкостью. По окончании службы женился на Екатерине – польской шляхтичке из обедневшего рода. От этого брака родилась мама Полины – Анастасия Семеновна. Умерла Анастасия Семеновна молодой женщиной, оставив малолетнюю дочку, похоронена в селе Малая Топаль. Отец Полины Петровны, Петр Кузьмич Бруй, занимался сельским трудом, иногда, в зимние месяцы, выезжал в Киев, где подрабатывал извозчиком.

Семья Петра Бруй жила каждодневным трудом. Родители выра-

щивали коноплю и занимались изготовлением из нее тканей. К этому ремеслу были приставлены дочери, поэтому Полина с детства освоила производство домотканого полотна.

В 1931 году семью отца арестовали за неуплату налога и отказ вступать в колхоз и полгода держали в клинцовской тюрьме. Ограбленная семья нищенствовала и голодала. Полина устроилась работать сначала на торфоразработки в Оболешево, а затем перешла работать на швейную фабрику.

О брате Полины, Николае, скажу словами документа: *«Николай Петрович Бруй, 1911 года рождения, в июне 1942 года окончил Орловское танковое училище. 25 декабря 1943 года в период тяжелых боев под Корсунь-Шевченковским пропал без вести, будучи командиром танка 79 отдельной танковой бригады»*. (Выписка из сообщения Главного Управления кадров МО СССР от 30 ноября 1971 года).

В 1940 году мы с Полиной поженились и с тех пор живем, не разлучаясь. Воспитали двух сыновей. Старший сын, Геннадий (07.07.1942 г.р.), работает автослесарем. Мастер высокого класса. Обладает поэтическим даром. Подготовил к печати сборник своих стихов. У Геннадия дети: Люда и Юра.

Младший сын, Николай (28.06.1946 г.р.), работает токарем. У него «золотые руки». С детства увлекается конструированием. Еще в школьные годы собрал мотоцикл, построил мотосани, моторную лодку. Теперь его увлечение — дельтопланеризм. В начале 1990-х годов сам рассчитал и построил мотодельтоплан, испытал его в полете и каждое лето поднимается на нем в воздух. У Николая дети: Надя и Сережа.

О характере моих родственников хочется особо отметить следующее: мой отец, Максим Кононович, его братья, Емельян, Митрофан, Ефрем, сестра Анна и ее муж, Николай Иванович Баранов, отличались исключительной дружелюбностью, добродушием и прямо-таки необычайным трудолюбием. Очень теплыми и дружескими были отношения в доме моего отца. Никогда отец не повышал голос ни на мать, ни на детей, но был требовательным как к себе, так и к окружающим. Любил во всем порядок и чистоту. С незапамятных времен был заведен такой обычай: вечером, когда все в сборе, обмениваться впечатлениями прожитого дня: кто где побывал, что видел, что слышал интересного. Разговор продолжался уже в темноте, пока сон не начинал смежать веки.

В праздники или именины все родственники собирались вместе, то у одного, то у другого, и за скромным угощением оживленно вели разговоры: говорили о работе, об интересных встречах, вспоминали грустные и смешные случаи из жизни, свои поездки по стране и, конечно, вспоминали о старине. В те годы говорить о годах жизни до большевистского переворота было небезопасно. Но

в кругу семьи об этом только и говорили: сравнивали цены, заработную плату, наполнение товарами прилавков, вспоминали старые обычаи. Больными и ранящими всех были вопросы жизни крестьянина на селе, необоснованные аресты сотрудников и родственников, предстоящая война с немцами, закрытие церквей, а для моего отца это было особенно больно, поскольку он был постоянный участник церковного хора. За весь вечер если выпьют по одной-две рюмки вина, и то считалось много. Я никогда не видел, чтобы после работы отец выпивал, но всегда видел, как отец отказывался от выпивки, если находились заводицы выпить среди рабочих.

Семья Храмченков и семьи ближайших родственников не признавали курение. В Клинцах в те годы было много некурящих. Воздержанность в отношении вина и курения воспитывалось родителями и церковью. Может, по этой причине в нашем роду было много долгожителей.

Никто в семье никогда не употреблял бранных слов. Отец, когда, случалось, поранит себя во время работы, никогда не давал волю языку. Охнет от боли, произнесет краткую молитву – и все. Отец говорил: «Как ты заботишься о чистоте одежды и тела своего, так должен следить за чистотой своей души и языка. Язык – зеркало души». В этих словах заложена большая мудрость.

Каждое застолье сопровождалось общим пением. Запевал отец или дядя Митрофан, у них были тенора. Им вторил бас Николая Ивановича Баранова. Очень красивые голоса были у моей жены Полины и сестры Таси. В летние месяцы наши семейные посиделки проводились в саду. Медленно угасает закат, над землей висит теплый благоуханный воздух. Вот из двора, что через дорогу, запели соседи Отряскины. Мы подхватили песню, наше пение подхватили в других дворах, и по всей округе поплыла задуховная мелодия старинной украинской песни.

Клинчане очень любили пение. Звучали украинские, русские, старинные и современные песни. Но столько песен, сколько знала наша семья, не знал никто. Любимыми песнями были: «Среди долины ровныя», «Хуторок» Кольцова, «Вниз по матушке, по Волге», «Коробейники», «Во поле березонька стояла» с припевом «тарыбары, растабары, снеги белые выпадали...». Украинские песни: «Йихав козак за Дунай», с припевом «лучше було б, лучше було б не ходити...», «В кінце греблі», «Ой, у лузі», «Ой, у полі озерце», «Баламути», «Сонце нізенько, вечір близенько» с припевом «ой, полола горліца лебеду, лебеду...», «Поїхав козак на чужбіну далеку» и еще много песен, всех не перечислить. Все эти песни стали и моими любимыми, с тех времен и по сие время я их пою с удовольствием.

Внук Максима Кононовича, а мой старший сын, Геннадий Пав-

лович, обладая даром стихосложения, свои детские воспоминания о дедушке Максиме Кононовиче передал в балладе «Дедушка». Стихи, несомненно, идут из глубины его души и созвучны моему чувству любви и благодарности к человеку большого сердца, каким был мой отец.

19. В школе имени В.Г. Короленко

1 сентября 1924 года мой крестный, Емельян Кононович Храменко, отвел меня в школу, которая находилась на площади Свободы, напротив богадельни. Школа была с семилетним образованием и называлась «Фабрично-заводская школа имени В.Г. Короленко». Школа была построена еще до 1917 года, но имя Короленко сохранила. В школе было две ступени: первая ступень – до 4 класса, вторая ступень – 5-7 классы.

В школу я пришел восьми с половиной лет. Я привык к тишине, к домашней обстановке и в первый день был ошеломлен детским криком и шумом в коридорах школы, необычно большим скоплением детей разных возрастов в одном месте. Долгое время чувствовал себя скованно, напряженно. Зато на уроках во время занятий я был «королем» в сравнении с другими. Я уже был грамотным, читал бегло, писал. Учеба давалась легко. Учился с удовольствием. Нравилось узнавать новое.

Очень красиво и весело проходили перемены. Только зазвонит бронзовый колокольчик в руках сторожа, из всех классов стремглав выбегают в общий зал ученики, мальчики и девочки. Большинство сразу же становятся в круг-хоровод. Взявшись за руки, движутся по кругу с песней:

*«Там, за лесом, там, за перевалом (2 раза)
Тра-ля-ля, тра-ля-ля, там за перевалом, (2 раза)
Там цыгане весело гуляли, (2 раза)
Тра-ля-ля, тря-ля-ля, весело гуляли. (2 раза)
Один цыган не пил, не гулял, (2 раза)
Тра-ля-ля, ...
Он цыганку к себе поджидал, (2 раза)
Тра-ля-ля...
Ты, цыганка, будь моя коханка, (2 раза)
Тра-ля-ля ...»* и так далее.

При словах «тра-ля-ля» все хлопают в ладоши. Эта песня отличалась раскатистым широким напевом и, благодаря огромному числу звонких детских голосов, мощно неслась, заполняя весь зал, выплескиваясь через открытые окна за пределы школы.

Здание школы им. В. Г. Короленко. Фото 1950-х годов

Пели в кругу и другие песни, например:

*«Ко мне птичка прилетела,
Письмецо мне принесла,
У моих же ног присела
И с поклоном отдала».*

«Птичкой» была обычно девочка. Она стояла в центре круга, дети ходили вокруг нее хороводом и пели, а когда песенка заканчивалась, девочка подбегала к кому-то из детей, приседала, кланялась, и другая «птичка» занимала место в центре круга.

В октябре, когда наступала «золотая осень», учительница водила нас в ближайший лес, где мы собирали ярко-желтые и багровые листья разных деревьев, а потом делали гербарий. Учительница во время прогулки рассказывала интересные истории из жизни зверей, читала стихи. Помню, я, первоклассник, впервые услышал строки Пушкина «Осенняя пора, очей очарованье...». Стихи как-то сразу проникли в душу и полюбились.

Настоящим праздником в школе были выставки ученических работ, которые с интересом посещали родители.

Помню, я прославился тогда изготовлением огромной карты обоя полушарий земли. Исполнение работы стоило мне больших трудов и смекалки. Но я увлекался географией и дал слово учителю сделать карту. Это помогло мне преодолеть, казалось, непреодолимые трудности. Тогда не было ни циркуля, ни готовальни, ни лекал. Поэтому круг я начертил, положив на бумагу крышку от хлебной «квашни». Квашня, или дежка, — это похожая на ушат кадка, обязательно из дубовых клепок, в которой готовилось тесто для хлеба. В квашне тесто бродило и подходило, в квашне его месили. В общем, квашня была тогда необходимой принадлежностью каждой семьи.

На полушария Земли, каждое диаметром около 60 см, нужно было еще нанести параллели и меридианы, а они должны иметь соответствующий изгиб. Выход был найден с помощью толстой сталистой проволоки. Сначала я нанес на круги точки-координаты. И вот разложил на полу бумагу. Отец помогал, удерживая проволоку, я же направлял проволоку по точкам и, когда удавалось придать ей правильный изгиб, обводил пером, обмакнув его в черные чернила. Таким способом была создана географическая сетка и довольно неплохо. Когда же нанес на карту материка, горы, реки, озера и все это раскрасил цветными карандашами, земные полушария получились, как настоящие.

За такую домашнюю работу я заслужил благодарность перед всем классом. А карта моя долго служила наглядным пособием на уроках географии.

В те трудные годы плата за обучение в школе была обязательной, правда небольшая, не то 1,5, не то 3 рубля в год. Называлось это «взнос в комсод». Вскоре плата за обучение была отменена.

Директором школы был Кондратишко. В 1930-е годы был репрессирован как «враг народа».

В школе преподавали: Мария Иосифовна Елисеенко — географию, Степан Дмитриевич Ляпко — русский язык и литературу, Лидия Стефановна Лапчинская — химию, Родненков — учитель литературы и русского языка, Петр Иванович Жуковский — преподавал русский язык и литературу и был также директором, Мария Ильинична Моисеенко — математику, Иван Иванович Бардовский — бывший директор, Екатерина Аполлоновна Заленская — немецкий язык, Иван Иванович Буланин — отец Алеши Буланина, преподавал столярное дело, Ольга Филипповна Буракова — учительница 1-4 классов, Павел Коренько — учитель рисования и черчения, Иоффе — учитель химии, Брызгунов — учитель рисования, художник, Поляничко — учитель математики и физики.

В школе собрались сверстники со всех близлежащих улиц — все друзья по уличным играм и походам в лес. Здесь были Юра Люсин — Георгий Кузьмич Люсин — ставший впоследствии директором

фабрики, а потом – председателем горисполкома, Алеша Буланин – позже специалист по теплотехнике в Ленинграде, Мирон Криво-рак из деревни Гута Корецкая, теперь живет в Москве, Петр Фро-лович Рошин, Михаил Морозов – ведущий конструктор на заводе имени Калинина, Володя Силенок из деревни Даниловка, Юрий Иванович Андриюшенко, Петр Доброцкий – весельчак, запевала, староста группы, Вася Коршунов – природный художник, каллиг-граф, умер рано, вскоре после школы, Александр Тимошенко из деревни Уношево, Мария Пусторжевцева, Федор Печкуров, Геор-гий Кравченко – военнослужащий, Анна Луговая, Феня Данило-ва, Соня Маева, Шевцов, Лембриков, Попкова, Овчинникова, Сте-пан Ляхов, Соловцов – впоследствии учитель в с. Кневици, Вася Денежкин – отличник по учебе, Антип Щукин – спортсмен, насто-ящий атлет. Пионервожатой была Фаина Михайловна Ершова.

Помню, уроки пения проводила учительница Екатерина Федо-ровна. Она, со скрипкой, стройная, красивая, сначала давала мелодию – вступал хор, а потом учительница дирижировала смыч-ком и пела вместе с нами. В 1929 году школа готовилась отметить 5-летие со дня смерти В.И. Ленина. В памяти сохранилось несколько стихотворных строк:

*«И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что Он уснул,
И был торжественно печален
Вокруг стоявший караул...».*

Торжественная линейка, скорбно звучащие речи взрослых, сти-хи учеников и невольные слезы на детских глазах.

Школьники проходили фабричное обучение, не случайно шко-ла называлась фабрично-заводской. Нашими шефами была пень-копрядильная фабрика имени Льва Троцкого на Зубовке. Позже, когда в споре «врага народа» с «отцом народа» Троцкий проиграл, фабрику назвали именем Ф. Дзержинского.

В 6 часов утра мы приходили на фабрику. Каждого прикрепили к станку в качестве помощника и ученика. Ученическим собрани-ем мы постановили попробовать работу во всех цехах. Было инте-ресно познакомиться и обучиться каждой профессии в ткацком цехе, в прядильном, в полировке. Я, таким образом, узнал весь произ-водственный цикл и технологию, что пригодилось, когда стал ра-ботать конструктором и разрабатывать детали к машинам для пень-копрядильного производства.

Между школой и воинской частью, расквартированной в Клин-цах, сложились хорошие отношения. Меня и еще некоторых ребят посылали в воинскую часть оказывать шефскую помощь. Это был артиллерийский полк 37 стрелковой дивизии, размещавшийся в

корпусах бывшей фабрики Машковского по улице Клинцовой, как раз там, где начинается ул. Евлановка (ул. Свердлова). За проходной, во дворе, были конюшни, стояли пушки, и было маленькое помещение, в котором теснился клуб. В клубе школьники писали для воинов плакаты и лозунги. Здесь же мы показывали воинам художественную самодеятельность.

В свою очередь воины учили нас ухаживать за лошадьми, показывали нам орудия, разрешали открыть и закрыть затвор, посмотреть в прицел и, конечно, кормили солдатским борщом и гречневой кашей с жареным салом.

В 1930 году, уже в шестом классе, я получил общественную награду — обучать неграмотных взрослых. Тогда по всей стране занимались ликвидацией безграмотности. Поставлена была задача — научить людей грамоте, чтобы они могли читать газеты и понимать политику партии. Мне выдали тетрадку, карандаш, букварь, задачник и указали адрес. На мой стук в калитку открыла пожилая женщина. Я сказал: «Меня направили учить вас грамоте». Женщина улыбнулась приветливо, впустила в дом, напоила чаем, спросила, из какой я семьи. Оказывается, Степунины хорошо знали моего отца.

Муж и жена Степунины, люди пожилого возраста, не умели писать и читать. Мы начали с алфавита. Учили буквы, слоги, читали по слогам, писали буквы сначала печатные, затем скорописные. Решали простые арифметические задачи на сложение, вычитание, умножение и деление, учили таблицу умножения. Мои ученики оказались старательными, учились с охотой и делали заметные успехи. Я приписывал это своим учительским способностям, но подозреваю, что Степунины были не столько неграмотными, сколько малограмотными. Ведь они свободно читали Псалтирь на церковно-славянском языке и легко в уме производили денежные расчеты во время покупки продуктов. И все-таки к моим занятиям они относились серьезно: писали диктанты, решали задачи, читали учебник и газеты. В определенные дни я приходил в их маленький домик. Жили они напротив богадельни (теперь здание швейной фабрики) в угловом доме с двумя окнами по улице Демьяна Бедного. Я и сейчас посматриваю на этот домик с любовью. Где-то в моих бумагах лежит удостоверение об окончании семилетней школы, где сказано, что я участник ликвидации безграмотности в стране.

20. Демонстрации в 1920-е годы

Рабочие демонстрации первых послереволюционных лет оставили яркие воспоминания. 1 мая и 7 ноября превращались в дни всеобщего ликования.

Демонстрации обычно сопровождалась песнями, плясками. Фаб-

ричные хоры выходили на демонстрацию в полном составе и хорошо поставленными голосами исполняли сначала революционные песни, затем русские и украинские народные песни. В каждом коллективе были свои гармонисты. Пока колонна демонстрантов продвигалась от фабрики к центру города, гармонисты заводили плясовые с частушками, и начиналось безудержное веселье. Танцевали гопака со всевозможными коленцами, похожими на акробатические номера.

Демонстранты несли плакаты с портретами вождей мирового пролетариата вперемешку с карикатурами на вождей мирового империализма. Империалисты были такими страшными, что долго потом являлись в кошмарных сновидениях. Несли много знамен, транспарантов с призывами дать отпор мировому капиталу. Перед трибуной, где находилось городское и партийное начальство, запевали интернационал и революционные песни.

К дням праздника город украшали иллюминацией. Сколько остроумия и изобретательности проявляли устроители иллюминации. Особенно отличались студенты и преподаватели Индустриального техникума. Разноцветные огоньки то вспыхивали, то гасли, то закручивались в огненную спираль. Для жителей города украшение города электричеством было делом незнакомым, поэтому вечерами полюбоваться иллюминацией собирались толпы народа.

Отец всегда брал меня на демонстрацию. После демонстрации начинались гуляния в парках города. В каждом парке выступали коллективы самодеятельности. Сказочно был украшен парк Стодольской фабрики. Тогда парк был молодой, но очень благоустроенный. Над созданием парка трудился архитектор, приглашенный в свое время Барышниковыми. Парк украшали клумбы с цветами, фонтан с каменным мальчиком под зонтиком, красивые флигеля, в одном из которых когда-то жил Василий Евдокимович Барышников, зачинатель семейного суконного предприятия. Дорожки парка были тщательно убраны и посыпаны желтым песочком. Кроны деревьев изнутри были подсвечены гирляндами разноцветных лампочек. Ограда парка, сделанная из штакетника, бывала по верху окантована волнами из светящихся лампочек, накал которых то падал, то увеличивался. В ларьках и в палатках продавали сладости, сдобу, колбасу, пиво. Тогда в моде было черное пиво. Отец дал мне попробовать пиво, но оно мне не понравилось. А колбасу я «уписывал» с большим удовольствием. Она была духовитая с чесноком и с перцем.

Такая традиция проведения демонстрации сохранялась до войны. После войны в проведении демонстраций стало больше порядка, больше транспарантов и портретов, но меньше народного веселья.

Морозовы Таисия Максимовна и Михаил Семенович

21. Михаил Морозов

Михаил Семенович Морозов, 1916 года рождения. С детства мы были соседями и друзьями. Жили Морозовы сначала по Красноборской улице, напротив дома Буланиных. А в начале 1950-х годов построились по Михайловской улице по адресу дом № 5. В 1940-е годы, когда моя сестра Тася вышла замуж за Михаила Морозова, семья Храмченко и семья Морозовых породнились. Так вместе мы и прошли по жизни.

Корни семьи Морозовых – в посаде Ардонь. Мишин отец, Семен Яковлевич (1.10.1887 – 6.8.1976), родился в Ардони. Родители его, Яков Федотович Морозов и Татьяна Тимофеевна Луговая, умерли, когда Семену было 14 лет. Сироту взял в обучение двоюродный дед Семена, Епифан Николаевич Луговой, он же владелец кузнечной мастерской в посаде Ардонь. Два года Семен ходил в «мальчишках», то есть подсобным рабочим: носил воду, уголь, разжигал горн, подносил нужный металл, инструмент, убирал мастерскую в конце дня, топил баню. С 16 лет Семен уже работал молотобойцем и учился кузнечному мастерству. С 18 лет дед Епифан поставил Семена работать у наковальни самостоятельно. Семен Николаевич стал классным мастером. В семейном альбоме у

Миша хранится фотография, на которой собраны инструменты и вещи, изготовленные руками Семена Николаевича. Фотографию эту Миша сделал, чтобы запечатлеть на память искусство своего отца, настоящего мастера. Среди отснятых предметов молоток с металлической ручкой и гвоздодером на конце ручки, циркуль, кусачки, ножницы по металлу, плоскогубцы, металлический столик на изящных ножках. Сюда не попали подковы, обода, косы, валы для машин и множество изделий из металла, изготовленные руками мастера за многие годы жизни. На фотографии есть еще вещи из дерева: этажерка, полотняная раскладушка-кровать, рубель. Семен Николаевич еще был мастером по обработке дерева и грамотным плотником. С 1922 по 1941 годы Семен Яковлевич работал инструктором кузнечного дела в Клинцовском текстильном техникуме.

Жители Ардони в течение двух столетий занимались изготовлением саней, телег, кузнечным промыслом. К началу XX века в Ардони работало несколько кузнечных и механических мастерских с числом рабочих около 60 человек. Более всего выделялось предприятие С.П. Корявина, которое по тем временам было передовым и технически оснащенным, поскольку имело свои механические мастерские с двигателем внутреннего сгорания. Предприятие С.П. Корявина выпускало кареты, экипажи, фаэтоны, ландо. Продукция шла на продажу как по России, так и в Варшаву, Берлин, Париж. Одна из карет производства С.П. Корявина выставлена в Эрмитаже. Вокруг крупной мастерской подвизались мелкие кустари-производители. Например, Мишин дедушка по материнской линии Иосиф Куренков содержал шорную мастерскую, где готовил сбрую для лошадей и шорные принадлежности для снаряжения дрожек, фаэтонов, пролеток, выходивших из мастерских С.П. Корявина и Е.Н. Лугового. В годы гражданской войны ардонские мастерские изготавливали тачанки и даже брались ремонтировать машины. С годами эти самоучки могли бы открыть свои мастерские по ремонту автомобилей. Советская власть запретила частное и кустарное производство и принудила в начале 1920-х годов ардонских мастеров влиться в коллектив клинцовского Чугунолитейного завода. Но в Клинцы переносить избу было дорого, а ходить пешком на работу из Ардони было далеко. Так налаженное несколькими поколениями ардонских предпринимателей производство сразу было уничтожено.

Семен Яковлевич Морозов был женат на Анне Александровне Лихомановой (22.09.1892 – 9.07.1963), уроженке посада Ардонь, также принадлежавшей к роду ардонских мастеров. Отец Анны, Александр Иванович Лихоманов, был печником высокого класса, клал печи кафельные с кафельными карнизами и медальонами. Мать Анны, Мария Дмитриевна, до 1917 года работала на сукон-

ной фабрике Барышниковых на Стодоле. Анна была красавицей, с большой косой на голове, прекрасно пела. Но поскольку Анна из единоверческой семьи, а Семен – из старообрядческой, Анна согласилась перед вступлением в брак перейти в старообрядчество. Поэтому Семен и Анна венчались в городе Новозыбкове, где тогда, в 1913 году, находился старообрядческий архиерей.

Мишин дед, Яков Федорович, и прадед, Федор Анисимович Морозовы, тоже были мелкими кустарями. В то же время известно, что оба они были уставщиками в старообрядческой церкви.

Михаил Морозов окончил фабрично-заводскую школу-семилетку имени В.Г. Короленко, а в 1936 году – Клинцовский текстильный техникум. С 1937 по 1940 годы Миша Морозов служил в армии на Дальнем Востоке. Его воинская часть стояла на станции Раздольная. В 1941 году Михаил женился на Таисии Храмченко, моей сестре. Во время немецкой оккупации они оставались в Клинцах. После освобождения города Михаил был призван в действующую армию, служил в 340-м бомбардировочном авиационном полку, вылетал с экипажем для составления метеорологической сводки. С апреля по август 1945 года полк находился в Польше, в городе Кросно. В августе полк перебросили в Манчжурию, на озеро Хасан. Демобилизовался Михаил в декабре 1945 года, имеет награды: «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные медали.

Таисия Максимовна Храмченко (23.05.1922 – 29.01.2000) окончила 2 курса Клинцовского текстильного техникума. Учебу оставила и устроилась на работу, потому что семья жила бедно и Тасе не в чем было ходить в техникум. Сначала работала чертежницей на заводе им. Калинина, затем – светокопировщицей на заводе им. Щорса. Таисия имела красивый голос и хороший музыкальный слух, была прекрасной рукодельницей, обладала тонким вкусом и чутьем к прекрасному. Редкие поездки в Москву или в Ленинград Тася превращала в праздник, посещая театры и музеи.

Как в школе, так и в техникуме мы с Михаилом учились вместе. У нас были общие друзья и общие увлечения. Михаил Семенович Морозов вместе со мной работал в техническом отделе (конструкторское бюро) завода им. Калинина, был ведущим конструктором. На его счету десятки разработок и внедрений.

Михаил увлекался фотографией. Страстный почитатель истории родного края, он сделал десятки фотографий с видами зданий города Клинцы, делал копии со старинных фотографий и открыток. Значительная часть фотоархива Морозова находится в краеведческом музее.

Михаил Морозов увлекался пением. Его густой, сочный бас звучал в составе вокальных групп и коллективов заводской самодеятельности и прекрасно украшал наш семейный хор.

Последние годы Михаил вернулся в старообрядческую церковь, где успешно поет на клиросе.

Морозовы вырастили двух дочерей, Галину и Надежду. Галина Михайловна Морозова (10.01.1945) работала чертежницей на заводе им. Калинина. Надежда Михайловна Воробьева (12.08.1951) работает в детской музыкальной школе им. Беляева.

Во время повествования я неоднократно буду упоминать имя моего друга, Михаила Морозова, и дорисовывать его портрет.

22. Буланин

*Алексей Буланин
(6.02.1915–июнь 1973)*

Семья Буланиных жила по улице Красноборской в доме № 20. Это был единственный на улице кирпичный дом. Отец Алексея – Иван Иванович Буланин (умер в 1958 г.) – родом из Костромы. Окончил в Клинцах ремесленное училище. Преподавал в ремесленном, а потом техническом училище столярное дело, работал модельщиком на чугунолитейном заводе Федотова. После 1919 года стал преподавать труд в школе им. В.Г. Короленко и подрабатывать модельщиком на заводе им. Калинина. Иван Иванович был прекрасным мастером-краснодеревщиком. В пристройке к своему дому он сделал столярную мастерскую с двумя верстакими. На стенах были расставлены и развешены инструменты: рубанки, шерхебели, фуганки, циркули, измерители, стамески, коловороты,

ватерпасы, молотки деревянные и металлические, клещи, кусачки, гвоздодеры. По ящичкам были рассортированы гвозди разных размеров. В углу постоянно грелся на водяной бане столярный клей. Иван Иванович трудился до позднего вечера, но и зарабатывал неплохо. В жены взял дочь клинцовского купца Сергея Ивановича Иерусалимцева – Ольгу. В семье Буланиных было три сына: Виктор, Николай и Алексей.

Иван Иванович Буланин обучил меня столярному делу настолько хорошо, что еще в школьные годы я делал табуретки, рамы, полки, шкафчики, книжный пресс и другие мелочи. Сын Буланина, Алеша, тоже стал прекрасным мастером по дереву и, уже будучи пенсионером, делал на заказ оконные рамы для дачных домиков в садовом кооперативе. После окончания Клинцовского тек-

стильного техникума Алексей Буланин отслужил в армии на Дальнем Востоке в пос. Угольном. Воевал на Карельском фронте, а потом осел в Ленинграде, где уже жил его старший брат Виктор Буланин, окончивший технологический институт. По примеру старшего брата Алексей получил высшее образование. Оба брата стали видными специалистами, а Виктор – даже профессором технологического института. Средний брат, Николай Иванович Буланин, – офицер, участник Великой Отечественной войны, преподаватель ремесленного училища в Ленинграде.

С братьями Буланиными дружили я и Миша Морозов. Пока были живы их родители, братья часто приезжали в Клинцы. В 1950 году Миша Морозов был командирован в Ленинград на фабрику «Красный ткач» снимать чертежи с бильной машины и целый месяц жил в семье нашего друга детства Алеши Буланина.

23. Пожарная команда

Я уже упомянул, что отец одно время работал в пожарной команде на Стодоле. От отца я знал некоторые порядки, бывшие в те годы в пожарной команде. В городе было две больших пожарных команды: в центре города по Большой улице и на Стодоле. Обе команды соревновались между собой, устраивали совместные учения-соревнования на площади Свободы или на Стодоле и сотрудничали во время тушения больших пожаров.

У каждой команды была своя история, уходящая вглубь XIX века. Клинцовское добровольное пожарное общество в дореволюционные годы возглавлял Брусованкин. За доблесть и усердие на пожарах Брусованкин и его команда не раз получали вознаграждение от городских властей. Пожарный обоз размещался рядом с Общественным домом по Большой улице, а на крыше Общественного дома, служившего одно время помещением для мужской гимназии, стояла пожарная будка для наблюдения. В 1911 году было построено новое здание Городской Управы, к которому примыкало помещение для пожарного обоза и высокая кирпичная каланча, до сих пор украшающая панораму города.

Стодольская пожарная команда была создана вместе со строительством здесь фабрики Барышниковых. Каланча на Стодоле была деревянная. В годы немецкой оккупации в 1918 году на каланче был установлен пулемет. Дежуривший на каланче солдат нес охрану фабрики и стрелял при малейшем приближении к фабричной ограде. Немцы подстрелили одного школьника из группы ребят, возвращавшихся со школы по левому берегу реки Туросна, там, где теперь стоит ТЭЦ.

Большие пожары посещали посад Клинцы неоднократно. Стоит назвать пожар 1872 года, когда сгорела фабрика Верхнего Куба-

*Пожарная каланча, здание управы и лавки
на Большой улице. 1910-е годы*

ря и 300 жилых домов. Небольшие пожары, когда горел сарай или дом, возникали часто. На моей памяти в начале 1920-х годов пожары в городе были почти ежедневно, отчего жители города были в постоянном напряжении. Помню, летом 1924 года, во время крестного хода в честь апостолов Петра и Павла, процессия прошла по Большой улице, свернула на улицу Клинцовая (ул. Дзержинского) и на углу улиц Клинцовая и Евлановка (ул. Свердлова), где стояла тогда каменная Никольская старообрядческая церковь, люди зашумели, заволновались. Причиной волнения был пожар на Конторовской пенькопрядильной фабрике, что на Горке. Все говорили, что «волчки горят». Волчки – это вращающиеся барабаны, предназначенные для чесания пеньки или шерсти, на валах металлические зубья длиной до 40 см. Волчки часто возгорались, когда между ними попадали металлические предметы, или камешки, и высекали искру. Часть фабрики тогда сгорела.

По сигналу пожарного колокола, раздававшегося в Клинцах на центральной каланче, дежурный пожарный сторож на Стодоле был обязан играть в рожок. По сигналу рожка дружинники впрягали лошадей в повозки. На одних повозках были установлены бочки с водой, на других помпы, так назывались ручные насосы. Рассказывали, что лошади сами по сигналу рожка вбегали в подготовленные упряжки.

В дореволюционные годы был заведен порядок: по сигналу де-

журного колокола, что на клинцовской каланче, все свободные извозчики, дежурившие на «бирже» возле торгового места, — это на углу улиц Большая и Лысовка (ул. Советская) — должны были распрячь лошадей, верхом скакать в пожарную часть и там запрячь лошадей в пожарные возки. Тот извозчик, кто первым выезжал из пожарного сарая с помпой или с бочкой воды, получал в награду полтину (50 копеек серебром), другим платили по 25 копеек. Дневной заработок извозчиков составлял около 50 копеек.

В годы НЭПа сохранялся прежний порядок, но теперь воду подвозили легковые извозчики, которым оплачивалось по 5 рублей за бочку. Было в те годы 2 конных хода, на которых вывозили ручные пожарные насосы и рукава. Три лошади вывозили багры, лестницы, спасательные брезенты, ломовой и шанцевый инструмент и самих дружинников. Имелся еще так называемый багорный ход с конной упряжью 5-6 метров. В 1928 году появилась легковая машина, на ней возили ручной пожарный насос. А в 1930 году пожарные обзавелись грузовой «полуторкой», на которой был установлен автонасос.

24. Сенной базар

В годы моего детства сенной базар находился напротив “Белой” больницы, на углу Большой улицы и Ореховки (ул. Орджоникидзе). Сенной базар — важная и необходимая часть привозной торговли. Сено было основным кормом для лошадей и коров. Сенной базар в Клинцах неоднократно менял свое место, удаляясь от центра по мере роста посада, но всегда оставаясь на его окраине. Сенным базаром когда-то, в XIX веке, был «пионерский сквер», что на пересечении улицы Пустынка (теперь часть проспекта им. Ленина) с улицей Нововознесенской (ул. Парижской коммуны). В конце XIX века сенной базар перенесли на Конную площадь. Тогда это была окраина посада, здесь заканчивалась Большая улица. Но в первые годы XX столетия Конную площадь засадили липами, сиренью, обнесли забором и превратили в Сад Клинцовского Вольного Пожарного общества, а по сути — в Городской Сад с летним театром в центре сада. Сенной базар отодвинулся за улицу Ореховка к деревне Забегаевке. А когда построили Земскую больницу (“Белую”), то сенной базар оказался почти напротив больницы. На этом месте базар просуществовал недолго и вскоре был перенесен в конец улицы Евлановки (ул. Свердлова).

О сенном базаре хочется сказать несколько слов, потому что теперь таких базаров нет и уже никогда, наверное, не будет. Сенные базары стали историей. На сенной базар сено везли со всего уезда. Осенью телеги, а зимой сани, нагруженные душистым сеном, за-

полняли всю площадь. Крестьяне-мужики терпеливо ожидали покупателя. Клинчане понимали толк в хорошем сене. В каждом дворе держали корову. Утром, еще на рассвете, коров выгоняли со двора в стадо и передавали пастуху. Пастуха нанимало общество, оплачивая в складчину его каждодневный труд. Вечером пастух пригонял стадо с выгона. Коровы сами находили свои ворота, приветствовали зычным мычанием свою хозяйку и устремлялись в хлев, где их ждало сытное пойло.

Утром, собирая стадо, пастух выдувал из рожка свой незамысловатый мотив. Прогоняя стадо по городу, пастухи не подавали голоса: не разрешали городские власти. За городом, в поле, давали себе волю, покрикивая на непослушных и своенравных молодых коров. Некоторым пастухам помогали собаки. Нужно видеть, с каким знанием дела работает собака-пастух. Она следит, чтобы коровы не разбрелись, выгоняет коров из кустарника, из болотин, сгоняет их в стадо, подгоняет и направляет стадо, куда нужно. Пастух с собакой не знает горя. Идет, песню поет, изредка пощелкивая бичом. Пастухам без собаки приходится трудно. У каждой коровы свой характер и нрав. Некоторые своенравные коровы ведут себя, как анархисты. Ни рожок, ни брань пастуха до них не доходят. Они понимают только кнут. А стада сбивались большие – попробуй побегай за каждой коровой. Из Клинцов в 1920-е годы гоняли 3-4 стада в разных направлениях. Себе в помощники пастухи нанимали подпасков. Ребята в возрасте от десяти до пятнадцати лет с удовольствием выполняли роль загонщиков стада.

В каждом дворе, и даже в центре города, стояли рубленые из кругляка теплые коровники с высоким сеновалом-чердаком. Старые клинчане, выходцы из России, называли их поветью, а новоселы из деревень – коровник, хлев, пуня. Сено складывалось на верхнем этаже-чердаке повети и в течение зимы сбрасывалось под ноги коровам. У кого не было повети, те ставили позади усадьбы на огороде или в саду стожки сена.

Недавние поселенцы, перебравшиеся из деревни в Клинцы, заготовляли сено сами и привозили его из своей деревни. Большинство коренных клинчан покупали сено на сенном базаре. Идет покупатель по сennomу базару от одного воза к другому, берет клочок сена, растирает между ладоней и подносит к носу, нюхает. По сennomу аромату определяли качество сена, время покоса, букет трав: луговой, пойменный или лесной. Те из хозяев, кто не хотел быть обманутым, кто хотел угодить вкусу капризной коровы, брали с собой корову на базар. Рога перевязывали веревкой и вели корову в поводу, а на базаре подводили рогатую кормилицу к возу с сеном и наблюдали. Если корова отворачивалась от сена, хозяин с коровой переходили к следующему возу. И так продолжалось до тех пор, пока корова не находила приятное для себя сено. Тут же сговаривались о

цене. Крестьяне доставляли сено на усадьбу к покупателю, сами разгружали телегу, сами забрасывали сено на поветь.

25. Я пошел работать

Работать я начал с весны 1927 года, когда мне было 11 лет. Однажды отец пригласил меня с собой «за компанию», я согласился – и проработал с ним все лето. В те годы начинало застраиваться поле вдоль Смолевицкой дороги, идущей от Стодола к деревне Чемерне. Это там, где в конце улицы Евлановки (ул. Свердлова) базар. Тогда базара еще не было. Чистое поле простиралось до речки Чемернянки, а невдалеке начинался большой еловый лес – Токаревка, который стоял до самой Вьюнки.

Отца как хорошего печника приглашали то к одним, то к другим новоселам делать печь. Иногда отец работал в компании с братьями, Митрофаном и Емельяном – моими дядьями.

Отец будил меня на зорьке, когда краешек солнышка еще только начинал показываться из-за горизонта. Мы брали с собой еду и, не мешкая, шагали. Ранним утром было ядрено. Я бежал босиком. Трава росистая, холодная, сразу сон отгоняет, и идти хочется резвей. Зато днем – жара, отогреться и распариться.

Отец всегда нес на работу за плечами деревянный чемоданчик с инструментом: молоток, кирка, уровень, кельма, висок (отвес), складной аршин – все, что нужно мастеру-печнику.

Я выполнял работу подсобного рабочего: носил воду, подносил глиняный раствор, подавал отцу отвес, кирпичи. Много сил требуется, чтобы размочить и замесить глину, а потом в ведре подавать к месту работы. Пока я был мал, глину месил ногами. Когда подрос и окреп, стал месить глину лопатой. В этом случае силы требовалось больше. К концу дня моей обязанностью было убрать весь мусор вокруг места работы, так как отец любил порядок.

Самая трудная работа начиналась, когда отец ставил трубу на крыше. Берешь под мышку несколько кирпичей, взбираешься с ними по лестнице до крыши, затем – по крыше до трубы по стрелянке. Спускаешься, берешь ведро с раствором глины и поднимаешь на крышу, отдельно в ведре подаешь на крышу воду. Года через три, когда я подрос и стал кое-что соображать, предложил отцу подавать на крышу кирпич и раствор с помощью журавля. Не помню, кто меня надоумил, но отцу предложение понравилось – и работать стало легче.

Работу заканчивали, когда солнышко опускалось на сажень до горизонта. Тогда я производил уборку помещения, и мы отправлялись домой, мечтая поужинать и скорее лечь спать. При таком распорядке в первую неделю работы не чувствуешь ни рук, ни ног.

Точнее даже очень чувствуешь: больно присесть, больно нагнуться. Зато потом, когда втянешься в работу, мускулы становятся железными и уже мало поддаются утомлению.

В конце недели, в субботу, на исходе рабочего дня, я получал на руки жалование — три целковых на личные расходы. С этого лета я стал самым богатым среди своих сверстников. Воскресенье — это мой свободный день. Мы с Поликаном, моим неизменным товарищем детства, отправлялись путешествовать по городу, который за малолетством знали плохо. Мы тогда воображали себя настоящими исследователями. Заходили в каждый магазин, рассматривали товары, узнавали цены. Мы заглядывали в фабричные клубы, читали афиши и вывески на домах, наблюдали за работой извозчиков, постового милиционера, ходили в кинотеатр. Любили гулять вдоль берега Стодольского озера. Нас поражали размеры плотины, мосты, переброшенные над плотиной, «шум» — так называли падающую с плотины воду. Но в начале нашего пути первым делом заходили в какую-нибудь лавку и покупали любимой чайной колбасы (40 коп. за фунт) и пеклеванного хлеба (9 коп. за фунт). Такая еда казалась необыкновенно вкусным лакомством. Иногда мы позволяли себе «разгуляться» и тогда брали «ситницу» или же за 7 копеек «французскую» булочку (пирог). В те годы их пекли из очень белой пшеничной муки. Или покупали «маковники» в виде ромба по 5 копеек за штуку и ириски по полкопейки за штуку. Такими были наши маленькие радости. Надо помнить, что это шли последние годы НЭПа, и магазины были переполнены товарами и продуктами, очередей за продуктами еще не было. В годы НЭПа в Клинцах частная инициатива насытила рынок всевозможными товарами и продуктами, которых уже в последующие десятилетия не было видно, а если и поступали в продажу, то были в большом «дефиците».

В те годы среди инженеров, врачей, учителей было принято носить в правой руке палку с изогнутой ручкой. При надобности палку можно было повесить на руку. Рукоятку палки украшали резьбой в виде головы льва или змеи, или фигуры человека, несущего на плечах овцу. Женщины носили в холодное время года вместо перчаток муфты. Муфту украшали снаружи красивым мехом, а внутри была атласная подкладка. Муфту подвешивали через шею с помощью красивой тесьмы или шнура. В муфты прятали обе кисти рук. Некоторые шили муфту с внутренним кошельком. К концу 1930-х годов палки и муфты вышли из моды. А вот еще одна странная мода тех лет. В 1920-е годы молодые люди из богатых семей «нэпманов» во время разговора хрустели суставами пальцев. Чтобы вызвать в суставах щелчок, нужно было захватить палец и потянуть его с определенным усилием. Это считалось неким шиком, наверное, заменителем красноречия.

Мне, конечно, было завидно, что из-за работы я не мог, как другие ребята, каждый день играть на улице, ходить в лес, купаться в озере. Но физическая закалка и личный заработок делали меня в собственных глазах и в глазах сверстников намного старше и независимее. Благодаря повседневной физической работе, я вскоре стал сильнее своих сверстников, что еще больше прибавило мне авторитета.

Работа печника во вновь строящемся доме обычно сочетается с работой плотников. Несколько раз мы работали в одной связке с артелью плотников из деревни Шоломы. В артели было четверо плотников: Харитон, Спиридон, Кузьма и Тишка. Из всех четверых выделялся Спиридон могучим телосложением и необыкновенной силой. Харитон и Кузьма были ниже ростом, но тоже дюжие богатыри. Тишка — небольшого роста, крепко скроенный, быстрый, веселый остро слов. Работали они красиво, слаженно, с полуслова понимая друг друга. За несколько дней они «одевали» дом с ног до головы: крыли крышу, подвешивали потолки, настилали полы, ставили двери, вырезали и крепили наличники, рамы, ставни, карнизы, крыльцо. Вот когда я получил хорошую трудовую школу. Я научился строгать, точить инструмент, перенял у них все приемы плотницкой работы, особенно правила настилки полов, чтобы полы были гладкие, хорошо сплоченные, без единой щелочки.

26. Печные работы в деревне

Первое лето отец брал меня помогать класть печи в городе, а со следующего лета — в деревню. В городе клали голландки, в основном, кафельные, реже — русские печи. В деревне клали только русские печи. Отец брал заказы чаще в деревне Смяльч, где его хорошо знали и уважали как опытного мастера. Обычно в деревню уходили после Троицы. Путь в Смяльч неблизкий, поэтому чаще уезжали в телеге с кем-то из крестьян, приезжавших в Клинцы на торги. Но бывало, что ходили пешком. Дорога почти на всем пути шла сквозь старый сосновый лес. Вблизи редких деревень лес расступался, начинались крестьянские поля, затем грязный деревенский проселок. У колодца в грязи всегда бродило стадо свиней, вокруг — утки, куры. В сторонке в траве отдыхали гуси. Этой крестьянской живности было так много, что казалось, нет им числа. Но дорога снова ныряла в лес. Ближе к реке Ипуть хвойный лес сменялся дубовыми зарослями.

Работа в деревне отличалась от работы в городе. Здесь нужно было сменить обветшавшую печь и провести одновременно ремонт хаты.

Старые печи сначала разбирали по кирпичику. Кирпичи в де-
240

ревне были очень дорогими, поэтому каждый кирпич очищали от старого раствора и складывали по сортам. Например, на фундамент отбирали красный железняк, для трубы брали железняк, хорошо обожженный. Затем отец выкладывал новый фундамент под будущую печь. Старые печи стояли на дубовых лагах или на гранитных валунах. Когда фундамент был готов, отец начинал класть печь.

Как всегда, отец проверял качество глины. Брал в руки кусочек глины, растирал его, лепил и давал засохнуть. При этом смотрел, чтобы при высыхании не появлялись трещины. Смяльчские мужики знали требования печника и загодя привозили глину из известного им глинища, складывали ее в ящик из обрезной доски и держали влажной под рогожами.

Отец работал без мастерка. Кирпич смачивал из пригоршни. Раствор забирал ладонью, раскладывал по поверхности кладки, смазывал раствором торец кирпича и клал его сверху «вприсык». В швах оставлял глины самую малость — на 3 мм. Швы в дымоходе затирал рукавицей. Дымоход внутри получался гладким. На поворотах дымохода углы кирпича срубались. Печь поднималась быстро. За неделю успевали разобрать старую и поставить новую печь. Воскресенье отдыхали. И так все лето. Новую печь подсушивали лучиной, чтобы прогревалась медленно и не было трещин в швах. Печи получались хорошие, поэтому заказами отец был обеспечен на все лето и даже на год вперед.

Самыми счастливыми минутами были те, когда отец разрешал мне самому класть кирпичи. Он был требовательным учителем, а я, видимо, способным учеником. Память у меня была хорошей и нередко, лежа в постели, я мысленно ряд за рядом выкладывал свою печь, мечтая, что когда-нибудь стану таким же знаменитым печником, как отец.

Замена печи сопровождалась ремонтом хаты. Со стен обдирали старую растрескавшуюся штукатурку и штукатурили стены заново. Нередко приходилось набивать на стены новую дранку взамен старой. Для этого обдирали или лутили дерево на лучину, которую называли дранкой. Для штукатурки готовили замес глины с соломой. Солому предварительно рубили топором. Длина нарубленных соломок с вершок длиной, не больше. Стену обмазывали и давали высохнуть. Через неделю делали затирку стен смесью глины с песком, до гладкой поверхности. После этого стену покрывали меловой побелкой, отводили кантики с помощью бечевки.

В течение нескольких лет я оставался при отце подсобным рабочим. Крутился, как белка в колесе, страшно уставал. К вечеру валился с ног и засыпал мертвым сном. Не чувствовал, как меня кусали клопы и вши, не слышал ни людских голосов, ни крика петухов.

Жизнь в деревне в течение всего лета вносила определенную новизну, обогащала новыми впечатлениями. Здесь многое было не так, как в городе. Люди одевались в крестьянские одежды, питались другой пищей, говорили на местном наречии, даже изба называлась хатой.

На обед обычно подавали уху, щи или бульбяшник, заправленный салом, картошку отварную или тушеную, когда были грибы — с грибами, или кашу пшеничную с конопляным маслом. На сковороде шкварчало жареное сало. К каждому кушанью ставили обязательно соленые огурцы, а в конце лета — свежие. В постные дни вместо сала было конопляное масло. На завтрак чаще давали творог. Поскольку творог был слегка подсушенный, крупинками, то его затирали молоком. К творогу хозяйка подавала горячие пухлые оладьи. Они были как резиновые, растягивались. Оладьи макали в тертый творог и ели. А вообще, творог и сметану крестьяне берегли, собирали на продажу. Молоко никогда не кипятили, пили только сырым или самоквашеным. Зачастую ужин состоял из молока с хлебом.

Понятие о чистоте у крестьян было не развито. Вспоминается такая картинка. Хозяйка накрывает на стол перед ужином. Кошка запрыгнула на лавку, стала на задние лапы и отпила из кувшина немного молока. Хозяин заметил и говорит жене: «Исплясни!». Хозяйка отлила чуть-чуть из кувшина на пол — «испляснула» — и поставила кувшин перед нами на стол. Сочла, что молоко уже чистое.

Почти ежедневно готовили уху или жареную рыбу. Рыбы в реке Ипуть тогда было столько, что поймать ее не составляло труда. Помню, пришли мы в село на работу с родственником, Николаем Ивановичем Барановым. О нем могу сказать, что это был прекрасный бас и заядлый рыбак. Был воскресный день. Мы с отцом направились в церковь. Местный священник знал, что отец поет в церковном хоре, и всегда приглашал отца на клирос. Пока мы стояли на службе, Николай Иванович наловил на удочку столько рыбы, что едва донес до дома. Рыба на крестьянском столе заменяла мясо и спасала крестьян в голодные, неурожайные годы.

Вечером с выгона возвращалось стадо. О приближении стада было известно загодя. Сначала над дальним лесом поднимался столб пыли. Затем становились слышными окрики пастуха и зычное мычание коров. Коровы и овцы паслись вместе. В каждом дворе было по 1-2 коровы, а то и больше, и по 7-9 овец. Наконец, мычащее и блеящее стадо входило в деревню, неся за собой облако пыли. В селе стадо расходилось по своим дворам. У коров хорошая память. Подойдет пеструха к воротам, толкнет рогами знакомую калитку и заходит во двор. Если калитку забыли открыть, корова стучит рогами в ворота, призывно мычит, просит впустить.

Вечерами, после работы, ходили купаться на реку Ипуть. В те

годы Ипуть была полноводной и рыбной рекой. На реке не бывало тишины. Постоянно слышался плеск воды. Поверхность реки все время шевелилась, колыхалась, завихрялась в том месте, где крупная рыба делала у поверхности резкий поворот. А к вечеру вода просто «вскипала» от резвящейся у поверхности рыбы. Начинаясь вечерняя зорька, рыба выходила на охоту и кормежку. В это время к воде спускаются комары-толкунцы, привлекая своим танцем подводных охотников. Начинается настоящее пиршество. Сотни мелких рыбешек выскакивают из воды, врываются в комариное облако и, набив полный рот насекомыми, шлепаются в воду.

Стоишь на берегу и каждую минуту слышишь: то тут, то там раздаются удары по воде, как будто кто-то бросает в воду бревно. Это щуки выпрыгивают из воды в погоне за мелкой рыбешкой. Волна идет до берега. Вдруг из воды выскакивает большая стая рыбешек. Они веером разлетаются на несколько метров в разные стороны, планируя на коротких оттопыренных плавниках. За ними только что гналась щука. Щука – самый активный хищник. Иногда увлеченная погоней щука выскакивает на берег. Начинает бить о землю хвостом, подпрыгивает, кувыркается в воздухе и неизменно оказывается в воде.

Купаться в Ипути было небезопасно. Помню, первый раз разделся, вошел в воду, а мужичок с берега кричит: «Не лезь в ваду, а то тебе сомы съядут!». Действительно, в глубине вод часто можно было увидеть очертания гигантского сома. Говорили, что вес таких сомов доходит до 6 пудов. Днем сомы затаиваются в печурах, а вечером выходят на кормежку. Бывали случаи, когда сомы утаскивали уток, гусей. А я в ту пору был еще худеньким и щуплым мальчиком, чуть больше того гуся.

Тогда же я узнал, какими большими могут быть щуки. Помню, подошли к реке, а у берега хлопочут рыбаки, шумят возбужденно. Смотрю, в плоскодонке во всю длину лодки от носа до кормы лежит щука. Это почти три метра. Голова щуки разбита веслом. Рыбу обездвижили, когда вытаскивали из сети.

Крестьяне на базар привозили рыбу в кошельях из лыка, рыбу перекладывали луговой травой. Кошели, как рюкзак, вешали на плечи.

В выходные дни, когда мы отдыхали от работы, собирались крестьяне поговорить, познакомиться, договориться с мастером о работе. Отец в такие часы предавался любимому занятию – пению. Пел отец красиво, правильно, чистым тенором. Пел украинские и русские песни. Певца слушали с удовольствием, редко когда подхватывая мелодию. Его песен они не знали. У них были свои песни, и крестьяне с готовностью показывали свое умение. Крестьянские песни чаще были заунывные, с какой-то грустью. Пели на нескольких разных голосов, пели мужчины и женщины. От песен этих по-

рой становилось жутко так, что мороз «продирал» по коже, особенно когда пели бабы с «подвыванием». После грустных песен в круг певцов врывалась взрывная, захватывающая песня про Ньюру и Танюшу, про парубка-гуляку. И так — до темноты. Я тогда напился народными песнями так, что песни сами всплывали в голове. Если кто-то, случалось, запоет песню, я мог с точностью сказать, что этот певец из деревни Смяльч или Писаревки, или Залиповья. В каждой деревне были свои старинные песни. Всю жизнь носил я в сердце особое чувство боли от того, что не смог записать и сохранить эти песни для памяти людской.

Отцу признателен за то, что он научил меня любить работу и презирать праздность. Печному делу я обучился и был бы хорошим печником, но судьба распорядилась мне стать конструктором. Лишь спустя много лет мои знания оказались востребованными. В 1943 году город Клинцы лежал в развалинах. Отступая, фашисты целенаправленно сожгли все общественные постройки и фабричные корпуса. Уже на второй день после освобождения города на механический завод собрались все, кто не был на фронте. Начались восстановительные работы. Вот тогда, своими руками, я сложил печи во всех помещениях административного корпуса, и работали печи почти 10 лет, пока не началась реконструкция здания и печное отопление не заменили паровым.

27. Заметки о крестьянском быте

Я уже говорил, что каждое лето я с отцом, а бывало с кем-то из его братьев, отправлялся ставить печи по деревням.

Была середина 1920-х годов — годы НЭПа. Крестьяне тогда любили и уважали Советскую власть за то, что дала им землю, и на этой своей земле крестьяне трудились от зари до зари. Плоды полей и кустарных промыслов крестьяне везли в Клинцы на базар, на ярмарки. В нашем доме в Клинцах постоянно становились на постой крестьяне из деревни Смяльч. Вечерами я оказывался свидетелем их разговоров. Бесхитростные мужики говорили о ценах, о выручке, о покупках. Я понимал, что торговля крестьянскими товарами приносила им доход. У крестьян в те годы появились деньги, чтобы купить кровельное железо, пригласить печника переложить печь, купить детям «городскую» обувь и «городскую» одежду. Эти наши постояльцы из дальних деревень в основном и были нашими заказчиками.

С 12 лет отец стал брать меня на работу в деревню. Обычно мы ходили в Смяльч и соседние с ней деревни и села.

С первого раза я понял, что в селе принято здороваться с каждым человеком. Мое самолюбие задело то, что при встрече с пожилой женщиной она первая поздоровалась с незнакомым ей мальчи-

ком. И с тех пор я старался поздороваться первым. Эта хорошая добрая традиция в больших городах утрачена, но в деревнях еще жива. Я считаю этот обычай проявлением высокой культуры народа, несмотря на его традиционную отсталость в бытовой жизни.

Смяльч тогда был большим, но очень глухим селением. Многие жители, особенно женщины, признавались, что не бывали никогда в городе и не видали железной дороги, и, вообще, за всю жизнь не выезжали дальше ближнего села. О степени грамотности судить не берусь. Но что меня тогда удивляло, как примитивно живут крестьяне в сравнении с тем, как живут горожане.

Все хаты были крыты соломой. Железные крыши тогда еще только стали появляться. Дворы редко были огорожены плетнями. Во дворе у дома и по улице свободно бродили куры, свиньи. Крестьяне за малой нуждой ходили с крылечка. За большой нуждой ходили за дом. Там на двух столбиках была укреплена доска, в виде скамеечки, а за скамеечкой в лучшем случае выкапывали небольшой углубление в земле. Туда, зачастую, навевывались куры, все разгребут, расклюют и разнесут. На дворе перед домом скапливался навоз. Там копошились куры, разбрасывая навоз по двору, а в дождливые дни от навозной кучи по земле растекались зеленые и коричневые потоки. От всего этого — грязь, запах. Такое ведение хозяйства было в каждом дворе, богат или беден крестьянин. Другого крестьяне не знали. Цветов возле домов не было. Крестьяне, приезжавшие к нам в Клинцы, всегда восхищались обилием и разнообразием цветов в нашем дворе. В этом была заслуга матери и отца. Но у себя, в деревне, цветы не заводили — не было принято. Крестьянин в быту был очень неприхотлив. Если надо, спал на земле, если попал под дождь, вымокнет до нитки — и ничего, как и надо. Целое лето ходит босиком, и по лесному шиголу и по стерне. Обувается, когда начинаются заморозки. В холодные утренники, когда прогоняли стадо, можно было наблюдать, как детвора грела голые ступни, стоя в теплом коровьем помете. Навоз быстро обсыхал и осыпался, кожа на ногах после такого компресса выглядела чище.

В деревенской хате не было внутренних перегородок, а, следовательно, не было комнат. Жизнь всей многолюдной и разновозрастной крестьянской семьи проходила в одном небольшом помещении, в основном, в центре избы перед печью. В правом углу обычно стояла русская печь. Теплая печь лечила все недуги: простуду, боли в спине и в пояснице, боли в животе. Вдоль стен стояли лавки. Слева, напротив печи стоял стол, чисто выскобленный и вымытый, а на столе под белым холстом всегда — каравай хлеба. Полы в хате мыли обычно к Пасхе. В остальное время, чтобы полы меньше пачкались, застилали соломой.

Кроватей не было. Спали на полотах. Это деревянные полки

вдоль стен, на уровне печной лежанки: так теплее. Матрацев не помню. Спали на овчинах. Под голову клали холщовую насыпку, набитую соломой. В некоторых семьях даже солома считалась богатством, не говоря уж о сене, которое берегли для скота и не травили на набивку каких-то там «подушек». Солома тоже относилась к предметам роскоши. У крестьян была шуточная поговорка: «Колы б я был царем, то сало с салом ел, да на соломе спал». В ответ на эту шутку можно было услышать: «А колы б я был царем, то украл бы сто рублей и утек». К сожалению, в шутке часто много правды. Во власть идут не для служения народу, а для наживы и обогащения.

Одеял не было, накрывались овчинными шубами или чекменями. Как только становилось тепло, многие крестьяне перебирались ночевать на сеновал: там постель мягче, свежий воздух и тишина.

Одежду и обувь крестьяне изготовляли сами. Из конопли и льна ткали холсты, из них шили белье нижнее, рубашки, подштанники, сарафаны, кофты, юбки. Для штанов ткали полушерстяную ткань, более тяжелую и грубую. Для этой ткани основа (основная нитка) бралась льняная, а уток был из шерстяной нитки. Для чекменей ткали грубую шерстяную ткань, толщиной с ладонь, после чего дополнительно ткань уплотняли – валяли.

Мужчины носили рубаху нижнюю, рубаху верхнюю и подштанники из полотна. Штаны шили из полушерстяной дмотканой ткани. Пуговиц не было, вместо них пришивались завязки. Летом мужики и бабы ходили босиком. В ненастье и в холод ноги обували в лапти. Лапти были двух видов: из лыка и, реже, из пеньковых веревочек. Ногу обматывали куском холста, который называли обмоткой или портянкой. В такой обуви ходили в мороз и в слякоть. Вечером обмотки сушили на печи. От постоянного переохлаждения ног все крестьяне постоянно кашляли, плевали и сморкались прямо на пол хаты. Те, у кого были сапоги, надевали их, когда шли в церковь.

В прохладную погоду и мужчины и женщины надевали поверх всего свитку из дмотканого сукна. Зимой поверх одежды надевали овчинную шубу мехом внутрь, собственной выделки. Шапку на голову шили из двух полос овчины – прямой покррой в виде папahi. Глубокой осенью и зимой, в ненастье, отправляясь в дорогу на телеге или санях, поверх шубы одевали чекмень. Это длинная до пола накидка из толстого дмотканого сукна, с капюшоном. Чекмень защищал от вьюги, от мороза и от дождя.

Женщины шили сарафаны со сборками и с плечиками. Под сарафан одевалась длинная льняная самотканая нижняя рубашка. Трусов не носили, о них просто не ведали. Знаю, что даже в городе Клинцы в 1920-х годах, когда родители стали покупать и одевать девочкам-школьницам трусы, то первое время это вызывало злоб-

ные насмешки и интерес со стороны сверстников. Рубашки у крестьянок были прямого покроя. Вышивку на рубашках делали только на рукавах, так как рукава были видны из-под сарафана. Девушки носили приталенные кофточки из цветных тканей. Кроме сарафана, носили юбки. Платьев не было. Если было прохладно, одедали свитку.

Летом женщины ходили босиком. В холодные месяцы года надевали чулки и крепили их с помощью завязок. Ноги обували в лапти. Те, кто побогаче, носили сапожки. Зимой надевали овчинный полушубок или шубу. Платок спасал голову женщины от любого ненастья. Зимой поверх тонкого платка повязывали второй платок, нередко шерстяной.

В деревне Смяльч я бывал почти ежегодно в течение многих десятилетий, но в памяти отложились особенно первые впечатления. Мы поселились в хате знакомого крестьянина, Ивана Бобрика. Он часто останавливался в нашем доме, когда приезжал в Клинцы на торги.

Помню, проснулся утром, лежу на полатах и смотрю на пол. А из щели в полу выползает жаба, за ней другая и начинают охотиться на мух, которых в доме неисчислимое количество. Ветхие, дырявые полы были почти во всех хатах и не смущали крестьян.

В одном доме, кажется у Духовцов, я наблюдал такую картину. Детей в семье было много. Старших детей поили молоком у стола, а для малышей молоко наливали в миску и ставили миску на пол, поскольку до стола им было не дотянуться. Дети, сидя на корточках, ложками черпали молоко из миски. Если молока было недостаточно, мать или старшие дети подливали из кувшина еще. В это время на запах молока из-под пола появлялся уж. Он решительно подползал к миске и начинал вместе с детьми пить молоко. Дети не боялись ужа, он был ежедневным сотрапезником. С ним даже обращались по-приятельски. Если не хотели давать молока, то ложкой слегка ударяли ужа по голове. Он отползал с шипением, но через некоторое время, забыв обиду, снова оказывался у миски и слизывал молоко языком. Насытившись, уж уползал в подполье.

Вскоре, когда ставили печи, я рассмотрел и понял, что деревянный пол настелен поверх земляного пола. Лаги положены прямо на землю, поэтому пол быстро подгнивал. Несколько десятков лет назад крестьяне, видимо, впервые постелили деревянные полы, а до этого во всех хатах были полы земляные.

В некоторых хатах полы так и не были покрыты досками, по бедности. Земляные полы за долгие годы впитывали в себя все возможные выделения человека, особенно малолетнего возраста, помет кур, поросят и телят, все пролитые на пол щи и прочее. От этого земляной пол превращался в гладкую, утрамбованную и твердую поверхность, напоминающую кору застывшей грязи. Если на

пол случайно проливалась вода, пол становился скользким до невозможности. Крестьяне посыпали пол соломой, а когда солома истиралась и загрязнялась, ее меняли на свежую.

Бани были устроены в полуземлянках, перекрытых деревянным срубом. Перед дверью была раздевальня, отгороженная невысоким плетнем, зачастую крышей было небо. В раздевальне стояла старая лавка. Баня топилась по-черному. Дым разъедал глаза так, что поминутно приходилось выбегать наружу, чтобы вдохнуть несколько глотков чистого воздуха. Воду для мытья грели в деревянном ушате. Для этого из очага брали раскаленный камень и опускали в воду. Ушат с водой стоял в центре бани. Все рассаживались вокруг ушата и сначала грелись. На полати могли забраться один-два человека. Но выдержать густой и едкий дым на полатах было невозможно. Мыла не было. Для мытья пользовались зольной водой, а чаще обходились без зольной воды. Напускали пара и грелись до такого состояния, когда начиналось обильное отделение пота и грязь скатывалась «катышами». Очистив тело ладонью от первой грязи, поливали себя горячей водой. Затем в ход пускали березовый или дубовый веник, снимали вторую грязь, ополаскивались водой – и баня была завершена.

Нельзя согласиться, что крестьяне жили так от бедности и нищеты. Многие семьи жили в сытости и в достатке. Правильней будет сказать, что быт крестьян столетиями оставался неколебим в силу привычки, в силу традиции, в силу удаленности от города.

Когда мы пришли в деревню и стали готовиться ставить печь, собрались соседи посмотреть на городских людей, послушать новости, узнать, что будут строить. Как положено в таких случаях, все и каждый хочет высказаться. Говорили, что городские печи хорошие и что пора жить по-городскому. Но можно было услышать замечания скептиков, дескать, старые печи тоже хороши, ведь жили так «завсегда», а с новой печью еще «не знамо, как будет». Люди нехотя и с опаской меняли сложившийся быт.

Но и через 30 лет мало что изменилось. Осенью 1961 года я поехал с нашими заводскими рабочими покупать картофель. В поисках картофеля мы добрались до деревни Перелазы. Заехали в такую глушь, откуда «хоть три года скачи, ни до какого города не доскачешь». В космос полетел Гагарин, а в деревнях нет электричества. Живут с керосиновой лампой. Но там, где есть электричество, еще отчетливее проступает бедность, примитивность обстановки и грязь. Грязь во дворах, грязь в хатах, грязная одежда. В Перелазях хатки стояли маленькие, под соломой. Многие хаты были поставлены к улице глухой стеной, без окон. Чтобы достучаться, нужно было проникнуть во двор, обогнуть дом и разбудить собаку, чтобы лаем своим она вызвала хозяина. В хатах я увидел те же глиняные полы, полати, а в речах крестьян – полная безысходность и равнодушие.

Не лучше стала жизнь и в любимом мной Смяльче. Бедность, горькая обида на власть за проводимые на селе эксперименты, которые все больше отрывают крестьянина от земли. Молодежь работать на земле не хочет: сколько не работай, а богаче не станешь, государство выгрывает в свои закрома все, что выращено в колхозе. Если вовремя не украдешь зерна, свеклы, сена, то зиму не проживешь. От такой жизни молодежь уезжает в город, деревня стареет и вымирает. От безысходности мужики и бабы спиваются.

И несколько слов о говоре местного населения. И в 1930-е, и в 1960-е годы крестьяне в Смяльче упорно не выговаривали букву «Ф», видимо, сказываются малороссийские корни. Имя нашего хорошего знакомого в Смяльче Филимона Николаевича в устах близких ему людей – Моти, Николая, Нины, зятя Михаила Романовича – звучало Халимон Николаевич. Афанасия Ковалева звали Ахванасий. Федору Ивановну Бобрик муж ее, Лаврен Духовец, величал: Хадора Ивановна.

28. Клинцовские храмы

В 1920-е годы в городе Клинцы было несколько действующих церквей. Старинные, поставленные еще старообрядцами в XVIII веке, Вознесенская и Троицкая церкви занимали в панораме города главное место. Это были величественные деревянные сооружения, построенные в традициях зодчества северной Руси, но с приметам влияния местной украинской традиции церковного зодчества. Высоко вознесенными куполами и колокольнями церкви возвышались над одноэтажным городом. Храмы пользовались любовью прихожан, а как свидетели старины оставались предметом гордости и главной достопримечательностью города. Ни одного приезжего не оставлял равнодушным облик клинцовских храмов. Каждый из названных храмов представлял, в сущности, целый комплекс сооружений. Рядом с высокими летними храмами стояли невысокие зимние храмы. На цвинтере (так в Клинцах назывался церковный двор) Вознесенской церкви зимний храм был во имя Архангела Михаила, а на цвинтере Троицкой церкви зимний храм был во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Собранные в одном месте десятки куполов летнего и зимнего храмов, увенчанные крестами, создавали необыкновенное зрелище. От храмов на город растекался малиновый звон колоколов. В храмах было средоточие клинцовской старины.

Рядом с храмами были могилы священников и знатных прихожан. На цвинтере Вознесенской церкви хоронили почетных граждан города. Вознесенская и Троицкая церкви в середине XIX века перешли в подчинение Синода и стали называться единоверчески-

Троицкая единоверческая церковь. 1940-е годы

ми. По условиям договора старообрядцев и господствующей церкви служба в единоверческих храмах велась по старопечатным книгам и строго соблюдался старый обряд.

Наряду с единоверческими церквями были в Клинцах две старообрядческие церкви. Одна – деревянная, на улице Пушкинской, во имя Преображения Господня. Она стоит и поныне. А другая – каменная, Покрово-Никольская, стояла на углу улиц Евлановки (ул. Свердлова) и Клинцовой (ул. Дзержинского). Церковь эта была построена в самом начале XX века купцом Николаем Степуниным. Рядом с храмом находилась семейная усыпальница Степуниных.

В мужском монастыре, за Зубовским кладбищем, стояла большая с шатровыми куполами красавица церковь во имя Образа Нерукотворенного Спаса. Лес скрывал сам мужской старообрядческий монастырь, но церковь хорошо была видна из Клинцов. За мужским монастырем, верстах в полутора от него, был старообрядческий женский Успенский монастырь с очень скромной церковью и несколькими кельями для пожилых монашек.

В Клинцах было несколько синагог. Одна из них, главная, на улице Петропавловской (ул. Кюстендилская) рядом с улицей Лысовской (ул. Советской). В здании этой синагоги в 1930-х годах был открыт клуб швейной фабрики «Дер-Эмес» («Правда»).

считалась еврейской потому, что все управление фабрикой и даже некоторые швей были евреи. Здание сохранилось до наших дней. Другая синагога помещалась в доме по улице Пустынка, напротив мужской гимназии. Теперь улица Пустынка стала частью проспекта имени Ленина, а гимназия известна клинчанам как школа № 2 имени Герцена. Здание синагоги в 1930-е годы было разобрано и на фундаменте, частично расширенном, был построен первый в Клинцах звуковой кинотеатр, носивший долгие годы название «Октябрь».

Была синагога по улице Александрова, в каком-то частном доме, и в Барышниковом переулке, между улицами Лысовой (ул. Советской) и Клинцовой (ул. Дзержинского). После закрытия в городе церквей и синагог эти дома стали жилыми. За пределами посада Клинцы, в деревне Забегаевка, при еврейском кладбище была еще одна синагога.

В бывшем старообрядческом посаде Клинцы была единственная новообрядческая (или Никонианская) каменная церковь во имя Петра и Павла. Церковь стояла в центре города на высоком месте в окружении старинных кленов и лип. Среди прихожан церкви клинчан было мало, в основном это были жители окрестных деревень, где не было старообрядцев.

Почти все храмы города, кроме Троицкого, в 1930-е годы были закрыты. Несколько лет они стояли, лишенные крестов. В Покрово-Никольском храме была открыта пекарня, в Вознесенской церкви – склад зерна, в Преображенской – детский сад, в Покровской, рядом с Троицкой, – после войны устроили театр, а позже – склад Клинцторга. Но постепенно церкви стали исчезать. Колокольню Вознесенской церкви разобрали. Из дубовых бревен сложили двухэтажное общежитие для студентов текстильного техникума. Здание стоит напротив техникума, в глубине квартала, отличаясь от соседних строений черным цветом дубовых бревен. Одно время в нем помещалась музыкальная школа. Здание самой Вознесенской церкви разобрали в 1941 году под предлогом строительства военных укреплений. Покрово-Никольскую церковь, разрушенную при бомбардировке города в 1943 году, разобрали на кирпичи в первые послевоенные годы. Троицкая церковь сгорела 8 февраля 1972 года. В мужском монастыре, в здании церкви во имя Образа Нерукотворенного Спаса в 1930-е годы сделали общежитие. Люди живут в нем до сих пор.

29. Первые клинцовские типографии

Мне как русскому человеку одинаково дороги храмы и старообрядческие и новообрядческие. Они наша история, они памятники истории Русской Православной Церкви и всего Русского народа. С ними связана история духовной культуры нашего народа.

Представители большинства клинцовских семей как живущие в Клинцах, так и покинувшие город, могут утверждать, что корни их семейного древа уходят как в старообрядчество, так и в новообрядчество. Так же обстоит дело и с моей родословной. По отцовской линии все родственники были прихожанами Петропавловской церкви, то есть новообрядцы. По материнской линии – прихожанами единоверческой Вознесенской церкви, придерживавшимися старого обряда. Мамин дед был псаломщиком Вознесенской церкви и звали его Лука Егорович Железников. Дом Луки Егоровича стоял на углу улицы Новая Слободка (улица стала составной частью улицы Богунского полка) и Филатьева переулка (ул. Льва Толстого). Часть их усадьбы была отобрана под строительство городской бани в 1930-х годах.

Род Железниковых знаменит тем, что в XVIII веке один из моих предков, купец Яков Железников, на паях с купцом Дмитрием Рукавишниковым открыл первую в Клинцах типографию. Типография в Клинцах стала первой в России старообрядческой типографией, которая легально выпускала старопечатную церковную литературу. Это был 1785 год. Яков Железников, тогда уже немалодой человек, выступал в роли распорядителя, а практическим исполнителем предприятия был его сын, Василий Железников. Отец и сын Железниковы, выезжая ежегодно за границу в Польшу по делам торговли, еще в 1781 году разместили в Почаевской лавре заказ на печатание нескольких церковных книг. Присматривая за исполнением заказа в Почаеве остался Василий, а отец вернулся в Клинцы. Из России в Почаев Железниковы везли бумагу, а из Польши в Россию – книги. Торговля книгами оказалась настолько доходным предприятием, что вопрос о создании типографии в Клинцах созрел сам собой. А тут подоспел указ Екатерины II от 1783 года о дозволении всем желающим открывать партикулярные типографии, то есть на собственные деньги. Не прошло и года, как клинцовские купцы Яков Железников и Дмитрий Рукавишников обратились в Новгород-Северское наместничество с просьбой о дозволении открыть типографию. Разрешение было дано, но с оговоркой: не печатать богослужебные книги. Такое решение не устраивало компаньонов, и они начали хлопоты о получении разрешения открыто печатать церковные книги. Тем временем станки не стояли без работы, книги печатались подпольно. Только в 1785 году дозволение печатать церковные книги было получено от самого киевского генерал-губернатора графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского.

Совместное книгопечатание продолжалось до 1787 года, после чего компаньоны разошлись и стали печатать книги отдельно. В конце каждой книги издатели помещали выходные данные. Рукавишников писал, что книга напечатана в типографии клинцовско-

го купца второй гильдии Дмитрия Рукавишникова. Железниковы помещали текст, в котором указывали, что книга напечатана «в Клинцовском посаде состоящей типографии содержателя оного посада купца Якова Железникова и сына его Василия Железникова в собственной их типографии».

Почти одновременно с Железниковыми и Рукавишниковым получил разрешение на открытие типографии в Клинцовском посаде сын первого клинцовского учителя Кузьмы Федоровича Карташева купец Федор Кузьмич Карташев.

За два года легального существования из клинцовских типографий вышли сотни букварей, псалтирей, каноников, житий святых, прологов и других книг. Типографское дело Железниковых и Рукавишникова вскоре утасло. Федор Карташев, а затем его сын Аким Федорович продолжали печатать книги вплоть до 1819 года, когда клинцовская типография была окончательно запрещена и продана в Москву.

Книги клинцовских издателей XVIII века по качеству печати, художественному оформлению считаются образцом печатной продукции своего времени и пользуются заслуженным уважением среди знатоков старопечатных изданий.

30. Вознесенская церковь

Еще на моей памяти клинчане каждому гостю города с гордостью и любовью указывали на Вознесенскую колокольню, стоящую на месте нынешней типографии, и спешили сообщить, что колокольня в Клинцах считается самым высоким деревянным сооружением России. Помню, смотришь от реки Унечи в сторону Клинцов: самого города не видно, а силуэт колокольни висит на горизонте, подобно Останкинской башне. Форма колокольни и ее величественный вид привлекали взгляд каждого.

Высота колокольни вместе с крестом была 54 метра. Чтобы подняться до самих колоколов, нужно было преодолеть 150 высоких ступеней. В своем основании колокольня имела размеры 16x13,5 метров. В пасхальные дни всем желающим разрешалось подняться на колокольню и ударить в колокола. Оттуда, с высоты птичьего полета, город лежал, как на ладони. По узеньким улицам передвигались маленькие тележки, запряженные игрушечными лошадаками, по булыжной мостовой, как муравьи, сновали человечки. Хорошо была видна окраина города. За околицей до самого горизонта расстились поля и перелески и между ними виднелись маленькие домики соседних деревень.

Украшением колокольни были часы с боем. Установлены они были в 1813 году иноком Ефросином за 18 рублей. Часы были

*Вознесенская единоверческая церковь с колокольней,
1910-е годы*

устроены так, что выбивали четверть часа, а по истечении часа звучал большой колокол. Заводили часы дважды в неделю. Часы находились выше колокольни, поэтому механизм часов был недоступен взгляду. Старожил города В.М. Степанов рассказывал, что в юности довелось ему подняться в часовую башню, где находились мощные шестерни, приводившиеся в движение огромными камнями, подвешенными на веревках вместо гирь.

Колоколов было шесть. Большой колокол, весом 1 951 кг, сооружен был усердием купца Афанасия Козмича Лихоманова и отливался в Стародубе. Средний, полиелейный (для вечернего богослужения), весом 956 кг. За ним находился меньший, будничный, весом в 214 кг, остальные колокола весом 89,5, 40,5 и 23 кг. Постройка колокольни была начата в 1801 году, а окончена в 1804 году. Колокольня строилась по проекту и под присмотром церковного старосты купца Ивана Козмича Карташева, сына владельца типографии Карташевых. Колокольню подняли так высоко, чтобы звон колоколов был слышен во всех клинцовских старообрядческих монастырях. В погожие дни, когда слабый восточный ветер, колокольный звон, говорили, был слышен даже в Новозыбкове.

Иван Козмич Карташев известен также как иконописец. Его икона Николы Чудотворца почиталась прихожанами как чудотворная и для нее была построена деревянная часовня, позже перестроенная в каменную. Каменная часовня сохранилась до на-

ших дней и теперь освящена в церковь во имя Николы Чудотворца. Прах Ивана Карташева был погребен под стенами построенной им колокольни.

Цвинтер, так назывался погост Вознесенской церкви, был обнесен невысокой каменной оградой. Внутри ограды в начале XX столетия находились два храма, две церковно-приходские школы: одноклассная — мужская и двухклассная — женская. В юго-западной части цвинтера покоилось под сенью старинных деревьев первое Клинцовское приходское кладбище. Кладбище, давно упраздненное, оберегалось клинчанами, поскольку на нем были погребены первые поселенцы: родоначальники города, купцы, основатели первых в Клинцах типографий и фабрик, священники, иноки, некоторые знаменитых фамилий, например, княжна Гагарина, принявшая иноческий сан и последние годы жизни проживавшая близ Вознесенской церкви в собственных кельях, называвшихся «княжными». Между летней церковью и зимней были захоронения почетных граждан и семейные склепы.

В Вознесенском храме я бывал еще ребенком, раза два или три. Помню, что внутри Вознесенской церкви объемы помещения были такие большие, что, казалось, не видно сводов. Стены храма от паперти и по всей трапезной были заставлены иконами. У старообрядцев была традиция хранить в церкви семейную икону. При большом стечении народа, когда до алтаря далеко, притом, что мужчины молились отдельно в церковной части, а женщины — в трапезной части церкви, женщины всю службу стояли рядом с домашней иконой. Большинство икон в храме были древнего письма, а в иконостасе в нижнем ряду иконы были высотой в два аршина, почти в человеческий рост. Были также иконы клинцовского письма, весьма известного в XIX веке, и отличавшегося высоким качеством исполнения копий со старинных икон. Но вскоре храм был закрыт. Все это богатство и великолепие исчезло, растаяло, ушло в небытие.

Когда разбирали Вознесенскую колокольню, то обнаружили, что фундаментом служили громадные камни-валуны. Там же было насыпано много каменной соли, видимо, для того, чтобы первые венцы сруба не подвергались гниению.

В здании Вознесенской церкви в предвоенные годы был склад зерна. Церковь раскатали на бревна в 1941 году под предлогом строительства блиндажей и укреплений.

Никольскую часовню разграбили в 1934 году и превратили в валушню, в которой рабочие из общества слепых валяли валенки. В 1972 году здание часовни было возвращено верующим.

31. Петропавловская церковь

Не менее трагической была судьба Петропавловской церкви. Построена церковь в 1848 году на средства местных купцов с одной целью: стать оплотом господствующей церкви в старообрядческом посаде.

При советской власти в 1920-е годы из церкви были изъяты драгоценные серебряные оклады с икон. В 1929 году был поднят налог за аренду церковной земли, что резко ударило по бюджету общины. В 1936 году судили Фому Улезко и Ивана Лебедева за кустарное производство свечей. Судья Ицков присудил им выплатить штраф. В 1936 году церковь была закрыта. Были сняты купола, кресты. 16 марта 1937 года в Клинцы приехал Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов. В Клинцах он навестил родителей своей жены, Нины Кухаркиной, выступил в помещении клуба фабрики им. Ногина. Громов рассказал о трудной и романтической профессии летчика и призвал открыть в Клинцах авиационный клуб. Летом того же года городская и партийная власть отдали под клуб здание Петропавловской церкви, предварительно содрав с нее купола. А в 1937 году были арестованы священнослужители Петропавловской церкви. Все они погибли. Казалось, с религией было покончено навсегда.

Но в 1941 году оккупанты разрешили верующим восстановить свои храмы и свободно исповедовать религию. Таким отношением к религии оккупанты пытались противопоставить себя, свою оккупационную политику большевикам и заполучить благосклонность завоеванного народа. Прихожане же исходили из того, что Бог выше политики. Все, для кого Петропавловская церковь была родным домом, собрались, помолились и, положившись на волю Бога, взялись за восстановление храма. На свои скудные средства, своими руками люди восстановили церковь. Чертежи храма отсутствовали, поэтому при восстановлении очертания купольного завершения колокольни изменились. В 1942 году церковь была освящена и началась служба. В 1943 году, когда немцы стали готовиться к отступлению, у прихожан появилась тревога за судьбу храма. Но за годы войны Сталин изменил свое отношение к церкви, видимо, почувствовал, что без поддержки верующей части населения, без поддержки церкви, врага не одолеть.

Когда в Клинцы вошли красные, советская власть, к радости верующих, не только не закрыла храм, но даже разрешила зарегистрировать церковные общины. Тогда заново был перестроен иконостас, полностью восстановлено внутреннее убранство церкви. В церковной сторожке поселился священник. Храм в те годы принадлежал Орловской епархии.

Еще с дореволюционных времен Петропавловская церковь была

Петропавловская церковь. Фото 1950-х годов

обнесена высокой кирпичной оградой, которая в 1930-е годы не была разрушена. Сохранились даже надгробные плиты погребенных у стен церкви граждан города. От паперти церкви к Большой улице вел длинный, около ста метров, проход шириной до 5 метров. Зажатый между высоких, четырехметровых стен проход напоминал коридор. Вдоль центральной дорожки, вымощенной красным кирпичом, росли с обеих сторон цветы и кустарники. Вход со стороны Большой улицы был украшен ажурной кованой решеткой ограды и воротами с калиткой. При входе, справа от ворот находилась часовня, поставленная в память о гибели великого реформатора императора Александра Второго. Часовня носила имя его небесного покровителя, святого Александра Невского. Здание часовни было в форме куба, украшенного художественной кирпичной кладкой и накрытого невысоким куполом. Часовня выступала за красную линию улицы и несколько сужала проход по тротуару. Но это не мешало пешеходам.

Почти 15 лет до 1962 года община Петропавловской церкви жила своей жизнью. Внешне, казалось, все обстоит благополучно. Но никто не знал, каковы были отношения власти к людям верующим. Уже в первые послевоенные годы отношение к верующим стало меняться. Снова появилась подозрительность, возобновилась слежка и доносительство о жизни в общине. Верующим не давали служебного роста, не присваивали заслуженных званий передовика производства, «забывали» начислять премии. Молодежь в храм не пускали. Перед службой у ворот храма дежурили дружинники и наблюдали, кто входит в храм. А на Пасху выделялся дополнительно наряд милиции, чтобы не пропускать молодежь в церковь. В конце хрущевской «оттепели» наступили «заморозки»: власти стали закрывать и сносить церкви, готовиться к «пришествию» коммунизма. «Пришествие» коммунизма было назначено на 1980-й год.

В 1962 году настала очередь клинцовской Петропавловской церкви. Сначала в клинцовской газете «Труд» стали часто появляться статьи, в которых доказывалось, что церковь всегда защищала классовые интересы эксплуататоров, призывала безропотно подчиняться своим царям, использовала церковные посты для оправдания голода, в который ввергали крестьян помещики-эксплуататоры. Наконец, власти предупредили священника Андрея Жамойтина о предстоящем закрытии храма, и он срочно выехал в епархию за советом.

Утром, в отсутствие священника, со стороны Большой и Петропавловской улиц перед закрытыми воротами в храм толпились верующие, люди взволнованно обсуждали решение городского комитета партии и исполкома депутатов трудящихся закрыть храм. Наряд милиции не подпускал людей к воротам, закрытым на замок.

Вдруг толпа людей взвыла от негодования. На глазах у всего города разыгрывалась сцена из спектакля времен инквизиции. На колокольню Петропавловской церкви стали карабкаться добровольцы-коммунисты. Один из «боевиков» партии взобрался на купол по веревочной лестнице, накинул на крест петлю, а те, что оставались внизу, стали дергать за веревку, пытаясь выломать крест из основания купола. Крест слегка наклонился, но не упал. Что тут началось! Люди бросились к воротам, стали карабкаться вверх и раскачивать ворота. Милиционеры попытались остановить людей, но толпа смяла их и оттеснила от ворот, многие стражи порядка были облиты молоком и сметаной.

А тем временем волнение охватило весь город. Со всех сторон собирались люди, возмущенные бессовестным насилием над искренними чувствами людей верующих. Стоял невообразимый шум, крик, плач, бабий вой, открыто звучали проклятья в адрес коммунистов. Движение транспорта остановилось. Завыли фабричные гудки. Под натиском толпы ворота раскрылись, люди устремились к храму. В руках у возбужденных людей появилось «оружие пролетариата». «Боевики» трусливо затворились внутри храма. Главный режиссер-постановщик осквернения храма, наблюдавший из окна своего кабинета в Доме Советов, тоже струсил. Средневековый сценарий явно пришелся не по вкусу жителям города. Вместо ожидавшейся поддержки сознательного отряда рабочих, разделявших на партийных и рабочих собраниях политику партии, власти города получили всплеск народного гнева. В отчаянии секретарь исполкома горсовета стал звонить в Брянск. Из Брянска посоветовали обратиться за помощью в воинскую часть. Солдаты прибыли без оружия. Толпа пропустила воинов и сомкнулась. Здание церкви было оцеплено и взято под охрану. Военнослужащие помогли избежать смертоубийства. Налетчиков из боевого отряда партии коммунистов переодели в армейскую форму и под покровом сумерек, во время смены караула, вывели из толпы и увезли из города.

Спустя много лет Петр Булухто рассказывал, что планы несения церкви рождался в идеологическом отделе ЦК КПСС. Оттуда по телефону требовали от секретаря областного комитета партии исполнения устных директив партии и доклада. Письменных указаний не давалось, чтобы все выглядело как инициатива на местах. В свою очередь, из обкома партии «давили» на городские и районные комитеты партии. Ответственность за проведение «операции» по решению партийных руководителей должны были брать на себя представители местной исполнительной власти. Печальный жребий выпал на П. Булухту, о чем он очень скорбел и просил, при возможности, через печать принести клинчанам свои извинения.

Церковь не удалось отстоять. Закрытый и оскверненный храм почти год стоял с покосившимся набок крестом. А когда страсти

улеглись, церкви стали перестраивать в спортивный клуб. В течение нескольких месяцев школьники, комсомольцев водили вместо уроков физкультуры соскабливать со стен храма иконопись, выламывать из земли чугунные надгробия почетных граждан города и сдавать в металлолом. Это называлось «воспитывать молодежь в духе коммунизма и преданности делу родной коммунистической партии».

Возрождение храма началось в 1991 году. Помогла «перестройка». Церковь восстановлена молитвами и делами священника Александра Жамойтина. Низкий поклон ему и вечная память!

Внешний облик церкви приближен к первоначальному проекту. Внутри здания теперь не деревянные, а мраморные полы. Стенная роспись восстановлена местным художником Александром Андреевичем Цыриком. Храм вновь освящен и теперь ему предстоит долгая жизнь. Моя хорошая знакомая, Оксана Иосифовна Курцвайль недавно подарила приходу Петропавловской церкви уникальную икону Николая Угодника, икона написана на белом мраморе. Священник сказал, что это самый дорогой подарок для церкви и будет храниться в Петропавловской церкви вечно. Хочется, чтобы список жертвователей приумножался и чтобы о каждом подношении церкви было известно прихожанам.

Память моя хранит воспоминания о Петропавловской церкви из далекого детства. Еще маленьким ребенком привели меня родители в церковь, я и не помню, в каком возрасте это было. Настоятелем храма был отец Стефан Федорович Лагчинский, священником – отец Александр, дьяконом – Арсений Александрович Калининский. Все они были арестованы в 1937 году и не вернулись.

Лет с шести я стал присутствовать на церковной службе, но не у алтаря, а на хорах, куда брал меня отец. Папа, Максим Кононович, был церковным певчим и не пропускал ни одного праздника. У него был красивый сочный тенор. Следует сказать, все лучшие голоса города собирались в то время в церковном хоре. Когда я поступил в хор, голос у меня был по-мальчишески высокий. Это был 1924 или 1925 год. Регент церковного хора Червонюк сказал: «У хлопчика дискант и хороший слух, пусть поет». Червонюк был регентом с 1924 года. Он оставил регентство по болезни.

Знаю, что до Червонюка, примерно с 1918 по 1924 годы, регентом хора был Александр Михайлович Смоленский. В 1918 году он закончил Черниговскую духовную семинарию. Его отец, Михаил Смоленский, служил в церкви в Поповой Горе (Красная Гора). В годы империалистической войны при четырехклассной Стодольской школе Александр Смоленский создал детский хор. Смоленский занимался с детьми и при Петропавловской церкви. В 1916 году детский хор Смоленского выступал перед ранеными госпиталя, который размещался в здании женской гимназии. Иван Кузь-

мич Багравцов рассказывал, что он мальчиком пел в хоре Петропавловской церкви. Во время репетиции Ваня сфальшивил. За фальшь получил от регента пощечину, но уклонился и пощечина досталась сыну Лапикова. А отец Лапикова, не разобравшись, пропел басом: «Так и надо, сын мой».

А до Смоленского регентом был Иван Павлович Куленко. Он вспоминал, что после богослужения староста храма преподносил ему 5 рублей золотой монетой.

Заслугой всех регентов было то, что в храме была собрана нотная библиотека из произведений русских композиторов: Рахманинова, Турчанинова, Бортнянского, Чеснокова, Чайковского. После Червонюка хором управлял Григорий Михайлович Дядечко. Червонюк, Куленко, Дядечко стали моими первыми учителями пения. Спевки церковного хора проводились раз в неделю в кирпичной сторожке, стоявшей против северной стены храма.

В церковном хоре 1920-х годов пели: Куленко Иван Павлович – тенор, бывший регент, Лемнев – бас, мой отец, Максим Кононович Храменко – тенор. В хоре пели братья Мехедовы: Яков Мехедов, считавшийся в то время лучшим тенором в городе, и его младший брат, имя не помню. Яков Мехедов жил на Дурнях, имел пасеку. Еще до войны он переехал в Москву. В 1950-х годах Яков Мехедов приезжал в Клинцы, уже стариком, заходил к нам на Михайловскую улицу. Еще жив был мой отец. Несколько вечеров мы провели вместе и даже пели любимые нами произведения. В церковном хоре участвовали также Григорий Филимонович Храменок – баритон. Пел также некий Дзэнджил. Было это имя или прозвище, не знаю. Постоянными участниками церковного хора были Василий Никифорович Улезко, обладавший сочным тенором с красивым тембром, Павел Джура – отец Иосифа Павловича и Прасковья Васильевна Боровикова – сопрано. Ее отец, Василий Боровиков, имел нежный лирический тенор и с предвека пел на клиросе. Василий Боровиков был к тому же известный в Клиндах весельчак и рассказчик, а также «природный» рыбак. Несмотря на возраст, пешком ходил на реку Ипуть. Умер в глубокой старости. В моем альбоме сохранилась фотография церковного хора Петропавловской церкви, где собрались все участники хора вместе со священниками – отцом Стефаном Лапчинским, отцом Александром, а также псаломщиком Калиновским.

Во время войны, когда Петропавловская церковь была восстановлена, к управлению хором на короткое время вернулся Иван Павлович Куленко. Был он уже очень пожилой человек, но церковное пение знал в совершенстве. К тому времени я стал достаточно подготовленным в пении и подменял регента. В хоре пел Петр Иванович Беззубенко – тенор. В годы войны в церковный хор пришли учителя: учитель Калиновский Николай Александрович (его

отец был дьякон, жил по ул. 8 Марта), директор школы Андриевский, директор первой средней показательной школы Александр Михайлович Смоленский, где он преподавал литературу. Смоленский и в годы войны оставался директором школы. У него был прекрасный баритональный бас, голос сильный, звучный. Александр Михайлович пел со школьным хором, выступал в сольных номерах во время школьных праздников. Смоленский с детства был знаком с церковным пением, поскольку вырос в семье священника и закончил духовную семинарию. После войны власти наказали А.М. Смоленского за «политическую близорукость» и не допустили к прежней работе, но разрешили преподавать в деревне Чертовичи (Ольховка).

После Куленко регентом стал Григорий Михайлович Дядечко. Он был мне хорошо знаком как руководитель хора самодеятельности при Зубовской фабрике, где я пел в довоенные годы. Григорий Михайлович создал замечательные хоровые группы на почте и в обществе слепых. Его музыкальные коллективы получали первые места в городских олимпиадах художественной самодеятельности. Г.М. Дядечко был очень грамотным музыкальным руководителем, большим любителем и знатоком классической и духовной музыки. В моей нотной библиотеке хранятся партитуры нескольких вокальных произведений с дарственной надписью Григория Михайловича.

В середине 1950-х годов регентом хора стал Прохор Николаевич Дроздов. Он приехал в Клинцы из Гомеля, где жила его семья: жена и две дочери. Прохор Николаевич был человек сложной судьбы. В детские годы он остался сиротой, был воспитанником Ниловского монастыря в Осташкове. В Клинцы был прислан епархией, был дьяконом и регентом церковного хора. Первое время Дроздов жил в доме моего друга и соседа Михаила Морозова, через дом от моей усадьбы. В его комнате стояла фисгармония, полочка с книгами, стол и кровать. Близкое соседство открывало возможность почти ежедневного общения с Прохором Николаевичем. Мы часто собирались за общим столом, устраивали совместные пения: Михаил Морозов – бас, Прохор Николаевич – баритон и я – тенор. К нам присоединялись моя жена Полина и сестра Тася – жена Миши Морозова. В домашней фонотеке я храню запись голоса Прохора Николаевича, звучащий под аккомпанемент фисгармонии, а также церковного хора Петропавловской церкви под руководством Дроздова и его сольное исполнение. Записи были сделаны в 1957-58 годах.

Вскоре к Прохору Николаевичу приехала жена, и они переселились поближе к Петропавловской церкви в дом на три окна, на углу улиц Александра и Петропавловской (ул. 25 Октября, теперь ул. Кюстендилская).

В 1961 году Миша Морозов с моим отцом, Максимом Кононовичем, по совету Прохора Николаевича, побывали в Черниговском Спасо-Преображенском соборе, где они поклонились мощам святителя Феодосия Черниговского. Ночевали оба в доме регента храма, большого друга Дроздова. Паломничество в Чернигов стало памятным, поскольку в 1962 году собор был закрыт «воинствующими безбожниками». Спустя годы, Спасо-Преображенский собор Чернигова был превращен в музей.

Дроздов жил в Клинцах до середины 1960-х годов, а затем уехал в Гомель.

До 1932 года каждую неделю я пел в церковном хоре. С поступлением в техникум пришлось на долгие годы оставить церковь. Посещение церкви в те годы было небезопасным, меня могли исключить из техникума. Вернулся в церковь я в 1942 году и уже не оставлял клирос до 1961 года, когда церковь была вновь закрыта.

Традиции дореволюционного церковного хора к 1942 году еще не были забыты, более того, мастерство исполнителей достигло очень высокого уровня. Это стало возможным благодаря управлению грамотных регентов и подбору опытных вокалистов.

В послевоенные годы в хоре пели: Степан Федорович Медков – бас, Михаил Никифорович Улезко – бас. В церковном хоре пели знаменитые клинцовские голоса: Ремнев – редкой красоты бас, Лапиков – бас, Петр Иванович Беззубенко – тенор, Ольга Никитична Шаповалова – альт, Ольга Владимировна Евмененко – альт, Ефросинья Кирилловна Дмитrochenko – сопрано, Мария Петровна Бруева – сопрано, Елизавета Ивановна Куленко – сопрано, Шура Прохоренко (Слатина) – солистка с превосходным сопрано, Анна Прохоровна Пригоровская – альт, Любовь Демьяновна Маковейская – сопрано, Василий Григорьевич Смоляков – тенор. Смоляков заменял регента.

В церковном хоре я и сестра Тася с детства приобщились к старинному хоровому пению. Здесь мы познакомились с произведениями Бортнянского, Березовского, Веделя, Чеснокова, Турчанинова, Архангельского, Ломакина, Сарти. В моем домашнем архиве до сих пор хранятся партитуры произведений, некогда исполнявшихся в хоре Петропавловской церкви. Среди них «Херувимская песнь», переписанная моей рукой из «Сборника песнопений Литургии святого Иоанна Златоустого...». Сборник был составлен иеромонахом Виссарионом (Уваровым), под редакцией иеродиакона Иосифа и издан в Санкт-Петербурге в 1912 году. Среди моих рукописных нот есть «Архангельский глас» композитора Бортнянского, написанный для трио, «Многая лета», «Господи, услыши молитву мою» и «Слава в вышних Богу» композитора Архангельского, «Хвалите имя Господне» композитора Маслова, «Разбойник» – произведение на три голоса композитора Воротникова, «Отца и

Сына» композитора Орлова для трех голосов, концерт «Возведох очи мои», «Христос Воскрес» композитора С. Рахманинова на слова Мережковского – теноровая партия, «Ирмосы Вокресные» греческого напева на четыре голоса А. Львова, «Покаяния» композитора Веделея – для трио. Нотная бумага тогда была дорогая, и я писал ноты на обратной стороне чертежей.

Пробегаю глазами нотные записи, и в памяти возникают прекрасные музыкальные картины, звучащие голоса моих друзей, восторг и радость, которые испытал я как исполнитель. Оглядываясь в прошлое, нахожу, что все хорошее в моей жизни было связано с церковью.

После восстановления храма в 1991 году я вновь переступил порог Петропавловской церкви. Многие изменилось во внутреннем убранстве, храм стал неузнаваемым, похорошел. К моей радости наверху сохранились хоры, где я провел много счастливых часов своей жизни. С одышкой я поднялся по ступеням на хоры, глянул вниз и испытал прежнее волнение. К сожалению, за долгие годы произошли невосполнимые утраты. Ушли из жизни опытные, знающие певцы, нет регента. Но у хористов есть страстное желание восстановить в храме ангельское пение.

32. Михаил Васильевич Карпов

Не могу не рассказать о человеке, оставившем неизгладимый след в моей жизни.

В 1937 году по всей стране стали создавать Дома народного творчества. Народным творчеством должны были быть охвачены все города, включая районные центры. Главной задачей столь разветвленной организации должна была стать пропаганда советской песни и советской драматургии. Центральный Дом народного творчества находился в Москве, в здании, где теперь Концертный зал имени Чайковского.

В 1938 году по всем клинцовским предприятиям был объявлен набор желающих заниматься в драматическом или в вокальном коллективе. Я уже тогда был страстным любителем пения, особенно народных песен. К этому времени мой дискант превратился в тенор. Церковное пение было запрещено, церкви закрыты. Я выбрал для себя класс вокала.

Желающих заниматься пением собралось около сотни человек. Прослушивание проходило в доме на углу Большой улицы и Ковалевки (ул. Карла Маркса). Это здание стоит и по сей день. В 1938 году на первом этаже здания была аптека, а на втором этаже – Дом народного творчества. Директором Дома народного творчества был назначен Фейгин. Вокальным отделом руководил Михаил Василь-

*Карпов Михаил Васильевич.
Фото 1940 года*

евич Карпов, драматический отдел возглавил Борис Самуилович Орлов. Помещение для занятий было тесное, поэтому спевки хора вскоре перенесли в клуб фабрики им. Коминтерна (бывший Дом общественно-го собрания), а вокальные дуэты, трио, квартеты собирались в Доме народного творчества по Большой улице.

Первое прослушивание вокалистов проводил незнакомый пожилой мужчина лет семидесяти. Говорили, что его прислала Москва. Михаил Васильевич смотрел на нас добрыми глазами, внимательно прослушал каждого, кто пришел на прослушивание, и всех принял в хор. И в этом поступил правильно. Первое время в хоре было около ста человек. Позже, когда определились насто-

ящие любители пения, хор сократился до 70 человек.

Педагог из Москвы оказался человеком необыкновенным. Несмотря на возраст, он прекрасно пел красивым высоким и широким тенором. Мог показать, как исполнить ту или иную партию. А когда садился за рояль, играл легко любую мелодию. На первом занятии он предложил нам пропеть по нотам. Оказалось, что никто не знаком с вокальной нотной грамотой. Начался упорный труд. Занятия проводились два раза в неделю. Распевали по нотам гаммы, упражнения, легкие музыкальные предложения. На этом этапе отсеялись все, кому учение показалось неинтересным и трудным. Затем начались спевки на два, на три, на четыре голоса. Занятия проходили насыщено, интересно. Учитель добивался, чтобы каждая партия исполнялась на самом высоком уровне. Мы сами ощущали, как растет наше исполнительское мастерство, как прекрасно начинают звучать разучиваемые произведения. Музыкальное сопровождение на рояле вела сначала Орлова, прекрасный концертмейстер и пианист. После ее ухода концертмейстером была Бельская.

Выделилась группа солистов, образовались дуэты, трио. После общей спевки хор расходился по домам, оставались только солисты и участники вокальных ансамблей. Занятия вокалом продолжались до позднего вечера.

Вечерами под открытыми окнами классов собирались прохожие послушать красивое и слаженное пение почти профессионального звучания. Выглянешь в окно, а люди стоят на тротуарах и на той, и на этой стороне Большой улицы.

Через два месяца мы выступили с концертной программой в клубе фабрики имени Коминтерна и сразу завоевали любовь зрителей. После этого началось «турне» по фабричным клубам города. Мы выступали на праздничных концертах, а по воскресеньям – на открытой сцене в городском парке.

Репертуар хора и солистов постоянно менялся, поэтому зрителей мы всегда встречали новой программой. В исполнении хора звучали отрывки из опер П.И. Чайковского «Евгений Онегин», Бородина «Князь Игорь», мелодичные песни из оперы Дзержинского «Тихий Дон».

Я исполнял песню Торопа из оперы А. Верстовского «Аскольдова могила». Песня Торопа «Близко города Славянска» написана для тенора в сопровождении хора. Солировал с романсом «Я встретил Вас» на слова Ф. Тютчева, исполнял «Колыбельную песню» В. Моцарта в сопровождении фортепиано, пел в составе дуэта, трио. В моем сольном репертуаре тогда было около пятидесяти произведений.

Вместе с Татьяной Тюпич исполняли дуэт М.И. Глинки для тенора и сопрано «Не искушай меня без нужды», дуэт «Разлука» А. Гурилева на слова А. Кольцова.

Зазвучали трио Н. Дмитриева «На севере диком» в исполнении тенора Бориса Плуткова, сопрано Тюпич, баса Чернявского. В их же исполнении «Ночевала тучка золотая». Красиво звучало сопрано Эстриной, альт Гребенюк, альт Карпекиной, сопрано Нины Дмитриевны Пастуховой жены Фейгина. Очень певучими голосами обладали три сестры Шалыт – Маня, Эсфирь и Фаня. У них были сочные сопрано. Мощный и красивый басовый фон хора создавали голоса Павла Ивановича Поддубного, Малова, Якова Ошерова, Соловцова, Шестакевича. Из баритонов помню Аксенова, из теноров – Андрея Васильевича Дрейсвина.

В репертуаре вокалистов звучали: «Песня», написанная для квартета композитором В.Т. Гиренко на слова А. Кольцова, «Не шуми ты, рожь» Гурилева для альта, «Взошел на небо месяц ясный» М. Балакирева, «Сладко пел душа соловушка» Р. Глиэра, «Элегия» Ж. Массне на слова Л. Галле, «Элегия» Яковлева на слова Дельвига, «Выхожу один я на дорогу» Е. Шашина на слова М. Лермонтова, «Комическая песня» А. Даргомыжского.

Вскоре авторитет вокалистов школы Карпова вырос настолько, что нас стали приглашать на закрытые концерты для участников партийных конференций и комсомольских слетов. Эти концерты начинались на сцене клуба, а продолжались в ресторане, где участники конференции «расслаблялись», а мы их ублажали.

В 1939 году в клубе фабрики имени Ногина проводилась кино съемка выступления хора Клинцовского Дома народного творчества для киножурнала. Хор исполнил отрывок из оперы Держинского «Тихий Дон» – звучала песня «От края и до края». Эта же кино съемочная группа из Москвы отсняла пьесу А.М. Горького «На дне» в постановке драматического коллектива клуба фабрики имени Ногина.

Клинцовские зрители с большим удовольствием встречали в нашем исполнении украинские песни из оперы «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского, оперы «Наталка Полтавка» М. Лысенко, «Вий» из комедии М.Л. Кропивницкого.

По моим подсчетам, в исполнении хора и вокалистов Дома народного творчества прозвучало за три года около 400 произведений. Сейчас уже не верится, какую колоссальную работу проделал М.В. Карпов.

Моя дружба с Михаилом Васильевичем Карповым вызревала постепенно. С первых занятий я попал в группу вокалистов, которых заметил и отобрал учитель. Читением нот я овладел быстро и легко читал с листа первые и вторые партии вокала. Я чувствовал на себе взгляд учителя, он чаще других обращался ко мне с разъяснениями, просил пропеть и показать другим, как должна звучать вокальная партия. А если случалось ему отсутствовать, передавал мне управление вокалистами. Я платил учителю ответной любовью. В темные вечера после репетиции я провожал Михаила Васильевича до его квартиры. Он квартировал в доме № 1 по улице Парижской Коммуны. Иногда мама передавала учителю свою выпечку, фрукты, пасхальный кулич. Однажды учитель пригласил меня к себе выпить чашечку чая, познакомил с женой, Ольгой Андреевной. С тех пор я иногда заходил к Карповым. Как-то я поведал учителю о своей любви к церковному песнопению и рассказал, что с детства пел в хоре при Петропавловской церкви. Он попросил меня пропеть любимые духовные произведения, терпеливо и внимательно слушал, а затем сделал несколько замечаний. Оказывается, он прекрасно знал церковную музыку!

Прошло незаметно два года. Карпов как-то сказал, что мы, участники хора, уже получили средне-высшее вокальное образование и нас можно выпускать на столичную сцену. Он был прав. Все участники хора владели нотной грамотой, исполняли сложные вокальные произведения русских композиторов, знали народную песню, песни советских композиторов, владели большим вокальным репертуаром и имели опыт концертной работы.

Авторитет учителя был непререкаем. Его познания в области русской музыки казались неисчерпаемы. Он знал всех композиторов, по нескольким тактам любой мелодии мог сказать, кто ее автор, кем и где она исполнялась. Нам открылся еще один талант

учителя – композиторский. Несмотря на возраст, Михаил Васильевич продолжал сочинять музыку, с увлечением собирал и обрабатывал русские народные мелодии. В репертуар хора были включены произведения в обработке и аранжировке М.В. Карпова. Например, песня «Чтой-то звон». Оказалось, что Михаил Васильевич – автор любимой тогда песни «Слети к нам тихий вечер на мирные поля», что он член Союза композиторов. Мы любили своего учителя, как дети, восторженно и бескорыстно.

Однажды, было это в конце 1939 года, я проводил Михаила Васильевича домой после удачного выступления нашего хора. Был он в приподнятом настроении, много говорил, предавался воспоминаниям. Я рассказал Михаилу Васильевичу, что у отца хранятся старинные пластинки для граммофона, среди которых есть записи духовных сочинений русских композиторов в исполнении хора под руководством М.В. Карпова и спросил, не знаком ли он с этим человеком.

Михаил Васильевич пригласил меня к себе домой, как всегда, на чашку чая. Сидя за столом, я беседовал с Ольгой Андреевной. Михаил Васильевич переключал какие-то вещи в соседней комнате. Наконец, он вошел в залу и положил передо мной большую фотографию на картонной паспарту. «Посмотрите внимательно, может вам кто-то покажется знакомым», – сказал Михаил Васильевич. Я начал всматриваться в лица людей. Они были сфотографированы в помещении большого храма. Это был церковный хор. Мужчины, одетые в черные костюмы-тройки, стояли в два или три ряда. Впереди них стояли мальчики – альты и дисканты, одетые в белые рубашки и черные курточки. А перед хором в креслах восседали два пожилых человека: регент и субрегент. В одном из них я узнал Михаила Васильевича Карпова. «Да, это я. Здесь я сфотографирован вместе со своим хором храма Христа Спасителя в Москве». Старик произнес эти слова, расстроился и замолчал. Я был поражен увиденным и испытывал страшное волнение от того, что судьба свела меня с регентом хора главного храма России. Михаил Васильевич рассказал, что руководил хором с самого его основания и до революции, что в его хоре пели знаменитые русские голоса, и показал на фотографии нескольких певцов из Большого театра. Рассказал, что хор сделал несколько записей на граммофонные пластинки. Рассказал, что он сам написал много произведений для церковного хора, и они звучали в храме Христа Спасителя, в Елоховской церкви и других храмах Москвы и города Владимира.

Это откровение изменило характер нашей дружбы. Мы стали еще ближе друг другу. Учитель познакомил меня со своими сочинениями, и я выучил наизусть его «Богородице Дево» для альтовой партии и «От юности моя». В годы войны, когда возрождался хор Петропавловской церкви, мы исполняли эти произведения М.В. Карпова в клинцовском храме. И я этим горжусь.

В большие церковные праздники я всегда бывал в доме у Михаила Васильевича. Мама пекла сдобу, пироги, куличи, и я приходил не с пустыми руками. Мы поздравляли друг друга с Праздником, садились за стол. Михаил Васильевич доставал четвертинку вина, разливал по рюмочке. Это он называл «выпить по теноровой» рюмочке. А потом долго сидели за столом, беседовали и пели. Пели вполголоса духовные песнопения высшей сложности – это песнопения Великого Поста и Пасхи, песнопения Рождества Христова, обиходные песнопения.

Встреча с М.В. Карповым сыграла значительную роль в моей судьбе. За неполных три года под руководством Карпова я получил высшее музыкальное образование. Я всегда гордился тем, что был учеником регента хора храма Христа Спасителя – композитора М.В. Карпова. Память об этом замечательном человеке я всегда ношу в своем сердце.

В начале 1941-го года Михаил Васильевич сослался на плохое здоровье, преклонный возраст, взял расчет и уехал к дочери, в Подмосковье. Вскоре началась война, и мы навсегда потеряли друг друга.

33. Евлампия Карпекина

Работа и учеба в хоре Дома народного творчества познакомила меня с замечательным человеком – Евлампией Викторовной Карпекиной. Ее голос чаровал не только меня, но и самого М.В. Карпова. Как-то учитель сказал, что нашел в Клинцах много прекрасных голосов и талантливых исполнителей. Это в полной мере относилось и к Евлампии Карпекиной. Она была старше многих участников хора, уже имела двух сыновей, но находила время заниматься вокалом. Чувствовалось, что она в свое время получила музыкальное и вокальное образование, прекрасно владела голосом, читала партитуру, играла на рояле. Михаил Васильевич сразу сделал ее ведущей исполнительницей. Прекрасно звучал ее альт в сочетании с басом Павла Поддубного и сопрано Нины Дмитриевны Пастуховой в «Песне» В. Гиренко на слова А. Кольцова.

В ее репертуаре были «Сомнение» М. Глинки на слова Н. Кукольника, «Соловей» П. Чайковского, «Не шуми ты, рожь» Гурилева на слова А. Кольцова

Из участников хора Евлампия Викторовна выделялась своей культурой речи, культурой поведения, учтивостью и большими знаниями. Она свободно говорила о русской литературе, о русской музыке, об опере. В те годы Евлампия Викторовна работала химиком на фабрике.

Муж Евлампии Викторовны, В.А. Карпекин, в 1915-1917 годах был директором Клинцовского технического училища. Владимир

Карпекин – инженер, член Всесоюзного теплотехнического общества, в 1920-е годы преподавал в Клинцовском техникуме теплооборудование, котлы и электротехнику. Умер в 1928 году от несчастного случая, оставив молодую жену с двумя детьми.

Девичья фамилия Евлампии Викторовны – Федотова. Она была приемной дочерью клинцовского Головы Города Виктора Александровича Федотова. Для своего времени Евлампия Викторовна получила прекрасное домашнее образование и воспитание. Была искусной рукодельницей: шила детям рубашки, брюки, вышивала, вязала, готовила пищу. Эти трудовые навыки сочетались с глубокой начитанностью, совершенным владением немецкого языка, высокой культурой. Несколько лет Евлампия Викторовна училась вокалу в консерватории города Николаева. Кроме того, она получила химико-технологическое образование и работала в химической лаборатории при Глуховской фабрике (им. Коминтерна). Она считалась лучшим специалистом по крашению шерсти.

Я подружился с Евлампией Викторовной. Мне всегда было приятно общение с людьми, от которых я мог получить новые знания, приобщиться к высокой культуре, сделаться в общении с ними лучше и выше. Во мне уже тогда жил краевед. Мне хотелось знать о людях, об истории города как можно больше и получать достоверные сведения от людей знающих, серьезных, сопричастных к событиям истории страны. Евлампия Викторовна в этом отношении оказалась человеком особенным. В ее квартире, в доме РЖСКТ, позади школы им. Герцена, хранился архив фотографий бывшего Головы Города. Это был подлинный музей истории города. Я видел альбомы с фотографиями преподавателей Клинцовского технического училища и первых преподавателей техникума, фотографии учащихся женской гимназии. Была фотография гласных Городской думы, портреты бывших Глав Города: Машковского, Филатова, Федотова, Степунина. Приглашительные билеты на свадьбы, на открытия и на освящения общественных и церковных зданий, фотографии детских спектаклей и утренников. Были альбомы с фотографиями клинцовских купцов, фотографии с церемоний открытия фабричных зданий, освящения церквей, школ, богадельни, фотографии улиц и зданий посада Клинцы. Был альбом с портретами всех царей дома Романовых. Я рассматривал альбомы с видами Москвы, Петербурга, Киева, с открытками и фотографиями, сделанными в Австрии, Швейцарии, Германии, Италии. Судьба этих сокровищ мне не известна. В конце 1950-х годов Евлампия Викторовна уехала в Донецк к сыну. Ее сын, Виктор Владимирович Карпекин, живет и работает в Донецке. Доктор технических наук, изобретатель и конструктор, лауреат Государственных премий за создание противопожарного костюма для шахтеров. Возможно, там, на Украине, хранится клинцовский архив фотографий.

Последние годы жизни Евлампия Викторовна дружила с Михаилом Даниловичем Шарапо, талантливым клинцовским хирургом, высокообразованным и культурным человеком. Дружба двух замечательных людей была полна проявлений знаков внимания и уважения, добрых чувств и непреходящей взаимной симпатии.

34. Культурная жизнь в городе

В 1930-е годы идеологические отделы райкома и горкома партии директивно способствовали созданию коллективов художественной самодеятельности на фабриках, заводах, в артелях, в коллективах служащих, в школах. Хорошие коллективы художественной самодеятельности, помню, были на фабрике им. Ногина (Дурняцкая) и в артели «Красный мебельщик».

На бывшей Зубовской фабрике (ф-ка им. Дзержинского) был очень колоритный четырехголосый хор в составе 30 человек. Руководил хором Григорий Михайлович Дядечко. Музыкальное воспитание Дядечко получил в церковном хоре Петропавловской церкви. Вокалисты работали под его руководством с удовольствием, не считаясь со временем. Был подготовлен огромный репертуар. Женская часть хора разучила старинные песни для участия в спектакле по пьесе Островского «Бедность – не порок», поставленном драматической труппой фабрики. Хоровая группа, приданная к драматическому коллективу, оживляла и украшала постановку пьесы.

Хор фабрики всегда в полном составе шел в колонне демонстрантов 1 Мая или 7 Ноября. Звучали специально подобранные советские песни революционного содержания, походные песни, веселые русские и украинские песни. Плясовые мелодии всегда зазывали в круг заядлых танцоров.

Хор часто выступал в цехах во время перерывов перед рабочими, такой отдых поднимал настроение и производительность труда. Я участвовал в этом хоре в течение ряда лет с 1935 по 1939 годы. На фабрике было также два оркестра: струнный (домбры) и духовой.

Ежегодно в клубе Стодольской фабрики им. Ленина проводилась олимпиада самодеятельного искусства города и района. В течение недели продолжался праздник песни, музыки и танца. Яркими коллективами были самодеятельные хоры деревень: Синьковки (хор Зайцева), Коржовки, Ущерпя, Оболешева. Но незабываемое впечатление оставлял хор села Душкино. Это был четырехголосый хор с мощными басами. Создала и воспитала коллектив учительница Дарья Ивановна Стегно. Хор исполнял, в основном, украинские песни.

Из школьных коллективов запомнился хор Первой средней показательной школы. Не помню, кто руководил хором, но знаю точ-

но, что хор находился под присмотром преподавателя, а потом директора школы Александра Михайловича Смоленского, обладавшего сильным и красивым баритоном широкого диапазона. Александр Михайлович любил петь, присоединялся к школьному хору и нередко солировал в сопровождении хора. Участие директора в хоре поднимало авторитет педагога и увлекало молодых исполнителей.

В 1950-х годах я сам организовал вокальный коллектив, в составе которого выступали: бас Морозов Михаил Семенович – конструктор завода им. Калинина, тенор Беззубенко Петр Иванович – заведующий складом на заводе, баритональный бас Шостакевич Константин Николаевич – главный бухгалтер детской больницы, тенор Завадский Иван Саввич – снабженец, меццо-сопрано Шаповалова Ольга Никитична – бухгалтер фабрики, альт Пригоровская Анна Прохоровна – домохозяйка. Музыкальным руководителем и аккомпаниатором была Кубарева Алевтина Петровна – директор музыкальной школы. Репертуар коллектива был столь богат и разнообразен, что вокалисты, не повторяясь, давали несколько концертов.

Музыкальная и культурная жизнь в городе была насыщенной и богатой. В 1938 году по предложению директора музыкальной школы в городе был создан постоянно действующий симфонический оркестр. В его составе играли педагоги музыкальной школы, ученики старших классов. Руководил оркестром директор школы Яков Иосифович Лебский. В репертуаре оркестра была музыка модного и любимого тогда Исаака Дунаевского, вальсы Штрауса, Чайковский, Дворжак, Шуберт, Бетховен и другие композиторы. Музыкальная школа выставляла на концертах игравший в унисон ансамбль скрипачей под руководством преподавателя Л.Э. Плоткина. В их исполнении звучали произведения Сен-Санса, Грига, Чайковского.

Очень хороший хор был при музыкальной школе, который создал мой любимый педагог Михаил Васильевич Карпов, работавший там с 1939 по 1941 годы. Я всегда с удовольствием слушал чистые высокие голоса детей, исполнявших звонкие советские песни, а также отрывки из произведений русской классики. После отъезда из города М.В. Карпова, хором руководил Яков Лебский.

Музыкальные кружки в школах и на предприятиях возглавлял Николай Меркулов. Сам он был прекрасным трубачом, играл на всех духовых инструментах. Под руководством Меркулова работали руководители музыкальных кружков. Перед музыкальной олимпиадой Меркулов собирал несколько кружков в один коллектив, который выступал с интересной музыкальной программой, составленной из народных и современных произведений. В годы оккупации Н. Меркулов собрал симфонический оркестр из клинцовских

музыкантов и выступал в кинотеатре перед сеансами. После освобождения города от немецких оккупантов Меркулов ушел на фронт, потерял одну руку, а возвратившись в город, руководил оркестром фабрики. В 1950-х годах, когда подросли молодые музыканты, Н. Меркулов задумал возродить довоенную традицию и организовал симфонический оркестр, пригласил туда лучших учеников музыкальной школы. К сожалению, никто из преподавателей музыкальной школы не поддержал Меркулова, так как не было в школе играющих педагогов, и хорошее начинание само прекратилось.

В помещении клуба Глуховской фабрики (ф-ка им. Коминтерна) работал городской Драматический театр с постоянной труппой. Театр носил имя Луначарского. Художественным руководителем театра был В. Демерт. В постановке клинцовской труппы я смотрел пьесы «Любовь Яровая» Тренева, «Борис Годунов» Пушкина, «Ревизор» Гоголя, «Последние» Горького, «Мечта» Водопьянова, «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова, «Очную ставку» Шейнина. Помню фамилии некоторых актеров театра: муж и жена, Петр Демидов и Елена Константинова Северская, Арнольдов, Тавридин, Устинов, Нелидова, Туманов, Шкуропат, Листопадов, Скорецкий, Михаил Буткевич, Дмитрий Крайнов. В 1938 году в городе чествовали актрису Елену Северскую в честь 35 лет актерской работы. Ставили спектакли с ее участием, в газете печатали поздравления юбиляру, а в киосках продавали фотографии актрисы.

Труппа театра не сумела эвакуироваться и осталась в оккупированном городе. По распоряжению оккупационных войск работа театра была возобновлена, изменился только репертуар. Ставились произведения русской классики: Пушкин, Островский, Гоголь. Немцы ходили в театр смотреть русскую классику, звучащую на русском языке. Параллельно работала выездная концертная бригада, которая, как и в советские времена, выступала на фабриках, в коллективах учреждений и артелей. Режиссером театра стал Николай Карманов. Был он из окруженцев. На фронт призывался из Москвы. До войны работал директором Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Немецкое командование разрешило фабричному руководству брать военнопленных из лагеря, в котором были собраны по окрестным лесам воины-окруженцы, и использовать их труд на фабриках и в учреждениях. При этом они оставались на учете как военнопленные. Карманов был одним из окруженцев, счастливо избежавших смерти за колючей проволокой. Он сумел войти в доверие оккупационной администрации и в то же время наладить связь с партизанами. После освобождения города Карманов не был репрессирован, не попал в штрафные роты, а надел офицерскую форму и ушел на фронт. В конце 1940-х годов Карманов стал директором Московского театра им. Маяковского, работал с народным артистом Охлопковым.

В клубе Стодольской фабрики в довоенные годы был хор, вокальная группа, оркестровой кружок, руководил им, кажется, Велицкий. В клубе, кроме струнных и духовых инструментов, была фисгармония. Работал драматический кружок, которым руководил артист клинцовского театра Вольдемаров. Драмкружок ставил пьесу М. Горького «Егор Булычов и др.».

На Дурняцкой фабрике (ф-ка им. Ногина) был построен хороший клуб с большим зрительным залом и комнатами для кружков. Был открыт класс фортепиано.

В те же 1930-е годы драматические кружки были созданы в больших селах: Ущерпье, Туросна, Ардонь, Унеча, Заречье, Медведово. Помощь им оказывали артисты клинцовского театра.

На швейной фабрике «Дер-Эмес» работал драматический кружок, который ставил пьесы «Очная ставка» Шейнина и «Вассу Железнову» М. Горького.

В 1938 году в клубе фабрики им. Коминтерна я слушал молодого 18-летнего скрипача Мишу Фихтенгольца. Он был победителем конкурса скрипачей им. Изай в Брюсселе. Скрипач играл темпераментно, ярко, красиво. Я с детства любил скрипку и в тот вечер был зачарован игрой молодого мастера.

35. Несколько слов о Шаляпине

Федор Иванович Шаляпин – певец-легенда. Мне как певцу особенно дорога каждая вещь, несущая память об этом замечательном артисте.

В молодые годы познакомился я с Никитой Павловичем Ильютенко. Жил он на Фабричной улице, работал на Стодольской фабрике, ничем особенно не выделялся. Но была одна деталь в биографии этого человека, которая в моих глазах поднимала его на небывалую высоту. Никита Павлович в молодые годы жил в Петербурге и работал личным кучером Федора Ивановича Шаляпина. В знак доброго расположения великий артист подарил своему кучеру фотографию. Николай Ильютенко показал мне эту фотографию. Шаляпин был запечатлен в образе Фарлафа. Рукой Шаляпина, размашистым почерком, характерным для его широкой натуры, было написано: «Федор Шаляпин». С Никитой Ильютенко мы договорились, что фотографию он никому не отдаст и будет хранить ее до старости. А когда придет время, передаст на хранение мне, Павлу Храмченко. Так было и сделано. Фотография Шаляпина перешла в мой домашний архив и хранится в альбоме.

Я много читал о Ф.И. Шаляпине, я увлекался его творчеством, знал, что в Москве живут жена Федора Ивановича Иола Игнатьевна Торнаги с дочерью Ириной Федоровной Бакшеевой-Шаляпиной.

Ф. И. Шаляпин в роли Фарлафа. Фотография была подарена артистом личному кучеру Н. Ильютенко

Обе эти женщины в течение двадцати лет обращались в правительство СССР с предложением создать в Москве музей Ф.И. Шаляпина. Но наткнулись на открытое нежелание делать это. К Ф.И. Шаляпину партийные лидеры тех лет относились, как к «эмигранту, белогвардейцу, предателю». Серафиме Фадеевой, выступавшей

посредником в переговорах с правительством Москвы и государства, «объяснили, что идея создания музея порочна» (газета «Советская Россия» № 259 от 11 ноября 1990 года). В 1962 году я нашел московский адрес Ирины Федоровны и написал ей письмо: «Уважаемая Ирина Федоровна!

Вам, конечно, не новость получать письма от многих неизвестных почитателей Вашего отца. Разрешите и мне, как любителю и патриоту искусства и в особенности пения, хоть в немногих словах выразить Вам свой восторг и свое преклонение перед гением Федора Ивановича Шаляпина.

Впервые я узнал о Шаляпине еще в раннем детстве от своего отца, а голос певца услышал на пластинке в 1935 году. Это были «Сомнение» Глинки и «Трепак» Мусоргского. Оба произведения произвели на меня необыкновенно сильное впечатление. Сила исполнения артиста заставила меня сразу же глубоко почувствовать всю силу и глубину исполняемого произведения, воображение перенесло в ту далекую действительность и кажется, будь я художником, то смог бы услышанное перенести на полотно, как будто бы очевидец.

Пластинку эту впоследствии мне удалось приобрести в собственность, и я завожу ее так же, как и «Песню убогого странника» по несколько раз подряд.

К настоящему времени я обладаю уже «немалым богатством» — имею несколько книг о Шаляпине, фотографий и пластинок. Книжки я не только прочел, но отдельные места запомнились чуть ли не

на ун,
Тай Ковен
из г. Св. Иоанн
Уваровичи - не
выс.

Шошава 257
257
257

Очень трудно Вам писать мне
мне. Спасибо за любовь
к моему, в субботу не могу
слушать, пишу это не пишу
спрашиваю. Очень все-таки
даю... Много это
человек прекрасного сердца
своим искусством. Много
слез - прощан, как же
но кто это посылает? (я
лишь ввиду тех кому я
мал горю. Они и сейчас
еще читают но книга в нашей
определенно не поможет своим
Давно пора организовать музей
но равнодушные убивают
все. Нежность и оживил
госпиталь с великим талантом
находят, но это небыло
трудно. Нередко это в
этом убедился на своих лекциях

но не
но не
но не

Письмо И. Ф. Шаляпиной П. М. Храмченко. 1962 г.

наизусть. Беспредельной ценностью обладает капитальнейший труд «Федор Шаляпин» в 2-х томах, чтение, вернее изучение которого, я недавно закончил. Как бы я хотел, чтобы эту книгу прочли как можно больше людей! Почему? Во-первых, она дает очень яркое и

всестороннее представление о том, кем был Шаляпин как для всего культурного человечества, так и для нас, русских, в особенности. Мы, люди более позднего поколения, прочтя эту книгу, отчетливо чувствуем величие гения Шаляпина, даже не будучи очевидцами. Во-вторых, в книге неоспоримыми фактами показана большая душа этого человека, разбиваются вдребезги всякие нелепые выдумки и анекдоты, пущенные в свое время по свету мелкими людишками – завистниками, интриганами, врагами великого артиста, врагами истинного великого искусства. Я становлюсь на колени перед неповторимым гением Федора Шаляпина.

Среди имеющихся у меня фотографий Ф. Шаляпина, одна, с автографом великого певца, на которой Федор Шаляпин запечатлен в роли Фарлафа. Фотография была подарена мне Никитой Павловичем Ильютенко. Никита Ильютенко рассказывал, что в бытность в Москве, во время службы по ведомству связи, от этого ведомства, в течение примерно четырех лет, он был кучером у Вашего отца. Ильютенко – коренной житель города Клинцы, здравствует по сие время.

Ирина Федоровна! Хотелось бы знать, жива ли Ваша мать, Иола Игнатъевна, которую я очень глубоко уважаю.

Недавно, 18 февраля, в воскресенье, у нас в Доме культуры была однодневная выставка коллекционеров города. Мною были выставлены репродукции картин великих русских художников и портреты Федора Ивановича Шаляпина в жизни и в ролях. Этот уголок выставки был озаглавлен: «Гениальный русский артист и певец Ф.И. Шаляпин (1873 – 1938 гг.)». В течение всего дня особое внимание посетителей, пожилых и молодых, было приковано к фотографии Ф.И. Шаляпина в роли Фарлафа с его автографом, в чем я заранее не сомневался.

Простите мне за беспокойство, которое я, быть может, наношу Вам этим письмом, но мне неудержимо хочется выразить Вам, любимой дочери Ф. Шаляпина, испытываемые мной чувства к Вашему отцу. Павел Максимович Храмченко. 20 февраля 1962 г.»

Ответ не заставил себя ждать. Вот письмо дочери Федора Шаляпина Ирины Федоровны:

«Москва. 5.3.62. Уважаемый Павел Максимович: очень тронута Вашим письмом. Спасибо за любовь к моему, в сущности, несчастному отцу. Пусть это не звучит странно. Гении всегда страдальцы... Многое этот человек прекрасного создал своим искусством. Многих людей пригрел, накормил, но кто это помнит? (я имею в виду тех, кому он сделал доброе). Они и сейчас еще живы, но никто в память отца не приложит своих сил. Давно пора организовать музей, но равнодушие убивает все. Хотелось бы оставить достойную его великого таланта память, но это невероятно трудно. Народ чтит отца, я в этом убедилась на своих лекциях. Но нужно

ковать железо, пока оно горячо. Не знаю, сумею ли я чего-нибудь достигнуть. Шлю Вам привет и добрые пожелания. Ир. Шаляпина.

На ул. Чайковского я давно не живу».

В ближайшее время я подготовил письмо, в котором была высказана поддержка идеи открытия музея Федора Ивановича Шаляпина. Письмо было подписано многими клинчанам и отослано в адрес Ирины Федоровны Шаляпиной. Знаю, что в те годы в Москву шли сотни писем с просьбой открыть музей великого певца.

Спустя несколько лет музей Федора Шаляпина был таки создан. Об этом я узнал по радио и из газет. Клинчане могут гордиться, что своими голосами способствовали открытию музея великого Человека России.

36. Ипать — славянская река

Мое знакомство с рекой Ипать началось в детстве, когда с отцом или с дядей Митрофаном каждое лето мы отправлялись класть печи в заипутских деревнях. Река Ипать в те годы была более полноводной, чем сейчас. Сказывали, что в XIX веке от города Суража вниз по Ипути ходили байдаки с товарами до Гомеля, до Киева и еще ниже — до Екатеринослава. По Ипути сплавляли лес плотами. По берегам реки тогда было много дубовых и сосновых лесов. Потом много лет я не был на Ипути.

После войны меня опять потянуло к берегам любимейшей реки. Каждое лето я брал сыновей, Геннадия и Николая, и весь отпуск проводил с ними на Ипути. Мы рыбачили, ночевали в крестьянских избах и у костра на берегу реки, собирали грибы, ягоды. Помню, как не раз заставляли нас летние грозы. Мы заметили, что в пойме реки Ипать часто бывают шаровые молнии, а в то же время в городе шаровая молния — большая редкость. Местные жители называют шаровую молнию «маланья», с ударением на последний слог. Бывало, что от ливня нас спасала опрокинутая лодка.

Несколько раз мы проводили время отпуска возле Болоньи. Там, в зарослях камыша, клинцовский рыбак Гаврила Назарович Вишняков держал лодку и разрешал брать ее для наших путешествий. По левому берегу реки от самой воды стояла дубовая роща. В стволах дубов жили дикие пчелы, а в конце лета под дубами росли одни белые грибы. Летние походы закаляли сыновей, научили их знать и любить природу. Можно сказать, что на лодках и пешком мы не один раз прошли Ипать от Суража до Злынки.

За многие годы наблюдений я пришел к убеждению, что берега реки Ипать были заселены не одну тысяч лет. Помню, в 1927 году мы с крестным, Емельяном Кононовичем, работали в деревне За-

липовье – штукатурили дом сначала у псаломщика, а потом у учителя Кочергина по прозвищу «Соломки». Учитель заметил во мне, мальчишке, любознательность и рассказал, что поблизости есть древние захоронения, которые называются курганы, что им не менее тысячи лет. От Кочергина я впервые услышал о радимичах и северянах – племенных союзах славян. Курганы стояли за крестьянским полем, к северу от деревни. Это было время, когда еще не было колхозов. Наделы земли у крестьян были большими, а между собой они были разграничены межей. Чтобы подойти к курганам, нужно было идти по меже между двумя соседними полями. Курганы стояли, поросшие дубками, и заметить их было трудно. Теперь дубов нет, курганы частично распаханы. А на берегу реки учитель показал мне чугунный якорь о трех зубьях. Якорь кованый пролежал у воды не один десяток лет, но был покрыт еще тонким слоем ржавчины. Кочергин говорил, что такие якоря ковались в Добруше, в Белице под Гомелем, в Стародубе и крепились на байдаках. Крестьяне деревни Смяльч, где мне часто и подолгу приходилось бывать, рассказывали, похваляясь, как в ребячьи годы раскапывали курганы и находили кости крупных людей, часто находили железные мечи обоюдоострые. Такой меч я видел в Ново-зыбковском краеведческом музее. Меч высотой более метра. Видимо, на берегах реки Ипуть жили не только пахари, но и воины. Один старик показывал складень-образок из меди с именами святых, найденный в кургане. Складень был разбит ударом лопаты. Я снял копию с этого складня, но не могу найти среди бумаг. Значит, славяне продолжали насыпать курганы над усопшими уже после принятия христианства.

Первые уроки истории запали в память. После того всякий раз, когда доводилось бывать на Ипути, я всматривался в окружающий рельеф местности в надежде обнаружить курган. В этих поисках мне не раз помогали местные крестьяне.

Оказалось, что берега Ипути были когда-то густо заселены людьми. Курганы и стоянки времен позднего каменного века можно найти и в настоящее время. Интересно, что они часто соседствуют с современными поселениями.

Возле села Ляличи, у самой реки, частично сохранились курганы радимичей, а рядом, за балкой, некогда бывшей протокой, поселение радимичей. Тысячу лет назад поселение было окружено со всех сторон водой для защиты от посягательств лихих людей.

Южнее города Суража, на левом берегу Ипути две деревни: Княж и Беловодка. Их разделяет река Козка. На берегах этой небольшой речушки курганы стоят ровными рядами. К сожалению, в этих местах теперь берут щебень, образовались карьеры. А курганы так и остались необследованными.

Чуть ниже по течению, на правом берегу Ипути, местечко Коси-

чи. Там тоже можно на поверхности найти следы поселения людей.

У Завода Юрецкого, там, где речка Полонка впадает в Ипуть, несколько курганов.

Ниже по течению реки Ипуть есть деревня Смяльч. В этой деревне отец начал давать мне первые уроки печного мастерства. К северу от Смяльча, в 4-5 километрах, вблизи поселков Залиповье и Владимировка, в береговом обрыве реки Ипуть земля нафарширована осколками древней керамики. На этом же правом берегу два плато. Песчаная поверхность их подвергается ветровой эрозии, обнажая черепки керамики. В земле много угля той древней эпохи. Видимо, здесь находилось крупное поселение людей (селище), просуществовавшее не одно столетие. Вокруг до сих пор видны очертания курганов.

Курганы есть в Холевичах, в Старом Месте, в Перевозе, на левом берегу Ипути. Мне говорили, что в черте города Новозыбкова тоже есть курганы.

Еще ниже по течению Ипути, под Злынкой, тоже есть курганы, поросшие столетними соснами. В Вышкове, недалеко от спичечной фабрики, на дюнах, едва заметны песчаные курганы. Возле Старого Вышкова есть место, которое носит название Курганье. Такое же название носит улица в Клинцах.

Напротив деревни Писаревка, на противоположном, левом, берегу Ипути — маленькая деревушка Новоандреевка. Место это раньше называлось Болонья. Люди жили здесь с незапамятных времен, об этом говорит прежнее, древнее славянское название поселения. Ближе к Ипути, недалеко от дома лесника когда-то прокапывали траншею и наткнулись на кремниевые предметы времен каменного века. Здесь была стоянка людей каменного века.

Почти все курганы давно разрушены кладоискателями, распланы или заросли лесом.

Я учил сыновей не разрушать стоянки древних людей, пусть они сохранятся и будут исследованы археологами-учеными. Но жизнь заставила нарушить это правило. Начну издалека. Еще в 1934 году мой приятель, Николай Иванович Чередников, обнаружил на реке Унеча, возле Затишья, торчавший из берегового обрыва нос деревянного челна. В ближайший воскресный день мы отправились вместе осмотреть находку. В обнажившемся после весеннего половодья правом берегу реки, на два метра ниже травяного покрова была видна носовая часть челна, выдолбленного из цельного ствола дерева. Судя по диаметру носовой части лодки, челн должен был иметь в длину несколько метров. Большая часть его оставалась в толще спрессованных пойменных отложений берегового обрыва. Мы попытались откопать челн, но это оказалось нам не под силу. На следующее лето мы снова отправились смотреть

челн, но обнаружить его не смогли. По-видимому, весеннее половодье размыло берег и унесло челн вниз по течению реки.

Для себя я тогда сделал вывод, что на правом берегу Унечи вблизи Затишья жили люди, после которых должны остаться еще какие-то следы. Спустя годы, уже после войны, когда стали подрастать дети, мы выбрали берега Унечи местом воскресных прогулок. Здесь мы ловили рыбу, загорали, играли в мяч. Мой рассказ о найденной в береговом обрыве лодке-долбленке взволновал их детское воображение, поэтому вскоре наши походы на Унечу превратились в поисковые экспедиции. Мальчики мечтали сделать открытие. Береговой обрыв напоминал слоеный пирог. Пласты спрессованного песка перемежались слоями торфяника и глинистых отложений. Каждый год после половодья береговая линия смещалась, обнажая новые пласты пойменных отложений. Мы обследовали береговой обрыв, изучали его, но ничего не находили.

Однажды мы остановились на обед на правом берегу реки Унеча, недалеко от деревни Смолевичи, там, где в реку впадает безымянный ручей. В этом месте прибрежные заросли ивняка-красно-тала расступались, открывая прекрасный песчаный пляж. У реки грелись на солнце несколько человек отдыхающих. Бродя босиком по горячему песку, я обратил внимание на россыпь мелких чешуек кремня. Среди них я нашел камень, по своей форме напоминавший наконечник для стрелы. Позвал ребят, мы вместе обследовали это место и собрали все осколки кремня. Радость от находки и предвкушение открытия сделали ребят неутомимыми искателями. Через неделю мы пришли на то же место и обнаружили, что за прошедшие дни ветер сдул песок, обнажив новые осколки кремня. На этот раз мы подобрали настоящий каменный наконечник для стрелы. Я понял, что нами найдена стоянка человека каменного века. И не где-нибудь, а на пляже, где часто бывают отдыхающие. Тогда же созрело решение собрать все осколки кремня и изделия из него, не прибегая к раскопкам. Лучшим помощником стал ветер. Ветер в течение нескольких дней очищал место стоянки от песка, обнажая все новые порции осколков кремня. Сыновья стали по очереди приезжать на брег Унечи на велосипеде. Для них это не составляло труда, а было в удовольствие. Радостью светились их лица, когда удавалось найти наконечник копья или стрелы. Постепенно собралась коллекция кремниевых предметов. Среди них были скребки, обломок каменного топора и много наконечников для стрел и копьев, а также несколько осколков серой керамики с орнаментом в виде точечных вдавлений острым колющим предметом. Там же обнаружили раздавленное и смятое медное женское украшение «колты».

Когда мы разложили наконечники стрел на столе, то оказалось, что все они разной степени обработки, некоторые были даже от-

шлифованы. И тогда возникло предположение, что мы нашли и исследовали мастерскую по изготовлению кремниевых орудий охоты. Мастер или группа мастеров-камнерезов работали на одном месте в течение длительного времени, возможно, многих лет. Об этом свидетельствовали следы кострища с зольными отложениями толщиной до 30 см. Когда находки прекратились, мы соорудили стенд, на котором разместили и закрепили с помощью проволоки все найденные предметы, сделали надписи и даже схему найденной стоянки. Это был тот случай, когда все предметы необходимо было собрать и сберечь, в противном случае их подобрали бы отдыхающие, и стоянка человека осталась бы незамеченной.

Хотелось верить, что мастерская кремниевых предметов и лодка-долбенка – свидетели одного времени. Тогда же стал вопрос: а где люди добывали кремнь? Ответ на этот вопрос пришел не сразу. Во время наших путешествий мы искали места скопления кремня, но находили лишь небольшие разрозненные камни, разбросанные на лугу в пойме реки Унеча. Если ударить кремнем по кремню, то проскакивает искра и появляется запах гари. Однажды в деревне я разговорился со стариком, который заготавливал и продавал на базаре мел. Спросил его, где он добывает мел. Оказалось, что меловые отложения – известняки – выходят местами на поверхность вдоль подножия всего громадного холма, на котором поселена деревня Смолевичи. Я спросил, а не встречал ли он где-нибудь кремнь. И получил ответ, что много кремня попадает в меловом камне в виде «грудок». Вот он, источник, вот, где люди каменного века добывали кремнь – в известняке.

Эти находки заставили взглянуть свежим взглядом на историю края. Мы нашли новые подтверждения тому, что на берегах рек Унеча и Ипать люди жили с незапамятных времен. Что обработка кремня здесь продолжалась тогда, когда в южных и западных от Подесенья и Посожья землях уже были знакомы с бронзой, а возможно и с железом. Бронзовые изделия проникали сюда в результате меновой торговли и по своей дороговизне служили только украшением. Возможно, что обработка кремня здесь продолжалась в течение большей части первого тысячелетия новой эры. Что с проникновением сюда христианства сохранялась традиция хоронить вождей в курганах и провожать их в загробный мир со своей иконкой.

На каком языке говорили люди каменного века, жившие в этих местах? Трудно сказать. Но то, что славянский язык поселился здесь с давних пор, об этом говорят многочисленные гидронимы и топонимы. Значение многих слов уже изменилось или утрачено, но в словах слышны славянские корни. Вслушайтесь в названия некоторых местных деревень: Смяльч, Ущерпье, Ректа, Сигор, Шамры, Осов, Дягов, Гатка, Корна, Кажаны, Журавка, Шеломы,

Увелье, Уношев, Полек, Гривка, Вихолка, Вышков, Дроков, Нарость, Кокот, Далисичи, Катичи, Кневичи, Киваи, Алес, Белица, Кромово, Селище, Лотоки, Речица, Струженка, Придачь, Овчинец, Ляличи, Лопазна, Щур, Удебное. А вот названия рек: Туросна, Выхолка, Кузнечик, Соловщина, Ипуть, Унеча, Ларна, Близна, Дороговша, Полонка, Беседь, Блешня, Городечня, Лютенка, Зубра, Синьковка, Титва, Пинейка, Берестянка, Бобровца, Трубиш, Вепринка, Жеча, Миулша, Вабля, Судость, Палуж, Прусик, Гастенка, Теремошка, Вежня, Хорминка, Паконь или Паконка, Ширакина, Ковпыть, Домаха, Струговец, ручей Княж, ручей Рисянь, ручей Булдынка, ручей Деря. Список этот можно продолжить. Все эти слова родом из славянского прошлого нашего края и зачастую не имеют уже точного и правильного объяснения своего происхождения. В названиях рек и поселений можно услышать корни реликтовых слов славянских народов. А в названиях нескольких рек, расположенных по соседству, угадываются имена тотемных животных. Каждый род некогда оседлал бассейн какой-то одной реки, за которой закрепилось тотемное название рода: Вепринка, Кузнечик, Зубра, Туросна, Бобровца, Трубиш (олень), Выхолка (выхухоль), Соловщина.

Многие топонимы утрачены в давние времена и продолжают исчезать в настоящее время. До чего красиво было название деревни «Болонье». Словарь славянского языка поясняет, что этим словом называли низкое место, выпас для скота. Вместо Болоньи — Новая Андреевка. С карты района исчезло название деревни Чертовичи. Его заменили названием Ольховка. Видимо, безбожники, люди суеверные, усмотрели что-то дьявольское в названии Чертовичи. А это слово — свидетель того, что селение образовалось у черты или у межи, то есть у какой-то границы.

Другие названия никогда не наносились на карту, поскольку не имели большого значения. Например, возле деревни Болонье, как, впрочем, и в других местах, река Ипуть, меняя русло, оставила по себе много стариц. Одно такое староречье расположено параллельно основному руслу реки и носит название «Крашева», с ударением на последний слог. Сама же река Ипуть на одном участке, где быстрое течение, называется «Быстряк», а другой участок называется «Сомо». Такие народные названия необходимо собирать, наносить на краеведческие карты, беречь для ученых, которые найдут разгадку их происхождения. Эти названия несут в себе следы почти уже утраченного языка местного населения, истоки которых в языке радимичей и северян.

Память о тех славянских племенах до сих пор жива в местном языке. Еще в детстве я услышал, как крестьянки осаживают расшалившихся малышей. Они пугают их, но не волком или лешим, который их заберет, а говорят малышу: «Радимец тебе забяре!».

Долго я не понимал, о каком страшном «родственнике» идет речь. И только потом догадался, что детей пугают «радимичем». Тысячу лет назад радимичи пришли с запада и потеснили местных славян северян. Воинственность и жестокость радимичей наводила страх на миролюбивых северян, но по прошествии времени вражда забылась, родственные народы смешались и давно забыли о своих племенных распрях. Единственным свидетелем враждебных отношений двух племен осталась незамысловатая поговорка, пережившая века и даже тысячелетия.

37. Годы учебы в техникуме

В 1931 году я окончил школу, подал документы в Клинцовский шерстяной техникум, но принят не был за недостатком лет. Целый год я не учился. Летом работал с отцом, а в зимнюю пору занялся электротехникой. Я писал, что мой двоюродный брат, Александр Емельянович Храмченко, который был старше меня, серьезно занимался электротехникой и радиоделом, что он был первым в Клинцах радиолюбителем, построившим детекторный приемник вместе с другом Кулагиним. Я взял у брата книгу Карпова о малых токах и всю зиму самостоятельно изучал электричество. Тогда моей заветной мечтой было собрать своими руками все то, что сделано Сашей. За зиму я несколько раз прочитал книгу, разобрался во всем, научился по формулам делать расчеты. Тогда же я собрал элементы Лекланше. Материалы дал мне брат. Я сделал в доме электрический звонок с кнопкой у калитки. Звонок питался от химических элементов. Провел в доме свет. Лампочки, так называемые прожекторные, продавались в магазине на Большой улице. Лампочки были окантованы белым матовым налетом и светили очень ярко. Сделал динамо-машину.

В техникум я поступил в 1932 году. История техникума началась в XIX веке.

С 1895 по 1903 годы это было ремесленное училище, построенное старанием посадского общества. С 1903 года училище стало семиклассным техническим училищем. Училище готовило слесарей, токарей, кузнецов, механиков, столяров. После 1921 года училище стало называться индустриальным техникумом, с двухгодичным образованием. Училище давало всем ученикам прежнюю подготовку по слесарному, кузнечному и столярному делу, но при этом обучало специальности техников-механиков и теплотехников.

В 1926 году техникум стал готовить, кроме теплотехников, специалистов по прядению шерсти, а затем – по ткачеству. С 1930 года в техникуме готовили специалистов: шерстяников, теплотехников, плановиков и экономистов. Техникум в эти годы назывался «шерстяной техникум».

Здание текстильного техникума. Фото 1990-х годов

В 1932 году, когда я поступал в техникум, было открыто отделение лубянщиков и сетевязальщиков для пенькоджутовой промышленности. Кроме того, были ткацкий, химический, аппаратурный, плановый курсы. Я поступил учиться на аппаратно-прядельный курс.

Вместе со мной поступил в техникум мой друг и сосед Миша Морозов. Среди первокурсников было много ребят, окончивших школу имени В.Г. Короленко: Петя Роцин, Алеша Буланин, Юра Люсин. На теплотехническом курсе учился Иван Посканный, Женя Удод, Саша Ерусалимцев, Кирсановы, Боря Шанич. Многие из них стали известными специалистами.

Директором техникума в годы моей учебы был Михаил Васильевич Немчинов. Родился Немчинов в Клинцах в 1893 году, окончил Клинцовское техническое училище, с 1922 года работал на Глуховской фабрике. В 1929 году Немчинова перевели работать в трест «Клинцусукно», в отдел труда и зарплаты, а с 1932 года поставили руководить текстильным техникумом. М.В. Немчинов продолжал руководить техникумом до 1941 года, а после освобождения города, в 1943 году, вновь приступил к руководству. В 1944 году во время командировки Михаил Васильевич заболел сыпным тифом и умер.

До Немчинова директором техникума работал в течение почти десяти лет Дмитрий Лаврентьевич Ефимов. Знаю, что из Клинцов Ефимов уехал на Урал, где жил почти до 90 лет.

Н.Д. Лин был заместителем директора по учебной части, преподавал ткачество. Он прибыл в Клинцы из Московского института шерсти, где был доцентом.

Ткачество преподавал Дмитрий Петрашкин.

Физику и математику преподавал Михаил Михайлович Андриевский. Он был расстрелян немцами в годы оккупации.

Сергей Нестерович Козлов преподавал механику. В прошлом артиллерист, офицер Русской армии. Блистал тем, что наизусть знал тригонометрические таблицы.

Дмитрий Иванович Пастухов, из старообрядцев, заведовал мастерскими. Его сын – Андрей Дмитриевич Пастухов – стал директором Глуховской фабрики имени Коминтерна.

Александр Казимирович Клейн преподавал теорию ткачества и черчение. Он был автором книги по ткацкому делу. Его сын, Александр Александрович, – человек с поломанной судьбой, пережил немецкие и сталинские лагеря, стал инженером, возглавил проектное бюро Клинцовского тонкосуконного объединения, был высококлассным специалистом. Встреча в казахстанских лагерях с Андреем Владимировичем Трубецким – правнуком декабриста, на всю жизнь определила его главное увлечение: исследование движения декабристов. Он вел переписку с ведущими музеями страны, с потомками декабристов, нашел среди участников выступления на Сенатской площади земляков, описал их биографии.

Аркадий Гаврилович Самохвалов преподавал русский язык и литературу.

Меер Абрамович Махлис преподавал электротехнику.

Макар Фадеевич Маринич – вел курс труда и зарплаты. Его жена, Елена Сергеевна Ерусалимцева, работала в техникуме. Маринич, по доносу некоего Аснина, был репрессирован и расстрелян. После ареста мужа Елена Сергеевна сама воспитала двух детей. Олег Макарович Маринич стал профессором, живет в Санкт-Петербурге.

Франц Прокопович Поржиц преподавал немецкий язык. В Клинцы он приехал до революции. Работал гувернером-воспитателем у владельца пенькопрядильной фабрики Карла Викентьевича Баксанта. Женился на русской девушке, Зинаиде Сергеевне Попсуевой, которая давала уроки музыки детям Баксанта, и остался в России, приняв российское подданство. Но в 1937 году, когда в стране проводилась «чистка», Франк Прокопович как бывший иностранный гражданин был арестован и сослан в Караганду. Вернулся в Клинцы после войны, году в 1945 или 1947, больной, с одышкой. Но еще преподавал в техникуме и даже выбирался на охоту.

Среди клинцовских охотников, одевавшихся кто во что горазд, он выделялся своим внешним обликом. Короткая зеленая суконная куртка, высокие болотные сапоги, на голове тирольская шапочка с пером. Через плечо ягдташ кожаный, украшенный тисненными рисунками на охотничьи темы, на поясе патронташ, нож и рожок. Этот охотничий костюм и снаряжение сохранились у него с дореволюционных лет, в послевоенные годы так снарядиться было невозможно. Франц Прокопович был неистощимый рассказчик и весельчак. Его манере говорить и акценту очень образно подражал охотник Гирша Юдович Давидович – талантливый артист разговорного жанра, игравший в Клинцовском народном театре.

Жена Франца Прокоповича, Зинаида Сергеевна, работала преподавателем по классу фортепиано в музыкальной школе. Все годы, пока Франц Прокопович находился в ссылке, Зинаида Сергеевна ежемесячно высылала ему посылки. Чтобы заработать деньги, работала одновременно в нескольких местах: в педагогическом училище, в детском саду, в музыкальной школе. Мне она запомнилась как яркая пианистка и хороший концертмейстер.

Анатолий Иванович Кубарев преподавал химию и физику. Это был потомок клинцовских суконных фабрикантов-старообрядцев. В середине XIX века клинцовские фабрики Кубаря Верхнего и Кубаря Нижнего давали лучшие по качеству ткани. Оба брата Кубаря процветали. Но в 1772 году случился пожар. Сгорела незастрахованная фабрика Верхнего Кубаря. Восстановить прежнее производство не было средств. Дело постепенно угасало, и в 1890-х годах Кубарев продал свое предприятие. Главное здание текстильного техникума в Клинцах было построено на месте сгоревшей фабрики Кубарева. Из сохранившихся корпусов фабрики корпус с механическими мастерскими во дворе и общежитие по улице Пушкинской целы до сих пор.

Анатолий Иванович Кубарев – высококультурный и образованный человек, вел свой предмет с достоинством. Его уважали за строгость, справедливость и глубокие и обширные знания, которыми он щедро делился с учениками. Умер Анатолий Иванович в 1953 году.

Жена Анатолия Ивановича, Алевтина Петровна Кубарева, преподавала музыку в музыкальной школе. До войны, в 1936 или 1937 году, она открывала музыкальную школу, а затем уволилась и брала учеников на дом. С Алевтиной Петровной я близко познакомился после войны. Тогда я организовал певческий коллектив, который работал настолько профессионально, что Алевтина Петровна согласилась быть нашим концертмейстером. Я стал бывать у нее дома. После войны она несколько лет воспитывала внучку, дочь старшего сына, который жил в Подмосковье. Младший сын Кубаревых, Анатолий, погиб на фронте в самом начале войны. Алевти-

на Петровна жила по Советской улице в доме, который был построен родителями Анатолия Ивановича для молодоженов, на одной с ними усадьбе. При советской власти Кубаревых «уплотнили». В 1950-х годах, когда я познакомился с Алевтиной Петровной и стал бывать у нее в доме, Кубарева жила в двух маленьких комнатках, в доме жило еще несколько семей. Обстановка в комнатах была старинная, но очень скромная: стол на изящных ножках, фортепиано с канделябрами фирмы «Шредер», три-четыре венских стула, красивое резное кресло, обитое бархатом, книжный шкаф и буфет, украшенный резьбой по дереву. Все «сокровища» Кубаревой уместались в книжном шкафу, в котором стояли ноты, несколько старинных книг. На фортепиано были расставлены фотографии мужа, детей и большая фотография девушки в белых платьях, выпускниц Смольного института 1908 года. Алевтина Петровна получила прекрасное образование. Она в совершенстве владела немецким, французским, итальянским языками. Даже преподавала немецкий язык на дому. Играла на фортепиано, пела романсы, сочиняла стихи, была чудесная кулинарка и гостеприимная хозяйка. Но в те годы она бедствовала. Чтобы приобрести на зиму дрова, Алевтина Петровна продавала на базаре какие-то ценные вещи, серебряные ложки, книги. Я старался помочь пожилой женщине, чем мог, не только из сострадания, но и из желания, чтобы она не расставалась с дорогими для нее вещами.

Алевтина Петровна рассказывала, что была знакома и даже брала уроки у известного музыканта и педагога Александра Ивановича Рубца. Он был профессором Петербургской консерватории, где вел класс сольфеджио, а учился у Николая Рубинштейна в одно время с П.И. Чайковским и был знаком со всеми композиторами и музыкантами России. С возрастом Рубец стал терять зрение, вышел на пенсию и остаток жизни провел в городе Стародубе. Здесь для земляков Рубец на свои деньги организовал певческий коллектив, оркестр, бесплатную музыкальную школу, школу рисования, курсы кройки и шитья. Похоронен А.И. Рубец в ограде Вознесенской церкви города Стародуба. Где встречалась Алевтина Петровна с Рубцом, в Стародубе или Петербурге, я не знаю. Но у Алевтины Петровны были книги и ноты с дарственными надписями А.И. Рубца. Она пела и аккомпанировала некоторые произведения, написанные композитором. Например, «Думы мои, думы мои» на слова Т.Г. Шевченко, «Тихо вечер догорает», «Не пой, красавица, при мне». Рубец рассказывал ей в шутку или всерьез, что И.Е. Репин писал с него этюд одного персонажа для картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». У меня сохранился альбом с произведениями А. Рубца, подаренный мне Алевтиной Петровной Кубаревой. Альбом был издан в 1896 году в Москве и в Лейпциге издателем П. Юргенсоном. В этом альбоме помещены такие сочи-

нения А. Рубца: «На утесе» на слова Г. Гейне, колыбельная песня «Спи, мое дитя, усни», «Думы мои, думы», серенада «Тихо вечер догорает», «Не пой, красавица, при мне», разлука «У моря сижу», желание «Ах, не кладите в могилу меня», «Забудь о ней» на слова Н. Майского, «Не отходи от меня», колыбельная «Ночь спустилась». Многие из этих сочинений звучали в исполнении моей вокальной группы с подмостков клинцовских сцен.

У Алевтины Петровны я видел старинные альбомы в кожаных переплетках с медными застежками. В альбомах хранились фотографии, на которых можно было увидеть членов семьи клинцовских купцов Сапожковых, Барышниковых, открытки и фотографии с видами Франции, Германии и посада Клинцы.

Умерла Алевтина Кубарева в 1972 году. На могильном камне начертаны ее собственные строки: «Только здесь: ни тревог, ни волнений, ни раздумий бессонных ночей». К сожалению, ничего из вещей и книг Алевтины Ивановны не сохранилось. Все пропало без следа. Семья Кубаревых разделила судьбу многих клинцовских педагогов, инженеров, врачей. Они преданы земляками полному и категорическому забвению.

Преподаватель техникума Александр Александрович Корзун вел математику. Его дочь, Нина Александровна, училась со мной в одной группе. Вскоре после окончания учебы она вышла замуж за Чумаченко и уехала в Харьков. Александр Александрович был очень знающим математиком. Заметив во мне тягу к точным наукам, он загружал меня дополнительными заданиями по математике, познакомил с началами высшей математики, что пригодилось потом в конструкторской работе.

Семья Корзунов жила в Клинцах со времен строительства железной дороги Брянск–Гомель. Александр Людвигович Корзун, дворянин, окончил Гомельское техническое железнодорожное училище. В Клинцах познакомился с местной красавицей, женился, устроился работать письмоводителем в Клинцовское ремесленное училище, работал приказчиком у Барышникова. А.Л. Корзун проживал с семьей в доме по улице Лысовка (ул. Советская), напротив водонапорной башни. Умер в 1916 году. У Александра Людвиговича было два сына, Александр Александрович (1890 г.р.) – преподаватель математики и Николай Александрович (1892-1979) – врач. С Николаем Александровичем Корзуном я дружил, несмотря на разницу в возрасте. Это был человек неумной энергии. Он работал врачом-терапевтом, но мыслил в государственном масштабе. В довоенные годы Николай Александрович организовал в Клинцах Медицинское общество, которое воссоздал в послевоенные годы. Врачи на заседаниях Медицинского общества делали научные доклады, обзоры научных статей, сообщали о своих наблюдениях. Николай Александрович собрал в стенах медицинского училища

богатую медицинскую библиотеку. Он и преподавал в медицинском училище. Н.А. Корзун добился от городских властей не допустить порубки в послевоенные годы сосновой рощи возле стадиона и на Солодовке. Он предложил лесникам собирать семена от мачтовых сосен, росших на Солодовке, для возрождения этого уникального дерева. Мы обязаны ему единственным сохранившимся в Клинцовском районе уголком столь прекрасной природы. Н.А. Корзун был зачинателем Клинцовского краеведческого музея. По его настоянию городские власти в годы послевоенной разрухи подняли перед правительством этот вопрос, и Клинцы получили музей. Вокруг Н.А. Корзуна образовался музейный совет, в который я был приглашен самим Николаем Александровичем. Музейный совет за несколько лет собрал уникальные фонды музея, которые в больницах своем хранятся в запасниках из-за отсутствия выставочных помещений.

Преподаватели техникума – братья Руденко, Николай Петрович и Александр Петрович. Оба брата – сыновья известного в Клинцах фабричного врача Петра Демьяновича Руденко. Петр Демьянович окончил Военно-медицинскую академию вместе с Иваном Петровичем Павловым, а затем почти 40 лет работал фабричным врачом в Клинцах. Местом его работы была «Красная» больница – больница для рабочих, содержавшаяся на средства всех фабрикантов посада. Сын Петра Демьяновича, Николай Петрович Руденко, преподавал естествознание. Был известным в Клинцах конькобежцем и фигуристом. Другой сын, Александр Петрович, преподавал механику, был завучем в техникуме.

Капитонов преподавал черчение.

Макар Федотьевич Костаков – учитель по мастерству. Он оказал большое влияние на меня. Он обучал столярному, слесарному и токарному делу. Всегда повторял, что техник и инженер должен своими руками «потрогать» любую рабочую профессию. Потом, когда я работал конструктором, навыки мастерства мне оченьгодились. Конструируя, я представлял технологию обработки той или иной детали и уходил от проектов, трудных для обработки.

Учеба в техникуме велась на высоком уровне. Техникум занимал первое место в СССР по организации учебного процесса и методике преподавания.

Я занимался легко, успевал по всем техническим дисциплинам. Уже в конце первого курса мне поручили вести вспомогательные уроки для неуспевающих учеников по химии, по физике, по математике и по механике. Я был постоянно занят. Ко мне обращались все за советом, как решить задачу, как доказать теорему и по любому другому вопросу. Я стал в техникуме известным человеком.

В 1934 году директор техникума премировал лучших учеников за отличную учебу денежной премией в 1000 рублей. В числе луч-

ших учеников оказались закадычные друзья: Миша Морозов, Петя Рошин, Шура Ерусалимцев, Саша Горбатьюк, Лесик Буланин и я, Павел Храмченко. Мы задумали отправиться в путешествие. Техникум выдал нам удостоверения, туристские книжки с маршрутом: река Ипать – река Сож – река Днепр до города Киев. Обратное – на поезде. Путешествие началось от деревни Халевичи. Мы приобрели старый баркас, отремонтировали его, поставили навес, сделали сидения, выточили весла, установили вымпел. С собой было сало, соль и немного крупы из техникумовского склада. В пути купить что-нибудь оказалось непросто. В деревнях еще был голод. Поэтому питались рыбой, которой в реке было много, покупали только молоко, овощи. В дороге исхудали, но были здоровы и счастливы. В Киеве провели 14 дней. От всего похода сохранилась на память одна фотография, сделанная на берегу реки Ипать возле Новых Бобовичей.

Дипломная работа была посвящена теме: «Проект фабрики на 4000 веретен». Необходимо было сделать расстановку оборудования и показать цеха в разрезе. По окончании учебы я получил диплом технолога по аппаратно-прядельному делу.

38. Голодовка 1932–1936 годов

По некоторым соображениям в своих «детских» воспоминаниях, относящихся главным образом к началу и середине 1920-х годов, я отобразил только «светлые» впечатления о тогдашней жизни, но не затрагивал мрачных сторон жизни конца 1920-х и последующих 1930-х годов, чему волей судьбы мне довелось быть современником и свидетелем. Эти зловещие годы очень ярко отобразили многие наши писатели и великие патриоты, как, например, В.А. Солоухин в своей автобиографической повести «Смех за левым плечом», О.В. Волков в автобиографической повести «Погружение во тьму», А.И. Солженицын в своих произведениях и многие другие писатели. Я считал поначалу, что эти писатели донесли до людей правду нашей жизни и мне своими воспоминаниями нечего к этому добавить. Но с годами, читая местную клинцовскую газету, публикации краеведов, я стал убеждаться, что ни жители города, ни авторы публикаций даже не знакомы с произведениями В.А. Солоухина, О.В. Волкова и А.И. Солженицына. Когда я читал местную краеведческую литературу, у меня складывалось впечатление, что преступления против крестьян, против интеллигенции, против церковнослужителей как будто обошли стороной наш край. Все у нас происходило «в едином порыве с партией, дружно, весело, с песней, с выполнением и перевыполнением плана». А рассказать правду никто не решает. Поэтому, возвращаясь спустя годы к написа-

нию своих воспоминаний, я посчитал долгом рассказать то, чему был очевидцем и свидетелем.

Годы учебы в техникуме совпали с периодом сильного голода по всей стране. Это время в народе называлось «голодовка 30-х годов». Голодовка длилась четыре года с 1932 по 1936 годы. Самым голодным оказался 1933 год. В тот год умерли от голода сотни тысяч людей по всей стране.

Я считаю, что техникум спас меня от голодной смерти. Всем учащимся техникума выдавалось трехразовое питание. Помню, идем утром в техникум с Мишей Морозовым, от голода живот подводит, идем, а песни поем. Что говорить, мальчишки. У Михаила был красивый и сильный бас, а у меня – тенор. Мы запевали строевые песни тех времен: «Как при лузи, при лужке, при широком поле» или солдатскую песню, тогда говорили «красноармейскую», «Черный ворон, черный ворон!». Очень любили запевать «Во субботу день ненастный, нельзя в поле работать...».

Техникум имел пригородное хозяйство под Чемерной. Там были поля, огород, сенокосы, коровник и свинарник. Весной студенты обрабатывали землю, сажали картофель, капусту, сеяли просо, горох, фасоль, свеклу, а осенью убирали урожай. Для нас эти работы были спасением от голода, так как собранный урожай шел на питание студентов.

Обед был скудный, но приготовлен хорошо, по-домашнему. Поваром была тетя Оля Бельчук. Ее сын в послевоенные годы работал преподавателем физкультуры в школе – физруком, как тогда говорили.

В других городах с питанием было похуже. Мой приятель, Миша Моисеенко, поступил учиться в Брянский техникум. Через несколько месяцев вернулся в Клинцы и рассказывает. Приехал отец навещать Мишу, видит, сын похудел, лица на нем нет. Зашел в студенческую столовую посмотреть, как кормят учеников. На первое суп из лука и моркови. На второе запеканка из сушеной моркови и сушеного картофеля, ни грамма сала или мяса. На третье две ложки густого киселя. Все было бы ничего, но в запеканке отец обнаружил запеченных червей и отказался от еды. Миша с голоду съел свою и отцовскую порцию с червями. Отец возмутился, забрал сына в Клинцы и устроил рабочим на фабрику. Миша как рабочий стал получать хлебный паек.

Голод был искусственно вызван проводившейся в стране коллективизацией. После 1917 года земля была отдана крестьянам. Крестьяне получили землю из расчета на пай три гектара пашни и по трети гектара сенокосных угодий. На одну семью приходилось по три-четыре пая – это до 12 гектаров земли. Работая на своей земле, крестьяне окрепли, в каждом дворе было по 1-2 коровы, с десяток овец, стада гусей, уток, куры. Крестьяне зажили лучше,

чем при царской власти. Крестьяне славили новую Советскую власть со всей искренностью сердца.

Трудности в деревне начались в конце 20-х годов. Политика государства, направленная на снижение закупочных цен на зерно и рост цен на технические культуры, толкнула крестьян к сокращению посевов зерна и расширению посевов более выгодных технических культур. А планы хлебозаготовок оставались высокими. Началась конфискация хлеба, как было при военном коммунизме, крестьян перестали пускать на клинцовский рынок.

А с 1929 года началось «обобществление» земли. Отдавая в колхоз землю, коня и корову, крестьянин терял точку опоры, превращался в нищего, обездоленного, каким не был даже при старой царской власти. Переход в колхоз для труженика крестьянина был равносильен полному разорению. Вкусив радость от работы на себя, крестьянин не хотел расставаться с землей, которая кормила его семью и его самого.

За годы новой экономической политики 1920-х годов число бедняцких семей значительно поубавилось, многие выбились в середняки. Записываться в колхоз никто из середняков не хотел, ведь только что поднялись из вековой нищеты. Высказывались две причины нежелания объединяться в колхоз. Во-первых, крестьянин считал, что теряет полученный после революции в свое пользование земельный надел, который кормит крестьянина и делает его независимым. Во-вторых, привыкший работать с полной отдачей сил, крестьянин считал, что в колхозе будет работать за себя и за многочисленных деревенских лентяев и пьяниц, которые и в те времена были паразитами и ворами. Крестьян с такими «отсталыми взглядами» объявили «несознательным элементом». Упорных в своей «несознательности» крестьян, стоявших преградой на пути к всеобщей коллективизации, переубедить было невозможно, их можно было либо сломить, либо уничтожить.

В отношении строптивых крестьян был применен испытанный на эппманах метод экономического подавления. Крестьянскую семью, объявленную кулацкой только за то, что не вступает в колхоз, облагали большим налогом. Нужно было сдать государству зерно, мясо, картошку и прочие продукты, или выплатить денежный налог. Крестьянин расплачивался первый раз сполна в надежде откупиться. Через несколько месяцев на него накладывали более высокий налог. Со второго раза большинство крестьянских семей разорялись, становились нищими. Часть семей, сломленных надвигающейся угрозой голода, сдавались и записывались в колхоз. Продолжавших упорствовать крестьян облагали новым налогом, доводя до полного разорения, а затем арестовывали и ссылали.

На этом этапе нервы крестьян не выдерживали. Одни впадали в отчаяние, другие брались за оружие.

Раскулачивали не только в деревне, но и в городе. Был в Клинцах известный золотарь Слуп. Золотари занимались очисткой выгребных ям из-под туалетов. Умные и хозяйственные золотари всегда имели приработок: они компостировали отбросы и через три года продавали перегной. У Слупа на усадьбе земля хорошо родила. Как всегда, у тех, кто живет богаче других, есть завистники. Считалось, что золотарь «очень хорошо живет», почти как эксплуататор. Но никто из завистников работать золотарем не хотел. Раскулачили Слупа, забрали землю, где он готовил перегной. Слуп бросил свое ремесло. Когда коммунхоз предложил ему снова работать золотарем, но на одной зарплате, Слуп отказался и пошел разнорабочим на завод.

В Клинцах сотни рабочих семей еще с дореволюционных времен имели в пригороде землю, купленную за свои деньги, от четверти десятины до десятины. Рабочие сажали на земле картошку, сеяли просо, овес, жито, подсолнечник, тыкву, свекловицу – словом, что кому было нужно для хозяйства. Земля помогала держать поросят, корову, птицу и вместе с тем кормила семью рабочего. В годы раскулачивания отняли землю и у рабочих, не выплатив компенсации. А ведь они, сотни маленьких земледельцев, кормили не только семью, они кормили город, кормили страну. Отнятая у рабочих земля долго пустовала и пошла в обработку спустя много лет.

Я говорил, как тесны были наши деловые связи с деревней Смяльч. Крестьяне из Смяльча были частыми гостями в нашем доме. Как-то поздно вечером, году в 1932, к нам в окно кто-то постучал. Открыли – входит смяльчский крестьянин, Иван. Фамилию не помню. Мы его хорошо знали. Это был настоящий богатырь. Когда Иван вошел в комнату на свет, то мы увидели вместо прежнего крепыша исхудавшего человека, одетого в обносившуюся одежду. Несколько месяцев назад он был арестован за отказ вступить в колхоз. Из пересыльной тюрьмы в Москве ему удалось бежать. Пешком дошел до Клинцов. Несколько дней Иван жил в маленькой непроходной комнате, за печкой. Отдохнул, набрался сил и ушел. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

От смяльчских крестьян мы узнавали все новости. Данило Герасько, пожилой человек, большой труженик, руки – сплошные мозоли. Кроме своего крестьянского труда плотничал. Я бывал у него в доме и видел как небогато жила семья Герасько. В колхоз идти Данило не захотел – дело ведь добровольное. Стали крестьянина «раскулачивать». Пришли и выгребли из подвала и сарая все запасы. Когда пришли второй раз, Данило разволновался, стал задыхаться, упал и тут же скончался от разрыва сердца. Это не остановило уполномоченных. Они равнодушно выгребли из подвала последний, оставшийся на зиму картофель, и ушли.

Обидно было крестьянам, что многие «активисты» примазались к советской власти. Их знали, как деревенских лентяев, картежников и пьяниц. Теперь у тех, кто в поту добывал себе хлеб насущный, «активисты» отнимали плоды труда. Часть отнятого продавалось с аукциона, а большая часть хозяйства «раскулаченных» крестьян беззастенчиво разворовывалась «именем закона». Уполномоченные, облеченные безграничной властью, раздевали односельчан до нитки и, как правило, пропивали награбленное. Власть на селе зачастую переходила в руки бездельников и пьяниц.

Иван Чайка уже был старик. Отличался исключительной честностью и трудолюбием. Семью Ивана Чайки уполномоченные несколько раз облагали налогом. Вынесли из дома и из амбаров все хлебные запасы. Уже само появление уполномоченных на улице возле дома бросало в дрожь крестьян. В один из дней дочь Ивана, Дуня, услышала шум на дворе, глянула в окно, а по двору идут уполномоченные и активисты группой, человек шесть. При одном виде этих страшных людей у Дуни произошло буйное помешательство. Уполномоченные хладнокровно забрали из подпола все запасы картофеля, свеклы и моркови, обрекая семью на голод. Сошедшую с ума девушку привезли в Клинцы. Три дня, пока выписывали направление в больницу для умалишенных, находившуюся тогда в Смоленске, семья Чайки жила у нас в доме. И все это время Дуняшу держали в бане. Девушка не могла успокоиться, кричала и стонала днем и ночью. Возле девушки попеременно дежурили отец и два брата, Яков и Гаврила.

Иван Пякуло жил бедно. Однажды я провел у него летом две недели, ставили с отцом печь. В семье было несколько малых детей и один грудной ребенок. Пол — деревянный, весь в дырах. Вина Ивана Пякуло перед народной властью состояла в том, что Иван держал пять колод пчел и вступать в колхоз побаивался. Сочли кулаком. Всю семью Ивана Пякуло сослали куда-то на поселение — и никто не вернулся. Судьба его мне неизвестна.

Напрей Певень имел шесть детей. Жил крепко. Все делал своими руками. До сих пор помню его добродушное улыбающееся лицо. Этот крестьянин обладал веселым нравом. Все делал весело, с песней, всех заражал радостью. Как-то из Смяльча приехали крестьяне и рассказали. Напрей не хотел идти в колхоз. Выдержал первый налог, второй. Пришел в полное разорение, семья уже голодала. Но упорствовал. По осени по деревне опять пошли уполномоченные. Нервы у всех были на пределе, уже отдавать было нечего. Когда в его хату вошли уполномоченные и потребовали открыть погреб, у Напряя от охватившего его отчаяния случилось умопомрачение. Он схватил младшего ребенка за ноги и, как дубиной, стал избивать вошедших в дом людей и выгнал их на улицу. Трагедия семьи на этом не закончилась. Напряя арестовали за оскорбле-

ние уполномоченных и нанесение им телесных повреждений, избили, искалечили и полуживого отправили в Клинцы, а оттуда сослали в Карелию.

Крестьянин деревни Кневичи Петр Кузьмич Бруй семью содержал своим трудом. В хозяйстве был конь, корова, 3—5 овец, утки, гуси, несколько полосок земли, общей мерой до одной десятины. В зимние месяцы Петр Кузьмич отправлялся в Киев. Где подрабатывал извозчиком. Женщины выделывали льняные и конопляные полотна, шили из домотканого полотна белье для всей семьи. Жили бедно, едва хватало хлеба до нового урожая. Семья не была в числе кулацких, но записываться в колхоз Петр Бруй боялся. Трудно было представить усадьбу без коровы и коня. Сомневающегося крестьянина душили налогами, семья разорялась. Наконец кормильца посадили в тюрьму, а затем перевели в лагерь. В счет неуплаченного налога активисты выгребли все запасы овощей, вынесли из дома сундук с одеждой всех членов семьи и продали с аукциона. В семье не осталось ни еды, ни одежды.

В лагере, куда попал Петр Бруй, арестованные крестьяне голодали. Это был 1934 год. Лагерное начальство, чтобы прокормить заключенных, выпускало их на день за «мирским подаванием». Через шесть месяцев Петра Бруй освободили. Первого, кого Петр увидел в деревне, была соседка. Она встретила Петра вопросом: «Уже выпустили?». Петр сделал таинственное выражение на лице и шепнул женщине: «Бежал. Смори, никому ни слова». Через полчася к его усадьбе примчались двое верховых из сельсовета, проверили документы и удалились, сказав на прощание: «Проверка документов, первое дело. А то прошел слух, что ты бежал из лагеря».

Разорившаяся семья долго бедствовала. Старший брат сапожничал. Дочь Полина Бруй устроилась работать на торфоразработки, а зимой перешла в Клинцы на швейную фабрику «Дер-Эмес». Помогала семье своим скудным заработком. В 1941 году Полина стала моей женой.

Подобные трагедии происходили почти в каждом крестьянском доме, в каждом селе, в каждой деревне. Миллионы обиженных крестьян были ограблены, разорены, низведены до нищенского состояния. В течение нескольких лет, пока силой физического убеждения не загнали в колхоз и не заставили работать так, как задумал главный вождь и учитель, поля крестьян стояли незасеянными, скот был порезан, люди отхлынули из деревни в города, на стройки социализма. Деревни вымирали.

Когда мы с отцом летом 1933 года пришли в Смяльч в надежде выменять вещи на продовольствие, то увидели страшное запустение. Многие дома стояли нежилыми, без крыши, окна в хатах заколочены досками, земля заросла травой. Поля стояли незасеянные. Раскулачили в первую очередь крестьян, у которых крыша

была крыта железом. Семьи пустили по миру, железо с крыш срывали и, как сказали крестьяне, пропили. Многие из тех, кто не был арестован, бежали в города на заработки. Скота не видно. Как только началось обобществление скота и земли, крестьяне позабывали скотину. С кем ни поговоришь, одна безысходность и отчаяние. Начавшую богатеть во времена НЭПа деревню опять вернули к прежней вековой нищете. Ни былых песен, ни вечерних посиделок. И печнику работы не стало. Мы вернулись в Клинцы в подавленном настроении.

Не случайно в эти годы был всплеск бандитизма и разбоя. Он был спровоцирован насильственным разорением крестьян советской властью. Крестьян, прежде законопослушных, обстоятельства жизни вытолкнули на «большую» дорогу. По лесам бродили шайки доведенных до отчаяния, озлобленных и обездоленных людей. Крестьяне, которых большевики долгие годы натравливали на помещиков, которых учили убивать помещиков, сжигать их имущество, теперь свой опыт «революционной борьбы» повернули против советской власти. Мечь обиженных крестьян была дикой, жестокой, безжалостной. Сначала они грабили и убивали уполномоченных и активистов, но, озверев, стали убивать своих односельчан. Такие люди были обречены на неминуемую гибель. Власть, виновная в крестьянских возмущениях, свою вину взвалила на кулачество и расправлялась с богатым крестьянством самым безжалостным образом, уничтожая оружием, газами, бомбями с самолетов, расстреливая сотни заложников — детей и женщин. Вспоминаешь это время с болью в сердце.

Для раскулаченных крестьян под Клинцами был создан лагерь. Под лагерь приспособили бывший старообрядческий женский Успенский монастырь. Монастырь не имел даже забора. Сколотили высокий забор из толстой доски, поверх забора натянули колючую проволоку. Поставили вышки. В лагере держали не бандитов-убийц, а простых крестьян. Через несколько лет, когда всех раскулаченных крестьян сослали на поселение, бывший «лагерь» был передан горздравотделу для пригородного хозяйства.

Голод в стране начался не случайно. Народная мудрость вывела в те годы аксиому: «Не было б зимы, не было бы холода, не было б колхозов, не было бы голода». С 1931 года в Поволжье и Сибири началась засуха, это еще более усилило в стране голод. В Клинцах голод был сильный. Я тогда впервые увидел голодные отеки у своих родственников. Такое страдание выпадало чаще на долю пожилых людей. Старшие в семье старались отдать свой кусок хлеба детям, обрекая себя на еще больший голод. В эти жуткие годы появился каннибализм — люди поедали людей. Этим преступным промыслом занимались бандиты. Они убивали одиноких людей, из человеческого мяса готовили начинку в пирожки и продавали на базаре.

Трудно приходилось тем горожанам, которые не имели своего земельного надела, кто жил на зарплату и покупал продукты на рынке. Цены на базаре в эти голодные годы были невообразимые. Для жителей города введены были пайки. Но пайки неравнозначные. Паек для работающих был на 50 грамм больше, чем для неработающих, иждивенцев и инвалидов. Пайки рабочим выдавали в закрытых фабричных магазинах по карточкам. На рынке процветала спекуляция, скупка вещей. Кто-то наживался, а кто-то еще больше нищал.

В эти голодные годы по всей стране большевики открыли магазины «Торгсин», в которых золото и серебро можно было обменять на деньги или купить дефицитные вещи. Голодающие люди несли туда свои дореволюционные сбережения, чтобы пережить голод. Такой магазин был открыт в новом западном крыле Дома рабочих по Пушкинской улице. Клинцовская газета сообщала, что магазин принял у населения за один год сотни килограммов драгоценных металлов. Такой приток золота и серебра в «Торгсин» продолжался в течение нескольких лет. Когда запасы драгоценных металлов у населения иссякли, «Торгсины» закрыли за нерентабельностью. Правительство коммунистов обогатилось на страданиях народа.

Отец к этому времени был инвалидом труда, и нашей семье инвалида выдавали в день на человека 150 граммов хлеба и ничего больше. Овощей с огорода не хватало, в пищу шла крапива, листья липы, крыжовника, лебеда. Мать запаривала эти травы и листья или варила в супе. Мое положение в семье оказалось более выгодным. Учеба в шерстяном техникуме давала трехразовое питание. Чувствуя некоторое угрызение совести, я старался помочь семье своим трудом. Работал в огороде, заготавливал сено, дрова, грибы, брал на себя всю тяжелую физическую работу. Дома старался не кушать, чтобы и без того скудная еда доставалась родителям и сестрам.

Трудно было и корове. К весне сено кончилось, овощи все были съедены. Корова отошала, посмотришь — одна кожа да кости. Как только стала зеленеть травка, еще и уципнуть было нечего, решили вывести корову на пастбище. Бедняга ела стояла на ногах, вели корову, поддерживая с обеих сторон. В калитке с коровой случился голодный обморок. Корова осела на землю, потеряла сознание, и, придя в себя, не в силах была встать. Мы с руки давали корове какие-то крошки еды, сухие листья, поили водой, но все было напрасно. Поднять корову на ноги было невозможно. Отец пошел к спекулянтам-евреям, взял в долг несколько фунтов хлеба, и весь хлеб скормил корове. Никто не посмел положить себе в рот ни кусочка хлеба. Через несколько часов с помощью соседей корову подняли и отвели в коровник. Корова выжила. За хлеб все лето расплачивались с кредитором парным молоком.

39. Плодовый питомник Курцвайля

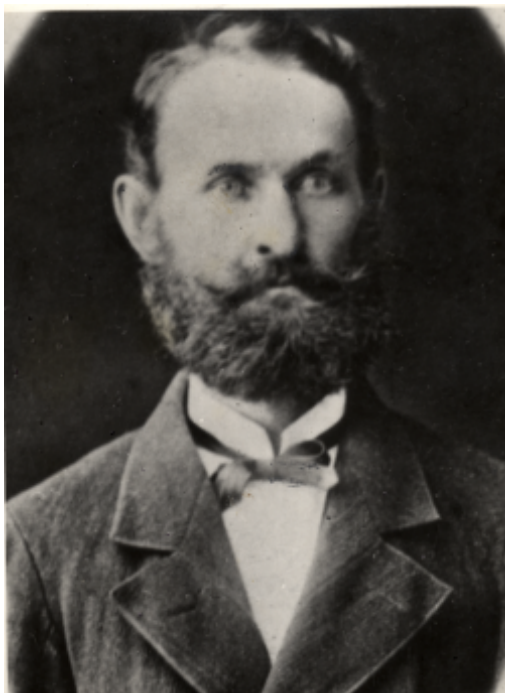
Наш край снискал себе славу яблочной провинции. Садоводством еще в XVIII веке занимались местные помещики для личного удовольствия. Поселившиеся здесь старообрядцы из России поставили садоводство на промышленную основу. Сами разводили сады, брали сады у помещиков в аренду, а урожаем вывозили на продажу в города России.

Садоводством и цветочным в старообрядческих селениях Стародубья, таких, как город Новозыбков, посадки Клинцы, Святск, Ардонь, Злынка, Воронок, Еленка, занимались практически в каждом доме. За высокими заборами и дубовыми воротами скрывались от постороннего взгляда маленькие райские сады. На переднем дворе обязательно был цветник – гордость хозяйки.

Здесь женщины выращивали любимые всеми георгины, пионы, астры, душистый горошек, маттиолу, львиный зев, тюльпаны, нарциссы, сирень, жасмин. На заднем дворе рос сад. Ветви деревьев, отягощенные плодами, ложились на крыши сараев, на заборы. В конце лета аромат созревающих яблок заполнял улицы. В каждом доме пахло сушеными яблоками, грушами.

Бывая в деревнях, я замечал: чем дальше от Клинцов, тем меньше в крестьянских дворах можно увидеть яблоньку, не говоря о цветах, которыми крестьяне совсем не интересовались. Интерес к садоводству у местных жителей деревень только пробуждался. А из Клинцов ежегодно вагонами отправляли яблоки в Москву, в Петербург.

Поэтому, когда в конце XIX века два чеха, Герман Штаудигель и Жан Курцвайль, решили заложить возле посада Клинцы пло-

*Жан Курцвайль – соучредитель
плодового питомника в Клинцах.
Фото 1890-х годов*

вый питомник, они ориентировались, в основном, на жителей посада, предполагая при этом, что вскоре саженцами яблонь заинтересуются многие жители окрестных сел и деревень.

Штаудигель и Курцвайль родом из Богемии, из деревни Куклена. В XIX веке многие жители Австро-Венгрии переселялись в Россию в поисках заработка. В 1883 году Штаудигель и Курцвайль приехали в Киев и устроились работать садовниками в дворцовую оранжерею. По-видимому, в Клинцах жил кто-то из их земляков. Известно, что в Клинцах была многочисленная колония переселенцев из Чехии, Австрии, Польши католического исповедания. Они работали специалистами на суконных фабриках, некоторые открывали собственное дело. В Клинцах известны фамилии выходцев из Чехии: Коплики, Поржицы, Баксанты, Мацак, Мартыш, Шафраник, Денглер, Габерман. Там же, за вокзалом, поблизости от Штаудигеля и Курцвайля жили Фальц-Фейны, родственники Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна, основателя заповедника Аскания-Нова.

В 1888 году на паях Герман Штаудигель и Карл Курцвайль приобрели бывший хутор Оленинский, находившийся к западу от железнодорожной станции Клинцы, рядом с полотном недавно проложенной железной дороги. Напротив хутора, по другую сторону железной дороги, была деревня Синьковка.

В те годы привозкальные земли были малонаселенным местом. От железной дороги шел дубовый лес до самой реки Туросны и далее, вверх по течению реки, который назывался «Караватница». В лесу терялась небольшая деревня Займище и были разбросаны хутора: Иванов хутор, Василевка, хутор Оленинский, Скачок. У левого берега реки Туросны было кладбище, мельница, а за речкой в первые годы XX столетия был кирпичный завод Барышниковых.

Герман Иванович Штаудигель вложил в дело основную часть средств, поэтому считался главой фирмы. Герман Иванович происходил из обедневшего дворянского рода, имел родовой герб, на котором изображен куст, а под кустом ежик. В фамилии «Штаудигель» также присутствовал «ежик». Сначала компаньоны построили небольшую избушку и стали разрабатывать землю. Посадили рощу, чтобы заслонить участок от железной дороги и от северных и северо-западных ветров, отдельно дубы, березы и ели. Привели в порядок два водоема, оставшихся от прежних хозяев хутора. Заложили фруктовый сад, питомник, цветник, пасеку. Через несколько лет в продажу поступили первые саженцы фруктовых растений.

Тем временем был построен дом из шести комнат, с верандой, из которой было два выхода: парадный, со стороны цветника и сада, и «черный», выводивший в питомник и на пасеку. Жили и питались вместе. Штаудигель занимал всего две комнаты, в одной была спальня, в другой — кабинет с библиотекой. Герман Иванович не

имел семью, поэтому к концу жизни свою долю передал Ивану Ивановичу Курцвайлю, которому приходился крестным отцом.

В остальной части дома жила многодетная семья Ивана Ивановича и Анны (Иоганны) Францевны Курцвайль.

Старший сын Ивана Ивановича – Иосиф Иванович Курцвайль, родился в 1878 году в Богемии и в Россию был привезен в пятилетнем возрасте. Иосиф учился в Стародубском пансионе, так как в Клинцах тогда можно было получить только начальное образование, затем – в Киевском университете имени Святого Владимира. У меня сохранилась копия со свидетельства о присоединении Иосифа Курцвайля к Православной Церкви. Было ему тогда 14 лет и учился он в Стародубе.

«Свидетельство. В копии метрической книги, хранящейся при Захарие-Елисаветинской церкви города Стародуба Черниговской губернии за тысяча восемьсот девяносто второй год под № 3-м мужеским значится следующая запись: родился тысяча восемьсот семьдесят восьмого года февраля первого дня, присоединен к Православной Церкви пятого июня тысяча восемьсот девяносто второго года Иосиф.

Родители его: Австрийский подданный, житель деревни Куклена в Богемии, Иоанн Иоаннов Курцвейль и законная жена его Анна Францевна, оба исповедания Римско-Католического.

Восприемником был Статский Советник Григорий Саввич Мезерницкий. Присоединил к Православной Церкви Законоучитель Стародубской Прогимназии Священник Андрей Михайлович Кузминский.

Выдано сие свидетельство ему, Иосифу Курцвайлю, по личной его просьбе за надлежащим подписом с приложением церковной печати 1892 года июня 5 дня».

Свидетельство выдано на бумаге с водяным знаком в виде государственного герба и подписью под ним: «Князя Паскевича». Свидетельство скреплено сургучной печатью Захарие-Елисаветинской церкви г. Стародуба. В верхнем левом углу наклеена гербовая марка достоинством в 80 копеек: «1892 года июня 5 дня».

Ниже, на том же документе, свидетельство о принятии российского подданства: *«Означенный в сем Иосиф Курцвайль, на основании журнального постановления Киевского Губернского Правления, состоявшегося 31 мая 1899 года за № 794, в присутствии Киевского Губернского Правления 22 сентября 1899 года выполнил присягу на подданство России, в чем и выдано ему свидетельство. Сентября 30 дня 1899 года. Старший советник (подпись). Делопроизводитель (подпись)».*

Данное свидетельство хранилось у дочери Иосифа Ивановича – Оксаны Иосифовны Лукьяновой (Курцвайль) (1904-1996), проживавшей в Клинцах.

Иосиф Иванович Курцвайль получил юридическое образование. От доли наследства отказался в пользу младшего брата, Александра Ивановича. Просил только, чтобы помогли закончить университет. Работал в управлении императорскими заводами в городе Киев. Оксана Иосифовна вспоминала, как в детские годы, во время посещения императором города Киева, присутствовала с отцом в церкви на богослужении и стояла рядом с дочерьми императора. В годы гражданской войны Иосиф Иванович был красным командиром, имел награды. Получил ранение в Польской кампании и был демобилизован по болезни. Больной Иосиф Иванович жил последние годы жизни у брата на хуторе. Умер в 1924 году, похоронен на Синьковском кладбище. Жена Иосифа Ивановича – Мария Сергеевна Дмитриева, 1880 года рождения. Ее дед, Цыбульский, дружил с Тарасом Шевченко. В семье хранилась фотография, на которой были запечатлены Цыбульский и Тарас Шевченко. Фотография была передана в музей города Черкассы.

Второй сын Ивана Ивановича – Карл Иванович Курцвайль (1885 г.р.), перекрещен в православие и получил имя Александр. Он стал продолжателем дела Германа Штаудигеля и Ивана Ивановича Курцвайля. В 1926 году Александр Иванович женился на бедной девушке из Гомеля Антонине Михайловне Маньковой (1903 г.р.). У них родились две дочери. Женя умерла в детском возрасте, а Вера стала преподавателем истории, живет в Буде Кошелевой, за Гомелем.

Дочери Ивана Ивановича Курцвайль: Женя, в замужестве Габерман, и Мария, в замужестве Лесневская. Сын Марии, Николай Эдуардович Лесневский, учился в Клинцовском текстильном техникуме, был летчиком, затем работал главным механиком морского порта «Ильичевский» возле Одессы.

Люди увлеченные и образованные, Герман Штаудигель и Иван Курцвайль ставили дело на широкую ногу. Со всей Европы по каталогам приобретали семена и саженцы фруктовых, ягодных, декоративных растений, всевозможные цветы. Вели работу по скрещиванию и районированию растений.

У меня хранится «Каталог питомника плодовых деревьев и кустарников Г.И. Штаудигель и К°», напечатанный в типографии Р.Л. Гольдмерштейна в г. Новозыбкове в 1903 году. Каталог сообщает, что питомник *«существует с 1888 года и находится при посадке Клинцах, Черниговской губ., Суражского уезда на хуторе Оленинском, в двух верстах от станции «Клинцы» Полесской ж.д., при полотне дороги»*. *«Питомник расположен на высоком, открытом месте, на серо-песчано-глинистой почве. Деревья имеют хорошие корни и из питомника отпускаются только здоровые не изнеженные экземпляры»*. *«Товар отпускается на наличные деньги, или, по получении задатка в размере 1/3 стоимости заказа, на*

остальную сумму допускается наложенным платежом». «Цены в каталоге назначены на месте, без стоимости пересылки и упаковки». Далее даются советы, как готовить землю под посадку саженцев, как хранить саженцы зимой и др. Часть страниц каталога 1903 года утрачена.

Отсутствующие сведения дополняет «Каталог А.И. Курцвайля (наследника Штаудигель и К^о)», напечатанный Клинцовской типографией К.Н. Клапцова в 1912 году.

Из «Каталога» узнаем, что одних яблоневых растений было 76 сортов, грушевых – 53, сливы – 30, вишни – 15, черешни – 11, малины – 9, смородины – 12, клубники – 16. В питомнике имелось 35 видов лиственных и 11 видов хвойных декоративных кустарников, 32 вида роз, карликовые фруктовые деревья.

Жители посада Клинцы, городов Стародуба, Новозыбкова, Суража стали постоянными покупателями саженцев из питомника. Многочисленные посылки с саженцами расходились по всей Черниговщине и за ее пределы.

Клинцы, и до того известные промышленными поставками фруктов в большие города, обогатили свои сады новыми сортами фруктовых деревьев. До сих пор клинчане гордятся такими сортами яблок, как Антоновское яблоко, Великий князь, Медовое, Цыганочка, Путинка, Боровинка, Пеппин, Полуторафунтовка, Райские яблочки, Волошка, Бабушкино, Боровинка, Семеренко, Белый налив, Папировка, Коричное, Титовка.

От Курцвайля в Клинцах узнали о существовании нескольких вариантов сорта яблок – Борстдорфского, Кальвин, Пармен, Ренета, Белого налива, Штетинского.

В Клинцах получили прописку Анис алый, Бельфлер, Бойкен, Бобовое Рейнское, Виргинское розовое, Грушовка Ревельская, Заячья Голова, Земляничное Питнера, Крюгера белое, Красивое из Нордгаузена, Овечий нос, Понтоазская красавица, Рамбур Винницкий, Скрыжапель, Суслепское, Трдика, Целлини, Шампанское Лифляндское, Штрейфлинг.

Лучшие плодовые и декоративные сорта деревьев, кустарников, а также ягод и цветов были заимствованы из разных стран Европы. По воспоминаниям Оксаны Иосифовны Курцвайль (Лукьяновой), ее отец сотрудничал с Георгием Сапожковым и помогал создавать дендропарк на Вьюнке, приобретая редкие породы деревьев и кустарников. Например, канадские березы, тисы, грабы, туи, сибирские сосны (кедры), пихты, лиственницы, серебристые ели, тополя, липы мелко- и крупнолиственные, грецкий орех, разные сорта жасмина, татарской жимолости, сирени, розы, таволги, бересклета, акации белой душистой, сирени карпатской, гелиотропа и других растений. Сапожков хотел создать ботанический сад под Клинцами, что ему и удалось сделать. Все перечисленные растения

были высажены в имении Сапожкова. Некоторые из них до сих пор украшают дендропарк «Вьюнка». Оксана Иосифовна вспоминала, как вместе с дядей, Александром Ивановичем, она неоднократно ездила в пролетке на Вьюнку, где дядя проверял качество прививок яблоневых деревьев, абрикосов, черешен, вишен, роз, винограда. В последующие годы за садом и парком «Вьюнка» ухаживали садовники Базелев и Андрей Исидорович Рытик. Я это знал и от своего отца и от сына Рытика, Николая, работавшего на заводе им. Калинина. К слову хочу сказать, что в строительстве и в благоустройстве усадьбы «Вьюнка» принимал участие и мой отец. Он проводил каменные работы при строительстве фонтана перед главным фасадом.

Отец дружил с Александром Ивановичем Курцвайлем, бывал у него в питомнике. Сохранился счет на сумму 10 рублей 80 копеек за 1913 год. На эту сумму отец приобрел у Курцвайля плодовые деревья. Из списка приобретенных тогда растений до сих пор живы груши Винная зеленая и Померанцевая, слива Яичная желтая, вишня Вейксель Крафта, яблоня Земляничная Питнера.

Отец рассказывал, что после смерти Германа Штаудигеля и Ивана Курцвайля все заботы по содержанию питомника легли на плечи Александра Ивановича. Работы в питомнике начинались рано утром и заканчивались вечером. Уход за садовыми насаждениями, подстрижка крон, прививки, пересадки, уход за саженцами, подготовка саженцев ксылке покупателям по почте, переписка, уборка урожая, продажа фруктов, защита стволов деревьев от зайцев, работа на пасеке в 30 домиков, выращивание рассады цветов, овощей, высаживание рассады в грунт, полив, прополка, соблюдение чистоты в дендрарии, в цветнике, в доме. И еще масса домашней работы. Можно представить, каким тружеником был Курцвайль.

Я помню Александра Ивановича, высокого, сухощавого, с мозолистыми сильными руками. На фотографиях, виденных мной в альбоме у Оксаны Иосифовны и хранящихся в моем архиве, Александр Иванович предстает как утомленный труженик, в простом одеянии, с небольшой бородкой. И этот человек успевал еще вести переписку с Иваном Владимировичем Мичуриним – замечательным садоводом-экспериментатором. Отец вспоминал, что у Курцвайля работали несколько человек наемных рабочих, любивших землю и увлеченных творческой работой Александра Ивановича.

О душевной доброте этого замечательного труженика я слышал не только от своего отца. Мой сосед, Григорий Илларионович Отряскин, 1910 г.р., рассказывал мне, как еще мальчишкой он пришел в питомник к А.И. Курцвайлю приобрести саженцы. Александр Иванович, узнав, что у мальчика нет отца, дал ему бесплатно два саженца и объяснил подробно, как правильно сажать и уха-

Клинцовский летописец

живать за молодыми деревцами. Г.И. Отряскин до глубокой старости хранил в сердце благодарность к этому человеку.

В 1960-е годы я сам спрашивал жителей старшего поколения деревни Синьковка о Курцвайле, и все как один вспоминали о нем только добрым словом. В свое время Курцвайль помог построить в Синьковке школу.

Елена Каллистратовна Крупеня (до замужества Дягилева), 1910 г.р. (ул. Пролетарская 23), родом из Синьковки, рассказывала, что рано осталась сиротой. Добрые люди подсказали ей пойти к Курцвайлю и наняться на работу. Елена несколько раз упрашивала жену Александра Ивановича, Антонину Михайловну, взять ее, подростка, на работу, но получала отказ, поскольку работа для девочки была не по силам. Ей было тогда 13 лет. Наконец хозяйка сжалилась и взяла девочку и даже приютила у себя. Первый год, как ученице, девочке платили 75 копеек в день, а когда научилась колеровать, то по 3 рубля в день. Для ее возраста это были деньги немалые. Тринадцать лет работала Елена Каллистратовна у Курцвайля, стала опытным садоводом и цветоводом. Всю жизнь она добрым словом вспоминает семью Курцвайлей, доброе к себе отношение, внимание и заботу.

В 1920 году в Москве Александру Курцвайлю и его брату, Иосифу, как участнику гражданской войны была выдана охранная бумага за подписью В.И. Ленина для сохранения образцового питомника от разгрома. Оксана Ивановна видела эту бумагу и свидетель-

А. И. Курцвайль. Фото 1930 г.

ствует, что бумага была представлена в Клинцовский земотдел, где и утонула в делопроизводстве.

Первые годы после гражданской войны отношения владельца питомника не только с земотделом, но и с Клинцовской городской и уездной властью складывались благополучно. Цветы из питомника украшали сцены на городских партийных, профсоюзных и комсомольских конференциях. Конечно, цветы доставляли бесплатно. За фруктами, за ягодами, за медом приезжали посыльные от городского начальства, конечно, тоже без оплаты.

По мандату Клинцовского земотдела в 1923 году на Всесоюзную выставку сельского хозяйства, организованную Всесоюзным советом народного хозяйства, были отправлены экспонаты из питомника Курцвайля. Оксана Иосифовна рассказывала, что в товарный вагон были помещены в мешках с землей многочисленные саженцы плодовых деревьев, кустарников, в ящиках с соломой разные сорта яблок, груш, и все это она сопровождала до Москвы в закрытом товарном вагоне. Затем от поезда грузовыми извозчиками экспонаты из питомника были доставлены к месту выставки. В течение нескольких дней Оксана представляла посетителям выставки город Клинцы и его достижения, рассказывала о питомнике, о его растеньях, о географии рассылки саженцев по России. Выставку посетил В.И. Ленин.

Оксана Иосифовна вспоминала, что хутор Курцвайля еще с дореволюционных лет стал местом гуляния молодежи из Синьковки. Перед воротами усадьбы была зеленая лужайка, где по воскресеньям собирались парни и девушки, пели частушки, танцевали под гармонику. Это было и в 1924-25 годах, когда Оксана жила в питомнике Курцвайля. А потом гуляния молодежи как-то сами собой прекратились.

В 1930-х, злополучных, годах А.И. Курцвайля, как и многих других лучших людей того времени, арестовали как бывшего иностранного гражданина. Следует сказать, что русское подданство А.И. Курцвайль принял еще до революции. *«Курцевейль Александр Иванович рождения 25 марта 1885 года. Бывший Австрийский подданный, а ныне 22 мая 1915 года принявший подданство России. Причислен распоряжением Черниговской Казенной Палаты от 24 марта 1916 года № 21 966».* (Из архива семьи Курцвайля)

После ареста Александра Ивановича питомник сразу осиротел. Через два месяца Александра Ивановича расконвоировали, он стал выходить на работу, а на ночь возвращаться к месту заключения. Уже началась весна, и ему было вменено в обязанность привести в порядок запустевший за годы советской власти сад на Филатовом хуторе. Тогда Филатов хутор стали называть «Красная Чемерна». Александр Иванович обязан был пересадить из своего питомника саженцы яблонь, груш, воссоздать цветник. Саженцами из питом-

ника также пополнили и обновили сад на «Вьюнке», в пригородных хозяйствах фабрик и учреждений. Цветы из питомника украсили скверы и парки города. В течение года из питомника только брали, но ничего не возобновляли. После того, как питомник был опустошен, Курцвайль исчез из города. Говорили, что его переправили в Смоленскую тюрьму, где он и погиб (реабилитирован посмертно в 1962 году). Как тяжело было узнать об ужасной гибели А.И. Курцвайля всем нам, хорошо знавшим этого замечательного человека!

Последний раз мне посчастливилось видеть Александра Ивановича в 1937 году, незадолго до его гибели. Он зашел к нам на Михайловскую улицу попроситься и посмотреть, в каком состоянии наш сад (отец в 1913 году брал у Курцвайля саженцы и с тех пор был дружен с ним). Отец обрадовался почетному гостю, стал приглашать его в дом на чашку чая. Но Александр Иванович был настроен тревожно и очень спешил на Филатов хутор, к месту своей работы, так как был заключенным.

После ареста Курцвайля питомник был оставлен вниманием властей. Начался грабеж. Из сада и питомника выкапывали плодовые деревья, на дрова вырубали кедры, пихты и лиственницы. Береза сначала пошла на веники, а потом – на дрова.

Поразительно, но в январе 1938 года в Клинцовской газете «Труд» № 1 появилась статья А. Елисеева «Вовремя подумать о саженцах». В статье говорилось, что «в 1937 году Горкомхоз с большими трудностями получил для города 1 200 саженцев фруктовых деревьев (из питомника Курцвайля), а потребности составили 12000 саженцев. Горкомхозу следует задуматься над созданием своего питомника с выведением фруктовых деревьев и кустарников». А в это же время питомник Курцвайля разоряли и превращали в пустырь.

В 1989 году, на заре «перестройки», в Клинцовской газете «Труд» (17.03.1989 г.) была опубликована статья Г. Суровцева «Рассчитываю на кооператив», в которой автор, через 50 лет после уничтожения плодopитомника Курцвайля, восклицает: «Негде взять плодовые саженцы, а потребности в них велика...Садоводческий кооператив в нашем городе необходим!». Но власть заняла в этом вопросе «принципиальную» позицию.

В 1960-х годах я познакомился с жителем деревни Синьковка Мартыном Михайловичем Зайцевым. Знакомства с этим человеком я искал. Его имя было мне известно с детства, поскольку «счет» на покуску саженцев был подписан Александром Ивановичем Курцвайлем и Мартыном Зайцевым. Нашему знакомству помогла дочь Зайцева – Анна Мартыновна. Мартын Михайлович рассказал, что много лет проработал садовником и обязан Курцвайлю знаниями по культуре садоводства и организации хозяйства питомника. Он с

восхищением говорил о широких познаниях садовода и его мастерстве, рассказал, как был разорен и уничтожен уникальный питомник Курцвайля. Зайцев удивлялся, почему власти города не берегли то, что было создано людьми и приносило доход. Мартын Михайлович пригласил меня к себе домой, показал сад, цветник, небольшой питомник в саду. Он поведал, что собирает и пытается восстановить знаменитые сорта Курцвайля, надеется, что советская власть даст указание воссоздать в Клинцах садовый питомник. С такой просьбой он обращался письменно в областной комитет партии. Конечно, просьба осталась без ответа.

Мартын Зайцев был человеком одаренным. Дочь Зайцева, Анна Мартыновна, рассказывала мне, что отец играл на скрипке, хорошо пел басом, в семье создал струнный оркестр. В довоенные годы Мартын Зайцев собрал небольшой любительский хор из жителей Синьковки, который выступал под его руководством на городской олимпиаде в клубе Стодольской фабрики.

В середине 1960-х годов я часто посещал бывший питомник Курцвайля. Меня, страстного любителя природы, это место, освященное трудом честного человека, просто притягивало. Однажды встречаю там Мартына Михайловича. Идет тихой походкой, поглядывает на дикие заросли, а в глазах столько безысходной грусти и тоски! Говорит мне: «Вот, прихожу сюда вспоминать о былой красоте». В те годы от прежних насаждений оставались две старые липы. Два больших пруда поросли болотной травой. Но на одном из них, как и прежде, колыхались на воде белые лилии.

Недавно я снова посетил это место, спугнул на пруду уток, а на склоне берега увидел два красивых ярко-лиловых цветка. Один из них сорвал и подарил Оксане Иосифовне Курцвайль, как живой привет из питомника. Это доставило ей, одинокой старушке, маленькую радость.

40. Путь от моего дома до Почетухи в 1920-е годы

Если идти из моего дома с Михайловской улицы в центр города, то дорога будет проходить с севера на юг, сначала по Красноборской, а затем по Большой улице.

В 1925 году Клинцы стали городом, вобрав в себя ближайшие деревни. Северная граница города отодвинулась за деревню Забегаевка, но внешних изменений еще не произошло: к улице Красноборская с севера подступали поля, перелески, в конце улицы Лопатенской (Парижской коммуны) был глиняный карьер Павла Ивановича Мартьянова. Мартьянов до революции имел плитусный завод, а в годы НЭПа держал кирпичный заводик. Жили Мартьяновы на углу Большой улицы, напротив земской больницы.

К северу от Казанского переулка (ул. МЮД, а затем ул. Урицко-го) на бывших землях Барышниковых также были глиняные карьеры. Следы их можно обнаружить и по сей день внутри жилого квартала.

К северу от Земской («Белой») больницы шли поля забегаевских крестьян, засевавшиеся житом. Каждую весну, когда жито поднималось на несколько вершков, забегаевские крестьяне приглашали священника и Крестным ходом обходили свои поля. Священник окроплял посевы жита святой водой, сохранявшейся от Крещенского водосвятия. В начале 1930-х годов здесь, на забегаевской поляне, где уже перестали сеять жито, впервые приземлился самолет, вызвав восторг у жителей города.

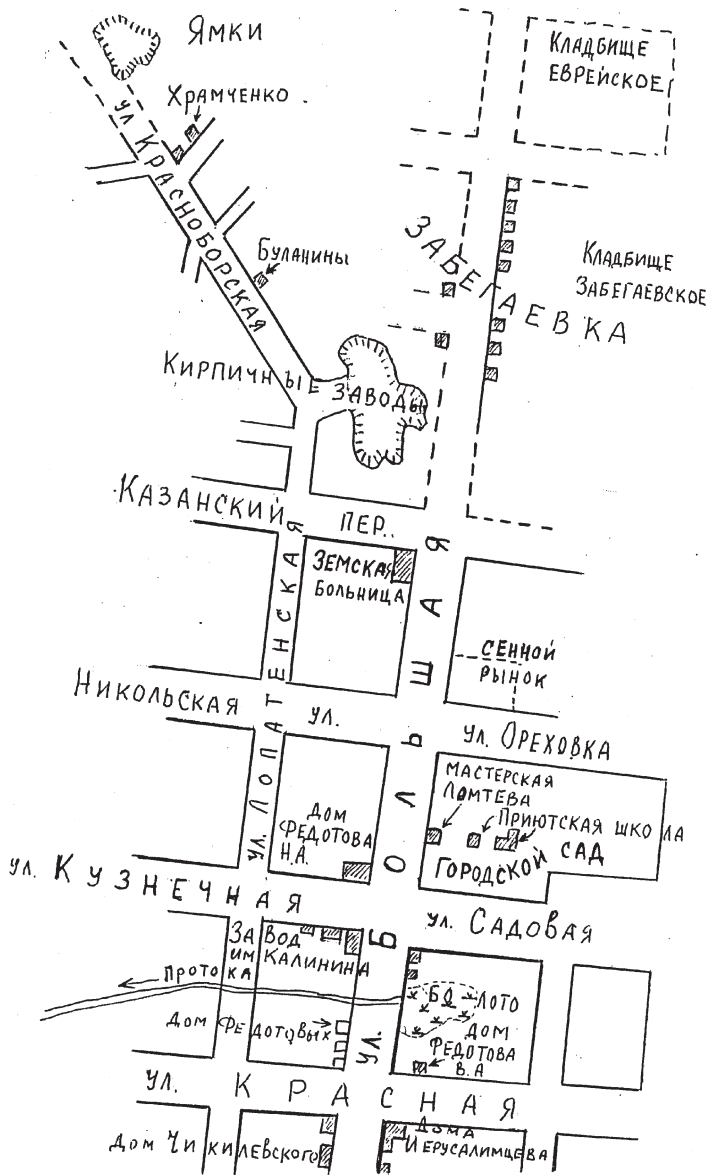
Следует знать, что многие улицы не имели сквозного названия, а имели поквартальные названия. Например, улица Лермонтова к западу от Большой улицы называлась Кузнечная, а к востоку – Садовая. Улица Орджоникидзе к западу от Большой улицы называлась Никольская, а к востоку – Ореховка.

Улица Парижской коммуны от улицы Ковалевка (ул. Карла Маркса) до Кузнечной улицы называлась Нововознесенской, к северу от Кузнечной улицы – Лопатенская. Улица Богунского полка от Большой улицы до Филатьевского переулка (ул. Льва Толстого) называлась Нижняя Бобылка. Далее, на север, до Никольской улицы – Новая Слободка, а за Никольской, далее к северу – Оторвиловка.

Улица Кюстендилская от ул. Лысовка (ул. Советская) до ул. Баутовка (ул. Александрова) носила название Больничный переулок. От ул. Баутовка до ул. Писаревка (пр. Ленина) – Шляков переулок. Этот участок носил также название Петропавловская улица, поскольку сюда открывалась тыльная калитка с цвинтера Петропавловской церкви. От ул. Писаревка до ул. Пушкинская переулок назывался Слатин, далее, до городского сада – Жолтов переулок.

Улица Красноборская в 1920-е годы еще не была замощена (улицу замостили в 1937 году) и была проселочной. По четной стороне улицы стоял единственный кирпичный дом столяра высшей квалификации Ивана Ивановича Буланина. Жена его, Ольга Сергеевна, дочь клинцовского купца Сергея Ивановича Ерусалимцева. Иван Иванович Буланин преподавал столярное дело в техническом училище еще до революции, работал модельщиком на чугунолитейном заводе Федотова (завод имени Калинина), умер в 1950-х годах. С его сыновьями, Виктором и Алешей Буланиными, дружили я и Миша Морозов. Дети Буланиных получили высшее образование, стали профессорами и в двух поколениях работали в Ленинградском теплотехническом институте.

Первой торговой точкой на пути в город была «казенка» – дом

План Большой улицы, 1920-е годы

Здание бывшей земской больницы. Фото 1980-х годов

Янкеля Ошерова. Дом стоял на углу улиц Лопатенской (ул. Парижской коммуны) и Казанского переулка (ул. МЮД, ул. Урицкого). Янкель и Хайсора, выходцы из деревни Грабовка Суражского уезда, были новоселами в Клинцах, торговали водкой «в разлив» и в бутылках. «Казенка» была открыта до позднего вечера, там всегда толпились пьяницы, люди опустившиеся и своим поведением вызывавшие неодобрение клинчан. Сами хозяева магазина алкоголь не употребляли, были трезвенниками, вырастили двух сыновей. Один из них стал известным в Клинцах зубным техником.

На углу Большой улицы и Казанского переулка была Земская больница, которую в народе называли «Белая» больница. Это было двухэтажное кирпичное здание, построенное по последнему слову строительной науки тех лет. В здании были операционная, водопровод, канализация, ваннные комнаты, паровое отопление и вентиляция. Во дворе больницы стояли бревенчатые бараки разных медицинских отделений, амбары, конюшни, большой погреб.

От «Белой» больницы, по направлению к центру города, шли одноэтажные дома разных ремесленников, а напротив них был сеной базар, занимавший угол Большой улицы и ул. Ореховка.

На Ореховке, теперь улица Орджоникидзе, жил сапожник Зуба-

Городской парк. Фото 1980-х годов

рев. У него раз в год шили мне ботинки, которые я берег и одевал только в город и в школу. Между ул. Ореховка и ул. Садовая, в глубине квартала, находилась Приютская школа, где в дореволюционные годы воспитывались дети из бедных семей и сироты. Здания Приютской школы соединены теперь двухэтажнойстройкой и в них размещена средняя школа № 4.

Перед Горсадом, по Большой улице, где теперь кинотеатр, стоял двухэтажный дом, в котором жила семья Василия Ивановича Ломтева, а во дворе стояли кузницы и коптильня. Тылная часть двора Ломтева граничила с двором Приютской школы. Сын Ломтева после окончания технического института в Киеве вернулся в Клинцы и открыл мастерские. Механические мастерские Ломтева в 1920-е годы перешли к земотделу и Ломтев руководил ими. После упразднения мастерских одно из зданий бывшей мастерской отошло школе, в ней размещалась учебная слесарная мастерская. Это здание сохранилось до сих пор. В годы НЭПа Ломтев занялся колбасным делом. Колбасный цех находился на месте новой пристройки к Дому Советов, по Большой улице. Там же был магазин Ломтева, где хозяйничала его жена, Евгения Емельяновна. Кроме колбасы, в магазине продавали хлеб и бакалею.

На углу Большой улицы и Кузнечной (ул. Лермонтова) стоял, и по сей день стоит, кирпичный корпус чугунолитейного завода Федотова. В нем работали мой отец, Максим Кононович, и дядя, Мит-

рофан Кононович Храменко. На противоположном углу, по той же нечетной стороне Большой улицы, в большом одноэтажном деревянном доме жил владелец чугунолитейного завода Николай Александрович Федотов. Здание сохранилось до наших дней. Здание утратило уже красивую деревянную резьбу, украшавшую некогда окна, карнизы. Исчезли красивые кованые кронштейны, поддерживавшие козырек над ступеньками. Внутри здания еще стоят кафельные печи, на дверях массивные медные ручки. Под зданием очень большой подвал со сводчатым потолком.

От нечетной стороны Большой улицы, на запад, отходила Кузнечная улица, а от четной стороны Большой улицы на восток шла улица Садовая. Теперь это одна улица Лермонтова. На углу улиц Большая и Садовая, напротив заводского корпуса чугунолитейного завода Федотовых, в деревянном здании с приступками был трактир, а в 1950-60-е годы – парикмахерская. Рядом стояло еще несколько одноэтажных кирпичных домов. В одном из дворов, помню, росла высокая раскидистая шелковица, дарившая летом много сочных ягод. Теперь на этом месте двор педагогического училища. Напротив трактира, на противоположном углу Садовой улицы, находился парадный вход в Городской сад. В саду еще до революции построили Летний театр, в котором каждое лето гастролировали артисты из разных провинциальных театров. Сад до революции принадлежал Вольному Пожарному обществу, поэтому охрану сада, уборку дорожек, газонов и поддержание порядка несли пожарные. В 1923 году в саду поставили памятный знак в честь пятой годовщины революции. В 1920-е годы в горсаду устраивались народные гуляния, игры, концерты, слеты. У входа в Городской сад торговали жареными семечками, сельтерской водой, пирожками.

В середине квартала, между Садовой и Красной улицей, Большую улицу пересекала протока, вытекавшая из болота, бывшего на месте двора педагогического училища. Со временем протоку заключили в трубу, а низину засыпали. Заводская проходная у входа на завод имени Калинина поставлена прямо на той протоке. Протока сохранилась внутри кварталов к западу от завода им. Калинина и выносит дождевые и талые воды в речку Туросну (р. Московка).

От заводской проходной до улицы Красной стояли одноэтажные дома, в одном из этих домов жила семья бухгалтера Глуховской фабрики Федотова. Его сыновья оставили заметный след в истории города. Николай Федотов основал чугунолитейный завод, который носит теперь имя М.И. Калинина. Виктор Федотов стал Головой Города и за 12 лет превратил посад Клинцы в прекрасно благоустроенный провинциальный город. Общественные здания, построенные при Федотове, до сих пор служат людям и украшают улицы города. Третий сын Федотова, Александр, стал крупным специали-

*Клинцовский краеведский музей.
Бывший дом нотариуса А. И. Чикилевского. Фото 1990-х годов*

стом по шерсти, работал у купца Морозова. На месте дома бухгалтера Федотова и других одноэтажных строений завод в послевоенные годы поставил административный корпус.

К востоку от Большой улицы, по нечетной стороне Красной улицы, вторым от угла улиц стоит одноэтажный дом с оригинальным карнизом в виде изящных деревянных кронштейнов. В этом доме жил Голова Города Виктор Александрович Федотов.

На углу улицы Большой и Красной (ул. Гагарина), в одноэтажном кирпичном здании, по четной стороне Большой улицы, был магазин Сергея Ивановича Ерусалимцева и жила его семья.

Ерусалимцев Сергей Иванович начинал свое дело с маленького кирпичного завод, на котором сначала работал сам вместе с женой, а, разбогатев, стал нанимать сезонных рабочих. затем открыл магазин, где продавались мыло, масло и бакалея. Дом сохранился до наших дней и по-прежнему в нем магазин.

У Ерусалимцева было три дочери: старшая – Ольга Сергеевна вышла замуж за И.И. Буланина, младшая – Елена Сергеевна Ерусалимцева вышла за Макара Фадеевича Маринича – преподавателя техникума. У Мариничей было двое детей, Лена и Алик. Алик стал ученым, работает в Ленинграде. Макар Фадеевич был репрессирован в 1937 году и погиб. Средняя дочь Ерусалимцева Нона

Сергеевна была замужем за офицером Николаем Житловым. Из Клинцов воинская часть была переброшена на Украину, где Николай Житлов командовал полком, был репрессирован в 1937 году, вернулся из лагерей в 1956 году. Сын Ноны Сергеевны, Вячеслав Николаевич Житлов, жил в Клинцах, работал в райпотребсоюзе, в райкоме партии в отделе пропаганды, был крупным нумизматом и краеведом. Его коллекция русской монетной системы по подбору и качеству монет была одной из лучших в России, о чем писал журнал нумизматов в 1950-е годы.

На усадьбе Ерусалимцева стоял еще один кирпичный одноэтажный дом фасадом на Большую улицу. В этом доме при советской власти были разные учреждения. В довоенные годы, например, помещалось ГПУ, а в послевоенные годы временно помещался военкомат. Дом недавно снесен. Ерусалимцев имел, кроме магазина, как известно, кирпичный завод. Однако тротуар вдоль своей усадьбы Ерусалимцев настелил деревянный, а не кирпичный. Деревянный тротуар сохранялся еще в 1920-е годы.

Напротив дома Ерусалимцева до сих пор стоит одноэтажный бревенчатый дом на высоком кирпичном фундаменте. Крыша дома сделана в форме двух шатровых перекрытий. Дом имел два входа. В одной половине дома жила семья нотариуса Александра Иерофеевича Чикилевского, в другой – располагалась нотариальная контора. В этом здании помещается теперь краеведческий музей. В годы перед революцией в Клинцах было три нотариуса: Чикилевский, Де-Ламер и А.А. Кондратьев.

На углу улиц Большая и Пушкинская, в первом этаже двухэтажного дома, по нечетной стороне, была лавка Балакина, перешедшая к зятю – Долгову. В ней продавали крупу, муку, конфеты, масла и другие бакалейные товары. Помню, по поручению мамы, покупал у Долгова крупу. После расчета Долгов подарил мне конфету, чтобы и в следующий раз я пришел делать покупку в его магазин. Фунт колбасы тогда стоил 40 копеек, 1 фунт пеклеванного хлеба – 9 копеек, один пуд муки стоил 1 рубль. На месте магазина Долгова теперь стоит пятиэтажный дом работников завода им. Калинина.

На месте нынешнего Дома рабочих (юго-западный угол при пересечении улиц Большая и Пушкинская) в 1920-е годы стояли одноэтажные дома, обнесенные забором. На этом месте в 1915-1917 годах находились военно-починочные мастерские, которые занимали также двор и помещения нынешнего текстильного техникума, а ремонтируемая техника, рассказывали, стояла по улице Пушкинской вдоль всего квартала.

Женская гимназия, построенная на юго-восточном углу Боль-

Здание женской гимназии. Фото 1916 года

шой и Пушкинской улиц, после открытия ее в 1916 году сразу же была занята под госпиталь. В годы гражданской войны в этом здании было городское управление, затем школа второй ступени, примерно до 1926 года. Полтора года здесь размещался энергетический техникум, который затем слился с текстильным техникумом. Сюда же перевели из здания мужской гимназии Совпартшколу. Затем в женской гимназии временно помещалась Первая средняя школа, которая вскоре переехала в новое трехэтажное здание по улице Писаревка (пр. Ленина). В подвале здания женской гимназии хранился дореволюционный архив посада Клинцы, который в 1940 году был вывезен в областной город Орел и, в основном, погиб. На фронтоне здания большими буквами было написано: «Городская женская гимназия». В женской гимназии был прекрасный танцевальный зал. Он находился в центре здания, на втором этаже. Стены зала были расчленены лепными пилонами, напоподобие колонн, каждая из которых под потолком завершалась лепниной в виде «ордера». В центре зала висела хрустальная люстра. Высокие окна были задрапированы красивыми шторами. На дубовом паркете, всегда до блеска натертом, во время школьных праздников кружились сотни танцующих пар. В южном крыле зала размещалась сцена, где играл оркестр, там же выступали артисты. В классных комнатах убранство стен было скромнее, но под потолком также была лепнина. В каждый класс вели высокие двухстворчатые стеклянные двери с медными ручками. Стекло в дверях было

матовым. В коридорах был паркет. Женская гимназия выглядела намного праздничней и нарядней, чем мужская гимназия. Вся эта красота погибла в 1943 году от пожара.

Дом рабочих заложили строительством в десятую годовщину Октябрьской революции, когда Клинцы были уездным городом Брянской губернии. В Доме рабочих в 1930-е и в 1940-е годы жили лучшие люди города: передовые рабочие, партийные деятели, депутаты, врачи.

Дом Советов начали строить в 1929 году, когда город Клинцы стал центром Клинцовского округа Западной области. Клинцовский округ объединял 13 районов, а Клинцы по своему значению приравнивался к областному городу. Поэтому средства на строительство были выделены большие. С будущей стройплощадки людей отселили на новое место жительства. Строительство здания Дома Советов велось очень быстро. Посмотреть и понаблюдать за строительством первых высоких зданий в городе приходили и дети и взрослые. Это было настоящее событие в жизни города. Клинчане видели, что бывший посад обретает очертания города. Строительство Дома Советов закончилось примерно в 1934 году.

Здание Дома Советов заняло значительную часть квартала на углу улиц Большая и Писаревка. Перед закладкой здания пришлось выселить много дворохозяев. На месте Дома Советов стояли жилые дома с магазинами. Например, колбасный магазин Ломтева стоял на месте северного торца здания. На том месте, где стоит почтовый киоск, был магазин Сальниковых, в котором жена хозяйина, Исаковна, торговала булками. Угловым был дом Татариновых, известных в Клинцах кожевников, старообрядцев. А на месте парадного крыльца Дома Советов была усадьба Железниковых. После завершения строительства Дома Советов прилегающие улицы переименовали. Большая улица стала называться улицей Карла Либкнехта, а улица Писаревка – улицей Урицкого. Но после войны улицы снова переименовали. Но в разговоре клинчане называют главную улицу города Большая, как и двести лет назад.

Напротив нынешнего Дома Советов, по Большой улице, жил владелец склада керосина Широков. Знаю, что к нему мой дядя нанимался работать курьером. В одном из одноэтажных домов еврей Бурсованкин торговал керосином. А рядом со зданием Русско-Азиатского банка в большом одноэтажном доме на высоком фундаменте жили сестры Поляковы. Одна из них преподавала фортепиано. В прошлом род Поляковых известен был в Клинцах своей предпринимательской деятельностью. Поляковы занимались суконным производством, держали свои магазины.

На северо-западном углу нечетной стороны Большой улицы и переулка Пустынка (пер. Пустынка вошел в состав проспекта Ленина), напротив мужской гимназии, стояло двухэтажное здание

*Большая улица. Здания напротив Дома Советов. Фото 1967 г.
(Здания снесены).*

Русско-Азиатского банка, построенное Филиппом Бураковым в 1908 году (разрушено в 1986 году). Ф. К. Бураков жил в Софиевке, под Новозыбковым, содержал магазин. В какое-то время стал сотрудничать с Русско-Азиатским банком, имевшим представительство в Новозыбкове. Здание банка в Клинцах стало филиалом Новозыбковского отделения Русско-Азиатского банка. Банк финансировал местную мелкую промышленность. Акционеры банка были как русские, так и выходцы из азиатских государств. Контора банка располагалась на втором этаже. На первом этаже был магазин, в котором торговали колбасой. Стены банка были выложены в три кирпича на известковом растворе. Внутри стен находились металлические шторы-ставни, которые выдвигались легким усилием руки. Сухое подвальное помещение было рассчитано на хранение ценностей. Когда здание сносили, убедились в прочности его стен. Тяжелые удары многопудовой гири три дня не могли сокрушить монолит стен. Потребовалось проводить дорогие и незапланированные взрывные работы, от которых появились трещины на здании бывшей мужской гимназии, стоявшей напротив. Красивое здание Русско-Азиатского банка, образец псевдорусского стиля архитектуры, было бездумно уничтожено тогдашним руководителем горо-

*Здание конторы Русско-Азиатского банка (Дом пионеров).
Фото 1980-х годов. (Здание снесено).*

да. Имя его всем известно. На месте банка и соседних домов до сих пор пустырь. Погиб целый квартал старинной купеческой застройки. Для провинциального города это утрата невосполнимая.

В 1920-е годы в здании бывшего Русско-Азиатского банка на первом этаже была детская поликлиника, а на втором этаже — Дом пионеров. К зданию банка со стороны Большой улицы имелась пристройка, в которой до революции помещался писчебумажный магазин Полякова, а в годы НЭПа размещался аптекарский магазин М.М. Выготского. В 1927 году при этом магазине вместе с медикаментами продавали карандаши, «слоновую» и «александрійскую» бумагу для чертежных работ. В витрине магазина была реклама: «Перья, ручки, карандаши фирмы Хаммер хороши».

Жили Выготские по улице Евлановка, при пересечении с улицей Баутовкой (ул. Александра). Там же, на Евлановке, еще в 1860-х годах была открыта первая аптека в Клинцах. Выготский выкупил аптеку у прежнего владельца и стал ее хозяином. На Боль-

шой улице Выготский содержал два аптекарских магазина. Сын Выготского в годы учебы был сильным математиком. Судьба его мне не известна.

По обеим сторонам переулка Пустынка, от Большой улицы до здания Казначейства на Нововознесенской улице (ул. Парижской коммуны), в конце 1920-х годов началось жилищное строительство. К 1928 году были возведены два дома РЖСКТ (рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества) «Красный текстильщик». Один дом был построен по левой, южной, стороне переулка Пустынка, сразу за гимназией. Другой дом РЖСКТ, по правой стороне переулка, начинался от синагоги, а продолжение имел по улице Нововознесенской (ул. Парижской коммуны). Синагога стояла по правой, северной, стороне переулка, не доходя дома РЖСКТ. На ее фундаменте в 1933 было возведено здание, которое стало «первым звуковым кинотеатром». Название это забылось, поскольку все фильмы стали звуковыми, а кинотеатру дали официальное название «Рот-Фронт». После войны сгоревшее здание кинотеатра восстановили и назвали его «Октябрь». Переулок Пустынка вымостили еще при строительстве гимназии. А в 1930-е годы переулок вошел в состав улицы Урицкого. К столетию со дня рождения Ленина Урицкого переселили на окраину города, а улицу назвали проспект Ленина. В 1930-е годы на пустыре, напротив здания казначейства, где был раньше сенной базар, посадили деревья, сделали сквер со сценой для выступления артистов. Переулок Пустынка получил такое название еще в XVIII столетии, поскольку здесь было большое поселение женщин инокинь – пустынь. А на пересечении улиц Пустынка и Нововознесенская стояла часовня во имя Успения Божьей Матери. Инокини были весьма уважаемы жителями посада, среди них было много «мастериц» или «кануниц», обучавших клинцовскую ребятню грамоте.

От Писаревки (пр. Ленина) Большая улица поднимается вверх по северному склону Клинцовского холма. От угла Писаревки, по четной стороне Большой улицы, напротив здания мужской гимназии, стояли три дома Курочкиных: Герасима Елисеевича, Михаила Елисеевича, Александра Михайловича. Это были зажиточные и работающие люди, столпы клинцовского старообрядчества. Во дворе одного из них жили Отряскины.

Выше домов Курочкиных в конце 1920-х годов был книжный магазин «Труд и знание». Магазин стоял как раз напротив стыка двух зданий: Дома общественного собрания (клуб фабрики им. Коминтерна) и мужской гимназии. В магазине можно было купить ноты, писчебумажные принадлежности, учебники, библиотечную литературу. Магазин имел свое отделение в городе Сураж, а также четыре киоска в городе Клинцы. Позже в этом здании был открыт магазин «Охотник». Здание магазина было кирпичным, напомина-

Большая улица, 1946 г. (Здания снесены).

ло большой сарай, уходящий вглубь квартала. Красивой фасадной стеной здание было обращено к Большой улице. Когда в послевоенные годы снесли все жилые постройки по Большой улице от Дома Советов и до Петропавловской церкви и сделали городской сад, здание магазина оставалось долгое время единственным зданием в саду. После войны в здании сначала разместили комиссионный магазин, а последние годы своего существования он был отдан винной торговле.

Чуть выше магазина «Труд и знание», напротив переулочка Филатова (ул. Льва Толстого), уходящего от Большой улицы в западном направлении, в 1920-е годы было фотоателье «Фотография Г.А. Соловей». У фотографа, видимо, было два фотоателье: одно здесь, другое возле Торговой площади.

Далее, вверх по четной стороне Большой улицы, не доходя ворот, ведущих на цвинтер Петропавловской церкви, стояли два очень красивых двухэтажных здания. Фасады зданий были несколько похожи друг на друга, украшены пилонами, портиком и лепниной. На крыше каждого были смотровые площадки, которые имели противопожарное назначение. На таких площадках стояла бочка с водой. Один дом принадлежал Барановским, другой, ближе к церкви, бывшему Голове Города Николаю Васильевичу Филатову. До революции в пер-

Дом Советов. Фото 1956-1957 гг.

вом этаже дома Филатова помещалось частное подготовительное училище А.Г. Киселевой, в 1920-е годы – радиостанция.

До войны, пока дома не были снесены, в доме Барановского сначала был колбасный магазин, а затем вместо колбас стали продавать пластинки для граммофона, радиодетали, детекторы для приемников. Там я покупал необходимые детали для своих опытов по электротехнике. В послевоенные годы, когда на месте снесенных домов был разбит городской сад, то стоявший в глубине бывшей усадьбы Филатова амбар перестроили в летний кинотеатр. Усадьба Филатова была отделена от двинтера Петропавловской церкви высокой кирпичной оградой, метра четыре высотой.

Дома от улицы Писаревка (теперь проспект Ленина) до кирпичной ограды двора Петропавловской церкви начали сносить в послевоенные годы, поскольку большинство из них пострадало во время бомбардировки города в 1943 году. В течение 1946-1947 годов во время субботников расчищали завалы кирпича, засыпали воронки от бомб. В этом квартале было много кирпичных амбаров, глубоких подвалов, каретные сараи, какие-то мастерские, старые яблоневые деревья, еще плодоносящие. Все было убрано, заодно снесли много красивых зданий купеческой застройки. На месте жилого квартала был разбит городской сад.

Тогда же были снесены дома Филатова и Барановского, после чего Большая улица осиротела. Это были два красивых, даже изящных по своей архитектуре здания, еще не старой постройки. Здания не пострадали во время бомбежки, поэтому причина сноса этих зданий для клинчан осталась непонятной.

«Сад за Домом Советов», так называли детище нового времени горожане, обнесли забором из красивого штакетника. Кирпичные столбы забора оштукатурили, побелили, сверху украсили гипсовыми шарами. Внутри сада, напротив главного углового входа со стороны Дома Советов, была поставлена «Доска почета». Она поднималась на высоту почти шести метров и была украшена с обеих сторон фанерными знаменами. На Доску почета помещали портреты городских руководителей и передовиков производства. Перед Доской почета стояла сцена для выступления артистов. А перед сценой несколько лет стоял памятник Сталину. В саду были проложены широкие дорожки, посыпанные красной кирпичной крошкой, высажены липы, лиственницы. Вдоль дорожек ежегодно высаживались цветы: бархатцы, медуница, душистый табак, львиный зев, матиола, георгины. Ближе к летнему кинотеатру был сооружен фонтан с четырьмя каменными девами-спортсменками, кто с мячом в руках, кто с теннисной ракеткой.

Большая улица. 1967 г.

Клинцы
Общий вид

Большая улица. 1918-1920 гг.

Сад за Домом Советов стал еще одним местом для вечерних прогулок молодежи. А днем здесь отдыхали пенсионеры, играли в шахматы, гуляли с маленькими детьми. В саду продавали газеты, газированную воду, мороженое. С годами ограда сада стала разрушаться, для ее восстановления требовались значительные денежные затраты из городского бюджета. Дешевле ограду разобрать. Что и было сделано. Когда ограду снесли, сад сразу превратился в проходной двор, были вытоптаны цветники, лужайки, сломаны деревья. Затем, в 1970-е годы, в той части сада, что обращена к Дому Советов, снесли Доску почета, вырубили деревья, настелили асфальт и сделали площадь для проведения демонстраций и митингов. Позади новой площади планировали поставить второй памятник Ленину, более высокий, чем тот, что стоит перед крыльцом Дома Советов. Неустановленный памятник хранится на складе цветного металла на одной из фабрик города.

С утратой ограды сада и строительством площади перед Домом Советов город утратил еще один красивый уголок городской архитектуры, с любовью созданный предшествующим поколением клинчан.

Вход на цвинтер Петропавловской церкви со стороны Большой улицы открывали металлические ворота с калиткой. Справа от ажурных кованых ворот, ведущих на цвинтер, стояла часовня Александра Невского. Она несколько выдавалась на тротуар за красную

линию, что не мешало прохожим. А перед часовней, на проезжей части улицы, стоял колодец. Часовня простояла до начала 1960-х годов и была снесена. Был уничтожен памятник крупному российскому реформатору императору Александру II.

Справа от часовни – дом инженера Василия Васильевича Химченко под номером 22, в 1920-е годы в нем находился уисполком. Глядя на это здание, можно мысленно представить, как выглядели дома Филатова и Барановского. Дома между собой были очень похожи. Всю фасадную стену дома Химченко покрывала лепнина в виде стеблей растений, цветов и листьев. Балконы с красивой кованой оградкой и сейчас украшают здание, а вот лепнина давно срублена как образец буржуазного мещанства, обезображивающий лицо социалистического города. В этом здании теперь размещается отделение милиции. К дому Химченко, с юга, примыкал аптечный магазин Шахновского. Во все времена в этой пристройке размещался какой-нибудь магазин. Далее, до улицы Баутовка (ул. Александра), стояли одноэтажные дома. В одном из них жила семья знаменитого клинцовского портного Юды Давидовича. Он шил фраки, мужские и женские театральные костюмы всем артистам клинцовского театра. А в кирпичном одноэтажном доме на углу улиц Большая и Баутовка до 1917 года жил Смирнов – зять купца Н.А. Степунина. В 1920-е годы в его доме находился РЗК.

Здание мужской гимназии на углу Большой улицы и переулка Пустынка было построено перед самой империалистической вой-

Здание мужской гимназии. Фото начала 1970-х годов

Дом общественного собрания. Фото 1910-1913 гг.

ной и до конца 1920-х годов использовалось по своему предназначению: в нем работала школа. В школе был единственный тогда в городе спортивный зал со шведской стенкой, брусьями, конем, перекладиной. До позднего вечера в спортзале толпились старшеклассники, прыгали через коня, крутили на перекладине «солнце». Затем здание было на несколько лет отдано под Совпартшколу, которая перебралась из дома Гусевой по Большой улице. В 1939 году в здании мужской гимназии был госпиталь для раненых, прибывавших с финского фронта.

К зданию гимназии примыкало здание общественного собрания или, как называли его, купеческого собрания, которое в 1920 годы стало «Народным домом им. Луначарского». От старых времен перед клубом сохранялась вращающаяся круглая тумба для театральных афиш. На втором этаже Народного дома работал театр им. Луначарского, а также проводились партийные и профсоюзные собрания, политические беседы, выступала самодеятельность. На первом этаже театра, как и в «купеческие» времена, был ресторан, в нем клинцовские нэпманы тратили деньги, а в 1930-е годы отдыхали после партийных конференций коммунисты. В бильярдной ресторана работал Роцин. Он служил маркером еще до революции. Красавец, острослов, весельчак, знаток сплетен и анекдотов. В 1950-е годы старик Роцин доживал свой век, охраняя Доску почета в сквере напротив бывшего клуба.

Здание клуба Общественного собрания стояло на углу Большой улицы и Филатьева переулка (ул. Льва Толстого). Переулок назван так, поскольку напротив переулка по Большой улице стоял дом бывшего Головы Города Н.В. Филатова.

Напротив домов Барановского и Филатова, на нечетной стороне улицы, от угла Филатьева переулка вверх по Большой улице стояли одноэтажные дома. В одном из них была парикмахерская Фомберга, в другом – сапожная Карташева, дом Ломанова, а за парикмахерской в глубине двора стоял дом Карлова. Позади этих домов, на «Кондратьевом дворе» высилась красивая кирпичная труба бывшей когда-то фабрики Аксенова-Кондратьева. В конце 1920-х годов трубу завалили за ненадобностью. По Большой улице, на месте домов Ломанова, Карташева и Фомберга, теперь стоит ЦУМ.

По этой же, нечетной стороне Большой улицы до сих пор сохранились здания бывшего городского управления. Одно из них, трехэтажное, когда-то было фабричным зданием фабриканта Дмитрия Черкаскова. Здание было продано Посадскому обществу в 1863 году и уже в следующем 1864 году превращено в Общественный дом. На крыше Общественного дома, как на самой высокой по тем временам точке, была установлена стеклянная будка для пожарного дозора. Это место полюбили фотографы, оттуда были сделаны первые фотографии посада и его главной Большой улицы.

Общественный дом. Фото начала 1900-х годов

Общественный дом и Городская Дума. Фото 1914 г.

В начале XX века, когда к зданию Общественного дома с южной стороны было пристроено новое здание Городской Думы и Управы с каланчой и пожарным сараем под каланчой, Общественный дом был превращен в мужскую гимназию. В 1916 году мужская гимназия переселилась в новое здание на углу улиц Большая и Пустынка.

Далее, по нечетной стороне, за Городской Думой был целый ряд частных магазинов, один из которых, помню, назывался магазин Ганзеля. Ряд магазинов заканчивался двухэтажным домом Степунина, на углу с улицей Ковалевка (ул. Карла Маркса). В этом доме позже размещалась аптека, а на втором этаже — Дом народного творчества. Как и сейчас, в подвальчике под домом со стороны Большой улицы велась торговля. В разные годы в нем торговали керосином, пивом, вином. Таких подвальчиков по Большой улице много. Все их можно красиво и прибыльно для города превратить в магазинчики и в маленькие, уютные кафе.

Квартал домов за улицей Ковалевкой был обращен к Большой улице мелкими магазинчиками. Во втором от угла здании, за «двухэтажным магазином», в самом начале века непродолжительное время был синемаграф. Тогда какое-то время в Клинцах одновременно было два кинотеатра.

Напротив магазина Ганзеля от Большой улицы шла улица Баутовка (ул. Александрова). На углу улиц Большой и Баутовки стоял двухэтажный дом купца Николая Андреевича Степунина. Это

был богатый купец-старообрядец, скопивший деньги от торговли скотом. Степунин построил Покрово-Никольскую церковь для старообрядцев на углу улиц Клинцовой и Евлановки, открыл приходскую школу для детей старообрядцев на углу улиц Евлановка и Лысовка, много жертвовал на строительство клинцовских церквей и монастырей. В доме Степунина в 1920-е годы, на первом этаже некоторое время размещалась городская библиотека. Позже здание было отдано педагогическому училищу. Следующий дом по Большой улице, одноэтажный, принадлежал, кажется, Барышникову. В этом здании долгие годы работал ресторан. На стене здания прикреплена мраморная доска в память о том, что в нем в декабре 1918 года заседал революционный комитет. Далее, к Почтухе, стояли два дома Исаева. В одном из них сейчас хлебный магазин. За домами Исаева стояло и стоит двухэтажное здание, которое называлось «Старые торговые ряды». В нем в 1930-е годы, на втором этаже размещалась библиотека, перенесенная из дома Степунина. Затем в здании разместилось управление «Райпотребсоюза» с магазинами на первом этаже. К «Райпотребсоюзу» отошли прилегающие к Старым торговым рядам со двора здания. Эти здания с глубокими подвалами, каменные и бревчатые амбары, закрывавшиеся дубовыми окованными дверьми, хранили память о

*Дом Н. Степунина на Большой улице.
Фото конца 1960 годов*

Старые торговые ряды. Фото 1910-х годов

купеческом прошлом этого квартала города. Между многочисленными мелкими постройками, в одних из которых жили люди, в других размещены были коптильни, склады, мастерские, винный цех и прочее, можно было заблудиться, если бы не узкий и кривой переулок, который шел параллельно Большой улице и выводил на Торговую площадь. В этой тесноте сновали люди, грузчики катили бочки, несли ящики, извозчики, громко покрикивая, втискивались между телег и повозок, крутилась детвора. Отсюда начиналась ежедневная торговая жизнь города.

Большая улица в своей высокой южной части была средоточием деловой и торговой активности. Здесь в 1920-е годы находились основные административные учреждения и магазины. Многочисленные советские учреждения не помещались в здании бывшей Городской управы, поэтому были разбросаны по особнякам бывших клинцовских купцов. Например, в доме № 12, Исаева, помещалось Упрофбюро, в доме № 16, Степунина, – библиотека, а на втором этаже – сельхозкооперация, в доме Плехановой – уездная милиция, в доме Пальковской – Упродкомол, в доме Филатова, на первом этаже, – радиостанция. В одних домах поселились совслужащие, в других – были общежития для рабочих и служащих.

Большая улица, еще со старых времен, имела мостовую от предместья Почетуха и до «Белой» больницы, то есть до Казанского переулка. Из боковых улиц, отходивших от Большой улицы, мостовая была на улице Клинцовой – от Большой до Евлановки, на

Лысовке – от Большой до Петропавловской улицы, на Пушкинской – от Большой до Жолтова переулка, на Красной улице – от усадьбы Медведева до Жолтова переулка. Жолтов переулок – это часть длинной Кюстендилской улицы в кварталах от ул. Пушкинской и до ул. Садовой (ул. Лермонтова). Были замощены и другие улицы.

Фасады зданий, обращенные к Большой улице, были в те годы необыкновенно привлекательны. Красивая кирпичная кладка первых этажей, арочные завершения окон и дверей, деревянная резьба карнизов и окон вторых этажей, на каменных зданиях – узорчатая лепнина, кованые оградки на крышах, на балконах, красивые витрины лавочек и магазинов, кафе, парикмахерских. Вдоль тротуаров высажены деревья. Даже заборы и ворота во дворы усадеб были по-особому украшены: одни – резьбой, другие – красками. Над дубовыми воротами обязательно имелся узкий навес, а под крышей навеса еще были видны следы от иконок, светлые квадратики на дереве. Клинчане любили украшать свои дома красивыми резными ставнями, над парадным входом помещать козырек, опирающийся на красивые кованые кронштейны. Верандные окна по верхнему краю стеклили цветными стеклами: красными, зелеными, синими, фиолетовыми, складывая из стекол разноцветный рисунок в виде ленты. Витражи получались у всех разные и очень

*Дом Рылова по ул. Нововознесенская
(ул. Парижской коммуны). Фото 1930-х годов*

радовали взор. Город долго хранил былую красоту купеческого провинциального города. Но в 1930-е годы началось разрушительное наступление новых идеологических стандартов и вкусов. Денег на ремонт фасадов коммунальных зданий выделяли мало. Лепнину с фасадов зданий стали срубать, резные деревянные украшения срывать, оправдывая эти действия борьбой с мещанским буржуазным вкусом в архитектуре. Краски города быстро поблекли. Красота города была насильственно уничтожена, появились обезображивающие здания пристройки и надстройки в стиле «дешево и сердито». Потом оставшиеся красивые здания стали и вовсе сносить, и в настоящее время от былой красоты Большой улицы ничего не осталось.

Крупной ошибкой было бессмысленное и бесконечное переименование улиц, начавшееся в 1930-х годах. К каждому съезду партии, к выборам в Верховный Совет СССР или РСФСР от лица жителей города местная партийная власть преподносила родной партии подарок, меняя старинное название улицы, называя ее именем какого-нибудь партийного функционера. Так в Клинцах получили прописку Свердлов, Урицкий, Карл Либкнехт, Литвинов, Дзержинский, Орджоникидзе, а также Патрис Лумумба и другие. Но с карты города исчезли названия улиц: Клинцева, Барышникова – первопоселенцев слободы, Островская, Верхняя Бобылка, Нижняя Бобылка, Евлановка, Новая слободка, Пустынка, Писаревка, Ореховка. Многие названия клинцовских улиц были самобытными и не имели повторения в других городах. Неповторимыми названиями улиц и площадей, неизменными в течение многих столетий, гордится каждый европейский город. А у нас улицы названы именами небольшой группы партийных функционеров. Полный список состав их имен повторяется в каждом городе. Многие улицы носят названия календарных праздников советского периода. Названия улиц, зародившиеся в далеком прошлом – это историческое достояние людей города. Эти старинные названия улиц, городов объединяют людей разных поколений, делают земляками людей текущего века и века ушедшего, делают нас единым народом, носителем общей истории. Названия улиц, как всякий памятник истории, требуют к себе особо бережного отношения. Вглядываясь в карту города 1910 года и находя только одно название улицы, сохранившееся с тех времен – Пушкинская улица. Да еще – моя Михайловская. Все остальные улицы названы именами чужих мне людей, не имеющих никакого отношения ни к родному городу, ни к его истории, ни к истории России.

В 1920-е годы местом вечерних прогулок молодежи в Клинцах была Большая улица, от Пушкинской до Новых торговых рядов, что на Торговой площади, или до двухэтажного магазина, стоявшего на углу улиц Большая и Ковалевка (ул. К. Маркса). «Двухэтажный» магазин был построен орсом (отделом рабочего снабжения) треста «Клинцсукно» в конце 1920-х годов.

Тротуар вдоль Большой и многих боковых улиц был кирпичный, выложен елочкой. В местах крутого подъема были сделаны ступеньки. По одной-две ступеньки на тротуаре были у стыка зданий мужской гимназии и дома Общественного собрания, а также возле сапожной Карташева (теперь здесь ЦУМ). Ступени были устроены как по четной, так и по нечетной стороне улицы. Возле угла здания мужской гимназии через протоку был мостик. Здесь обычно собирались ребята, разговаривали, поджидали компанию для прогулки. Протока уносила дождевые воды от Дома Советов по переулку Пустынка во двор позади гимназии и далее, мимо Троицкой церкви, в реку Турсуну. Во время грозových ливней протока не в состоянии была пропустить весь объем дождевой воды, и перекресток у Дома Советов заливало водой. Останавливалось движение транспорта, вокруг собирались мокрые пешеходы и зеваки. Всем было весело наблюдать наводнение, полузатопленные автобусы с растерянными пассажирами, отрезанными водой от «Большой земли», неудачные попытки смельчаков перейти улицу вброд. Спустя час вода спадала, движение восстанавливалось.

В те далекие 1920-е и 1930-е годы не было принято ходить с девушками под ручку или держаться за ручку. Отдельно шли ребята, отдельно девчата. Девушки, двое, трое, брали друг друга под руку, шли, разговаривали, подшучивали над ребятами. Позади девчат следовали ребята, которые разговаривали о своих делах, но достаточно громко, чтобы слышно было девушкам. Кто-то рассказывал содержание просмотренного фильма или прочитанной книги. Но чаще разговор был обо всем – и ни о чем. Луцили семечки, ели яблоки. Ребята перебрасывались с девочками безобидными шутками. Употребление бранных слов считалось оскорбительным и недопустимым. Наши родители, воспитанные до большевистского переворота, считали, что бранное слово оскорбительно для Божьего слуха. Мы же, молодежь, хотя и воспитывались школой в атеистическом духе, но в семье воспитывались в духе благочестия и считали, что бранные слова – это язык уголовников, бандитов и прочих отбросов общества. «Заслуга» советской власти в том, что неприлично-бранный язык вошел в разговор сначала партийных работников, от рядовых до генеральных секретарей, а затем стал языком общения вырожденной за эти годы «социалистической интеллигенции». Стоило снять цензуру, как представители «интеллигенции» стали говорить с экрана, что грязная брань – это признак самобытной культуры русского народа.

Курящих ребят в старообрядческом посаде также было мало. Иногда на улицу выходили изрядно выпившие молодцы. На них смотрели, как на ненормальных, сторонились. За порядком на улице смотрели дежурные милиционеры. Всех пьяных или людей, чье поведение было развязным, отправляли в милицейский участок, как это было принято еще до революции.

Здание Новых торговых рядов. Фото 1910-х годов

На вечернюю прогулку по Большой улице старшие ребята брали в компанию младших братьев и сестер. Поэтому вся Большая улица была заполнена потоком гуляющей молодежи. То ближе, то дальше звучали песни как старинные, так и современные. В теплые летние вечера гуляние на Большой улице продолжалось допоздна. Улица была хорошо освещена фонарями на столбах и яркими витринами магазинчиков, где продавали пирожные, сладкую газированную воду, конфеты, мороженое. Вечером алкоголь продавали только в ресторане. Из ресторана, который находился на первом этаже городского театра, доносилась музыка. В выходные дни в каждом городском саду играл духовой оркестр. Это были годы НЭПа.

Самым крупным магазином в городе было здание под названием Новые торговые ряды, построенное в 1905 году на Торговой площади. От северной части Торговой площади в восточном направлении отходила улица Лысовка. После строительства здания Новых торговых рядов Торговая площадь приобрела новое очертание, а улица Лысовка получила продолжение до Большой улицы. В здании Новых торговых рядов до революции размещалось до 18 магазинов. Среди них магазин И.Е. Кулакова «Булочная, бакалейная и рыбная торговля», магазин Петра Петровича Долгова «Мучная и рыбная торговля», магазин Жарковского и Носова «Торговля железом и скобяными товарами» и других купцов. В мое время, в 1920-е годы, в Новых торговых рядах на первом этаже также размещались магазины, а на втором этаже в 1930-е годы было обще-

житие химико-фармакологического политехникума. Во время войны Новые торговые ряды были сожжены отступающими оккупантами. В послевоенные 1950-е годы здание восстановили. За возрожденным зданием Новых торговых рядов закрепилось новое название: «Московский гастроном».

Напротив Новых торговых рядов, на юго-западном углу Большой улицы и Вознесенского переулка (теперь переулок входит в состав ул. Советская), стоял двухэтажный дом. Рассказывали, что до революции этот дом принадлежал купцу Третьякову. Сын Третьякова ежедневно ездил в школу на пролетке, запряженной красивой лошастью. На первом этаже этого дома был магазин Евстигнев Кулакова. В магазинах Долгова и Кулакова за кассой в центре зала восседали сами хозяйки, присматривавшие одновременно за работой продавцов.

Рядом с домом Третьякова, в соседнем двухэтажном доме, на первом этаже находился магазин обуви Шапиро. В витрине, помню, были выставлены резиновые боты. Далее, к Почетухе, напротив нынешнего парка Щорса, по Большой улице стояли мелкие магазинчики. Между ними в западном направлении отходил узенький проход между домами, который был началом улицы Верхняя Бобылка. Это очень древняя улица в Клинцах и название улица получила в середине XVIII века. Бобылками называли в Клинцах иночествующих женщин, живших в многочисленных кельях по этой улице.

Ближе к реке от торговой площади на запад отходила улица Нижняя Бобылка, которая начиналась двумя рукавами-переулками: Нижней Бобылкой 1-й, а чуть дальше, к реке, — Нижней Бобылкой 2-й. На углу Нижней Бобылки 1-й и Большой улицы стоял двухэтажный дом, возле него на тротуаре были две ступеньки и перила, поскольку Большая улица отсюда начинала круто спускаться к реке. Во втором от угла доме находился второй аптекарский магазин Выготского. В витрине стояли огромные стеклянные шары, заполненные жидкостью разного цвета: синей, зеленой, красной. Рядом с аптекой был галантерейный магазин, а за ним — продуктовый магазин одного из трех братьев Долговых. В 1920-30-е годы здесь же размещался «Дом крестьянина», нечто вроде постоянного двора. Рядом с ним находилась коптильня — чья, не помню.

Весь ряд магазинчиков в этом квартале, от Вознесенского переулка до Нижней Бобылки 1-я, был некогда обращен лицом к Торговой площади, но после возведения в 1905 году здания Новых торговых рядов здесь образовалась улица, которая в базарные дни по-прежнему перекрывалась телегами, и с возов велась бойкая торговля.

Дома по Большой улице, напротив Торговой площади, были по-

Клинцовский летописец

своему красивы. Фасады зданий украшала узорная кирпичная кладка, окна и двери имели арочное завершение. Вторые этажи были деревянные, а потому карнизы и окна украшала многослойная деревянная резьба. Дома эти в послевоенные годы были снесены. На их месте построены жилые дома фабрики им. Коминтерна, а часть квартала, примыкавшая к Нижней Бобылке, превращена в сквер, в котором стоит на постаменте пушка.

В годы НЭПА, проходя мимо магазина, можно было по запаху определить, какая колбаса продается. Самые любимые сорта колбас: Краковская, Любительская, Охотничья. Были десятки других сортов колбас и все они источали необыкновенно вкусный запах. Из бочек на разлив продавали пиво Коплика – чеха, имевшего на Скачке пивоваренный завод. Говорили, что на Скачке вода для пива «подходящая». Очень вкусные пирожные, с кремом, с фруктовым наполнителем, с суфле, с орешками, продавались в многочисленных кондитерских лавочках. На улице можно было купить мороженое нескольких сортов. В бакалейных магазинах, без всякой очереди, в любое время можно было купить любую крупу, сахар, соль. Мясные и рыбные ряды ломились от разнообразных продуктов. Я выполнял в доме роль «снабженца», по поручению мамы делал покупки, поэтому хорошо помню магазины 1920-х годов. Разнообразие и изобилие продуктов и товаров в магазинах с началом «индустриализации» и «коллективизации» исчезло с прилав-

Торговая площадь. Фото 1910-х годов

ков города. Сколько себя помню, прожив долгую жизнь, такого изобилия, как при НЭПе, в стране Советов не было. Начиная с 1929 года до «скончания» советской власти, все, что покупалось в магазинах, добывалось в длинных ночных очередях или с заднего крыльца, «по знакомству». Дефицит товаров первой необходимости был основой социалистической экономики.

По четной стороне Большой улицы, за Новыми торговыми рядами, весь квартал принадлежал Торговому месту. Это было старинное торжище в Клинцах, возникшее в первые десятилетия от начала поселения слободы. О торговой площади на этом месте говорится еще в Румянцевской описи 1767 года. Торжище с таким давним прошлым к началу XX века уже стало памятником старины со своей архитектурой, со своими традициями. За полтора столетия торговую площадь со всех сторон взяли в кольцо многочисленные каменные лавки, постоянные дворы, большие вместительные амбары для хранения товаров. Под торговой площадью и под каждым домом размещены были многокамерные подвальные помещения, с переходами и тупиками, целый город под землей.

Здесь на торговой площади зародилась и окрепла не одна династия клинцовских купцов. Известно, что жена Никифора Сапожкова, владельца Глуховской фабрики, до замужества торговала блинами на торжище. И после скоропостижной смерти мужа молодая вдова не растерялась. Она сумела поднять суконное производство, расширить его, вырастить до совершеннолетия сыновей, дать им техническое образование и затем передать в их руки производство.

В годы НЭПа, хорошо помню, от здания Новых торговых рядов до улицы Клинцовой на торговой площади стояли балаганчики, мануфактурные лавочки. Позади них, лицом к торговой площади, были рыбные ряды. Посреди торговой площади возвышался высокий столб, на котором были закреплены громадные коромысловые весы, высотой с двухэтажный дом. Чаши весов были подвешены к коромыслу цепями, а каждую чашу можно было сравнить с хорошим обеденным столом. На весах взвешивали большие грузы. На одну чашу клали мешки с мукой или с зерном, на другую чашу ставили пудовые и двухпудовые гири. Такие гири теперь служат спортивными снарядами, размер и форма их ни в чем не изменились. Примерно на том месте, где стоит памятник Щорсу, в XIX веке сколачивали помост для телесных наказаний преступников. В восточной стороне торговой площади находилась харчевня с необычным названием «Шопа». В харчевне торгаши могли покушать. К их столу подавались щи, каша, медовый напиток. Поварихи на дому готовили пищу и приносили на торжище. В помещении «Шопы», после закрытия Торговой площади и превращения ее в сад, был небольшой клуб завода им. Щорса. Здание сохранилось до наших дней.

Вокруг Торговой площади, квадратной по своему очертанию, стояли одно- и двухэтажные дома. В каждом из них находились лавочки, чайные, постоянные двory, склады, парикмахерские, фотографии. На Базарной площади стояли дома Сахаровой, Крапешинникова, Карташева, Гусева, Корзуна, Третьякова, Долгова И.Н. и многих других фамилий. Постоялые двory и гостиницы содержали Сахарова, Карташев, Керон. Здесь же были фотографические заведения. Одних фотографов в Клинцах было несколько человек: Соловей, Пундик, Эйдлин, Немчиник. А парикмахеров – десятки. В базарные дни для парикмахеров наступали дни жатвы. Услужливым парикмахерам подставляли свои лбы сотни крестьян. В летние дни стрижку волос устраивали на свежем воздухе на скамеечке за ширмой. Вокруг собирались зеваки посмотреть, с каким мастерством и шиком работают цирюльники. К вечеру по земле вокруг парикмахерской расстилался ковер из разноцветных остриженных волос.

Под каждым домом у торговой площади имелся подвал для хранения продуктов. С севера Торговое место ограничивала улица Лысовка. Мне довелось побывать в нескольких подвалах в домах по ул. Лысовка (ул. Советская). Это были специальные сооружения, со сводчатыми потолками, с нишами в стенах. Все было приспособлено для размещения продуктов. В стенных нишах, напоминающих оконные проемы, ставили маленькие боченки с соленьями, на кованых прутьях-крюках, закрепленных в потолке, развешивали туши животных. Запомнился большой подвал-ледник, ко-

торый принадлежал «Райпотребсоюзу». В конце зимы через окошечко по желобу в ледник загружали лед и снег. Лед медленно таял, сохраняя в помещении низкую температуру. Посередине подвала была канавка, по которой талые воды стекали в приямок и впитывались в грунт. Подвалы имели несколько помещений, соединенных переходами. Знаю, есть длинный подземный ход от Старых торговых рядов в направлении Новых рядов, но пройти по нему мне не удалось. Есть ходы через улицу. Это был подземный город, построенный клинцовскими купцами в XIX веке. К сожалению, все подвалы уничтожены. А сколько там можно было бы разместить магазинчиков, пивных, кондитерских, кофеен, устроить тир, как это сделано во Львове, Риге, Праге и во многих других европейских городах.

С юга Торговое место было ограничено улицей Клинцовой, которая от Большой улицы уходила на восток. Начиная от Большой, по обе стороны улицы Клинцовой на весь квартал стояли еврейские лавочки, амбары, парикмахерские. Здесь в базарные дни крестьяне рядами ставили телеги, с которых торговали картофелем, яблоками, глиняной посудой, поросятами и всякой всячиной. Далее, к востоку, на улице Клинцовой стояли дома первых поселенцев: Клинцовых, Барышниковых, Развозжаевых, Горячкиных. В доме Ветковской, по Клинцовой улице, помещалась типография.

На углу Клинцовой улицы и Торгового места (теперь это улица Красная площадь) стоял двухэтажный дом, название которого было «У птушки». Рассказывали, что в этом доме жил кто-то из посадской администрации и держал попугая, который, сидя в клетке у открытого окна, подражал голосам торгашей, не стесняясь площадных выражений. А на первом этаже был небольшой ресторанчик, также называвшийся «У птушки».

В 1926 году привозную торговлю перенесли сначала в конец улицы Большой – к «Белой» больнице, где был сенной базар, а через несколько лет – на улицу Евлановка (ул. Свердлова), туда, где сходились улица Евлановка и идущая от Стодола Смолевичская дорога, теперь улица Калинина. Новый рынок назвали «Колхозным рынком», и уже в 1937 году рыночную площадь замостили булыжником. Но на старом Торговом месте еще несколько лет оставались магазины, балаганчики, лавки.

Постепенно постройки клинцовских купцов вокруг торговой площади были снесены. На месте старинного торжища был разбит сад. В ограде сада в первые послевоенные годы были сделаны захоронения партизан и воинов, умерших от ран в военном госпитале. Среди них была женщина – Герой Советского Союза. В начале 1950-х годов провели перезахоронение останков на кладбище. Останки некоторых воинов были увезены на родину. В саду в начале 1950-х годов торжественно был открыт памятник

*Парк Глуховской фабрики им. Коминтерна.
Бывший сад фабриканта Сапожкова. Фото 1960 г.*

Николаю Щорсу. На открытие памятника из Москвы приезжала бывшая жена Щорса – Фрума Ростовцева-Щорс.

Кварталы города, прилегающие к реке Туросна вправо и влево от Большой улицы, были местом, где лепились друг к другу фабрики, основанные клинцовскими купцами в XIX веке. Заводчики обычно устраивали фабричные заведения на своих огородах, поэтому фабричные двory узкими пеналами спускались к реке, сохраняя очертания огородов. Так в квартале к востоку от Большой улицы были фабричные заведения Гусева-Елеонского – ткацкое, М.Ф. Кузнецова – кожевенное, Барышникова – чулочное и другие.

Западную сторону Большой улицы занимала Глуховская фабрика Сапожкова. Вдоль фабричной ограды в западном направлении от Большой улицы шел узкий переулок, который назывался «Нижняя Бобылка 2-я». Переулок не сохранился, так как был застроен новым ткацким цехом фабрики. Чуть выше Нижней Бобылки 2-й от Большой улицы отходил переулок Нижняя Бобылка 1-я. Таким образом, улица Нижняя Бобылка начиналась от Большой улицы двумя переулками, между которыми был небольшой сад. Перепад высоты между двумя Бобылками был значительным, поэтому сад спускался от переулка до переулка по крутому склону Клинцовского холма.

Некогда сад принадлежал фабриканту Георгию Константиновичу Сапожкову. Его семья жила в деревянном доме по переулку Нижняя Бобылка 1-я. В доме Сапожкова в советское время была фабричная столовая. После отъезда Сапожкова из Клинцов какое-то время сад находился в запустении, но в начале 1930-х годов добрый человек Иван Павлович Герасюта взялся за обустройство сада. Старый деревянный забор был заменен каменным. По эскизам Герасюты была сделана высокая кованая решетка ограды. В нижней части сада была устроена сцена, а для зрителей установлено 10 или 12 рядов скамеек из толстой доски. Скамейки амфитеатром спускались со склона. В верхней части сада росли старинные дубы, ровесники города, и клены. Узкие и извилистые дорожки сада утопали в зелени сирени, жасмина, таволги. Буйная зелень скрывала гуляющих от взоров прохожих, не случайно мы называли его «сад поцелуев». Осенью дорожки сада покрывал толстый слой ярких кленовых листьев. Сад фабрики Коминтерна был уничтожен в 1970-е годы при прокладке канализационного коллектора. Погиб уютный и красивый уголок городской архитектуры, погибли старинные дубы.

Каждое лето на сцене фабричного сада выступали приезжие артисты. Помню выступление силачей. Мы с Мишей Морозовым сидели в первом ряду. Выступал силач Коля Добычин. Атлет, гора мышц. Он бросал двухпудовые гири, как игрушки. Подвизывал гирию к шнуруку, шнурук брал в зубы, раскачивал гирию и бросал ее через голову. Затем ломал дубовые доски о свой лоб. Следующее выступление его было перед сценой. Справа и слева подводили двух лошадей. Длинные вожжи, идущие от хомутов, заканчивались петлей. Силач продевал руки в петли, сгибал их в локтях и сводил кулак к кулаку – впритык. Звучала музыка, лошадей погоняли, они били копытами, пытались сдвинуться, а силач силой рук удерживал двух лошадей на месте. После этого номера Добычин брал огромную жердь в виде большого коромысла. С двух концов цеплялись зрители, человек по 10 с каждой стороны. Силач удерживал всех, расхаживал перед сценой, а затем начинал вращаться на месте. Такую карусель выдержать было не просто, и участники представления под смех зрителей разлетались в разные стороны.

Оба переулки, Нижняя Бобылка 1-я и 2-я, от Большой улицы шли на запад и сходились на небольшой треугольной площади Сапожкова, где фабрикантом были построены дома для специалистов. Дома эти сохранились и в архитектурном отношении могли бы украсить центральную улицу любого города. В начале переулки Нижняя Бобылка 1-я (ул. Богунского полка) был небольшой «Трудколлектив им. Крупской», в котором в 1920-е годы при помощи ручных станков делали простые чулки, ткани и платочки.

Глуховская фабрика названа так потому, что за рекой, напро-

Здание фабрики Леккерта. В этом здании в 1919 г. был установлен гроб с телом Н. Щорса. Фото 1960-х годов

тив фабрики, находилась деревня Глуховка. Деревня Почетуха была выше по течению реки Туросна, а Глуховка — ниже по течению. Глуховскую фабрику основали братья Рыжковы. Сапожковы купили у них фабричный сарай со станками, и за несколько десятилетий семья Сапожковых превратила маленькое фабричное заведение в крупное промышленное предприятие, оборудованное самыми современными машинами и станками. Незадолго до «большевистского переворота», так в те годы во всех большевистских газетах называлась Октябрьская революция, Сапожков провел переоборудование фабрики, построил новые цеха со стеклянными крышами, с вентиляцией, с электрическим освещением в ночное и в зимнее время. После нескольких лет разрухи, вызванной гражданской войной, фабрика быстро восстанавливала свое производство. Власти города присвоили фабрике имя одного из вождей пролетариата, ближайшего друга Ленина и соратника по партии, Григория Евсеевича Зиновьева, проявив тем самым политическую недалекновидность. Никто в Клинцах не мог даже предположить, что после смерти Ленина Сталин объявит Зиновьева «врагом народа». Глуховской фабрике пришлось срочно искать новое имя, но такое, чтобы через несколько лет вновь не опозориться. Решили, что по-

литически благонадежным будет название «Фабрика им. Коминтерна». На собрании рабочих ткачи единогласно заклеями позором «врага народа» Зиновьева, потребовали его казни и единогласно проголосовали за новое название фабрики. После кончины Коминтерна название фабрики не изменили, и никто «сверху» не подсказал, что перед своей кончиной Интернационал стал оппортунистическим. А в народе фабрику по-прежнему называют Глуховской. Такая же история произошла и с названием Зубовской фабрики, носившей имя еще более опасного врага русского народа Льва

Начало Большой улицы. Слева здание фабрики Леккерта и кинотеатра Пате. Фото 1910-х годов

Давидовича Троцкого. После расправы с заговорщиками-троцкистами фамилию Троцкий в названии фабрики заменил созвучной ей фамилией Дзержинский. Теперь эта «история» принадлежит далекому прошлому.

От угла улицы Большой и Клинцовой, вниз к реке, по четной стороне находилась «Фотография Соловей», за ней – дома обувной фабрики Леккерта. В одном из этих зданий до 1917 года помещалось представительство страхового общества «Россия». В 1919 году в этом здании был установлен гроб с телом Н. Щорса для прощания. А на самом берегу речки Туросна (р. Московка), возле моста, в бывшем складском помещении фабрики Пентегина-Гусева еще в начале XX века был устроен кинотеатр «Пате». Здание находилось так близко к реке, что во время половодья, когда на Стодольской плотине открывали шандоры – ставы для пропуска паводковых вод и льда, кинотеатр подтапливало. Однажды, году в 1926, во время просмотра фильма «Петербургская ночь» сквозь доски пола хлынула вода. Рассказывали, что зрители в панике кинулись к выходу, а Уралов, муж Подберезиной, чтобы ободрить и развеселить людей запел мощным басом: «Спите, орлы боевые!..». Году в 1934 здание кинотеатра было отдано фабрике Леккерта для расширения производства.

В самом начале Большой улицы находился мост через речку Туросну. До того, как посад Клинцы стал городом, река Туросна была южной границей посада. Мост был переброшен через эту естественную границу. Рассказывали, что в дореволюционные годы пьяницы и дебоширы, спасаясь от преследования клинцовских полицейских урядников Каленикова и Гулака, спешили пересечь мост через реку. За мостом они были свободны от преследования, как за границей, ибо власть посадской полиции не простиралась за реку. Деревня Почетуха вошла в состав города Клинцы уже при советской власти.

За мостом от Большой улицы налево уходил переулочек. Когда-то этим переулочком начиналась дорога на Ардонь. С Ардонской дороги через мост выезжали в переулочек, который шел под углом к оси нынешней Большой улицы. Большой улицы от Торговой площади к мосту тогда еще не было.

В посад Клинцы въезжали по этому переулочку, затем поворачивали на Нижнюю Бобылку, а с нее поднимались по переулочку Нижняя Бобылка 1-я и выезжали к Торговому месту. Такой «приезд» в посад был более пологим. Для расширения двора Глуховской фабрики купчиха Сапожкова в 1850-е годы выкупила у посадского общества переулочек, после чего дорогу от моста к Торговому месту проложили напрямик в гору. Это направление «приезда» совпало с осью Большой улицы. Клинчанам пришлось мириться с крутизной подъема и спуска на этом участке Большой улицы. С открытием одной версты к югу от посада Клинцы железной дороги резко воз-

*Глуховская фабрика. Вид с Почегухи.
Видны очертания Вознесенской церкви. Фото 1910-х годов*

Фото 1910-х годов

рос поток товаров, провозимых по Большой улице. Тогда спуск от Торгового места до моста и далее, до станции, замостили булыжником.

Дорогу от Почетухи до станции, прямую, как стрела, прорубили сквозь старый сосновый лес в 1886 году, перед открытием железной дороги. В мои молодые годы старый сосновый бор подступал к дороге вплотную с обеих сторон. Подъезжая со станции, путнику долго не было видно города. Панорама города открывалась вдруг, когда путник выезжал из леса к Глуховке и Почетухе.

В этих предместьях Клинцов жило много предприимчивых людей, занимавшихся промыслами, владельцев маленьких фабрик и мастерских. В начале XX века в летние месяцы в каждом дворе на Почетухе, на Глуховке поселялись дачники, приезжавшие семьями из Москвы. Их привлекали лес, река, чистый воздух, дешёвые продукты и фрукты, а также присутствие в посаде театра, кино, телефона и других удобств.

Мысленно озирая Большую улицу, вижу столько утрат и потерь в архитектурном облике улицы, что сердце болит. А приобретений не вижу.

41. Журнал «Огонек» 1930 года

В моем домашнем архиве хранится журнал «Огонек» № 33 от 30 ноября 1930 года. Журнал дорог мне тем, что в нем есть сообщения и статьи о людях, в большей или меньшей степени причастных к жизни города Клинцы.

На странице 11 журнала – очерк М. Зверева «Одна шестая и пять шестых». В очерке говорится, что в обстановке подготовки империалистов к нападению на Советский Союз, занимающего одну шестую часть мира, в Женеве открылась заключительная сессия подготовительной комиссии к конференции по разоружению. *«Пять лет комиссия ведет свои работы, но результаты равны нулю. Советские предложения о всеобщем, полном и одновременном разоружении были единодушно отвергнуты буржуазными политиками еще на прошлых сессиях комиссии».* *«Выступление товарища Литвинова в Женеве на последней сессии произвело большое впечатление на трудящиеся массы всего мира. В его изобильной речи пролетарии всех стран услышали призыв быть наготове перед угрозой надвигающейся войны и интервенции».* В журнале помещен большой портрет народного комиссара по иностранным делам Союза ССР Максима Максимовича Литвинова.

М.М. Литвинов с 1898 по 1900 год жил в Клинцах. Макс Валах (Литвинов) – уроженец города Белостока (родился в 1876 году). Макс с 17 лет поступил вольноопределяющимся в армию, где по-

знакомился с идеями марксизма. В 1895 году 19-летним юношей Макс встретился в Вильнюсе с Владимиром Ульяновым. После окончания военной службы Макс занимался пропагандистской деятельностью среди рабочих. В 1898 году стал членом РСДРП.

Как пишут краеведы, Макс, преследуемый полицией, в 1898 году скрылся в Клинцах, где устроился работать на шпагатной фабрике Григория Конторова. Молодой человек 22 лет, якобы, был принят на должность управляющего конторой и занимался революционной деятельностью среди фабричных рабочих посада.

По-видимому, Конторов знал, кого и для чего принимает на работу со стороны. В те годы идеи социал-демократии только начинали выходить из еврейских кружков в массы рабочих. Клинец и Новозыбков, пятую часть населения которых составляли евреи, было надежным местом, где можно переждать опасную полицейскую погоню. Первые политические кружки в Клинцах и в Новозыбкове выросли из кружков Бунда, кружков сионистов, кружков евреев-социал-демократов и других еврейских кружков.

Документальных сведений о жизни Валлаха в Клинцах не сохранилось. С кем общался, на кого опирался Макс Валлах, живя в Клинцах, никто из старых рабочих, с кем я разговаривал, вспомнить не могли.

Значительно больше известно о двух питерских рабочих А.П. Васильеве и В.Е. Сафонове, высланных в том же 1898 году в Клинец из Питера за участие в подпольной подрывной работе против государства. Известно, что они находились в Клинцах с 1898 по 1900 годы, в одно время с Максом Валлахом. Были живы очевидцы, от которых краеведам было известно, на каком заводе работали, у кого квартировали, какие книги привозили в Клинец два питерских рабочих, какие вопросы обсуждали на встрече с клинцовскими рабочими. Им приписывается создание первой социал-демократической ячейки на Стодольской фабрике, организация забастовки рабочих в 1899 году. И это все было организовано двумя малообразованными рабочими, в то время, когда в посаде с населением около 15 тысяч человек жил профессиональный революционер Макс Валлах.

Не нашел очевидцев пребывания Литвинова в Клинцах и известный клинцовский краевед В.Г. Козлов, который вел активную переписку со старыми большевиками, бывшими клинчанами. Может быть, Валлах был глубоко законспирирован, и общение молодого социал-демократа было ограничено узким кругом людей, через которых Макс Валлах направлял деятельность питерских рабочих в Клинцах? В любом случае должны были остаться воспоминания людей, знавших Валлаха или слышавших о нем. В послереволюционные годы старые подпольщики щедро делились своими воспоминаниями о подрывной работе, о террористических вылазках, о своих единомышленниках.

В моем домашнем архиве хранится вырезка из Клинцовской газеты «Труд» за 1924 год, где помещена статья некоего Евсея. Будучи уже членом РСДРП, Евсей приехал в Клинцы в 1906 году, после еврейского погрома. Он познакомился с членами боевой дружины, которая готовилась к самообороне в случае повторения погрома. В боевую дружину, — писал Евсей, — входили представители *«всех имевшихся в Клинцах организаций, как то: эсеры, социал-демократы, с.-с. и даже сионисты»*. *«Началась организационная работа. Насколько я помню, руководителями этой работы были: Моисей Киселев, Борух Ривкин, Моисей и Гирша Локшины. Все эти товарищи имели хорошее политическое развитие. Старшая сестра Локшиных, Рахиль, работала в питерской организации РСДРП. В нашу организацию входили интеллигенты пропагандисты: Мира Малкина, дочь Гринфельда — Маргарита (Ласточка), Мейчик Израилев, Арон и Самсон Рубинштейны, студент Либенсон, студент Эйделандт Павел, Александр Руденко и т.д.»*

В числе рядовых работников, «еще не имевших в 1906 году хорошего политического развития», Евсей называет Александрова, Савву Балакина, Павла и Семена Боблаковых, Абрама Гутина, Фильку Блохина, Демку Сорокина, Айзика Лейбовича, Гришу Балакина, Ефима Камаева, Петра Подласа. Многие из них со временем стали лидерами в клинцовском рабочем движении. А Филька Блохин стал убийцей-террористом.

В своих воспоминаниях, написанных уже при советской власти, Евсей ни словом не упоминает Макса Валлаха (Литвинова) и не говорит о его роли в создании кружка социал-демократов в Клинцах. Нет упоминания о Валлахе и в воспоминаниях еще нескольких клинцовских подпольщиков, опубликованных Ф.К. Евгеньевым в книге «Сто лет клинцовской шерстяной промышленности» (изд. 1926 г.).

Клинцовский старожил Григорий Юдович Давидович, работавший в 1950-е годы на заводе им. Калинина, знал о Валлахе-Литвинове от своих родственников. С их слов, Макс Валлах устроился к фабриканту Конторову бухгалтером. Проживая в Клинцах, первый год вел себя скрытно. Но когда начал собирать еврейскую молодежь для агитации, кто-то донес в полицию. Конторов предупредил своего служащего, что клинцовскому полицейскому приставу поступило распоряжение выяснить личность Макса Валлаха, и молодой революционер ближайшим поездом уехал в Гомель, к друзьям фабриканта.

В книге Н. Мора «Папаша Феликс, Людвиг Ниц и другие» сказано: *«Клинцы были первой, начальной ступенькой партийной деятельности Литвинова. Вторую ступень он прошел в Киеве. М.М. Литвинов — член Киевского комитета РСДРП; узник Лукьяновского тюремного замка и участник дерзкого побега полити-*

ческих заключенных; агент и экспедитор ленинской «Искры»; «заведующий границей» на северо-западе России; издатель первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», которую редактировал В.И. Ленин; закупщик и транспортировщик оружия из Европы для боевых дружин рабочих, возникших во время революции 1905 года, – все это часть энергичной разносторонней работы Литвинова».

При этом Н. Мор ни слова не говорит о том, какую «партийную деятельность» вел Макс Валлах в Клинцах. Сам же Литвинов в своей автобиографии писал о пребывании в Клинцах: *«Организация не было. Работал в одиночку».*

Скорей всего, М.М. Литвинов более прав, чем те, кто о нем писал, и сказать больше, чем сказал о себе Литвинов, никто не сможет.

С 1933 по 1938 годы Литвинов был Народным комиссаром иностранных дел СССР. В годы Великой Отечественной войны М.М. Литвинов был послом Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. Именем М.М. Литвинова названа улица в городе Клинцы.

На странице 4 того же номера журнала «Огонек» помещена статья Я. Петерса «На службе у иностранного капитала». В статье говорится, что *«за последние годы органы ОГПУ раскрыли ряд вредительских организаций, которые ставили своей задачей всячески тормозить социалистическое строительство. ... Показания арестованных вредителей (членов «промпартии») нагляднейшим образом выясняют теснейшую связь, которую сохранили оставшиеся внутри страны капиталисты с эмигрировавшими русскими капиталистами, а также с капиталистами Франции, Польши, Англии и др. стран. Они все время поддерживали связи со своими бывшими хозяевами: металлисты – с Мещерским, текстильщики – с Рябушинским, нефтяники – с Нобелем, угольщики – с Дворжанчиком, – от которых получали вознаграждение.*

Подобно тому, как их хозяева за границей – члены торгпрома, Рябушинский и др. – имели постоянную связь и работали по директивам Бриана и Пуанкаре, члены промышленной партии, находящиеся в Советском Союзе, служили им как шпионы, строили планы о том, как на случай войны парализовать наше железнодорожное сообщение и работу промышленности, как помочь иностранным интервентам завоевать Советский Союз.

При французском генеральном штабе была создана специальная комиссия против Советского Союза. Для этой комиссии, а следовательно, и для всего французского генерального штаба, и работали Рамзины, Федотовы, Ларичевы, Калипниковы и др.».

В статье упомянута фамилия Федотова.

Речь идет об Александре Александровиче Федотове, уроженце

города Клинцы. Сын служащего Глуховской фабрики, Александр Федотов, закончил в Москве техническое училище, стал инженером. Работал на фабрике Морозова в Орехове-Зуеве. Был командирован хозяином в Англию на два года для изучения шерстяного производства, после чего А.А. Федотов стал ведущим специалистом в нашей стране. На паях с братьями, Виктором и Николаем Федотовыми, участвовал в создании в Клинцах чугунолитейного завода, которому уже при советской власти было присвоено имя Калинина. Первые годы становления завода А.А. Федотов размещал в Клинцах заказы на литейные работы для ткацких фабрик Морозова, поддерживая таким образом растущее клинцовское предприятие. В годы советской власти А.А. Федотов продолжал работать в шерстяной промышленности СССР в качестве специалиста-консультанта. В 1929 году А.А. Федотов в числе других специалистов, получивших высшее образование в дореволюционные годы, да еще стажировавшийся за границей, был обвинен в саботаже, направленном на подрыв социалистической экономики. А.А. Федотов проходил по делу «Промпартии». В кинодокументе, отснятом во время судебного процесса, было записано выступление каждого обвиняемого. А.А. Федотов вел себя с достоинством, никого не обвинял и не чернил. Сознавался в «ошибках» — и больше ничего. Киножурнал этот показывали в клинцовском кинотеатре, и я помню выступление А.А. Федотова.

В журнале «Огонек» на той же странице помещена фотография с изображением митинга сотрудников Госплана СССР, на котором выступает Г.М. Кржижановский. Под фотографией сказано: *«В резолюции, принятой собранием, работники Госплана единодушно требуют применения к вредителям высшей меры социальной защиты».*

А.А. Федотов был осужден на 10 лет ссылки. Но через несколько лет, в связи с нехваткой в стране специалистов, его перевели в город Иваново, где он, оставаясь заключенным, работал по специальности. Жена, Любовь Александровна, из Москвы ездила навещать мужа. Освободили А.А. Федотова досрочно, но через несколько месяцев, будто спохватившись, опять арестовали и содержали почти год в тюрьме. А.А. Федотов был освобожден в 1939 году. Через год, в 1940 году, А.А. Федотов умер и был погребен на Пятницком кладбище в Москве, в одной могиле с братом Николаем, основателем клинцовского чугунолитейного завода (с 1923 года завод им. Калинина).

В этом же номере журнала «Огонек» на странице 13 под заголовком «Идущие в авангарде строительства» помещена подборка из 30 фотографий ударников производства. На фотографии № 15 — лицо кузнеца. Подпись гласит: «Тов. Смирнов, ударник кузнечно-го цеха завода имени Калинина в Клинцах».

Этого парня я знал лично, поскольку работал на заводе им. Калинина. Это был добросовестный рабочий человек. Трудился с полной отдачей сил, что было замечено и оценено сначала начальником цеха, а затем и заводским руководством.

Так в одном номере журнала «Огонек» сошлись сообщения о трех людях, живших и работавших в Клинцах.

42. Дело братьев Федотовых (из истории создания чугунолитейного завода в Клинцах)

Мне довелось участвовать в работе по подготовке к изданию книги об истории завода, на котором работал мой отец, работал брат отца и я отработал с первого дня до самой пенсии. Книга вышла из печати в 1976 году под названием «С именем Калинина». Но прежде, чем появилась книга, в конце 1940-х годов возникла мысль: создать заводской музей. Создание музея было поручено человеку, предложившему эту идею, — Степану Никитичу Буланову. Буланов с энтузиазмом взялся за дело: вел переписку с архивами, собирал документы, записывал воспоминания старых рабочих. К столетию со дня рождения Михаила Ивановича Калинина, чье имя с 1923 года носил Клинцовский чугунолитейный завод, по предложению того же Буланова, было решено написать книгу об истории предприятия. Партком завода поручил это Буланову. Значительный материал, собранный Степаном Никитичем, был уже сведен в целые главы. Но неожиданно, по предложению горкома партии, подготовку текста книги передали Михаилу Черному (Павлову), выказав тем самым неуважение и недоверие С.Н. Буланову.

Степан Никитич подчинился партийной дисциплине, с горечью в сердце передал Михаилу Черному все свои материалы и в составе редакционной коллегии продолжал заниматься сбором материалов. В состав редколлегии вошли также директор завода Дмитрий Кириллович Лаптев, В.М. Берлин, М.И. Клапцов и Ваш покорный слуга.

В мои обязанности входило собирать и готовить воспоминания старых рабочих и написать собственные воспоминания о работе в конструкторском бюро. Михаил Черный в свою очередь обрабатывал материалы из Клинцовской газеты «Труд», протоколы партийных собраний и конференций, в которых имелись итоговые цифры о работе коллектива предприятия.

К моему огорчению, в книгу не вошло многое из того, что было собрано нашей группой. Многие имена и даты перепутаны, факты искажены. К настоящему времени неопубликованные материалы в большинстве своем утрачены. Архив, который остался у меня, составляет малую часть того, что было передано Михаилу Черному.

Но я постараюсь донести до читателя все, что сохранилось в моих черновиках.

42.1. О зарождении металлообрабатывающей промышленности в посаде Клинцы

Бурное строительство в посаде Клинцы в 1830-е годы суконных и чулочных фабрик потребовало создания предприятия по обслуживанию и ремонту разных станков и механизмов, обеспечивающих производство. Одним из самых первых таких предприятий стал чугунолитейный завод купца Александра Ивановича Варфоломеева.

В «Указателях» и «Списках фабрик и заводов Европейской России», публиковавшихся в разные годы второй половины XIX столетия, есть сведения и о клинцовской промышленности. Так по состоянию на 1862 год у Варфоломеева работало 20 рабочих. На заводе была паровая трехсиловая машина собственного изделия и заграничные станки: токарный и строгальный. В течение года на заводе отливали чугуна 3 000 пудов, а также перерабатывали железо, медь, цинк, олово, сталь. Годовой оборот достигал 10 000 рублей. Варфоломеев оставил по себе память как талантливый самоучка, который организовал собственное производство чулочных машин, а также удачно копировал и совершенствовал детали сложных ткацких станков. В эти годы на клинцовских фабриках работали 11 паровых двигателей местного производства, которые были изготовлены на заводе Варфоломеева.

С 1850-х годов существовала чугунолитейная и механическая мастерская Андрея Евдокимовича Малкова, которая располагалась в пределах нынешней территории завода им. Калинина, напротив парткома. В 1862 году на заводе Малкова работали 10 рабочих, были два токарных, один сверлильный станок и вагранка, с помощью которой отливали 1 000 пудов чугуна в год. Кроме того, на заводе перерабатывали медь, олово и сталь. Завод Малкова давал продукции на 6 000 рублей в год. В 1884 году завод принадлежал Степану Федоровичу Малкову. На заводе был один локомобиль мощностью в 8 лошадиных сил и вагранка. В год изготовлялось, путем отливки, до 1 000 пудов разных предметов для суконных фабрик посада и ремонтировалось текстильное оборудование на сумму 4 000 рублей.

Николаю Ивановичу Чередникову, конструктору завода, моему товарищу, старые рабочие рассказывали, что Малков был очень бережливым. Высокое качество и чистота литья у него достигались тем, что при отливке пользовались древесным углем. Ковали железо тоже только на древесном угле.

Дело Варфоломеева угасло еще в 1860-х годах. Малков тоже разорился. Дольше всех удержалось дело Ляховых.

Завод Ляховых известен в Клинцах с 1840 года. Завод располагался по южной стороне переуллка Пустынка, на спуске к Троицкой фабрике. За заводским двором Ляховых в XX веке были построены городские бани. В 1862 году завод принадлежал Ивану Ивановичу Ляхову. На заводе работали два токарных станка местного изделия (возможно, изготовленных на заводе Варфоломеева) и один сверлильный станок. Сведений о чугунном литье в 1862 году нет. Цветные металлы варили в тиглях. Завод, по-видимому, работал как мастерская, где 10 рабочих обрабатывали детали из железа, меди, олова, стали. После смерти основателя завода его вдова, купчиха Анна Ивановна Ляхова, взяла управление предприятием в свои руки. Дело процветало, была установлена вагранка. В 1879 году предприятие купчихи Ляховой называлось «Чугунолитейный завод Анны Ивановны Ляховой с сыновьями». На заводе был один токарный станок, паровая машина в 8 лошадиных сил, вагранка и два горна, работало трое наемных рабочих. Производство завода в год исчислялось в 2 000 рублей. В 1884 году на заводе Анны Ляховой работало 8 рабочих. Завод делал отливки разных деталей машин, до 600 пудов в год, на сумму 2000 рублей.

Когда сыновья Анны Ивановны подросли, они открыли механические ремонтные мастерские. По данным на 1905 год, в Клинцах работал чугунолитейный завод купчихи Анны Ляховой и механические ремонтные мастерские купцов Семена и Ефима Ляховых. На каждом предприятии работало от 5 до 9 рабочих. Семен и Ефим не получили технического образования, но были от природы сметливыми и хорошими практиками. Фактически мастерской управлял Семен, а Ефим Иванович работал механиком на суконной фабрике Машковского. В мастерской братьев Ляховых ремонтировали винокурные и маслобойные машины. После смерти Анны Ивановны чугунолитейное предприятие перешло к сыновьям, Семену и Ефиму. Завод Ляховых давал хорошее чугунное и бронзовое литье. Федотовы первые годы не могли сравниться по чистоте и качеству литья с Ляховыми. Но постепенно дело Федотовых наладилось, и Ляховы, не выдержав конкуренции, разорились.

В Клинцах в начале 1890-х годов представителем от завода Танге (Бирмингам) был Густав Лист, который тоже организовал свою мастерскую.

В Клинцах была еще кузнечная мастерская Ломтевых и слесарно-механическая мастерская Панкратова.

Ломтевы держали кузницу по Большой улице, за Конной площадью, там же отливали бронзу в тиглях. Имели 2 токарных станка, 3 сверлильных станка. Ремонтировали молотилки, валы для

Клинцовский летописец

мельниц, изготовляли погонялки, рамки для кулачков, кулачки, челночные коробки двух типов, ограждения к машинам Троицкой фабрики, памятники. В базарные дни продавали крестьянам подковы для лошадей.

Слесарно-механическая мастерская А.М. Панкратова образована в 1900 году. После отца ему досталось небольшое состояние. Панкратов работал слесарем ремесленного училища до 1910 года и был уволен, так как у него не было среднетехнического образования. Экономный, расчетливый и предприимчивый Панкратов, накопив от домашнего и училищного заработка денег, приобрел два токарных станка, 8 тисков, одноцилиндровый двигатель внутреннего сгорания, поставил кузницу с одним горном. По воспоминаниям Ф.Т. Смирнова, в мастерской Панкратова работали наемные рабочие: слесари Лучкин Фадей Фадеевич и Шапошников Мина, токарем был сын Панкратова, Виктор. В учениках слесаря ходили Михаил Устинович Воронков и Кузьма Иванович Степунин. Работали по 10 часов сдельно. Например, Ф.Т. Смирнов за каждую чулочную машинку получал 14 рублей. Мастерская выполняла заказы клинцовских фабрик по изготовлению чулочных машин, челночных коробок, веретенных планок, гребенок, а также заказы ардонских каретных мастерских, для которых вытачивали втулки, оси. Мастерская также ремонтировала мельницы (валы) и молотилки, изготовила металлическую ограду для старообрядческого монастыря. Ученики за учебу платили хозяину. Сам хозяин работал за станком и присматривал за рабочими. Очень трудолюбивой была жена Панкратова. Вставала она в 4 утра, наполняла водой из колодца бак для водяного охлаждения двигателя, таскала на себе железо, приобретенное в лавке Воронова. Двигатель часто не работал из-за отсутствия бензина или неполадок в нем. Тогда станки работали от ножных педалей.

Мастерская существовала до 1921 года. После внезапной смерти жены Панкратов продал дом, мастерскую и уехал в Подмоскowie.

42.2. Из воспоминаний А.С. Курбацкого

По утверждению старожилов, Александра Самуиловича Курбацкого и Семена Яковлевича Боблакова (1877 г.р.), Николай Федотов завел механическую мастерскую в 1891-93 годах. А.С. Курбацкий рассказывал, что сам он работал у Густава Листа еще до образования завода Федотовых, а Николай Федотов открыл свою мастерскую еще до женитьбы на Барышниковой. А поженились они в 1899 году. Мастерская Федотова поначалу имела один токарный станок. Продукцией мастерской были пожарные насосы. Первое литье было грязное, хуже, чем у Ляховых. Не было грамотных рабочих и тех-

ников. Федотов брал на работу только клинцовских жителей, в основном, из старообрядцев, людей надежных и честных, главное – не пьющих. Но старшие по возрасту рабочие не давали роста молодым, боялись, что ученики будут получать денег больше, чем учителя.

Заработок на заводе рабочим в возрасте 17 лет – 50 копеек в день, через год – на 5 копеек больше, а толковым и трудолюбивым – на 10 копеек. Рабочим платили 1,1 – 1,2 рубля в день. При поденной работе – до 1,5 рубля в день.

По данным, взятым мной из справочников Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов, клинцовский чугунолитейный завод Федотова существовал уже в 1896 году. Скорее всего, механическая мастерская Николая Федотова появилась в 1893 или в 1894 году, поскольку Николай Федотов окончил курс обучения в Московском высшем техническом училище в 1893 году.

42.3. Воспоминания, записанные со слов моего отца, Максима Кононовича Храменко (1897–1965)

Инженер-механик Николай Александрович Федотов вместе с братьями купил у мещанина Панникова участок на углу улиц Большая и Кузнечная (ул. Лермонтова) и стоявший на нем двухэтажный кирпичный корпус (угловой). Рядом, по Кузнечной улице, стоял деревянный корпус, в котором Панников держал маслобойку. Тогда улица Кузнечная только зарождалась. В те годы посад Клинцы шагнул уже к северу до улицы Ореховка, а здесь еще были пустыри с редкими усадьбами. Напротив усадьбы Панникова, по другую сторону Большой улицы, располагалась Конная площадь, где устраивались ярмарки, а в другие дни торговали скотом и сеном. На месте нынешней проходной завода шла протока, вытекавшая из заболоченной низины, на месте которой теперь двор и здание педагогического училища. По сторонам протоки грунт был торфянистый, влажный.

Первые отливки часто оказывались неудачными из-за осыпания форм в опоках. Дядя, Митрофан Кононович, работавший у Федотовых с первого дня, рассказывал, что хозяин очень сердился на рабочих за нерадивость и неаккуратность. В день литья хозяин стал отменять все работы, чтобы предотвратить обрушение форм. Но продолжали выпускать брак. Вскоре рабочие сами обнаружили причину брака. В то время, как все работы на заводе прекращались, маслобойка Панникова продолжала работать. Сотрясение болотистой почвы от работающего мотора вызывало осыпь формочной земли в опоках.

Компаньонам пришлось пойти на дополнительные затраты и

откупить у Панникова землю с постройками. В деревянном корпусе, где была маслобойка, установили вагранку, на которой работал мой отец. Здесь вагранка простояла вплоть до 1950-х годов. Теперь на этом месте склад готовых изделий.

В угловом кирпичном здании, на верхнем этаже, размещалась контора управляющего и модельная мастерская, в нижнем, цокольном – машинное отделение, слесарная и токарная мастерские. На большом токарном станке точили валы.

Дело вели три брата: Николай Александрович (хозяин) и компаньоны – Виктор и Александр. Николай был по образованию инженер-механик, Александр – инженер-технолог-шерстящик, а Виктор – бухгалтер. Дом родителей братьев Федотовых стоял по Большой улице, рядом с заводом, но по другую сторону протоки. Усадьба родителей практически примыкала к территории завода.

К открытию мастерской из Орехово-Зуева привезли мастера по литейному и формовочному делу Матвея Николаевича Калмыкова, который работал на заводе примерно до 1918 года.

С заводом Федотовых связаны судьбы всей семьи Храмченко. Первым пришел на завод брат моего отца – Митрофан Кононович Храмченко (1868-1949 гг.). Он работал с первого года пуска литейной мастерской. Был шпательщиком, вагранщиком, формовщиком, литейщиком, каменщиком. На заводе Митрофан Кононович проработал всю свою жизнь. После 1917 года, при директоре Шубове, Митрофан Кононович участвовал в Гомельском губернском съезде профсоюзов, был избран в президиум. В 1923 году был представителем Клинцовского завода на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, где показывал продукцию завода.

По примеру старшего брата в литейную мастерскую пришел мой отец, Максим Кононович (1879-1965 гг.). Первое время он был учеником. В обязанности ученика, наряду с разными мелкими поручениями, входило толочь уголь. Угольный порошок использовали для присыпки форм. При изготовлении деталей, требующих высокой точности и чистоты, например, шестерен, употреблялся уже не угольный, а графитовый порошок.

Затем Максиму доверили взвешивать шихту и загружать в вагранку согласно определенной рецептуре. Вагранка – чугуноплавильная печь высотой до трех метров, загружалась сверху. Для этого куски чугуна – «калоши» – Максим клал в подол фартука и относил на второй этаж, откуда сбрасывал в печь. Ручная загрузка печи была трудоемкой, занимала много времени. Самая большая плавка за неделю составляла 450 пудов (7,2 тонны). В течение недели шла загрузка печи, плавка металла, а в субботу проводилось литье в подготовленные в опоках формы. На литье все рабочие и техники собирались в литейном цеху.

Отец вспоминал, что через два года после его прихода на завод,

деревянный корпус сгорел. Пожар возник по недосмотру в конце субботнего дня после очередного литья. В цеху было все деревянное: стены, столы, даже опоки, в которых из специально обработанного песка готовили формы будущих деталей и в эти полости заливали металл.

Вместо сгоревшего деревянного цеха поставили кирпичный. Братья Максим и Митрофан Храмченко несколько месяцев работали каменщиками на строительстве нового корпуса. В руках у них было несколько профессий. Следует сказать, что все братья Храмченко были известными печниками.

При закладке фундамента под дизельное помещение (от модельного цеха вглубь двора) в земле обнаружили останки трех или четырех людей. Видимо, они были жертвами разбойников в те давние годы, когда вся слобода Клинцы уместалась на двух улицах: Бобылка и Евлановка, а на месте завода были болото и лес.

Отец не мог назвать год, когда пришел на чугунолитейный завод, но вспомнил, что в новом кирпичном корпусе работал, когда началась англо-бурская война на юге Африки и вся молодежь пела полюбившуюся песню «Трансвааль». Следовательно, это были годы 1899-1902.

В новом кирпичном цеху был установлен 2-тонный мостовой кран. Работа по загрузке вагранки значительно облегчилась. С помощью крана стало возможным перемещать по цеху тяжелые отливки и другие грузы. Мостовой кран проработал до 1970-х годов. Печь вагранка, на которой начинал работать отец, пережила пожар 1943 года и продолжала давать металл до 1950-х годов, то есть до реконструкции завода в послевоенные годы.

Отец вспоминал, что работа на заводе начиналась в 6 часов утра и заканчивалась в 7 часов вечера, с перерывами на завтрак с 8 до 8.30 и на обед с 12 до 12.30. Всего работали по 11 часов в день. По слесарному делу работал Александр Ломанов из Чернецкой (Ардо-ни), а по литейному – Малахов, тоже из Ардо-ни, и Яков Новиков по прозвищу Черепенька.

Заработки были следующие: формовщик Малахов – 1 рубль 35 копеек в день, Шишельник Митрофан Храмченко начинал с 60 копеек в день, через 5 лет стал получать 1 рубль в день. Формовщик и литейщик Новиков – получал 1 рубль 10 копеек в день.

Максим Храмченко быстро освоил «рецептуру» и начал работать самостоятельно: взвешивал шихту, записывал вес, загружал в вагранку несколько десятков пудов «калош», но при этом продолжал получать по 40 копеек в день как ученик. Пуд муки тогда стоил от 60-80 копеек и до рубля. Максим просил прибавку, хоть пять копеек в день, но хозяин отказал. Отец взял расчет и пошел работать печником со старшим братом, Ефремом Кононовичем.

В тот год, когда отец пришел на завод, велась отливка колонн

для пенькопрядильной фабрики Баксанта (фабрика им. Дзержинского). Баксант, чех по национальности, приобрел здания сгоревшей фабрики Зубова и строил новые цеха, для которых нужны были колонны и плиты под колонны. Выгодные заказы для завода обеспечивал также старший брат Николая Федотова – Александр, работавший у Морозова.

Для фабрики Морозова в Орехове-Зуеве Клинцовский чугунолитейный завод изготавливал скалки диаметром примерно 60х600 мм, для клинцовских фабрик – шестерни, колеса, валы, оси, для ардонских ремесленников-кадетников – втулки.

Напротив заводского корпуса, на углу Большой и Кузнечной улиц, находилось арестное помещение с решетками на окнах, которое по большей части пустовало. После решения Суражского уездного земского собрания об упразднении в Клинцах арестного помещения за убыточностью содержания, Николай Александрович Федотов откупил этот дом с большим участком земли вокруг. Дом перестроил, сделал пристройку и поселился с женой – дочерью владельца Стодольской суконной фабрики, Барышниковой Лидией Васильевной. Дом сохранился до наших дней.

На противоположном углу Большой улицы, где сейчас педучище, в угловом деревянном здании с приступками находился трактир, а в 1950-70-е годы – парикмахерская. На другом углу – Конная площадь, которая в 1901-1903 годах была превращена в Сад Вольного пожарного общества (теперь Городской сад).

42.4. Из воспоминаний А.А. Рылова

Артамон Акимович Рылов, 1895 года рождения, работал на чугунолитейном заводе с 1909 по 1912 годы. Пришел на завод 14-летним подростком. Вначале работал «мальчиком», выполнял разные работы «куда пошлют»: дергал и прямил гвозди из деревянных опок, помогал собирать трансмиссии, бегал на почту за газетой для хозяина, в пятницу топил баню. Получал 10-12 копеек в день. За чистку литья получал 30 копеек в день. Артамон Акимович вспоминал, что тогда работали 4 формовщика: Калмыков, Малахов, Андрей Яковлевич Новиков и М.С. Шмелев. Позже А.А. Рылов тоже стал формовщиком. Шишельником работал Митрофан Храмченко. Было два слесаря: Лазарев и Александр Кузьмич Ломанов (работал с 1897 года). Кузнецом работал Круглов. Позже взяли «мальчика» Сафронова. С 1912 года у токаря тоже был помощник – «мальчик», Степан Елизарович Беляев (1896 г.р.), с жалованьем 75 копеек в день.

42.5. Из воспоминаний А.А. Ломанова

Александр Александрович Ломанов, 1899 года рождения, поступил на чугунолитейный завод 15-летним подростком в 1914 году и работал до 1917 года. Сначала в его обязанности входило носить воду из колодца для питья и для охлаждения двигателя, доставлять топливо для машины, присматривать за машиной с двигателем в 6 лошадиных сил, получать корреспонденцию для хозяина, каждую пятницу топить баню, и вместе с тем была «учеба». Выходило в неделю 1,5 рубля. Зарплата высококвалифицированного рабочего составляла 32 рубля в месяц. Штрафы применялись редко. Механиком был А.П. Грачев.

В 1914 году на заводе было 15 металлообрабатывающих станков: лобовой – 1, больших трансмиссионных – 2, малых – 4, сверлильных – 2, строгальный прямой – 1 «гремуха», мессинг – 1, комбинированный с двумя бабками – 1, по дереву токарный станок – 1.

Рабочих было 15 человек и 2 ученика. Токарей было – 6, модельщиков – 2 (А. Пиляков и Суярко), литейщиков-формовщиков – 8.

В 1919 году председателем профкома избрали А.К. Ломанова. После его смерти в 1920 году председателем стал Александр Яковлевич Новиков.

Председателем райпрофсовета был Тихон Смирнов – ткач с фабрики им. Ленина. Первым директором завода в 1917 году стал техник Рабинович. Первые годы после революции была разруха, фабрики стояли, хлеба не было, работы тоже не было.

*Здание чугунолитейного завода Н. Федотова.
Фото 1960-х годов*

42.6. Воспоминания А.Я. Соловьева

Александр Яковлевич Соловьев, 1881 года рождения. Окончил ремесленное училище в Клинцах в 1895 году (2-й выпуск). Работал у Федотовых техником. Рассказывал, что чугунолитейный завод основали братья Федотовы: Николай, Александр и Виктор. Их отец работал бухгалтером и кассиром у клинцовского фабриканта Сапожкова. Николай Александрович был женат на дочери клинцовского фабриканта Барышникова, Лидии Васильевне. За нее было дано приданое несколько тысяч рублей. На создание завода пошли семейные накопления Федотовых и деньги за приданое. В паях были также братья Александр Александрович и Виктор Александрович Федотовы. Александр уже в Клинцах не жил в то время. После окончания высшего технического училища он работал в Орехове-Зуеве на предприятии Морозова, но помогал брату налаживать производство, обеспечивая чугунолитейный завод заказами из Орехова-Зуева. Вначале был выстроен чугунолитейный цех. Оборудование было хорошее: двигатель «Горм Сби» (на 6 л.с.), один – для трансмиссии, другой – для литейного производства, лобовой станок, три токарных станка.

Главным образом, производилось чугунное литье. В 1904 году на завод прибыл техник Грачев Александр Павлович. Он делал чертежи для моделей, проверял качество изготовления моделей, как делались отливки, составлял сметы на работы, распределял работу между рабочими, проверял ее исполнение, учил рабочих и мастеров новым приемам отливки деталей. После техника А.П. Грачева техником стал П. Лендриховский. На заводе было два литейщика: Малахов и Калмыков, из орехово-зуевских рабочих. Был также Молчанов. К 1905 году на заводе было до 25 человек вместе с рабочими. В литье принимали участие все рабочие и технический персонал. Посмотреть на литье приходили и дочери Николая Федотова, барышни были любознательными. Одна из них стала инженером-конструктором.

Завод выполнял заказы на литье шкивов, приводных валов, кронштейнов, муфт. Литье поначалу велось по моделям завода Иона (Лодзь). В литье тогда придерживались Ионовских размеров. И все трансмиссионное оборудование на клинцовских фабриках было с завода Иона. Николай Федотов побывал в технической конторе Иона.

Большие связи Александра Александровича, грамотное ведение производства позволило Федотовым в 1900 году за свою продукцию получить на Парижской выставке серебряную медаль.

После пожара на Ловьяновской картоно-бумажной фабрике в Сураже все заказы на изготовление колонн, подставок и других деталей были отданы Федотовым.

По данным, взятым из справочников Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов, Клинцовский чугунолитейный завод в 1903 году изготавливал приводы и части к ним, машины суконного и спичечного производства, разное чугунное литье, памятники и медное литье. На 1903 год годовая производительность составляла 25 700 рублей. Переработка в год чугуна — 13 500 пудов, железа — 1 600 пудов. Число рабочих — от 27 до 36 человек (см. «Список фабрик и заводов Европейской России». СПб., 1903, с. 335).

«В 1909 году «Федотов Н.А. и К°, торговый дом» — чугунолитейный и механический завод. Адрес: посад Клинцы, ул. Большая и Кузнечная. Вырабатывает разное литье, машинные части, станки для обработки волокнистых веществ и прочее. Имеет двигатель нефтяной. Рабочих — 24 человека. Годовая производительность 24 246 рублей» («Список фабрик и заводов российской империи». Составитель В.Е. Варзар. С-Петербург. 1912 г. С. 265).

В 1917 году на чугунолитейном заводе Н.А. Федотова было занято 27–30 человек, станков токарных и по металлу было 7.

В 1919 году, в соответствии с постановлением Черниговского губернского от 4 февраля, в посаде Клинцы 8 марта 1919 года были национализированы фабрики и заводы.

Наименование и подчиненность завода по периодам

— 1896-1905 гг. — п. Клинцы, Чугунолитейный и механический завод. Федотов Н.А. и К°. Число рабочих 28-36 человек.

— 1905-1907 гг. — п. Клинцы, Чугуномеднолитейный и механический завод. Федотов Н.А. и К°. Число рабочих 27-36 человек.

— 1922 г. — г. Клинцы, РСФСР, Гомельской губернии, 6-й чугунолитейный и механический отдел металлов Гомельского губсовнархоза. «Чугунолитейный механико-ремонтный завод клинцовских текстильных фабрик».

— 31 октября 1922 года — «Чугунолитейный подсобный завод» постановлением объединенного заседания Правления клинцовских суконных фабрик и губернского правления «Текстильсоюза», в ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции получил имя М.И. Калинина.

— С 20 июля 1923 года — «Клинцовский чугунолитейный завод им. Калинина».

— В 1927 году — «Клинцовский чугунолитейный завод им. Калинина Клинцовского текстильного треста (Клинцовский подрайком ВСРМ)».

— 1939 год — Механический завод им. Калинина. Народный Комиссариат Легкой Промышленности (НКЛП). Главное управление машинодетальстроения («Главмашдеталь»).

Клинцовский летописец

– В 1943 году – Механический завод им. Калинина Наркомата боеприпасов.

– В 1944 году – Механический завод им. Калинина Клинцовского суконного треста Наркомтекстиль СССР, «Главшерсть».

– С 1959 г. – Клинцовский завод текстильного машиностроения им. Калинина Совнархоза Брянского экономического административного района управления машиностроительной и металлургической промышленности.

– Со второго полугодия 1963 года – Клинцовский завод текстильного машиностроения им. Калинина совнархоза Приокского экономического района управления тяжелого и транспортного машиностроения.

– С 1965 года – «Завод текстильного машиностроения им. Калинина» (Текмаш). Отнесен к Министерству машиностроения для легкой, пищевой промышленности и бытовых приборов.

– В начале 1990-х годов «Клинцовский завод текстильного машиностроения». Относился к производственному объединению «Орелтекмаш» Министерства легкой и пищевой промышленности СССР.

– В 1994 году отнесен к Министерству машиностроения.

Директора завода

До 1919 г. – Федотов Николай Александрович.

1919 г. – март 1920 г. – Михайлов Филипп Иванович – первый красный директор, из рабочих.

С марта 1920 г. – Рабинович Давид.

1922 г. – Грачев Александр Павлович, бывший техник-механик.

1922 г. – Федоренко С.В.

1923 –1924 гг. – Шубов Ю.Я.

1925 –1926 гг. – Буданков Артем Викулович.

С 15.07.1926 г. – Нейман Н.С.

1928 г. – Мешков Сергей.

1931 г. – Адлер Цадик Абрамович.

... – Гаевский.

1936 г. – Воробьев Павел Александрович.

1938 г. – Савостьянов Николай Игнатьевич.

1941 г. – Иванчиков Петр Никитич.

1943 г. (сентябрь-ноябрь) – Подвойский Афанасий Георгиевич.

1943 – 1945 гг. – Иванчиков Петр Никитич.

1945 – 1965 гг. – Быховский Виктор Израйлевич.

1965 – 1967 гг. – Шевцов Евгений Владимирович.

1968 – 1982 гг. – Лаптев Дмитрий Кириллович.

1982 – 1990 гг. – Жмурин Василий Андреевич.

1991 г. – Скиба Алексей Васильевич.

В 1923 году в январе месяце произошло слияние объединений «Клинцыпенька» и клинцовского «Сукнотреста» в «Клинцовский текстильный трест». В новое объединение вошли фабрики: Стодольская (им. Ленина), Глуховская (им. Зиновьева), Троицкая (им. Октябрьской революции), кожзавод «Красный Гигант», Зубовская пенькопрядильная шпагатная фабрика (им. Льва Троцкого), чугунолитейный механический завод (им. Калинина), кирпичный завод «Скачок», торфоразработки «Скачок» и «Оболешево», лесопильный завод с мельницей.

Но до 1926 года мощность завода не выросла. С 1927 года завод начинает осваивать машиностроительное производство. В 1926-27 хозяйственном году заводом было выпущено чугунного литья 272547 кг. На 1 октября 1927 года на заводе работали 141 человек. Построена новая кузница и машинное отделение, капитально отремонтирован и установлен дизель, устроена медеплавильная печь, выделена обрубочная, сделано железобетонное перекрытие в механической мастерской, построен склад для материалов и моделей, новая сушилка для опок, установлены болторезный и строгальный станки по дереву, универсально-фрезерный станок и устроена воздушная линия. Всего на заводе токарных станков – 16, строгальных по металлу – 4, сверлильных – 4, токарных по дереву – 2, перестроена вагранка, ее производительность поднята до 120 пудов чугуна в час, установлено 2 крана. В 1927 году завод выпустил 8 цилиндровальных машин («За 10 лет». Клинцы. 1927 г. С. 7).

Далее пойдут мои воспоминания.

43. «Мозг» предприятия

После окончания Клинцовского текстильного техникума, в 1936 году, я поступил на завод имени Калинина.

Директором завода в то время был Павел Александрович Воробьев, а после – Николай Игнатьевич Савостьянов. Техноруком (главным инженером) – Иосиф Исаакович Фукс. До него с 1926 по 1929 годы техноруком предприятия был Август Карлович Энгблум, швед по национальности. Секретарем партбюро в 1936 году был Николай Ключев, председателем заводского комитета – Алексей Елизарович Беляев.

Меня и еще нескольких выпускников техникума приняли сразу в конструкторский отдел (тогда он назывался техническим). Необходимо было готовить большое количество чертежей для внедряемых в производство машин и деталей, чем мы и занимались, рабо-

тая копировщиками. Мы переводили чертежи на прозрачную кальку, а затем с кальки делали копии. Я страстно любил чертежное дело, мечтал о конструкторской работе, и вот мечта моя начала сбываться. Я брался за любое поручение и старался сделать его безупречно. Через 8 дней меня перевели работать чертежником. Спустя время, когда я уже работал чертежником и переводил аппаратуру на шарикоподшипники, вдруг получаю лестный отзыв от своего двоюродного деда по матери, Георгия Лукича Железникова, который тоже работал на заводе им. Калинина. Встречает он меня и говорит: «Чертежи Ваши я видел, понимаете, там допуски, присадки, грамотно все, молодец!». Мне, тогда еще мальчишке, доброе слово было лучшей оценкой и весомой моральной поддержкой.

Освоение ткацких станков системы «Швабе» в то время как раз начинало становиться на прочную техническую основу. Нужны были дополнительно грамотные специалисты: чертежники, конструкторы, инженеры.

Технический отдел возглавлял инженер Попов. Начальником конструкторского отдела был инженер Алексей Васильевич Березин, сибиряк, выпускник Новосибирского института. У него к этому времени были крупные изобретения, патенты. Этот человек сыграл решающую роль в моем становлении как будущего конструктора по оснастке. Заметив во мне тягу к конструкторской работе, он взял личную опеку надо мной. Березин был сильным конструктором. Я удивлялся, как в поисках решения любой конструкторской задачи у него возникало несколько вариантов решений, из которых он выбирал наиболее удачный. Идеи и проекты рождались в его голове ежедневно. Он не успевал переносить свои идеи на бумагу, поэтому очень нуждался в грамотных помощниках. Его метод воспитания молодого специалиста состоял в следующем: бывало, у себя дома вечером Березин набросает сборочный чертеж оснастки, а утром приносит его на работу и поручает мне доработать эту сборку и раздетализовать. Через несколько дней – новое задание. В общем, приучал меня мыслить по-конструкторски. Такая самостоятельная работа сразу вовлекала в творческий процесс и заставляла учиться. Диапазон интересов конструктора был широким. С легкой руки Березина, я уже в первый год познакомился с машинами системы «Кургис», «Растонгайнер», «Швабе». А.В. Березин был необыкновенным человеком. Вокруг него всегда царил веселье, творческий задор. Он все делал весело, увлеченно, заражая окружающих творческой радостью. Вскоре Березин уехал из Клинцов. Как сложилась дальнейшая судьба этого незаурядного человека, выяснить не удалось.

В техническом отделе было несколько конструкторских групп. Я входил в небольшую конструкторскую группу, которую возглавлял Николай Лебедев.

К этому времени завод освоил выпуск небольших партий раз-

личных машин для первичной обработки пеньки и других растительных волокон. Выпускали декортикаторы (мяльные аппараты), машины для резки опоек, челночные коробки. До 1935 года завод выпускал одночелночные и двухчелночные ткацкие станки системы «Швабе», а с 1935 года стали переходить на изготовление многочелночных станков, которые резко повышали производительность труда. Чертежи деталей и сборочные чертежи, по которым завод изготавливал станки, выполнялись Всесоюзной проектной конторой «Проектмашдеталь».

В конструкторском отделе было заведено правило: проверять все поступающие извне чертежи как на изготовление запасных частей, так и машин. Чертежи мы пропускали, как сквозь фильтр, своевременно улавливая все ошибки и неувязки, которых было много. Небольшие ошибки в чертежах исправлялись на месте. В особенно серьезных случаях чертежи отсылались по почте с нашими пометками неувязок, или же приходилось вызывать представителей из «Проектмашдетали». Такая профилактика была весьма трудоемкой, но вполне оправданной, поскольку предотвращала выпуск заведомо бракованной продукции.

Опыт доработки чертежей этих машин пригодился конструкторам, когда мы приступили к работе над многочелночным станком системы «Швабе». Это был сложный ткацкий станок, почти полный автомат. Ставилась задача, скопировав и усовершенствовав его в узлах и деталях, наладить серийный выпуск. Наша конструкторская группа начала проектирование оснастки для изготовления наиболее сложных в обработке деталей ткацкого станка, то есть было положено начало перехода от кустарных методов на более технологичные методы изготовления станков серийного производства. Я занимался созданием челночной коробки. В общей сложности было создано челночных коробок разных систем до ста видов.

При получении чертежей на освоение той или иной машины назначался по этой машине ведущий конструктор, который начинал с того, что подробно изучал чертежи и основательно проверял сборочные и детализировку. Таким образом конструктор становился полностью в курсе дела и мог решать все вопросы, с которыми обращались к нему цеховики. Такова была тогда роль конструкторского отдела завода.

Производство ткацких станков системы «Швабе» было налажено, и в течение второй пятилетки, наряду с одночелночными, было выпущено несколько сот многочелночных станков. Станки отправлялись как на клинцовские суконные фабрики, так и на подмосковные. Некоторое количество станков шло на экспорт в Монголию и Турцию. Отношения с Турцией были настолько теплыми, что из политических соображений были приостановлены постановки оперы «Запорожец за Дунаем».

В эти же годы наладили производство машины для первичной

Клинцовский летописец

обработки пеньки и других растительных волокон, например, декортикатор «Рами», бильных машин для трепания пеньки, делали стружечный пресс, швинг-турбины системы Моисеева и Петушкова, челночные коробки системы «Швабе». Помню, что швинг-турбина оказалась настолько крупногабаритной, что возникли трудности при транспортировке ее по железной дороге. Да и пенькомьяльные машины достигали 12 метров длины. В 1938 году был освоен выпуск кареток Годсона и Ноуэлса, поршневых прессов для утиля, трепальных машин М-2, машин для резки опоек и для резки сукна.

Производственное обучение молодых рабочих проводилось в «ста-

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
„ Г Л А В Ш Е Р С Т Ь “

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД № 4 им. КАЛИНИНА

г. КЛИНЦЫ, ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Конструктор ХРАМЧЕНКО П. М.

„ “ 193 г.

Личный бланк конструктора Храмченко П. М.

хановской школе», которая располагалась в небольшом деревянном доме, где теперь новый литейный цех. Меня назначили обучать молодых рабочих чтению машиностроительных чертежей. Я ввел в практику самостоятельное составление эскизов по несложным деталям, которые раздавал каждому. Молодые рабочие восприняли это с интересом, увлеченно, с жадностью впитывали новые знания, посещаемость была исключительно высокой и поэтому преподавать было интересно и приятно.

Забегая вперед, хочу отметить, что в послевоенные годы, помимо основной работы, я вел преподавание ученикам слесарей и токарей. Теперь это обучение называется «техминимум» по чтению чертежей, знанию измерительного инструмента, а также по штамповочному делу и прессовке пластмасс. Так вот до 1960-х годов молодые рабочие старательно и с большой охотой осваивали тонкости профессии. Повторяю, таким людям преподавать, уделять внимание, не жалея личного времени, было приятно. Но потом появилось новое поколение, для которого рабочая профессия стала неинтересной, да и сама работа перестала быть потребностью, а превратилась скорей в наказание. Все дело, видимо, было в низкой оплате труда рабочего. Молодежь искала более высокооплачиваемую работу.

В предвоенный период, примерно в 1939 или в 1940 году, когда

накалилась международная обстановка, наш завод получил в виде добавочной нагрузки к обычному плану военные заказы. Например, составные механические колодки из алюминия для производства валенок для военнослужащих. Эта работа велась не засекречено, а в обычном порядке. Но главным военным заказом для завода было освоение и производство корпусов для снарядов 45-миллиметрового калибра. Для этого был оборудован отдельный цех № 2, строго засекреченный. Цех разместился в цокольном помещении углового кирпичного корпуса по Большой улице, где сейчас модельный склад. Для цеха было получено специальное оборудование, в основном, мощные револьверные станки. Освоением этой продукции руководил лично главный инженер завода Петр Владимирович Миронич. Он был командирован Главкомом, а до этого работал в Москве главным инженером «Проектмашдеталь». Освоением военного производства занимался также Артем Григорьевич Кузьмин. Кроме того, для ускорения освоения производства часто приезжали на длительный срок из Москвы главный механик Главка Юрий Иванович Шурупов и начальник спецотдела Главка Жохов. Это были очень энергичные, волевые люди, которые как шефы оказывали большую помощь, а при необходимости устраивали хорошие «головомойки». Начальником цеха был назначен инженер Евгений Сеченов, начальником ОТК – Геннадий Карташев. Оба из Брянска. Старшим мастером был назначен Кузьма Иванович Степунин. Меня назначили конструктором цеха.

Освоение спецпродукции велось в чрезвычайно напряженных условиях, в очень сжатые сроки. С работы уходили около полуночи. Участники освоения даже брились редко, было не до того. Но в конечном итоге цех освоил продукцию с успехом и в срок. В цехе была хорошо поставлена рационализаторская работа. Этому способствовало, как всегда, ограниченное количество инструмента и необходимых материалов.

В предвоенные годы завод потерял много специалистов и грамотных рабочих. Репрессирован был Карклин – начальник литейного цеха, в 1936 году пришел и вскоре был арестован директор завода Павел Александрович Воробьев. Он вернулся живой, как-то сумел доказать свою невиновность, но очень больным человеком. Концлагерь – не санаторий. В 1937 году на заводе имени Калинина НКВД «обнаружил», как писала Клинцовская газета «Труд» от 21 октября 1937 года, «шайку врагов народа», они «долго орудовали, запутывали чертежи, расценки», в результате «на заводе скопилось много готовой продукции». Врагами народа объявили честных тружеников Абкина, Полуботко и Шустера. Всех их тут же арестовали.

Обстановка в городе в те годы была очень тревожная, люди исчезали ежедневно, не только рабочие и техники, но и служащие

Клинцовский летописец

городских учреждений. В цехах и на предприятиях коммунистами из парткома завода проводились собрания, на которых только и говорили о вредительстве. Ораторы из «народа» выходили на трибуну и по складам, спотыкаясь и заикаясь, читали подготовленные для них тексты выступлений, в которых они, с трудом выговаривая технические термины, осуждали инженеров в их «малограмотности» и уличали «во вредительстве». Это позорное зрелище внушало ужас и страх. После «справедливой» критики «народа» следовал арест. Не осталось на заводе ни одного цеха или отдела, где бы ни были обнаружены «скрытые враги народа». Было очевидно, что НКВД старательно выполняет «план» по уничтожению людей. Но понимая, что указания приходят «сверху», охватывал животный страх – следующим «по плану» партии мог оказаться Ты.

То же происходило за пределами завода, в городе. Вот образец «классовой бдительности», которую воспитывали в каждом руководителе предприятия или учебного заведения. В Клинцовской газете «Труд» № 61 за 15 марта 1936 года в статье «Дела шерстяного техникума» рассказано, как и за что исключили из техникума двух студентов. 28 октября 1936 года директором техникума издается приказ, в котором было написано: «Студент четвертого курса Белоус Аркадий Алексеевич и его сестра Белоус Любовь оказались классово чуждыми нам людьми (дети дьякона), скрывавшими свое социальное происхождение. По ложным документам пробрались в техникум и получали стипендию. Их отец Белоус Алексей, являясь дьяконом, занимался контрреволюцией, агитацией против мероприятий советской власти, а в 1930 году за контрреволюцию семья подверглась аресту бывшими органами ОГПУ. Являясь сту-

*Памятник И. В. Сталину
у Дома Советов. Фото 1939 г.*

дентом, Белоус Аркадий систематически занимался подрывом трудовой дисциплины. Белоус Аркадия и его сестру Любовь исключить из числа студентов шерстяного техникума. Директор техникума Немчинов». Как оказалось, директора проверяли на бдительность органы НКВД, подбросив ему анонимную фальшивку. В этом отношении он оказался «на высоте», меры самозащиты принял сразу. Алексей Белоус, отец двух студентов, на самом деле был сапожником в Ущерпье, имел 2 га арендной земли, служил в Красной Армии и умер от тифа еще в 1920 году. Когда выяснилась правда о «дьяконе», учительский коллектив, запуганный методами «классовой борьбы» против скрытых, а на самом деле выдуманных врагов, в течение года не восстанавливал брата и сестру Белоус в техникуме. Страх «потерять бдительность» — это был животный страх за свою жизнь. Это нужно осознать, чтобы понимать, в какой гнетущей атмосфере жили тогда люди.

В городе во всю шли аресты. Были арестованы работники районного земельного отдела Снежко и Валюженич, председатель райисполкома Спругге, председатель планового отдела Гачко, арестованы Баранов, Малков — это тот человек, кто раздобыл в Москве брусчатку и замостил на Большой улице участок дороги от входа в Петропавловскую церковь до Дома Советов. Арестованы были директор Клинцторга Фроленков, Макар Фаддеич Маринич из Текстильного техникума. Арестовали Григория Степановича Татарина — прораба, строившего общежитие Текстильного техникума.

Инженер Стодольской фабрики Ян Скакал держал голубятню. Его обвинили в том, что поддерживал связь с польской разведкой с помощью почтовых голубей. Яна Скакала арестовали и расстреляли.

В 1939 году в Клинцах поселились беженцы из Польши. Им предоставили общежитие и работу. С одним из них я познакомился, это был Ефим Мак, еврей, ткач из Лодзи. Его в числе поляков-беженцев тоже арестовали и сослали на 10 лет.

Я называю людей, которых я знал. Но еще больше было арестовано малознакомых и просто незнакомых мне людей. Их были сотни, если не тысячи. Были арестованы педагоги, инженеры, рабочие, священники всех православных церквей города и района. Люди исчезали и не возвращались. Руководил в те годы Клинцовским НКВД некий Пономарев, одним из следователей был Казанский, сотрудником был Шубин и другие. Но некоторые арестованные освобождались, были такие исключения, взамен их арестовывали других людей. Например, арестовали заведующего районным финансовым отделом Исаака Моисеевича Жарковского и его помощника Словика, арестовали врачей Красовицкого и Подберезина. Все они вскоре были выпущены. Счастливо избежали ареста раввины синагог. Кто-то успел предупредить их о предстоящих арестах, и они уехали из города.

Мой товарищ по работе, конструктор Николай Чередников, рассказывал, что его замучили частыми вызовами в НКВД. Какие вопросы ему задавали, он не говорил. Но одно то, что он сын священника Ивана Чередникова, что отец его в 1910-х годах бывал на собраниях клинцовского отделения Союза Русского Народа, что его сестру и ее мужа репрессировали в 1937 году в Клинцах – все это могло в один час превратить доброго и бескорыстного человека во «врага народа».

Возвращаясь к рассказу о заводе, скажу, что после Воробьева директором завода стал Савостьянов, а перед самой войной директором стал Петр Никитич Иванчиков. Он был практиком, работал на Клинцовской ТЭЦ, образования высшего не имел, но как организатор производственного процесса был на своем месте.

44. Заводская художественная самодеятельность

В 1936-1940-е годы художественная самодеятельность пользовалась большим успехом среди рабочих. Клуб завода был в деревянном здании рядом с конторой. На том месте теперь стоит двухэтажное здание заводоуправления. Это деревянное здание, по моим предположениям, принадлежало Федотовым – родителям компаньонов и основателей чугунолитейного завода. В клубе были постоянно действующие кружки: хоровой, драматический и духовой. Во время выступления коллектива самодеятельности клуб всегда был переполнен рабочими. Я как большой любитель пения организовал квартет, куда вошли: я, Павел Храмченко – тенор, мой отец, Максим Кононович Храмченко – второй тенор, моя сестра, Таисия Максимовна – сопрано и Василий Евдокимович Гончаров – бас. Он был родом из села Рожны, а работал рабочим обрубного отделения литейного цеха.

Спевки проводились у меня дома. Разучивали по большей части украинские народные песни, например, «Добрый вечер, дивчина, куда идешь», «Дощик» и другие. Хором пели песни в унисон – «в один голос», а наш квартет, благодаря четырехголосию, звучал богато, проникновенно и поэтому имел у слушателей успех.

Наш завод тогда шефствовал над жителями села Лопатни. Наряду с технической помощью в виде ремонта сельскохозяйственной техники велась культурная шефская работа. Коллектив заводской художественной самодеятельности часто выезжал в село. В те времена не было дорог с твердым покрытием, да и машины были слабосильные. Едем в кузове на слабенькой «полуторке», никакой защиты от холодного ветра или дождя. Машина поминутно застревает в снегу. Выпрыгиваем из кузова, всей гурьбой выталкиваем

машину из сугроба. Через сто-двести метров все повторяется снова. За дорогу намерзнемся. Но зато потом, как выступим в сельском клубе перед колхозниками, а для них тогда выступление «артистов» было в диковинку, они так тепло и душевно нас благодарят, что на обратном пути мы и холода не чувствуем. Особенно нравились крестьянам-колхозникам украинские песни, за их мелодичность и задушевность.

Председателем заводского комитета в тот период был Алексей Елизарович Беляев, секретарем партбюро — товарищ Ключев. Оба много внимания уделяли художественной самодеятельности. Они часто присутствовали на наших концертах.

45. Годы оккупации

В 1941 году часть станков завода им. Калинина была эвакуирована в Кузнецк. Я в это время тяжело переболел воспалением легких и плевритом. Не мог без одышки пройти нескольких шагов. Болезнь послужила причиной того, что меня, конструктора, не взяли в Кузнецк, и я остался в оккупированном городе. В трудовой книжке записали: «Уволен в связи с переездом завода 30 июля 1941 года».

Эвакуация города проводилась спешно, так как прорыв фронта под Смоленском и Брянском был неожиданным. В первую очередь эвакуировались семьи партийных и советских работников. Вместе с ними уезжали семьи евреев. Старики не верили, что немцы убивают евреев. Они вспоминали, что в 1918 году, во время оккупации города, немцы даже не допускали погромов со стороны гайдамаков, умалчивая, что тогда еврейская община уплатила оккупантам большую сумму собранных денег, чтобы те не допускали погромов. В 1941 году все находились в неведении о своем будущем. Поэтому из города уезжала, в основном, еврейская молодежь. Стариков оставляли сторожить дома и имущество.

Руководство швейной фабрики «Дер-Эмес» бежало, прихватив месячную зарплату рабочих фабрики. Моя жена, Полина, работала на швейной фабрике и была среди тех, кто остался без заработанных денег. После войны руководство фабрики благополучно вернулось в город, и никто не наказал их за такой поступок. Нам же, оставшимся в Клинцах, дорог был каждый рубль, каждая копейка, поскольку советские деньги в годы оккупации оставались в обращении и имели некоторую покупательную ценность. По воспоминаниям клинчан, также поступило руководство на многих предприятиях города.

Дня за три до вступления немецких частей Клинцовский партизанский отряд на виду у всего города вышел на тачанках с пулеметами в направлении деревни Тулуковщина. Город был оставлен без

боя. Ни одно предприятие не было взорвано. Запасы сырья на фабричных дворах не были уничтожены.

Годы войны – это еще одна страница полугодной жизни, полной опасности, жизнь на грани смерти.

За три дня до прихода немцев в городе наступило безвластие. Работники горкома партии и органов местной власти уже ушли. Никто не выходил на работу, фабрики и заводы остановились. Люди занялись самообеспечением. Склады были полны товаров и продуктов. Люди, кто в руках, кто на тележках, развозили и разносили по домам соль, сахар, промтовары. Вмиг склады и прилавки магазинов опустели. Это помогло многим горожанам пережить голодные годы оккупации.

Оккупанты пришли в Клинцы 20 августа 1941 года со стороны Бьюнки. Сначала по городу промчались мотоциклисты-разведчики. Среди них было несколько человек – бывших жителей города.

Заняв город, оккупанты, прежде всего, потребовали через газету и настенные объявления, чтобы население сдало радиоприемники, печатные машинки и оружие. Среди первых приказов было требование ко всем работоспособным жителям выйти на свои рабочие места, на фабрики и в учреждения, а остальным гражданам в возрасте от 16 до 60 лет зарегистрироваться на бирже труда. Через несколько месяцев биржа брала на учет молодежь уже с 14 лет.

Биржа находилась по улице Парижской коммуны, в большом деревянном здании, в котором прежде жила семья фабриканта Гусева. Здание сохранилось до сих пор. Оно находится рядом с банком, напротив дома РЖСКТ. В нем, сколько помню, был детский сад. Работниками биржи были жители города. При регистрации в документах (в метрике или в паспорте) ставился штамп биржи. Зарегистрировавшись, я долго избегал трудоустроиваться, пока мне не пригрозили, что я буду взят охранником на фабрику. А это «собачья» работа. К охранникам времен оккупации относились с презрением и ненавистью.

Уже через неделю-другую в городе заработали все фабрики. Рабочий день на фабриках начинался в 6 часов утра. Для этого было изменено время комендантского часа. На фабричных складах остались неуничтоженными большие запасы сырья. Во дворах фабрик стояли скирды шерсти, метров по 20 длиной, укрытые брезентом. Работа в ткацких цехах велась в две смены. Запасы шерсти таяли, начались поставки шерсти из Германии.

Сестры Разумеевы, Татьяна Васильевна и Тамара Васильевна, работали на Троицкой фабрике с первых дней оккупации. Хозяин фабрики – немец, директор – русский. Порядок был строгий. Работали по 12 часов с перерывом на обед – 15 минут. За это время успевали дойти из цеха до столовой и поесть. Еда, первое и второе, уже была разложена по тарелкам и стояла на столе. Для каждого

цеха перерыв был сдвинут на 15 минут. Охранники на проходной следили, чтобы с фабрики ничего не выносили. Но о проверках с обыском заранее становилось известно от тех же охранников, поэтому все обходилось благополучно. Когда верующие стали восстанавливать церкви и обратились к директору оказать помощь, то был выписан лоскут, а выданы куски ткани. За два года работы на фабрике не было ни одного случая диверсии.

Моя соседка, Евдокия Киреенко, работала на Стодольской фабрике чернорабочей при кухне. Фабрика работала в две смены. Все рабочие были обеспечены пропусками на время комендантского часа. На фабрике работало много рабочих из воинов-окруженцев. Они жили на квартирах, но состояли на особом учете как военнопленные. Добрым словом вспоминала Евдокия Петровна мастера Малеванкина за его добросердечность, честность и заботу о людях. После войны Максим Малеванкин стал священником старообрядческой церкви.

Контроль над заводом им. Калинина был установлен немцами в первые же дни оккупации. Несколько месяцев рабочие собирали оборудование со всех предприятий города, и только в апреле 1942 года завод начал работать.

Оккупанты обустроивались надолго. Были открыты школы, кинотеатры, местный театр, танцплощадки в парке, в клубах, радиостудия, местная газета под названием «Новый путь». Верующим было разрешено восстанавливать церкви и открыто проводить богослужение. В городе были переименованы многие улицы. Улицам вернули их старинные названия. Были открыты курсы немецкого языка. Е. Котова открыла курсы кройки и шитья, где работали учителя Дорофеев, Прянишников, Н.П. Щедрина, Бабич. Жителям города, рабочим фабрик было разрешено вернуть землю в пригороде, отнятую у них в годы раскулачивания, рабочим выдавали хлебный паек – 200 граммов. Инвалидам первой и второй групп через больничную кассу выдавали паек 300 г хлеба. Пропагандисты от оккупационных властей подчеркивали, что паек для работающих на 25 граммов больше, а для инвалидов – на 150 граммов больше, чем был при Сталине. Но от этого жизнь не становилась ни сытней, ни спокойней. А после первого поражения под Москвой, уже в феврале 1942 года, заигрывать с населением оккупанты перестали, пайки иждивенцам и инвалидам отменили. В большом недостатке были все продукты первой необходимости: соль, сахар, хлеб, мясо, масло. Цены на рынке были такими высокими, что за стакан соли рабочему нужно было отдать всю месячную зарплату.

Через биржу труда я поступил работать на предприятие «Штамп» – на Острове. После войны – это метизный завод им. Кирова.

Островом в Клинцах называли высокий холм между Пожней и руслом реки Туросна. Название такое возникло потому, что во вре-

мя весеннего половодья его со всех сторон окружала вода. В такие дни на Остров добирались на лодках. А улицу, бывшую продолжением улицы Клинцовой, которая вела на Остров, называли Островская, с ударением на первый слог. За Островом река была запружена, и образовавшееся водохранилище называлось Горковским озером. На Острове и частично за Горковским озером с XIX века гнездились мелкие клинцовские предприятия. Здесь были фабричные заведения Кубарева, Иванова, Кондратьева, Конторова.

На предприятии «Штамп» рядовым рабочим я проработал до 1943 года, вытачивал болты, сбивал сани и телеги для армейских обозов.

Оккупанты заняли все крупные общественные здания. В Доме Советов, в крыле, выходящем на Большую улицу, был спецотдел, а в крыле здания по ул. Писаревка (проспект Ленина) – госпиталь. Над парадным крыльцом Дома Советов укрепили громадный портрет Гитлера, а внизу перед ступенями продолжал стоять, поставленный в 1936 или 1937 году, памятник Сталину, но весь разбитый. На балконе под портретом Гитлера духовой оркестр играл произведения Вагнера, чередуя их бравурными маршами.

К весне 1942 года во многих крупных зданиях оккупанты разместили тыловые госпитали. В зданиях городских больниц тоже разместили госпитали. Медицинскую помощь гражданскому населению в случае острого хирургического заболевания оказывали немецкие врачи. А от других болезней население выздоравливало одними молитвами. Под госпитали были приспособлены помещения 1-ой средней школы, ремесленного училища, пенькового техникума, Стодольской школы. Клинцы стал глубокой тыловой базой фронта. В госпиталях находились раненые с длительными сроками лечения.

В здании общежития техникума, на углу улицы Писаревка (проспект Ленина) и улицы Петропавловской (ул. Кюстендилская), было гестапо. В здании ремесленного училища, по Писаревке (пр. Ленина), в 1942 году было общежитие офицерского состава, затем – госпиталь. В жилом здании, построенном до войны для военнослужащих, по улице Ковалевка (ул. Карла Маркса), была орскомендатура, а в здании на углу улиц Большой и Ковалевка (ул. Карла Маркса), в котором до войны был Дом народного творчества, пытали людей. Немецкие части стояли в помещении текстильного техникума. На Красной улице был «бордель». Местный полицейский участок находился в здании милиции по Большой улице, справа от ворот на цвинтер Петропавловской церкви. Из домов текстильщиков, что по ул. Писаревка (пр. Ленина) и Кронштадтская, а также из Дома рабочих, что напротив бывшей женской гимназии, и домов РЖСКТ жителей не выселяли. Дома эти были заселены менее чем на половину, и туда периодически подселялись не-

большие группы оккупантов. Когда в Клинцах был наплыв войск, оккупанты квартировали в домах жителей. Среди оккупантов попадались разные люди. Были и такие, кто подкармливал хозяев дома, а, уходя на фронт, оставлял немного соли, консервы. Были и такие, кто издевался над людьми.

Во дворе позади городской бани на Филатьевом переулке (ул. Льва Толстого) одно время находились ремонтные мастерские, где немцы ремонтировали танки.

В городе с первых дней оккупации работал театр, ставились постановки русских классиков: Островского, Гоголя. Шла также постановка «Потонувший колокол». Летом 1942 года в Клинцах гастролировала труппа Белорусского театра. В Летнем театре Городского сада они сыграли пьесу «Каин и Авель». Примечательно, что в 1942 оккупанты разрешили жителям города выразить свои патриотические чувства по отношению к великому поэту А.С. Пушкину, и в городском саду им. Воровского был установлен бюст поэта, который стоит там и поныне.

Городская управа во главе с бургомистром и все подотделы размещены были в здании женской гимназии. Жилотдел открыл мелкие мастерские: столярные, жестяные для обеспечения текущего ремонта зданий и квартир. В здании женской гимназии находился бургомистр города Г. Грецки. Престарелый бургомистр вскоре умер и был погребен возле южной стены Петропавловской церкви. После Грецки бургомистром стал П.К. Рево. В местную полицию пошли работать Владимир Тихомиров, Николай Руденко, Алексей Рубановский, Андрей Куратов, Евгений Поддубный, Третьяков, Корейша и другие. На Михайловской улице, недалеко от нашего дома, жила временно семья Острика. Глава семейства служил старшим приставом в Лопотнях. Как вели себя такие люди по отношению к жителям? Некоторые говорили, что Г. Грецки, человек преклонного возраста, стал бургомистром, чтобы это место не занял человек жестокий и властолюбивый. О бургомистре П. Рево говорили, что он пытался смягчить репрессии оккупантов к жителям города. Не могу сказать того, чего не знаю, но свидетельствую, что городские полицейские в своих участках часто предупреждали жителей о готовящейся облаве на молодежь. Кто-то из полицейских был связан с партизанами. Кто-то пошел служить искренне, кого-то заставили. За давностью лет и отсутствием документов судить о поступках этих людей трудно.

Мой скудный заработок, который выдавался то марками, то советскими рублями, не давал возможности прокормить семью. Жили впроголодь. Выручала приусадебная земля и подработки. Всегда в трудные времена нас с отцом кормила профессия печника.

В первые месяцы оккупанты зверствовали в отношении семей советских и партийных работников. Этим людям искали и расстре-

ливали. Сколько было расстреляно в первые недели оккупации, неизвестно. Затем взялись за цыган и за евреев. Цыган в городе было мало, их переловили в один день. А сирийцев, поселившихся в Клинцах в 1930-е годы, не трогали.

Сначала потребовали, чтобы евреи нашли на одежде желтые лоскуты в форме шестиконечной звезды. А через некоторое время стали выселять евреев из города на Банный поселок. С нашей Михайловской улицы забрали семью Корженевич. Николай Иосифович Курочкин рассказывал, что в те осенние дни 1941 года он стоял в очереди за хлебом в магазин у проходной Троицкой фабрики. Со стороны Пушкинской улицы к очереди приблизились шесть оккупантов в эсэсовской форме, с собаками. Они пристально осмотрели всех, кто стоял в очереди. Взгляд одного из них остановился на Коле. «Юде?» – прозвучал вопрос. Не ожидая ответа, Колю выдернули из очереди и отвели в полицейский участок на Большой улице. На его счастье соседи с улицы собрали деньги и выкупили мальчишку у полицейских.

Банный поселок расположен сразу же за железнодорожным переездом по дороге из Клинцов на Ардонь. В те годы в Банном поселке было всего около двадцати изб. Жителей поселка предварительно переместили в город в освободившиеся еврейские дома. Евреев расселили по избам, человек по 10-15. Никакой колючей проволокой поселок не обносили. Никто из лагеря не убежал. Первые пять-шесть недель мужчин возили в город на работу на открытой грузовой машине. В начале декабря по городу пополз слух, что евреев расстреляли. Стало жутко и горько. Николай Курочкин рассказывал, что поздней осенью в воскресенье, рано утром, со стороны Почетухи стал доноситься звук от автоматных выстрелов. Мальчишки с Богунской улицы побежали смотреть. Это были друзья: Коля Курочкин, Павлик Панкратов, Алик Шляков. Когда они подошли к опушке леса за Почетухой, то увидели оцепление из полицейских и оккупантов с собаками. Расстрел уже был закончен. Возле братской могилы суетились люди с лопатами.

Несколько еврейских детей жители города спрятали и спасли им жизнь. Знаю, что учительница начальных классов Александра Ивановна Подвойская прятала девочку Таню. Она вырастила девочку, дала ей высшее образование. Татьяна Наумовна стала педагогом, работает в Стодольской школе. Добрые люди прятали Марика Фейгина. Он стал инженером, работал на радиозаводе. Спаслись десятки еврейских детей, которых приютили русские семьи. В 1960 году при проведении земляных работ возле воинской части, это по дороге на деревню Дурни, были обнаружены останки расстрелянных цыган и евреев. На месте братской могилы был поставлен памятник.

С первых дней оккупации в городе появилось много военнотружеников-охранителей. Фронт был прорван столь стремительно, что

вывести войска не удалось. Голодные солдаты бродили по лесам, их отлавливали, кто-то сдавался добровольно. В окрестностях города, а возможно и дальше от Клинцов, немцы разбрасывали листовки. Помню одну из них. Это был небольшой листок розовой плотной бумаги. С одной стороны был нарисован Сталин, который доит корову – русскую деревню, и написано: «Сталин – лучшая доярка, от него в колхозе жарко». А на другой стороне призыв: «солдаты, сдавайтесь ... это ваш пропуск...».

Заняв город, оккупанты сразу начали прочесывать леса и вылавливать окруженцев. Первых пойманных окруженцев разместили в подвале дома РЖСКТ, позади здания гимназии. Жителям города и деревень разрешалось приносить передачи пленным и отпускали домой, если их находили родственники. Пленные быстро смекнули, что к чему, и стали бросать женщинам записки со своими именами. Неожиданно воины туркмены, грузины и прочих национальностей нашли «родственников» в Клинцах. Провожая «счастливого» на свободу, охранник каждого из них благословлял хоршими пинком под зад. Все, кто освободились таким образом, выжили, встретили освобождение и ушли воевать.

Но число окруженцев быстро росло. Уже в первые дни оккупации недалеко от нашего дома, на стыке улиц Красноторская и Гоголя, позади 5-й средней школы, был организован лагерь для военнопленных-окруженцев. Здесь, по улице Гоголя, в здании бывшего Военного присутствия, до войны было здание военкомата. Двор военкомата и незастроенную часть площади Свободы оккупанты обнесли колючей проволокой, сколотили бараки для заключенных. Временно был открыт второй лагерь по улице Декабристов, возле мебельной фабрики. В обоих лагерях собрали до двух тысяч солдат-окруженцев. В школе, на площади Свободы, открыли госпиталь для военнопленных. Местному населению первое время было разрешено забирать из лагеря своих родственников, и это разрешение помогло десяткам солдат получить свободу. Некоторое количество военнопленных по запросу руководства фабрик было принято на работу в качестве разнорабочих. Эти окруженцы были расконвоированы, жили в городе, но как «военнопленные» должны были состоять на учете в комендатуре. В январе 1941 года большую партию окруженцев забрали из Клинцов. Они прошли колонной, человек пятьсот, по Большой улице в направлении железнодорожной станции. Воины шли полураздетые, исхудавшие, замерзшие. Надо сказать, что солдаты оккупационного гарнизона в начале зимы 1941 года выглядели не лучшим образом. У них не было зимнего обмундирования. На солдатах можно было увидеть русские шапки-ушанки, женские платки, пальто с каракулевым воротником, взятое у богатого еврея.

Судьба воинов, оставшихся за колючей проволокой, была невыносимой. Заключенных посылали на тяжелые земляные работы, на лесоповал, на погрузку и разгрузку вагонов, кормили плохо, они замерзали, болели тифом, кровавым поносом и умирали. Часть военнопленных умирала в «госпитале». Мы, жители Михайловской улицы, были очевидцами, как летом возами, а зимой санями вывозили из лагеря трупы людей. Имена этих русских солдат и могилы их неизвестны. К весне 1942 года число заключенных резко сократилось. Осенью 1942 года группа заключенных организовала побег. Военнопленных повели копать картофель на Николаевском поле, под Чемерну, в сопровождении одного охранника. Видимо оккупанты были уверены в истощенности заключенных и их безобидности. Уснувшего охранника военнопленные убили доской и бежали. После этого случая отношение к заключенным стало более строгим. Но вскоре лагерь полностью ликвидировали. Судьба оставшихся в живых людей не известна.

В первые дни оккупации немцы арестовали группу железнодорожных рабочих, отказавшихся выйти на работу. Их, человек сорок или пятьдесят, провели через весь город в сторону Зубовского кладбища и там расстреляли. Это подействовало отрезвляюще. Со следующего дня все, даже больные, вышли на работу. В сентябре или в октябре 1941 года была проведена диверсия на Стодольской фабрике. Последовали аресты рабочих. По городу бродили слухи, что в первые дни оккупации партизаны подстрелили немецкий самолет, обстреляли военную машину.

Немцы силами местного гарнизона настойчиво прочесывали леса, вылавливая и уничтожая партизан. Клинцовский партизанский отряд был рассеян. Продовольственной базы у партизан не было. Часть отряда ушла в клетнянские леса, где влилась в другие отряды. Несколько человек из партизанского отряда вернулись в Клины. К зиме диверсии в городе и в окрестностях на некоторое время прекратились, это мы поняли по сокращению продолжительности комендантского часа.

Весной 1942 года, в мае месяце, оккупационные власти устроили пышные похороны полицейского. Это был грузин. Его как православного отпевали в храме и похоронили на Почетухе, а над могилой водрузили высокий деревянный крест. В тот же день торжественно похоронили двух немецких солдат возле западного торца здания Первой средней школы. Людей согнали на похороны. Был дан салют. Стреляли деревянными пулями, которые потом детвора подбирала на улице. Тогда же по городу прошел слух, что под Оболешево был бой с партизанами. В результате боя большинство партизан было уничтожено, погибли двое оккупантов и один полицейский. Летом 1942 года партизаны подожгли склад нефтепродуктов

возле железнодорожной станции. Пожар был такой сильный, что было слышно в городе, как взрываются емкости с горючим. очевидцы рассказывали, что бочки с бензином взрывной волной подбрасывало выше сосен, и они взрывались как фейерверк.

Уже с середины 1942 года мы стали ощущать, что на Большой земле о нас не забывают. Летом 1942 года наши самолеты бомбили узловую станцию Унеча. Пожар, охвативший состав с нефтепродуктами, был виден в Клинцах в виде зарева над горизонтом. В.Л. Майстров рассказывал, что наблюдал пожар с крыши Дома рабочих. 6 ноября 1942 года над городом появились два самолета, из которых посыпалось множество листовок с предупреждением, чтобы 7 ноября жители центра города покинули свои дома. С утра сотни семей бежали из своих домов, опасаясь бомбардировки. Но налета авиации не последовало.

С весны 1942 года в близлежащие деревни стали проникать группы партизан и уничтожать полицаев и немецких солдат. В ответ на диверсии партизан начались репрессии мирного населения. В одних деревнях немцы вешали каждого десятого, в других — брали в заложники женщин и детей. Но расстрелы заложников не останавливали партизан и нападения на немецких солдат и офицеров-тыловиков продолжались. Клинцовская тюрьма была переполнена крестьянами-заложниками и подозреваемыми в связях с партизанами. Каждое утро у проходной в тюрьму, по Петропавловской улице, выстраивалась очередь из жителей города, которые приносили в махотках суп и кашу для заключенных. Мы тоже по очереди носили передачи маминим родственникам из деревни Кневичи. Диверсии против оккупантов вызвали репрессии, а репрессии в свою очередь озлобили и расшевелили крестьян и подтолкнули их к активному участию в партизанском движении.

Жителей деревень, заподозренных в связях с партизанами, оккупанты расстреливали в Клинцах, а их трупы сваливали в яму по дороге от Почетухи на стадион. Сколько тысяч человек было расстреляно, никто не считал. Место захоронения крестьян затеряно.

В оккупированном городе стояли части, сформированные из итальянцев, венгров, финнов. К 1943 году появились на некоторое время и скоро ушли из города формирования из армян, из азербайджанцев, из украинцев.

В.Л. Майстров, живший в Доме рабочих, вспоминал, что итальянцы появились в городе в начале 1942 года. Они пришли в Клинцы хорошо обмундированные, с навьюченными ишаками в поводу. Зрелище для клинчан необычное. Первую партию итальянцев поселили в здании школы им. Герцена, на непродолжительное время. Перед входом в здание установили деревянную подставку, на которой стоял часовой. Когда мимо проходил офицер, часовой выбра-

сывал вверх руку и одновременно ударял подошвой сапога по подставке, при этом на всю улицу разносился гулкий звук. Через несколько месяцев прибыла другая команда итальянцев. Они приехали на машинах и разместились в здании бывшей школы по улице Пушкинской. Это второе от угла Большой улицы здание. Машины с радиолокационными установками поставили во дворе, а кухню устроили рядом с водоразборной колонкой на улице. Ежедневно повар готовил спагетти с сыром, а остатки пищи раздавал детворе из Дома Рабочих. Это подразделение итальянцев тоже вскоре переместилось в другое место.

Итальянцы находились в городе до 1943 года. Из центра города их выселили на окраину города и поместили в постройки бывшей артели «Лозхимдрев», на углу улиц Первомайская и Декабристов. В этой артели до войны вязали плетеную мебель. Отношение немецкого командования к итальянцам было самое неуважительное. Немцы знали об антивоенном настроении среди итальянцев и не доверяли им серьезной работы. Их ставили только на охрану гражданских объектов, держали впроголодь, изнашившуюся одежду и обувь не обновляли. Сначала итальянцы занялись обменом: меняли папиросы и конфеты на хлеб. «Черный рынок» работал с 18 часов возле здания Первой школы. Там шла бойкая меновая торговля. Жители города приносили куриные яйца, какие-то вещи и выменивали на хлеб, на сахарин. Летом 1942 года итальянцы стали менять на продукты свое зимнее белье из тонкой шерсти. Затем стали наниматься на работу к жителям города: копали картофель, носили навоз, кололи дрова, поливали огород. Большинство итальянских солдат были крестьянскими парнями, оторванными войной от земли. Часто можно было наблюдать такую картину: зайдешь к соседу на усадьбу – у калитки стоит винтовка, прислоненная к забору, а в глубине сада итальянец работает лопатой. На скрип открывшейся калитки итальянец бросит взгляд, улыбнется и приветливо махнет рукой. Итальянцы открыто говорили, что война им ненавистна. Между итальянцами и местным населением сложились самые дружественные отношения. Многие итальянцы пытались ухаживать за русскими девушками. Говорили: «Кончится война, поедем со мной в Рим». В 1943 году перед освобождением города всех итальянцев погрузили в теплушки без окон и отправили на запад. Но уже за Синьковкой эшелон был пущен под откос. Говорили, что это не партизаны, а сами немцы взорвали эшелон.

Очень доставалось клинчанам от венгерских солдат. Магьяры жили на углу улиц Евлановка (ул. Свердлова) и Пушкинская в складских помещениях, некогда принадлежавших фабрике Лаврентия Иванова. Это напротив «Красной» больницы. Офицеры-венгры жили в Доме рабочих завода имени Калинина, по Большой улице,

на углу с улицей Декабристов. Это был трехэтажный дом, построенный заводом на бывшем Забегаевском еврейском кладбище. Венгры стояли также на Филатовом хуторе. Когда во время комендантского часа кто-то из жителей попадал в руки венгерских патрулей, бывал избит, а кто-то из задержанных – и расстрелян. Венгерских патрулей боялись пуще огня. Когда 20 июня 1943 года был налет нашей авиации, то летчики сразу же подавили зенитную установку на Пожне, которую обслуживали венгерские солдаты. Поэтому бомбометание прошло без потерь для наших летчиков.

Первые бомбы упали на город в начале июля 1941 года. Над городом на большой высоте, порядка четырех километров, прошли на запад фашистские бомбардировщики, видимо уже где-то отбомбившись. Они сбросили над Клинцами две бомбы, которые падали со страшным пугающим визгом. Одна бомба упала на цвинтере Троицкой церкви, взрыва не последовало. Вторая – во дворе Потребкооперации (бывший Кондратьев двор) в начале улицы Парижской коммуны. Бомба угодила в чан с капустой, и тоже без взрыва. Это были бомбы не боевые, а психологического воздействия.

Второй раз налет немецкой авиации произошел в конце августа, уже незадолго до оккупации. В эти дни эвакуировался 184 артполк, стоявший за рекой Туросной, за Горковским озером. Там и теперь стоят воинские части. Полк подчинялся ставке Верховного Главнокомандующего. Четыре артдивизиона полка сверхтяжелой артиллерии грузились на платформы и уходили в сторону Новозыбкова. Налету подверглась железнодорожная станция Клинцы и эшелон, который достиг уже станции Святск, в 12 км от Клинцов. На город упало три бомбы возле Почетухи. Никто не пострадал. Артполк участвовал в штурме Кенигсберга и благополучно вернулся в Клинцы. В 1950-е годы клинцовские артиллеристы перевооружились и стали ракетчиками.

Фронт быстро отодвигался на восток, и наступило длительное затишье, без бомбежек. Страшную бомбежку пережили жители города в ночь с 20 на 21 июня 1943 года. Фронт приближался с востока. Числа с 10 июня каждую ночь над городом пролетали наши самолеты, сбрасывали осветительные ракеты, листовки и уходили в сторону Гомеля.

Опасаясь налета, ближе к вечеру оккупанты выводили солдат из казарм и размещали вдоль опушки леса. Перед Домом Советов в считанные дни было выстроено бомбоубежище.

Налет бомбовой авиации 20 июня 1943 года был приурочен ко второй годовщине начала войны и наносился по живой силе оккупантов. Бомбежка началась около 23 часов и продолжалась с перерывами около двух часов. Самолеты заходили на город с юга, со стороны Пожни.

С первого захода бомбовый удар был нацелен на Стодольский Дом комсомола и на пеньковский техникум, в которых помещались немецкие госпитали. Второй удар пришелся по центру города. Бомбили Дом Советов, Первую среднюю школу, в которых тоже были госпитали. В клинцовских тыловых госпиталях тогда находились сотни раненых немецких солдат и офицеров. Летчики разбомбили два госпиталя: на Стодоле и в здании пеньковского техникума. Остальные госпитали даже не были повреждены. Все бомбы легли мимо, в основном по жилым домам. Здание Дома Советов и здание Первой школы остались целыми. Эти здания были сожжены через три месяца факельщиками. Не пострадали госпитали в помещении ремесленного училища и в трех больницах города.

Во время второго налета летчики нацеливали удар также по «Зольдатен хайме» – солдатскому клубу, помещавшемуся в 2-этажном здании детского сада на углу улиц Пушкинской и Парижской коммуны, позади усадьбы Николая Чередникова. Здание клуба не пострадало, но погибло много жителей прилегающих домов (здание было сожжено немцами при отступлении). Бомбили жилой квартал по улице Богунского полка, рядом со старообрядческой церковью. Бомбы были предназначены для уничтожения церкви, но легли вокруг здания на безопасном расстоянии. С третьего захода самолеты сбрасывали бомбы в районе улиц Декабристов, Красноборской, Михайловской, Гоголевской и 5-й средней школы.

Между налетами авиации были паузы минут по 20. Очередной налет начинался с вывешивания осветительных ракет. Они медленно спускались на небольших парашютиках, было светло, как днем.

На улицах Михайловская и Первомайская внимание летчиков, по-видимому, привлекло множество крестьянских телег и лошадей. Крестьяне приехали из деревень на торги и заночевали у своих знакомых. Кони ржали, метались, рвали поводья, а потом ушли в поле. К счастью, бомбы в наших кварталах падали не точно и жертвы были единичные. Например, погиб семилетний ребенок от осколочного попадания в тот момент, когда мать опускала его в подпол. По ул. Декабристов сгорел дом от попадания зажигательной бомбы. По ул. Красноборской № 16, в доме у Слатиных, были разрушения и была ранена невестка Люда. По улице Баррикадной № 2 в сарае убило корову. На углу улиц Михайловская и Гензика осколком насквозь прошило дом.

Когда закончилась бомбежка, над городом кружил самолет, из которого через громкоговоритель звучала бодрящая мелодия «Интернационала», а потом «Широка страна моя родная».

Наутро, 21 июня 1943 года, центр города Клинцы был покрыт трупами людей, лошадей, нераззорвавшимися бомбами, поваленными деревьями и телеграфными столбами. Дымились догоравшие дома.

Очевидцы рассказывали, как из окон горящего пенькового техникума во время налета авиации выпрыгивали раненые немцы. Говорили, что уничтожено до сотни оккупантов, не сумевших выбраться из горящих зданий.

Но погибли и мирные жители. Seriously пострадал центр города. Были сметены дома вокруг Первой средней школы, вокруг пенькового техникума, а также к югу от Дома Советов. Бомбой срезало квартиры двух подъездов дома РЖСКТ, со стороны торца здания, обращенного к кинотеатру. Там погибли люди. Один подъезд после войны восстановили.

Бомба попала в Дом текстилей, стоявший на углу улиц Пушкинская и Кронштадтская, рядом с пеньковым техникумом. Под этим зданием, в бомбоубежище, прятались жители дома. Выход из бомбоубежища завалило обломками здания, а в подвальный этаж стала поступать вода из разорвавшихся труб. Люди стояли по горло в воде. Немцы оцепили здание и в течение нескольких дней не разрешали никому вести спасательные работы. Когда людские вопли и стоны затихли, из-под обломков здания было извлечено около 60 трупов захлебнувшихся в воде женщин и детей.

Пострадали целые кварталы жилой застройки по улице Пушкинской, возле Первой школы, на улице Лермонтова, на Ореховке за Горсадом, по улице Декабристов в обе стороны от Большой улицы. Был разрушен маслозавод на углу улиц Евлановки (ул. Свердлова) и Островской (ул. Дзержинского). Бомбили кирпичное здание старообрядческой церкви по Клинцовой улице (ул. Дзержинского), в котором еще с довоенных лет был «Второй хлебозавод». Бывший храм был разрушен. Упавшая каменная ограда церкви задавила людей, спрятавшихся в «щели» у забора. Целились и в Петропавловскую церковь, которая была очень заметным сооружением в панораме города. Но, к счастью, бомбометатели оказались неточными, либо сознательно промахнулись. Все бомбы легли вокруг церкви на малом расстоянии, и с Божьей помощью храм остался невредим. Но был уничтожен квартал домов, плотно прилегающих к церкви. На месте образовавшегося пустыря в послевоенные годы сделали сквер. В школе Герцена бомба пробилла стену над парадным входом и застряла в ней, не разорвавшись. Зажигательная бомба пробилла крышу Дома рабочих по Большой улице, напротив женской гимназии, и застряла в лестничном пролете. Зажигательная смесь растеклась, но не загорелась. Вокруг неразорвавшихся авиабомб, валявшихся в большом количестве на улицах, были выставлены красные флажки и охрана. Таких «объектов» было несколько десятков. А сколько людей могло погибнуть, если бы не заводской брак?!

В ту страшную ночь погибла семья моего дяди: Ефрем Кононович Храмченко, его дочь Таисия и внук Толик. Жили они по ул. Гусаровка (ул. Милицейская, теперь ул. Крупской), недалеко от пеньковского техникума. На месте дома осталась воронка от бомбы. Рядом от прямого попадания бомбы в дом погибла вся семья Шмелевых.

Всего погибло 164 жителя города. В ближайшие дни имена 84 из них были помещены в местной газете. Но потом опубликование списков погибших от бомбежки прекратили. В 1943 году при составлении государственного акта о материальных и людских потерях в годы войны имена жертв бомбежки 20 июня 1943 года не были внесены в списки. Можно подумать, что они сами были повинны в своей смерти.

Через несколько дней хоронили погибших. В Петропавловской церкви 27 июня был отслужен молебен по невинно убиенным. Служба велась дольше обычного. Я участвовал в отпевании в составе церковного хора. В эти скорбные дни в городе был создан комитет помощи пострадавшим. Знаю, что в комитет вошли отец Александр Петровский, бывший тогда настоятелем Петропавловской церкви, и Е.М. Котова, которая содержала курсы кройки и шитья в доме по улице Нижняя Бобылка. Людей, потерявших жилье, кормили обедами по небольшой цене, им выдали по 2 кг крупы и по 0,5 кг соли, а также по 200-300 рублей. В городе собирали пожертвования в помощь пострадавшим.

Немцы хоронили погибших во время бомбежки раненых солдат в лесу возле стадиона. Число пострадавших от бомбежки оккупантов не сообщалось. После войны мародеры раскапывали немецкие и русские захоронения. По всему лесу валялись кости, черепа, остатки обмундирования и одежды.

В бомбардировке города участвовали летчики-клинчане Лисицин и М.Г. Дядечко. Мой знакомый, Иван Тимофеевич Фомичев, рассказывал, что переписывался в годы войны со своим другом Михаилом Дядечко, сыном регента Петропавловской церкви. В одном из писем Михаил Григорьевич писал, что летал бомбить родной город Клинцы и видел, что после бомбежки отцов дом уцелел. А дом стоял по Мокрому переулку (пр. Ленина) под № 46 или 48, напротив пеньковского техникума. Михаил Дядечко погиб в 1945 году в Германии.

В.Л. Майстров рассказывал, что в 1951 году прибыл служить в бомбардировочный полк в/ч 45153, стоявший под Кировоградом. Полк был укомплектован американскими бомбардировщиками Б-25. Командир полка, подполковник Котович, пригласил Владимира Лукьяновича, уже опытного футболиста, к себе в кабинет на беседу. Разговор шел о создании футбольной команды в полку. Когда Кото-

вич узнал, что Майстров из города Клинцы, то сказал, что знает этот город, поскольку в 1943 году участвовал в ночной бомбардировке города.

В 1942 году немцы стали отбирать в школах детей с чертами арийской расы для отправки в Бобруйск. Многие родители, которых предупредили полицейские, успели забрать детей из школ и отвезти в деревню. Но все равно часть детей попала в эту группу. Многие не вернулись, судьба их неизвестна.

Летом 1942 года стали агитировать молодежь ехать на работу в Германию. Нашлись желающие, и довольно много. Судьба их также неизвестна. Облавы с последующей принудительной отправкой людей на работы в Германию начались летом 1943 года. Свою дорогу от дома до предприятия мне приходилось прокладывать кружным путем, обгибая центр города, чтобы не попасть в облаву.

Перед отступлением немцев был опубликован приказ: всем жителям немецкой нации эвакуироваться в Германию.

Оккупация города закончилась 25 сентября 1943 года. Накануне отступления оккупантов по городу разнесся слух, что немцы будут брать молодежь и пускать впереди своих войск. Напуганные жители города сотнями бежали в окрестные леса и деревни. Город опустел. Беженцами были заполнены Смолевичи, Видовка (Близна), Песчанка, Вьюнка, Затишье, Кожушье и прилегающие леса. В городе хозяйничали мародеры.

Наша соседка, Валя Бондаренко, рассказывала, как она, 15-летний подросток, с подружкой Таней Моисеенко и ее мамой, Марией Антоновной, бежали в те дни из Клинцов. Город они покинули 21 сентября, пожаров еще не было. Сначала хотели переждать отступление немцев в Смолевичах. Но вдоль правого берега Унечи шли на запад немецкие танки, был слышен гул работающих моторов. Немцы прошли быстро, никого не трогая. Но беженцы, которых скопилось в Смолевичах много, подались еще дальше на север. В тот же день они были в Борках. Там девочки впервые увидели партизан. Трое молодых парней в шапках, украшенных красной лентой, шли через поле в сторону деревни Смолевичи. Большинство беженцев направлялись в Черноручье Гордеевского района. Но девочки встретили знакомого Кузнецова, который работал в Клинцах снабженцем на Зубовской фабрике. Он сказал, что нет смысла уходить далеко, наши войска уже близко, а вокруг, по деревням, уже стоят партизаны. В этот день вечернее небо над Клинцами озарили пожары. Переночевали в Борках, на соломе. Беженцев было очень много. Утром 22 сентября встретили дядю Федю Гутникова и он посоветовал идти в Видовку к его сестрам. Из Видовки, которая расположена на высоком холме, хорошо была видна клинцовская водокачка, что стояла на улице Спартака. Слева от водокачки в небо

упирались десятки столбов дыма. Увидев эту жуткую картину, девочки с облегчением вздохнули, что пожар не затронул их район, расположенный правее водокачки. Но к следующему дню с горизонта исчезла водокачка, а число дымовых столбов умножилось. Ночное небо над Клидцами было красным. Деревья в свете ночного пожара отбрасывали тень.

Утром 24 сентября в хату вошли партизаны: двое мужчин и женщина. Мужчины стали спрашивать беженцев, как давно они из Клинцов, сколько в Клинцах немцев, полицаев. Женщина, в свою очередь, стала требовать отдать ей юбку, обзывая девушек «немецкими куклами» и упрекая тем, что они «отсиживались» в городе. Вслед за первой группой партизан в хату вошли еще двое человек. Один из вошедших, взглянув на растерявшихся девушек, улыбнулся. В Вале Бондаренко он узнал девочку, которая еще недавно каждый день приносила продуктовые передачи в клинцовскую тюрьму родственникам из деревни Далисичи. Мужчина из партизанского отряда тоже «отсиживался» в городе, работая начальником охраны в тюрьме, и через окошечко принимал передачи для заключенных. Теперь он командовал партизанской группой. С его появлением вся группа партизан поднялась и покинула хату.

Утро 25 сентября 1943 года запомнилось особо. Неожиданно в хату через закрытое окно донеслись громкие женские причитания. Десятки женщин «выли» по-бабьи на все голоса. Девочки выбежали из хаты и увидели, что по проселку идут красноармейцы, а вокруг мечутся крестьянки, обнимают бойцов, суют им хлеб, молоко. В тот же день девочки вернулись в горящий город.

По воспоминаниям В.Л. Майстрова, две ночи пожар над городом был таким сильным, что в 10 километрах к югу от города, в Смотровой Буде, где его, подростка, прятала мать, было светло, как днем.

Присутствие партизан в пригороде Клинцов стало ощутимым месяца за два до освобождения города по участвовавшим случаям диверсий. Это были партизаны из «Клинцовского отряда». Сначала партизаны сожгли «маслозавод» на улице Щорса – небольшой частный дом, почти на краю города, где работницы вручную сбивали масло. В августе партизаны сожгли еще один «маслозавод» в деревне Смолевичи. Это тоже была хата, куда крестьяне сносили молоко в кувшинах для последующей отправки в переработку на молокозавод. Затем прошел слух, что партизаны подожгли трактор в Займище. За несколько дней до освобождения города партизаны подожгли деревянную пристройку у здания типографии по улице Клинцовой (ул. Дзержинского). Пожарные затушили пламя, но здание было частично разрушено. С типографией партизаны опоздали, оккупанты уже свернули выпуск газеты, выходившей почти ежеднев-

но в течение двух оккупационных лет. Печатные машины от пожара не пострадали. Сохранилась довоенная ручная «бостонка», тигельная «американка» и зингеровская плоскочечатная машина на четыре полосы. На ней уже в первые дни после освобождения выпускали газету. Но еще в течение месяца работниц типографии посылали разгребать мусор на старой типографии. Работая под холодным дождем, выбирая руками сохранившийся шрифт, женщины недобрым тихим словом вспоминали партизан.

Более серьезные диверсии совершались партизанами на железной дороге. Доходили слухи, что под Почепом и под Новозыбковым партизаны из других отрядов пускают под откос немецкие поезда.

Беженцы, покинувшие город в середине сентября 1943 года, рассказывали, что уже за неделю до освобождения города партизаны стояли под стенами города не только в Видовке и в Борковском лесу, но и в районе Вьюнки.

Немцы оставили город Клинцы 20 сентября 1943 года и ушли в сторону деревни Лопотни и села Рожны. В городе были сняты посты, не соблюдался комендантский час. Но люди не выходили на улицу, все еще опасаясь массовых расправ и облав. Те, кто не ушел из города, затаились в своих домах. В городе три дня оставался взвод солдат. С 21 сентября немецкие солдаты-факельщики группами по два-три человека ежедневно выходили «на работу», методично, дом за домом, поджигали из огнемета заводские и общественные здания.

Никто в городе не оказывал поджигателям сопротивления: у населения не было оружия и не было организации. Ждали с минуты на минуту партизан, о которых уже все были наслышаны. Но партизаны в горящий город не вошли. Видимо, не было приказа. Факельщики «работали» с 21 по 23 сентября. В огне погибли все фабрики и заводы, все школы и больницы.

Пожары выгнали из города тысячи жителей. Те, кто оставался в городе, рассказывали, что в опустевшем городе хозяйничали несколько человек поджигателей-факельщиков, которые, сделав свое черное дело, ушли утром 24 сентября. Я находился в эти дни в городе и свидетельствую, что уже 24 сентября 1943 года в городе не было ни одного оккупанта. Утром 24 сентября по улице Красноробской, мимо наших домов на трех мотоциклах промчались в сторону Лопотней солдаты-факельщики. Как оказалось, всего девять человек сожгли город. Это были последние оккупанты.

Рассказы краеведов, которые поселились в Клинцах после войны и утверждают, что город был освобожден в результате упорных уличных боев, подавления очагов сопротивления немцев и прочее, вымысел чистой воды. За день до прихода наших войск в городе было полнейшее безвластие. Какой смысл был устраивать очаги

сопротивления, когда все каменные здания в городе были сожжены, и еще продолжали гореть. Утром 24 сентября 1943 года люди выбрались из подвалов и бросились к разрушенным и горящим магазинам, складам, выхватывая из огня то, что еще уцелело. Никто не оказывал им сопротивления, нигде не было ни одного полицейского или немца. В складе, возле Петропавловской церкви, хранилась соль. Соль вычерпывали руками, ложками, кастрюлями, и в соляной горе образовалась пещера. В один момент соляной свод обрушился. Погибла молодая женщина, жена учителя Малюга, мать двух девочек, и еще несколько человек были ранены.

К вечеру 24 сентября с востока, со стороны Ардони, была артиллерия. Снаряды летели над городом в сторону деревни Рожны. Оттуда им отвечала немецкая артиллерия. Кратковременная стрельба из автоматического оружия вечером 24 сентября была слышна с юга, из-за железной дорогой.

Ночь пришла, все жители пребывали в томительном ожидании, никто не спал. Задолго до рассвета 25 сентября в город вступили штрафные батальоны. Солдаты-штрафники без единого выстрела, сбившись в кучки, как тени, прошли через город с востока на запад.

Тася, моя сестра, жила тогда на Красноборской улице. Она рассказывала, что в ночь на 25 сентября никто в доме не спал. Выходили на улицу, прислушивались, нет ли стрельбы. Все боялись артиллерийского обстрела. В городе было светло от продолжавшихся пожаров. Но было тихо. Около 4 часов утра ночную тишину нарушили шаги сотен сапог. Тася вышла во двор, глянула в щель между досками забора и увидела темную массу людей, идущих по дороге. Люди шли молча. От соседнего двора послышался голос: «Наши идут!». И тут же начали отворяться калитки. Люди выбежали на дорогу, чтобы убедиться, что это красноармейцы. Солдаты, одетые в поношенные, рваные телогрейки, спали на ходу. Оружия при них не было. Солдат стали тормошить, совать хлеб, вареные яйца. Штрафные батальоны молча прошли через затаившийся город и по Красноборской улице ушли в направлении Лопотней прокладывая дорогу освободителям.

Николай Тимофеевич Скрипкин вместе с родителями и десятками других семей с 21 по 25 сентября находился в березовой роще на старом Зубовском кладбище. Это в двух километрах от центра города. Уйти дальше Скрипкины не могли, потому что дома, в горящем городе, умирал дедушка. Ежедневно Коля бегал в город, проводывал деда, кормил его, а на ночь возвращался в березовую рощу. Утром 24 сентября Коля видел, как к Зубовскому мосту на мотоцикле подъехали двое немецких солдат и попытались поджечь мост. Делалось это впопыхах. Пламя едва схватилось, как немцы

вскочили на мотоцикл и умчались к площади Свободы. Мост разгорался вяло. Мальчишки выбежали из рощи и сбили пламя песком. В этот же день Коля вернулся из города с доброй вестью: в городе нет немцев, все магазины вскрыты, жители разбирают продукты. Мать не решилась возвращаться в город, и семья провела еще одну ночь в роще. Под вечер 24 сентября над городом пролетело несколько снарядов в направлении Ардонь–Рожны и в обратном направлении. Вскоре артиллерийская перестрелка прекратилась и наступила гнетущая тишина. Все вслушивались в ночную тишину, ждали штурма города, боялись, что наступающие войска будут вести артиллерийский обстрел города.

Под утро 25 сентября над городом, в южной части, вспыхнули в небе зеленые ракеты, а затем от леса, с левого берега реки Туросны (теперь р. Московка), послышался шум моторов. В отсвете городских пожаров хорошо было видно, как танки подошли к обгоревшему Зубовскому мосту. Первый легкий танк медленно вполз на мост, но мост стал проседать под тяжестью машины. Танкисты высадили разведку, а сами развернули машины и ушли обратно в лес. Мост через реку Туросна возле Глуховской фабрики был разрушен. Танки перешли через мост Стодольской плотины, вошли в город и ушли на запад вслед за штрафными батальонами. Днем 25 сентября 1943 года Коля Курочкин с приятелями наблюдали, как танки переходили через деревянный мост возле деревни Дурни. Сначала через мост пустили легкую танкетку, за ней пошли танки КВ и тяжелые танки «Иосиф Сталин». Мост выдержал.

Бойцы группы разведки, высаженные возле Зубовской фабрики, обнаружили скопление людей на старом Зубовском кладбище, узнали от них, что в городе нет ни одного оккупанта и тут же, к восторгу мальчишек, среди которых был Коля Скрипкин, дали сигнал зелеными ракетами – путь свободен. Не ожидая рассвета, клинчане устремились в город, к своим домам. Несмотря на ранний час, по городу наблюдалось движение войск. Но стрельбы в городе в течение ночи не было.

Войска входили в город с востока от Стодола и с юга, от железнодорожной станции. А в 11 часов дня в город со стороны Вьюнки вошли партизаны. Обвешанные автоматами и гранатами, они двигались колонной, с развернутыми знаменами. Партизаны с песней прошли в центр к Дому Советов, где состоялась торжественная встреча освободителей с клинчанам. А город продолжал гореть, наполняя улицы едким дымом.

Весь день 25 сентября 1943 года войска стояли на западной окраине города, на площади Свободы, вдоль дороги на Лопотни. В городе негде было разместиться. Бойцы отдыхали. Среди них было много легкораненых. Они меняли старые бинты, приводили в поряд-

док одежду, спали возле своих машин. Поздно вечером войска ушли на запад.

В.Л. Майстров, находившийся в эти дни в Смотровой Буде, вспоминал, что за день до пожара в Клинцах через Смотрову Буду, мимо кладбища, в сторону Новозыбкова прошла колонна немцев. Немцы по-настоящему бежали. Они оступали торопливо, на телегах, запряженных лошадьми. Напуганные жители деревни выгнали скот в лес, и наблюдали из леса за движением колонны. На следующий день, когда Клинцы уже горели, через Смотрову Буду прошли колонной украинцы-националисты. 24 сентября, вечером была слышна артиллерийская стрельба. Снаряды летели над деревней на запад, в сторону Новозыбкова. Владимир Лукьянович запомнил, что летевшие снаряды были похожи на раскаленные болванки, с которых срывались язычки пламени. С утра 25 сентября целый день через Смотрову Буду в сторону Новозыбкова шли наши войска. Сначала прошли танки, они укатали дорогу через поле напрямик. Затем по этой дороге пошли машины, а за ними – лошадиные упряжки. Войска перемещались, в основном, на гужевом транспорте. На окраине деревни установили несколько 45-мм пушек. Пушки простояли три дня, не сделав ни одного выстрела. Фронт быстро перемещался к Гомелю.

Я привел свидетельства очевидцев, еще здравствующих, о том, что уличных боев при освобождении города не было. Такие же свидетельства можно было получить от сотен жителей города более старшего поколения, уже ушедшего в мир иной. Откуда же появилась «история» об упорных уличных боях в городе Клинцы, которую пересказывают незадачливые краеведы? Об этом я узнал от краеведа Владимира Гавриловича Козлова, который познакомил меня с подборкой документов – оперативной сводкой начальника штаба 169 стрелковой дивизии, освобождавшей город Клинцы. Там говорилось, что «169 дивизия в 1 час ночи 25 сентября 1943 года передовыми отрядами ворвались на восточную окраину города Клинцы, продолжая развивать успех, очищая город от мелких групп противника».

А вот, что рассказывал участник освобождения города Дмитрий Иванович Свинин (1914 – 1998 гг.), навсегда связавший свою судьбу с городом Клинцы. Войска подошли к Клинцам к вечеру 24 сентября 1943 года. Уже от Павличей стало видно на закатном небе зарево пожара над Клинцами. По мере приближения к городу оно становилось ярче. Свет от пожара позволял легко находить дорогу в наступившей ночи. Дмитрия Ивановича во главе роты автоматчиков направили в Клинцы, чтобы уничтожить факельщиков и произвести разведку. Рота автоматчиков во главе со Свининым вошла в Клинцы первой. Поиски факельщиков оказались без-

результатными. Жители города, ожидавшие прихода войск, не спали и сообщили, что в городе уже в течение суток нет ни одного оккупанта. Автоматчики тем не менее прочесали горящий город, но никаких «мелких групп противника» не встретили и не сделали ни единого выстрела. Дмитрий Иванович всегда возмущался, когда на собраниях, посвященных освобождению города, докладчики говорили об уничтожении наступающими войсками «групп противника, засевшего в отдельных строениях». А однажды на собрании молодой докладчик начал говорить с трибуны об упорных уличных боях в Клинцах. Д.И. Свинин громко возмутился, встал и вышел из зала.

Преднамеренно или непреднамеренно начальник штаба 169 стрелковой дивизии сообщал об уничтожении в Клинцах «мелких групп противника», трудно сказать. Может, так было принято докладывать в тех случаях, когда город доставался войскам без боя. Чем можно было оправдываться перед Верховным Главнокомандующим за гибель крупнейшего центра текстильной промышленности всего юго-запада Советского Союза? Безынициативностью партизан, или трусостью партизан, или нерасторопностью наступавших войск, перед которыми ставилась задача предотвращать гибель коммуникаций, мостов, городов, заводов и жилого фонда.

Ответственность за точность донесений лежала на совести начальников штабов дивизий и политкомиссаров. Донесения тут же докладывались в Ставку Верховного Главнокомандующего. На основании донесений в газетах появлялись сообщения Совинформбюро. В зависимости от того с боями или без боев брался город, принималось решение о присвоении частям, освободившим город, соответствующего наименования или проведение салюта в ознаменование освобождения города, награждение воинов орденами и медалями.

Так приказом Верховного Главнокомандующего № 24 от 23.09.1943 года частям, освобождавшим город Унеча, было присвоено наименование «Унечская» и 23 сентября 1943 года в 22 часа «Москва салютовала доблестным войскам, освободившим город Унеча двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий». А второго октября 1943 года Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин подписал приказ № 29 о присвоении наименования «Новозыбковская» нескольким стрелковым дивизиям.

По-видимому, в Ставке правильно поняли донесение о взятии города Клинцы. В честь освобождения города Клинцы не последовало присвоения 169 стрелковой дивизии наименования «Клинцовская» и не прозвучал салют. В «Оперативной сводке за 25 сентября» «Советское Информбюро» сообщило: «На Гомельском направ-

лении наши войска продолжали развивать успешное наступление и, продвинувшись вперед от 15 до 20 километров, овладели городом Клинцы, а также заняли свыше 350 других населенных пунктов...».

Неточность, допущенная в донесении начальника штаба 169 СД, породила в послевоенные годы среди клинцовских краеведов легенду о том, что при освобождении города Клинцы в его кварталах завязались ожесточенные уличные бои. А «летописцы» следующего поколения будут писать, что все фабрики и учебные заведения города были разрушены и сгорели во время ожесточенных уличных боев. Так, глядишь, недалеко и до пересмотра приказа Верховного Главнокомандующего, не заметившего, с каким героизмом и с какими жертвами воины очищали город Клинцы от противника, засевавшего в каждом строении.

В один из первых дней после освобождения города Клинцы напротив Дома Советов было установлено несколько виселиц. По радио неоднократно в течение дня прозвучали приглашения жителям принять участие в казни предателей Родины. Казнили в 4 часа дня. Бывших полицейских с завязанными назад руками и с табличкой на груди «Собаке – собачья смерть» поставили на открытом кузове машины. Машина отъехала, и казненные задергались в судорогах, подвешенные на веревках. Их вскоре сняли. А вот на углу улиц Советская и Большая долго качался на веревке труп полицейского в разорванной одежде и черных галифе, без сапог. Это был Поддубный. На Стодоле тоже стояла виселица и там казнили через повешение.

В эти же дни по городу Клинцы ходили «мстители» и чинили самосуд. Так жителя Тепляковщины Чернявского задушили, а тело бросили под забором. Другого жителя Тепляковщины расстреляли в упор у калитки собственного дома. Кто были мстители – неизвестно. Говорили, что кто-то убирает свидетелей собственных преступлений. На третий день, 28 сентября, на улице Богунской, возле военкомата, застрелили артиста Клинцовского театра Игоря Градова. Игорь был известным в Клинцах куплетистом и в годы оккупации пел «разухабистые» частушки. На улице застрелили другого артиста, Удольского. Тогда люди не знали, и об этом стало известно значительно позже, что артисты театра сотрудничали с партизанами, и больше всего помогал партизанам режиссер театра Карманов. Он был из окруженцев, до войны работал директором Центрального парка культуры и отдыха в Москве. Карманов сразу после освобождения города надел офицерские погоны и ушел с нашими войсками на запад. А в 1940-е годы стал директором театра им. Маяковского в Москве. Никто из артистов Клинцовского театра не был репрессирован. Годы оккупации хранят много загадок, ответы на которые можно найти только в спецархивах.

25 сентября во дворе военкомата было сделано захоронение воина, погибшего на подступах к городу. Над могилой бойца была укреплена красная звезда.

В первые дни после освобождения в Клинцах были развернуты полевые военкоматы. Брали в армию в первую очередь молодежь призывного возраста и бывших окруженцев. Все они пополнили ряды штрафных батальонов. В этом убедились многие матери, успевшие повидать сыновей, пока воинские части стояли под Гомелем. Вина молодых призывников состояла в том, что они находились на оккупированной территории и подвергались геббельсовской агитации. Практически никто из этого набора не вернулся живым, все полегли в первых боях под Гомелем при форсировании реки Сож, а затем Днепра. Те, кто вернулся, рассказывали, что многие из клинчан так и не были обмундированы и сложили голову в домашнем платье.

46. Восстановление завода им. Калинина в 1940-е годы

Вот уже минуло 30 лет, как закончилась война, и мы видим завод в его сегодняшнем масштабе. За это немалое время много подробностей стерлось из памяти, но главное до сих пор помнится ярко.

Перед бегством из города немцы организовали вывоз с завода им. Калинина разных вспомогательных материалов. Это продолжалось до 20 сентября 1943 года. А 22 и 23 сентября группа подрывников взорвала и сожгла здания и оборудование завода.

Фашисты завод уничтожили полностью. От производственных зданий остались только обожженные коробки. Литейный цех был сожжен. К счастью, осталась цела вагранка и старый федотовский двухтонный мостовой кран. В механическом цехе, что по Большой улице, полностью был разрушен второй этаж и сожжен первый. От деревянных зданий конторы, клуба, столовой, модельного склада не осталось ничего, одна зола. Сожжена была модельная мастерская со всем складом деревянных моделей для литейных форм. Уцелели только кузница и дизель.

Город освободили 25 сентября. Но уже назавтра после освобождения города все, кто мог, пришли на развалины завода, и началась лихорадочная работа по восстановлению: тушили во дворе горящий еще кокс, расчищали завалы. В уцелевшем небольшом помещении, где сейчас мастерская гаража, устроили модельную мастерскую. В крошечном помещении, на том месте сейчас построен новый литейный цех, оборудовали маленький механический цех. Разборку завалов вели с целью отыскать и сохранить неповреж-

денные огнем инструменты, детали, заготовки. Все, что было еще пригодно, собирали в одном месте и сортировали. Токарь завода, Афанасий Григорьевич Подвойский, который работал на заводе в годы оккупации, предвидя, что немцы при отступлении уничтожат завод, обложил свой токарный станок мешками с песком и тем сохранил станок от перегрева и скручивания станины. В ближайшие дни он из двух сгоревших токарно-винторезных станков Ижевского производства собрал и пустил в ход еще один станок. Ему, как наиболее опытному и старому мастеру, рабочие безусловно доверили руководство восстановительными работами. В ближайшие недели был восстановлен один поперечно-строгальный (шепинг) станок и один сверлильный станок. Модельный цех восстанавливали старые опытные мастера, Александр Самуилович Курбатский и Иван Дорофеевич Суярко. Слесарями командовал Петр Пономарев.

Такая же лихорадочная работа по спасению оборудования и зданий велась на всех фабриках города.

Рабочих рук на восстановительных работах не хватало. Позвали молодежь. Я запомнил тех первых мальчиков и девочек, которые пришли сначала помогать разбирать завалы, а потом стали учиться профессии: Яшу Рассоленко, братьев Колесниковых, Сергея и Костю, Ларису Цареву, Васю Казачкова. Тогда они были почти дети, к тому же худые и вечно голодные. К ребятам относились потешески: учили, помогали, подкармливали. Помню, что особую заботу о молодых рабочих проявляли мастера Иван Митрофанович Туткевич, Александр Самуилович Курбатский, Афанасий Григорьевич Подвойский, Иван Дорофеевич Суярко. Очень скоро подростки стали опытными специалистами, хорошо знающими свое дело.

Как мы радовались восстановлению каждого цеха, каждого дома. Уже в октябре 1943 года заработала одна печь хлебокомбината, была восстановлена паровая машина на Стодольской фабрике, и от нее заработал электрогенератор, дававший ток в город. Городская ТЭЦ была взорвана. Электричество от временных маломощных генераторов использовали крайне экономно, в основном, на производственные нужды. В жилые дома электричество первое время не подавали. Керосина не было, вечерами жгли лучину. Жили впроголодь. Хлеб распределялся по хлебным карточкам. В учреждениях не было соответствующих бланков и печатей. Но никто не роптал. Все жили одним порывом, одним движением – скорей ликвидировать последствия войны и восстановить нормальную жизнь.

В начале 1944 года на завод им. Калинина прибыл заведовать производством Артем Григорьевич Кузьмин. Он же стал заместителем главного инженера. Кузьмин осмотрелся и уже на следующий день составил от имени рабочих письмо на имя генерала ближай-

4ая Средняя школа
г. Клинцы 13/1-44г.

Справка.

Дана настоящая т. Морозову Семану
Любовичу в том, что он в настоящее
время работает в качестве слесаря

в 4ой Средней школе
Справка выдана для получения хлеба

Гомельский район
Директор школы: В. Поклякшт
Секретарь Морозову
Подпись: [подпись]
Сортировочная удостоверения: [подпись]

Справка для получения хлебных карточек. 1944 г.

шей фронтальной части с просьбой предоставить заводу трактор, чтобы использовать его дизель для производственных целей. Трактор дали. С его помощью удалось запустить вагранку и сразу начать литье запасных частей для боевой техники ближайших воинских частей. Фронт отошел к Гомелю, к Днепру и остановился. Тыловые части срочно приводили в порядок поврежденную боевую технику, готовясь к наступлению. Потребность в запасных частях была огромной. Сразу стали поступать заказы срочные и сверхсрочные.

И вот в сожженном литейном цехе (теперь здесь склад полуфабрикатов) начали формовать и отливать детали. Не было ни крыши, ни окон. Начались дожди, а там — морозы. Но выход из тяжелого положения нашли. Отформованные опоки накрывали горелым (из пожара) листовым железом, спасая их от дождей. Часто формовку делали прямо по представленным образцам, а не по деревянным моделям, для изготовления которых нужно было иметь сухое дерево, опытных модельщиков и время. А время не ждало. Отливки получались первое время грубые, но в то тяжелое время военные и таким были рады. Забирали отливки и обрабатывали их в походных мастерских, оборудованных в автомашинах. Мы тоже налади-

Дубликат №

Клинцовский городской отдел Здравоохранения

Инвалидный билет № _____

Клинцовская Городская врачебная комиссия на своем задании с *10 июля* 1943 г. протоколом № *13* § *38* постановила:

Гр. *Морозов Семён Яковлевич*
Возраст *1906* пр. *ес. кузнецкий мастер*
1886
работающему _____
в качестве *инвалида*
проживающему *Краснобесская д. №1.*
Инвалидность гр. *третья*
лица способный (или слабо)
легкую физическую работу
по диагнозу *Компенсир. парок сердца*
и др. ревматизм
Сроком на *шесть месяцев*
пересвидетельствованном _____
10/1/44.

Пред. комиссии _____
Члены _____
Секретарь _____

Документ, выданный во время оккупации города Клинцы, скреплен печатью бургомистра Городской управы

ли обработку некоторых деталей на своих станках. Для этого был изготовлен большой ворот, который рабочие раскручивали вручную, и он, как маховик, передавал крутящий момент на станок.

Первые недели обязанности директора были возложены на старейшего токаря А.Г. Подвойского. Его авторитет для всех был не-

перекаем. Затем некоторое время руководил заводом Шамилов, прибывший к нам по назначению.

И только с возвращением в коллектив Петра Никитича Иванчикова мы почувствовали, что у нас настоящий директор.

Заместителем директора стал Михаил Осипович Мареев, он же начальник модельного цеха.

Я с 1943 года возглавил технический отдел завода. В отдел вошли сначала Геннадий Александрович Вольдемаров, Михаил Семенович Морозов (до мобилизации в действующую армию), Михаил Иванович Дорофеев, Ольга Александровна Желтова. В 1945 году, после излечения от фронтового ранения, прибыл Николай Иванович Чередников. Несколько позже поступили на работу Н.А. Ломанова (теперь Дребенцова) и Лидия Васильевна Хаткевич (теперь Заступенко).

С первых дней работы технический отдел приступил к созданию чертежей на восстановление литейного цеха и на все производственные здания завода.

Работы было очень много. Помимо чисто заводской производственно-технической работы нашему отделу было поручено подготовить для специальной комиссии подробные планы и чертежи уничтоженных фашистами производственных зданий города. Комиссия включала представителей из Москвы и должна была определить убытки, причиненные врагом. Возглавлял комиссию секретарь Клинцовского горкома партии Афанасий Сафронов. В комиссию входили Ксения Шуршина, тогда она была председателем исполкома горсовета, Николай Лазунов – начальник городского КГБ, Николай Васильев – из НКВД, Петр Сергеевич Данилов – председатель горплана при исполкоме горсовета. С Даниловым довелось сотрудничать. Дело в том, что я был включен в группу по составлению ведомости о причиненном ущербе промышленности города. Вместе с М.С. Морозовым мы составили подробные чертежи зданий ТЭЦ, сожженной при отступлении немцами, были подготовлены материалы по оценке ущерба, причиненного заводу им. Калинина. Оценка сохранившихся зданий производственного значения показала, что стоимость их упала в 28 раз по сравнению с 1941 годом. Сырья, топлива, материалов и готовых изделий удалось вытащить из завалов и спасти незначительное количество. Меньше пострадали жилые здания, принадлежавшие заводу. Причиненный ущерб основным средствам предприятия в ценах 1926/27 годов составил 1 370 000 рублей.

Другая группа людей работала по учету личных потерь города за годы войны. Каждому уличному было дано задание обойти все дома на своей улице и записать фамилии погибших. Данилов говорил, что удалось учесть 340 или 350 фамилий убитых жителей города. На самом деле погибших людей было значительно больше.

*Технический отдел завода им. Калинина. Октябрь 1944 г.
Сидят П. М. Храмченко и О. А. Желтова, стоят
Г. А. Вольдемаров, Н. И. Чередников и М. И. Дорофеев*

Среди погибших были мои родственники — дядя, Ефрем Кононович, его дочь, Татьяна, и внук, а также мои знакомые: старик портной Юда Давидович с женой, преподаватель музыкальной школы Лев Эммануилович Плоткин с женой, зубным врачом, а также Иосиф Забрамный, который работал ответственным секретарем в Клинцовской газете «Труд». Он, как и я, интересовался краеведением и собирал документы по истории города.

Еврейская община поработала добросовестно и составила списки всех, кто погиб в годы оккупации. Они выявили 263 человека жителей Клинцов, расстрелянных немцами в 1941 году. Эти сведения хранятся в Брянском архиве.

Кроме погибших, велся учет жителей, угнанных в Германию. Их по городу было учтено почти 170 человек.

Одновременно с восстановлением заводских корпусов велось восстановление жилья. Группой конструкторов, в которую вошли М.С. Морозов, Г.А. Вольдемаров, Н.И. Чередников и я, были сделаны обмеры и чертежи на недостроенное еще с довоенных лет жилое 4-этажное здание для работников завода, по адресу ул. Октябрьская (ул. Большая) дом № 31. Это здание на углу улиц Большая и Пушкинская.

Вскоре к восстановлению жилого здания приступили строители из монтажного управления № 3 треста «Текстильстрой». Силами этой строительной организации восстанавливались фабричные корпуса Стодольской, Глуховской и Троицкой фабрик. Следует сказать, что в условиях острой нехватки рабочих рук в восстановлении города участвовали почти 600 военнопленных. Военнопленные достраивали жилой дом для Калинзавода, восточное крыло здания Дома Советов и другие здания в городе.

Срочным заданием было создать чертежи на восстановление взорванной пилорамы, расположенной на Глуховской фабрике им. Коминтерна. Срочность была вызвана тем, что Орловский «Облплан» выделил под Клинцами участок леса на вырубку 2 000 кубометров деловой древесины для нужд восстанавливаемого хозяйства. Клинчане должны были не только вырубить лес, вывезти, но и обработать древесину. От пилорамы остался только лопнувший в нескольких местах остов. Не сохранилось ни одной кинематической детали. Что делать? Оказалось, что на рабочем дворе зеленого хозяйства на Стодоле есть вполне исправная пилорама. Она была несколько иной конструкции, но знакомство с устройством пилорамы и ее деталями позволило мне воссоздать в чертеже уничтоженную взрывом пилораму.

В столь трудное для страны время, какими были 1943-1945 годы, «горячие головы» из местной городской парторганизации предложили перевыполнить план, для чего рубить деловой лес не только за городом, но и в лесопарковой зоне возле стадиона. Это предложение вызвало возмущение жителей города. В Клинцовской газете появились статьи с призывом сохранить парковый лес для потомков. К чести клинчан, лес у вокзала, стадиона и на Солодовке удалось сохранить в его первозданной красоте. Сбережем ли мы лес теперь, в условиях мирной жизни?!

Уже в конце 1940-х годов нашелся добрый человек, который взялся возрождать уничтоженный во время войны лес. Это был начальник «Коммунхоза», бывший командир партизанского отряда Иван Арсентьевич Матюхин. Были проведены лесопосадки на Солодовке, на Почетухе, на Лопатенском шляхе. Помогал Матюхину житель Солодовки Алексей Андреевич Вдовенко. Эти люди смотрели в будущее, понимая, что возрождать нужно не только промышленность, но и природу, несмотря на разруху и нищету.

Суровая жизнь послевоенных лет требовала заниматься одновременно своей профессиональной деятельностью и многими другими производственными делами. И каждое задание нужно было выполнить срочно или сверхсрочно. От постоянного недоедания болела голова. Согреться было негде. На заводе температура в помещениях едва поднималась до 8 градусов тепла.

Под технический отдел была выделена маленькая комната без

отопления, а уже надвигались холода. Печников не было. Пришлось в перерывах между работой над проектами и чертежами ставить печь. Я начал выкладывать печь с тремя дымоходными колодцами. В подсобные рабочие взял Михаила Морозова. Мы спешили, чтобы закончить работу и вернуться к основной конструкторской работе, запланированной на неделю. Уже приступил к «рихтованию» – затирке глины. В этот момент в технический отдел зашли представители из Москвы для решения производственных вопросов по заказам. Спрашивают: «Где начальник техотдела?». Я в запоне (фартуке), весь перемазан глиной, слезаю с лесов, мою руки в ведре и говорю: «Я к вашим услугам». Они с сомнением посмотрели на меня, никак не предполагая, что печник и есть начальник техотдела. Но тут же начался деловой разговор, и недоумение с их лиц улетучилось.

Строительных материалов не было. Конторским работникам завода было поручено разбирать в нерабочее время все фундаменты от пожарищ, очищать кирпич от извести и складывать в штабеля возле будущего механического цеха. Работа для служащих была непривычная и незнакомая, поэтому меня как «специалиста по печному делу» назначили бригадиром. Работу проводили по вечерам и выполнили довольно быстро.

Мне также пришлось класть стены механического цеха, начиная со второго этажа. Квалифицированных каменщиков не хватало, а здание необходимо было ввести в строй до холодов. В первой половине дня я работал в техническом отделе, а после обеда – на строительстве. Тогда же познакомился с работой жестянщика. Каменщики заканчивали класть стены, а жестянщики начинали монтировать вентиляцию. Хорошим мастером-жестянщиком оказался слесарь Петр Пономарев. У него я научился жестяному ремеслу. Он преподавал мне приемы, как сделать ведро, казанок, трубу, что мне в дальнейшем очень пригодилось.

Директор завода приобрел несколько лошадей, а потом и волов, которых использовали для перевозки тяжелых предметов внутри территории завода. Грузовой транспорт служил до середины 1950-х годов и был постепенно вытеснен машинами. Еще в 1940-х годах на заводе появились два «Форда» выпуска 1943 и 1948 годов, ГАЗ АА – 3 машины, ЗИС-5 – несколько машин и одна машина ЗИС-150 выпуска 1948 года.

Близость фронта не исключала налетов вражеской авиации. Администрацией завода было принято решение вырыть окопы соответствующих габаритов, чтобы, в случае налета авиации, было где скрыться рабочим. Земляные работы снова были поручены конторским работникам, а ответственным за них назначили меня. Мы облюбовали место на пустыре, недалеко от входа в нынешний механический цех, и за несколько вечеров выкопали ряд окопов глу-

биной более 1,5 метров. На случай дождя дно было сделано с наклоном для стока воды, а в местах сбора воды сделаны углубления для вычерпывания воды. Эти инженерные решения позже себя оправдали.

Восстановительные работы на заводе велись с таким огромным энтузиазмом, о котором в мирное время можно только мечтать. Каждый работал с уверенностью, что чем больше будем работать, тем быстрее наладим мирную жизнь. Этот трудовой порыв людей был замечен и отражен в местной газете «Труд». Вот, например, статья из газеты за 26 октября 1944 года за № 113, где кратко описан один из моментов восстановительных работ на заводе. Статья называлась «Силами добровольческих бригад»: *«Чисто стало на территории завода им. Калинина. В определенном месте аккуратно сложен чугунный лом, убраны завалы кирпича, полный порядок наведен там, где еще совсем недавно нельзя было пройти. Все это сделано силами добровольческих бригад. Ежедневно после своей основной работы, люди по 2-3 часа работали на строительстве, убирали двор. Когда понадобилось, конструктор т. Храмченко специально изучил искусство каменной кладки и работал за каменщика. Прекрасно проявила себя молодежь. Комсомолки тт. Тихонова, Желтова и многие другие каждый день работали на стройке, очищали и подавали кирпич, носили раствор, выполняли любое поручение. Если нужно было очистить сто кирпичей, они очищали вдвое больше, перевыполняли все задания. Так работали добровольческие бригады в период подготовки города к годовщине освобождения от немецких захватчиков».*

Уже в 1944 году введены в строй литейный цех с двумя вагранками, двухэтажное здание механического цеха, кузнечный цех на три горна, печь для цветного литья, установлен дизель в 60 лошадиных сил, восстановлен технический отдел, склад готовых изделий, восстановлено 95 единиц старого, побывавшего в пожаре, оборудования.

Хочется подчеркнуть, что традиции нашего завода как машиностроительного ожили уже в те тяжелые времена военной разрухи.

В мае 1945 года, после капитуляции Германии, от завода была собрана группа в количестве более 10 человек и командирована в Германию в город Вичток для демонтажа оборудования в количестве 86 единиц. Возглавили группу начальник треста Сафонов (в звании майора) и А.А. Ломанов (ст. лейтенант). На завод из Германии поступили разные станки и оборудование, что позволило оснастить производство и поднять производительность труда.

В 1945 году начальником техотдела был я, Павел Максимович Храмченко, конструкторами отдела работали Геннадий Александрович Вольдемаров, Николай Иванович Чередников, копировальщиками — Ольга Желтова, Миша Дорофеев. После свертывания

восточного фронта из Манчжурии вернулся Михаил Семенович Морозов, призванный на фронт в конце войны.

Только что отгремела война, а завод уже получил задание освоить, изготовить и отправить на Ленинградскую фабрику «Красный Октябрь» бильные машины для производства технических сукон. А осваивать производство без чертежей было невозможно. Все чертежи, хранившиеся в заводском техническом архиве, во время войны частью были вывезены, частью погибли. Тогда на фабрику «Красный Октябрь» в Ленинград был командирован опытный конструктор М.С. Морозов. Это был 1950-й год. Бильную машину разобрали. Морозов начерно сделал эскизы каждой детали. По этим эскизам техническое бюро нашего завода сделало сборочные и рабочие чертежи, по которым было запущено производство бильной машины. Но возникла задача, как обработать некоторые детали при крайне бедном еще оборудовании. Тогда начальник производства А.Г. Кузьмин собрал совещание, на которое были приглашены все мастера и опытные рабочие-практики. Каждый поочередно высказал мнение, долго спорили, но решение было найдено. Заказ из восьми бильных машин был выполнен и отправлен в Ленинград. Станки работали безотказно, и плохих отзывов не поступало.

Новым заданием по машиностроению было освоение двухбарабанной трепальной машины марки «2 БТ». Освоение заводом этой машины подняло технологичность производства на довоенный уровень. Машина была запущена в серию. Ведущим конструктором по этой машине были М.С. Морозов и П.М. Храмченко. В начале 1950-х годов машины повышенного качества стали поставлять на внешний рынок, в Албанию.

Следующей машиной, которую освоил и выпустил завод, была сложная круглочесальная машина марки «НКЧ». Чертежи на машину отрабатывались ведущим конструктором этой машины М.С. Морозовым. Освоение нашим заводом выпуска круглочесальной машины освободило страну от необходимости тратить золото на приобретение таких машин за границей.

В это же время была поставлена задача освоить производство малых и больших игольчатых кругов «Нобль», которые из-за своей уникальности стоили на внешнем рынке очень дорого. Способ изготовления игольчатых кругов был засекречен английской фирмой. Эти круги являлись основной и главной частью машины НКЧ, а также требовались в большом количестве как запчасти к той же машине. По всему наркомату текстильной промышленности был объявлен конкурс на изобретение способа их изготовления. А представляли они из себя вот что: круглый диск из специального медного сплава толщиной около 16 мм. Диаметр малого круга был около 400 мм, а большого — более метра. В этих дисках многие

тысячи сквозных мелких отверстий разных размеров и разных профилей, в которые забивались с определенной плотностью посадка иглы соответствующих профилей и размеров. Вся основная сложность была в том, что большинство отверстий было не круглых, а продолговато-плоских, просветом от нескольких десятых долей миллиметра до полутора миллиметров. Последний ряд – круглые. Над этой задачей «ломали головы» многие изобретатели текстильной промышленности. В конце концов решить ее удалось главному инженеру клинцовского завода, талантливому изобретателю и рационализатору Петру Владимировичу Мироничу. Он провел много экспериментов. Обеспечение экспериментальной работы требовало разработки экспериментальных чертежей. Эта работа велась нами, П.М. Храменко и М.С. Морозовым. Наконец мы приступили к созданию рабочих чертежей. Практическим изготовлением этих сборных кругов в металле руководил опытный мастер завода Иван Митрофанович Туткевич. Составные части кругов вытачивали рабочие механического цеха. Производство сборных игольчатых кругов системы Миронича было запущено в серию и продолжалось несколько лет, пока текстильная промышленность не была насыщена ими в достаточной мере.

47. П. В. Миронич

О нашем главном инженере, Петре Владимировиче Мирониче, я должен и обязан рассказать особо, как о человеке выдающемся. Родился Петр Владимирович в Одессе, а корни его рода происходят из Черногории. Об этом он мне рассказывал сам. В давние годы он бывал в Париже и в других городах Европы. Несколько лет жил в Петербурге. Знал французский язык. В советские годы жил в Москве, работал главным инженером Всесоюзной проектной конторы – в/к «Проектмашдеталь». До войны и после войны был главным инженером Клинцовского завода им. Калинина. Все это время квартира в Москве за ним сохранялась. Петр Владимирович был крупным специалистом по машиностроению, человеком с глубокими и разносторонними знаниями, с большим производственным и жизненным опытом. Он был человеком большой доброты и интеллигентности. Несмотря на сложности производства, я не знаю случая, чтобы он, решая вопросы, повышал голос.

Опишу один характерный случай. Одно время в литейном цехе шел сплошной брак. Причину его никак не удавалось установить даже специалистам литейщикам. Положение становилось критическим для всего завода. Тогда Петр Васильевич попросил, чтобы его некоторое время не отвлекали никакими вопросами, и углубился в изучение литейного дела. Он не был литейщиком по своей

специальности. Вечерами по книгам, а днем в литейном цеху он изучал литейное дело и дней через пять нашел причину брака, и наладил производство.

Однажды он рассказал, что директор предложил ему перенести свой кабинет главного инженера и поместить рядом с его, директорским. Петр Владимирович не согласился: «Технический отдел — моя правая рука и должен быть всегда возле меня».

По характеру Петр Владимирович был веселым и добродушным человеком, с добрыми, умными и пронизательными глазами. Собеседником он был на редкость интересным. При случае, в компании или чтобы разрядить обстановку, рассказывал анекдоты и всякие истории, причем никогда не повторялся. Говорил живо, интересно, богатым языком.

Петр Владимирович был большим любителем и другом природы. В часы досуга с удовольствием возился в огороде и был знатоком огородничества. На своих грядках выращивал великолепные огурцы и помидоры. Впоследствии он подарил мне свою библиотеку по огородничеству.

Петр Владимирович оставил заметный след в жизни Клинцов, в жизни завода. И после его отъезда в Ригу долго ощущалась духовная пустота, потеря хорошего специалиста, человека, друга. Петр Владимирович сумел передать свой опыт и заразить меня своим серьезным отношением к делу, за что я ему всю жизнь благодарен. От всех людей, кто его знал, я слышал о нем неизменно только хорошее. Последние его письма ко мне я храню и поныне, как дорогие реликвии.

48. Завод им. Калинина в 1950–1960-е годы

В 1952 году я ушел с должности начальника КБ, оставшись конструктором. Теперь уже как рядовой конструктор я участвовал в разработке и внедрении в производство двухбарабанной трепальной машины (2 БТ), круглочесальных машин разных систем. Много занимался оснасткой для обработки деталей выпускаемых машин: штампы, кондукторы, создавал приспособления для сварки, для обработки деталей искровым методом, для сборки магнитно-масляных пускателей, освоением производства пластмассовых деталей.

Следующим этапом в жизни завода стал выпуск ленточных машин. Первая ленточная машина ЛА-1-Ш была изготовлена в начале 1960 года. А к концу года была выпущена опытным образцом ЛА-2-Ш. Подготовка к выпуску новых машин велась сначала в конструкторском бюро завода, где разрабатывались узлы и детали, составлялись рабочие чертежи. А затем шла доработка узлов машины.

Готовя свои воспоминания, я нашел у себя записи, сделанные в 1961 году, когда временно пришлось вновь работать начальником конструкторского бюро завода.

«Исполнение обязанностей ведущего конструктора на время отпуска Вольдемарова с 13.06 по 10.07.1961 г.

Срочно! Согласно решению Техсовета к 20.06!! Спроектировать приспособление, заменяющее двухшпинделевую головку для нарезания одновременно 2-х конических ш-н (Бриз Воронкова). Готовы чертежи к 24.06.61 г., отдал Клапцову.

Срочно! Обеспечить альбомами чертежей на челночные коробки 15 видов на третий квартал по плану (дано Сакуте 13.06).

Проверить и дать ведомости оснастки на все эти челночные коробки.

Немедленно! Скорректировать пуансон и матрицу (чертеж) и дать чертежи в инструментальный цех для изготовления нового пуансона на движок уточн. вил. (Арх. 8999), сделано 16.06, дал Храмову общий вид, пуансон и матрицу.

Сверить кальки штампа (арх. 5276) с оригиналом. 27.06.61 г.

Немедленно! Увязать размер паза: 1) болт М 12 вместо М 10. 2) вместо 12,5 – 13,5. Приспособление для фрезер. № Фп-156-К. Интерн ф-ки (конструктор Федорино, инструментальщик Лапицкий). 16.06.61 г.

Немедленно! В пресформе на корпус ММП-2 (литье под давлением. Арх. 7602, дет. 14) увеличить конусность, так как не снимается отливка.

Немедленно! Литье под давлением – не вытаскивается корпус – нет конуса в ушках. Дать уклон и внести в чертежи кальки (в старых уклон есть, при копировании утрачены. Согласовано с Сакутой) 17.06.61 г.

Срочно! Рюта челночной коробки. Матрица под окно шипа 74 мм. Закупили пласт. Пуансон? 21.06 было закуплено в январе 1960 матр. И 10 пластин.

Срочно! Просмотреть и подписать штамп арх. 9292 (констр. Медведев) 19.06.61.

Срочно! Пресс-форма арх. 6075-4 в инструментальном цехе исправил на основе испытанного образца, данного Сакутой на 19 и на 17. Исправить кальки Вольдемарову 20.06.61 г.

Срочно! Просмотреть и подписать приспособление для фрезеров. Арх. 9340 (констр. Касьянов). 20.06 отдал Клапцову.

Вне очереди! Создать чертежи (для ворот воинской части) 3 чертежа по заданию Кузьмина. 21.06.61 г.

Кондуктор (констр. Мисников) арх. 9357 – просмотреть и подписать. 21.06 отдал Усольцевой.

Отгул за дежурство 22.06.61 г.

Клинцовский летописец

Составить письмо фабрике «Пролетарий» о челночной коробке 03-20-50. Отдал Юл. Ив. Барановой 23.06.61 г.

Срочно! Штамп для рубки заготовок (Загорянского) по просьбе Мурашковского заменить М 12 на М 16. 23.06.61 г. арх. 7558.

Срочно! Пресс-форма арх. 6075 (конструктор Вольдемаров), разобраться в неувязке на дет. № 17. (L 30?), исправил в инструментальном. Вольдемарову уточнить кальки и остальные чертежи. 23.06.61 г.

Срочно! Проверить штамп арх. 9366 (Халецкого) и подписать. Отдал Клапцову 26.06.61 г.

Проверить и подписать кондуктор арх. 9352 (констр. Халецкий). Отдал Клапцову на стол 27.06.61 г.

Срочно! Вычертить по фактическому профилю матрицу с корректировкой. Арх. 8999-2 для движка УПП. 28.06.61 г., отдал Магону.

Немедленно! Московский штамп с маркировкой 56 ШУ 560008 8345 – проработать пуансон – 3 вида. Соответственно изменить сопрягаемые части: пуансонодержатель, выталкиватель. Эскизы дал Винникову 28.06, исправленные чертежи отдать Долбенько.

Вне очереди! Вычертить фланец по образцу для торфопредприятия «Кожаны». 30.06.61 г. (механик Туровский).

Вырубной штамп на пластину НЭ-ТП-5-3-56 (ЛАШ). Принцип рубки заготовок для безотходной штамповки согласован с технологами Янковским и Тимановым 30.06.61 г.

Просмотреть и подписать гибкий штамп на петли арх. 9389 (Медведева). Отдал 1.07.61 г. Клапцову на стол.

Мисникову В. – сделать подвеску для хромирования воронки ЛА 1-Ш-6-29 (арх. 9397, сделана и отдана Клапцову 13.06).

УП-03-21 Кронштейн движка – кондуктор для отверстий (арх. 9357). Получил задание 17.06 отдано 21.06.

Вне очереди! К штампу гибочному (арх.8539) для ММП-2/24 изготовить сменные части и приспособить для гибки планки АТС/7200.

Сварочное приспособление ЛА 1 -Ш-2 сб. 3 Б вал. Дал задание 29.06.

Халецкому – вне очереди! Вычертить оправку для зубострогального станка конический ш-н со спиральным зубом для ЛАШ. Обратиться к Скрипкину. Сделано и отдано 13.06 (арх.9346)...

Чередникову Н. – для машины ЛАШ шаблоны 21 шт. и резцы 21 шт. согласно списку.

Фреза пальчиковая для паза в кронштейне дет. 05.01.11 Гх В1N-508821.

Сверхсрочно! Накладной кондуктор к корпусу БКК для 4-х от-

верстий диаметром 4,5 дет. 208-19. 13.06 сделан, отдан Янковскому.

Вне очереди! Приспособление для расклейки АТС 7200. 22.06. Медведеву С. – спроектировать штамп для ЛА 1 Ш. 1-6 «Петля». (Детализуется). Отдал Клапцову 19.06.61 (арх.9292).

Вне очереди! Прервать ту работу! И вычертить рычаг с измененной конструкцией № 208-12, сделано 13.06.61.

Вне очереди! Горизонтально-ковочная машина – приспособление (арх. 8758), вставки ручки не заходят по длине – проверить размеры в приспособлении, внести изменения в общий вид и в пуансон для АТС-7316.

Заказать новый пуансон – чертежи отданы Решетниковой 15.06, чертежи исправлены Жиленко 21.06 и отданы Усольцевой.

Сверхсрочно! (Арх. 9247) сделать второй вариант копира (вместо впадины – выступ). Проверить кальку копира. Сделано, отдано Янковскому 14.06.

Касьянову – 2 дня в неделю (понед. и втор.) – с учениками. 13.06.61 – поехал в колхоз «Россия».

Срочно! Приспособление для фрезерного паза 25 А 4. в Дет. Б-114. Монинск. комб. (арх. 9340). 20.06 отдано Клапцову.

Приспособление для фрезеров. УП-01-01- кронштейн движка.

16.06 – принимает экзамены у школьников с 10 утра до конца дня.

21.06 отгуливает за дежурство. 26.06 – переводится токарем в цех».

Все годы до самой пенсии я был постоянным уполномоченным от ИТР по изобретательству и рационализации. Активных рационализаторов на заводе было до 100 человек, из них рабочих – 60, а остальные – инженерно-технические работники. В год подавалось от 60 до 90 рацпредложений. Все их необходимо было рассмотреть и, при необходимости, внедрить в производство. Примерно четвертая часть предложений внедрялась и приносила экономию, исчисляющуюся сотнями тысяч рублей.

Ежемесячно я проводил занятия с рабочими, учил их читать чертежи при освоении новых деталей и новых машин. Многолетний труд мой был оценен медалью «Ветеран труда». В 1976 году я ушел на пенсию.

Подходя к концу кратких моих воспоминаний о работе на заводе в период 1930-1960-х годов, не могу не упомянуть еще об одном виде продукции, которым занимался целый цех. Это челночные коробки для ткацких станков всех систем. На протяжении почти всего времени их производства я совмещал роль ведущего конструктора и технолога по их освоению и производству. Надо сказать, что наш завод был единственным в стране заводом, выпускавшим челночные коробки. Технология изготовления их не столь сложна,

но здесь возникла другая сложность. В 1950-е годы заводу пришлось изготавливать челночные коробки 105 разновидностей. Это требовало огромного количества специальных штампов и разной оснастки (около 30 видов на каждую коробку), требующих специальных складских помещений. Такое положение очень затрудняло работу цеха, тем более, что штампы были далеко не легенькие. В процессе работы мне пришла удачная мысль – сконструировать несколько универсальных переналаживаемых штампов, которые заменят целый склад индивидуальных штампов. Такие универсальные штампы я создал. В результате оправдалось мое предположение. Освободилось целое складское помещение, цеховикам стало намного проще работать. Вместо горы штампов появились схемы настроек, по которым для каждого вида коробки производили наладку универсальной оснастки. Конечно, мне это стоило огромных трудов и времени, учитывая такое большое количество разных марок коробок. Должен здесь вспомнить добрым словом рационализатора Михаила Устиновича Воронкова, старейшего, опытного мастера-кадровика нашего завода. Он подал рационализаторское предложение и изготовил переналаживаемый штамп для штамповки фигурных деталей – полок челночной коробки, не за один удар, а по процессам. На первых порах этот штамп сыграл свою большую и полезную роль.

Все эти достижения в свое время не раз были отражены в городской и областной газетах, которые теперь я храню для памяти, как реликвии.

Теперь принято говорить о рабочих династиях. Вот что могу сказать о нашей фамилии – Храмченко. Мой отец, Максим Кононович, и дядя, Митрофан Кононович Храмченко, работали на чугунолитейном заводе Федотова, а затем – на заводе им. Калинина практически с первого года его основания. Кроме того, отец, будучи уже стариком, работал в трудные послевоенные годы на восстановлении многочисленных печей завода. Я, его сын, продолжил трудовую эстафету и 40 лет, с 1936 по 1976 годы, отдал заводу, вплоть до ухода на пенсию. И, наконец, внук моего отца, а мой сын, Николай Павлович Храмченко, успешно продолжает эстафету труда с 1963 года. Три года, с 1976 по 1979, он отслужил в армии и опять возвратился на родной завод. Работает токарем высокого класса в инструментальном цехе. За отличную работу имеет немало грамот, в том числе и областного значения. Многократно клинцовская газета «Труд» писала о нем, а в 1981 году Николай награжден медалью «За трудовую доблесть».

Старший сын, Геннадий Павлович Храмченко, работает квалифицированным автослесарем на механическом заводе им. Щорса. Трудовой стаж нашей семьи насчитывает уже более 90 лет и продолжается.

В заключение своих воспоминаний хочу отметить, что наш завод им. Калинина имеет с давних пор не только традиции машиностроения, но и еще одну замечательную традицию: завод всегда был кузницей опытных кадров. Наши рабочие, техники и инженеры известны как хорошие специалисты и производственники не только на своем заводе, но и на других, более молодых производствах города. Многие воспитанники заводского коллектива занимают там руководящие посты.

1970–2000

2000–2003

Документы об освобождении города Клинцы от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году

Н. Я. Геец

Сентябрь 1943 года. Началась войсковая операция по освобождению Брянской земли от немецко-фашистских захватчиков. С 1 по 18 сентября войска Брянского фронта, проводя фланговый удар на правом крыле и ряд других ударов с фронта на левом крыле, нанесли сокрушительное поражение дивизиям 9-й немецкой армии, отбросив их в западном направлении от 60 до 100 километров.

В ночь на 19 сентября командующий Брянским фронтом генерал М.М. Попов принял решение на преследование отступающего противника по всей полосе наступления. По замыслу операции основной удар наносился на центральном участке между клетнянскими лесами и линией Почеп, Клинцы, шириной 40-50 км, в направлении Мглина, Суража, Чечерска, Жлобина.

Вперед на это направление была направлена конно-механизированная группа генерал-лейтенанта М.И. Казакова, в которую вошли 2-й гвардейский кавалерийский и 1-й танковый корпуса, 30-я мотострелковая и 12-я истребительно-противотанковая бригады, 13-я зенитно-артиллерийская дивизия и другие части усиления.

23 сентября 1943 года была освобождена Унеча. 24 сентября 1-й танковый корпус получил боевую задачу преследовать отходящего противника в направлении Клинцов.

Как происходило освобождение города Клинцы, представлено в хронологической подборке архивных документов. Текст документов печатается с сохранением неточностей обозначения населенных мест и особенностей составления боевых документов того времени.

Сокращения:

СД – стрелковая дивизия

СП – стрелковый полк

КСП – кавалерийско-стрелковый полк

Штабкор – штаб корпуса

ТБр – танковая бригада

ТК – танковый корпус

РУ – реактивная установка

МСБ – мотострелковый батальон

АП – артиллерийский полк

См. Воспоминания очевидцев и участников освобождения г. Клинцы в 1943 г. на стр. 389–394.

Из журнала боевых действий 129 СД

В ночь с 23 на 24.9 обходом из флангов дивизия выбила из узла сопротивления Брянск – Кустичи. Противник начал отходить на Клинцы.

51 и 438 СП, преследуя отходящего противника, к 15.00 24.9 передовым отрядом вышли Богородицкое, Астрахановка.

Бой за Клинцы, преследование противника до р. Ипуть. Обороне Клинцы противник придавал большое значение как крупному узлу сопротивления. Наиболее прочно был укреплен населенный пункт Ардонь, на подступах к Клинцы. Лобовая атака этого населенного пункта стоила больших жертв.

Командир дивизии решил. Ночной атакой 518 СП охватывающими действиями с флангов выбить противника из Ардонь и одновременными действиями с 438 СП наступать на Астрахановка.

Наша разведка к этому времени имела некоторые данные о противнике. С наступлением темноты 24.9 518 и 438 СП частью сил обойдя с севера Ардонь и с юга Астрахановка выбив его с занимаемого рубежа, образуя брешь сев. Ардонь были введены основные силы КСП 518, которые и развили успех. Боясь окружения, противник начал отход. К 22.00 25.9 передовой отряд 518 СП с боем прорвался в южную часть Клинцы. Не выдержав натиска наших частей противник начал отходить и к 26.9 он отошел на зап. Берег р. Ипуть на заранее подготовленный рубеж.

(ЦАМО РФ. Ф. 1348, оп. 1.34, л. 41).

Из отчета о боевых действиях 117 ТБр 1 ТК

В 15.10 24.9.43 г. по приказу штабкора № 028 от 24.09. 117 Унечская ТБр в составе танков: Т-34 – 18, МК-111 – 2 выступила по маршруту: Песчанка, Стар. Гута, Робчик, Коржовка-Голубовка, Клинцы с задачей сбить обороняющиеся группы противника на рубеже Арзинь, Красная Заря, Сухопаровка и во взаимодействии с 30 и 44 мотострелковыми бригадами на рассвете 25.9 овладеть Клинцы. В 19.30 24.9 бригада в полном составе сосредоточилась в районе 0,5 км Коржовка-Голубовка, где от командующего военномеханизированной группой генерал-лейтенанта Казакова, был получен боевой приказ наступать в район Новозыбков.

В течение ночи с 24.9 на 25.9 бригада вела разведку в направлении Бринище – Голубовка.

В 2.30 25.9 в составе танков: Т-34 – 18, МК-111 – 2 по приказу штабкора № 029 в 7.30 выступила на марш в направлении Коржовка, Голубовка, Клинцы, Синьковка, Белый Колодезь, Замышево, Новозыбков и, выйдя на р. Ипуть, захватить переправу.

(ЦАМО РФ. Ф. 3201, оп. 1, д. 4, л. 37).

Выписка из журнала боевых действий 159 ТБр 1 ТК

25.9.43 г. задача бригады в 15.00 выступить по маршруту: Песочня, Клинцы и к 19.00 25.9 сосредоточиться в Клинцы. Отдано распоряжение батальонам о выходе в район Клинцы по маршруту: Песочня, Клинцы. В 16.00 бригада в составе 351 ТБ Т-34 – 11 шт., штаб бригады, РУ, МСБ выступили. В 20.00 бригада сосредоточилась в селе южнее Клинцы, где проводила дозаправку.

26.9.43 г. бригада имела задачу в 6.00 выступить по маршруту: Клинцы, Людиново, Веприн, форсировать р. Ипуть и к 16.00 26.9.43 г. сосредоточиться на ю.в. Несоевки.

В 6.30 бригада в составе 351 ТБ Т-34 – 11, штаббригады, РУ, МСБ с десантом на танках выступила по маршруту: Клинцы, Людиново. В 17.00 выслана разведка Внуковичи, Ст. Бобовичи и район переправы Стар. Бобовичи.

(ЦАМО РФ. Ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 52 об.).

Боевое донесение № 095 к 22.00 25.9.43 Штадив 169 сев.-зап. окр. Клинцы

1. Противник силою до двух стрелковых батальонов при поддержке двух артиллерийских и минометных батарей пытался задержать успешное продвижение частей на подступах гор. Клинцы, неоднократные контратаки в левый фланг и центр дивизии каждый раз отражались и успеха не имели.

В 20.00 противник, атакованный частями дивизии на занимаемом рубеже, отошел в западном и юго-западном направлениях.

2. Дивизия в течение второй половины дня вела сильный огневой бой на рубеже: выс. 180, 9; 170,5 вост. оп. леса севернее пос. Ардонь. В 20.00 части решительной атакой сбили противника и преследовали его в западном и юго-западном направлениях. К 1.00 25.9.43 дивизия овладела г. Клинцы и к 3.00 вышла на зап. окраину города.

680 СП с 2 и 3/307 АП в течение второй половины дня вели огневой бой с противником на рубеже: выс. 174,8 ж.д. будка 0,5 км юго-зап. Коржовка, Голубовка. В 20.00 после артиллерийского налета решительным броском сбил противника, преследуя в западном направлении, овладел северной окраиной г. Клинцы, к 4.00 вышел на рубеж: лес 2,5 км северо-западные Клинцы. Привел личный состав в порядок и продолжил выполнять задачу и к 20.00 вышел на рубеж: отм. 142,3, 142,4.

437 СП с 1,307 АП во второй половине дня вел бой с противником на рубеже выс. 182,5 (км) выс. 175,9. В 20.00 решительной атакой выбил противника с занимаемого рубежа. Преследуя про-

тивника в западном направлении, полк к 4.00 вышел на рубеж: опушка леса 2 км зап. Клинцы отм. 142,4 отм. 145,4.

566 СП наступал во втором эшелоне за 680 СП в готовности содействовать из-за правого фланга дивизии по овладению г. Клинцы. По овладению Клинцы полк занимался очисткой города от отдельных групп противника, засевших в отдельных строениях. По выполнению этой задачи полк продолжает выполнять задачу и к 20.00 достиг: 0,5 км зап. отметки 163,9.

3. В результате боя по овладению г. Клинцы 25.9.43 дивизия имеет потери: убито – 4, ранено – 16.

Трофеи: ручных пулеметов – 6, станковых пулеметов – 3, винтовок – 77, минометов 51-мм – 5, пушек – 3, винт. патронов – 10000, взято в плен русских солдат-власовцев 150 человек. Уничтожено до 150 солдат и офицеров противника.

(ЦАМО РФ. Ф. 1410, оп. 1, д. 57, лл. 223, 224).

Оперсводка № 096 к 23.00 25.9.43 г.

Штадив – хутор Рыжигов

1. 169 СД с 23.00 24.9.43 г. продолжала вести огневой бой на дальних подступах к г. Клинцы на рубеже: выс. 180,9 170,5 вост. опушки леса севернее пос. Ардонь.

В 24.00 24.9.43 г. части дивизии решительной атакой сбили противника на подступах к г. Клинцы, преследуя в западном и юго-западном направлениях. В 1.00 25.9.43 г. передовыми отрядами ворвались на восточную окраину г. Клинцы, продолжая развивать успех, очищая город от мелких групп противника, к 3.00 25.9.43 г. вышли на западную окраину города. На занимаемом рубеже в течение первой половины дня подтягивались огневые средства, приводили личный состав и материальную часть в порядок. С 18.00 продолжали наступление в направлении: Тулуковщина, Новый Свет и к 21.00 25.9.43 г. вышли на рубеж: разв. дорог 1,5 км Тулуковщина, отм. 142,4 1 км вост. отм 144,4.

680 СП с 2 и 3/307 АП в течение первой половины ночи с 24 по 25.9.43 г. продолжали вести огневой бой с обороняющимся противником на рубеже: выс. 174,8 ж.д. будка 500 м юго-зап. Коржовка-Голубовка.

В 24.00 24.9.43 г. полк, преодолевая огневое сопротивление прорвавшихся групп противника, решительным броском сбив обороняющиеся группы противника, и продолжил преследовать его в западном направлении. В 1.00 25.9.43 г. ворвался на северную окраину г. Клинцы.

Клинцовский летописец

Продолжая преследования отходящего противника, очищая северную часть города, к 3.00 25.9.43 г. вышел на рубеж: западная окраина леса 2,5 км сев.-зап. Клиницы. На занимаемом рубеже привел личный состав в порядок, подтянул огневые средства и тылы и с 18.00 продолжал выполнять поставленную задачу и к 20.00 вышел на рубеж: разв. дорог 1,5 км сев.-зап. Тулуковщина, отметка 142,4.

КП – сев.-зап. окр. Тулуповщина.

В результате боя за 25.9.43 г. полк имеет потери: убито – 1, раненых – 5. При овладении Клиницы полк имеет трофеи: ручных пулеметов – 3, винтовок – 40, винтовок самозарядных – 23, минометов 51-мм – 2, подсумков – 130, ППД – 1, пистолетов – 1, патронов – 10 000.

Уничтожено до 40 человек солдат и офицеров противника. Взято в плен власовцев 160 человек.

434 СП с 1/307 АП в течение первой половины ночи с 24 по 25.9.43 г. вел сильный огневой бой на рубеже ж.д. будка 1 км сев.-вос. Ардонь () сев. окр. пос. Ардонь.

В 00.10, преодолевая огневое сопротивление прорывающихся групп противника, сбил их и продолжал преследовать в северо-западном и западном направлениях.

В 1.30 передовым отрядом ворвался на юго-восточную окраину Клиницы, очищая южную и центральную часть города от мелких групп противника, к 3.30 вышел на юго-зап. окраину г. Клиницы.

Продолжая наступления 4.00 вышел на рубеж: западная опушка леса 1 км западнее вет. пункта. На занимаемом рубеже вел разведку в направлении Тулуповщина, подтягивая огневые средства и тылы, приводил личный состав в порядок. С 18.30 продолжал наступление в направлении Тулуповщина и к 22.30 вышел на рубеж: отметка 142,4 отметка 142,9.

КП – юго-западная окраина Тулуповщина.

В результате боя по овладению г. Клиницы полк имеет потери: убито – 2, ранено – 9, трофеи: ручных пулеметов – 3, ст. пулеметов – 3, ППД – 11, минометов 51-мм – 3, пушек 37-мм – 3.

556 СП второй эшелон дивизии наступал за 680 СП. По овладению полками первого эшелона г. Клиницы приводил себя в порядок в городе.

С 18.00 двумя СБ продолжал наступать за 680 СП, своим СБ продолжает вести комендантскую службу в г. Клиницы.

К 20.00 1 и 2 СБ вышли на рубеж: отм. 153,4, 165,9.

КП – отм. 169,5.

2. 307 АП – подивизионно поддерживает полки первого эшелона.

3. Противник, прикрывая отход главных сил своих войск, мелкими группами оказывал сильное сопротивление. В 24.00 сбивший наступающими частями дивизии отошел в западном направлении, оказывая незначительное сопротивление.

4. Спец. подразделение – в районе х. Рыжикив.

5. Соседи: справа действуют части 217 СД, слева 129 СД.

6. Погода ясная, дороги проходимы для всех видов транспорта.
(ЦАМО РФ. Ф. 1410, оп. 1, д. 57, лл. 225, 226).

**Генеральный штаб
Вооруженных сил СССР.
Военно-научное управление.
31 января 1978 г.
№ 319/186
г. Москва**

Первому секретарю
городского комитета КПСС
г. Клинцы Брянской области
товарищу Коваленко А.В.

В военно-научное управление Генерального штаба обратился председатель Совета ветеранов 169-й стрелковой дивизии бывший начальник штаба этого соединения генерал-майор в отставке Петренко Василий Алексеевич с просьбой подтвердить участие упомянутой дивизии в освобождении от немецко-фашистских захватчиков г. Клинцы Брянской области и справку по этому вопросу направить в Ваш адрес.

На основании тщательного изучения документов Центрального архива Министерства обороны установлено, что г. Клинцы был освобожден 25 сентября 1943 года войсками Брянского фронта в ходе Брянской наступательной операции. Непосредственное участие в освобождении города принимали следующие соединения:

– части 217-й стрелковой дивизии (командир – полковник Масонов Николай Павлович) 25 стрелкового корпуса 11 армии;

– части 169-й (командир – генерал-майор Еременко Яков Филиппович) и 129-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор Панчук Иван Владимирович) 40-го стрелкового корпуса (командир корпуса генерал-майор Кузнецов Владимир Степанович) 63 армии.

– вместе с указанными частями в боях за город участвовал партизанский отряд под командованием тов. Касьяна Константина Васильевича.

Клинцовский летописец

Боевые действия за город Клинцы развивались следующим образом:

24 сентября 217, 169 и 129-я стрелковые дивизии, преследуя отходящие части 253-й и 299-й пехотных дивизий противника, к 12 часам овладели рубежом: Коржовка-Голубовка, вост. окраина Богородицкое, Астрахановка. На этом рубеже противник оказал сопротивление, ведя огонь из района колхоза «Красная заря», Любвин и южнее.

К исходу дня, отразив несколько контратак пехоты противника и преодолев его огневое сопротивление, части указанных дивизий завязали бои за город. К 1.00 25 сентября 740-й стрелковый полк 217-й дивизии, взаимодействовавшей с частями 169 дивизии, овладел северной окраиной города, 169-я стрелковая дивизия – центральной частью Клинцы, а 518-й стрелковый полк 129-й дивизии – юго-западной частью города. К 4 часам утра 25 сентября 1943 года г. Клинцы был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

При овладении населенным пунктом Коржовка-Голубовка было освобождено около 7 тысяч советских граждан, которых гитлеровцы намеревались угнать в Германию.

**Заместитель начальника управления
генерал-майор С. Ильин.**

(Архив Клинцовского краеведческого музея).

Паспорт Емельяна Пугачева

Статье краеведа А.И. Поддубного по общему с ним согласованию решено предпослать «Паспорт Пугачева», хранящийся в Москве в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, ф. 6, д. 414, л. 198-198 об.)

//л. 198/ «По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая

объявитель сего, вышедший из Польши и явшейся собою при Добрянском форпосте, веры раскольнической, Емельян Иванов сын Пугачев по желанию ево для житья определен в Казанскую губернию в Синбирскую провинцию к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск: обид, налог и притиснения не чинить, а давать квартиры по указом. А по прибытии ему явитца с сим пашпортом в Казанской губернии в Синбирской провинциальной канцелярии, також следуючи и в протчих провинциальных и городовых канцеляриях являться. Праздно ж оному нигде не жить, и никому не держать, кроме законной ево нажды¹ ..., иже Пугачев при Добрянском форпосте указной карантин обдержал, в котором здоров, и от опасных болезней по свидетельству лекарскому явился несумнителен. А приметами оной: волосы на голове темнорусые, усы и борода черные с сединою, от золотухи на левом виску шрам, ... ниже правой и левой сиски [от золотухи] две ямки. Росту двух аршин четырех вершков с половиною. От роду сорока лет. При оном кроме обыкновенного одеяния и обуви никаких вещей не имеется. Во верности чего дан сей от главного Добрянского форпостного правления за подписанием руки и с приложением печати алоей в благополучном месте 1772 году августа 12 дня.

Майор Мельников.

//л.198 об./ 1772 году августа 24 дня пропущен через караул у городе Новгородск-Северском новоучрежденном караули в благополучном месте. Смотритель караула Евсей Яковлев свидетельствовал.

1772 году августа 24 дня сей пашпорт в благополучном городу Глухове на главном карауле явлен. Писал Николай

1772 года августа 25 дня по сему чрез учрежденную границу Севской из Глуховского уезду заставу пропущен. Карнет Еремей Арсеньев.

1772 года сентября 10 дня сей пашпорт в Валуйской воеводской канцелярии в благополучном месте явлен. Капитан Василий Казмин.

Сентября 23 дня 1772 году благополучном месте на (Старообоянской ?) заставе явлен сентября 23 дня 1772 году».

Подготовил материал **Р.И. Перекрестов.**

¹Нужды.

Был ли Емельян Пугачев в старообрядческом Климовском монастыре?

А. И. Поддубный (пос. Вышков)

Изучая краеведческую литературу, я обратил внимание на статьи о пребывании на Брянщине Емельяна Пугачева. Суть этих статей¹ сводится к тому, что примерно во второй половине марта 1772 года, после двух побегов (первый – из тюрьмы в Моздоке, что на Северном Кавказе, а второй – после ареста в своей родной донской станице Зимовейской) в старообрядческом Климовском Покровском монастыре якобы объявился мало кому тогда известный казачий хорунжий Емельян Иванович Пугачев. Временным приютом для него стала келья старца Василия. Жил Пугачев в той келье почти четыре месяца. Косил сено, плотничал, научился читать и мечтал привезти в климовские места свою семью. А самое главное – не скрывал своих мыслей поднять восстание против Екатерины II, на что, по преданию, якобы получил благословение стародубских старообрядцев, и тогда же у Пугачева возникла мысль объявить себя царем Петром III.

О замыслах Пугачева, пишется в одной краеведческой статье, узнали высокопоставленные сановники Екатерины II, приверженцы покойного Петра III². По версии автора, они смогли выкрасть Голштинское знамя одного из охранных полков Петра III и передать тогдашнему генерал-губернатору Малороссии графу Румянцеву-Задунайскому, известному своим доброжелательным отношением к стародубским старообрядцам. От графа знамя попадает к стародубским старообрядцам, а уже от них – к Пугачеву. Тот, строго следуя советам старца Василия, обзаводится паспортом и, прихватив с собой знамя, отправляется на реку Яик к тамошним казакам, чтобы поднять их на восстание.

¹Гуторов В. «Емельян Пугачев на Брянщине в 1772 г. в Климовской слободе». Газета «Авангард» (г. Климов Брянской обл.). 16 февраля 1988 г.;

Святогор С. «Пугачев на Брянщине. Из истории нашего края». Газета «Брянский комсомолец». 16 июля 1966 г.;

Даниленко В. «Паспорт Пугачева». Газета «Брянский рабочий». 13 октября 1978 г.;

Веремьев В. «Пугачев в Климовской слободе. Страницы истории». Газета «Брянский рабочий». 18 августа 1976 г.;

Комовский В. «Страницы истории. Пугачев в Стародубье». Газета «Знамя» (г. Злынка Брянской обл.). 15 января 1991 г.

²Кублицкий А. «Тайны Голштинского знамени». Газета «Брянский рабочий», 14 октября 1979 г.

О «жизни Пугачева у старца Василия» рассказывают многие исследователи¹. Пребывание Пугачева в Климовском монастыре считается настолько неоспоримым фактом, что о нем упоминается во всех солидных исследованиях по истории Брянщины. Но у меня появилось сомнение в достоверности вышеупомянутых утверждений.

В журнале «Вопросы истории» за 1966 год опубликованы записи показаний Е.И. Пугачева на допросах. На самом первом допросе в Яицком городке, 16 сентября 1774 года, Пугачев показал, что с проводником своим, Антоном Коровкой, *«приехал в Стародубский монастырь, где живут все раскольники, и беглым тут великий притон. Тут сказал я о себе, что беглый же донской казак, и жил у раскольничьего старца 15 недель, и выпрашивал, где бы лутче прожить. На что старец отвечал: «Лутче де не можно, как идти в Польшу, а оттуда выйти на форпосты, объявиться выходцем, взять указ, где хочешь поселиться, и туда поехать, а со временем де можешь и жену свою, хотя воровски, к себе достать и жить целый век спокойно»*².

Мои рассуждения будут непонятны, если не упомянуть других людей, причастных к судьбе Пугачева во время его странствий по Малороссии (так тогда называлась Левобережная Украина). Это, прежде всего, старообрядец Осип Коровка и его сын Антон.

Оказавшись в Малороссии, Пугачев понял, что здесь он может получить только временный приют: без паспорта жить в Малороссии и перемещаться тоже было небезопасно.

Знающие люди подсказали Пугачеву, что за Волгой, в Казанской губернии, на реке Иргиз, в лесной глухомани есть поселения, где живут немало беглых казаков. И Пугачев твердо решил поселиться на реке Иргиз в дворцовой Малыковской волости. *«Онаго места я еще не знал, однако мне везде сказывали, что сие место к поселению такого сорта людей, какого я, способно»*³, – так сказал Пугачев следователям на допросе в Яицком городке.

Чтобы добраться до места, требовался паспорт. Как раз в то время Екатерина II, поняв, что одними карательными мерами беглых раскольников из Польши не вернуть, особым манифестом предложила раскольникам вернуться добровольно, обещая не преследовать их и поселить там, где кто захочет. Знающие люди посоветовали Пугачеву, как, пользуясь манифестом, получить законный паспорт: *«Иди в Польшу, в слободу Ветку, там живут одни ста-*

¹Шишков В.Я. «Емельян Пугачев. Историческое повествование». Библиотека «Огонек», изд-во «Правда», М., 1974 г. Собр. соч. в 10 томах, т. 8, кн. I, ч. 3, с. 128-129.; Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. «Энциклопедический словарь», СПб., 1898 г., т. XXVA, с. 761-764.

²Журнал «Вопросы истории», 1966 г. № 3, с. 134.

³Там же.

роверы. Поживи среди них, а потом появись на любой заставе. Если спросят тебя, откуда ты, что ты за человек, то скажи, что раскольник, родился в Польше, но желаешь жить в России; больше тебя не станут спрашивать и выдадут паспорт».

Не побывав и не пожив в Ветке (ныне это районный центр в Гомельской области в Белоруссии), Пугачев мог быть разоблачен при неверных ответах на вопросы начальника заставы о памятных местах, об известных людях Ветки и окрестных с нею слобод.

В малороссийской слободе Черниговка Пугачев у старообрядца Ивана Каверина в качестве извозчика или, как тогда говорили, «повосчика», нанял его пасынка, Алексея, чтобы тот помог ему добраться до местной казачьей команды. Но по дороге Пугачев сказал Алексею, что не казачья команда ему нужна, а место, где бы он мог послужить Богу. «Повосчик» ответил, что такое место знает. И привез Пугачева в Кабанью слободу Изюмского полка к старообрядцу Осипу Коровке. Тот сначала принял Пугачева недоверчиво: *«Я де рад тебе, да невозможно, што уже я держал таких людей, да они меня раззорили, так уже боюся»*¹. Но Пугачев смог убедить Осипа в том, что в Кременчуге у него осталось серебро и одежда, которые не удалось провезти из-за карантина, вызванного чумой. Так или иначе – в Кременчуг нужно было ехать. И еще Пугачев сказал, что возле Бендер *«населяются новые слободы»* и *«жить там свободно»*. Слова Пугачева о новых слободах взволновали Коровку: *«Здесь нашей братье, старOVERам, жить нельзя. Вот де я за крест и бороду страдал в Белегороде и с сыном лет с семь»*². И он попросил Пугачева при возвращении в Кременчуг точно узнать, можно ли поселиться ему, Коровке, в новой слободе под Бендерами. Если можно, то пусть Пугачев привезет с собой указ о поселении. На это Пугачев ответил, что без паспорта боится ехать в Кременчуг. Тогда Осип дал ему свой паспорт. Пугачев уехал от Коровки, но из-за карантина вскоре вернулся и сказал, что под Бендерами селятся, но только за указом о поселении нужно ехать самому Коровке. Конечно, это был обман, которому Осип поверил. Правда, за указом сам решил не ехать, а послал с Пугачевым сына, Антона, дав ему при этом 50 рублей и пару лошадей. Пугачев заверил Коровку, что указ о поселении будет ему доставлен, и добавил: *«Ты уже ни хлеба не сей, ни сена не коси...»*³.

Как видно, хитростью или обманом, Пугачев, чтобы добраться до Ветки, решил четыре задачи: получил бесплатно проводника, двух лошадей, деньги и, хотя на чужую фамилию, но все же паспорт...

¹«Вопросы истории». 1966 г. № 7, с. 100.

²Там же.

³Там же, с. 101.

А теперь возвращаюсь к основному допросу Пугачева в Москве 4 ноября 1774 года. Протоколы допроса частично были опубликованы в 1935 году в журнале «Красный архив». Проводил допрос обер-секретарь Сената С. Шешковский. Читаем в записи показаний: *«По приезду в Стародубскую Климову слободу Коровка спросил тутошнего незнаемого ему жителя, где живет поп Михайла, и оной житель сказал, что де поп Михайла живет в Стародубском монастыре, куда оне и поехали. И сыскал там оной Коровка того попа, однако ж его, Емельку, прежде отвел в келью к старцу Василью, у коего они и жили оба недель с пятнадцать. Оному же Василию рассказал и о побеге своем з Дону, и оной Василий сказал: «Здесь много проходит всяких беглых, и отсюда только нужно провесть через заставу, а там де пойдут на Ветку и, малое время побыв там, прямо придут на Добрянский фарпост и окажутся выходцами, так де им с фарпоста и дают билеты, куда кто пожелает на поселение». И он, Емелька, услышав о сем от одного старца, спросил его: «Пожалуй, батюшка, уж и нас ты Бога ради так же выпроводи». И оной старец сказал: «Поноровите де немного, покуда с теперешнева места перейдет застава в другое место, так я вас провожу». И после сего оной старец, сведав, что застава в другое место перешла, то, взяв их обоих за границу и выпроводил пеших, а лошади остались в монастыре, и выведи их на небольшую тропинку, где нельзя инаково как ходить пешком, сказал: «Вот это прямая дорога на Ветку». И потом, простясь со старцем, оной пошел в монастырь, а Емелька с Коровкой пошли на Ветку, куда дошли они в третий день. И Коровка пошел к знакомому попу, имени его не знает, а он остался в Слободе...»¹.*

На эту запись показаний и опираются авторы всех публикаций о пребывании Пугачева на Брянской земле.

Трудно анализировать те показания Пугачева, как, впрочем, и все остальные, поскольку это не стенограмма, а лишь сжатый пересказ следователем ответов подследственного, к тому же, как предостерегал профессор Н. Дубровин в своей книге «Пугачев и его сообщники» (СПб., 1884 г.), переписанный с неточных черновиков.

И все же, насколько достоверен рассказ Пугачева о его жизни в «Стародубском монастыре»? Мои сомнения в достоверности показаний Пугачева сводятся к следующему:

1. Ни в одном письменном источнике XVIII столетия название «Стародубский монастырь» не встречается. В Стародубье старообрядческого монастыря под таким названием не существовало. Упомянутый Пугачевым на допросе монастырь должен именоваться

¹Журнал «Красный архив». 1935 г., № 69-70, с. 171-172.

Покровским. Покровский монастырь располагался на землях жителей слободы Митковка, но всем старообрядцам был известен как Климовский Покровский, поскольку находился в восьми километрах от более крупной, чем Митковка, слободы Климово, считавшейся до 1782 года центром старообрядческой волости Государевых описных раскольников слобод Малороссии. Среди всех старообрядческих скитов и монастырей Стародубья Покровский монастырь считался головным, и никак не мог «тугошний житель» старообрядческой слободы Климово перепутать название известного всем старообрядцам монастыря и назвать его «Стародубским». Место бывшего монастыря до сих пор зовется «Покровка», так оно отмечено и на карте.

А упоминание Пугачевым на допросе «попа Михайлы» убеждает нас еще раз в том, что речь идет о Покровском Климовском монастыре, поскольку в 1770-е годы нигде в Стародубье не было другого «попа Михайлы», кроме Михайлы Калмыка, духовного отца стародубских старообрядцев, основателя и настоятеля Покровского Климовского монастыря.

2. В показаниях Пугачева об обстоятельствах перехода границы есть весьма уязвимое место: с какого бы направления Пугачев и его напарник Коровка ни пересекали границу, следуя из Климова в сторону Ветки, они никак не могли миновать довольно полную водную преграду — реку Ипуть и ее пойму с многочисленными протоками, заводями, старицами, непролазными болотами с зарослями лозы и камыша. Показания об эпизоде перехода границы записаны со слов Пугачева буквально по дням и часам с указанием мельчайших подробностей. Тем более удивительно, что о переправе через Ипуть — вплавь, на лодке, на пароме ли у Тимошкина Перевоза или у Старых Бобовичей — не сказано ни слова.

Обстоятельства перехода через границу в изложении Пугачева можно было бы назвать правдоподобными, если бы Пугачев шел на Ветку из Малино-Островского Рождественского монастыря. Там и расстояние от монастыря до границы короче, и переправа через реку Ипуть могла быть осуществлена в стороне от пограничной заставы.

Рассуждая таким же образом, брянский историк В.В. Крашенинников пришел к выводу, что «названный Пугачевым Стародубский монастырь — это, по всей вероятности, Рождественский монастырь, находившийся в 4 верстах от с. Добродеевка близ границы с Речью Посполитой»¹.

Если верить Пугачеву, его пребывание в Стародубском монастыре совпало со временем весеннего половодья. И лучшего убежища,

¹Крашенинников В.В. «Взгляд через столетия». Тула. Приокское книжное изд-во. 1990 г., с. 232.

чем Рождественский монастырь, вряд ли можно было найти в то время: половодье более чем на три месяца отрезало монастырь от остального мира. Другое преимущество – близость границы: всего то ходьбы 7-8 километров, и опять же – переправа. Чтобы попасть в Ветку, нужно было переправиться через Ипуть, затем у Старого Вышкова пройти через болото по земляной насыпи – «переспе». Болотная речка здесь до сих пор зовется Переспа.

Но версию о Рождественском монастыре как о временном приюте Пугачева приходится оставить по одной весьма важной причине: Пугачев и Коровка искали и нашли в «Стародубском монастыре» попа Михайлу, а в Рождественском монастыре настоятелем на то время был иеромонах Иосиф с авторитетом и влиянием ничуть не меньшим, чем у Михайлы¹.

3. Почему во время следствия по делу Пугачева не был арестован и предан суду старец Василий из Покровского Климовского монастыря? Между тем, власти взяли под стражу, а затем судили старообрядцев Осипа Коровку и Петра Кожевникова. В чем вина Коровки? В том, что дал Пугачеву 50 рублей, а сын его оказался в качестве то ли проводника, то ли сопровождающего. Чем же провинился Кожевников? А тем, что когда Пугачев зашел к нему во двор просить милостыню, то получил «целый хлеб». Узнав, что Пугачев держит путь в Заволжье на реку Иргиз, Кожевников просил передать привет настоятелю местного монастыря Филарету.

С точки зрения тогдашних законов, вина старца Василия была куда более весомой. Ведь он целых 15 недель укрывал беглого преступника, заведомо зная об этом, и провел его через границу в чужую страну. А ведь сам Пугачев первоначально был объявлен государственным преступником за подобное деяние: будучи в гостях у сестры, в станице под Таганрогом, помог шурина своему Павлову и его товарищам бежать из станицы и перевез их на лодке через Дон. Шурин впоследствии вернулся домой, был арестован и на допросе выдал Пугачева. К тому же старец Василий – старообрядец, враг государственной церкви. А со старообрядческими монахами власти не церемонились. По составу преступления старец Василий неизбежно должен был быть арестован и допрошен. Но, как видно из материалов суда и следствия, этого не произошло. Почему?

Допустим, мои доводы о старце Василии кому-то покажутся неубедительными и последуют возражения – дескать, власти хотели арестовать старца и привлечь его к суду, но не смогли, поскольку к тому времени он скрылся или умер. Тогда как объяснить тот факт, что власти, жестоко казнив многие тысячи восставших пугачев-

¹Беляев Я. С. «Летопись Ветковской церкви», с. 314.

цев, наказав даже реку Яик, переименовав ее в Урал, совершенно не тронули Климовский Покровский монастырь? Да и какой монастырь! Со слов Пугачева, *«беглым тут великий притон»*. С его же слов, старец Василий и не скрывал, что *«здесь много проходит всяких беглых»*. Монастырь, который почти четыре месяца давал кров опаснейшему государственному преступнику, наделавшему в то время столько бед и несчастий России, монастырь, дающий кров беглым великороссийским людям, среди которых могут быть преступники, монастырь, к тому же раскольничий, враждебный государственной церкви, не удостоился вниманием следственной комиссии: монастырь не разогнали, не арестовали его настоятеля попа Михайлу! Ведь не пощадили и разогнали Ветковские раскольничьи слободы в 1735 и 1764 годах, а вот монастырь, кормивший и укрывавший дважды беглого преступника, не тронули.

Более того, «в 1781 году попа Михайлу Калмыка в своем имении принимал генерал-губернатор Малороссии граф Румянцев-Задунайский»¹, учитель полководца А.В. Суворова, подавлявшего Пугачевский бунт.

А в сборнике «Старина Стародубской Украины» в 1791 году тот же Михайла Калмык упоминается в качестве настоятеля Климовского монастыря. Выходит, почти 20 лет после 1772 года продолжалась его настоятельская деятельность. Вывод один: власти не нашли оснований для репрессий против монастыря и его настоятеля по одной причине: монастырь не был пристанищем Пугачева в Малороссии.

4. В записи показаний Пугачева на первом допросе в Яицком городке, 16 сентября 1774 года, следует обратить внимание на следующее место: *«А на другой день поехал я в Мечетную слободу для житья, ибо в монастыре, хотя я и раскольником уже назывался, жить было неблагопрстойно»*². Выходит, что, руководствуясь такой мудростью, Пугачев даже короткое время не мог жить в Климовском монастыре.

И кто может опровергнуть мои доводы или согласиться с ними? Только сам Емельян Иванович Пугачев. Что он и делает после очной ставки с Осипом Коровкой 18 ноября 1774 г., через две недели после основного допроса.

Вот выписка из тех показаний: *«И потом, после допроса, взведен к нему Коровка, и злодей, взглянув на Коровку, сказал: «А, здравствуй, Коровка!» – где и Коровка его узнал. Злодею сказано, что Коровка против показания твоего ни в чем не признаетца». Злодей сказал: «Я уже показал». Причем Коровка его уличал, что*

¹Верховский Т. А. «Исторический очерк единоверия». СПб., 1867 г., с. 2.

²«Вопросы истории». 1966 г., № 3, с. 135.

он на него лжет. Когда же Коровка выведен, то злодей был увещеван, чтобы показал истинную, ибо инаково повосчик Алексей и сын Коровки сысканы тотчас будут. И оной злодей Пугачев, став на колени, сказал: «Виноват Богу и всемилостивейшей Государыне. Я на Коровку, на Кожевникова, долотина и Криворотова купца и на Филарета, раскольнического старца, о том, что первья давали ему деньги, також и что хотели помогать ему дать деньгами, и что будто бы он по признанию солдата Алексея Семенова называл себя государем Петром третьим — показал ложно»¹

Далее Пугачев рассказал, как он все-таки добрался до Ветки: «Из Кременчуга поехали в местечко Крюков и ехавши ис Крюкова прямою дорогою к Елисаветинской крепости, приехали одним днем в показанное местечко, где была его пажить, к жителю Усачеву, где оной Усачев дал ему за всю его пажить только двадцать рублей, да два шелковых кушака. Антон Коровка разведал в том местечке, что в Бендерах никакого поселения нет, то наняли того же местечка жителей трех человек за шесть рублей, чтобы проводить за границу мимо заставы, кои их в Польшу в один день проводили... И потом пришли в Ветку. Побыв в Ветке неделю, Коровку оставил тут. А сам пошел на Добрянку и, явясь на форпосте, отослан в карантин...»².

Ни слова после очной ставки с Осипом Коровкой ни о «Стародубском монастыре», ни о совместном со старцем переходе границы, ни о «прямой дороге» на Ветку. А обойти заставу и перейти границу оказалось очень просто: «за шесть рублей». На форпосте в Добрянке Пугачев объявил себя старообрядцем, возвращающимся в Россию, и 12 августа 1772 г. получил паспорт, где имелась запись: «Объявитель сего вышедший из Польши и явившийся собою при Добрянском форпосте Емельян Иванов сын Пугачев по желанию его для житья определен в Казанскую губернию в Сибирскую провинцию к реке Ирғиз...». С паспортом этим и отправился Пугачев за Волгу.

Я сделал запрос в Российский госархив древних актов (РГАДА) с просьбой: из хранящихся там материалов следствия и суда по делу Е.И. Пугачева сделать копии допросов настоятеля монастыря попа Михайлы, старца Василия и других лиц из Стародубья, причастных к вероятному пребыванию Пугачева в Климовском монастыре. Вот отрывок из письма сотрудника РГАДА (№ 763 от 31.12.1993 г.): «Сообщаем, что в материалах следствия по делу Е.И. Пугачева ... допросов интересующих Вас лиц из Стародубья, кроме Осипа Коровки, не имеется (Ф. 6, «Госархив», д. 512, ч. I-III, д. 515).

¹РГАДА. Ф. 6, «Госархив», д. 512, ч. I, л. 344.

²«Вопросы истории», 1966 г., № 7, с. 101.

Итак, настоятель монастыря поп Михайла и старец Василий не проходили по делу¹.

Отсутствие в материалах следствия допросов попа Михаила, старца Василия и других жителей Стародубья объясняется тем, что этих лиц к следствию не привлекали. Следствие взяло за основу показания Пугачева от 18 ноября 1774 г. и показания Осипа Коровки, из которых следовало, что Пугачев в Климовском монастыре не был². В итоге проведения очных ставок в протоколе судебного заседания отражены следующие показания Осипа Коровки, полученные в ходе следствия: *«Малороссиянин Осип Коровка во всем против злодеева показания сходственно (выделено мною – А.П.), только с тою разностью, что он сыну своему Антону паспорта писать не приказывал, а дал злодею свой паспорт..., о злых же намерениях Емельки нимало не знал»*³. Таким образом, в материалах следствия, **подтвержденных на суде** (выделено мной – А.П.), изложена версия Пугачева, высказанная им после очной ставки с О. Коровкой⁴.

Итак, переход Пугачевым границы в сторону Ветки был осуществлен не из Климовского Покровского монастыря, а из местечка Крюково под Кременчугом. С этим не согласны некоторые историки и краеведы. Вот их доводы. Пугачев, дескать, изменил свои показания 18 ноября 1774 года, чтобы подыграть Осипу Коровке и тем самым облегчить его участь. К тому же при переходе границы рядом с Пугачевым был не Осип Коровка, а его сын Антон. Его-то, Антона, и не допросили.

Скорее всего, малороссийские власти, не застав дома Антона, арестовали и доставили в Москву по запросу следователей одного Осипа Коровку. Именно он приказал сыну сопровождать Пугачева. Без всякого сомнения, Антону по возвращении домой не было никакого смысла врать отцу о своих похождениях с чужим человеком, и со слов сына Осип Коровка знал все об обстоятельствах появления Пугачева в Ветке. Это поняли и следователи. Видя, что после очной ставки с Осипом Коровкой Пугачев не отказался от своих предыдущих показаний, они пригрозили найти и свести с ним не только Антона Коровку, но и «повосчика» Алексея. Пугачеву стало ясно, что его показания перепроверяются, и как только Осипа Коровку вывели из комнаты допроса, вынужден был «показать истинную». «Истинная» Пугачева совпала с показаниями Осипа Коровки и, таким образом, отпала необходимость вызова Антона и Алексея.

¹РГАДА. Ф. 6, д. 512, ч. I, лл. 331-332.

²Там же, д. 512, ч. I, лл. 336-346 об.

³Там же, д. 515, л. 166 об.

⁴Там же, д. 515, лл. 445 об.- 447.

Здесь уместно добавить выписку из журнала судебного заседания Сената по делу Е.И. Пугачева и его соратников 31 декабря 1774 г.: «...*Добрянского купца Петра Кожевникова, малороссиянина Осипа Коровку ... освободить, ибо они оказались невиновными*»¹.

Итак, Пугачев не жил в Климовском монастыре. Тогда как же родилась у него версия о «Стародубском монастыре» и о «келье старца Василия»? Странствуя по Малороссии, побывав на Ветке, находя приют и кров у тамошних старообрядцев, Пугачев не мог слышать разговоры о старообрядческом монастыре в Стародубье, почти у самой границы с Польшей, где настоятелем был поп Михайла. Оговаривая людей, живущих на далекой окраине государства, Пугачев делал все, чтобы затянуть следствие.

Почему же Пугачев дал ложные показания о своем якобы пребывании в «Стародубском монастыре», в «келье старца Василия», оговорив при этом ряд людей? Ответ может быть таким. Пугачеву, как всякому человеку, побывавшему под следствием, хорошо было известно, что телесные пытки во время допроса можно остановить не упорным молчанием, а признательными показаниями, в том числе оговором, то есть ложными показаниями. А оговор большого круга лиц в свою очередь затягивает следствие, дает надежду продлить себе жизнь. Не случайно Пугачев признался следователям после очной ставки с О. Коровкой: «*На помянутых людей ложно показывал будучи в страхе, а в Синбирске — боясь наказания, ибо как стали его стегать, то и не знал кого б ему оговаривать... И потом здесь он, в Москве, то свое показание, зная, что оно ложное, отменил, боясь уже показать разноречие*»².

Теперь о том, действительно ли через стародубских старообрядцев передали Пугачеву Голштинское знамя? Оно имелось в Пугачевском войске, и интерес к нему проявила сама Екатерина II, о чем свидетельствует выписка из ее рескрипта князю М.Н. Волконскому: «*Пугачева к вам везут, не забудьте его спросить: о Голштинское знамя...*»³. В журнале «Вопросы истории» дается комментарий к данному месту рескрипта: «*Е.И. Пугачев отбил это знамя в сражении с легкой полевой командой 15 августа 1774 г. на реке Пролейке под Царицыным и оставил в числе трофеев войскам полковника И.И. Михельсона на месте битвы у Солениковой Ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г.*»⁴.

Князь М.Н. Волконский выполнил поручение Екатерины II. Вот запись показаний Пугачева: «*1774 года ноября 8 дня в Тайной эк-*

¹ «Вопросы истории». 1966 г., № 5, с. 144.

² Там же.

³ Там же, с. 94.

⁴ Там же.

спедиции в присутствии его сиятельства господина генерала-аншефа, сенатора и кавалера князя Михаила Никитича Волконского злодей Пугачев спрашиван о знаме (которое я ему и показываю), где оно положено. На что злодей сказал, что это знамя нигде не положено, а найдены Перфильевым в двух сундуках, два знамя, одно с черным гербом, а другое – это, когда его злодейскою шайкою разбита была легкая полевая команда под Дубовкою»¹. Итак, знамя царского полка досталось Пугачеву не в дебрях стародубских лесов, а в приволжской степи.

Так ли уж важно, был Пугачев в Климовском монастыре или нет? Важно, и вот почему. Искажение исторических фактов и событий всегда ведет к ложным «научным» выводам. В журнале «Человек и закон» за 1991 г. я прочел статью военного историка Н. Шахмагонова «Емельян Пугачев – разрушитель или герой»². По мнению автора статьи, истоки Пугачевского восстания начинаются в монастыре, названном Пугачевым на первых двух допросах. Причем, монастырь какой-то непонятный: то ли «раскольничий монастырь на польской «границе», то ли «польский монастырь». Но в любом случае это что-то вроде временной резиденции Пугачева, о которой каким-то образом узнали друзья и союзники Турции. Они «в польском монастыре снабдили Пугачева средствами, необходимыми для начала восстания, натолкнули на мысль назвать себя Петром III и вооружить казаков на юго-востоке против власти». «Руководствуясь этими внушениями и получив кое-какие денежные средства, Пугачев явился на Урале». «А первые сподвижники Пугачева были, попросту говоря, куплены». Зачем все это было сделано? Автор статьи дает ответ. Шла война с Турцией. Россия в той войне одерживала верх. Блестящие победы русских войск подорвали мощь Турции. Чтобы спасти ее от полного поражения, «те, кто финансировал Пугачева», замыслили нанести удар в спину России – открыть своего рода второй фронт, чтобы Пугачев оттянул на себя значительные людские силы и ресурсы России, необходимые для войны с Турцией. Ну а доказательства всемоу изложенному весьма «убедительные»: «мнение» профессора Дерптского университета Брикнера, «подозрения» Алексея Орлова, «находившегося в это время в Италии»; «предположение» Вольтера. Но в материалах следствия и в протоколах судебного заседания по делу Пугачева нет документов, подтверждающих хоть малейшее участие друзей и союзников Турции в подготовке и финансировании Пугачевского восстания.

Не подтвердилась и версия о старообрядческом следе в Пугачевском восстании. Как следует из показания Пугачева после очной

¹«Вопросы истории». 1966 г., № 5, с. 97.

²Журнал «Человек и закон». 1991 г., № 3-4, с. 81-82.

ставки с О. Коровко, никто из малороссийских, да и других старообрядцев не финансировал восстание, не благословлял на него Пугачева. Просто старообрядцы, преследовавшиеся за веру, сочувственно относились к беглым. Вот почему давали они приют Пугачеву.

Да и до восстания ли было Пугачеву во время странствий по Малороссии? Мог ли он тогда думать о том, чтобы назвать себя царем Петром III? Эпидемия чумы, карантин из-за нее, на дорогах заставы, посты, проверки, настоящего паспорта нет, отсюда – постоянные перемещения из одного села в другое. И так почти в течение шести месяцев. Тут не о восстании думать надо, а о том, где бы поест, переночевать, чтобы не поймали, не посадили в тюрьму. А главная цель в эти месяцы не восстание, а паспорт и пристанище на реке Иргиз, а если же там «жить худо», то уйти на Кубань, за реку Лабу, куда ушли некрасовцы.

Как видно из материалов следствия и суда, во время странствий по Малороссии Пугачев не знал о волнениях среди яицких казаков. Намерения Пугачева круто изменились, как только он оказался в Поволжье. Именно там, а не в Малороссии, возник у него замысел назваться Петром III. Толчком к такому замыслу стали многочисленные слухи о волнениях среди яицких казаков. Более подробно о «великом разорении» яицких казаков и о том, что они помышляют бежать к «Золотой мечете», то есть под власть Турции, рассказал Пугачеву Филарет, настоятель старообрядческого монастыря на Иргизе. Пугачев четко и однозначно заявил, что *«он поедет на Кубань и будет яицких казаков уговаривать»*. Намерение это Филарет одобрил: *«Поезжай в Яик и скажи им, что их проводить туда можешь. Они де с тобою с радостью пойдут. Да и мы все пойдём»*¹.

И вскоре Пугачев оказался среди яицких казаков. Почему не увел он их на Кубань – тема отдельного исследования. Вместо похода на Кубань началось восстание, самое крупное в истории дореволюционной России.

Говоря об истоках восстания, М.Н. Волконский и П.С. Потемкин, руководители следствия по делу Е.И. Пугачева, в своем донесении Екатерине II подчеркивали, что *«во всем его (Пугачева – А.П.) злодействе первое начало свое взяло в Яицком войске»* среди *«живущих в расстройстве бунтующих душ яицких казаков»*².

Почему же версия Пугачева о «Стародубском монастыре» и о «келье старца Василия» как «неоспоримый факт» уже много лет бытует на страницах книг, энциклопедических словарей и средствах массовой информации? Объяснение этому, на мой взгляд, таково. Подпав под «гипноз» показаний Пугачева в Яицком город-

¹РГАДА. Ф. 6, «Госархив», д. 512, ч. 1, л. 345.

²«Вопросы истории». 1966 г., № 7, с. 105.

ке и в Москве, поверив его версии о «Стародубском монастыре», одни исследователи не обратили внимания на показания Пугачева после очной ставки с О. Коровкой. Другие же исследователи, знакомые с показаниями Пугачева после очной ставки с О. Коровкой, почему-то посчитали его версию о «Стародубском монастыре» и «старце Василии» истинной, вопреки мнению следствия и решению суда.

Нужно учесть, что в советское время запись показаний Е.И. Пугачева в Москве была опубликована в журнале «Красный архив» в 1935 году, а запись его показаний после очной ставки с О. Коровкой появилась в журнале «Вопросы истории» через 30 лет. Этот разрыв во времени публикаций материалов следствия сослужил недобрую службу. Большинство историков свои знания о Пугачевском восстании долгие годы черпали из далеко не полной журнальной публикации, а не из архивов. За это время прочно утвердилась ложная версия Пугачева о «Стародубском монастыре». Ее не пытались оспаривать, особенно брянские краеведы, которым льстила историческая близость Брянского края с предводителем народного движения, названного по его имени: пугачевщина, Пугачевское восстание, Пугачевский бунт (у А.С. Пушкина), или крестьянская война под руководством Пугачева.

К биографии основателя «Клинцовской газеты» М. Д. Лыкова

Р. И. Перекрестов

Михаил Дмитриевич Лыков из крестьян Калужской губернии Мещовского уезда Трисковской волости деревни Пронино. Сын крестьянина, владевшего 20 десятинами земли и имевшего 4 сыновей. Михаил – старший сын, родился 1 ноября 1869 года, окончил только 2 класса Духовного училища, так как за нехваткой средств был забран домой. В 20 лет ушел в Москву, поступил «мальчиком» в аптеку Келера и работал 10 лет. Выдержав экзамен на помощника провизора, стал ездить по городам России по делам службы. Познакомился с вдовой Лидией Степановной Пушкаренко-Овсеенко и женился. Было им обоим по 35 лет. Вскоре родился сын Степан. В эти же годы М.Д. Лыков сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Московский университет.

16 декабря 1906 года в 37-летнем возрасте М.Д. Лыков «выдержал испытания в историко-филологической испытательной комиссии при Императорском Московском университете по историческому отделению (№ 29 765)» и 15 января 1907 года был «назначен штатным преподавателем истории и географии Митавской гимназии».

В том же году, 6 октября 1907 года, М.Д. Лыков «выдержал испытание и удостоен звания учителя гимназии и прогимназии со всеми преимуществами (свидетельство № 2 696)».

17 июня 1911 года «по предложению попечителя Киевского учебного округа перемещен учителем истории и географии в Клинцовскую мужскую гимназию с поручением преподавать уроки русского языка в I-II классах». На решение о переводе в Клинцовскую гимназию повлияла жена Михаила Дмитриевича, у которой в хуторе Овсеенкове Суражского уезда было небольшое имение.

Мужская гимназия в Клинцах открылась в 1911 году и временно, пока велись хлопоты о строительстве нового здания, помещалась в старом здании Городской Управы по Большой улице. Коллектив учителей гимназии 8 августа 1911 года «избрал М.Д. Лыкова на 3-летний срок секретарем Педагогического совета Гимназии».

Как сказано в послужном списке, «с 19 октября 1912 года разрешено, согласно закону от 10.05.1912 года, производить М.Д. Лыкову с 6 октября 1912 года выдачу одной 5-летней надбавки к основному окладу 400 рублей, считая за 12 нормальных уроков 1 300 рублей»¹.

¹«Дело о выселении бывшей помещицы Лыковой Лидии Степановны, 1869 г. р.». ГАБО. Ф. 1013, оп. 2, д. 88, лл. 7-12).

Согласно данным Памятной книги Киевского учебного округа за 1912 год, «М.Д. Лыков, учитель русского языка и истории Клинцовской мужской гимназии, имеет жалованье — 750 рублей, за добавочные уроки — 420 рублей, как классный настоятель — 120 рублей, % прибавки — 160 рублей. Итого — 1 450 рублей».

В 1916 году в числе нескольких учителей клинцовских школ Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Михаил Дмитриевич Лыков был награжден орденом Св. Станислава 3 степени¹.

В Клинцах Лыковы приобрели дом по улице Верхняя Бобылка, бывший дом суконного фабриканта Степунина. Описание дома Лыкова было приведено в «Акте от 14.12.1921 года при передаче дома в военное ведомство». Акт был составлен архитектором города Галленом, главным техником Игнатьевым в присутствии военного инспектора Подгорного. «Дом Лыкова — 2-этажный, деревянный с каменной пристройкой, с подвальным помещением, 12 комнат, 1 кухня, коридор, паровое отопление»² (дом сохранился).

В годы империалистической войны М.Д. Лыков приобрел типографию. В Клинцах к этому времени уже имелась типография К.Н. Клапцова. Типография существовала с начала 1900-х годов и полностью удовлетворяла потребности городского управления и местных предприятий. К.Н. Клапцова в посаде хорошо знали, уважали, поэтому конкурировать с ним было трудно. М.Д. Лыков и не ставил перед собой задачи потеснить К.Н. Клапцова, типография была приобретена с целью организовать в Клинцах выпуск газеты.

Идея создания собственной газеты уже витала в клинцовском воздухе. К.Н. Клапцов пробовал выпускать в 1914 году «Клинцовский листок». Пока ходатайство об открытии газеты проходило нужные инстанции, типография М.Д. Лыкова по большей части простаивала, не принося дохода. Газета «Черниговское слово» в 1916 году писала: «Учитель Клинцовской гимназии М.Д. Лыков открыл сперва типографию, дело оказалось бесприбыльным. Тогда с 1 июля 1915 года он предпринял издавать «Клинцовскую газету». Официально редактор — С.М. Харитонов. Но всем делом заведует и руководит М.Д. Лыков»³.

М.Д. Лыков поставил перед редактором задачу: сделать издание независимым от разных партийных групп, представленных в Клинцовской Городской думе. В первом январском номере газеты, вышедшем в 1916 году, в статье редактора говорилось, что газета существует на собственные средства издателя, и издатель не прибегает к помощи местных предпринимателей.

¹ «Клинцовская газета» от 15.01.1916 г.

² ГАБО. Ф. 1013, оп. 1, д. 7, л. 223.

³ Газета «Черниговское слово». 1916 г.

Поначалу типография размещалась в наемном помещении по Большой улице. Первый номер «Клинцовской газеты», вышедший 1 июля 1915 года, сообщил читателям, что «Редакция газеты находится по Большой улице при типографии М.Д. Лыкова, телефон № 61. Редакция для личных объяснений открыта с 6 до 7 часов вечера». 12 июля 1915 года в газете было объявлено, что «13 июля 1915 года типография М.Д. Лыкова перебирается в собственный дом по улице Верхняя Бобылка». А еще через несколько дней, 26 июля, в дом М.Д. Лыкова перенесена была и редакция. «Клинцовская газета» № 22 от 26 июля 1915 года объявила новый адрес редакции: «Клинцы, ул. Верхняя Бобылка, при типографии М.Д. Лыкова, тел. № 61».

В состав редакции «Клинцовской газеты» первоначально вошли: редактор С.М. Харитонов, Борух Беркман (псевдонимы: «Борис Почепской», «Почепской», «Борисов», «Борис», «Б.О.Рис.», «Б») и Рувим Генкин («РГ», «Эрге», «Роберт Ге»). После отъезда обоих из Клинцов редактор пригласил г. Малюгу, писавшего под псевдонимом «Прохожий», и некоего, писавшего под псевдонимом «Жан Хлестаков»¹. Возможно, что отдельные публикации были подготовлены самим М.Д. Лыковым.

«Клинцовская газета» наряду с телеграммами из Петрограда освещала события, происходившие внутри посада Клинцы. В течение восьми с половиной месяцев газета добросовестно исполняла роль летописца. За это время было издано 208 номеров «Клинцовской газеты». Затянувшаяся война, разрушение экономики государства, растущая инфляция поставили издателей в затруднительное положение. 16 марта 1916 года вышел последний номер «Клинцовской газеты», в котором было помещено объявление: «За невозможностью достать бумагу по какой бы то ни было цене, с этим номером останавливается печатание «Клинцовской газеты». Подписчикам будут взамен доставляемы «Телеграммы Петроградского телеграфного агентства». Не желающие этой замены благоволят получить подписные деньги обратно»².

После выпуска нескольких номеров телеграмм Петроградского телеграфного агентства М.Д. Лыков временно прекратил издательскую деятельность.

С июня 1917 года Исполком Клинцовского Совета стал выпускать в типографии М.Д. Лыкова свои «Известия», а затем и «Бюллетень Совета». Теперь М.Д. Лыков предоставлял только типографское оборудование и не влиял на работу новых редакторов. По сведениям Книжной палаты, выпуск «Известий» в типографии М.Д. Лыкова продолжался до конца декабря 1917 года.

¹ «Черниговское слово» № 2642 от 31.01.1916 г.

² «Клинцовская газета» № 1 от 16.03.1916 г.)

В 1918 году перед немецкой оккупацией многие учителя Клинцовской гимназии эвакуировались. Семья Лыковых уехала в город Нежин, где Михаил Дмитриевич поступил на работу в Главторф служащим.

Сын М.Д. Лыкова, Степан, в 1923 году в своих показаниях, сохранившихся в «Деле о выселении бывшей помещицы Л.С. Лыковой», сообщил, что отец его, «М.Д. Лыков умер в 1920 году в городе Нежине, а он с матерью вернулся в свою деревню, где они жили до 1923 года, до выхода декрета об отобрании у помещиков земли»¹.

В условиях формирующегося в предреволюционной России демократического общества газета М.Д. Лыкова стала первым независимым средством массовой информации в Клинцах, пытавшимся заложить основы общественной культуры в клинцовском посадском обществе. Опыт и традиции «Клинцовской газеты», накопленные в предреволюционные годы, получили развитие в последующие десятилетия. Несмотря на разнообразие названий клинцовских газет советского периода, все эти издания стали наследниками первой «Клинцовской газеты» М.Д. Лыкова.

¹«Дело о выселении бывшей помещицы Лыковой Лидии Степановны, 1869 г. р.». ГАБО. Ф. 1013, оп. 2, д. 88, лл. 7-12.

ИЗ ИСТОРИИ КЛИНЦОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТРУД»

ГАЗЕТА (итал. *gazzetta*, первонач. значение – монета мелкого достоинства) – периодич. издание, выходящее ежедневно, иногда – реже.

МСЭ, 3-е изд., 1958 г.

ГАЗЕТА, печатное периодич. издание, в к-ром публикуются материалы о текущих событиях; важнейшее оружие полит. борьбы, одно из осн. средств массовой информации и пропаганды.

СЭС, 3-е изд., 1985 г.

1

Районная газета заменила собою древние летописи. Она – первое и зачастую единственное прибежище начинающего литератора и краеведа. На страницах районки рассыпаны миллионы маленьких открытий, греющих сердца земляков, наполняющих их гордостью за свой край, за своих предков и современников, за свою историю. Мне также посчастливилось опубликовать на страницах клинцовского «Труда» около полутора сотен заметок, очерков, статей, многие из них – «с продолжением», на две-три полосы, некоторые были замечены и в Москве. Вот почему меня заинтересовала история газеты «Труд».

Естественно было обратиться к коммунистическим источникам, ведь партия называла печать самым сильным, самым острым своим оружием, да и «Труд» большую часть своей жизни был «органом Клинцовского райкома и горкома КПСС,..» и лишь потом «...районного и городского Советов народных депутатов». Секретарь Брянского обкома КПСС, С. С. Сысоев, долго «строивший» массовую культуру области, писал: *«В мае 1918 года начала выходить газета «Труд» в Клинцах... История газеты «Брянский рабочий» теснейшим образом связана с героической борьбой трудящихся Брянщины за генеральную линию партии на всех этапах социалистического строительства. Первый номер её вышел 1 сентября 1917 года. Газета в то время была органом Бежицкого совета рабочих и солдатских депутатов. Первоначально она находилась в руках меньшевиков и эсеров»* [24, с.157-158]. Здесь следует добавить, что не только издатель (небольшевистский Бежицкий совет), но и редакция газеты помещались не в Брянске. Адрес редакции, как он указан в газете: Бежица, Орл. губ., Церковная ул.,

д. № 7. Бежица в то время и ещё 39 лет (до 1956 г.) была крупным вполне самостоятельным городом. Название газете было дано не по уездному центру, а по Брянскому заводу, т. е. «Брянский рабочий» возник как *заводская* газета, газета заводской парторганизации. Это и не удивительно: на бежицком заводе трудилось до двадцати тысяч рабочих. А название «Брянский завод» дано его акционерами, находившимися в Петербурге. Где Брянск, где Бежица, оттуда было не разглядеть. Они и свои рудники в Криворожье называли «Брянскими».

Нам ещё не раз придётся обращаться к «Брянскому рабочему» — для сравнения, но сейчас вернёмся к «Труду». В 1918 г. в Клинцах такой газеты не было! Она и не могла возникнуть в мае этого драматического года, потому что с 10 апреля город был занят австро-германскими оккупантами. Историк С.С. Сысоев «бухнул в колокол, не заглянув в святцы». Одна из характерных черт его книги — доказательство, иногда вопреки фактам, что Брянск всегда и по всем направлениям развития культуры опережал районные центры, доставшиеся ему в подчинение по Указу Президиума ВС СССР от 5 июля 1944 г. об образовании Брянской области. В действительности же, полнокровное развитие культуры всегда сопровождается инициативой провинций, т. е. опережением центра, по отдельным направлениям. (Мы увидим, что так было и с местной печатью). Другое дело, что, в конечном счёте, центр, распоряжаясь региональным бюджетом, достигает больших успехов и в тех направлениях, где он не был инициатором. Как дата основания «Труда» май 1918 г. нигде и никогда не фигурировал. Так ошибиться нельзя — Сысоев просто *сделал* «Труд» моложе «Брянского рабочего», позабыв, что Стародубье (я использую историческое название западных районов будущей Брянской области) было на выбранную им дату оккупировано.

Другой важный источник по истории местной печати — «История партийной организации Брянщины». Она сообщает: *«Развивалась и местная печать. Начали выходить многие газеты, увеличивался их тираж. Только «Брянский рабочий» в 1925 г. издавался тиражом в 9 тыс. экземпляров, а газета «Наша деревня» - в 7 тыс. экземпляров... В 1919-1920 гг. начали выходить уездные газеты, а в 1925 году в Брянске вышел первый номер комсомольской газеты «Путь молодёжи». С 1930 года, с организацией районов, начали создаваться районные газеты: «Колхозный труд» (Стародуб),.. «Труд» (Клинцы), «Ударник» (Новозыбков),.. «Сталинский клич» (Трубчевск)» [7, с. 85].*

Коллективная мысль брянской парторганизации отнесла рождение «Труда» ещё позже, чем Сысоев, — аж в 1930 год. А ведь стоило историкам взять в руки любой его номер, чтобы прочесть в заголовке: **«Газета основана в июле 1917 г.»**. Не читали — вот оно

подлинное отношение к «самому острому оружию» — или читали, но не могли поверить, что какая-то там клинцовская газета основана раньше «Брянского рабочего». Отсутствие губернского прошлого у уездного Брянска, ставшего областным центром в ту эпоху, когда административно-территориальное деление определялось численностью парторганизаций, ощущается не только гуманитариями, но и чиновниками и подвигает их на излишне смелые умозаключения об этом прошлом. Даже светлейшей души человек брянский писатель В.П. Парыгин, память которого я чту и называю одним из своих учителей в литературном краеведении, уроженец Урала, чутко воспринял брянские настроения и, ничтоже сумняшеся, ни словом не упомянув клинцовский «Труд», доказывал, что в 1920-1930-е годы «Брянский рабочий» был «центром литературной жизни» территории нынешней области [14, с. 6-31]. В действительности, с 1917 по 1945 гг. эта газета распространялась в Стародубье только два года (1927, 1928) и даже физически не имела никакой возможности на него влиять. Более того, в 1930-е годы в Западной области она плелась в хвосте массового литературного движения, значительно отставая от «Труда». Иными словами: нужно набраться терпения и писать историю газеты «Труд» заново, критически относясь к брянским источникам, особенно партийным.

Специфическую сложность в истории газет представляет перемена ими учредителей, издателей, названий и перерывы в издании. Что можно считать *одной газетой*? Всесоюзная книжная палата разработала свой сугубо идеологизированный подход: *«Для местных газет началом учётного периода считается дата установления Советской власти в губернии (области). Если точно определить эту дату не удалось (Sic! Оказывается, было и такое!!! — В.П.), то учёт газет осуществляется с момента установления Советской власти в той республике, в которой выходила описываемая газета. Большевицкие газеты отражены за всё время их издания (в пределах учётного периода) независимо от времени установления Советской власти в данной местности»*. На основании этого постулата в СССР как единая местная газета данного города учитывались все большевицко-советские газеты, издававшиеся в нём от имени любого учредителя, под любыми названиями и, что естественно для революционного периода, с перерывами между ними. А как же дореволюционные газеты? Это культурное «строительство» родом из Октября, а культура ведь несколько постарше.

2

До Советской власти территория будущей Брянской области принадлежала двум разным губерниям — Орловской (Восточная Брянщина) и Черниговской (Стародубье). Чиновно-купеческий уездный Брянск с его 25 тыс. населения уже в 1894 г. обзавёлся

первой на территории края газетой «Брянский вестник», издававшейся и редактировавшейся замечательным брянским просветителем и краеведом П.Н. Тихановым. Тиханов имел большой (1867-1892) опыт редакционной работы в различных изданиях России. Однако его «Брянский вестник» пользовался в городе недостаточным спросом, в результате чего при малом тираже цена номера была высока, и в 1898 г. газета тихо и незаметно скончалась (Тиханову пришлось подтверждать губернской канцелярии, что он признаёт издание прекращённым) [6, с. 42-43].

В 1902 г. брянские врачи попробовали издавать свой журналчик, а в 1904 г. в городе стали печататься «Телеграммы» – бюллетень сообщений Санкт-Петербургского телеграфного агентства (предшественник РОСТА – ТАСС – ИТАР), близкий к газете. В связи с революцией 1905-1907 гг. в Брянске возникали политические газеты «Брянская жизнь» и «Брянский голос» (1906; вышло по несколько их номеров), позже – «Брянский листок» (1910-1910; выходил нерегулярно), «Наш край» (1910), «Брянский справочник» (1912). В 1912-1915 гг. в Брянске выходил «Сельскохозяйственный вестник» (что подчёркивает существовавшую тогда дистанцию между уездным Брянском и рабочей Бежицей, не имевшей газеты). Увы, ничто из этих изданий не удержалось, более того, в 1915 году перестали выходить даже «Телеграммы», очень нужные в военное время. Двадцатилетние попытки Брянска обзавестись своим печатным органом успеха не имели. Очевидно, брянское общество ещё не очень нуждалось в газете [17].

В древнем Севске в 1914-1916 гг. (т. е. дольше, чем в Брянске) издавались «Телеграммы» и «Севский листок». В те же годы «Телеграммы» печатались и в Карачеве. Там же попытались издавать «Известия Карачевского общества сельского хозяйства», но это было нерегулярное издание. Февральскую революцию вся восточная Брянщина встретила без местных газет.

3

В Стародубье типографии имелись в городах Новозыбков и Стародуб и в посаде Клинцы. В Стародубе, Новозыбкове, в уездном Мглине, в достаточно богатом Почепе издавать свои газеты даже не пытались.

Клинцы в начале XX века были крупным промышленным посадом, который уже с 1873 г. управлялся по *Положению для городов*, но подчинялся маленькому и бедному уездному центру Суражу, который в шутку называли «город Мираж». Всего в посаде, без пригородных деревень Забегаевки, Стодола, Казённой Туросны, Почетухи, Солодовки, Глуховки, относившихся к волостям, к началу первой мировой войны проживало до 15 тыс. населения. Ещё в начале 1900-х годов в посаде появилась типография К.Н. Клап-

цова. В связи с началом войны Клапцов с 3(16) августа 1914 г. начал издавать первую клинцовскую газету – «КЛИНЦОВСКИЙ ЛИСТОК». Это был действительно листок длиной 37 см, двухполосный, но выходил он ежедневно. В его основе были всё те же телеграммы СПТА, но к ним добавлялись и местные объявления.

Типографія М. Д. Лыкова

КЛИНЦЫ, Черниг. губ. Улица Верхняя Бобылка, с. д.

Телефонъ № 81

Телеграммы: Клинцы, Лыкову.

*Фирменный конверт клинцовской типографии
М. Д. Лыкова, 1915 г.*

20 сентября (3 октября по н. ст.) 1914 г. на 93-м номере издание почему-то прекратилось. К сожалению, эта клинцовская газета имеется только в РНБ (Петербург). Есть сведения, что кто-то другой (видимо, С.М. Харитонов) в 1914-1916 гг. издавал в Клинцах «Телеграммы», но их также нет в фондах Российской государственной библиотеки (возможно, что выход его «Телеграмм» был причиной ликвидации «Клинцовского листка», т. к. два однотипных издания для одного посада – это много).

В 1915 г. учитель Клинцовской мужской гимназии М.Д. Лыков устроил в Клинцах, в собственном доме по ул. Верхняя Бобылка (ныне пер. Богунского полка, здание сохранилось), вторую типографию. В разгар войны, со среды 1(14) июля 1915 г. (когда Брянск остался даже без «Телеграмм»), он вместе с С.М. Харитоновым, который и считался официальным редактором-издателем, начал издавать «КЛИНЦОВСКУЮ ГАЗЕТУ». Редакция располагалась вначале на Большой улице, а в августе переехала в здание типографии. Среди клинцовских краеведов было распространено мнение, что газета издавалась на деньги местных фабрикантов, в основном Г.К. Са-

пожкова, но никаких подтверждений этому найти не удалось. Видимо, это всё же была частная инициатива издателей.

КЛИНЦОВСКАЯ ГАЗЕТА.

Заголовок "Клинцовской газеты", 1915 г.

Газета была задумана широко. Она имела четыре полосы формата 31x45 см, чёткие шрифты и выходила ежедневно, кроме понедельников и послепраздничных дней. Подписка на неё принималась не только в посаде, но и за пределами Суражского уезда. Подписная цена (в скобках — для иногородних подписчиков) составляла на год — 4(5) руб., на 6 м-цев — 2 руб. 50 коп. (3 руб.), на 3 м-ца — 1 руб. 50 коп. (1 руб. 75 коп.), на 1 м-ц — 75 (85) коп. Стоимость рекламы: за 1 строку петитом в столбец на первой полосе — 15 коп., на четвёртой — 10 коп. Редакция объявила следующую программу издания:

1. *Передовые статьи по вопросам экономического и литературного характера.*

2. *Телеграммы Петроградского телеграфного агентства и собственных корреспондентов.*

3. *Фельетоны* (так назывался тогда газетный очерк — Б.П.) *из местной жизни.*

4. *Фельетоны литературные.*

5. *Хроника местной и провинциальной жизни.*

6. *Научные статьи.*

7. *Романы, повести и рассказы.*

8. *Критика и библиография.*

9. *Суд.*

10. *Театр и музыка* (с начала 1880-х гг. в Клинцах работала постоянная музыкально-драматическая антреприза — Б.П.).

11. *Шутки и карикатуры.*

12. *Объявления.*

Для «раскрутки» газеты издатели пригласили опытного журналиста Бориса Беркмана, видимо, уроженца Почепа, потому что среди его многочисленных псевдонимов был и *Борис Почепский*. Беркман 12 лет проработал в Западной Европе и оказался в России, видимо, в связи с начавшейся войной. Он писал на любые темы под добрым десятком псевдонимов — передовицы, репортажи, обзоры, фельетоны, сценки, свободно версифицировал (правда, не всегда попадая в тон клинчанам). В конце 1915 года имя Б. Берк-

мана со страниц газеты исчезло, но она уже имела среди клинчан много внештатных корреспондентов. Посадское общество нелегко привыкало к существованию свидетеля в виде газеты (черниговские издания писали тогда о Клинцах очень редко), но «лёд тронулся» и «процесс пошёл». К началу 1916 года газета стала привычным явлением.

Объявленная программа была в основном выполнена. Не было, правда, публикаций романов, отсутствовали карикатуры и другие иллюстрации, не появились подлинно научные статьи, а шутки заменила сатира (время было суровое), но «Клинцовская газета» держала руку на пульсе города, вызывая злость у одних, одобрение или усмешку у других. Не раз она вступала в конфликты с посадской думой, с отдельными её гласными, в т. ч. с ведущими предпринимателями города, не доходя, впрочем, до крайностей. Газета не была ни монархической, ни «черносотенной», ни охранительной, ни ханжески религиозной. Это была обычная слабо политизированная либерально-прогрессивная городская газета, информирующая своих читателей о важнейших событиях на фронтах и в столице, занятая вопросами жизни города. Шла большая война, на Клинцы обрушились тысячи беженцев из западных губерний, инфекционные болезни, нарастали напряжение и разруха, что и отражала газета.

Разруха её и доконала. В среду 16 марта 1916 года в № 61 (208) издатели поместили отчаянное объявление: *«За невозможностью достать бумагу по какой бы то ни было цене, с этим номером останавливается печатание «Клинцовской газеты». Подписчикам будут взамен доставляемы «Телеграммы Петроградского агентства». Не желающие этой замены благоволят получить взамен подписные деньги обратно».* Таким образом, газета сократилась (с изменением названия) до объёма второго пункта объявленной программы, но пыталась сохранить подписчиков. Как долго выходили «Телеграммы», установить не удалось. Февральскую революцию Клинцы и всё Стародубье встретили также без местной газеты, но клинцовская пресса продержалась на год дольше брянской [18].

Известно, что советская власть в Брянске провозглашена 26 октября 1917 года. Как говорилось выше, в это время в Бежице уже имелась советская, но не большевистская газета «Брянский рабочий». 6 октября большевикам удалось провести в её редакцию двух своих работников, которые 18 октября заявили о поддержке Петроградского совета, что и считается днём «большевизации» газеты [24, с.158], однако гораздо важнее то, что 20.12.17 г. бежицкий «Брянский рабочий», просуществовав всего два с половиной месяца, приказал долго жить: взять – взяли, да выпускать не су-

мели. И очень долго – по тем огненным временам – никакой газеты ни в Брянске, ни в Бежице не было. Правда, с 29 марта по 30 июня 1918 г. в Брянске издавался листок «Борьба с контрреволюцией» (позже – просто «Борьба») Отдела контрразведки революционных войск Западного фронта, но назвать это местной газетой трудно. Летом 1918 г. в Брянске вышло несколько номеров «Вестника анархии».

Лишь с 1 июля 1918 г. в Брянске начали выходить «Известия Брянского райсовета». Термины «район» и «край» были тогда неофициальными. *Район* обозначал часть уезда, тяготеющую к данному центру (т. е. несколько волостей), *край* – тяготеющую часть к губернии (несколько уездов, причём не обязательно полностью). Таким образом, Брянский райсовет и его «Известия» объединяли тогда лишь часть огромного Брянского уезда. Лишь после овладения большевиками властью во всём уезде они стали именоваться «Известиями Брянского уисполкома».

Пролетарии Брянского уезда ну никак не могли ужиться в одной губернии с хлеборобами Орловской губернии, и в 1919 г. их вожаки объявили об образовании Брянской губернии в составе четырёх западных уездов Орловщины – Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского. Такой сепаратизм обычен для революционной эпохи (но от этого он не перестаёт быть сепаратизмом). В скромном Новозыбкове в то время носились с ещё более претенциозной идеей образования своей республики. Иногда за этим стояла реальная консолидация территории, а чаще обычное желание покомандовать, ухватить портфель губернского формата. (Ведь даже дед Щукарь в «Поднятой целине» требовал себе у Давыдова «портфель»). В соответствии с претензиями брянских товарищей их газета уже с 27.08.19 г. стала «Известиями губкома», но только 1 апреля 1920 г. правительство РСФСР узаконило крошечную Брянскую губернию, добавив к ней ещё Жиздринский уезд от Калужской губернии. Брянские «Известия» официально стали губернской газетой.

В 1917-1922 гг. попытки издавать местные газеты предпринимались и в других уездах восточной Брянщины. В 1917 г. в Севске выходила «Жизнь» (известно 4 номера), в Трубчевске – «Возрождение» (вышло 35 номеров), в Карачеве – «Социалист» (несколько номеров) и «Голос гражданина» (94 номера). В 1918 г. в Севске продолжалось издание «Голоса гражданина» (16 номеров) и издавался «Коммунист», в Трубчевске и Карачеве выходили местные «Известия». В 1919 г. нерегулярно выходили и закрылись «Наш путь» и «Заря» в Карачеве (к сентябрю), трубчевские «Известия» и «Севский листок» (известно 8 номеров). К 1920 году газета осталась здесь только в Брянске. Правда, в 1921 г. Севск возобновил было выпуск своих «Известий» (вышло 49 номеров), но в начале 1922 г. на 4 номере издание прекратилось.

По-иному, гораздо драматичнее складывалась в эти годы судьба Стародубья. 10(23) июня 1917 г. украинская националистическая Центральная Рада объявила о «широкой автономии» Украины, включая и Черниговскую губернию. 1(14) сентября Временное коалиционное правительство Российской империи (правительство было социалистическим, а Империя – без императора) объявило Россию республикой. 25 октября (7 ноября) в результате мятежа запасных полков в Петрограде произошёл военный переворот. К власти пришло временное (так считалось поначалу) большевистское правительство, которое объявило страну Российской Советской Республикой. После ленинской декларации от 2 ноября о праве народов на самоопределение вплоть до отделения («берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить») Центральная Рада 4(17) ноября провозгласила создание Украинской Народной Республики и предложила РСР образовать федерацию. В ответ на предложение УНР 12(25) декабря в Харькове был созван I Всеукраинский съезд большевизированных советов, который провозгласил Украинскую Республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На Украине возникло двоевластие. III Всероссийский съезд советов, начавшийся 10(23) января 1918 г., провозгласил преобразование РСР в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (РСФСР). 11(24) января Центральная Рада отозвала своё предложение о федерации с РСР и провозгласила независимость (полную независимость) УНР. Стародубье и Брянск оказались в разных государствах.

26 января (8 февраля) 1918 г. красноармейские отряды М. Муравьёва вошли в Киев и разогнали Центральную Раду. Однако в Брест-Литовске ещё с 20 ноября (3 декабря) 1917 г. по инициативе В.И. Ульянова (Ленина) велись переговоры о мире между Центральными державами (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) и представителями бывшей Российской империи, в числе которых была делегация УНР. 27 января (9 февраля) 1918 г. эта делегация подписала условия сепаратного мира. В тот же день на территории нынешней Украины произошло провозглашение Советской Донецко-Криворожской Республики в составе РСФСР. Тогда же возникла уже упоминавшаяся идея создания Новозыбковской Советской Республики также в составе РСФСР.

4 марта был подписан, а 16 марта ратифицирован Брестский мирный договор между РСФСР и Центральными державами. По его условиям Россия отказывалась от Финляндии, Прибалтики, Привислинского края (российской части Польши), части Белоруссии, официально признавала независимость Украины, выплачивала огромные репарации золотом, к Турции отходили Карс, Аргандан и Батум. После ратификации договора Всероссийским съездом

Клинцовский летописец

Советов австро-германские войска начали осторожно продвигаться в районы, отведённые им для оккупации по протоколам к этому договору. Северные уезды Черниговской губернии они заняли в первой половине апреля. Были оккупированы Новозыбковский, часть Суражского (с Клинцами) и Стародубский уезды. Почеп остался за демаркационной линией («нейтральной зоной»), и туда переместился Черниговский большевистский губком «в изгнании».

6

На этом бурном историческом фоне нелегко применить критерии Книжной палаты для учёта местных газет Стародубья. 4(17) марта 1917 г. в Клинцах образовался *районный* Совет рабочих и крестьянских депутатов. Был он, разумеется, меньшевистско-эсеровско-бундовским. С октября 1916 г. в Клинцах располагались артиллерийские починочные мастерские Западного фронта, солдаты которых не могли оставаться в стороне от власти. 5(18) марта они создали клинцовскую ячейку РСДРП, руководителем которой избрали 23-летнего солдата Александра Высоцкого. Ячейка бурно росла и 25 июля потребовала провести перевыборы Совета.

Исполком Клинцовского совета с 27 июня (10 июля) 1917 г. начал издавать в типографии М.Д. Лыкова свои «Известия» – газету формата недавно печатавшейся там «Клинцовской газеты» (четыре полосы 31x45 см), её же шрифтами и т. д. Перерыв в выпусках от закрытия «Клинцовской газеты» составил около 15 месяцев, а с учётом продолжавших её «Телеграмм» и того меньше. Редактировал клинцовские «Известия» Б.Н. Вознесенский. Газета

Комиссар В. Руденко

Подпись и печать комиссара посада Клинцы В. Руденко, 1917 г.

выходила с неравномерными перерывами, иногда через день-два, иногда через 8-10 дней. Бывали выпуски всего на двух полосах. С № 8 появляется фамилия второго редактора – А.Е. Берестечко. Комиссар посада В. Руденко (должность при Временном правительстве, соответствующая становому приставу или представителю вы-

шестоящей администрации), несмотря на разруху, регулярно заверял своей подписью и печатью обязательные экземпляры «Известий» и направлял их в Румянцевский музей (ныне – РГБ). В Москве имеется 11 номеров этих «Известий». Последний выпуск датирован 29.07(11.08).17 г.

В той же типографии по вторникам начал выходить еженедельник – «Известия Клинцовского районного Совета рабочих и солдатских депутатов». Это газета того же формата и логотипа, что и «Клинцовская газета», но на шести (иногда на четырёх) полосах. От имени исполкома Совета её редактировали те же Б.Н. Вознесенский и А.Е. Берестечко. Была даже объявлена подписка на эти «Известия». Хранящаяся в Москве подшивка заканчивается № 5 от 7(13) сентября 1917 г., в котором есть сообщение об экономической забастовке в типографии М.Д. Лыкова.

В августе прошли выборы в Клинцовскую городскую думу по новым, демократическим правилам. В этих выборах принимали участие не только домохозяева, как раньше, но всё взрослое население (около 7 тыс. чел.). Голоса распределились следующим образом: меньшевики – 45,9, еврейские национальные партии и соглашения – 16,3, эсеры – 14,9, большевики – 9%. Тогда же большевикам удалось кооптировать несколько человек в Совет.

После августовских выборов большевизированный Совет прекращает издание «Известий» и 27.09(10.10).17 г. начинает выпускать по средам еженедельный «Бюллетень Клинцовского Совета». Это – газетка всё того же формата и логотипа, но всего на двух полосах. Редактирует её А.Е. Берестечко. С пятого номера указывается не дата, а лишь месяц выхода. Сначала «Бюллетень» печатался в типографии К.Н. Клапцова, а с № 5 – по-прежнему у М.Д. Лыкова.

Вскоре после Октябрьского переворота в Клинцовский промрайон прибыл Первый Петроградский революционный отряд под командованием матросов А.Ф. Улезко (уроженец Клинцов) и Федосенко. Это была внушительная сила – 1250 штыков. (Кто бы это её послал и зачем?). Через неделю они провели перевыборы Клинцовского совета. В них приняло участие около 3100 избирателей (включая контингент солдатских казарм), т. е. менее половины взрослого населения. Большевики получили абсолютное большинство голосов – 2680, «соглашательские» партии – менее 500 [25, с.53-56]. Голосовали ли матросы, неизвестно, но результат они обеспечили: оказалось, что достаточно не допустить к урнам половину избирателей да иметь в городе по два штыка на каждых пять голосующих, чтобы они свободно выразили свою вековую мечту о счастье.

Но и этого показалось маловато. Пришлось создавать ревком, во главе которого поставили ещё одного матроса-клинчанина Ф.И. Никифорова. При создании ревкома уже никакие формальности не требовались – была бы р-р-революционная целесообразность. 16(29)

ноября ревком разогнал городскую Думу, а Улезко провозгласил в городе Советскую власть. Однако его отряду пришлось уйти из Клинцов – то ли делать Советскую власть в Новозыбкове, то ли ловить Л.Г. Корнилова. В отсутствие матросов 26-28 ноября в Клинцах прошли выборы в Учредительное собрание. В них приняло участие 5658 чел. – почти столько же, сколько и в городскую Думу. Их голоса распределились так: большевики – 29,7, эсеры, меньшевики и трудовики – 29,3, еврейские национальные партии и согласия – 17,7, кадеты – 13,2, старообрядческое согласие (было и такое!) – 9,7, прочие группы – 0,4%.

Большевистский районный совет лишь продолжал издание «Бюллетеня». Последний известный его выпуск – № 10, декабрь 1917 г. – посвящён охоте на генерала Корнилова. Клинцовские издания 1917 года можно относить к советским, а вот к большевистским – вряд ли. Неизвестно, издавалось ли что-либо в Клинцах в январе-апреле 1918 г., а если и издавалось, то с ликвидацией порядка не доходило в Румянцевский музей. С 10 апреля посад был оккупирован австро-германскими войсками. Власть в независимой от России УНР в это время принадлежала гетману П. Скоропадскому. Никаких сведений об изданиях гетманского периода в Клинцах нет; скорее всего, их и не было. Первая немецкая оккупация края продолжалась 8 месяцев, до декабря 1918 г., когда в связи с революцией в Германии оккупанты *освободили* южное Стародубье от своего присутствия, проведя организованную эвакуацию, а полки Богунский и Таращанский его *заняли*. Богунский полк вошёл в Клинцы 13 декабря. Н.А. Щорс телеграфировал: *«Клинцы заняты революционными войсками. В городе образцовый порядок. Сегодня рабочие выбирают Совет и ревком»*. (Ну что за выборы Совета да без штыков? Что за Совет да без ревкома?).

7

Ещё в марте 1917 г. в Новозыбкове возникли две газеты «Новозыбковская жизнь» и «Возрождение», но обе закончились после первых же номеров. В марте 1918 г. в Новозыбкове вышло несколько выпусков «Вестника 1-й революционной армии Западного фронта». В Почепе, вероятно по инициативе «губкома в изгнании», в 1918 г. выпустили 28 номеров «Известий». В неоккупированном Мглине вышло (во второй половине 1918 года) также 28 номеров «Известий Совета». В Сураже Советская власть устояла, но об издании газет там не думали. После эвакуации оккупантов Черниговский губком переехал из скромного Почепа в Клинцы и уже 4 января 1919 г. провёл там губпартконференцию. На некоторое время Клинцы стали одним из губернских центров независимой Украины. (Невероятно, но факт: Клинцы стали губернским центром несколько раньше, чем Брянск присвоил себе этот статус, но, разу-

меется, позже Почепа). 9 января Суражский уездный съезд Советов постановил перенести центр уезда также в Клинцы (название *Суражский уезд* временно сохранялось). С 19 января 1919 г. Клинцовский горком и «Суражский» уком КП Украины начали издание в Клинцах газеты «Трудовая коммуна».

Редакция «Трудовой коммуны» размещалась на ул. Карла Либкнехта (ныне Октябрьской). Редактировал её Шубин, имевший опыт журналистской работы на Западе. Известно, что он редактировал в США две газеты. «Трудовая коммуна» – четырёхполосная ежедневная газета хорошей печати. На первой полосе помещались сообщения из-за границы, из Киева, Петрограда и по стране, на второй и частично на третьей – корреспонденции с фронтов, которых было тогда множество, на третьей странице – «местная жизнь», на четвёртой – сообщения, извещения, объявления. Один её экземпляр стоил 75 коп. Подписная цена на 1 месяц – 16 руб., на 2 м-ца – 30 руб., на 3 м-ца – 45 руб. Большие сроки подписки и не объявлялись – не было дурней платить вперёд. Жизнь была нестабильна.

Трудящиеся северной части Черниговской губернии были против отрыва от России и ходатайствовали об этом во ВЦИК РСФСР. 5 мая 1919 г. эта территория была принята в состав РСФСР, а 9 июля 1919 г. НКВД РСФСР утвердил состав вновь образуемой Гомельской губернии РСФСР, в состав которой вошли также Новозыбковский, Суражский, Стародубский, часть Мглинского уездов.

В декабре 1919 г. в Почепе закончилось издание местных «Известий», в августе во Мглине (превращённом в волостной центр) – «Информационного листка». С января 1919 г. по 27 июля 1920 г. просуществовала первая стародубская газета «Коммунист». Клинцовская «Трудовая коммуна» закончилась 31 августа на 177 номере. Со 2 сентября та же редакция готовила ту же газету, по тому же логотипу, но с № 1 и под названием «Зарево» – орган Суражского уисполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Гомельской губернии.

1920-й год был для Стародубья не менее драматичен, чем 1918-й. Обострились советско-польские отношения. Суверенные поляки (тогда их называли «белополяками») начали наступление и приближались к Гомелю. В мае возникла угроза его захвата. Губернские учреждения эвакуировались в Клинцы, которые опять стали временным губернским центром. Среди гомельского губернского руководства, эвакуировавшегося в Клинцы, были также знаменитый позже литературный деятель Г. Лелевич и его друг поэт и критик Д. Выгодский, и в дальнейшем сотрудничавшие с клинцовской печатью.

Издание «Зарева» было прекращено. В Клинцах с 25 мая стала выходить объединённая газета «Известия Гомельского губернского военно-революционного комитета и Суражского уревкома». Га-

зета издавалось по 18 июля (вышло 60 номеров). Клинцовская газета получила губернский статус, хотя только на срок, но одновременно с брянскими «Известиями». В той же редакции было выпущено несколько номеров гомельской губернской газеты «Полесская правда». Когда опасность падения Гомеля прошла, губернские власти вернулись туда. До 18 августа клинцовские «Известия» имели издателем Суражский увоенревком. С № 83 (19 августа) они опять стали органом исполкома Совета.

В том же 1920 году в Новозыбкове с 24 марта по 26 мая выходила газета «Красноармеец» РВС 16-й армии, затем переместившаяся в Могилёв. В её редакции работали знаменитые впоследствии журналист Михаил Кольцов и его брат карикатурист Борис Ефимов.

8

Подводя итоги развития местной печати в период гражданской войны, следует сказать, что по настоящему выпуск газет пытались наладить лишь Советы Клинцов (с 27 июня или 10 июля по н. ст. 1917 г.) и Брянска (с 1 июля 1918 г.), при этом условия для работы редакций в Клинцах были несравненно сложнее, чем в Брянске. Брянск пользовался поддержкой штаба фронта, а Клинцы использовали опыт и традиции дореволюционной «Клинцовской газеты». Вслед за этими городами можно поставить инициативы Севска, где с 1914 г. по начало 1921 г. пытались издавать какую-нибудь газету. На следующем месте – Карачев, где попытки создания своей газеты закончились в сентябре 1919 г. Предпринимавшиеся в Мглине, Новозыбкове, Почепе, Стародубе, Трубчевске издания оказались нежизнеспособными. К началу 1921 г. «Известия Советов» остались только в Брянске и Клинцах, находившихся в то время в разных губерниях.

Газеты этого периода были именно «известиями Советов» – объявления о распоряжениях военных и гражданских властей, сообщения о совершенно неотложных местных делах, информация о политических и военных событиях. К сожалению, они очень мало сохранились. (Не стало комиссара Временного правительства Руденко, который не забывая послать в Москву обязательный экземпляр печатной продукции). Так, например, «Трудовая коммуна» и «Зарево» в собрании РГБ представлены единственными экземплярами. Даже подшивки газет 1920-1921 гг. чрезвычайно тонки. Чуть полнее собрания газет Брянского края в РНБ в Петербурге.

Окончилась гражданская война. Налаживалась мирная, хотя и сильно политизированная жизнь. Стало меньше мобилизаций, развёрсток и реквизиций. Власти перестали быть единственным источником интересующей население информации. Пришла пора реформы газетного дела.

В марте 1921 г. проходит X Съезд РКП(б). Он не только объявляет НЭП, но и оттесняет профсоюзы («организованных рабочих», о которых столь много говорилось ранее) на третьестепенные роли — они объявлены «школой» коммунизма». Менее громко произошло оттеснение на вторые роли Советов. Впрочем, они и до этого, как говорил В.М. Молотов Феликсу Чуеву, «были принижены» — там, где не удавалось сформировать послушный состав Совета, к нему приставляли ревком или комбед. На первую роль безраздельно выходит Партия (к тому времени — единственная). Её съезд определил: «Основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни, работе и борьбе трудящихся» (чтобы, значит, о более крупных вопросах не писали). В 1921-1924 гг. проводится поэтапная денежная реформа. 6 июня 1922 г. был образован Главлит — управление цензурой печати. Всё это сразу же отражается на газетном деле.

С 1922 г. местные газеты переходят на хозрасчёт. Это сразу отсекало мелкие газетки, за направлением которых тогда ещё было трудно уследить. Если раньше большинство из них (в т. ч. газета Клинцов) были «Известиями» соответствующих Советов или их исполкомов и комитетов партии, то теперь учредители меняются местами. В первом квартале 1922 г. клинцовские «Известия» — орган Клинцовского уисполкома и укома РКП(б), а с апреля — орган Клинцовского укома ВКП(б) и уисполкома. При этом обычно происходила и смена названия газеты с безликого «Известия» на имя собственное.

9

В августе 1922 г. брянские губернские «Известия» в связи с переходом на хозрасчёт (неполный, т. к. партийное оружие губернского калибра какую-то дотацию получало) сменили название. Видимо, их редакция не блистала находчивостью и присвоила название заводской меньшевистско-эсеровской газеты 1917 года из соседнего города — бежицкого «Брянского рабочего». Хотя в этот раз газета издавалась в самом Брянске и действительно была брянской, такое заимствование названия было совсем не обязательно. Возможны были десятки вариантов с использованием слов «Брянск», «Десна», «Ленин», «пролетарий», «коммунист», «большевик», «коммуна», «правда», «знамя», «путь», «ключ», «свет», «призыв», «труд», «молот» «новый», «красный» и других, которые нашли современные газетчики Брянска. Впрочем, видимо, юному губернскому центру просто хотелось казаться постарше. Чтобы закрыть брешь между изданиями, за местную брянскую газету считали... листок контрразведки фронта «Борьба с контрреволюцией», выходящий в перерыве между бежицким «Брянским рабочим» и брянскими «Известиями» в начале 1918 г., что и отражено в справоч-

нике Всесоюзной книжной палаты. (А вот к местным газетам Новозыбкова издававшимся в этом городе воинские газеты почему-то никто не приплюсовывает). Есть у второго «Брянского рабочего» одна маленькая интересная деталька. В плашке многие десятилетия было выставлено: *Основана 1 сентября 1917 г.* То, что этой надписью коммунисты Брянска фактически напоминали о своей связи с меньшевиками и эсерами (а ведь историю своей партии они вели не с I, а со II, большевистского, Съезда) — это их внутрипартийное дело, но ведь бежицкая газета в действительности была основана 14 сентября по новому (введённому большевиками) стилю. Многие десятилетия редакция «забывала» пересчитать дату основания газеты на новый стиль, прибавляя, таким образом, к её возрасту 13 дней. Пустячок, а — приятно!

В Брянске не нашлось кадров, которые смогли бы достойно вести губернскую газету. На эту должность пришлось приглашать «варягов», которые тогда охотно ехали в новый губернский центр за портфелями губернского формата. Среди приглашённых редакторов — «определившиеся», как тогда говорили, писатели, т. е. люди, сознательно связавшие свою жизнь с печатным словом, — А.Н. Новиков, В.П. Ильенков, М.С. Завьялов и др. [14, с. 7]. Новиков, друг А.П. Платонова, редактировал «Брянский рабочий» в 1924-1925 гг. В 1925 г. ему удалось перебраться в Ленинград.

В 1925 г. тираж губернского «Брянского рабочего» составлял 7000 экз., в 1927 г. — 19000 экз. В сентябре 1924 г. в Брянске было предпринято издание губернской газеты для крестьянства — «Наша деревня». (Это на её страницах опробовал своё перо наш знаменитый впоследствии земляк, лопушский сельский парень Николай Грибачёв). В 1925 г. тираж «Нашей деревни» составлял 4000 экз., в 1927 г. — 18000 экз. В этот год произошло значительное расширение губернии на запад, и в 1927-1928 гг. брянские газеты распространялись и в Стародубье. (О том, какие отношения это создало между газетчиками, ниже).

Ещё 15 февраля 1920 г. в Брянске вышел первый номер губернского молодёжного листка «Голос красной молодёжи», который выходил время от времени. 8 мая 1922 года (т. е. раньше возрождения «Брянского рабочего») листок был преобразован в газету «Молодой пролетарий», которая также долго издавалась нерегулярно. Лишь с 21 октября 1925 года, когда эта газета стала органом Брянского губкома РЛКСМ и получила название «Путь молодёжи» (и, очевидно, дотацию), она стала выходить более регулярно. В 1927 г. её тираж составлял 4000 экз. В 1927 г. губком ВЛКСМ и губоно выпустили 29 номеров еженедельной детской газеты «Ленинская искра» [24, с. 161-164]. Стоит заметить, что Брянск издавал для рабочих и крестьян разные газеты, в т. ч. молодёжные (крестьян «молодыми пролетариями» тогда не называли). А как же «нерушимый союз»?..

В декабре 1928 г. Брянская губерния была ликвидирована. Прекратился выпуск «Нашей деревни» и «Пути молодёжи». «Брянский рабочий» стал окружной, а с 1931 г. — районной газетой. В.П. Ильенков (редактор в 1928-1930-м гг.) уехал в Москву трудиться в РАПП в 1930-м, сумев понравиться заехавшему в Брянск руководителю РАПП Л. Авербаху. М.С. Завьялов (редактировал газету по совместительству в 1930 г.) смог перебраться только в Смоленск, зато на должность председателя Западной областной АПП. Часть журналистов, которые не смогли перебраться в Москву и Ленинград, постарались получить должность в Смоленске.

10

Клинцовская газета получила имя собственное («Трудовая коммуна», затем «Зарево») взамен безликого функционального «Известия» уже 19 января 1919 г., брянская — только в августе 1922 г. Переезд гомельских губернских учреждений в Клинцы в связи с вторжением белополяков в Белоруссию косвенно привёл к тому, что газета это имя утратила и опять стала «Известиями». В начале 1922 г. встал вопрос о переходе на хозрасчёт (до этого газеты распространялись бесплатно). Многие в Клинцах и Гомеле считали, что газете пришёл конец, но уком РКП проявил твёрдость и оптимизм: «Рано сдаваться! Попробуем!».

Клинцовские «Известия» перешли на хозрасчёт (полный!) с 1 апреля 1922 года (на четыре месяца раньше брянских). Коллектив редакции, которую возглавлял Исаак Поляков, бойкий журналист и крепкий хозяйственник, выбрал новое название — «ТРУД». Сначала сократились до трёх выпусков в неделю. В мае было только 300 подписчиков из рабочих. В августе уже давали четыре выпуска в неделю. С 1 сентября газета стала ежедневной! В ноябре набралось уже 1900 подписчиков из рабочих. Подписка на месяц стоила для рабочих, служащих и крестьян 200 руб., для остальных категорий населения и учреждений — 400 руб. «Труд» в конце 1922 года — это двух-, реже четырёхполосная газета небольшого формата, но с редким для уездной газеты тиражом 3000 экз. Его выписывали не только в огромном Клинцовском, но и в Новозыбковском и Стародубском уездах Гомельской губернии (правда, за пределами Клинцовского уезда подписчиков было не очень много).

И. Поляков сформировал энергичную профессиональную команду. Размещалась редакция на ул. Карла Либкнехта (ныне Октябрьская), а типография — на Островской (ныне Дзержинского), рядом с позже уничтоженной Свято-Никольской Златоглавой старообрядческой церковью. К концу года скромная уездная газета «Труд» стала известна всей стране (возможно, за исключением Брянска). На 1 января 1923 г. в стране издавалось всего 442 газеты: Москва — 35, европейская Россия — 200, Сибирь — 50, Киргизия (т. е.

Казахстан) – 18, Украина – 53, Белоруссия – 8, Закавказье – 19, Туркестан – 9, автономные республики – 50. В уездных центрах выходило только 190 газет (в губернских – 252, из них ежедневные – 42,5%). Лишь 38 уездных газет (18%) были ежедневными, 95 из них выходило 2-3 раза в неделю, 65 – 1 раз в неделю, 18 – вообще нерегулярно. На территории нынешней Брянской области газеты выходили только в губернском Брянске и уездных Клинцах. Остальные уездные центры края не смогли наладить выпуск своих газет. Клинцовский «Труд» был ежедневной газетой.

Блестящую характеристику «Труду» дал еженедельник агитпропа «Красная печать»: *«Внешний вид газеты не оставляет желать ничего лучшего. Видно, что каждый номер составляется тщательно и с любовью. Материал расположен умело. Хорошо используются шрифты. Часто помещаются рисунки и недурные. Раньше газета даже пыталась давать иллюстрированное приложение»*. Еженедельник отмечает, что «Труд» живо отражает рабочую жизнь уезда, в каждом номере даёт отделы «Жизнь деревни» и «Партийная жизнь» и периодически – «Страничку юного текстильщика», «У рабочей молодёжи», «Уголок красноармейца», «Разъяснения и отклики на письма» [8]. Отметим инициативу клинчан в создании тематических страниц и поясним, что для этого необходимо иметь в портфеле редакции большой запас материалов.

Но известность известностью, а хозрасчёт любит счёт. Редакции пришлось вести напряжённую борьбу за подписчика. К пятилетию Октября «Труд» выходил в количестве 2850 экз. по подписке и 125 экз. в розничную продажу. Подписная цена была дифференцирована по социальным слоям населения (приоритет – трудящимся, особенно деревне), учреждениям, коллективным подписчикам. Подписка по этим группам в уезде распределялась так (в скобках, для сравнения, приведена подписка на центральные газеты): рабочие и служащие – 1303 (572), культкомы предприятий – 485 (103), профорганы – (70), учреждения – 122 (1), парторганы – (38), воинская часть и милиция – 141, деревня индивидуально – 21(76) и 612 за счёт учреждений, нетрудовой элемент – 2(6), всего – 2850 (866) (в сводку не вошло 200 экз. «Труда», видимо, подписка парторганов).

15 декабря 1922 г. было учреждено Объединение «Клинцовская печать» им. тов. Томского (был такой профсоюзный деятель). В него вошли гортипография, коммерческая часть газеты «Труд» и книжно-писчебумажный магазин «Труд и знание». Позже объединение открыло ещё один такой же магазин в Сураже. Видимо, вошла и радиостанция (или она числилась по «коммерческой части» редакции).

Новая книга тогда была редкостью, пользование городской биб-

лиотекой для не членов профсоюза было тогда платным. Для постоянных подписчиков с 1924 г. Объединение издавало ежемесячное приложение «Библиотека «Труда», книги которой на сумму до 50 коп. выдавались *по выбору* при предъявлении подписных квитанций и оплаты 20 коп. С 1925 г. на таких же началах, но за плату всего 8 коп. была организована «Библиотека крестьянина». Так, в 1924 г. были изданы сборник «На заре революции» (49 с.), книга Л. Троцкого «1905-й год» (63 с.). В 1925 г. выдавались книжка И. Сталина «О Ленине и ленинизме», брошюра «Как возникла жизнь на земле», в двух выпусках вышел роман Э. Синклера «Король Уголь», также в двух выпусках — книга Д. Рида «Десять дней, которые потрясли весь мир» и др.

В том же 1925 г. редакция организовала написание книги «Сто лет клинцовской шерстяной промышленности», пригласив для этого столичного специалиста Ф.К. Евгеньева. Евгеньев был скорее библиографом текстильной промышленности, чем крупным историком. В книге его немало недостатков, автор ограничился лишь шерстяной промышленностью, так что пришлось менять уже анонсированное название («Сто лет клинцовской промышленности»), но это была одна из первых в СССР *историй фабрик и заводов*, на пять лет опередившая аналогичную инициативу М. Горького и Л. Авербаха. Книга Евгеньева также предназначалась для постоянных подписчиков «Труда» [5].

До 14% средств от подписки направлялось на лотерею подписчиков. Нас могут сегодня удивить призы лотереи, но такова была тогда жизнь: две коровы, швейная машинка, бюсты Ленина и Маркса, возможность сфотографироваться при редакции бесплатно, билеты в кино на оплаченный редакцией сеанс и т. п. Редакция контролировала подписку в уезде на еженедельный тогда московский журнал «Огонёк» и использовала это для поощрений в подписной компании. И результаты не замедлили сказаться. С 3000 экз. в конце 1922 г. тираж «Труда» в 1925 г. вырос до 5350 экз. в январе и 6375 экз. в марте. Это уже была газета формата «Правды» на четырёх, а то и на шести полосах, с отличными рисунками (но не очень качественными фотографиями). Напомним, что тираж «Брянского рабочего» составлял в этот год 7000 экз., «Нашей деревни» — 4000 экз. В отличие от Брянска, И. Поляков умел подавать темы так, что рабочие с интересом читали о деревне, а крестьяне — о городе, разделения газеты не потребовалось. В 1926-1927 гг. в Клинцах издавалась еженедельная иллюстрированная молодёжная газета «Комсомольский «Труд» формата «Правды» тиражом 5750 экз. (Тираж губернского «Пути молодёжи» составлял в 1927 г. 4000 экз.) [17].

Трудно переоценить роль редакции клинцовой газеты в радиофикации края. С.С. Сысоев пишет: «*В 1918 году в Брянске начала работать приёмная радиостанция, но она имела ограниченное применение. В города и районы Брянщины радио начало проникать с 1926 года. В 1928 году в Брянске была закончена установка радиоаппаратуры, оборудована радиостудия, проложены первые километры радиолиний, приступил к работе городской радиоузел. Вслед (Sic!) за Брянском оборудовали и открыли радиоузлы в Бежице, Клинцах, Новозыбкове, Дятькове*» [24, с. 172-173].

Не знаю, как насчёт Бежицы и Дятьково, наверное, действительно вслед за Брянском, а вот насчёт хронологии радиофикации Клинцов и Брянска всё было с точностью до наоборот. Не странно ли, радиостанция в Брянске в 1918 г. была, да использовалась почему-то мало? А потому, что она имела отношение к Брянску не больше, чем листок отдела контрразведки к местной печати — это была радиостанция при воинском штабе. Вот почему и имела эта радиостанция «ограниченное применение». В Клинцах никаких фронтов не квартировало, радиостанцию пришлось делать самим, поэтому и работала она «на всю катушку» (имеется в виду индукционная катушка). Н. Геец выявил в архиве интересный факт: *26 марта 1920 г. Клинцовой приёмной радиостанции выделено 1000 рублей на расходы по переводу в другое помещение* [19]. Это была большая сумма (видимо, в золотом исчислении). Ведь накануне, 13 марта, Суражский уисполком выделил Клинцовой типографии на ремонт здания и печатание газеты «Известия» всего 2000 руб. (Возможно, с этим ремонтом и связан её перевод в другое помещение, т. к. радиостанция возникла *при редакции газеты*). Значит, эта приёмная радиостанция существовала задолго до 26 марта 1920 г. и была крупной, если ей требовалось отдельное помещение. К сожалению, точной даты её сооружения мы не знаем, но произошло это не раньше 13 декабря 1918 года, можно относить к 1919 году.

Радиостанция снабжала редакцию сводками последних событий. На просторах Гомельской и Брянской губерний Клинцовская радиостанция была единственной в уездном центре, что резко выделяло Клинцы из других малых городов. Ветеран областной радиожурналистики И. Полозов одну из главок своих воспоминаний так и назвал: «*Радио начиналось в Клинцах*» [20, с. 24-25]. В фондах областного радио хранятся магнитофонные записи воспоминаний незаурядного клинцовского журналиста Евгения Николаевича Соколова, что уже в 1923 г. радиоприем последних известий широко использовался в газете. Ф.К. Евеньев среди культурных достопримечательностей Клинцов 1925 года также называет радио [5, с. 20]. Радиостанция была хорошо освоена клинчанами, и в 1928 г. приём сводок (днём и в 1 час ночи) вела уже машинистка редакции Базылева.

Работа Клинцовской радиостанции в свою очередь стимулировала радиофикацию края. В радиофикации можно различать следующие этапы: радиотелеграфный приём, радиотелефонный приём, трансляция радиотелефонного приёма в квартиры, на улицы, трансляция с микрофона из студии, трансляция из любого помещения, с митинга, с улицы и т. п. Радиотелефонные передачи начались в стране лишь в 1926 г. с пуском радиостанции им. Коминтерна, поэтому более ранние брянская и клинцовская радиостанции – это лишь радиотелеграфный приём информации. Начало радиотелефонного приёма речи и музыки в Клинцах связано с приехавшим из Москвы радистом-энтузиастом Сергеем Ивановичем Ефремовым и помогавшим ему энергичным Е.Н. Соколовым. В 1927 г. радиостанция при редакции «Труда» принимала Москву и Гомель. С.И. Ефремов первым на территории Брянской губернии построил радиотрансляционную установку мощностью 200 ватт. С 24 марта 1927 г. она транслировала в квартиры клинчан на репродукторы типа «ДПА» не только радиотелефонный приём, но и передачи с микрофона из студии при редакции и из других помещений! Не имея фабричного микрофона, Ефремов приспособил для этой цели усовершенствованный репродуктор, за счёт обратной индукции которого и велась передача. Это был не кружковый эксперимент, а полномасштабная радиофикация – передачи транслировались в 10 домов города. *«Передавались, – вспоминал Е.Н. Соколов, – прежде всего официальные сообщения, получаемые приёмной радиостанцией, выступления руководителей города, а затем, когда микрофон был усовершенствован, и спектакли театров, приезжавших на гастроли (!), концерты местной художественной самодеятельности».*

Вот так работали тогда в Клинцах! К десятилетию Советской власти (7 ноября 1927 г.) С.И. Ефремов соорудил репродуктор своей конструкции весом 50 кг, через который с балкона редакции «Труда» транслировались *на улицу* передачи из Москвы и из студии. Под руководством Е.Н. Соколова клинцовскими пионерами было развёрнуто массовое сооружение детекторных радиоприёмников, а С.И. Ефремов организовал отделение «Общества друзей радио» и установил радиоаппаратуру не только в Красной Горе, Гордеевке и Заборье Клинцовского уезда, построил радиоузел на 25 точек в Ущерпье, но и радиофицировал Унечу, Стародуб, Погар [20, с. 25]. Одним словом, клинцовская газета стояла у истоков радиофикации всего Стародубья.

А как же смотрятся на этом фоне успехи Брянска? Лишь в 1928 г. там был сооружён радиоузел (на промышленной аппаратуре), транслировавший радиотелефонный приём, но передач из студии и самой студии ещё не было. Тогда редактор «Брянского рабочего» В.П. Ильенков... переманил Е.Н. Соколова на работу в губернский (ещё)

Брянск — делиться опытом радиофикации. В 1929 г. Соколов начал сооружать для Брянска радиостудию в... курилке драмтеатра. (Старый драмтеатр был крылом новенького брянского Дома Советов, который уже так плотно заселили совпартработники, что свободная комната нашлась только в курилке). Летом 1930 года состоялась первая студийная передача из «радиокурилки», но не спектакля, а лишь устного выпуска газеты «Брянский рабочий». И только в 1931 г., когда было закончено строительство брянского Дома связи, на его четвёртом этаже оборудовали настоящую радиостудию, которая смогла организовать трансляции спектаклей и концертов из театра и клубов [20, с. 25-26].

Кажется, именно этот пример особенно чётко показывает нормальное соотношение периферии и центра. Клинцы с их инициативой по большинству направлений радиофикации на много лет обогнали Брянск, и это имело в те годы огромное пропагандистское и культурное значение. Так разве можно забывать это? Однако к 1931 году положение выровнялось, Брянск получил профессиональную радиостудию в Доме связи, а Клинцы так и остались со своей аппаратурой в приспособленном помещении. Районный узел связи был построен в Клинцах только в 1975 г., на 31-м году руководства таким строительством из областного Брянска. Брянские архитекторы спроектировали безликую функциональную силикатную коробку РУС и вписали своё детище в генплан Клинцов так, чтобы максимально заслонить им творение академика К.А. Тона — храм свв. апостолов Петра и Павла 1848 года в русско-византийском стиле. Впрочем, о функциональности сооружения говорить тоже особо не приходится. Радиостудия в Клинцовском РУС тесная (поменьше, чем была у Соколова с Ефремовым), а перед глазами диктора — дыра на свет Божий (вентиляционная), видимо, чтобы напрямую общался с мировым эфиром...

12

Два первых бюджетных года (1923 и 1924) дефицит бюджета газеты «Труд» покрывали прибылью от торговых операций объединения «Клинцовская печать». В 1925 г. тираж достиг 5225 экз. (по подписке), в 1926 г составлял 5496 экз., в 1927 г. — 8400 экз. В 1925-1927 гг. редакция получала дотацию 40000 руб., направленную на переоснащение типографии. Были куплены новая печатная машина с самонакладом и две наборных машины «Типограф», на что израсходовали 30000 руб. Вот как распределялись затраты газеты по статьям в 1927 году: зарплата редакции 13,5%, зарплата конторе и экспедиции — 9,5%, гонорар рабселькорам — 5,5%, бумага — 19%, типографские расходы — 33% (в т. ч. набор — 26%, печать — 7%), экспедирование и распространение — 3,5%,

общие и другие расходы – 16%. Из этих статей 70,5% затрат (кроме стоимости бумаги, печати и экспедирования) не зависят от тиража, поэтому выгодно добиваться его увеличения. В 1927-1928 гг. в городе работало пять общефабричных уполномоченных по подписке, 120 цеховых и 100 сельских организаторов подписки.

Подписка для учреждений и частных – 1 руб. 10 коп. в месяц, для рабочих, служащих и кустарей – 60 коп. (с приложением «Библиотеки «Труда» – 90 коп.), за пересылку 5 коп. в месяц, для крестьян 30 коп. в месяц с пересылкою (с приложением «Библиотеки «Труда» – 38 коп.). Отдельный номер «Труда» стоил 5 коп. Газета продавалась в четырёх киосках города.

Первоначально валовый номер газеты выставляли от 1 апреля 1922 г., т. е. от появления названия «Труд». Затем додумались, что все её выпуски, начиная с «Трудовой коммуны», – это, по существу, одна и та же городская клинцовская газета. Валовый номер 2000, считая от «Трудовой коммуны», пришёлся на 6 декабря 1925 года. К сожалению, в коллекции РГБ его нет. (Не стало комиссара В. Руденко – надолго не стало и дисциплины). Но есть № 2001, также посвящённый этому первому юбилею «Труда».

К.Н. Клапцов, живший в то время в Ленинграде, писал в этом номере о громадной и умелой работе редакции. Он подчёркивал: *«Тираж, новый чистый шрифт, подбор материала, подход к читателю рабочему и крестьянину, чистые иллюстрации и художественно изданные приложения «Библиотеки «Труда» смело могут соперничать со многими газетами больших городов».*

Ему вторил Ф. Рындин из Москвы: *«Перебирая внимательно десятки провинциальных газет, среди которых немало и губернской печати, среди них всегда отметишь клинцовский «Труд». Несмотря на все окружающие трудности, «Труд» сумел взять верный тон и выработать свою, всегда живую физиономию, создать верное зеркало, умело отражая в нём все многосложные вопросы клинцовского моря действительности. Всякий раз с интересом берёшь в руки «Труд» и каждый раз с удовольствием дочитываешь его до конца. Это далеко не заурядное явление, и кто имел дело с провинциальной печатью, тот всегда отметит эти достоинства клинцовского «Труда». Большая заслуга редакторов, которые сумели создать из местной газеты эту живую физиономию в тяжёлых провинциальных условиях русской действительности. Это большое культурное завоевание провинции.»*

Но «Труд» – не только повседневное зеркало, отражающее окружающую действительность, это семилетняя хроника пережитого клинчанами. Ведь как скоро мы всё забываем, но газета – это хранилище прошлого, это – архив дней пережитых, и тот народ, который претендует на будущее, должен иметь сосуд, хранящий прошлое. Таким сосудом культуры Клинцов, несомненно, являются 2000 номеров «Труда», и этим вправе Клинцы гордиться...».

Реклама подписки «Труда» в 1927 г.

Звезда изображает единство 5 основных тем «Труда» – жизнь рабочих, крестьян, женщин, молодежи, красноармейцев

В чём же были причины успеха «Труда», столь ярко охарактеризованные в день юбилея? «Труд» был, прежде всего, органом укома РКП и профессионально выполнял требования X Съезда партии, – «Основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни, работе и борьбе трудящихся», – но понимал их глубоко и многогранно. Он не делил трудящихся глубоким рвом на рабочих и крестьян, а на деле проводил на своих страницах линию на их союз. В «Труде» сумели привлечь к газетной работе и местный гарнизон – «Артдив» (т. е. артиллерийский дивизион РККА, квартировавший тогда в Клинцах), что делалось в очень немногих местных газетах страны. В газете писали о детях, о юношестве, видя и в этих темах часть местной жизни. Обладая радиостанцией, «Труд» оперативно зна-

комил своих читателей с всесоюзными и мировыми новостями, что было недостижимо в большинстве уездных центров. Плодотворное литературное объединение при редакции, издание библиотечки газеты, написание книг по заказу редакции были тогда величайшей редкостью даже для газет крупнейших городов. Успех «Труда» обусловлен тем, что редакция целенаправленно выходила за рамки, очерченные для местной печати решениями X партийного Съезда. Фактически «Труд» был окружной, а не уездной газетой. На новом этапе он реализовал обширную программу, заявленную когда-то «Клинцовской газетой» С.М. Харитонова и М.Д. Лыкова. Плодотворное развитие её традиций стало возможным благодаря притоку в город ряда не первоклассных, но опытных работников, загнанных в Клинцы гражданской войной и разрухой. Но преувеличивать значение беженцев тоже не следует. Как будет показано дальше на примере многотиражек, инициатива с мест была тогда в Клинцах ключом. Рядом с опытными газетчиками подрастали энергичные молодые клинцовские кадры.

13

Брянским совпартфункционерам было тесновато в маленькой «первоапрельской» (утверждённой 1 апреля 1920 г.) губернии. Возникали планы расширения то на север (создание Западной области с центром в Брянске), то на запад (за счёт передела Стародубья). Интриги по присоединению восточного Стародубья к Брянской губернии достойны пера романиста. Вот один пример – борьба за «мглинское наследство».

Мглинский уезд был расформирован, его волости вошли в Клинцовский и вновь образованный Почепский уезды Гомельской губернии. 4.05.22 г. ВЦИК решил передать Павловскую, Костеничскую, Нивнянскую и Мглинскую волости с г. Мглин в Клинцовский уезд. 30.10.22 г. было организовано решение схода жителей Павловской волости о присоединении её к Почепскому уезду. (Этот уезд Брянская губерния смогла отторгнуть от Стародубья 5.05.23 г. по решению ВЦИК). Вслед за этим, 17.03.25 г. было организовано решение Мглинского волостного съезда Советов о присоединении волости к Почепскому уезду Брянской губернии, а 13.05.25 г. постановление президиума (только-то! десяток послушных функционеров) Почепского уисполкома о ликвидации Шуморовской волости Почепского уезда Брянской губернии и о слиянии её с... Мглинской волостью Клинцовского уезда Гомельской губернии! Это ж какую «мохнатую лапу» надо было иметь во ВЦИК, чтобы вот так пренебрегать губернскими границами?! (Фамилия этой «лапы» – Н.А. Кубяк, член Президиума ВЦИК, когда-то поработавший немало в Бежице и сохранивший связи с друзьями юности). Но тог-

да что-то не сработало. 17.12.25 г. постановление пришлось принимать вторично и опять только на президиуме (на Съезд почему-то побаивались вынести). И опять не сработало. 23.04.26 г. президиум Брянского губисполкома принял ещё одно постановление – о *целесообразности* слияния Мглинской волости чужой губернии с Шуморовской волостью своего Почепского уезда. А 6.12.26 г. Президиум ВЦИК принял постановление о ликвидации Гомельской губернии и передаче Клинцовского, Новозыбковского и Стародубского уездов в состав Брянской губернии. (А Брянск уже 4.12.26 г. организовал комиссию по их приёмке – вот что значит иметь «лапу»!). 16.05.27 г. Шуморовскую и Мглинскую волость таки объединили, но... в составе Клинцовского уезда! И куда делась «целесообразность» перевода её в Почепский уезд, когда и в Клинцовском она теперь оставалась в подчинении Брянска?[1].

Гомельская область РСФСР, объединившая в одном административном образовании бывшие земли радимичей, была, видимо, наиболее удачным вариантом национально-территориального размежевания. Но Центру понадобилось укрупнить Белорусскую республику. Сделать это можно было только за счёт РСФСР. С этой целью в декабре 1926 г. западные уезды Гомельской губернии перечислили в БССР. Её восточные уезды, ранее находившиеся в составе Черниговской губернии и определённо высказавшиеся за присоединение к РСФСР, в ней и остались. Их включили в состав Брянской губернии, которая заняла территорию нынешней Брянской области и Жиздринский уезд б. Калужской губернии. Эта большая («декабрьская») Брянская губерния просуществовала всего два года, но странным образом воспринимается брянцами как административная структура всего довоенного периода – была, мол, Брянская губерния, стала Брянская область. (Здесь и далее речь идёт, разумеется, об обывательском сознании. Учёные Брянска хорошо знают историю административных преобразований края, однако обывательское сознание нередко влияет на решение внутриобластных проблем сильнее, чем мнение учёных, а порою проникает и в краеведческую литературу).

Получив в управление Стародубье, брянцы, привыкшие к монополии «Брянского рабочего», с удивлением обнаружили где-то там, на Диком Западе, ещё одну газету, точнее, редакцию, выпускавшую целую серию изданий. О диком западе здесь не преувеличение. В 1928 г. брянский литературный кружок прислал вызов на соревнование... «крестьянским писателям Клинцов» [14, с. 27]. (Есть, говорят, где-то там, на западе, хутор Клинцы и на этом хуторе даже грамотные встречаются). Впрочем, могло быть и не до смеха. Хотя Клинцы с 1873 г. были «как бы городом» (управлялись по *Положению для городов*), хотя с 14.07.21 г. они официально были центром уезда, а в 1923 г. в Клинцах был избран *горсо-*

вет, полноценным городом они стали лишь 6.06.25 г., когда Президиум ВЦИК утвердил их в этом статусе. Не смотря на то, что Трубчевск постарше Брянска и тысячу лет был городом, в том же 1925 году 5 сентября Президиумом Брянского губисполкома он был превращён в центр... волости и в нём был образован сельсовет...[1]. Обращение к «крестьянским» писателям раскрывает чиновничье-бытовые представления о Клинцах в Нью-Васюках. Вслед за этим вполне могло последовать преобразование новоучреждённого города Клинцы в какой-нибудь кишлачный центр.

В Брянске обнаружили, что во многих направлениях редакция «Труда» заметно инициативнее брянской. Как так?! Без команды и без разрешения? Держать и не пущать! И держали Клинцы, как могли. Незадолго перед утратой восточных уездов (видимо, уже зная о ней) Гомель частично вывез Клинцовский музей, организованный в 1920 г. К.Н. Клапцовым, – перевёз к себе его отдел изобразительных искусств: живопись, скульптуру, антикварную мебель, посуду и т. п., собранные в годы революции из особняков фабрикантов и богатых усадеб уезда. (Конечно, следы коллекции потерялись. В Клинцах случайно уцелела одна скульптура «Мать и дитя»). Клинцовский музей лишился изюминки своей коллекции. В первую же «брянскую» зиму у ограбленного музея почему-то не оказалось наряда на дрова. Сотрудников выморозили, как тараканов, и они разбежались, остатки музейного собрания законсервировали, что-то было расхищено, погублено. Сколько ни ходатайствовали клинчане о восстановлении музея, у Брянского губполитпросвета, которому подчинялись музеи, всё находились отговорки – то денег нет (для Новозыбкова они отыскивались), то есть, но бюджет уже свёрстан... А тем временем подспела всесоюзная компания по борьбе с краеведением, которое лишь отвлекает трудящихся от строительства светлого будущего, привязывая их к проклятому прошлому. Об открытии нового музея и говорить стало нельзя. Пришлось возобновлять его на клубных началах. Или ещё пример. Советские и партийные учреждения города и уезда были разбросаны в Клинцах в двух десятках домов. Так, в 1922 году только уездные учреждения помещались в 13 зданиях на ул. Карла Либкнехта (Октябрьской), Красной (Гагарина), Нижней Бобылке (Богунского полка), Островской (Дзержинского), Петропавловской (Кюстендилской), Пушкинской и на Стодоле. Надо ли говорить, какие трудности это создавало клинчанам и жителям уезда? Клинчане хотели свести учреждения в одно место, построить для этого Дом Советов, но получили из губернии мудрый наказ: «Мало заботитесь о рабочих! Для них нужно строить, а не для учреждений». Клинчане и выстроили – четырёхэтажный *Дом рабочих* в стиле конструктивизма по проекту московского архитектора А.З. Гринберга. Строительство же сохранившегося донныне Дома Советов началось только после

перехода Клинцов в подчинение Смоленску. Кстати, и позже брянским архитектором-художником В.Н. Городковым, проводившим выявление памятников архитектуры, клинцовский Дом рабочих не был внесён в список, хотя он, несомненно, относится памятникам [23].

Неприятие в губернском центре вызывала именно инициативность клинчан. Редактор «Брянского рабочего» Гусман приклеил редакции «Труда» прозвище «*клинцовские американцы*». Американская сметка и деловитость давно стали в России примером. Писатель Вас.И. Немирович-Данченко назвал свою очерковую книгу о мальцовщине «Америка в России» (1882). В годы НЭПа и первых пятилеток американский стиль работы вновь стал в СССР ориентиром. В.В. Маяковский в те годы бахвалялся: «*Мы вашу быстроногую Америку догоним и перегоним!*». Но в кличке, изобретённой Гусманом, был и прямой намёк на прошлое редактора «Трудовой коммуны» Шубина, занимавшегося журналистикой в США. (Впрочем, изобретательность и деловитость можно и не проявлять, если имеешь дотацию из губернского бюджета, как Гусман).

В год поглощения Брянской губернией восточных уездов Гомельщины редактором «Труда» был И. Райцес. Он попробовал заявить о «Труде» уже в январе 1927 г. на объединительной губпартконференции. Гостем этой конференции был Станислав Косиор (1889-1939), видный член ЦК ВКП(б), в том же году избранный кандидатом в члены Политбюро. Райцес с Соколовым выехали в Брянск, написали репортаж с конференции и вечером по телеграфу передали его в Клинцы. В Клинцах материал сверстали в номер, украсили готовым клише портрета Косиора, и несколько сот номеров газеты отправили на конференцию первым поездом, который приходил тогда в Брянск в 12 часов дня. Около часу дня в перерыве конференции клинчане принялись было раздавать газету, начав, естественно, с высокого гостя. С.В. Косиор с интересом взял номер «Труда» и громко рассмеялся: «Спутали меня с братом!». Его брат Владимир Косиор тоже был заметным партфункционером, поэтому клише его портрета также было разослано агитпропом по редакциям. Раздачу номеров газеты отменили, но промашка клинчан, конечно же, стала известна Гусману, который ехидничал: «Ох, уж эти клинцовские «американцы!».

Райцес дал в Клинцы печальную телеграмму: «Спутали Владимира Станиславом», но сдаваться не собирався. Чтобы «реабилитироваться», он придумал план, как опередить «Брянский рабочий» в его собственном «логове». Редакция «Брянского рабочего» располагалась в пяти шагах от театра, где проходили губернские мероприятия. В её распоряжении были линотип, ротация, своя

цинкография, а в Клинцах – ручной набор и медлительная плоскопечатная машина; клише приходилось изготавливать в Гомеле или Брянске. Но мало иметь технику, нужно ещё уметь ею пользоваться. Клинчане и показали, что можно сделать на их технике в 175 верстах от Брянска. Они продумали всё до мелочей. Заранее расписали все роли, задействовали все связи. На первом же объединённом губернском съезде Советов 3 апреля 1927 г. план Райцеса был блестяще осуществлён.

Редактор «Труда» Райцес и завотделом «Рабочая жизнь» Матлин заранее выехали в Брянск. В две руки они записали речи выступавших на Съезде, обработали записи, составили информационное сообщение и поздно вечером начали передачу материала в Клинцы по телеграфу, морзянкой. В Клинцах ленту расшифровывали и по 15 строк с машинки с нарочными отправляли в набор. Остальные три полосы номера уже были свёрстаны. Съездовского материала оказалось больше, чем на оставленную свободной полосу, пришлось переверстывать номер, переходить и на вторую полосу. Передовицей поставили выступление председателя губисполкома Дичева. Его подпись ради шика заранее вырезали из линолеума и вставили в набор. На первой же полосе разместили информацию об открытии Съезда и приветствия, на второй полосе доклад секретаря губкома т. Рябова, украшенный заранее подобранным его портретом.

Приём телеграммы закончили после 1 часа ночи, вёрстку номера – в половине третьего. Пришлось ставить набор в машину без корректуры ошибок. Отпечатали 400 экземпляров «Труда» и в 3 час. 30 мин. были на клинцовском вокзале. Начальник станции приготовил мотодрезину и обеспечил ей «зелёную улицу». В 7.00 клинцовские гонцы прибыли на брянский вокзал и помчались на поджидавших извозчиках в город по заранее намеченным и проверенным адресам. Посланцы Клинцов посетили квартиру т. Дичева, обошли общежития, где были размещены делегаты восточной Брянщины (Жиздры, Карачева, Бежицы, Трубчевска) и, конечно же, Клинцов, заглянули в столовые, где делегатов кормили завтраком, раздавали «Труд» на подходах к Дому Советов.

Лишь через четверть часа после начала второго рабочего дня Съезда в зале появился «Брянский рабочий» но какой – сокращённый, двухполосный «экстренный выпуск!». В президиум Съезда стекались многочисленные записки одинакового содержания: «Объясните, как «Труд» из каких-то там Клинцов оказался в Брянске к восьми часам утра?!». А у стола прессы припёртый к сцене Гусман, криво улыбаясь, говорил Райцесу: «Да, признаю... Умеете работать по-американски... Без кавычек...» [15].

Ещё значительнее, чем в радиофикации, была роль газеты в организации и развитии массового литературного движения. Литературоведы считают это движение современным вариантом фольклора. Доктор филологических наук П. С. Выходцев писал: «*Фольклор – не низкая ступень искусства по отношению к профессиональной литературе, а специфическая область развития национальной художественной культуры*». Он подчёркивал, что ни развитие грамотности, ни появление таких средств распространения литературного творчества как печать, радио и телевидение не отменяют самодеятельное творчество народных масс [4]. Ему вторил поэт и фольклорист И.И. Доронин: «*Формула «фольклор – это устное народное творчество» устарела... Народное творчество насыщает своими соками творчество профессиональное. Они, эти два вида творчества, имеют кровное родство... Прекрасны отдельные деревья-великаны, поднявшиеся над лесным массивом, но ведь и сам лесной массив, породивший эти великаны, тоже по-своему прекрасен*» [12, с. 9-10].

Доронин, несомненно, прав, печатно-письменное народное творчество берёт формы у профессиональной литературы, но использует их на народном уровне. (Абсолютно преобладающим стилем самодеятельных стихотворений является четырёхстопный ямб с перекрестной рифмовкой, а жанром прозы – юмористический рассказ). В определённой мере письменный фольклор заимствует у профессиональной литературы и темы. Это особенно проявилось в советский сверхидеологизированный период, когда действовала жесточайшая цензура, при которой дореволюционные «рогатки татарской цензуры» показались бы детской игрой. Так, в газетных стихах клинцовских авторов 1920 – начала 1930-х гг. не найдёшь темы любви. Известный самодеятельный поэт Клинцовского края И.М. Посканный вспоминал, что в начале 1930-х гг. интимную лирику они всё-таки писали, но читали только между собою, даже не предлагая редакции. Профессиональная литература воспитывает – в т. ч. через редакции местных газет – самодеятельных авторов, а литературная самодеятельность выращивает будущих профессиональных литераторов. И.И. Доронин составил два поэтических сборника самодеятельных поэтов – «О чём поёт народ Отчизны», 1968 [12] и «Родники народные», 1969 [22], – из стихов, печатавшихся преимущественно в центральных газетах (т. е. «отборных»). В них включено 20 авторов из Брянской области (в т. ч. М.М. Атаманенко, П.А. Кулешов, И.М. Посканный, А.С. Церковский из Клинцов). Более трети из них позже стали членами Союза писателей.

На глазах ныне живущего поколения, начиная с 1960-х годов, возник новый жанр фольклора – неподцензурная самодеятельная гитарно-магнитофонная «бардовская» песня. Роль магнитофона в

1920-е гг. приняла на себя местная газета. Единственным важным отличием в распространении этой разновидности фольклора была его подцензурность (нет сомнения, что за магнитофон тогда сажали бы «без права переписки», как за *незарегистрированную* пишущую машинку), что предопределяло отбор тематики произведений.

Массовое литературное движение начала ещё «Клинцовская газета». Борис Беркман показал клинчанам, «как делать стихи». Впрочем, некоторые из них уже умели их сочинять и до почепских «перелётных птиц». Первый известный клинцовский бард Монякин подвизался в посаде ещё в 1880-е годы, а первый известный самодеятельный поэт Иван Люсин смущал старообрядцев своими стихами уже в 1816 году [3, с. 46]. В 1915-1916 гг. в Клинцах выявились поэты *Альфа*, *А.С. Будь-Добрый*, *Не-Борис*, *Прохожий* и другие, увы, все – псевдонимы, по моде той поры. В годы гражданской войны было не до стихов, едва ли не все полосы газет расходовались на информацию. Однако сразу же после перехода прессы на хозрасчёт они появляются. Уже в декабре 1922 г. при редакции «Труда» сформировалось литературное объединение «НАША ВЕСНА» – первое на территории нынешней Брянской области и второе (после литературного кружка «Арена», действовавшего в губернском Смоленске с 23 июля 1921 г.) на территории огромной Западной области 1930-х годов [2]. В Брянске, точнее, в соседней Бежице, якобы существовал некий литкружок при гимназисте Д.Н. Медведеве, но где результаты его существования? По В.П. Парыгину, в Бежице в 1918 году якобы был издан сборник стихов «У подножья поверженных идолов» [14, с. 7], но кем? Никто этот сборник никогда не видел. Не идёт ли речь о машинописном альбоме или вообще лишь о планах собрать сборник под таким заглавием?

В отличие от брянско-бежицкой мифологии клинцовская «Наша весна» была реальностью. В неё входили учителя Григорий Семёнович Бунтарь из Рожнов, Иван Артёмович Лаптейников из с. Уношево, молодой работник уфинотдела Афанасий Церковский, сотрудники редакции «Труда» С.А. Фиксин и Криницкий и другие, всего 12 человек. К ним примыкали авторы-одиночки с периферии, в т. ч. из Климова, Злынки, Новозыбкова, дальних деревень, не имевшие возможности приезжать в Клинцы на каждое заседание «Нашей весны». С. Фиксин, впоследствии ставший видным поэтом советской Киргизии, и Криницкий – смоляне (в Смоленске в то время было трудно найти работу).

До 1924 г. произведения членов «Нашей весны» печатались на полосах «Труда» вместе с другим литературным материалом, поступающим самотёком. К сожалению, из-за моды на псевдонимы трудно выяснить, кто из конкретных авторов стоял за ними. В 1924 г. в «Труде» появилась *литературная страница «Наша весна»*, газета в газете, орган литобъединения. Клинчане сами выра-

ботали её логотип: установочная передовица, произведения членов литобъединения, литературная хроника, «почтовый ящик» (краткие ответы дальним авторам-одиночкам). Именно этот логотип оказался инициативной новацией, до понимания которой никак не могли дорасти другие редакции. РГБ учитывает эти страницы как специальное издание. Приглашённый редактор «Брянского рабочего» прозаик А.Н. Новиков также с 1924 г. иногда давал полосу «Литературный день» (по аналогии с баннным или постным днём?) [14, с. 146], но заполнял её собственными рассказами и самотёком. Литературного объединения при этой газете не было. Создали его директивой из Москвы.

В 1925 г. в Москве возникла Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), которая объединяла писателей из рабочих и пишущих о рабочих в духе текущих решений партии, боролась за создание некоего нового, пролетарского искусства, за гегемонию пролетарской литературы, против проникновения в неё буржуазной идеологии и против остатков старой русской интеллигенции и традиций старой русской литературы. Последнее направление очень важно, так как русская литература уже в XIX веке была мировой литературой, а «пролетарская», как мы знаем сегодня, так и не появилась. Задачи и методы РАПП – большевистские, лишь иногда преувеличенные до гротеска, плавно переходящие в групповщину, администрирование, травлю неугодных. До поры РАПП пользовалась поддержкой партии, многие её установки (например, отрицание роли таланта) разделял М. Горький. Руководил РАПП Л. Авербах (родственник Горького по приёмному сыну Зиновию Пешкову).

В 1926-1927 гг. РАПП начала создавать в стране свои филиалы. В Брянске, Бежице, Клинцах они возникли в 1927 г., в Новозыбкове чуть позже. Ну, и как всегда, конечно, Брянск в упор «не видит» Клинцы. В.П. Парыгин в своей монографии «Брянщина литературная» заявляет, что филиалы РАПП существовали лишь в Брянске и Новозыбкове, а в Клинцах и Бежице – только литгруппы [14, с. 7]. В действительности клинчане всей «Нашей весной» вступили в РАПП, переименовав это своё старейшее литобъединение в Клинцовский филиал РАПП (КАПП). Название литературной страницы «Наша весна» некоторое время держалось, но и его пришлось снять. КАПП была теснейшим образом связана с редакцией «Труда», в штате которой появился литсотрудник. В Бежице была не литгруппа, а многочисленный филиал РАПП (БАПП), но без своей газеты [16].

Любопытно, что Парыгин о КАПП знал. Например, он был лично знаком с И.М. Посканным, членом КАПП с лета 1930 г., последним из членов РАПП в постперестроечной Брянщине. В проходной журнальной статье Парыгин пишет о КАПП [13, с. 63-64], а

вот в монографии — забывает. Описывая инспекционно-ознакомительную поездку председателя РАПП Авербаха в 1930 году [14, с. 10], он говорит лишь о приезде этого литературного деятеля в Брянск, умалчивая о его более раннем визите в Клинцы, что также говорит о значении, которое придавалось тогда РАПП своему Клинцовскому филиалу.

В Брянске филиал ассоциации (БрАПП) создали. В его составе числились определившиеся писатели В.П. Ильенков и М.С. Завьялов, только вот массовой работы этот филиал — по данным журнала «Наступление» — практически не вёл. (В этом отношении «Наша деревня» делала для своих селькоров даже больше). «Определившиеся» писатели были заняты своим литературным трудом и, кроме того, несли большую нагрузку по основной работе. Работу с начинающими БрАПП поручила Д.Д. Осину (1906-1982). Парыгин с восторгом писал о нём, называя «душою литературного объединения»: *«На доме, в котором жил Д.Д. Осин, для того, чтобы легче было найти начинающим литераторам консультанта, была прибита табличка: «Здесь живёт поэт Дмитрий Осин»* [14, с. 28]. Не хило! Даже у Маяковского такой таблички не было. Дмитрий Осин действительно стал поэтом, членом Союза, но — десятилетия спустя (первый его сборник вышел лишь в 1933 г.). А первые стихи («Шахматная романтика») в Брянске эта «душа БрАПП» опубликовала лишь... 1 июля 1928 года, за несколько дней до назначения консультантом начинающих [14, с. 25]. И сразу — поэт, и сразу — мемориальная доска на стену. Брянский размах! Думается, это хорошо характеризует БрАПП. А вы про какие-то там Клинцы...

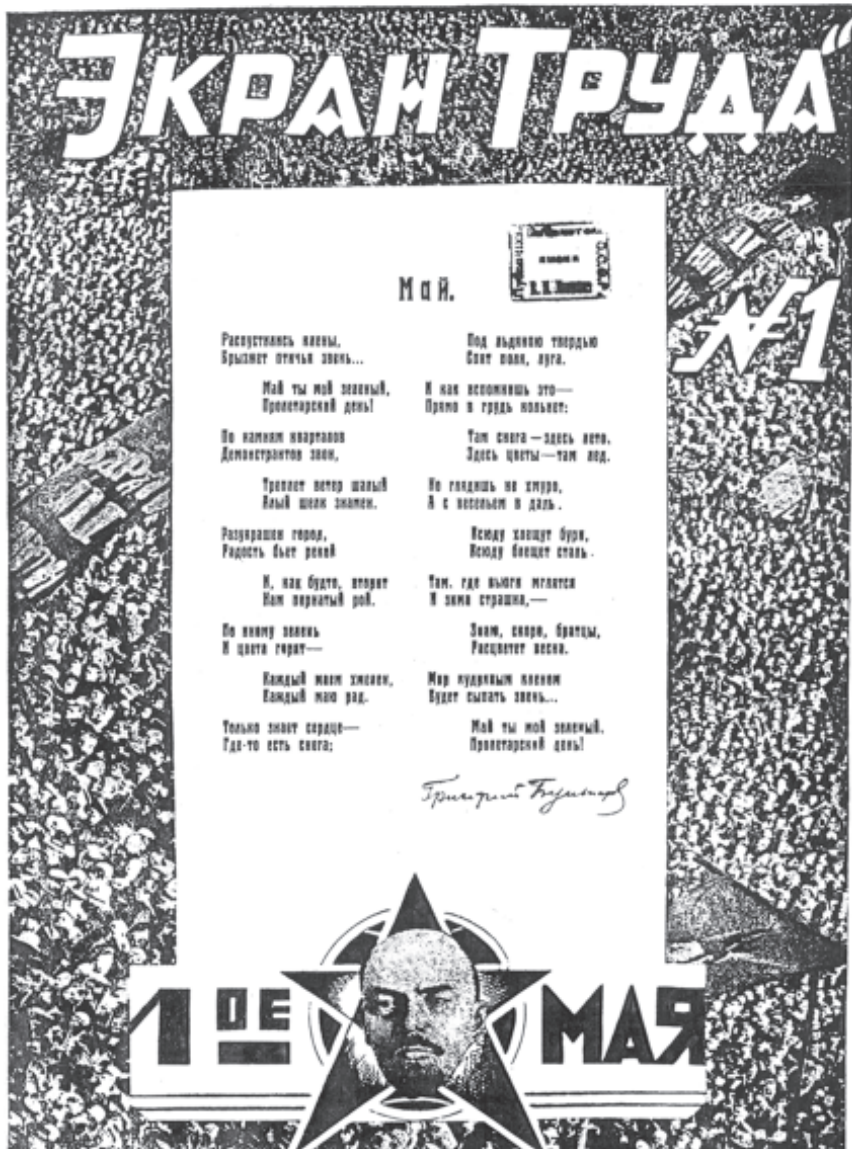
16

К десятилетию Октября орган Клинцовского укома ВКП(б), уисполкома и упрофбюро «Труд» пришёл как мощнейшая ежедневная газета окружного значения. Тираж её приближался к 10000 экз. Контора вела подписную компанию под девизом «Труд — детище Октября» и лозунгами «Труд» организует и просвещает массы рабочих и крестьян», «Труд» освещает жизнь и быт рабочего и крестьянина и помогает в повседневной работе», «Труд» — в широкие массы трудящихся!», «Не должно быть ни одного рабочего, ни одного крестьянина, не выписывающего «Труд», «К 10-й годовщине Октябрьской революции «Труд» должен иметь 10000 подписчиков!». Подписная цена на 1 месяц для учреждений и частных — 1 руб. 10 коп., для членов профсоюза, для рабочих и служащих — 60 коп., для крестьян — 30 коп. За дополнительную плату 20 коп. в месяц каждый подписчик мог получить в течение года 25 приложений шести различных журналов. Подписку можно было сдавать

Первый советский журнал Брянщины. г. Клинцы, 1927 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗДАНИЕ КЛИНЦОВСКОЙ ГАЗЕТЫ „ТРУД“.

*Титульный лист второго Клинцовского журнала “Экран “Труда”
(издание газеты “Труд”, 1928, № 1 (май). Формат 27x20 см*

Клинцовский летописец

в городе прямо в контору газеты или в почтовую контору, а в сёлах – агентам-«кольцевикам» и в ближайшую почтовую контору.

Объединение «Клинцовская печать» через магазин «Труд и знание» в Клинцах (ул. Карла Либкнехта) и его отделение в Сураже торговало конторскими, канцелярскими и писчебумажными товарами, учебниками, книжными новинками, библиотечной литературой. Типография и переплётная мастерская принимали заказы на всевозможные типографские и переплётные работы. Контора «Труда» распоряжалась также правом участия населения в госзаймах и предоставляла его только своим постоянным подписчикам – в двух тиражах горожанам и трёх тиражах – крестьянам. Теснейшая смычка рабочей и крестьянской темы – характернейшая черта деятельности «Труда» все 1920-е годы! К десятилетию Октября «Труд» бесплатно доставил своим подписчикам специальный выпуск красочного иллюстрированного клинцовского журнала «ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ» формата 21х30 см объёмом 20 стр. Это был первый общественно-политический и литературно-художественный журнал на территории Брянщины. (Любопытно: о виртуальном сборнике «У подножья поверженных идолов» мы знаем, а о реальном журнале, который можно потрогать руками в Клинцовском музее, молчим...).

Но, пожалуй, наиболее представительным в работе «Труда» был 1928 год. 19 января газета отмечала своё десятилетие, ведя тогда счёт от начала издания «Трудовой коммуны», отдельные члены редакции которой, например, Е.Н. Соколов, ещё продолжали работать в «Труде». Зав. конторой «Труда» Я. Ардашников подсчитал итоги работы редакции:

«Трудовая коммуна»	– 211 номеров
«Зарево»	– 183 номера
«Полесская правда»	– 17 номеров
«Известия»	– 586 номеров
«Труд»	– 1680 номеров,
всего	– 2627 номеров.

Текущий, 16-й номер «Труда» и имел тогда валовый № 2627. В нём были опубликованы поздравления от укома ВКП(б), председателя исполкома, президиума упробюро, рабкоров и рабселькоров, рабочих фабрик, красноармейцев гарнизона, Брянского губотдела текстильщиков. На поздравление брянского губполитпросвета каким-то там Клинцам, видимо, и надеяться нельзя было. И «Брянский рабочий» не поздравил «крестьянских писателей» Клинцов...

Газету редактировал тогда В. Мурашко. Секретарём редакции работал Л. Каганов, выпускающим редактором – А. Путин, зав. информацией – Гурвич, зав. отделом «Рабочая жизнь» Матлин,

фоторепортёр и кинооператор – Е.Н. Соколов, инструктор рабселькоровского движения и зав. отделом молодёжи – П. Левин, радистка-машинистка – Базылева, поэты редакции – П. Удалий, Е. Малюга, Петроченко, предместкома – Маханьков. В типографии объединения «Клинцовская печать» трудились наборщики Акаёмов, А.В. Никитин, Ренкацишок (заголовки), Грачков, Светлаков, метранпаж Богомолов, Кроткая и Долгова, печатники Аксёнов, Голод, Отряскин, Степунин. Немало помогал редакции зав. агитпропом укома ВКП(б) т. Голубцов.

С «Трудом» охотно сотрудничали столичные литераторы В. Антонов-Овсеенко, А. Жаров (первопубликации), Л. Никулин (опубликовал большую повесть), Г. Лелевич (первопубликация стихов), И. Ясинский (воспоминания, специально для «Труда») и другие. На литконференцию приезжал московский поэт И. Молчанов (тот самый, которого «бодал» Маяковский за якобы неправильное отношение к девушке, *умышленно* путая лирического героя с автором), писал стихи в номер.

Правда, издание «Комсомольского «Труда» пришлось после вхождения в Брянскую губернию прекратить (зачем *нам* две молодёжных газеты в одной губернии?!). Зато Клинцы, окрылённые успехом своего одноразового журнала «За десять лет», выступили с инициативой издания регулярного общественно-политического и литературно-художественного журнала. Назвали его «Экран «Труда». Первый номер этого клинцовского журнала вышел 1 мая 1928 года. Это было богато иллюстрированное издание формата 22x30 см на 16 страницах (известны и более тонкие выпуски), имевшее прототипом современный ему «Огонёк». В клинцовском журнале публиковались и столичные авторы (И. Молчанов и др.). Журнал естественным образом прекратился из-за отъезда Е.Н. Соколова в губернский Брянск.

Параллельно расцветали клинцовские многотиражные газеты. С.С. Сысоев сообщает: «20 февраля 1929 года на брянском заводе «Красный Профинтерн» (т. е. в Бежице – Б.П.) вышел первый номер многотиражной газеты «Красный профинтерновец». Рождение её приветствовала секретарь газеты «Правда» Мария Ильинична Ульянова. Выходили многотиражные газеты «Металлист Брянского мехзавода (ныне завод дорожных машин), «Основа» – Клинцовской фабрики имени Ленина, «Цементник» – Брянского цементного завода...» и т. д. [24, с.162 -163]. Приветствие – это хорошо. Рада была Мария Ильинична, что наконец-то и в Брянске появилась многотиражка. Ведь по всей стране уже широко шагала компания по созданию многотиражной печати.

По иному многотиражки родились в Клинцах – не по рекомендации из центра, а по инициативе снизу и на три года раньше. Произошло это так. К концу 1922 г. «Труд» имел всего 56 полупо-

стоянных корреспондентов. В 1923 г. рабселькоров стало более 100, и редакция провела их первый уездный съезд. С 1924 г. редакция пытается *руководить* рабселькорами, проводит городские и волостные их собрания, организует рабселькоровский кружок. При редакции «Труда» была создана *общественная редколлегия*, куда вошли рабкоры, хозяйственники, специалисты. Рабкоры начинают издавать на предприятиях города и в отдельных крупных сёлах стенные газеты. В 1925 году редакция «Труда» устроила в Клинцах смотр 65 стенных газет уезда. Выдумка, инициативность «стенгазетчиков» оказалась поразительной. Вот тогда клинчане *сами придумали*, как поставить это на постоянную основу – создать фабричные типографские газеты-«*стационарки*» (позже получившие название «многотиражек»).

Почин сделали рабкоры фабрики им. Ленина. Газету-стационарку называли «Основа». Первый её номер вышел в начале 1926 года. Найти его не удалось, но некоторые номера 1926 года сохранились (в том году она выходила ещё нерегулярно). *Это была одна из самых первых в СССР фабричных газет.* (Позже она издавалась под названием «Ленинец» как газета Клинцовского тонкосуконного объединения). Вскоре многотиражки были созданы и на других клинцовских фабриках. Их редакции работали под наблюдением «Труда». Это освобождало «Труд» от необходимости публиковать нужную, но малозначительную для всего уезда информацию. В редакции «Труда» возникла новая должность – руководитель рабселькоровского движения. Как и в случае с историей фабрик и заводов, клинчане оказались не «вслед за Брянском», а «впереди паровоза».

17

Ещё 21 июня 1924 г. Президиум ВЦИК утвердил Бюро по организации Западной области. *Западная* – это к западу от Москвы, а к западу от неё находится Смоленск. Таким образом, речь шла о западном крае с центром в Смоленске. 8 августа того же года это оргбюро приняло постановление об *обязательном* включении в состав Западной области Брянской губернии. Какой-то властной силе (интересно, кто бы это мог быть?) удалось надолго заблокировать не только поглощение первоапрельской Брянской губернии, но и вообще создание Западной области. 31 мая 1926 года это оргбюро даже ликвидировали, а 27 декабря того же года Брянскую губернию расширили за счёт Гомельской, но идея создания Западной области не умерла. Стоило Н.А. Кубяку, тесно общавшемуся с троцкистами, попасть в опалу (пока что временную), как она возродилась. Напрасно Брянский губплан принимал наполеоновское постановление от 27 марта 1928 г. «*Об определении контуров Западной области в составе Брянской, Смоленской и Калужской*

губерний и прилегающих частей Тверской, Орловской и Курской губерний с центром в...» (ну, конечно же, в Брянске!) и тут же (29 марта) утверждал его на президиуме Брянского губисполкома. «Перетянуть одеяло на себя» не удалось, и 29 ноября 1928 г. Президиум ВЦИК утвердил образование Западной области с 1 октября 1929 г. в контурах, предложенных Госпланом РСФСР, в составе Смоленской и Брянской губерний с центром в Смоленске [1]. Получилась огромная меридионально вытянутая от Новгорода Велико-го до Новгорода Северского область. Территория Западной области – 165138 кв. км (почти в пять раз больше нынешней Брянской области), население – 6577 тыс. чел. (в четыре раза больше), в т. ч. городского – всего 9,3%.

Появление Западной области совпало с общей административной реформой. Борьба за волости и уезды была, по существу, борьбой за штатные руководящие должности, т. е. за «портфели». Не случайно в 1919 г. могучий Н.А. Кубяк, тогда председатель Петроградского губкома РКП (!), послал своего малолетнего братца Григория командовать не какой-нибудь Гатчиной или Всеволожском, а Клинцами, а в Сураже оказался брат Л.М. Кагановича. Вот как ценился Клинцовский уездный портфель в столицах! (Видимо, не столько решение трудящихся северных уездов Черниговской губернии, сколько нахождение в Стародубье брата одного из вождей других трудящихся и обеспечило быстрый приём этих уездов в состав РСФСР, да и огромный отряд Улезко появился в Клинцах в такое горячее время вряд ли без чьей-то личной заинтересованности). К 1928 году выросло новое поколение партфункционеров, которое настойчиво требовало: «Портфелей! Портфелей! Портфелей! И покрупнее!!!». Губернские и уездные должности были все разобраны, волостные казались маленькими. Выход был найден – административная реформа. Суть её состояла в том, что вместо крупного уезда и маленькой волости, оставшихся от царских времён, вводилась промежуточная по размерам административная единица – *район*. Получалось множество портфельчиков районного формата.

Но была у административной реформы и другая объективная сторона. Готовилась «революция сверху». Широко известной и важнейшей её частью была коллективизация деревни, но она не исчерпывала всего задуманного, которое называлось тогда «большевистским наступлением». (НЭП, как известно, назывался, *отступлением*, «вынужденной передышкой»). Для успеха «наступления» в крестьянской стране *власть нужно было приблизить к мужику*, а из уезда он просматривался недостаточно. Заполнить же сельские советы своими надёжными людьми было ещё нельзя, кадров не

хватало, а вот на районы – пожалуйста! Но и с Советами произошла очень большая перемена – из *сельских Советов* они стали «*сельсоветами*», а это не одно и то же. Совет (даже под присмотром вооружённого комбеда) всё же был выборным *органом власти* на селе. Он избирался в каждом населённом пункте (кроме самых маленьких хуторков), а сельсовет стал территориально-административной единицей, объединяющей несколько населённых пунктов (которые иногда десятилетиями или столетиями враждовали друг с другом). Это облегчало парторганам проведение в такой *надпоселённый* совет удобных кандидатов и чужаков, в т. ч. даже не живших ранее на этой территории. Словом, сельсовет – тоже совет, да не тот, за которые боролись.

Административная реформа 1928 г. была продумана тщательно. Она была двухэтапной. Первоначально губернии разбивались на округа, другие и занимались формированием районов и сети сельсоветов. В области было сформировано 8 округов – Великолуцкий, Ржевский, Вяземский, Смоленский, Рославльский, Сухиничский, Брянский и Клинцовский. Два последних были образованы на территории бывшей «декабрьской» Брянской губернии, причём Клинцовский округ включал большую часть Стародубья. Средний размер округа – 20642 кв. км, численность населения – 822 тыс. чел. Брянский округ был чуть побольше Клинцовского. Из бывших уездов нарежали по 4-5 районов. Всего в Западной области образовывалось 14 промышленных районов, 75 сельскохозяйственных, 4 смешанных и 32 лесных, которые были разбиты на 3560 сельсоветов. От центра до границ района должно было быть не более 30 км (кроме лесного севера), а в среднем – 20 км. Площадь района колебались от 612 до 3210 кв. км, число сельсоветов в районе – от 5 до 65, количество сельского населения – 35-70 тыс. чел. В Брянском округе было выделено 18 районов средней площадью 1257 кв. км каждый, по 27 сельсоветов в среднем (всего 490), средняя численность сельского населения районов – 48,1 тыс. чел. Сельсоветы Брянского округа имели средний радиус 3,8 км; в них проживало в среднем по 1766 селян. В Клинцовском округе выделили 13 районов средней площадью 1107 кв. км, по 39 сельсоветов в каждом (всего 567), средняя численность сельского населения районов – 53,9 тыс. чел. Сельсоветы Клинцовского округа имели средний радиус 3,0 км; в них проживало в среднем по 1382 селянина. В Стародубье районы и сельсоветы были меньше среднего по области, но достаточно густо заселены.

Брянский и Клинцовский округа были утверждены 5 февраля 1929 г. В июне 1929 г. были ликвидированы уезды и волости, в

округах началось формирование районов. Так, Клинцовский уезд был разделён на Красногорский, Суражский, Гордеевский и Клинцовский районы да ещё остались обрезки для формирования районов Мглинского и Унечского. 16 июня 1929 г. состоялось организационное заседание Клинцовского райисполкома, который пытался преобразоваться в горрайисполком (с подчинением горсовета и сельсоветов) — не получилось, пришлось довольствоваться общей схемой управления. А уже 21 июля 1930 г. округа были ликвидированы [1]. Брянск и Клинцы стали центрами районов. Началось прямое управление 115 районами из областного центра. Хорошо управлять такой громадой нельзя. На Западе подобные многоадресные схемы управления называли «советской инфанктной системой».

18

Мы так подробно остановились на административной реформе 1928 года, потому что она имела огромное, даже большее, чем решения X съезда РКП, значение для местной печати. С утверждением округов «Брянский рабочий» и «Труд» стали равноправными окружными газетами, но этот статус сохранялся недолго. Партия решила прочно взять самое сильное, самое острое оружие в свои крепкие руки. Реформой предусматривалось создание газеты в каждом районе. По существу, это должны были быть многотиражки райкомов партии, погонялка для идущих в «наступление», палка для отстающих, орудие наказания провинившихся, расправы с ослушниками, место для похвал послушным и передовикам. Не удивительно, что в коллекции РГБ есть несколько газет тех лет, прямо называвшихся «ПОГОНЯЛКА». Какая-нибудь инициатива и самостоятельность редакции почти исключались. «Проект введения единомыслия в России», о котором писал Козьма Прутков, фактически был осуществлён. Так, одновременно с образованием районов Западный облплан определил и хозяйственную специализацию каждого из округов и районов. Клинцовскому округу предписывалось развивать коноплеводство, гречкосеяние, бумажную, суконную и спичечную промышленность, Клинцовский район должен был стать коноплеводческим. И надо же было клинцовскому самодеятельному поэту Игнатенко опубликовать «предвесеннюю» частушку, в которой он срифмовал 500 га под гречиху и только 5 га под коноплю. Сразу же из Смоленска последовал окрик: «Оппортунизм! Как смел он выступить против решений партии, которая предписала считать главной культурой района коноплю, а не гречиху?!». А ведь такой эпитет («оппортунизм») грозил в те годы автору и редактору, если не ссылкой, то уж освобождением от работы.

Выше уже говорилось, что согласно «Истории партийной орга-

низации Брянщины» «с 1930 года, с организацией районов, начали создаваться районные газеты: «Колхозный труд» (Стародуб),... «Труд» (Клинцы), «Ударник» (Новозыбков),... «Сталинский клич» (Трубчевск)» [7, с.85]. В действительности это редакция «Труда», которому было уже полтора десятка лет, по поручению Клинцовского окружкома ВКП(б) 21 февраля 1930 г. создала газету в Стародубе, дала ей производное от себя название, выпустила шесть пилотных номеров и, поставив на ноги, отправила в путь. В тех районах, где редакция «Труда» принимала меньшее участие, газеты были созданы гораздо позже. Так, новозыбковский «Ударник» вышел лишь 10 сентября 1930 г., красногорский «Путь Ленина» – 15 декабря 1930 г. (в 1930 г. – 1 номер, в 1931 г. – всего 12 номеров), гордеевский «Колхозный ударник» – с 1932 г., суражский «Маяк коммуны» – с 1934 г.

«Труд» отдавал новым газетам округа всё самое лучшее, накопленное десятилетиями упорной работы. Поистине, полное равенство возможно только в бедности и серости. Сопротивляться по-районному выравниванию было невозможно. Хозрасчёт был ликвидирован, объединение «Клинцовская печать» расформировано, фонды на бумагу жёстко лимитированы, формат и объём заданы, сама бумага стала толстой, жёсткой, жёлтой и ломкой. «Труд» уменьшился в размере, поскущел, возникли трудности с размещением литературного материала. Выручали фабричные многотиражки, которых не было в большинстве других районов области, а в Клинцах же они работали в связке с редакцией главной газеты района. Разумеется, кончилась и «Библиотека «Труда», и иллюстрированные приложения, журналы, дополнительные газеты. За 1929-1933 гг. в «Труде» сменилось девять главных редакторов. Всесоюзная известность клинцовской газеты отошла в прошлое [17].

Но была ещё областная известность, за которую «Труд» боролся. Так, в I квартале 1932 г. в Западной области выходило 76 районных газет общим объёмом 2456 полос в месяц. 18 из них выходило на 2 полосах всего по 6 раз в месяц, 36 газет – также 6 раз в месяц, но на 4 полосах. Называть эти 54 листка газетами можно лишь номинально. 12 газет выходило на 4 полосах по 12 раз в месяц. На долю остальных 10 газет (в их числе клинцовский «Труд») падает 32% общего объёма – 800 полос в месяц. Выход их также строго нормировался: в месяц 15 раз по 4 полосы и 10 раз по 2 полосы. Таким образом, лишь 22 газеты в огромной Западной области были собственно газетами, в их числе одна из наиболее известных – «Труд». «Брянский рабочий» также стал районной газетой.

Следует также отметить, что Смоленск организовал выпуск целой серии областных журналов: «Наступление», «Западная область», «Учитель и школа», «На культурном посту» и др. Ничего подобного в Брянске в губернский период не было. За всё время

брянские литераторы выпустили (с помощью московской писательницы А. Караваевой) единственный сборник «Звенья» (1929).

19

Проявлять инициативу на местах при такой плотной опеке было почти невозможно. Добрые традиции «Труда» смогли проявиться в этот период в развитии массового литературного движения. В феврале 1930 г. председатель РАПП Л. Авербах объехал Западную область, знакомясь с филиалами РАПП и читая лекцию «Классовая борьба на литературном фронте». Вскоре после его отъезда в редакции «Труда» появился литсотрудник, молодой смоленский писатель Степан Тимофеевич Курдов, командированный в Клинцы ЗОАП. Курдов сумел сработаться с членами КАПП и клинцовскими руководителями и вывел клинцовскую литорганизацию на первое место в области. В начале осени 1930 г. Курдов принял в члены КАПП ученика электромонтёра Ивана Посканного, который донёс до наших дней воспоминания об этом интересном периоде.

30 октября 1930 г. Авербах выступил с инициативой призыва рабочих-ударников в литературу. Мысль была предельно проста. Гегемоном общества является пролетариат. Лучшие из гегемонов – ударники труда. Они и должны стать героями произведений литературы. Старая интеллигенция смотрит на них косо, настороженно. Значит, пусть ударники сами себя и описывают! Ударник, в литературу! Не можешь – научим, не хочешь – заставим! Нет таких крепостей, которые не сдаются большевикам! Если партия сказала, у нас героем становится любой! Мы рождены, чтоб сказку сделать былью! Старые спецы лишь запугивают нас, что литература – дело сложное и требует какого-то таланта. Талант, он от кого? От бога? А бога – нет! Значит и талант нам не нужен! Старая интеллигенция – нытики и саботажики. Долой старую интеллигенцию! Даёшь пролетарское искусство!

Под нажимом парторганизаций стали создаваться литературные кружки. Рабочие записывались в них десятками, сотнями, но члены партии не спешили подать им личный пример. Очень малочисленны были в таких кружках и военнослужащие. Ячеек РАПП для руководства литдвижением было недостаточно. Руководителями литкружков становились библиотеки, редакции газет, педагоги. Далеко не везде редакции местных газет стали во главе литературного движения. Это и не удивительно: в наспех склоченных в том же 1930-м году редакциях многие работники едва умели нацарапать заметку. Библиотеки той поры сами имели очень мало кадров, хорошо разбирающихся в литературе. Пытались навесить руководство массовым литературным движением на профсоюзы (если они – «школа коммунизма», то почему бы им не стать и школой соцреализма?), но местные органы профсоюзов уклонились от этой

нагрузки, ссылаясь на отсутствие указаний сверху. Авербаховское дитя оказалось без няньки.

В Бежице в *пролетарские писатели* (их так и называли!) записалось сразу 150, затем 200 ударников с «Красного Профинтерна», в Клинцах к марту 1931 г. их набралось 107, а в Новозыбкове подали заявления только 26 работников. Создавались литкружки и в других райцентрах Западной области. Никто не знал, сколько кружков действует на сегодня и сколько в них «писателей». Многие литкружки существовали только на бумаге, другие тихо кончались после 2-3 занятий. Удержавшиеся в кружках разделились на «пишущих» (55-60%) и «слушающих». Так, в Каменке записалось было 53 ударника, удержалось 37-40, писало 15, в Ярцеве из 27 ударников удержалось 9 человек, в Великих Луках в кружке при заводе из 17 удержавшихся лишь 8 писало [10, 1933, № 5, с. 48; № 9, с. 152].

Благодаря давним литературно-газетным традициям Клинцы оказались в лидерах литературного движения. К марту 1931 г. здесь было сформировано 11 литкружков при фабриках и учебных заведениях. Клинчане смогли привлечь к литдвижению и педагогов, и музыкально-драматический театр, и радиоузел, и редакции многотиражек. Руководила всем редакция «Труда». Сам главный редактор Т. Гайдук участвовал в литкружке под псевдонимом *Т. Динин*. Уже в 1931 г. литературная страница «Труда» завоевала звание лучшей в области (включая и смоленскую печать) и удерживала его несколько лет. Она славилась тематическими выпусками, которые требуют обилия литературного материала. В портфеле редакции он был. Произведения самодеятельных авторов печатались в «Труде» и вне литературных страниц, а также в многотиражках, в то время как в других редакциях их не хватало и на страницу. *«Клинцовская литературная страница, – писали критики Н. Осипенко и Я. Синельников, – лучшая литстраница в области. Её работа – живой упрёк нашей областной печати и ЗОАПП, не сумевших пока наладить работы литстраниц»* [10, 1931, № 4, с. 58]. Клинцовские авторы И. Посканный, И. Степунин, А. Церковский и другие регулярно выступали в смоленских газетах и журналах [16].

ЗОАПП специально отмечала, что во многих местах главные редакторы газет непосредственно не руководят и даже не интересуются литературным движением [10, 1931, №10, с. 112]. Так было и в Брянске. Самое крупное в Западной области Бежицкое литобъединение не имело газеты, а в Брянске не смогли создать литкружок. После утраты Брянском губернского статуса все литераторы, приехавшие в этот город за губернскими портфелями, разбежались кто куда. В. Ильенков перебрался в Москву, М. Завьялов, С. Фиксин и Д. Осин – в Смоленск, где первый стал руководителем обла-

стного филиала РАПП (ЗОАПП), сформированного весной 1930 г., а Осин, которого В. Парыгин представил как «душу Брянского литературного объединения», секретарём редакции нового областного литературно-художественного журнала ЗОАПП «Наступление». В первом же номере журнала эта перелётная душа тиснула своё стихотворение «Осинстрой» о завершении строительства Осиновской ГРЭС в Белоруссии. Созвучие названия стройки с фамилией автора сыграло с Димой плохую шутку. Увлечшись подражанием «Железной дороге» Некрасова, секретарь журнала заявил, что ГРЭС возведена *на костях очумелых от работы людей*. Молния и удар грома последовали незамедлительно, мемориальная доска на доме поэта Димы не смогла его защитить. Осина тут же вышвырнула из РАПП, из журнала, всю редакцию расформировали. Имя «души БрАПП» стало нарицательным обозначением (*«осинщина»*) *«внутреннего попутничества»*, *«сползания в лагерь новобуржуазной литературы»* и т. п. (*«попутчиками»* назывались писатели непролетарского происхождения, которым пока разрешалось пожить вместе с идущими в светлое будущее, а так как Д. Осин происхождения был самого простого, пришлось выдумать попутничество *«внутреннее»*, буржуазность *«новую»*, *«сползание»* в неё). По всем кружкам прошли собрания, на которых рабочие-ударники требовали *«железной метлой вычистить осиных из пролетарской литературы»* [10, 1931, № 2, с. 51-58]. Так печально закончился опыт перенесения обычаев Брянского филиала РАПП на смоленскую почву. (Нужно отдать должное Дмитрию Дмитриевичу Осину, который не сломался, не бросил литературу и стал после Великой Отечественной войны заметным писателем).

БрАПП, державшаяся на приезжих писателях, после их разъезда фактически распалась, контакта с Бежицким литобъединением у неё не получилось. Литературная страница «Брянского рабочего» стала заполняться перепечатками и третьестепенным материалом, поступающим в редакцию самотёком. Вёл её В. Петрищев, как считала ЗОАПП, *«крайне неряшливо и беспринципно»*. «Наступление» писало, что *«выявлением и воспитанием рабочих-писателей литотдел «Брянского рабочего» не занимается»*. Петрищева отстранили от ведения литстраницы и исключили из РАПП. [10, 1931, №1, с. 58, 75]. Литстраница вообще перестала выходить. Почему-то В. Парыгин в своей монографии об этом умолчал.

Худо-бедно, «пишущие» пролетарские писатели что-то написали. А как это оценить? Токарь-ударник может оценить работу другого токаря, но если о токаре напишет слесарь, хорошо написано или плохо? РАПП родила новую мысль. В литературу пришли не буржуазные хлюпики, а Его Величество Пролетариат! Во-первых, не мудрите, а пишите так, чтобы и малограмотному рабочему было понятно. *Одемянивайте литературу!* Во-вторых, растите крити-

ков из самих кружковцев. *Даёшь Магнитострой литературы!* И тут же литературная хроника запестрела сообщениями: там-то и там-то созданы *бригады критиков*.

Инициативные клинчане выступили с самодеятельной пьесой о текстильщиках для ТРАМ, с проведением литконференций на фабриках, установили «литминимум» для комсомольцев, самодеятельные поэты читали свои стихи по клинцовскому радио. Такого в области нигде тогда не было. К весенней посевной кампании 1931 г. литсотрудник «Труда» С. Курдов организовал выпуск в Клинцах сборника произведений членов КАПП «КОЛХОЗНАЯ ПРАВДА» (91 с.). В нём была показана ломка старой деревни, коллективизация, становление колхозов. Это была *первая в ЗОАПП книга на колхозную тему*. А в сентябре 1931 г. Курдов выпустил *первую в Западной области коллективную рабочую книгу «ПЕНЬКА»* (68 с.), подготовленную литкружком Зубовской фабрики. Половина авторов этой книги – женщины, что также было внове для ЗОАПП. Смоленские критики хорошо встретили эти книги. И. Кац признавал, что опыт «Пеньки» должен стать достоянием всех литкружков области.

Партии надоели бесконечные крикливые кампании, шараханья, склоки, групповщина руководства РАПП. ЦК ВКП(б) 23.04.32 г. принял постановление о перестройке всего литературного дела. РАПП была распущена, началась серьёзная, длительная подготовка к Съезду *советских писателей. Пролетарские писатели* побежали было из литкружков (даже в Бежице осталось только 30 кружковцев), но осенью 1932 г. был объявлен новый призыв ударников в литературу, который получил имя... М. Горького. (Так вот откуда ноги растут!). Кампания с литкружками – это не выдумка Авербаха.

Это была одна из попыток партии *“выпекать интеллигенцию, – как сболтнул однажды Н. Бухарин, – как блины на фабрике-кухне”*. М. Горький философствовал: *“Мы оставляем в стороне вопрос о литературном таланте, о врожденном даровании, это вопрос неясный, нерешенный и решать его не наше дело”* (СС в 30 тт., т. 25, с. 102). В другом месте он говорил еще более определенно: *“Талант? Это любовь к своей работе, уменение работать”* (СС в 30 тт., т. 30, с. 60). Да, таланта без труда, действительно, не бывает, однако, литературный труд без таланта – это *графомания*.

Литературные блины всё получались комоватыми. Горький схватился за спасительную мысль: *«Очерк!!! Ну, хоть очерк они могут написать? Очерк о том, что они хорошо знают, об истории своего завода!»*. Так родилась идея создать серию очерковых книг *«История фабрик и заводов»*. Главным редактором серии назначили Л. Авербаха. Клинцы опять оказались на коне – такая история уже была написана Ф. Евгеньевым по инициативе редакции «Труда» ещё в 1926 г.

Под новым нажимом парторганов Бежицкая литорганизация выросла до 400 литударников, Клинцовская – до 150, а в Брянске опять ничего не сумели создать. В 1932 г. С. Курдов выпустил в Смоленске ещё одну коллективную клинцовскую книгу – «УДАРНЫЙ ТРУД» (48 с.), в названии которой также фигурирует газета «Труд». Тогда же там вышел и единственный новозыбковский сборник «Ответ». Критик М. Гуревич находил, что «Ударный труд» тематически богаче и не замыкается в фабрично-заводском производстве и городском окружении (опять смычка с деревней!), как «Ответ». Он был доволен, что *«рабочие писатели также борются за промфинплан, за социалистическое общество»* [10, 1932, № 12, с. 56-59].

Говоря о единственном сборнике БрАПП «Звенья» (апрель 1929 г.), В. Парыгин сокрушался: *«Это – самый первый сборник брянских литераторов, да и последний в довоенный период... Слово «единственный» я употребил потому, что второй был издан Новозыбковской АПП только в 1932 году под названием «Ответ» уже в Смоленске. И больше до 1949 года их не издавалось»* [14, с. 20]. Что тут сказать? Смешались в кучу кони, люди, и не гденибудь, а в авторитетной монографии. Если был второй, значит, не единственный, да и не первый, потому что *первыми были клинцовские журналы «За десять лет»* (ноябрь 1927 года) и *«Экран «Труда»* (май 1928 года). Вообще-то, брянские литераторы и зашевелились со своим сборником лишь после того, как «клинцовские американцы» издали собственный журнал. Похоже, что Парыгин (как и многие другие брянцы) Клинцы к Брянщине не относит (вот Новозыбков – другое дело!). О трёх клинцовских сборниках – «Колхозная правда», «Пенька», «Ударный труд» – он не вспоминает. А какое имеет значение для литературного движения место тиражирования «Ответа», ещё более непонятно. Ведь ставили же клинцовские типографы XVIII века на своих изданиях «Отпечатано в Супрасли», и, кому надо, все понимали это, как надо. Видимо, это ещё одна попытка, невзирая на факты, изобразить Брянск центром литературной жизни 1920-1930-х годов. Увы, в сборнике «Звенья» из всех авторов Стародубья представлен лишь Г.С. Бунтарь – двумя стихотворениями. И это – единственный известный пример взаимодействия Брянска с литературным движением Клинцовского округа.

Бежица была в то время впереди Брянска. Не помог и выездной пленум ЗОАПП в Брянске. (Чтобы его организовать, понадобилось командировать в Брянск работника редакции «Труда» С. Курдова). «Литкабинет ударника» пришлось открыть в Бежице, и уже Бежица проводила тогда в Брянске литературные вечера, издавала сборники и брошюры [10, 1931, № 9, с.73-78, № 10-12, с. 141; 1934, № 8, с. 140-141].

Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934) поставил точку на «пролетарских писателях», на кампаниях призыва рабочих в литературу. При всей одиозности этих кампаний, они имели и положительное значение. Во-первых, они приобщили к литературе большое количество рабочих, которые не стали писателями, зато полюбили книгу и на всю жизнь остались внимательными читателями. Во-вторых, они выявили некоторое количество литературно одарённых. Одни из них связали свою жизнь с профессиональной литературой, другие стали любителями, известными в региональном масштабе. При редакциях местных газет остались кружки подлинных энтузиастов литературы.

После ликвидации РАПП С.Т. Курдов вернулся в Смоленск. Туда же перебрался Г.С. Бунтарь, часто выступавший в смоленской печати и издавший там книгу «Ермолинская школа» (1935). В Клинках сформировался новый литературный актив. Литкружок собирался в Доме Советов на третьем этаже, в комнате 110 (по старой планировке), принадлежавшей редакции «Труда»; сейчас это немного правее кабинета главы администрации города. О предстоящем заседании «Труд» извещал объявлением с указанием фамилий членов кружка (*«На заседание вызываются такие-то...»*). Среди этих фамилий Е. Аксёнова (впоследствии видный литературовед, кандидат филологических наук, прозаик, член ССП), П. Роцин (будущий литературовед, кандидат филологических наук), Е. Малюга (позже фольклорист и журналист), Е. Розенблюм (поэт, журналист, погиб на фронте), К.К. Грищинский (впоследствии военный журналист), А. Церковский (самодеятельный поэт и краевед), И. Посканный (широко известный самодеятельный литератор), М. Леонов (самодеятельный поэт), И.Е. Степунин, С.П. Погодин, А.Г. Самохвалов (педагоги-литературоведы) и др. «Труд» продолжал публиковать полноценную «Литературную страницу» [16].

В Бежице (получившей свою газету) из 400 литударников вывилось всего 6-7 человек литературного актива, в т. ч. забытые теперь Дмитриев, А. Гергенредер (заметный до войны прозаик, нередко печатавшийся и в Смоленске), Рябов, Сидоров, Н. Тарусский, О. Чуенко, В. Чуйков, Я. Шаирко.

В Брянске литературная группа начала работать лишь зимою 1935 г., но не при «Брянском рабочем», а при Центральной библиотеке. В ней насчитывалось до 30 человек [10, 1935, № 3, с. 100]. Критика отмечала: *«Очень плохо помогает литгруппе в развитии массовой работы редакция «Брянского рабочего». «Брянский рабочий» закрыл свои страницы для творчества молодых писателей... Видимо, руководство газеты недооценивает ни литературных сил г. Брянска, ни массового литературного движения в рабочем центре»*. Лишь в марте 1935 г. после трёхлетнего перерыва «Брянский рабочий» выпустил литературную страницу, но подготовили её «лите-

ратурные варяги» — заезжая бригада московских писателей в составе Пермитина, Корнева, Железнова [10, 1935, № 2, с. 134-135, № 3, с. 138]. Этот урок не пошёл редакции впрок. Литстраница «Брянского рабочего» так и осталась слабосильной, во многом заполнялась перепечатками из центральной прессы, а в 1940 г. её пришлось заменить на «Страницу выходного дня». Нет, не была эта газета в 1920-1930-е годы центром литературного движения края, как пытался уверить нас В. Парыгин.

Здесь же отметим одно интересное начинание клинцовских радиофикаторов. С.С. Сысоев в своём труде пишет: «В 1933 году начали демонстрироваться первые звуковые картины на Брянщине... **Вслед за Брянском** звуковые кинокартины начали демонстрировать в Бежице, Клинцах, Новозыбкове» [24, с. 135]. В 1933 г. Западная область ознакомилась с экспериментальным звуковым кинофильмом «Встречный», а в конце 1934 г. Смоленский кинопрокат получил единственную копию «Чапаева». Брянск смотрел её с 11 по 22 декабря, а Клинцы с 2 по 15 января 1935 г. [19]. Сысоев прав: по графику обкинопроката райцентр Брянск обогнал райцентр Клинцы аж на три недели, только вот стоило ли мелочиться, подчёркивая это в монографии? За эти три недели ожидания клинчане придумали новшество: устроили трансляцию звуковой дорожки «Чапаева» из кинотеатра по радиосети в квартиры города. «Труд» вышел с анонсом: «Смотрите и *слушайте* «Чапаева»!». Это имело тогда огромное культурное и пропагандистское значение, но об этом новшестве каких-то там клинчан в монографии «строителя массовой культуры» молчок...

21

В 1935 г. сеть районов Западной области была несколько сокращена. ВЦИК утвердил 102 района вместо 115 первоначальных, но территории бывшего Клинцовского уезда эти изменения не коснулись. Клинцы бурно росли, и численность их населения приближалась к 40 тыс. чел. 10 ноября 1936 г. ВЦИК выделил город Клинцы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с подчинением облисполкому Западной области — Клинцы стали «городом областного подчинения» [1]. В Клинцах образовывался горком ВКП(б).

27 сентября 1937 г. ЦИК СССР выделил из состава Западной области Смоленскую область, а из южных её районов (бывший Клинцовский и Брянский округа) и части Центрально-Чернозёмной области сформировал Орловскую область. Это был ещё один перл советского администрирования. Если Западная область тянулась по меридиану, то Орловская вольготно раскинулась по параллели от Белоруссии до левобережья Дона (Задонский район) на 500 км. Территория Орловской области — 67 тыс. кв. км, население — три с половиной миллиона чел. В новой области насчитывалось

сначала 59 районов, а в 1939 г. добавилось ещё шесть. 65 районов – это, конечно, меньше, чем в бывшей Западной области, но в новых условиях не успевал областной начальник познакомиться со своим районным подчинённым, как кто-то из двоих оказывался в местах не столь отдалённых.

Расформирование Западной области означало потерю «Трудом» и той скромной известности, которую он опять сумел завоевать. В связи с возрождением краеведения в Орле вышла брошюра о Клинцах. В областной сборник «Юность» были включены стихи И. Посканного.

Так как в Клинцах был образован горком ВКП(б), а именно парторганы были тогда учредителями местной печати, пришли очередные изменения и к «Труду». Не сразу, но «Труд» всё же стал *разделённой* газетой. С 15 января 1940 г. была образована районная многотиражная газета «КОММУНА», падчерица «Труда», внучка, как это следует из названия, давней «Трудовой коммуны». Лимит бумаги поделили между двумя редакциями, и «Труд» превратился в двухполосный листок формата А3. Шестиполосная ежедневная хозрасчётная когда-то газета формата «Правды» была превращена в дотационные два листка из школьной тетради, выходящие четыре раза в неделю. Таким же листком была и «Коммуна». Сказать о ней почти нечего. Между рабочими и крестьянами был возведён ещё один барьер. Наконец-то партии (учредителю местной печати) удалось полностью удушить инициативы клинцовой газеты и превратить её в заурядную безликую погонялку. Кто выиграл от этого? Кому стало лучше?

А на страну надвигалась война...

22

С клинцовским «Трудом» связана библиографическая загадка, которую не смогла разрешить Всесоюзная книжная палата. Протаранив в начале августа 1941 года советскую оборону в районе Смоленска, гитлеровские бронемеханизированные войска рванулись на юг, по правобережью Десны, в общем направлении на Новгород-Северский. Неэвакуированное Стародубье 16-17 августа неожиданно было отрезано от путей на восток. Совпартфункционеры в эти же дни сбежали из Клинцов на юг и на запад через Новозыбков–Гомель, которые были заняты немцами чуть позже, в двадцатых числах августа. Директиву Ставки о разрушении промышленности и инфраструктуры коммунального хозяйства оставляемых городов они не выполнили. Гитлеровцам, вошедшим в Клинцы 20 августа, достались целенькие фабрики, работающая ТЭЦ, радиоузел, телефонная сеть, кинотеатр, театр с труппой и типография, которая находилась тогда на ул. Дзержинского, д. 5. Последний номер «Труда» в этой типографии вышел 13 августа. Его валовый номер – 6668.

Вторая немецкая оккупация Клинцов длилась 25,5 месяцев. Клинцы оказались в глубоком тылу фронта немецких войск. Отсутствие

НОВЫЙ ПУТЬ

19 августа 1943 г., четверг, № 62 (187)

ИЗДАЕТСЯ В КЛИНЦАХ

Выходит по четвергам и воскресеньям

20 АВГУСТА 1941 г.— НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ КЛИНЦОВ

Полевому Коменданту г. Клинцов,
полковнику г-ну Ницольди

Глубокоуважаемый Господин Полковник! Завтра, 20 августа, исполняется 2 года с тех пор, как в Клинец вступили доблестные воины Великой Армии Германского народа, освободившие наш город от ирредобльшевистского ита.

За это время Немецкое Командование не только обеспечило образцовый общественный порядок,

дает налицо дружеские отношения и союз между нашими народами.

Разрешите мне, Господин Полковник, от имени населения города и лично от себя, в этот знаменательный для нашего города день, приветствовать Вас, как представителя Великого Немецкого народа и его доблестной Армии, и от всей души благодарить Вас и пожелать Вам и Вашему великому Вождю

ВОЙНА

Из сводок Верховного Командования Германской Армии с 13 по 15 августа 1943 года

За 3 дня Советы потеряли 325 самолетов и 952 танка

В Атлантике и Средиземном море наши подводники потопили 6 вражеских судов

См. вложение № 1

Городские органы, учреждения, предприятия и учреждения

См. № 62 вложения

НОВЫЙ ПУТЬ

15 октября 1942 г., четверг, № 76 (106)

ИЗДАЕТСЯ В ГОМЕЛИ И КЛИНЦАХ

Выходит по понедельникам и четвергам

ПОПЫТКА ОБРЕЧЬ ГЕРМАНСКИЙ НАРОД НАГОЛОД ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРОВАЛИЛАСЬ

БОЛЬШАЯ РЕЧЬ РЕЙХСМАРШАЛА ГЕРИНГА В БЕРЛИНСКОМ ДВОРЦЕ СПОРТА

В Берлине в воскресенье, 14 октября, в дворце спорта в Берлине перед собранием в здании спорт, дворца на Берлинском стадионе, состоялось собрание Рейха, на котором Рейхсмаршал Гитлер выступил с большой речью. В этой речи Гитлер подчеркнул, что война является делом чести и достоинства. Он подчеркнул, что война является делом чести и достоинства. Он подчеркнул, что война является делом чести и достоинства.

Крупные потери противника в судоходстве

Наступление Германских войск на Навигоде (Босфор) окончательно прервано

Войска Верховного Командования Германской Армии с 10 по 12 октября 1943 г.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

В течение недели наши войска достигли больших успехов при наступлении на Навигоде. В течение недели наши войска достигли больших успехов при наступлении на Навигоде. В течение недели наши войска достигли больших успехов при наступлении на Навигоде.

Клинцовская окружная газета "Новый путь".
Издавалась 1941—1943 гг. в г. Клинцы
под наблюдением оккупационной комендатуры

крупных лесных массивов сдерживало развитие партизанской борьбы в крае. Сформировавшийся Клинцовский партизанский отряд вынужден был уйти в клетнянские леса. Советское подполье в городе было выслежено и разгромлено гестапо. Клинцы использовались немцами для лечения и отдыха своих потрёпанных войск. Полевым комендантом города был назначен полковник Шульц. Оккупанты сумели сформировать и местное самоуправление. Бургомистром Клинцов был назначен П.К. Рево управделами магистрата — А.Ф. Суше (бывший преподаватель Клинцовской музыкальной школы). Более того,

Klinzener Zeitung

(КЛИНЦОВСКАЯ ГАЗЕТА)

DIENSTAG, DEN 4. NOVEMBER 1941

№ 16

ВТОРНИК, 4 НОЯБРЯ 1941 г.

Сообщения Главного Командования Германской Армии

1 ноября

Верхнее командование немецких вооруженных сил сообщает:

На Крымском полуострове немцы и румынские войска продолжают без устали преследовать разбитого противника. В Додекане бассейне в нескольких местах войска перешли верхнее течение Дона.

На северном участке восточного фронта последний поак в ожесточенном рукопашном бою прорвал западные Волхова сильно укрепленную вражескую оборонительную зону и захватил 533 бунгера.

На фронте окружения вокруг Ленинграда было отбито несколько попыток противника перейти Неву.

Воздушные силы тяжёловесными ударами по тыловым соединениям противника поддерживали успешные операции армии в Крыму и приносили советскому флоту большие потери. По-

в Крыму продолжается преследование разбитого противника. Достигнут северный край гор Ийла. Немецкие и румынские войска вчера вчера Симферополь, отозвав Крымю, и находятся на пути к Севастополю.

Верхнее командование немецких вооруженных сил сообщает:

В Крыму успешно продолжается преследование разбитого противника. Как уже известно из специального сообщения, достигнут северный край гор Ийла. Немецкие и румынские войска вчера вчера Симферополь, столице Крыма, и находятся на пути к Севастополю.

В Додекане бассейне, несмотря на плохое состояние дорог, немцы на плахое сопротивление и запали новые промышленные районы.

У Ленинграда отбита новая попытка

Обзор военного положения

29 октября первое командование германских вооруженных сил в специальном сообщении объявило об удавшемся наступлении немецких войска в Крым. Тем самым тяжело потрясена последняя позиция Советов в северной части Черного моря. Отступающей Красной Армии бегут во внутри Крымского полуострова.

Бумажные стратеги в Лондоне, Москве и Нью-Йорке еще не заняли определенной позиции по отношению к этому жестокому делу нх факту. Они еще еще отпрянули от поражения при сообщении о взятии Харькова. Кое 29 октября директор лондонского радио хвастливо заявлял, что не может быть в речи о взятии Харькова немцами. В течение ночи настроение в Лондоне стало несколько pessimistичнее, и пришлось сказать, что положение у Харькова начинает быть критическим для советского союзника». 30 октября в 3 часа утра москве-

не противобоевые русские армии, чтобы таким образом пригнудить русского паря к заключению мира. Русские выставили против Наполеона две армии под командованием генерала Кутузова. Первой задачей было разгромить эти действующие совместно армии. Дело дошло до любовной битвы у Вязьмы и Белозерка. Когда русские увидели, что военное счастье не улыбается им, они отступили. Доверия своим первоначальным успехам, Наполеон следовал за ними. Но вскоре выяснилось, что наступила противоположность тому, чего хотел добиться Наполеон. Он был заманен далеко вглубь вражеской страны, причем ему не удалось нанести противнику решающего удара. Он пошел дальше на Москву.

И тогда сказались пороки признаки слабости его войска. Снабжение с каждым днем становилось хуже. Моральное состояние солдат упало. А на ро-

“Клинцовская газета”, издававшаяся оккупационными властями в 1941 г. в г. Клинцы

Клинцы стали центром крупного оккупационного округа, куда входили Трубчевск, Почеп, Красная Гора, Сураж и др. Бургомистром этого округа был назначен М. Сиротин.

Оккупанты делали своё чёрное дело по уничтожению советских военнопленных и евреев, по беспощадному подавлению сопротивления, но внешне жизнь в оккупированных Клинцах протекала спокойно. Наибольший урон городу был нанесён немецкими минёрами и факельщиками при отступлении в 1943 г., а также крупными налётами советской авиации 17 марта и 21 июня 1943 г. (старые клинчане были уверены, что главной целью этих налётов было скрыть следы трусливого бегства совпартработников, оставивших врагу целый город). Оккупанты и их помощники вернули дореволюционные названия улиц, восстановили начальные школы, работу библиотек, театра и кинотеатра, уже с 16.09.41 г. устроили постоянно действующие большие курсы немецкого языка, разрешили богослужение и т. п. В городе отмечалось 1 Мая, а 6 июня 1943 г. в горпарке был устроен митинг в честь дня рождения А.С. Пушкина. (По воспоминаниям И.М. Посканного бунт Пушкина установлен там именно оккупантами в 1942 году). Возобновлена была и местная печать.

Директором клинцовского издательства был назначен И.К. Кравцов, главным редактором окружной газеты «Neue Weg — Новый

путь» – Г.Б. Тер-Маркариан, оба приезжие. Нашлись помощники и из клинчан, кто под конвоем, как бывший ответсекретарь «Труда» И. Забрамный, которого приводили из гетто, а кто и добровольно. «Новый путь» выходил два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям, тиражом (если верить выходным данным) 37000 экз. Это была четырёхполосная газета формата «Правды» с ясной, чистой печатью, но с редкими иллюстрациями (готовые клише, в т. ч. заимствования из белоэмигрантских журналов 1930-х годов). Стоимость одного номера – 50 коп. В 1942 г. в той же редакции нерегулярно выходила вторая газета – «Женский листок», две полосы формата «Правды». (Таким же был когда-то «Комсомольский Труд». Видимо, кто-то из клинцовских помощников оккупантов поделился воспоминаниями об этой газете с Тер-Маркарианом, т. е. ничего похожего в других оккупированных городах не отмечается). После нашей победы под Сталинградом «Новый путь» сжался до одного листа формата «Правды», сложенного пополам (нынешний формат «Труда»), и подорожал до 1 руб., а «Женский листок» прекратил существование. 19 августа 1943 года «Новый путь» поздравлял клинчан с двухлетием «нового пути» (т. е. оккупации), но по иронии судьбы это оказался его последний номер.

В результате блестяще проведённой генералом М.М. Поповым операции на северном фланге руководимого им Брянского фронта в начале сентября 1943 г. Красная Армия вышла на оперативный простор и стремительно преследовала противника, откатывавшегося на укреплённый рубеж реки Сож. 25 сентября были заняты Клинцы, 28 сентября – последний райцентр Орловской области Красная Гора, а 1 октября – последние сёла Красногорского района Колюды и Перелазы. (Учитывая даты этих реальных событий, удивляешься, что Брянск празднует дату отхода немцев из излучины Десны 17 сентября под названием «*День освобождения Брянщины*». Видимо, и нынешний официальный Брянск не считает Стародубье Брянщиной). Орловщина была освобождена, и, хотя фронт надолго стабилизировался в лесах восточной Белоруссии, в Клинцах начала налаживаться мирная жизнь. (Кстати, день рождения А.С. Пушкина в 1944 г. в Клинцах не отмечали).

По данным Всесоюзной книжной палаты, 23 октября опять вышла газета «Труд» с очередным номером № 3 и валовым 7200. От последнего довоенного выпуска его отделяли 532 номера – два года работы (в 1938-1940 гг. выходило по 289-299 номеров «Труда» в год). Но ведь эти два года – это, как раз, два года оккупации Клинцов! Можно предположить, что валовый номер выставлен ошибочно, но тогда порядковому № 1 соответствовал валовый № 7198. С такого не круглого условного номера обычно не начинают. Так как освобождённого партизанского края в Клинцах не было, приходится предположить, что клинцовская газета выходила... при окку-

пантах. Если для других районных центров Брянщины в справочниках Книжной палаты под 1942 годом стоит «не выход.», то для Клинцов — «св. нет», т. е. их составители допускали мысль что могла и выходить. Случай уникальный!

Загадали эту загадку библиографам И.М. Посканный и А.Н. Адамович. Иван Митрофанович Посканный (первоначально его звали Иван Ефимович Лукьяненко) — пасынок совработника М.П. Посканного из Поповогорской волости. По семейным обстоятельствам он стал беспризорником, скитался по Украине, был отловлен в Киеве и привезён в Клинцы. Здесь он закончил семилетку, работал на фабриках и начинал учиться в техникумах. В 1935 г. Посканный сдал экзамены за среднюю школу, поступил и в 1939 г. окончил факультет русского языка и литературы Смоленского пединститута и вернулся преподавать в Клинцы. Его страстью были стихи, которые он начал писать ещё в годы скитаний. Как ученик электромонтёра, в 1930 г. он был принят в КАПП и стал широко известен в массовом литературном движении Западной области. По его словам, Посканный самостоятельно редактировал многотиражку фабрики им. Дзержинского «Шпагатина», так как её редактор не горел работой и перевалил её на Посканного. Иван Посканный публиковал стихи и рассказы в смоленских журналах и газетах, представлял клинцовское литобъединение на областных съездах.

Любовь к печатному слову, к газете сыграла с Посканным злую шутку. Оставшись в оккупированных Клинцах, он по призыву немецкой комендатуры к населению явиться на места прежней работы, пошёл не в школу, где числился преподавателем, а оказался в редакции окружной газеты «Neue Weg — Новый путь», якобы потому, что перед приходом немцев несколько дней помогал корректировать «Труд» взамен мобилизованного штатного корректора. СМЕРШ и затем КГБ не нашли потом в его действиях поступков, заслуживающих уголовного наказания, но иначе думали окружающие. Ивану Митрофановичу пришлось удалиться из Клинцов в село [21]. Всё бы забылось, но он сделал записной патриотизм своей «второй профессией», поучая встречного и поперечного, «как Родину любить», что постоянно напоминало о службе учителя у немецко-фашистских оккупантов. Впрочем, это уже о Посканном, а не о «Труде».

Перед освобождением Посканный находился в Красногорском районе, на родине матери. В начале октября 1943 г. он снова в Клинцах и снова на ул. Дзержинского, д. 5 в так хорошо знакомой ему типографии. Там он лично выпускает газету, но, разумеется, не «Neue Weg», а «Труд» № 1 и 2. В это же время в город приехал присланный Орловским обкомом ВКП(б) редактор А.Н. Адамович. Обнаружив, что в Клинцах объявился самозванный редактор,

Адамович расположился не в типографии, а на ул. Карла Либкнехта, д. 36 (т. е. на нынешней Октябрьской), добился отстранения Посканного и занялся выпуском газеты «Труд». Ему пришлось учесть выпущенные Посканным два номера, и 23.10.43 г. он начал с № 3, а валовый выставил № 7200. Цифра, вероятно, была взята им «с потолка», так как ни прежних работников редакции, ни подшивок довоенного «Труда» в городе не оказалось. Видимо, Адамович не контактировал и с Посканным, который мог бы подсказать более правильный номер. Вот так получилось, что первый выпуск газеты якобы имел «не круглый» валовый номер 7198, что имитировало подлинность счёта, непрерывность учёта номеров, которые могли выйти только в 1942 году.

Вот так объясняется загадка, которую Книжная палата обозначила «*св. нет*». Хотя И.М. Посканный и был звеном, непосредственно связующим довоенный и послевоенный «Труд» через фашистский «Новый путь», выходивший в той же типографии, в счёт номеров «Труда» оккупационная газета, конечно же, не включена. Вышло всего 187 выпусков «Нового пути», а разрыв в валовых номерах «Труда» составил 532 выпуска, что подчёркивает случайность номера, принятого Адамовичем.

С № 12 (9 декабря 1943 г.) редакция переезжает на Верхнюю Бобылку, д. 15 (переулок Богунского полка) — традиционное, с 1915 года, место клинцовской прессы, где она находится и сегодня. «Труд» военных лет — двухполосный листок формата А3 тиражом 3000 экз. Выходил он три раза в неделю. Цена отдельного номера — 20 коп. Адамович был очень невнимателен. Выставив в октябре 1943 г. на плашке «25-й год издания» (т. е. от «Трудовой коммуны», опять же, *включая годы оккупации*), он не сменил эту надпись и в декабре 1944 г. И ещё: выпуск 94-й от 9 сентября 1944 г. имеет валовый № 7309, а следующий, 95-й, от 12 сентября, — № 7400. Это вам не тщательные подсчёты Я. Ардашникова — Адамович в два присеста добавил «Труду» 623 выпуска. Не случайно в справочниках Книжной палаты в описании этой газеты есть помета: «*В нумерации имеются ошибки*».

23

5 июля 1944 г. Президиум ВС СССР образовал из состава довоенной Орловской области Брянскую область. Она отвечала территории бывшей «декабрьской» Брянской губернии за вычетом б. Жиздринского уезда, вернувшегося в Калужскую область. Пока длилось восстановление клинцовской промышленности, направлявшаяся напрямую из Москвы (из Правительства РСФСР), особенности брянского управления не очень ощущались. Правда, Брянск и в тот период сумел ликвидировать Клинцовский профессиональный драмтеатр, существовавший в городе с 1880-х годов. В 1954 г.

званием «Ленинец». Наступившая хрущёвская эпоха запомнилась населению сближением пола с потолком, объединением унитаза с ванной в «хрущёвках» и разобщением обкомов — на городские и сельские. Но в то же время городские и сельские местные газеты были объединены, что показывает, как властители наших дум и судеб выдумывали себе занятия, лишь бы не остаться без дела. То, что редактор «Труда» Исаак Поляков умел отлично делать ещё в 1922 году, наконец-то, три десятка лет спустя, додумались сделать и власти. 29 марта 1956 года вышел последний (1137-й) выпуск «Коммуны». Она вошла в состав «Труда», который стал четырёхполосной *объединённой* газетой, выходящей четыре раза в неделю. Затем была отменена обязательная публикация рассылаемых в редакции материалов по СССР и миру, но появилась обязательная публикация телепрограмм. С годами газета всё скучнела, замыкалась на местных небольших событиях.

По инициативе Книжной палаты был наведён порядок в счёте номеров газет. Считать рекомендовалось от первой советской газеты, т. е. от «Известий Клинцовского райсовета», первый номер которых вышел 27 июня (10 июля) 1917 г. Клинчане не стали, подобно брянцам, мелочиться и играть с переводом на новый стиль, и выставили: *Основана в июле 1917 года*. Кто хочет, может считать, что 31 июля — тоже «в июле». И с этой датировкой «Труд» был старейшей газетой области, только никто на это в области не смотрел, публикуя различные байки о «Труде».

Ещё 24 февраля 1946 г. в редакции «Труда» вновь собралась клинцовская литературная группа — первая из возрождённых на территории области после войны. Была возобновлена «Литературная страница». Эпоха малограмотных ударников отошла в прошлое. Всё больше приходило в редакцию людей со средним, а потом и с высшим образованием. Плодотворно работали А. Церковский, И. Посканный (автор девяти книг стихов и прозы), М. Чёрный (редактор «Труда», прозаик, автор полутора десятков книг и буклетов), П. Кулешов (врач, автор нескольких книг стихов и прозы), И. Кислик (сатирик, автор двух книг), П. Саворенко (прозаик, художник, автор книги рассказов), В. Чигиринов (прозаик, краевед), М. Леонов, А. Гутников, А. Жарин (журналист, поэт), А. Середа (поэт), Н. Кунянский и др. Большую роль в развитии литературного движения в городе сыграли молодые поэты, впоследствии члены Союза писателей, авторы многочисленных сборников и редакторы газет Брянщины Михаил Атаманенко, Александр Мехедов, Владимир Селезнёв. В. Селезнёв редактирует клинцовский «Труд» с 1994 г. и ведёт «Литературную гостиную «Труда», заменившую прежние литературные страницы.

Не потерялись и бывшие журналисты «Труда». Е.Н. Соколов уехал из Брянска и редактировал крупную газету на Урале, А.

КЛИНЦОВСКАЯ
ОБЪЕДИНЕННАЯ
ГАЗЕТА
БРЯНСКОЙ
ОБЛАСТИ

Труд

Основана
в июле 1917 года
Выходит по
вторникам,
четвергам
и субботам

№ 84 (18 227)	ЧЕТВЕРГ, 13 ИЮЛЯ 1995 ГОДА	Цена свободная
---------------	----------------------------	----------------

КЛИНЦОВСКАЯ
ОБЪЕДИНЕННАЯ ГАЗЕТА

Труд

Основана
14 июля 1915 года*
Выходит по
вторникам,
четвергам
и субботам

№ 83 (18 227)	СУББОТА, 15 ИЮЛЯ 1995 ГОДА	Цена свободная
---------------	----------------------------	----------------

КЛИНЦОВСКАЯ
ОБЪЕДИНЕННАЯ ГАЗЕТА

Труд

Основана 14 июля 1915 года	Выходит по вторникам, четвергам и субботам	
№ 152 (18 923)	ВТОРНИК, 23 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА	Цена свободная

1995 г. Возвращение к истокам:
“Труд” – КЛИНЦОВСКАЯ ГАЗЕТА

	КЛИНЦОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ ГАЗЕТА	Труд	
Основана 14 июля 1915 года	Выходит по вторникам, четвергам и субботам		
№ 42 (19 750)	ЧЕТВЕРГ, 3 АПРЕЛЯ 2003 ГОДА	Цена свободная	

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ МИНУВШЕГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

30 марта проходили дополнительные выборы в городской Совет народных депутатов по избирательным округам №89, 4 и 11.

Во вторник утром из 1835 избирателей приняло участие в голосовании 558 человек, или 30,43% от общего количества избирателей. Выборы проводились с использованием системы избывания. Выборы проводились в 30 человек, или 14,37%, за Макарова Виктора Николаевича — 61 человек, или 11,17%, за Бончу Дмитрия Александровича — 50 человек, или 10,36% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании.

По результатам первого избирательного тура из 1928 человек приняло участие в голосовании 622, или 32,18% от общего числа избирателей. Выборы проводились в 30 человек, или 14,37%, за Макарова Виктора Николаевича — 61 человек, или 11,17%, за Бончу Дмитрия Александровича — 50 человек, или 10,36% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании.

“Труд” в начале третьего тысячелетия

кая газета явно вышла из «Клинцовской газеты»[18]. Поделился своими соображениями с редакцией, и она учла их при перерегистрации газеты. 14 июля 1995 года «Труд» вышел со стилизованным под шрифт газеты Харитонов-Лыкова подзаголовком «Клинцовская газета», пометкой «Основана 14 июля 1915 года» и шапкой: «Сегодня нашей газете исполняется 80 лет!». Историческая

справедливость вострожеловала. А вскоре в заголовке газеты появились гербы города и района.

В третье тысячелетие клинцовский «Труд» перешагнул как старейшая газета области со сложнейшей и интереснейшей судьбой, в которой причудливо переплелись власть, непрерывные административные преобразования, местнические амбиции и личные инициативы энтузиастов.

Литература

1. Административно-территориальное деление Брянского края за 1916-1985 годы. Тула, 1989, т. 2, с. 326.
2. Бурштын Б. Четыре года: Воспоминания о литературной жизни Смоленска. 1921-1925 гг. / «Наступление», 1935, № 4-5, 7, 9.
3. Верховский Т.А. Записки о его жизни, составленные им самим. СПб., 1877, ч. 1, с. 1096.
4. Выходцев П.С. О современном письменном народном творчестве / «Сов. Россия», 17.03.1968.
5. Евгеньев Ф.К. Сто лет клинцовской шерстяной промышленности. Клинцы, 1926, с. 165.
6. Исайчиков Ф.С. По старому Брянску с почтовой открыткой. Брянск, 1996, с. 97.
7. История партийной организации Брянщины (в иллюстрациях). Тула, 1972, с. 168.
8. Красная печать. М., 1923, № 2-3, с. 6.
9. На земле Пересвета. М., 1984, с. 461.
10. Наступление: Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. Смоленск, 1930-1936.
11. Наша родная Брянщина: Учебное пособие, в 2-х ч. Тула, 1973.
12. О чём поёт народ Отчизны: Современное русское письменное народное творчество (собрал и подготовил к печати И.И. Доронин). М., 1968, с. 718.
13. Парыгин В.П. Союз литераторов Брянщины – преемник литературных традиций края / «Десна», 1994, № 1, с. 63-66.
14. Парыгин В.П. Реабилитирован посмертно (1920-1930 гг.) Брянск, 1994, с. 431 («Брянщина литературная»).
15. Петров Б.М. Клинцовские «американцы» / «Труд», 1998, № 84.
16. Петров Б.М. «Весна» и лето: К 75-летию клинцовского литобъединения «Наша весна» / «Труд», 1997, № 146-148, 152, 156; 1998, № 12.
17. Петров Б.М. Терпенье и «Труд» всё перетрут: Клинцам – 290 лет / «Труд», 1997, № 84, 85.
18. Петров Б.М. Страницы истории рассказывают: Клинцовской газете 80 лет / «Труд», 1995, № 84, 85.
19. Петров Б.М. Так это было (Исторический экскурс) / «Труд», 1994, № 63.
20. Полозов И. Откуда есть и пошло радиовещание Брянщины / «Политический собеседник». Брянск, 1990, № 7.

21. Посканный И.М. Автобиография. В его кн.: Сказание о Василии Клинцове. Росинки. Брянск, 1994, с. 80-91.

22. Родники народные: Современное русское письменное народное творчество (собрал и подготовил к печати И.И. Доронин). М., 1973, с. 716.

23. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1998, с. 640.

24. Сысоев С.С. Очерки культурного строительства на Брянщине. Тула, 1970, с. 204.

25. Черный М.П. Клинцы и клинчане. Брянск, 1994, с. 230.

Также использованы: каталоги отдела газет РГБ (Москва) и РНБ (СПб), комплекты клинцовских газет «Клинцовская газета», «Известия», «Бюллетень», «Трудовая коммуна», «Зарево», «Труд», «Комсомольский «Труд», «Коммуна», газет оккупационных властей «Новый путь» и «Женский листок», других газет территории Брянщины за разные годы, клинцовских журналов «За десять лет» и «Экран «Труда», комплекты смоленских журналов 1930-х годов «Наступление», «Западная область», «Учитель и школа», «На культурном посту» и других из коллекции РГБ, библиографические справочники «Газеты дореволюционной России», в 5 чч. (М., 1986), «Газеты первых лет Советской власти», в 4 чч. (М., 1990), «Газеты СССР. 1917-1960», в 5 тт. (М., 1970), «Комсомольская печать за годы Советской власти» (М., 1988), «Малотиражные газеты СССР» (М., 1985) и другие справочные издания.

Оглавление

К читателю	3
«200-летие посада Клинцов 1707–1907 гг.» – доклад Городского Головы В. А. Федотова, заслушанный в заседании Клинцовской Городской Думы 22 марта 1907 года	5
О происхождении топонима «Клинцы». <i>Р. И. Перекрестов</i> ...	15
Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII века. <i>Р. И. Перекрестов</i>	20
К вопросу о законном или самовольном заселении слободы Клинцы. <i>Р. И. Перекрестов</i>	28
«Опись на Государя» жителей старообрядческих слобод Малороссии в 1715 году, обстоятельства и причины. <i>Р. И. Перекрестов</i>	35
Дело о переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод 1729 года	51
Перепись обывателей слободы Клинцы 1729 года.	58
Структура переселенческих потоков из России и Польши в старообрядческие слободы Малороссии в конце XVII – начале XVIII веков по материалам переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод 1729 года. <i>Р. И. Перекрестов</i>	70
Письма старообрядческого епископа Конона. <i>Р. И. Перекрестов</i>	155
Записки Головы города Клинцы Н. В. Филатова	163
Краевед П. М. Храмченко (Слово о друге и учителе). <i>Р. И. Перекрестов</i>	177
Мои Клинцы. <i>П. М. Храмченко, Р. И. Перекрестов</i>	183
Документы об освобождении города Клинцы от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. <i>Н. Я. Геец</i>	412
Паспорт Емельяна Пугачева	419
Был ли Емельян Пугачев в старообрядческом Климовском монастыре? <i>А. И. Поддубный</i>	420
К биографии основателя «Клинцовской газеты» М.Д. Лыкова. <i>Р. И. Перекрестов</i>	433
Из истории Клинцовской газеты “Труд”. <i>Б. М. Петров</i>	437

Авторы сборника:

Перекрестов Ромуальд Игоревич, 1947 г.р., в 1963 году окончил Клинцовскую 4-ю среднюю школу, в 1969 году – Харьковский медицинский институт, полковник медицинской службы, работает врачом в центральном госпитале Космических войск. Автор ряда публикаций по специальности, по краеведению и по истории старообрядчества Стародубья. Живет в городе Одинцово Московской области.

Петров Борис Михайлович, 1938 г.р., в 1955 году окончил Клинцовскую 1-ю среднюю школу, в 1961 году – Московский геологоразведочный институт, работает в Федеральном научно-производственном предприятии. Автор 60 научных работ по геологии, опубликовал около 150 статей по литературоведению и краеведению. Почетный гражданин города Клинцы. Живет в Москве.

Гец Николай Яковлевич, родился в 1955 году в Ичнянском районе Черниговской области, в 1990 году окончил Брянский педагогический университет. Работает директором краеведческого музея в г. Дубровка Брянской области. Автор ряда публикаций по краеведению.

Поддубный Анатолий Ильич, родился в 1940 году в поселке Карховка Новозыбковского района Брянской области, получил высшее военное образование. После увольнения из армии живет в поселке Вышков Брянской области. Автор книги «Злынковская земля сквозь дымку времени» (2000) и многочисленных газетных публикаций по краеведению.

Кублицкий Александр Георгиевич, родился в 1937 году в г. Новозыбкове, в 1976 году окончил Новозыбковский педагогический институт. В 2001 году выпустил книгу «Род един – общее будущее», в соавторстве с Ю.В. Анисыным опубликовал книги: «Три натиска бури» (1991), «Мария» (1995).

Помощь в издании книги оказали:

Бондаренко Александр Андреевич, родился в г. Клинцы в 1974 году, окончил 7-ю среднюю школу в 1991 году, Брянскую сельскохозяйственную академию в 1998 году. Советник президента торгово-промышленной палаты в городе Клинцы.

Долгов Александр Васильевич, 1949 года рождения. Окончил Клинцовский текстильный техникум в 1969 году, служил в армии, окончил экономический факультет Гомельского государственного университета в 1982 году. Глава администрации города Клинцы.

Жмурич Василий Андреевич, родился в городе Сураже в 1938 году, окончил Клинцовскую среднюю школу № 1 в 1954 году, Клинцовский текстильный техникум – в 1958 году, Ленинградский текстильный институт им. С.М. Кирова в 1966 году. С 1966 по 1990 год работал главным инженером, а затем директором Клинцовского завода текстильного машиностроения. Живет в Клинцах.

Литвяков Виктор Иванович, родился в г. Клинцы в 1956 году, окончил среднюю школу № 1, ПТУ, служил срочную службу в военно-морском флоте, в 1984 году окончил Московский инженерно-строительный институт. Живет в Москве.

Нижникова Евлалия Ивановна, 1920 года рождения, работала детским врачом в г. Клинцы с 1953 по 1969 год. (Мать Р. И. Перекрестова).

Перекрестова Анна Георгиевна, родилась в г. Клинцы, в 1961 году окончила среднюю школу № 4, в 1976 году – Ленинградский медицинский институт. Живет в г. Одинцово Московской области.

Савчено Николай Дмитриевич, 1957 года рождения. Окончил среднюю школу в с. Великая Топаль, служил в военно-морском флоте с 1975 по 1978 год. Окончил юридический факультет МГУ в 1984 году. Живет в Москве, занимается бизнесом.

Ромуальд Игоревич Перекрестов

КЛИНЦОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Издание второе, исправленное и дополненное

Редакция и корректура автора

Издательство ГУП «Клинцовская городская типография».

ИД № 00838 от 25.01.2000 г.
ISBN 978-5-88898-340-9

Подписано в печать 10.06.2007 г. Формат 60x84^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 28,8. Тираж 1000.
Заказ № 832.

Отпечатано в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы, пер. Богунского полка, 4а.
Тел. (48336) 4-24-56, 4-04-18, 4-35-89.